

NIION 2003-0059
MOSURED 77/27-003

ISSN 2073-0454 (Print)
ISSN 2782-5698 (Online)

ВЕСТНИК

Московского университета МВД России

Рекомендован Перечнем ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

7

2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,

доктор юридических наук, профессор, почетный работник образования РК (Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

В. И. Елинский,

доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,

доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,

кандидат социологических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов

доктор юридических наук, профессор

И. А. Калининченко,

кандидат педагогических наук

О. Г. Карпович,

доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Л. Кубышко,

заместитель Министра внутренних дел РФ, кандидат педагогических наук

С. С. Майлян,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,

кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Румянцев,

доктор юридических наук

Д. Субошич,

кандидат юридических наук, профессор (Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,

кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования

E. N. Begaliev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the RK (Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

V. I. Elinskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher School of Russia

O. V. Ziborov

Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,

Candidate of Pedagogical Sciences

O. G. Karpovich,

Doctor of Legal Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia

V. L. Kubyshko,

Deputy Minister of Internal Affairs of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Rumyantsev,

Doctor of Legal Sciences

D. Subošić,

PhD, Professor (Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsypkin,

Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia, Honored Lawyer of Russia, Judge of the Constitutional Court of Russia (Retired)

N. D. Eriashvili,

Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Science and Technology, Winner of an Award of the Government of Russia in the field of Education

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

С. А. Боголюбов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

М. М. Дикажев,
доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,
доктор юридических наук, профессор

Л. Г. Ефимова,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор, почетный
работник высшего профессионального образования РФ

Р. А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

И. Б. Кардашова,
доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,
Doctor of Legal Sciences, Professor

L. G. Efimova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

O. Yu. Ilyina,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. G. Kadnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia

I. B. Kardashova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

А. И. Клименко,

доктор юридических наук, профессор

Н. А. Колоколов,

доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

А. Н. Кузбагаров,

доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

С. Я. Лебедев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,

доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,

доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,

кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,

доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,

доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавелюк,

доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,

доктор юридических наук, профессор

А. С. Прудников,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,

доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,

доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,

доктор юридических наук, доцент

A. I. Klimenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. A. Kolokolov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (Resigned)

M. V. Kostennikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Scientist of Russia

S. Ya. Lebedev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer
of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,

Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. S. Prudnikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Бульга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрещенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

В. Б. Мантусов,

доктор экономических наук, профессор

В. С. Осипов,

доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,

доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,

доктор экономических наук, профессор, заслуженный
экономист РФ, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Цхададзе,

доктор экономических наук, профессор

V. B. Mantusov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

V. S. Osipov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,

Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored
Economist of Russia, Honored Scientist of Russia

N. V. Tskhadadze,

Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,

доктор психологических наук, профессор

И. В. Грошев,

доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Енгальчев,

доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,

доктор психологических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ
им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова

В. М. Крук,

доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,

доктор психологических наук, профессор

И. Б. Лебедев,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Ситников,

доктор психологических наук, профессор

А. Н. Сухов,

доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,

доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,

доктор психологических наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,

Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

V. F. Engalychev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Laureate of the State Prize of Russia
named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov

V. M. Kruk,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. B. Lebedev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Sitnikov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. N. Sukhov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,

доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,

доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,

доктор политических наук, профессор,
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,

доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,

доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,

Doctor of Political Science, Professor,
Honorary Employee of the FMS of Russia

A. L. Zolkin,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии
Правительства РФ
в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Редактор
М. А. Вяхирева

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
О. А. Головлева

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации № 77-14723

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» — 84629

Подписано в печать 26.12.2023
Цена договорная

Адрес редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 628-57-16
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 7 • 2023

**КАЛИНИЧЕНКО И. А., ЗИБОРОВ О. В., ГАСАНОВ К. К.,
АРТАМОНОВ Ю. А., САВИЦКИЙ В. Ю.** Содержание
воспитательного процесса в контексте реализации образовательных
программ высшего образования. Часть 5. Социокультурное
пространство образовательного процесса Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя. Внешний контур 12

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

АБДРАХМАНОВ А. И., НИКИТИН А. Н., ЯЦКОВА А. П.
Предварительное следствие в первой половине XIX в.:
историко-правовой аспект 19
АНИСИМОВА Н. В., УХАНОВА Н. В., АЛИМАМЕДОВ Э. Н.
Назначение судебных экспертиз в ходе предварительного следствия ... 24
АНОХИН С. А., ПОЛЕЖАЕВА О. Г. Гражданско-правовые понятия
«земля» и «земельные участки» в Российской Федерации 29
АСТАШКИНА А. В., КОМЗЛОВ А. И. Компенсация морального
вреда в добровольном порядке: особенности
и перспективы применения 32
БАДАМШИН С. К. Некоторые аспекты объективной стороны
преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ
«Террористический акт» 37
БАСТРЫКИН А. И. Вопросы совершенствования уголовно-
процессуального законодательства в современных условиях 41
БЕЛЯЕВА Ю. Л. Перспективы цифрового рубля как инструмента
противодействия легализации преступных доходов
(китайский опыт) 46
БЕССОНОВ А. А. Вопросы расследования преступлений прошлых лет
в трудах Владимира Петровича Лаврова и современной практике ... 54
БОРБАТ А. В. Квалификация террористического акта и его отличие
от приведения в негодность объектов жизнеобеспечения 59
БОРИСОВ А. В. Генезис криминологической теории о транспортной
безопасности 62
БОЧАРОВ С. Н., ПОПУГАЕВ Ю. И. К вопросу об административно-
правовом обеспечении реализации техноэкономических проектов ... 66
ГАНДИЛОВ Т. М. Некоторые проблемы предпринимательской
деятельности в современных условиях 69
ГРЕБЕНЩИКОВА И. В. Право в Древнерусском государстве 74
ГРИГОРЯН Д. К. Взаимодействие следственных и оперативных
подразделений при раскрытии и расследовании
элитарных преступлений 81
ДМИТРЕНКО А. П., АЛФЕРЕНКО Е. А. Предмет незаконных
производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной
и спиртосодержащей продукции 85

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

Заказ № 56

Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

ЕРИФА Е. Н. Генезис изменения роли сотрудничества государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в правоохранительной сфере	89
ЕСИНА А. С., МАКЕЕВА Н. В., АРТЕМОВА В. В. Применение дознавателем меры процессуального принуждения в виде денежного взыскания	95
ЗИБОРОВ О. В., АВЕТИСЯН К. Р. Комплексный подход при противоборстве организации массовых беспорядков	100
ИЛЬНИЦКИЙ А. С. Технологии искусственного интеллекта в криминологической науке и предупреждении преступлений	105
КИКОТЬ-ГЛУХОДЕДОВА Т. В., ЗАЙЦЕВА Я. А. Прием в гражданство как один из способов приобретения гражданства Российской Федерации	112
КУЛИК О. В., ЗЫКОВА С. В., МАМОНТОВ А. Г. Особенности проявления связи безусловного и условного в сфере правоприменения	116
ЛАБИН М. Д., САУДАХАНОВ М. В. Решения судов по аналогии в контексте теории разделения властей	122
ЛАНОВАЯ Г. М. Определение понятия «беженец» в Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 г. и в Картахенской декларации о беженцах 1984 г.: особенности интерпретации и применения	128
МАЙЛИС Н. П. О компетенции судебного эксперта в современных условиях научно-технического прогресса	133
МАТИЕНКО Т. Л., МАЛЫГИН А. Я. «У меня столько полицеймейстеров, сколько помещиков в государстве»: от полицейских функций местного дворянства к созданию земской полиции в условиях крепостнической России	137
НАМЫСОВ Е. Д. Актуальные вопросы борьбы с киберпреступностью	144
ОЗОВ А. А. Зарубежный опыт регулирования административной ответственности за нарушение законодательства в сфере высшего образования	149
ОЛЬШЕВСКАЯ А. В., ПОПОВИЧ О. М. Нормативно-правовые и правоприменительные проблемы стадии возбуждения дел об административных правонарушениях, посягающих на основы свободной конкуренции	156
ОСИПОВ В. С. Модели механизмов государства: институциональный и историко-правовой анализ	161
ПАВЛИКОВ С. Г., СЫЧЕВ А. Ю. Общеправовые и специальные принципы несостоятельности (банкротства) юридических лиц: нормативное закрепление, сущность и значение	166
ПЕТРАКОВ Н. А. Правовой режим утилитарных цифровых прав как способ регулирования правоотношений в сфере краудфандинга ...	171
ПИХОВ А. Х.-А., ЧИНЕНОВ А. В. Особенности предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 195 УК РФ. Правовой аспект ...	176
ПУЗЫРЕВА Ю. В. Перспективы развития международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в современных вооруженных конфликтах в контексте международного миротворчества	182
РАКОВ К. А. Характеристика регулирующей роли государства в формировании правопорядка (на примере Европейского Союза) ...	188
САФОНОВ Г. И., ДУБРОВИН С. В. Актуальные аспекты тактики осмотра места дорожно-транспортного происшествия в современных условиях	194
СТЕПАНЧЕНКО А. А. Обеспечение верховенства права в постконфликтных государствах	200

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

ТРЕГУБОВ И. С. К вопросу о мерах процессуального принуждения, направленных на получение доказательств по делам об административных правонарушениях	207
ХАДИСОВ Г. Х., ВАСИЛЕНКО Г. Н. Актуальные проблемы противодействия правонарушениям экстремистской направленности . . .	212
ШАРОВ Д. В. К вопросу о соотношении интереса и права	217
ЯТКЕВИЧ О. Г., ХАЗОВ Е. Н., МАИЛЯН С. С. Обеспечение конституционных прав человека правоохранительными органами в странах Европы и допустимые пределы их ограничений	221

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Региональная и отраслевая экономика
Финансы*

ГАГИНА И. С. Взаимосвязь структуры земельного фонда макрорегионов с их экономическими специализациями в рамках реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации	227
ИВАНОВ А. В. Особенности защиты от угроз социальной инженерии	237
КОЛЕСНИКОВА Е. Н. Аудит операций с электронными денежными средствами	242
ЛАЗАРОВА Л. Б., КОКОЕВ Э. Р. Экономический кризис и тенденции развития в политике управления государственным внутренним долгом в России	249
МИНАКОВ А. В., ЭРИАШВИЛИ Н. Д. Проблемы обеспечения региональной экономики квалифицированными кадрами	256
ШМАНЕВ С. В., ШМАНЕВА Л. В. Новый подход к анализу и прогнозу уровня экономической безопасности страны	267

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

АГАПОВ В. С., СЕКАЧ М. Ф., КУЛЕШОВА Л. Н. Психологические предикторы увлеченности студентов компьютерными играми	274
БАТИЩЕВ В. Н., СУДАРИК А. Н. Проблема оценки профессиональной предрасположенности сотрудников к основным видам служебной деятельности в МВД России	280
ЗАЙЦЕВ Р. Б., ТИХОМИРОВ С. Н. К вопросу о педагогическом сопровождении профессионально-личностного становления сотрудников специального полка полиции на этапе получения первого квалификационного звания	285
КОСТИНА Л. Н., ГОНЧАР В. В. Необходимость применения комплексного подхода в противодействии телефонному мошенничеству	289
СЕКАЧ М. Ф., КУЛЕШОВА Л. Н. Ресурсы совладания со стрессом студентов — будущих менеджеров	296
УСАЧЕВА И. В., СИВоронова М. С. Применение служебного теста САТ в целях эффективного решения задач адаптации и стимуляции обследуемого лица в рамках СПФИ с применением полиграфа	303

АРТЕМЬЕВ Н. В., ПОПУГАЕВ Ю. И. Наука «научения» исследовательской методологии и инструментам мышления (научный разбор двухтомного четвертого издания учебника «Методология научных исследований и прикладной аналитики»)	309

FOUNDER:

Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation in the
field of science and technics,
the Winner of the Award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical
Sciences, Professor, Honorary
Worker of Education of Russia*
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-chief
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Editor
M. A. Vyakhireva

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
O. A. Golovleva

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications
of the Russian Federation

The certificate of registration
№ 77-14723

Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» — 84629

It is sent for the press 26.12.2023
Contractual price

Editorial Staff address:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
Tel. 628-57-16
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Contents № 7 • 2023

**KALINICHENKO I. A., ZIBOROV O. V., GASANOV K. K.,
ARTAMONOV YU. A., SAVITSKY V. YU.** The content of the educational
process in the context of the implementation of educational programs
of higher education. Part 5. Sociocultural space of the educational process
of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot'. External contour 12

JURISPRUDENCE

Theoretical and historical legal sciences
Public law (state law) sciences
Private law (civilistic) sciences
Criminal law sciences
International law sciences

ABDRAKHMANOV A. I., NIKITIN A. N., YATSKOVA A. P.
Preliminary investigation in the first half of the 19th century:
historical and legal aspect 19
ANISIMOVA N. V., UKHANOVA N. V., ALIMAMEDOV E. N.
Appointment of forensic examinations during
the preliminary investigation 24
ANOKHIN S. A., POLEZHAEVA O. G. Civil law concepts of «land»
and «land plots» in the Russian Federation. 29
ASTASHKINA A. V., KOMZOLOV A. I. Compensation for moral
damage on a voluntary basis: features and prospects of application 32
BADAMSHIN S. K. Some aspects of the objective side of the crime
under Part 1 of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation
«Terrorism act» 37
BASTRYKIN A. I. Issues of improving criminal procedure legislation
in modern conditions 41
BELYAEVA YU. L. Prospects of the digital ruble as a tool to counteract
the legalization of criminal proceeds (Chinese experience) 46
BESSONOV A. A. Questions of investigating of past years' crimes
in the publications of Vladimir Petrovich Lavrov
and in the modern practice 54
BORBAT A. V. The qualification of a terrorist act and its difference
from the disrepair of life support facilities 59
BORISOV A. V. The genesis of the criminological theory
of transport security 62
BOCHAROV S. N., POPUGAEV YU. I. On the issue of administrative
and legal support for the implementation of techno-economic projects 66
GANDILOV T. M. Some problems of entrepreneurial activity
in modern conditions 69
GREBENSHCHIKOVA I. V. Law in the Old Russian state 74
GRIGORYAN D. K. Interaction of investigative and operational units
in the detection and investigation of elite crimes 81
DMITRENKO A. P., ALFERENOK E. A. The subject of illegal
production and (or) turnover of ethyl alcohol, alcoholic
and alcohol-containing products 85

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.

Offset printing

**Circulation 1500 copies
(1st batch — 300)**

Order № 56

**Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12**

ERIFA E. N. The genesis of the changing role of law enforcement cooperation among Collective Security Treaty Organization member states	89
ESINA A. S., MAKEEVA N. V., ARTEMOVA V. V. The use of a measure of procedural coercion by the investigator in the form of monetary punishment	95
ZIBOROV O. V., AVETISYAN K. R. An integrated approach to countering the organization of mass riots	100
ILNITSKY A. S. Artificial intelligence technologies in criminological science and crime prevention	105
KIKOT'-GLUKHODEDOVA T. V., ZAITSEVA YA. A. Admission to citizenship as one of the ways to acquire citizenship of the Russian Federation.	112
KULIK O. V., ZYKOVA S. V., MAMONTOV A. G. Features of the relationship of the unconditional and conditional in the field of law enforcement	116
LABIN M. D., SAUDAKHANOV M. V. Court decisions by analogy in the context of the theory of separation of powers	122
LANOVAYA G. M. Definition of the term «refugee» in the 1951 Refugee Convention and in the Cartagena Declaration on refugees of 1984: peculiarities of interpretation and application	128
MAYLIS N. P. On the competence of a forensic expert in modern conditions of scientific and technological progress	133
MATIENKO T. L., MALYGIN A. YA. «I have as many police officers as there are landlords in the state»: from the police functions of the local nobility to the creation of the zemstvo police in the conditions of serfdom Russia	137
NAMYSOV E. D. Topical issues of combating cybercrime	144
OZOV A. A. Foreign experience of regulation of administrative responsibility for violation of legislation in the field of higher education	149
OLSHEVSKAYA A. V., POPOVICH O. M. Normative legal and law enforcement problems of the stage of initiation of cases on administrative offenses encroaching on the foundations of free competition	156
OSIPOV V. S. Models of state mechanisms: institutional and historical legal analysis.	161
PAVLIKOV S. G., SYCHEV A. YU. General legal and special principles of insolvency (bankruptcy) of legal entities: regulatory consolidation, essence and significance	166
PETRAKOV N. A. Legal regime of utilitarian digital rights as a way to regulate legal relations in the field of crowdfunding	171
PIKHOV A. H.-A., CHINENOV A. V. Features of the prevention of crimes under Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation.	176
PUZYREVA YU. V. Prospects for the development of international legal regulation for the protection of cultural values in modern armed conflicts in the context of international peacekeeping	182
RAKOV K. A. Characteristics of the regulatory role of the state in the formation of the rule of law (using the example of the European Union)	188
SAFONOV G. I., DUBROVIN S. V. Current aspects of tactics of inspection of the scene of a traffic accident in modern conditions	194
STEPANCHENKO A. A. Ensuring the rule of law in post-conflict states.	200

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law-enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published.

Zip Code at the List
of the Agency «Ural-Press
Okrug» 84629,
or on the website Scientific
electronic library:
<http://elibrary.ru>

- TREGUBOV I. S.** On the issue of measures of procedural coercion aimed at obtaining evidence in cases on administrative offenses 207
- HADISOV G. H., VASILENKO G. N.** Actual problems of countering extremist offenses 212
- SHAROV D. V.** On the question of the relationship between interest and law 217
- YATKEVICH O. G., KHAZOV E. N., MAILYAN S. S.** Ensuring constitutional human rights by law enforcement agencies in European countries and the permissible limits of their restrictions 221

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economics
Finance

- GAGINA I. S.** Relationship of the structure of the land fund of macroregions with their economic specializations within the framework of implementing the Strategy of Spatial Development of the Russian Federation. 227
- IVANOV A. V.** Features of protection against threats of social engineering 237
- KOLESNIKOVA E. N.** Audit of electronic money transactions 242
- LAZAROVA L. B., KOKOEVA E. R.** Economic crisis and development trends in the policy of managing public internal debt in Russia 249
- MINAKOV A. V., ERIASHVILI N. D.** Problems of providing the regional economy with qualified personnel 256
- SHMANEV S. V., SHMANEVA L. V.** A new approach to analyzing and forecasting the level of economic security of the country 267

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

- AGAPOV V. S., SEKACH M. F., KULESHOVA L. N.** Psychological predictors of students' interest in computer games 274
- BATISHCHEV V. N., SUDARIK A. N.** The problem of assessing the professional psychological predisposition of employees to the main types of official activities in the Ministry of Internal Affairs of Russia 280
- ZAITSSEV R. B., TIKHOMIROV S. N.** On the issue of pedagogical support for the professional and personal development of employees of a special police regiment at the stage of obtaining the first qualification rank 285
- KOSTINA L. N., GONCHAR V. V.** The need for a comprehensive approach to countering telephone fraud 289
- SEKACH M. F., KULESHOVA L. N.** Resources of coping with stress of students — future managers 296
- USACHEVA I. V., SIVORONOVA M. S.** Application of the SAT service test for the purpose of effectively solving problems of adaptation and stimulation of the person being examined within the framework of the SPFI using a polygraph 303

- ARTEMYEV N. V., POPUGAEV YU. I.** The science of «teaching» research methodology and thinking tools (scientific analysis of the two-volume fourth edition of the textbook «Methodology of scientific research and applied analytics») 309

Научная статья

УДК 34:37.022:159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-12-18>

EDN: <https://elibrary.ru/eaopnx>

ИПОН: 2003-0059-7/23-885

MOSURED: 77/27-003-2023-07-084

Содержание воспитательного процесса в контексте реализации образовательных программ высшего образования.

Часть 5. Социокультурное пространство образовательного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Внешний контур

Игорь Александрович Калининченко¹, Олег Валентинович Зиборов², Карим Кадырович Гасанов³,
Юрий Александрович Артамонов⁴, Виталий Юрьевич Савицкий⁵

^{1,2,3,4,5} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, support_mosu@mvd.ru

Аннотация. Освещается актуальность и преимущества инновационных методик в воспитательной работе с курсантами и слушателями Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Понятие «социокультурная среда» раскрывается на основе существующей практики в рамках университетского пространства и во вне его. Внешне сотрудничество позволяет глубже проследить развитие отечественных органов внутренних дел; осознать ответственность и важность защиты правопорядка.

Ключевые слова: воспитательная работа, социокультурная среда, учебно-воспитательный процесс, нравственное воспитание, ценности, моральные нормы, профессиональный выбор, профессиональное развитие

Для цитирования: Калининченко И. А., Зиборов О. В., Гасанов К. К., Артамонов Ю. А., Савицкий В. Ю. Содержание воспитательного процесса в контексте реализации образовательных программ высшего образования. Часть 5. Социокультурное пространство образовательного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Внешний контур // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 12–18. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-12-18>. EDN: EAOPNX.

Original article

The content of the educational process in the context of the implementation of educational programs of higher education. Part 5. Sociocultural space of the educational process of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'. External contour

Igor A. Kalinichenko¹, Oleg V. Ziborov², Karim K. Gasanov³, Yury A. Artamonov⁴, Vitaly Yu. Savitsky⁵

^{1,2,3,4,5} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The relevance and advantages of innovative methods in educational work with cadets and students of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' are highlighted. The concept of «socio-cultural environment» is revealed on the basis of existing practice within the university space and outside it. Externally, cooperation allows us to trace the development of domestic internal affairs bodies more deeply; to realize the responsibility and importance of protecting law and order.

Keywords: educational work, socio-cultural environment, educational process, moral education, values, moral norms, professional choice, professional development

For citation: Kalinichenko I. A., Ziborov O. V., Gasanov K. K., Artamonov Yu. A., Savitsky V. Yu. The content of the educational process in the context of the implementation of educational programs of higher education. Part 5. Sociocultural space of the educational process of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'. External contour. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):12–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-12-18>. EDN: EAOPNX.

Учебный и воспитательный процессы, реализуемые в Университете, отнюдь не замыкаются во внутриуниверситетском социокультурном пространстве. Они выходят во вне, используя по максимуму возможности окружающего социокультурного пространства Москвы, столичного региона, да и всей нашей страны.

© Калининченко И. А., Зиборов О. В., Гасанов К. К., Артамонов Ю. А., Савицкий В. Ю., 2023

В первую очередь, в образовательной деятельности курсантов Университета достаточно активно используется социокультурное пространство ведомственных музеев Министерства внутренних дел Российской Федерации. Ведомственные музеи МВД «способствуют созданию условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, консолидации общества для решения задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, укрепления чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России, обеспечения преемственности поколений россиян, воспитания гражданина, любящего свою Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию» [1]. Первый полицейский музей в России был образован еще в 1900 г., при полицейском резерве Санкт-Петербургской полиции. При этом его музейная экспозиция использовалась не только для хранения экспонатов, но и для обучения поступивших на работу в полицию новых сотрудников. В период развития Советского государства подобные ведомственные музеи системы МВД получают достаточно широкое распространение. На современном этапе развития отечественных органов внутренних дел создание музеев и мемориальных комнат приобрело массовый характер. На данный момент в нашей системе действует более 80 таких учреждений [9].

Для лучшего понимания курсантами своей профессии особое значение имеет Центральный музей МВД России в Москве, с которым у Университета имеются многолетние, тесные и плодотворные связи [7]. Руководство МВД СССР приняло решение о создании этого Музея еще в 1970 г., когда был издан соответствующий приказ и разработано «Положение о Центральном музее МВД СССР» [13]. Кропотливая работа по составлению коллекции продолжалась более десяти лет. И, наконец, 4 ноября 1981 г. Музей был открыт.

Уже само расположение Музея в старинном здании XVIII–XIX вв. погружает его посетителей в особую социокультурную среду полицейского сообщества. Ведь когда-то в этих стенах находилась знаменитая «Сущевская полицейская часть» с пожарной каланчей. Экспозиция Музея рассказывает об истории создания и развития органов внутренних дел нашей страны, служб и подразделений, входивших ранее и работающих ныне в структуре МВД. На данный момент коллекция Музея насчитывает более 81 тыс. ед. хранения, его экспозиция располагается в 25 музей-

ных залах и иллюстрирует деятельность органов внутренних дел, начиная с петровской эпохи, с момента создания штатных органов полиции в 1718 г. до сегодняшнего дня [13].

Уже на протяжении многих лет посещение Центрального музея МВД России является неотъемлемой частью изучения курсантами Университета учебных дисциплин. Данное мероприятие включено в рабочие учебные программы.

В соответствии с заранее утвержденным с администрацией Музея графиком, учебные группы прибывают на экскурсию вместе со своим преподавателем. Экскурсию проводит профессиональный экскурсовод Музея. Но это не просто обход залов с витринами, это, по сути, сотворчество экскурсовода, преподавателя и курсантов, полноценное учебное занятие. В ходе экскурсии преподаватель, используя музейную экспозицию, задает курсантам вопросы, отсылающие их к пройденным в процессе обучения темам дисциплины. Курсанты отвечают, дают свои комментарии, делятся впечатлениями, демонстрируют степень освоения пройденного материала. Обычно по завершению занятия курсантам предлагается написать краткое эссе, в котором они указывают, какие новые знания по истории отечественных органов внутренних дел они получили в процессе посещения Музея, что им больше всего понравилось в представленной экспозиции и т. д.

Таким образом, проведение с курсантами учебных занятий в социокультурном пространстве Центрального музея МВД России позволяет добиться выполнения сразу нескольких образовательных и воспитательных задач.

Во-первых, предметный ряд музейной экспозиции помогает курсантам более наглядно представить и осознать процесс развития отечественных органов внутренних дел, а, значит, и получить более качественные познания по предмету.

Во-вторых, посещение Музея способствует лучшему осознанию курсантами всего трудного и героического пути того ведомства, с которым теперь связана их судьба, пониманию ответственности за защиты правопорядка, которая легла и на их плечи.

В-третьих, такой род занятия позволяет курсантам в нетривиальной форме повторить практически весь материал учебного курса.

А так как данная тематика изучается всеми без исключения курсантами Университета, независимо от факультета, получаемой специальности и направления, то эта интересная и содержательная форма об-

разовательного процесса охватывает весь переменный состав вуза.

Стоит отметить, что в Университете наработан большой опыт «удаленного» использования социокультурного пространства Центрального музея МВД России в образовательных целях. Когда в 2020 г. из-за коронавирусных ограничений очное посещение Музея стало практически невозможным, а обучение курсантов осуществлялось дистанционно, профессорско-преподавательским составом Университета был предложен оригинальный выход с использованием информационных технологий. Для проведения соответствующего занятия был использован виртуальный 3D-тур, который позволял курсантам осуществить онлайн-экскурсию по Музею [10].

Кроме этого, в процессе занятия курсантам предлагалось просмотреть документальный фильм, посвященный Центральному музею МВД России. Фильм был снят в рамках реализации серии образовательных программ «Музеи России» [14]. Чтобы акцентировать внимание курсантов на важных учебно-воспитательных моментах, перед просмотром им заранее предлагались вопросы, ответы на которые они должны были найти в фильме.

В целом, такая форма виртуального дистанционного использования социокультурного пространства Центрального музея МВД России, хотя и не способна в полной мере заменить очное посещение, может быть достаточно актуальной и востребованной. Особенно это важно для тех образовательных учреждений МВД России, которые находятся на значительном удалении от Москвы и не могут по объективным причинам обеспечить всем своим обучающимся поездку в столицу.

Еще одним объектом внешнего социокультурного пространства, все чаще используемым в учебном и воспитательном процессе Университета, становится Музей истории Московского уголовного розыска [11], который является одним из старейших ведомственных музеев системы МВД. Идея его создания возникла у руководства московской милиции еще в 1918 г. В 1925 г. музей начинает функционировать: «Его посетителями были служащие Моссовета, работники различных административных и хозяйственных органов, ну и, конечно же, сотрудники милиции, уголовного розыска, курсанты школ и различных милицеских курсов» [5]. Фактически, этот музей стал настоящим местом учебы советских оперативных работников.

Экспозиция музея МУРа уникальна. В ней имеются документы, характеризующие становление и развитие всей системы уголовного розыска в Москве. В предметном ряду можно увидеть многочисленные орудия преступлений, изъятые в ходе следствия, фабулы наиболее «громких» преступлений представлены в виде макетов. Но главное в музее не это. По замечанию заведующей экспозицией истории МУРа О. П. Скударевой, «...у нас направление другое: это патриотическое и профессиональное воспитание личного состава ГУ МВД России по г. Москве на примерах героических будней сотрудников МУРа... Зал Славы — рассказывает о погибших сотрудниках, о муровцах — участниках Великой Отечественной войны. Торжественный зал завершает экспозицию» [3].

Социокультурное пространство Музея истории московского уголовного розыска особенно интересно курсантам Университета, обучающимся на факультете подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции. Благодаря этому музею они не только могут узнать об истории профессии и структур, в которых им предстоит в дальнейшем работать, но и ознакомиться с особенностями организации оперативно-розыскной службы, возможно, почерпнуть что-то необходимое для своей будущей служебной деятельности.

Таким образом, использование социокультурного пространства ведомственных музеев МВД России в учебном и воспитательном процессе Университета, безусловно, способствует формированию у курсантов вуза, в том числе, таких важных традиционных ценностей, указанных в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», как историческая память и преемственность поколений, патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу.

Еще одним важным объектом социокультурного пространства города, связанным с Университетом, давно и плотно включенным в его образовательный процесс, является Мемориальный комплекс на Поклонной горе — Парк Победы [12].

Идея его создания возникла еще в годы Великой Отечественной войны. В 1958 г. на Поклонной горе был установлен памятный знак с надписью «Здесь будет сооружен памятник Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и разбит мемориальный парк. Строительство мемо-

риала затянулось на несколько десятилетий. Его торжественное открытие произошло уже на современном этапе развития российского государства — 9 мая 1995 г.

Парк Победы в Москве является крупнейшим мемориальным комплексом столицы, посвященным памяти Великой Отечественной войны советского народа 1941–1945 гг. Социокультурное пространство Парка представляет собой совокупность множества историко-культурных объектов: Центральный музей Великой Отечественной войны, обелиск Победы, культовые сооружения (храм Георгия Победоносца, мечеть, синагога), многочисленные памятники (памятник «Защитникам земли Российской», скульптурную композицию «Трагедия народов» и др.), «вечный огонь», выставка военной техники. Как отмечают современные специалисты, «Парк Победы располагается в зоне городского пространства, насыщенного историческими смыслами, которые материализованы в монументах; они демонстрируют «национальную военную доблесть» и служат ресурсом для конструирования национальной идентичности в современной России» [2].

В Университете уже сложилась традиция использовать социокультурное пространство Парка Победы, и, прежде всего, Зала Славы Центрального музея Великой Отечественной войны для проведения торжественных мероприятий.

Символично, что здесь, по сути, начинается и заканчивается образовательный путь наших курсантов и слушателей. 1 сентября в День знаний в зале Славы собираются и курсанты первых курсов, только что поступившие в Университет, и слушатели выпускных курсов, завершающих свое обучение. В торжественной обстановке, в присутствии руководства МВД и Университета, слушателям пятых курсов вручаются погоны младших лейтенантов полиции, а первокурсники получают из рук своих старших товарищей символический «Ключ знаний», напутствия в их нелегком и интересном пути освоения профессиональных знаний. Так же торжественно происходит награждение победителей конкурса «Лучший по профессии», проводятся первые в жизни первокурсников уроки профессионального мастерства.

Особенностью осуществления образовательного процесса в Университете является то, что курсанты — не просто учащиеся, одновременно с обучением они становятся сотрудниками российской полиции, обязанными соблюдать устав, воинскую субординацию

и дисциплину, выполнять возложенные на них служебные обязанности. Важным шагом вступления на полицейскую службу становится принесение присяги. Как было сказано заместителем министра внутренних дел Российской Федерации генерал-лейтенантом полиции В. Л. Кубышко на торжественной церемонии приведения курсантов-первокурсников Университета к Присяге сотрудника органов внутренних дел 10 октября 2022 г., «приведение к Присяге — славная воинская традиция, символизирующая вступление в профессиональное сообщество, для которого самоотверженная служба государству и народу является священным долгом, главным делом жизни. Его высший нравственный смысл — борьба добра со злом, олицетворением которой является борьба с преступностью» [6]. В этом важном мероприятии нам в очередной раз помогает социокультурное пространство мемориального комплекса на Поклонной горе.

Красная площадь в Москве — сердце нашей Родины. Как много героических и трагических моментов отечественной истории связано с этим местом! Неповторимое социокультурное пространство Красной площади, обладающее статусом объекта всемирного наследия, стало визитной карточкой столицы, местом проведения наиболее значимых для нашей страны торжественных мероприятий.

Университет по праву гордится тем, что в ряду с такими общегосударственными мероприятиями, проводимыми на главной площади страны, как Парад Победы, День России и т. д., стоит и вручение дипломов выпускникам нашего вуза.

Данная традиция возникла в 2016 г. Вот как описывается это событие 2022 г. в газете Университета «Служу Закону» (которую и саму также, начиная с ее основания в 2003 г., можно считать важным элементом формирования социокультурного пространства вуза): «Церемония, со всеми ее нюансами, прошла красиво и четко. Вручение дипломов. Прощание со Знаменем Университета. Хоровое исполнение Гимна России. Прощальный торжественный марш — выход строем с площади под звуки «Прощания славянки» (один из самых волнующих моментов ритуала!) Фейерверк из монет на подходе к Историческому музею, возглас-выдох: «И — все!..» [4]. Эмоциональный заряд, получаемый нашими выпускниками на торжественном мероприятии в таком знаковом и сакральном месте, помогает формировать у них необходимые установки о беззаветном служении Отечеству и ответственности за его судьбу.

Еще одним значимым событием для Университета, которое проходило в социокультурном пространстве Красной площади, стало участие парадного расчета нашего вуза в параде Победы 9 мая 2019 г. Впервые в истории парадный расчет Университета принимал участие в параде Победы на Красной площади, представляя Министерство внутренних дел Российской Федерации. Участие в военном параде — и великая честь, и высочайшая ответственность... [8, с. 5] В Параде участвовали курсанты 2-х и 3-х курсов. Отбор был жестким. Это не просто внешние данные и умение хорошо шагать, это и высокая успеваемость, и соблюдение служебной дисциплины, и активная жизненная позиция. По сути, участие в Параде стало для курсантов наградой за их достижения в учебе и службе. Данное событие возымело большой воспитательный эффект. Показательным является мнение одной из участниц парада (курсанта Дарьи Богдановой): «Во время марша по знаменитой брусчатке 9 мая гордость за свою Родину, за своих прадедов и за их Великий Подвиг не покидали меня ни на секунду» [8, с. 14].

Но не только столичное социокультурное пространство используется Университетом в учебных и воспитательных целях. Показательными в этом контексте являются, например, уже ставшие регулярными поездки курсантов и слушателей Университета в подмосковный Военно-патриотический парк культуры и отдыха Вооруженных сил Российской Федерации «Патриот», расположенный в Одинцовском районе Московской области. Открытый, в 2015 г. парк является многофункциональным комплексом, включающим в себя множество уникальных объектов военной истории и культуры. Архитектурной доминантой Парка является Храм в честь Воскресения Христова — Главный Храм Вооруженных сил Российской Федерации, построенный на народные пожертвования и открытый в 2020 г. Музейно-храмовый комплекс парка «Патриот» ярко повествует об истории Великой Отечественной войны. «Дорога памяти» Музея составляет 1418 шагов — по количеству дней той войны. В информационной базе Музея представлена информация о более чем 34 млн участников войны.

В Университете накоплен значительный опыт использования в образовательном процессе социокультурного пространства нашей необъятной Родины. Уже полтора десятилетия организуются и проводятся экскурсии (в том числе и многодневные) по стране в рамках деятельности научного кружка кафедры истории государства и права — клуба «Палладиум». Геогра-

фия поездок чрезвычайно обширна: Псков, Великий Новгород, Смоленск, Ярославль, Тула, Казань, Санкт-Петербург, Выборг, Орел, Курск, Белгород, Вологда, Калининград, Нижний Новгород, Коломна, Переяславль-Залесский, Козельск, Калуга и т. д. В 2014 г., когда Крым вернулся в состав России, курсанты вместе с преподавателями посетили город Севастополь.

Экскурсии предполагают не только изучение истории и культуры того населенного пункта и региона, который выбран в качестве объекта посещения. В обязательном порядке реализуются задачи патриотического воспитания, посещаются места боевой славы, мемориалы, посвященные событиям Великой Отечественной войны. Так, при посещении Санкт-Петербурга курсанты побывали на главной базе Балтийского военного флота — в Кронштадте. А при поездке в Орловскую область наиболее значимым событием стало посещение государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле», когда курсанты не только осмотрели уникальный Музей бронетанковой техники, но и отдали долг памяти героям Великой Отечественной войны, возложив цветы к подножию памятнику Победы — Звоннице.

Не забывается при этом и изучение истории органов внутренних дел. В ходе поездок курсанты и слушатели знакомятся с традициями местных органов внутренних дел, посещают памятные места, связанные с историей ОВД. Так, в Санкт-Петербурге была проведена экскурсия в Музей истории политической полиции и органов государственной безопасности XIX–XX вв. Также курсанты посетили некрополь Александро-Невской лавры и возложили цветы у места погребения первого генерал-полицейстера Санкт-Петербурга А. М. Девьера.

Таким образом, социокультурное пространство всей нашей страны становится неотъемлемой и важной частью учебного и воспитательного процесса Университета.

Социокультурное пространство Университета постоянно расширяется и совершенствуется. Современные учебные аудитории, спортзалы, полигоны, оснащенные самой современной техникой, библиотека, Центр современных цифровых технологий — все это призвано обеспечить организацию высококачественного учебного и воспитательного процесса курсантов и слушателей вуза.

Формирование единого университетского социокультурного пространства способствует, в конечном итоге, не только решению образовательных задач, но

и пропаганде, сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей как основы развития гармоничной личности, человеческого потенциала российского общества.

Список источников

1. Вашкевич А. В., Бантюков И. Б. Музейные пространства МВД как форма воспитания и образования сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (94). С. 174
2. Ваньке А. В. Ландшафты памяти. Парк Победы на Поклонной горе в Москве // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 3 (101). С. 203 // URL://https://www.nlobooks.ru/magazines/nekriksenovennyy_zapas/101_nz_3_2015/article/11518/.
3. Кирьянова И. Чужие здесь не ходят // Служу Закону. 2023. № 1 (115). С. 10.
4. Кирьянова И. Выпуск-2022 // Служу Закону. 2022. № 7 (109). С. 2.
5. Лукашенко А. Живая история московских сыщиков // Петровка, 38. 2018. № 36 (9637). С. 12.
6. Осипова А. Приведение к присяге на верность Отчизне // Служу Закону. 2022. № 10 (112). С. 2.
7. Пикина И. И. Центральный музей МВД. «Мы помогаем сотрудникам милиции лучше понимать профессию» // Марс: журнал-альманах Академии русской символики. 2008. № 7 // URL://https://www.simvolika.org/Mars/07_2008_16.htm.
8. С Днем Победы! Спецвыпуск // Служу Закону. 2019. № 5 (70).
9. Карта музеев МВД России // Министерство внутренних дел Российской Федерации // URL://<https://мвд.рф/history/карта-музеев-мвд-россии/>
10. Музей. Центральный клуб МВД России // 3D-Панорама — Виртуальные туры, 3D-туры и панорамы // URL://<https://3dpanorama.spb.ru/portfolio/muzej-czentrálny-klub-mvd-rossii/>
11. Музей истории Московского уголовного розыска // URL://<http://moscowalk.ru/cao/tverskoi/museum/mur.html>.
12. Парк Победы на Поклонной горе // Москва — Музеи Москвы // URL://<https://moskultura.ru/mesta/park-pobedy-na-poklonnoj-gore>.
13. Центральный музей МВД России // Министерство внутренних дел Российской Федерации // URL://https://мвд.рф/history/Centralnij_muzej_MVD_Rossii.
14. Центральный музей МВД России // URL://<https://www.youtube.com/watch?v=YeJCYFhIdAw>.

References

1. Vashkevich A. V., Bantyukov I. B. Museum spaces of the Ministry of Internal Affairs as a form of upbringing and education of employees of internal affairs bodies // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (94). P. 174.
2. Vanke A. V. Landscapes of memory. Victory Park on Poklonnaya Gora in Moscow // Inviolable reserve. Debates about politics and culture. 2015. No. 3 (101). P. 203 // URL://https://www.nlobooks.ru/magazines/nekriksenovennyy_zapas/101_nz_3_2015/article/11518/.
3. Kiryanova I. Strangers do not walk here // I serve the Law. 2023. No. 1 (115). P. 10.
4. Kiryanova I. Issue-2022 // I serve the Law. 2022. No. 7 (109). P. 2.
5. Lukashenko A. The living history of Moscow detectives // Petrovka, 38. 2018. № 36 (9637). P. 12.
6. Osipova A. Taking the oath of allegiance to the Motherland // I serve the Law. 2022. No. 10 (112). P. 2.
7. Pikina I. I. Central Museum of the Ministry of Internal Affairs. «We help police officers to better understand the profession» // Mars: journal-almanac of the Academy of Russian Symbols. 2008. No. 7 // URL://https://www.simvolika.org/Mars/07_2008_16.htm.
8. Happy Victory Day! Special Issue // I Serve the Law. 2019. № 5 (70).
9. Map of museums of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // URL://<https://Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation/history/map-museums-Ministry of Internal Affairs-of Russia/>
10. Museum. Central Club of the Ministry of Internal Affairs of Russia // 3D Panorama — Virtual tours, 3D tours and panoramas // URL://<https://3dpanorama.spb.ru/portfolio/muzej-czentrálny-klub-mvd-rossii/>
11. Museum of the History of the Moscow Criminal Investigation Department // URL://<http://moscowalk.ru/cao/tverskoi/museum/mur.html>.
12. Victory Park on Poklonnaya Gora // Moskultura — Museums of Moscow // URL://<https://moskultura.ru/mesta/park-pobedy-na-poklonnoj-gore>.
13. Central Museum of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // URL://https://Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation/history/Centralnij_muzej_MVD_Rossii.
14. The Central Museum of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<https://www.youtube.com/watch?v=YeJCYFhIdAw>.

Информация об авторах

И. А. Калининченко — начальник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук;

О. В. Зиборов — первый заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

К. К. Гасанов — заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ;

Ю. А. Артамонов — начальник кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук, доцент;

В. Ю. Савицкий — начальник управления по работе с личным составом Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

I. A. Kalinichenko — Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences;

O. V. Ziborov — First Deputy Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

K. K. Gasanov — Deputy Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia;

Yu. A. Artamonov — Head of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Historical Sciences, Associate Professor;

V. Yu. Savitsky — Head of the Personnel Management Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов

И. А. Калининченко — постановка проблемы; разработка концепции статьи; научное руководство; критический анализ литературы; написание исходного текста; итоговые выводы;

О. В. Зиборов — разработка концепции статьи; научное руководство; критический анализ литературы; написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы;

К. К. Гасанов — разработка концепции статьи; научное руководство; критический анализ литературы; написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы;

Ю. А. Артамонов — критический анализ литературы; написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы;

В. Ю. Савицкий — разработка концепции статьи; научное руководство; критический анализ литературы; написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors

I. A. Kalinichenko — formulation of the problem; article concept development; scientific management; critical analysis of literature; writing the draft; final conclusions;

O. V. Ziborov — article concept development; scientific management; critical analysis of literature; writing the draft; final conclusions;

K. K. Gasanov — article concept development; scientific management; critical analysis of literature; writing the draft; final conclusions;

Yu. A. Artamonov — critical analysis of literature; writing the draft; final conclusions;

V. Yu. Savitsky — article concept development; scientific management; critical analysis of literature; writing the draft; final conclusions.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 06.10.2023; принята к публикации 11.10.2023.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 06.10.2023; accepted for publication 11.10.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-19-23>

EDN: <https://elibrary.ru/fvrzzu>

NIION: 2003-0059-7/23-886

MOSURED: 77/27-003-2023-07-085

Предварительное следствие в первой половине XIX в.: историко-правовой аспект

Альберт Ильдусович Абдрахманов¹, Алексей Николаевич Никитин², Анна Павловна Яцкова³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ albert_a19@mail.ru

² dragon9006@list.ru

³ y1970@inbox.ru

Аннотация. Раскрывается процесс становления предварительного следствия как одной из форм досудебного расследования преступлений в Российском государстве во второй половине XIX в. Приоритеты государственных интересов над интересами личности сформировали административно-полицейские принципы государственного управления, поэтому система судопроизводства находилась в полной зависимости от административно-исполнительного аппарата. Принадлежность функций по расследованию преступлений административным органам являлась частным выражением общего принципа государственного управления. Изучение тенденций развития и функционирования органов предварительного следствия имеет особое значение для формирования у сотрудников органов внутренних дел профессиональных компетенций, необходимых для анализа задач, результатов и перспектив своей служебной деятельности на основе учета исторического опыта.

Ключевые слова: судебная реформа, реформа предварительного следствия, полиция, следственный пристав, частный пристав, Устав благочиния, Управа благочиния, земский суд, земская полиция, следственный пристав по корчемным делам, следственный пристав по конокрадству

Для цитирования: Абдрахманов А. И., Никитин А. Н., Яцкова А. П. Предварительное следствие в первой половине XIX в.: историко-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 19–23. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-19-23>. EDN: FVRZZU.

Original article

Preliminary investigation in the first half of the 19th century: historical and legal aspect

Albert I. Abdrakhmanov¹, Alexey N. Nikitin², Anna P. Yatskova³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ albert_a19@mail.ru

² dragon9006@list.ru

³ y1970@inbox.ru

Abstract. Revealing the process of formation of the preliminary investigation as one of the forms of pre-trial investigation of crimes in the Russian state in the second half of the XIX century. The priorities of state interests over the interests of the individual formed the administrative and police principles of public administration, therefore, the judicial system was completely dependent on the administrative and executive apparatus. The ownership of the functions of investigating crimes by an administrative body was a private expression of the general principle of public administration. The study of trends in the development and functioning of preliminary investigation bodies is of particular importance for the formation of professional competencies among employees of internal affairs bodies necessary for the analysis of tasks, results and prospects of their official activities based on historical experience.

Keywords: judicial reform, reform of the preliminary investigation, police, investigating bailiff, private bailiff, Charter of the deanery, Board of the deanery, zemsky court, zemsky police, investigating bailiff for petty cases, investigating bailiff for horse theft

For citation: Abdrakhmanov A. I., Nikitin A. N., Yatskova A. P. Preliminary investigation in the first half of the 19th century: historical and legal aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):19–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-19-23>. EDN: FVRZZU.

Историко-правовой опыт, накопленный в результате реформирования государственных институтов, всегда заслуживает пристального внимания, тщательного изучения и, сообразуясь с социально-экономической и политической ситуацией, использования. Реформирование предварительного следствия, осуществляемое в ходе полномасштабной судебной

реформы в Российской Федерации, продолжается уже довольно длительное время и пока не пришло к своему логическому завершению, так как на этом пути встречается ряд препятствий, что отчасти объясняется и недостаточным вниманием современного законодателя к российскому опыту проведения подобных преобразований. Олицетворением такого

© Абдрахманов А. И., Никитин А. Н., Яцкова А. П., 2023

отечественного опыта является реформа предварительного следствия 1860 г. и судебная реформа 1864 г.

В первой половине XIX в., на основании Свода Законов Российской империи, «производство следствия» осуществлялось полицией. Расследование преступлений осуществляли как полицейские чиновники, так и чиновники других ведомств. Если преступление затрагивало государственные или управленческие интересы, по назначению высших властей, данным делом мог заниматься особый чиновник. В дореволюционной российской судебной практике встречались случаи, когда для рассмотрения особо важных дел назначались должностные лица на основании особого указа императора.

Внутри полиции следствие производилось разными структурами. Функционировал отдельный полицейский следственный аппарат в столицах, в губернских городах действовали городские полицейские следственные аппараты, а также в проведении следствия были задействованы чины земской полиции.

Наиболее эффективной и совершенной была организация следствия в Москве и Санкт-Петербурге. Наибольшее внимание было уделено организации и функционированию следственного аппарата Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург был самым населенным городом Российской империи, что отражалось и на количестве, и на сложности происходящих там преступлений.

Именным указом обер-полицмейстера Санкт-Петербурга от 29 августа 1808 г. с целью проведения следствия был образован институт «следственных приставов» [5]. Создание специальных следственных приставов было объяснено как большой нагрузкой частных приставов, так и сложностью проводимой следственной работы, требовавшей специальной юридической и розыскной подготовки. Сосредоточение следственных действий в руках специальных полицейских чинов оправдало себя и получило в Санкт-Петербурге и в некоторых других городах последующее развитие. 1 апреля 1838 г. было опубликовано Положение «О порядке производства дел исполнительных Санкт-Петербургской полиции» [8]. Было осуществлено законодательное разделение производства предварительного и формального следствия между частным приставом и следственным приставом.

Каждая часть города имела «съезжий дом», в котором находились частный и следственный приставы. Каждый пристав имел свой штат. Следственный и частный пристав были независимы друг от друга. Разделение их обязанностей было закреплено во второй главе Положения «О порядке производства дел испол-

нительных Санкт-Петербургской полиции». Там определялись действия частного пристава в случае совершения преступления на подведомственной ему территории. Частный пристав был обязан «на месте, где оно (правонарушение) случилось, сделать предварительный розыск, если таковой не сделан уже чиновниками квартальными и составить краткую записку». Если по материалам предварительного розыска можно было сделать заключение о наличии в происшествии «преступления или проступка», то экземпляры записки, одна — передавалась следственному приставу, для производства «дальнейшего следствия», а вторая — в управу, «для ее сведения и надзора и, по важности дела и сложности положений, для присылки в помощь следственных приставов из других частей». Частный пристав и квартальный надзиратель производили поиски подозреваемого лица.

Контроль за деятельностью следственных приставов осуществляли полицмейстеры, которые осуществляли наблюдение «за скорым и правильным производством следствий». Общее ведомственное руководство за следственными приставами было сосредоточено в следственном отделении Второго департамента Управы благочиния. Он занимался делами о происшествиях, проступках и преступлениях во всей столице, как «по донесениям полицмейстеров, приставов, надзирателей и стряпчих, так и по извещениям частных лиц и самих виновных или иным сведениям до Управы дошедшим».

Изменяются подходы к прокурорскому надзору за расследованием преступлений. В 1833 г. штаты губернских прокуроров Москвы и Санкт-Петербурга были дополнены губернским и уездным следственными стряпчими, которые были прикомандированы к следствиям «для усугубления надзора в охранении форм и обрядов при следствиях в Городских полицейских частях производимых». С января 1854 г. в штате Санкт-Петербургского губернского прокурора были введены новые должности: должность его товарища по надзору за полицией и должности 13 стряпчих полицейских, по одному в каждой части города.

К 1858 г. при Московском обер-полицмейстере насчитывалось девять следственных приставов. Вместе с ними следствие производили два корчемных пристава, 17 частных приставов и три полицмейстера. Правила о подследственности дел между этими чиновниками установлены не были.

На организацию следствия определенное влияние оказало «разнохарактерное историческое и этнографическое начало городов, происхождение некоторых

из них было вызвано не какими-либо экономическими потребностями, а нуждой образовать административные центры» [1, с. 227]. Устав благочиния 1782 г. закреплял права и обязанности частных приставов по производству следствий. Частному приставу предписывалось следить в пределах своей части, чтобы уголовные дела были исследованы.

Городская полиция в уездных городах состояла из городничего, частных приставов и квартальных надзирателей (если город имел деление на части и кварталы.). Частный пристав или городничий имел право производства следствий. Квартальный надзиратель имел право на производство лишь первоначальных следственных действий. В городах безуездных и заштатных, не имевших городской полиции, полицейское управление выполняли заседатели земских судов. В этих городах был образован стан, в котором полицейские функции, в том числе и расследование преступлений, осуществлял становой пристав.

Полицейское управление в уездах получило свое оформление согласно Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи 1775 г. [4]. Полицейская власть в уездах вверялась нижнему земскому суду во главе с капитан-исправником (с 1837 г. — земский суд и исправник). Судебное рассмотрение уголовных дел в уезде осуществлял уездный суд, а производство следствия по таким делам — земский суд.

В дальнейшем, в «Положении о земской полиции» от 1 июня 1837 г. и «Наказе чинам и служителям земской полиции» от 3 июня 1837 г. функции земской полиции и ее чинов, в том числе в судебной и следственной сферах, были определены значительно подробнее [6; 7]. Согласно «Положению о земской полиции» были введены должности участковых заседателей (становые приставы).

Земский суд по Положению состоял из нескольких заседателей. Во главе суда стоял земский исправник. Уезд делился на участки или станы. Уездное дворянство готовило список лиц для замещения должности станового пристава. Назначал становых приставов губернатор. Увольнение и перемещение станового пристава из участка в участок осуществлялось губернским начальством.

Производство предварительного следствия было отнесено к компетенции земской полиции по делам судебного ведомства. Положением устанавливалась подследственность и подсудность дел как земскому суду, так и становому приставу. В сфере уголовной юстиции становой пристав, в отличие от земского суда, кроме производства следствий в своем стане,

мог самостоятельно рассматривать и принимать окончательные решения по делам «о краже-мошенничестве и всяком обмане» на сумму не свыше 10 руб. (земской суд — не свыше 20 руб.), совершенным не более трех раз людьми нижних состояний. Дворяне, духовные лица и другие привилегированные категории населения не подлежали полицейскому суду. Дела о совершенных ими аналогичных проступках рассматривались уездным судом. По всем другим делам, как гражданским, так и уголовным, земской полиции поручалось «одно производство следствий и меры, к тому относящиеся». По окончании следствия, действия полиции прекращаются и дело передается для рассмотрения в суд.

Таким образом, на основании Положения о земской полиции 1837 г. были заложены организационно-правовые основы предварительного следствия, которые Сводом Законов Российской империи 1857 г. были восприняты и действовали вплоть до реформы предварительного следствия в 1860 г.

Особыми следственными органами выступали следственные пристава по конокрадству и корчемству. К производству следствий они должны были приступать по распоряжениям полиции, хотя в ее штат не входили. За медленность и «особенное бездействие» устанавливалась строгая ответственность — предание суду и внеочередное судебное рассмотрение таких дел. Губернатор лично следил за тем, чтобы следователи выявляли всех соучастников преступления. Первоначально следователи по конокрадству действовали «на общественных началах» и не получали жалованья. Однако с мая 1849 г. их деятельность была признана государственной службой.

Следователи по пресечению корчемства появились благодаря озабоченности правительства собираемостью налогов, одним из источников которой являлись акцизные сборы от выработки и реализации продуктов государственной монополии. Главными объектами такого налогообложения были винокурение, производство и торговля солью [2, с. 32–33]. Незаконное производство и торговля этими продуктами причиняла значительный ущерб государственным доходам. Впервые практика учреждения специальных чиновников по расследованию дел о корчемстве появилась в 1824 г. Правилами, на основании которых работали корчемные приставы, являлись «Устав питейный» и, издаваемые на каждые четыре года, откупные условия, в которых правительство устанавливало правила содержания откупов в соответствующем регионе империи. Порядок назначения, обособленная

подследственность, особенности непосредственной подчиненности и ответственности, другие, чем у общей полиции, а также источники финансирования выделяют следователей по пресечению корчемства в особую категорию лиц, производивших следствия в дореформенной России. Кроме того, они назначались сверх штата общих полицейских подразделений.

Назначение следователей по корчемным делам производили гражданские губернаторы по представлению казенной палаты, а с учреждением в 1838 г. министерства государственных имуществ, — по представлению местных его подразделений. Особенность их организационно-правового статуса определяется тем, что они, скорее, находились в непосредственном подчинении держателей откупа, чем местной полиции. По заявлению откупщиков они должны были оказывать им «скорое и деятельное пособие, отправляться без малейшего промедления на следствия, не ожидая формального на то в суде определения, а донося только оному ... для сведения о своем отбытии для следствия». Компетенция их была определена предельно четко. Они занимались «единственно поимкою корчемников и производством об них следствий». Источником финансирования чиновников по корчемным делам были, как правило, «особые средства министерства финансов», которые представляли собой доходы от винных откупов или остатки от средств, ассигнованных на развитие этой отрасли хозяйства. Так, например, в 1831 г. в Санкт-Петербурге при городской полиции для расследования исключительно «дел по корчемной части» были учреждены «особые два Следственных пристава... с жалованием по 1200 руб. в год из общих остатков от сумм, на питейную часть ассигнуемых».

Кроме особых чиновников по преследованию корчемства вином, в некоторых регионах России существовали и корчемные заседатели по соляной части. Их организационно-правовой статус был аналогичен статусу чиновников по корчемству вином. В 1838 г. по записке министра финансов, с целью увеличения доходов от продажи соли, в Заволжском крае при каждом нижнем земском суде были введены семь особых заседателей, которые назначались казенными палатами с утверждением гражданским губернатором. Их компетенция определялась целью их учреждения и заключалась исключительно в поимке «корчемной соли и корчемников... участие в производстве о них следствий... пока местная земская полиция сама примет на свою обязанность сие дело».

Помимо повседневных случаев производства предварительного следствия, особо можно выделить

его экстраординарные случаи. Коснемся наиболее общих правил и случаев, когда производство следствия в экстренных случаях поручалось чиновникам иных ведомств. Особое место занимали чиновники, созданного в июле 1826 г. III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В обязанности этих чиновников входило закрепление гарантий государственной безопасности, а именно: получение информации о религиозных сектах и расколах, антиправительственных организациях, тайное наблюдение за иностранцами, борьба с фальшивомонетничеством, а так же ведение ведомостей для императора о случившихся всех без исключения происшествиях и сведений «до полиции относящихся» [3, с. 36]. Штат III Отделения не предусматривал специальных чиновников для производства следствий по уголовным делам. Тем не менее, производство предварительного расследования по преступлениям особой важности, которые представляли угрозу для государственных интересов или которые отличались повышенным общественным значением, было довольно широко распространено. Чиновники III отделения могли производить следствия по уголовным делам в любом регионе страны, как правило, по предписанию начальника III отделения или по повелению императора. Более того, при производстве следствий они пользовались особыми правами. Так, в марте 1831 г., по инициативе начальника III отделения генерал-адъютанта Бенкендорфа, был издан указ, который гласил: «...всем Губернским Правлениям, Присутственным местам и Гражданским Губернаторам предписать, дабы требования Чиновников, производящих следствия по Распоряжениям III-го Отделения С. Е. И. В. канцелярии, и в особенности по Высочайшим повелениям удовлетворяемы были в возможной скорости и без малейшего отлагательства, под опасением неминуемого с виновных в медленности взыскания».

Также достаточно часто для проведения следствия привлекали чиновников по особым поручениям, которые находились при министре внутренних дел и губернаторах.

Помимо этих лиц к производству следствия губернская администрация привлекала членов уездных судов и заседателей судебных палат, т. е. чинов судебного ведомства. Эта практика приобрела такой размах, что в Сенате обсуждался этот вопрос по представлению обер-прокурора. Одной из причин подобной практики была нехватка следственных чинов. Все-таки власть попыталась исправить ситуацию: запрещалось командировать членов судов к производству

следствий по всем делам, «кроме важных и чрезвычайных случаев, с оставлением притом в судебных местах узаконенного числа членов»; командируемому запрещалось участвовать в рассмотрении дела в суде, которое он расследовал; о каждом таком случае губернское начальство должно было доводить до сведения министерство юстиции и внутренних дел.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Ядром следственного аппарата до реформенной России являлась общая полиция, не имевшая в своих рамках структурно и функционально обособленного следственного звена (за исключением полиций обеих столиц и некоторых губернских городов, где в разное время были учреждены должности следственных приставов). Непосредственным производством следствий по уголовным делам по общему правилу занимались: в городах — частные приставы, городничие, помощники городничих, в уездах — становые приставы, земские исправники, временные отделения земского суда. Организация и деятельность следственного аппарата зависела от местных обстоятельств и особенностей, отсутствовал системный подход в построении следствия. Следственный аппарат, его организация и непосредственный ведомственный контроль за его функционированием находился в ведении общих административных органов как в центре, так и на местах. В неординарных обстоятельствах производство следствия могло быть поручено вышестоящим административным начальником любому чиновнику по его усмотрению, в том числе и судебному, или комиссии.

Информация об авторах

А. И. Абдрахманов — доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридический наук, доцент;

А. Н. Никитин — профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор;

А. П. Яцкова — профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридический наук, доцент.

Information about the authors

A. I. Abdrakhmanov — Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. N. Nikitin — Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Historical Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor;

A. P. Yatskova — Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 18.12.2023. The article was submitted 24.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Список источников

1. Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 года до последнего времени. СПб., 1872.
2. Курицын В. М. Реформы государственного аппарата и развитие права России во второй половине XIX века. М., 1996.
3. Полиция и милиция России: страницы истории / Борисов Ф. В., Дугин А. Н. и др. М., 1995.
4. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XX. № 14392.
5. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXX. Отд. I. № 23258.
6. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XII. № 10305.
7. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XII. № 10306.
8. ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XIII. Отд. I. № 11109.

References

1. Anuchin E. N. A historical review of the development of administrative and police institutions in Russia from the Establishment of the provinces of 1775 to the last time. St. Petersburg, 1872.
2. Kuritsyn V. M. Reforms of the state apparatus and the development of Russian law in the second half of the XIX century. M., 1996.
3. Police and militia of Russia: pages of history / Borisov F. V., Dugin A. N. et al. M., 1995.
4. PSZ RI. Collection I. T. XX. No. 14392.
5. PSZRI. Collection I. T. XXX. Ed. I. No. 23258.
6. PSZ RI. Collection II. Vol. XII. No. 10305.
7. PSZ RI. Collection II. Vol. XII. No. 10306.
8. PSZ RI. Collection II. Vol. XIII. Ed. I. No. 11109.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-24-28>

EDN: <https://elibrary.ru/gczaxp>

ИПОН: 2003-0059-7/23-887

MOSURED: 77/27-003-2023-07-086

Назначение судебных экспертиз в ходе предварительного следствия

Наталья Вениаминовна Анисимова¹, Надежда Владимировна Уханова², Эльмир Низамиевич Алимамедов³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ 29072008@inbox.ru

² nadezhda-ukhanova@yandex.ru

³ alimelmir@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются организационные и процессуальные вопросы назначения судебной экспертизы при производстве предварительного следствия. Исследуются виды судебных экспертиз, с указанием экспертных учреждений, в которых они могут проводиться в условиях действующего законодательства.

Ключевые слова: следователь, эксперт, заключение эксперта, судебная экспертиза, назначение судебной экспертизы, виды экспертиз, экспертные учреждения, постановление о назначении экспертизы

Для цитирования: Анисимова Н. В., Уханова Н. В., Алимамедов Э. Н. Назначение судебных экспертиз в ходе предварительного следствия // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 24–28. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-24-28>. EDN: GCZAXP.

Original article

Appointment of forensic examinations during the preliminary investigation

Natalia V. Anisimova¹, Nadezhda V. Ukhanova², Elmir N. Alimamedov³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ 29072008@inbox.ru

² nadezhda-ukhanova@yandex.ru

³ alimelmir@gmail.com

Abstract. The organizational and procedural issues of the appointment of a forensic examination during the preliminary investigation are considered. The types of forensic examinations are being investigated, indicating the expert institutions in which they can be carried out in accordance with the current legislation.

Keywords: investigator, expert, expert opinion, forensic examination, appointment of a forensic examination, types of examinations, expert institutions, resolution on the appointment of an examination

For citation: Anisimova N. V., Ukhanova N. V., Alimamedov E. N. Appointment of forensic examinations during the preliminary investigation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):24–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-24-28>. EDN: GCZAXP.

Назначение и производство экспертиз в ходе предварительного следствия осуществляется для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73, 421 УПК РФ).

Заключение эксперта является одним из видов доказательств (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) по уголовному делу.

Экспертизы могут назначаться и проводиться не только в ходе предварительного следствия, но и на стадии возбуждения уголовного дела, т. е. при проверке сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). В некоторых случаях по результатам таких экспертиз решаются вопросы о квалификации преступ-

ления, а также о наличии признаков преступления, и по их результатам может быть принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела (например, по результатам судебно-медицинской экспертизы, назначаемой для установления возраста несовершеннолетнего, не имеющего документов) [1, с. 403].

Понятие экспертного учреждения предусмотрено в п. 60 ст. 5 УПК РФ. Исходя из данного определения, это может быть как государственное, так и негосударственное учреждение. Так, государственными экспертными учреждениями являются экспертно-криминалистические подразделения МВД России, судебно-экспертные учреждения Министерства юстиции РФ,

© Анисимова Н. В., Уханова Н. В., Алимамедов Э. Н., 2023

медицинские экспертные организации Министерства здравоохранения РФ и др. Деятельность государственных экспертных учреждений регулируется Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [4].

Негосударственные экспертные учреждения создаются и существуют на коммерческой основе (например, АО «Центр независимых экспертиз»), и действуют в соответствии со ст. 41 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Распоряжением Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 3214-р [5] определены виды экспертиз, которые проводятся исключительно государственными экспертными учреждениями.

В целях упорядочения практики назначения и производства экспертиз принято постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» [6], которым следователь должен руководствоваться в своей деятельности.

Для следователей органов внутренних дел приоритетным взаимодействием является взаимодействие с экспертно-криминалистическими учреждениями МВД России, так как эти учреждения существуют за счет средств бюджета, отпускаемого на нужды МВД России. В экспертно-криминалистических учреждениях МВД России проводятся как традиционные (трасологическая, баллистическая, портретная и др.), так и специальные виды экспертиз (например, экспертиза ДНК, пищевая экспертиза и проч.). Перечень этих экспертиз определяется ведомственным нормативным правовым актом МВД России. Этот перечень достаточно широк, но не в каждом экспертно-криминалистическом подразделении имеются эксперты всех специальностей. Поэтому следователи могут назначать экспертизы в экспертно-криминалистические учреждения вышестоящего уровня (например, следователь районного уровня — в ЭКЦ Главного управления МВД России по субъекту РФ), или даже в экспертно-криминалистические учреждения другого субъекта РФ (ст. 11 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

Есть экспертизы, который в экспертных учреждениях МВД России не проводятся. Например, это экологическая экспертиза, которая проводится в судебно-экспертных учреждениях Минюста РФ (в ЭКЦ

МВД России проводится, например, лесотехническая экспертиза).

Для назначения экспертиз в других экспертных учреждениях (в том числе, государственных) проведение экспертизы, как правило (если нет специального межведомственного соглашения), должно быть дополнительно оплачено из бюджетных средств МВД России (кроме медицинских экспертных организаций), и на это требуется согласие руководителей следственных органов, а иногда иных руководителей. Поэтому такие экспертизы назначаются только в случаях действительной необходимости.

Экспертизы могут проводиться не только в специализированных экспертных учреждениях, но и в других учреждениях, которые не являются экспертными и имеют другие задачи (например, в научно-исследовательских учреждениях, музеях, библиотеках). В этом случае экспертиза поручается конкретному эксперту, который, как предварительно установил следователь, обладает необходимыми специальными знаниями. Услуги такого эксперта тоже оплачиваются из средств бюджета МВД России.

Понятие эксперта предусмотрено в ч. 1 ст. 57 УПК РФ. Исходя из сравнительного анализа этого понятия и понятия специалиста, данного в ч. 1 ст. 58 УПК РФ, одно и то же лицо в разное время может выступать как в уголовно-процессуальном статусе эксперта, так и в статусе специалиста, в зависимости от того, какая задача ставится перед ним следователем. Так, один и тот же эксперт-криминалист может выступать и в статусе специалиста, если он участвует в осмотре места происшествия, и в статусе эксперта, если ему поручено производство, например, дактилоскопической экспертизы.

Виды экспертиз различаются в зависимости от:

- ♦ их объектов (трасологическая, технико-криминалистическая, почерковедческая, лингвистическая и мн. др.);
- ♦ того, в который раз назначается экспертиза по одному и тому же объекту или объектам (первичная, дополнительная, повторная);
- ♦ количества экспертов, которые принимают участие в проведении экспертизы (экспертизы, проводимые несколькими экспертами, называются комиссионными или комплексными, в зависимости от того, относятся ли они к одной специальности или к нескольким).

Постановление следователя является юридическим основанием для назначения экспертизы (ст. 19

Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). Фактическим основанием для ее назначения является необходимость применения специальных знаний в конкретной области для установления каких-либо обстоятельств (например, для идентификации личности).

Вопрос о назначении судебной экспертизы решается по усмотрению следователя. Однако в случаях, прямо указанных в законе, назначение и проведение экспертизы являются обязательными и от усмотрения следователя не зависят (ст. 196 УПК РФ).

Следователь, принявший решение о назначении экспертизы, должен:

- ♦ определить вид экспертизы, установив вид (виды) специальных знаний, подлежащих применению при проведении экспертизы;
- ♦ сформулировать вопросы, которые должны быть разрешены при проведении экспертизы;
- ♦ определить перечень объектов, которые должны быть направлены эксперту для исследования (в том числе, нужно ли получать образцы для сравнительного исследования);
- ♦ определить экспертное учреждение, в котором будет проведена экспертиза;
- ♦ составить постановление о назначении экспертизы.

Для успешного проведения указанной деятельности следователь должен взаимодействовать с тем экспертным учреждением (или конкретным экспертом), которое (который) будет проводить экспертизу.

Во-первых, начиная это взаимодействие, следователь должен разъяснить эксперту задачу, которая должна быть решена при производстве экспертизы. Это самый важный момент. Если эксперт не получит ясного представления о том, решения каких задач ждет от него следователь, он не сможет понять, способен ли он (эксперт) провести соответствующие исследования, или следователю необходимо обратиться к эксперту другой специальности (нескольких специальностей) того же учреждения, либо другого экспертного учреждения.

Во-вторых, необходимо уточнить у эксперта, какие объекты требуются для проведения желаемой экспертизы.

В-третьих, следует, сформулировав предварительно вопросы, обратиться к эксперту для их возможной корректировки, для того, чтобы они соответствовали компетенции эксперта.

Например, вопрос о вменяемости лица является юридическим вопросом, и поэтому относится к компетенции следователя и суда. Строго говоря, эксперт не имеет права отвечать на данный вопрос (хотя в современной практике встречается и такое). Эксперт судебно-психиатрического учреждения компетентен ответить, например, на такой вопрос: «Лишало ли имеющееся у обвиняемого психическое заболевание его способности осознавать значение совершаемых им действий и (или) руководить ими?».

Экспертиза в отношении потерпевшего или свидетеля, за исключением некоторых случаев относительно потерпевшего, проводится с их письменного согласия, или с письменного согласия их законных представителей, если их возраст или состояние здоровья не позволяют давать такое согласие (ч. 4 ст. 195 УПК РФ).

Назначив экспертизу, следователь должен ознакомить с постановлением о ее назначении подозреваемого, обвиняемого, их защитников, потерпевшего, его представителей (представителя юридического лица, представителя-адвоката и законного представителя). Об этом должен быть составлен протокол, причем в ходе данной процедуры указанным лицам разъясняются их права, которые предусмотрены ст. 198 УПК РФ. Причем они могут воспользоваться этими правами, например, правом заявить ходатайство о постановке перед экспертом дополнительных вопросов. Поэтому знакомить их с постановлением о назначении экспертизы следует до того, как постановление будет направлено эксперту. В противном случае, если постановление о назначении экспертизы будет предъявлено для ознакомления одновременно с заключением эксперта, заинтересованные лица потеряют возможность осуществить предусмотренные законом права, и в этом случае заключение эксперта может быть признано недопустимым доказательством.

При назначении и проведения судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы в отношении подозреваемого или обвиняемого он может быть помещен в медицинский или психиатрический стационар (ч. 1 ст. 203 УПК РФ). При этом следует иметь в виду, что подозреваемый или обвиняемый, не содержащийся под стражей, может быть помещен в медицинский или психиатрический стационар лишь при наличии на то судебного решения (п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ. Для подозреваемого или обвиняе-

мого, которые содержатся под стражей, для помещения в стационар для проведения экспертизы не требуется судебного решения. Следует отметить, что некоторые ученые выступают за необходимость получения судебного решения на помещение подследственного лица в стационарное учреждение для проведения судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы вне зависимости от наличия меры пресечения в виде заключения под стражу [2, с. 159], однако пока законодатель не принимает по данному вопросу решительных мер в тексте уголовно-процессуального закона.

Постановление включает в себя вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части и заверяется подписью следователя.

В названии постановления следует указать его вид.

В *вводной части* следует указать место и дату вынесения постановления; фамилию, инициалы, должность и специальное звание следователя; номер уголовного дела, по которому вынесено постановление.

В *описательно-мотивировочной части*:

- ♦ кратко описываются обстоятельства дела (в части, необходимой эксперту для производства конкретной экспертизы);

- ♦ указываются следственные, иные процессуальные действия, иные действия (например, оперативно-розыскные мероприятия), в ходе которых были получены объекты, направляемые эксперту; в необходимых случаях описывается процедура изъятия направляемых на исследование следов;

- ♦ отражается основание назначения экспертизы: для установления каких обстоятельств дела и какие специальные знания требуются.

В *резолютивной части* излагается решение следователя о назначении экспертизы с указанием ее вида, экспертного учреждения (или лица), которому поручается ее проведение. Здесь же приводятся вопросы, которые ставятся для разрешения в ходе экспертного исследования, а также перечисляются объекты исследования.

В практической деятельности нередки случаи проведения экспертиз вне экспертного учреждения. В этом случае следователю необходимо обратиться избранному им эксперту, разъяснить ему его права и ответственность, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, вручить постановление и предоставить все необходимые материалы. Необходимо отметить, что в этом случае все лица, знакомящиеся с постановлением о

назначении экспертизы, имеют право получить сведения, подтверждающие профессиональную квалификацию эксперта [3, с. 159].

В соответствии с уголовно-процессуальным законом, руководитель экспертного учреждения, эксперт имеют право возратить постановление следователя о назначении экспертизы без ее исполнения при наличии обстоятельств, препятствующих исполнению постановления и проведению назначенной следователем экспертизы.

Заключение эксперта составляется по результатам проведенной экспертизы при отсутствии в законе препятствий, форма и содержание заключения эксперта определяется уголовно-процессуальным законом (ст. 204 УПК РФ), а также ст. 25 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

В обязанность следователя входит ознакомить тех же лиц, которые должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы, с заключением эксперта либо его заявлением о невозможности дать заключение по делу.

При этом следователь составляет протокол об ознакомлении вышеуказанных участников уголовного процесса с заключением эксперта либо с заявлением об отказе в проведении экспертизы с разъяснением им права заявить ходатайство о проведении дополнительной или повторной экспертизы.

Следователем подлежат рассмотрению поступившие от участников процесса ходатайства и выносятся соответствующее постановление о принятом решении, которое объявляется заинтересованным участникам процесса. Отказ в удовлетворении ходатайства может быть обжалован руководителю следственного органа, прокурору или в суд.

Уголовно-процессуальным законом предусмотрено право следователя:

- ♦ допросить эксперта в целях получения необходимых разъяснений для разрешения возможных сомнений в доказательственном значении заключения эксперта (ст. 205 УПК РФ);

- ♦ присутствовать при проведении судебной экспертизы, получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий, и этот факт отражается в заключении эксперта (ст. 197 УПК РФ).

При назначении и проведении судебных экспертиз часто требуется продолжительное время. Следователю необходимо иметь принять во внимание, что

для производства экспертизы может понадобиться от нескольких дней до нескольких месяцев, в зависимости от вида судебной экспертизы. Время производства экспертизы следователю целесообразно узнавать при ее назначении, чтобы успешно планировать свою деятельность, в том числе, предусмотреть возможность продления срока предварительного следствия.

Список источников

1. Предварительное следствие: учебник для студентов вузов / под ред. М. В. Мешкова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2021.
2. Есина А. С. Жамкова О. Е. Правовое регулирование назначения и производства судебной экспертизы требует дальнейшего совершенствования: сб. науч. тр. 1-го междунар. форума. М., 2017. С. 159–164.
3. Неупокоева И. А. Назначение судебной фотоскопической экспертизы при расследовании мошенничества с использованием информационно-коммуникационных технологий // Закон и право. 2021. № 3. С. 158–160.
4. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
5. Распоряжение Правительства от 16 ноября 2021 г. № 3214-р «Перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» // URL://http://government.ru.

Информация об авторах

Н. В. Анисимова — доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Н. В. Уханова — доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Э. Н. Алимamedов — доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

N. V. Anisimova — Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

N. V. Ukhanova — Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. N. Alimamedov — Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 18.12.2023. The article was submitted 24.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 18.12.2023.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.

References

1. Preliminary investigation: textbook for university students / ed. by M. V. Meshkov. 4th ed., reprint. and additional. M. : UNITY-DANA : Legislation and law, 2021.
2. Esina A. S. Zhamkova O. E. The legal regulation of the appointment and production of forensic examination requires further improvement: collection of scientific tr. of the 1st International M., 2017. P. 159–164.
3. Neupokoeva I. A. Appointment of a forensic phonoscopic examination in the investigation of fraud using information and communication technologies // Law and Law. 2021. № 3. P. 158–160.
4. Federal Law № 73-FZ of May 31, 2001 «On State Forensic Expertise in the Russian Federation» // CL RF. 2001. № 23. Art. 2291.
5. Government Decree No. 3214-r of November 16, 2021 «List of types of forensic examinations conducted exclusively by state forensic expert organizations» // URL://http://government.ru.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2010 «On forensic examination in criminal cases» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 2.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-29-31>

EDN: <https://elibrary.ru/imuhgr>

NIION: 2003-0059-7/23-888

MOSURED: 77/27-003-2023-07-087

Гражданско-правовые понятия «земля» и «земельные участки» в Российской Федерации

Сергей Александрович Анохин¹, Ольга Геннадьевна Полежаева²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ retro595@yandex.ru

² polejaeva_2005@mail.ru

Аннотация. Раскрывается правовая природа понятий «земля» и «земельный участок» с позиции действующего законодательства. Определены их основные черты и особенности взаимоотношений.

Ключевые слова: право, земля, земельный участок, землевладение

Для цитирования: Анохин С. А., Полежаева О. Г. Гражданско-правовые понятия «земля» и «земельные участки» в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 29–31. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-29-31>. EDN: IMUHGR.

Original article

Civil law concepts of «land» and «land plots» in the Russian Federation

Sergey A. Anokhin¹, Olga G. Polezhaeva²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ retro595@yandex.ru

² polejaeva_2005@mail.ru

Abstract. The legal nature of the concepts of «land» and «land plot» is revealed from the perspective of current legislation. Their main features and peculiarities of relationships are defined.

Keywords: law, land, land plot, land ownership

For citation: Anokhin S. A., Polezhaeva O. G. Civil law concepts of «land» and «land plots» in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):29–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-29-31>. EDN: IMUHGR.

Действующее российское законодательство в области гражданского и земельного права часто употребляет понятия «земля», «земельные участки». Между тем, в практической деятельности очень важно учитывать особенности соотношения указанных понятий и правильно их разграничивать. В этой связи следует заострить внимание на содержательном аспекте указанных понятий, раскрыв их правовую природу.

Конституционными положениями закреплено положение о том, что «земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности» (ч. 2 ст. 9 Конституции РФ) [1].

Указанное выше положение детализировано в п. 3 ст. 129 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) — «земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому

иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах» [2].

При этом в указанных нормативных правовых актах отсутствует легальная дефиниция понятия «земля». Не содержит его и Земельный кодекс РФ (ЗК РФ) [3]. Лишь на основе анализа отдельных норм Кодекса можно вывести определение рассматриваемого термина. Исходя из анализа положений подп. 1 п. 1 ст. 1 ЗК, можно обозначить следующие характеристики понятия «земля»:

♦ природный объект, охраняемый в качестве важнейшей составной части природы;

♦ природный ресурс, используемый в качестве средства производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве и основы осуществления хозяйственной и иной деятельности на территории нашего государства;

© Анохин С. А., Полежаева О. Г., 2023

- ♦ недвижимое имущество;
- ♦ объект права собственности и иных прав на землю.

Помимо этого, п. 1 ст. 3 Кодекса гласит: «земля — основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». Согласно подп. 1 п. 1 ст. 6 ЗК РФ земля позиционирована также в качестве объекта земельных отношений.

Соответственно можно утверждать, что земля является важнейший объект, по поводу которого складываются земельные правоотношения, территория, предназначение которой может быть абсолютно различным в зависимости от расположения, пригодности и видов разрешения (лесное или сельское хозяйство, для строительства или иных видов деятельности и производства). Земля — это недвижимое имущество, объект природного сотворения, охраняемый на государственном и законодательном уровнях.

Следующее значимое понятие, требующее рассмотрения, — «земельный участок». Здесь следует заметить, что ему отведено центральное место в числе объектов недвижимого имущества и это важнейший объект гражданско-правовых и земельных отношений.

Земельный участок, как часть земельной поверхности, также характеризуется природным потенциалом. Это часть окружающей среды и, одновременно с этим, предмет имущественного оборота, так как может находиться в государственной, муниципальной или частной собственности. Необходимость защиты интересов собственников земельных участков требует соответствующего оформления, индивидуального учета участков, их государственной регистрации. Тем самым закрепляется правовой статус принадлежности земельного участка конкретному субъекту [4, с. 18].

По своей природе земельный участок представляет собой особого рода недвижимое имущество, обладающее спецификой естественного происхождения. Установленная законодательством возможность нахождения земельных участков в различных видах собственности требует учета фактора их естественного происхождения посредством фиксированного удостоверения принадлежащих владельцу прав, что обеспечивает сочетание публично-правовых и частно-правовых интересов.

Согласно п. 1 ст. 11.2 ЗК РФ, образование земельных участков происходит из состава земель государственной или муниципальной собственности, а также из земельных участков, образованных посред-

ством раздела, перераспределения, выделения или объединения.

Ст. 141.2 ГК РФ также определяет, что земельный участок является частью земной поверхности, границы которой определяются в установленном законом порядке. Также здесь закреплено, что это недвижимая вещь.

Позиции гражданско-правового регулирования также важное значение имеют положения ст. 260 ГК РФ о том, что собственники земельных участков наделены правами совершать различные сделки с принадлежащими им земельными участками (дарить, продавать, оставлять в наследство, сдавать в аренду и т. д.) в рамках закона, если эти участки не ограничены в обороте и не изъяты из него.

Владельцы и пользователи земельных участков (не собственники) могут реализовывать свои правомочия владения и пользования только в рамках принадлежащих им прав, т. е. на условиях и в пределах, которые установлены законом, а также согласованы с собственником земельного участка. Указанное требование закреплено ст. 264 ГК РФ.

Из всего сказанного выше можно обозначить следующие правовые признаки земельного участка:

- ♦ это часть земной поверхности (часть земли), верхний слой земной коры, границы которого определены в установленном законом порядке. Подчеркнем, что недра, т. е. глубины, расположенные ниже почвенного слоя, к этой категории не относятся и обладают самостоятельным значением [5, с. 23];
- ♦ ему присвоен статус «земельный участок» как самостоятельного объекта, части земли, в установленном регистрационном порядке с учетом его идентификационных характеристик;
- ♦ он является недвижимой вещью;
- ♦ может находиться в различных видах собственности;
- ♦ происходит из состава земель государственной или муниципальной собственности, а также из земельных участков, образованных посредством раздела, перераспределения, выделения или объединения;
- ♦ с ним могут совершаться различные сделки в пределах закона и разрешенного использования, если оборот земельного участка не ограничен или он вовсе не изъят из оборота.

В вопросе соотношения понятий «земля» и «земельный участок» можно констатировать, что «земля» — общее понятие, которое можно представить

как совокупность земельных участков. Зачастую эти понятия употребляются как синонимы, учитывая присутствие множества схожих признаков (часть земной поверхности, недвижимое имущество, возможность нахождения в собственности и т. д.). Между тем, земельный участок — часть земли, земной поверхности, обладающей индивидуальными характеристиками, закрепленными в порядке государственной регистрации (местоположение, границы, площадь и пр.). Такое обособление имеет важное значение для гражданского оборота, поскольку не просто земля, а именно конкретные земельные участки зачастую становятся объектом имущественных отношений заинтересованных субъектов.

Проведенный анализ позволяет также сделать вывод о необходимости легального законодательного закрепления понятий «земля» и «земельный участок», определив их индивидуально-правовые признаки. Это обеспечит более четкое их разграничение и понимание в практической реализации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 1 октября 2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 1 октября 2023 г.) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

Информация об авторах

С. А. Анохин — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

О. Г. Полежаева — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

S. A. Anokhin — Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

O. G. Polezhaeva — Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

4. Боголюбов С. А. Земельное право: учебник для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023.

5. Филатенкова М. С. Некоторые аспекты соотношения понятия «земля» и «земельный участок» в земельном законодательстве РФ // Фундаментальные и прикладные научные исследования: вопросы и перспективы развития. Социальное и экономическое развитие в XXI веке. Особенности развития современной науки: актуальные вопросы, открытия и перспективы. 2019. С. 18–24.

References

1. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (ed. from July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. No. 144.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part I) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (ed. from October 1, 2023) // CL RF. 1994. No. 32. St. 3301.
3. Land Code of the Russian Federation dated October 25, 2001 No. 136-Federal Law (ed. from October 1, 2023) // CL RF. 2001. No. 44. St. 4147.
4. Bogolyubov S. A. Land law: textbook for universities. 9th ed., reprint. and additional M. : Yurait, 2023.
5. Filatenkova M. S. Some aspects of the relationship between the concepts of «land» and «land plot» in the land legislation of the Russian Federation // Fundamental and applied scientific research: issues and prospects of development. Social and economic development in the 21st century. Features of the development of modern science: current issues, discoveries and prospects. 2019. P. 18–24.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-32-36>

EDN: <https://elibrary.ru/gscvgm>

НИОН: 2003-0059-7/23-889

MOSURED: 77/27-003-2023-07-088

Компенсация морального вреда в добровольном порядке: особенности и перспективы применения

Анастасия Владимировна Асташкина¹, Андрей Иванович Комзолов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ asanastasia@yandex.ru

Аннотация. Исследуется право причинителя морального вреда добровольного предоставления потерпевшему компенсации морального вреда. Рассматриваются особенности содержания и оформления соглашения о компенсации морального вреда.

Ключевые слова: защита гражданских прав, соглашение о компенсации морального вреда, потерпевший, причинитель морального вреда, соглашение об уплате алиментов

Для цитирования: Асташкина А. В., Комзолов А. И. Компенсация морального вреда в добровольном порядке: особенности и перспективы применения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 32–36. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-32-36>. EDN: GSCVGM.

Original article

Compensation for moral damage on a voluntary basis: features and prospects of application

Anastasia V. Astashkina¹, Andrei I. Komzolov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ asanastasia@yandex.ru

Abstract. The right of the causer of moral harm to voluntarily provide the victim with compensation for moral harm is examined. The features of the content and execution of an agreement on compensation for moral damage are considered.

Keywords: protection of civil rights, agreement on compensation for moral damage, victim, causer of moral harm, agreement on payment of alimony

For citation: Astashkina A. V., Komzolov A. I. Compensation for moral damage on a voluntary basis: features and prospects of application. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):32–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-32-36>. EDN: GSCVGM.

Традиционно вопросы возмещения морального вреда относятся к числу наиболее дискуссионных как в научном сообществе, так и среди практикующих юристов.

Данные статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствуют о широкой распространенности предъявления исков о компенсации морального вреда в связи с причинением вреда жизни и здоровью. Так, за первое полугодие 2023 г. судами общей юрисдикции по данным искам было рассмотрено с вынесением судебного решения 8626 дел, в 1868 из которых размер заявленных требований составил свыше 1 млн руб. [7].

Компенсация морального вреда является одним из важнейших способов защиты гражданских прав, которому в научных исследованиях в настоящее время уделяется повышенное внимание [3; 5; 2].

Оно обусловлено принятием 15 ноября 2022 г. резонансного постановления Пленума Верховного Суда РФ [9], которое по прошествии без малого 30 лет действия предыдущего постановления Пленума Верховного Суда РФ 1994 г. [10] впервые содержит объемные структурированные разъяснения, как по общим положениям о праве на компенсацию морального вреда, включая основополагающие понятия «физические и нравственные страдания», так и по отдельным случаям его компенсации, а также

© Асташкина А. В., Комзолов А. И., 2023

по процессуальным вопросам рассмотрения судами дел данной категории.

Особое место среди всего массива новых разъяснений занимают положения п. 24 постановления Пленума ВС РФ № 33 о праве причинителя вреда добровольного предоставления потерпевшему компенсации морального вреда, как в денежной, так и в иной форме, в оказании какой-либо услуги, в выполнении самим причинителем вреда или за его счет работы, направленной на сглаживание (смягчение) его физических и нравственных страданий, что свидетельствует о возможности достижения консенсуса между потерпевшим и причинителем вреда в досудебном порядке.

Однако при этом отмечается, что факт получения потерпевшим добровольно предоставленной причинителем вреда компенсации, как и сделанное потерпевшим в рамках уголовного судопроизводства заявление о полной компенсации причиненного ему морального вреда, не исключают возможности взыскания компенсации последнего в порядке гражданского судопроизводства, если суд придет к выводу о том, что добровольная компенсация не позволяет в полном объеме компенсировать причиненные потерпевшему физические или нравственные страдания.

Представляется очевидным и следует согласиться с мнением исследователей о том, что возможность обращения в суд потерпевшего за соответствующей компенсацией уже после ее выплаты в добровольном порядке причинителем вреда не способствует повышению тенденции добровольной компенсации морального вреда [4; 6; 1].

При использовании потерпевшим данной возможности предшествующая ей добровольная компенсация со стороны причинителя вреда будет бесполезной и повлечет для последнего при удовлетворении иска дополнительные выплаты.

Возникает вопрос, чем может быть вызвано последующее обращение потерпевшего в суд и каким образом его можно предотвратить при наличии факта получения компенсации в добровольном порядке?

При этом необходимо учитывать, что п. 30 постановления Пленума ВС РФ № 33 предусматривает достижение потерпевшим посредством выплаты компенсации нескольких возможных результатов, определяя, что сумма компенсации морального вре-

да, подлежащая взысканию с ответчика, должна *компенсировать* потерпевшему перенесенные им физические или нравственные страдания, *устранить* эти страдания либо *сгладить* их остроту.

Думается, что последующее обращение потерпевшего, получившего ранее компенсацию морального вреда в добровольном порядке, в суд с повторным требованием ее выплаты, будет свидетельствовать о том, что ни один из вышеуказанных результатов не был им достигнут в полном объеме либо, как вариант, о злоупотреблении потерпевшим своим правом на компенсацию морального вреда. В любом случае такое обращение будет связано с затратами времени и средств для каждой из сторон, а также неопределенностью до момента принятия судебного решения.

Оптимальным способом предотвращения указанных нежелательных последствий, по нашему мнению, является прямо установленное законом право определения размера компенсации морального вреда посредством оформления соответствующего соглашения между потерпевшим и его причинителем в рамках исполнения обязанности возмещения в соответствии со ст. 1099 и ст. 11 Гражданского кодекса РФ.

При этом в данном случае целесообразно будет провести аналогию с правом заключения соглашения родителями о содержании своих несовершеннолетних детей (соглашение об уплате алиментов) предусмотренным ст. 80 Семейного кодекса РФ (СК РФ) в рамках исполнения ими соответствующей обязанности данного содержания.

Размер алиментов, уплачиваемых по соглашению, согласно п. 1 ст. 103 СК РФ определяется его сторонами. По общему правилу минимальные и максимальные ограничения по сумме выплаты отсутствуют.

Вместе с тем п. 2 ст. 103 СК РФ предусмотрено, что размер алиментов по соглашению на несовершеннолетних детей не может быть ниже размера алиментов, которые они могли бы получить при взыскании алиментов в судебном порядке в соответствии с п. 1 ст. 81 СК РФ: ежемесячно на одного ребенка — одна четверть, на двух детей — одна треть, на трех и более детей — половина заработка и (или) иного дохода родителей.

Минимальный размер алиментов по соглашению на несовершеннолетних детей зависит от уровня заработка и (или) иного дохода плательщика.

Что касается минимального размера компенсации морального вреда в судебном порядке, то п. 30 постановления Пленума ВС РФ № 33 ограничивается следующей формулировкой: «исключается присуждение потерпевшему чрезвычайно малой, незначительной денежной суммы, если только такая сумма не была указана им в исковом заявлении».

Минимальный размер компенсации морального вреда по соглашению между потерпевшим и его причинителем постановлением Пленума ВС РФ № 33 не предусматривается.

Это связано с отсутствием в законодательстве не только относительного критерия, такого как, например, заработок и (или) иной доход причинителя морального вреда по аналогии с заработком и (или) иным доходом родителя — плательщика в соглашении об уплате алиментов на несовершеннолетних детей, но и отсутствием какой-либо минимальной (максимальной) твердой денежной суммы компенсации морального вреда взыскиваемой в судебном порядке. Хотя рекомендации об использовании в деятельности судов разработанных специалистами методик оценки конкретных случаев причинения морального вреда в денежном выражении предлагаются [8].

Отсутствие каких-либо даже приблизительных ориентиров для определения размера компенсации в добровольном порядке на законодательном уровне в совокупности с правом последующего обращения потерпевшего за компенсацией в суд способствуют, на наш взгляд, усилению недоверия причинителя к такому порядку.

Отдельного внимания заслуживает оформление соглашения о компенсации морального вреда. И здесь мы вновь обратимся к нормам семейного законодательства.

В соответствии с п. 1, 2 ст. 100 СК РФ соглашение об уплате алиментов заключается в письменной форме, подлежит нотариальному удостоверению и имеет силу исполнительного листа. При этом несоблюдение данной формы как указано в этой же статье, влечет за собой ничтожность соглашения.

Закрепление в законе нотариальной формы соглашения об уплате алиментов, а также указание на его абсолютную недействительность как последствие нарушения установленной формы в совокупности с положениями п. 3 ст. 101 СК РФ о недопустимости одностороннего отказа от его исполнения или одно-

стороннего изменения в сочетании с фактической выплатой алиментов при полном соблюдении родителями его условий обеспечивают гарантию надлежащего исполнения ими обязанности по содержанию своих несовершеннолетних детей. Обращаться в суд с требованием взыскания алиментов в такой ситуации нет необходимости и оснований.

Требования к оформлению факта получения потерпевшим добровольно предоставленной причинителем морального вреда компенсации, как в денежной, так и в иной форме в постановлении Пленума ВС РФ № 33 не установлены. Отсюда следует, что стороны данного соглашения могут заключить его в любой форме по своему усмотрению, прежде всего устно, если соглашение будет исполнено при самом его совершении в соответствии с п. 2 ст. 159 ГК РФ или если сумма компенсации в добровольном порядке не превысит 10 тыс. руб. в соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 161 ГК РФ. Причинитель морального вреда и потерпевший должны будут заключить соглашение в простой письменной форме в случае превышения суммы компенсации 10 тыс. руб. или если сочтут это необходимым в нотариальной форме согласно подп. 2 п. 2 ст. 163 ГК РФ.

Но при всем при этом как следует из п. 24 постановления Пленума ВС РФ № 33, на который мы ссылались выше, если суд придет к выводу о том, что добровольная компенсация не позволила в полном объеме компенсировать причиненные потерпевшему физические или нравственные страдания, то не исключена возможность взыскания компенсации дополнительно к ранее предоставленной причинителем морального вреда добровольно. Это означает, что гарантии исполнения обязанности в данном случае нет — потерпевший имеет возможность инициировать обращение в суд и предоставить доказательства наличия неполной, по его мнению, компенсации морального вреда со стороны его причинителя.

На сегодняшний день, пока не сложилась соответствующая судебная практика, мы можем анализировать положения постановления Пленума ВС РФ № 33 только абстрактно, но сам факт его принятия не может быть переоценен, поскольку, несомненно, создал основу для последующего правового регулирования особенностей добровольного предоставления потерпевшему компенсации морального вреда его причинителем.

На наш взгляд, в перспективе законодательство должно содержать как положения о размерах компенсации морального вреда в добровольном порядке, так и требования к форме данного соглашения.

Подводя итог, необходимо отметить, что вопрос о реализации права потерпевшего на компенсацию морального вреда в добровольном порядке требует дальнейшей детальной проработки, включая компенсацию морального вреда в неденежной форме, и относится к наиболее перспективным направлениям совершенствования института возмещения морального вреда в России.

Список источников

1. Вакулина Г. А. О праве пациента на компенсацию морального вреда // Юрист. 2023. № 8. С. 36.
2. Губаева А. К., Чжеву Ли, Кратенко М. В. Базовый дискурс деликтного права в контексте разъяснений Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2. С. 257–284.
3. Егорова М. А., Кархалев Д. Н., Челышева Н. Ю., Комиссаров Г. А. Компенсация морального вреда: новые подходы в судебной практике // Юрист. 2023. № 5. С. 2–9.
4. Латыев А. Н. Новое постановление Пленума о моральном вреде // Закон. 2022. № 12. С. 105.
5. Мальбин Д. А. Предприниматели не страдают: некоторые размышления относительно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 // Вестник арбитражной практики. 2023. № 1. С. 84–92.
6. Эрделевский А. М. Новое в судебной практике по спорам о компенсации морального вреда // СПС «КонсультантПлюс».
7. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за первое полугодие 2023 г. // URL://<http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7041>.
8. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. М. : М-Логос, 2023.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

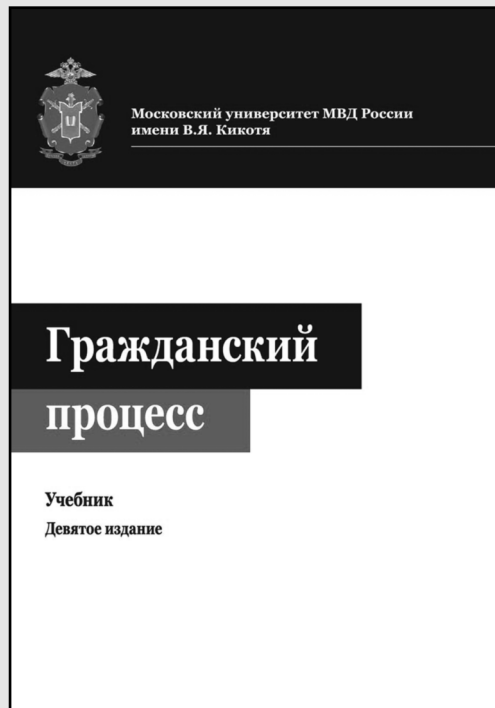
9-е изд., перераб. и доп. Учебник. 687 с.

Гриф МО РФ

Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»

Гриф НИИ образования и науки

Под ред. Л. В. Тумановой, Н. Д. Амаглобели

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 (ред. от 6 февраля 2007 г.) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. 1995. 8 февр.

References

1. Vakulina G. A. On the patient's right to compensation for moral harm // Yurist. 2023. No. 8. P. 36.
2. Gubaeva A. K., Zhevu Li, Kratenko M. V. Basic discourse of tort law in the context of explanations of the Supreme Court of the Russian Federation on compensation for moral harm // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2023. No. 2. P. 257–284.
3. Egorova M. A., Karkhalev D. N., Chelysheva N. Yu., Komissarov G. A. Compensation for moral harm: new approaches in judicial practice // Lawyer. 2023. No. 5. P. 2–9.
4. Latyev A. N. New resolution of the Plenum on moral harm // Law. 2022. No. 12. P. 105.
5. Malbin D. A. Entrepreneurs do not suffer: some reflections on paragraph 6 of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

dated November 15, 2022 No. 33 // Bulletin of Arbitration practice. 2023. No. 1. P. 84–92.

6. Erdelevsky A.M. New in judicial practice on disputes on compensation for moral damage // LRS «ConsultantPlus».

7. Report on the work of courts of general jurisdiction on the consideration of civil and administrative cases in the first instance for the first half of 2023 // URL://http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7041.

8. Methodological recommendations for determining the amount of compensation for moral harm in cases of encroachments on human life, health and physical integrity. M. : M-Logos, 2023.

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 15, 2022 No. 33 «On the practice of application by courts of norms on compensation for moral harm» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. No. 2.

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 20, 1994 No. 10 (ed. dated February 6, 2007) «Some issues of the application of legislation on compensation for moral damage» // Rossiyskaya Gazeta. 1995. February 8.

Информация об авторах

А. В. Асташкина — доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. И. Комзолов — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. V. Astashkina — Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. I. Komzolov — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 15.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 15.12.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-37-40>

EDN: <https://elibrary.ru/aipgxb>

ИПОН: 2003-0059-7/23-890

MOSURED: 77/27-003-2023-07-089

Некоторые аспекты объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ «Террористический акт»

Салават Курбангалиевич Бадамшин

Университет управления ТИСБИ, Казань, Республика Татарстан, sk-badamshin@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ «Террористический акт» и риски использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, а также использования средств массовой информации при совершении отдельных альтернативных действий основного состава. Вносится предложение предусмотреть в УК РФ новую статью за любую угрозу совершением взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий.

Ключевые слова: объективная сторона преступления, террористический акт, общественная безопасность, угроза совершения взрыва, поджога, средства массовой информации, электронные или информационно-телекоммуникационные сети

Для цитирования: Бадамшин С. К. Некоторые аспекты объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ «Террористический акт» // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 37–40. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-37-40>. EDN: AIPGXB.

Original article

Some aspects of the objective side of the crime under Part 1 of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation «Terrorism act»

Salavat K. Badamshin

TISBI University of Management, Kazan, Republic of Tatarstan, sk-badamshin@mail.ru

Abstract. The signs of the objective side of the crime under Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation «Terrorist act» and the risks of using electronic or information and telecommunication networks, as well as the use of mass media in the commission of certain alternative actions of the main composition are considered. A proposal is being made to provide for a new article in the Criminal Code of the Russian Federation for any threat of an explosion, arson or other actions that frighten the population and create a danger of human death, causing significant property damage or other grave consequences.

Keywords: objective side of the crime, terrorist act, public safety, threat of explosion, arson, mass media, electronic or information and telecommunication networks

For citation: Badamshin S. K. Some aspects of the objective side of the crime under Part 1 of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation «Terrorism act». Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):37–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-37-40>. EDN: AIPGXB.

Терроризм сегодня стал глобальным феноменом по своему масштабу, по тяжести наступаемых последствий. Перейдя на новый современный уровень, терроризму присущи использование достижений новейших технических средств, вооружение, способы подготовки участников, новые каналы финансирования террористической деятельности и т. д. Терроризм представляет собой единство идеологии и основанной на ней противоправной деятельности, направленной на устрашение общества, дестабилизацию функционирования государственных и обще-

ственных институтов, подрыв существующих основ безопасности, понуждение органов власти и международных организаций к принятию определенных решений [4, с. 214].

Последние годы характеризуются расширением масштабов и увеличением опасности преступной активности экстремистских и террористических сообществ и организаций, использующих для пропаганды своей противоправной деятельности и призывов к участию в ней различные ресурсы сети Интернет, при этом многие из соответствующих публика-

© Бадамшин С. К., 2023

ций выявляются со значительным опозданием и должное реагирование на них, в том числе с применением уголовно-правовых средств, не осуществляется [5, с. 781].

В настоящее время проблемы уголовной ответственности за преступления террористической направленности, а также преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей посвящены научные труды С. В. Иванцова, С. В. Борисова и др. Ученые акцентируют внимание на использования электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет в противоправных целях. В свою очередь квалификация преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, которая на современном этапе стала объектом пристального внимания ученых, ввиду своей актуальности, сопряжена с рядом трудностей, вытекающих из сложной правовой природы терроризма и его проявлений в информационном пространстве, а также из взаимосвязей последних с иными, смежными с ними составами преступлений. В связи с указанными обстоятельствами важно отметить, что уголовное законодательство об ответственности за рассматриваемые преступления нуждается в постоянном совершенствовании, в том числе с соблюдением принципов системности, правовой определенности и справедливости формируемых уголовно-правовых запретов в области противодействия терроризму, в том числе его проявлениям, осуществляемым с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

Первым преступлением, открывающим гл. 24 УК РФ и олицетворяющим сущность терроризма, является террористический акт (ст. 205 УК РФ). В диспозиции ч. 1 можно выделить два вида террористического акта (два вида действий, характеризующих теракт, или две формы его проявления): 1) совершение взрыва, поджога или иных действий, которые устрашают население и создают опасность наступления определенных последствий в указанных целях; 2) угроза совершения таких действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями [6, с. 82]. Рассмат-

ривая его виды, считаем обоснованным предложение ученых о выделении из существующего состава деяния в форме угрозы совершения взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека или наступления иных тяжких последствий [2, с. 7; 3, с. 7].

Это предложение обосновывается меньшей степенью общественной опасности и иным внешним проявлением такого устрашающего действия. При этом цель деяния в виде стремления к дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействию на принятие ими решений следует, по нашему мнению, отнести к числу квалифицирующих признаков нового вида преступлений.

Отметим, что не можем согласиться с мнением ученых в части содержания обоснования такого разделения составов непосредственного осуществления взрыва, поджога и т. п., с одной стороны, и угрозы совершения данных действий, с другой, а именно с отнесением первого из них к категории материальных составов, а второго — к формальным составам преступлений [7, с. 9]. Полагаем, что создание опасности причинения последствий не является тождественным наступлению таковых, в связи с чем террористический акт без квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака в виде наступления определенных последствий следует рассматривать как состав, имеющий формальную конструкцию, что предполагает совпадение момента окончания данного преступления с моментом завершения соответствующего общественно опасного деяния.

Кроме того, мы не поддерживаем мнения ученых о большей обоснованности отнесения нарушения общественной безопасности и устрашения населения не к характеристике объективной стороны террористического акта, как это регламентировано действующей ст. 205 УК РФ, а к альтернативным целям данного преступления, как это имело место в первоначальной редакции рассматриваемой уголовно-правовой нормы [7, с. 9]. Считаем, что нарушение общественной безопасности и устрашение населения являются перманентными свойствами террористического акта, характеризующими именно его внешнее проявление и нарушаемые при этом общественные отношения, что, впрочем, входит в содержание умысла виновных лиц, поскольку осознание как интеллектуальный момент последнего распространяется

на все объективные признаки совершаемого преступления, имеющие юридическое значение.

Отметим, что в Уголовном кодексе Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с изм. и доп. по состоянию на 1 октября 2023 г.) угроза совершения взрыва, поджога и т. п. выделена в отдельный состав преступления (ст. 290 данного Кодекса), что представляет для нас положительный опыт в криминализации проявлений терроризма. Можем согласиться с мнением С. В. Борисова, С. С. Харитоновой, что разделение уголовной ответственности на два существенно различающихся между собой деяния в виде террористического акта (акта терроризма) и угрозы его совершением на два самостоятельных состава преступления в большей степени соответствует принципу справедливости уголовной ответственности и позволяет дифференцировать последнюю с учетом менее значительной общественной опасности указанной угрозы, нежели объединение таких посягательств в рамках одного и того же уголовно-правового запрета [1, с. 108].

Мы же предлагаем пойти дальше и учесть наметившуюся тенденцию, когда сообщение о готовящемся теракте, будь оно заведомо ложным или соответствующим действительности, в равной степени может быть использовано в террористических целях. Резкое увеличение количества таких звонков, наблюдаемое в России ежегодно, в сегодняшних геополитических условиях дестабилизирует обстановку и деятельность государственных и муниципальных органов, устрашает население и нарушает общественную безопасность. Кроме того, виновные лица, будучи уверенными в своей безнаказанности, могут таким образом «тестировать» российские правоохранительные органы и иные учреждения, либо отвлекать внимание от другого объекта посягательства, притуплять бдительность населения, работников различных организаций и сотрудников правоохранительных органов за счет «привыкания» к ложности поднимаемых тревог с вытекающим из этого ненадлежащим отношением к исполнению своих обязанностей в последующих сходных случаях.

С учетом изложенного наше предложение состоит в том, чтобы предусмотреть в новой ст. 2057 УК РФ ответственность за любую угрозу совершением взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких послед-

ствий, исключить указание на такую угрозу из диспозиции ст. 205 УК РФ.

Поскольку лица, выражающие такую угрозу, не обязательно могут преследовать цели, присущие террористическому акту, нами, как уже было указано выше, предлагается отнести таковые к числу квалифицирующих признаков проектируемого состава преступления.

Кроме того, нами предлагается ввести в новый предлагаемый состав преступления такой квалифицирующий признак, как публичное выражение указанной угрозы, в том числе с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. Для данного состава публичность не является типичным признаком и может проявляться лишь в отдельных случаях совершения этого преступления, причем специфика действий, характеризующихся как сообщение об акте терроризма, предполагает адресное обращение виновного к определенным органам, учреждениям либо организациям, в том числе и посредством сети «Интернет», вместе с тем отдельные проявления таких действий могут выходить за эти узкие рамки и становиться известными многим людям, тем самым в большей степени нарушая общественную опасность и устрашая население. При этом выделение из публичного способа такой его разновидности как совершение деяния с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей и установление более строгого наказания за соответствующее деяние в предлагаемом составе видится нам нецелесообразным вследствие единичности таких случаев и отягчающего (квалифицирующего) значения данного признака в целом.

Резюмируя, отметим, что нормы особенной части УК РФ об уголовной ответственности за преступления террористической направленности требуют постоянного особого внимания, дальнейшей конкретизации и развития.

Список источников

1. Борисов С. В., Харитонов С. С. Особенности регламентации ответственности в контексте обеспечения законности за преступления террористической направленности в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь // Право.by. 2019. № 4 (60). С. 106–110.

2. Гаухман Л. Д. Уголовно-правовая борьба с терроризмом // Законность. 2001. № 5. С. 4–7.

3. Дерюгина Ю. Н. Терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

4. Иванцов С. В. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления террористической направленности в контексте системности правового регулирования // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения А. И. Марцева (Омск, 28 февраля 2020 г.). Омск : Омская академия МВД России, 2020. С. 214–219.

5. Иванцов С. В., Борисов С. В., Узембаева Г. И. и др. Актуальные проблемы совершенствования системы мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 776–784.

6. Иванцов С. В., Бадамшин С. К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. Тбилиси : Юнити, 2019.

7. Мирзоахмедов Ф. А. Уголовная ответственность за терроризм по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование): дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

References

1. Borisov S. V., Kharitonov S. S. Features of regulation of responsibility in the context of ensuring legality for terrorist crimes in the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus // Law.by. 2019. No. 4 (60). P. 106–110.

2. Gaukhman L. D. Criminal and legal fight against terrorism // Legality. 2001. No. 5. P. 4–7.

3. Deryugina Yu. N. Terrorism: criminal-legal and criminological aspects: diss. ... cand. jurid. M., 2001.

4. Ivantsov S. V. Actual problems of criminal liability for terrorist crimes in the context of systematic legal regulation // Actual problems of the doctrine of crime: abstracts of reports and messages of the international scientific conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of A. I. Martsev (Omsk, February 28, 2020). Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. P. 214–219.

5. Ivantsov S. V., Borisov S. V., Uzembayeva G. I. and others. Actual problems of improving the system of measures for criminological prevention of extremist crimes committed using information and telecommunication networks // All-Russian Criminological Journal. 2018. Vol. 12. No. 6. P. 776–784.

6. Ivantsov S. V., Badamshin S. K. Terrorist crimes committed using electronic or information and telecommunication networks. Tbilisi : Unity, 2019.

7. Mirzoakhmedov F. A. Criminal liability for terrorism under the legislation of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation (comparative legal study): diss. ... cand. jurid. sciences. M., 2016.

Информация об авторе

С. К. Бадамшин — доцент кафедры уголовного права и процесса Университета управления ТИСБИ, кандидат юридических наук.

Information about the author

S. K. Badamshin — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of the TISBI University of Management, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 24.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 24.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-41-45>

EDN: <https://elibrary.ru/bbovss>

ИИОН: 2003-0059-7/23-891

MOSURED: 77/27-003-2023-07-090

Вопросы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в современных условиях

Александр Иванович Бастрыкин

Следственный комитет Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Проанализирована необходимость совершенствования уголовного судопроизводства. Рассмотрены вопросы улучшения международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Вносятся предложения о возвращении в УПК РФ в качестве цели правосудия установление объективной истины.

Ключевые слова: Следственный комитет Российской Федерации, совершенствование уголовного судопроизводства, гуманизация, уголовная политика

Для цитирования: Бастрыкин А. И. Вопросы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 41–45. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-41-45>. EDN: BBOVSS.

Original article

Issues of improving criminal procedure legislation in modern conditions

Alexander I. Bastrykin

Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The necessity of improving criminal proceedings is analyzed. The issues of improving international cooperation in the field of criminal justice are considered. Proposals are being made to return to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as the goal of justice to establish objective truth.

Keywords: Investigative Committee of the Russian Federation, improvement of criminal proceedings, humanization, criminal policy

For citation: Bastrykin A. I. Issues of improving criminal procedure legislation in modern conditions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):41–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-41-45>. EDN: BBOVSS.

Современный российский уголовный процесс переживает непростые времена. Судебно-правовая реформа, которая началась в нашей стране в 1991 г., осуществляется практически непрерывно. Ее задачи были сформулированы в «Концепции судебной реформы в РСФСР», принятой 24 октября 1991 г. Верховным Советом РСФСР [1].

С того времени в правовой сфере страны многое изменилось — была принята Конституция России, сформировалась обновленная судебная система, в 2011 г. образован независимый следственный орган — Следственный комитет Российской Федерации (далее — СК России). Его образование как самостоятельной государственной структуры стало последовательным шагом по реорганизации органов прокуратуры и следствия.

С принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [3] была создана новая система контроля за процессуальной деятельностью следователей со стороны руководителя следственного органа, которому передана значительная часть полномочий, ранее осуществлявшихся прокурором.

Необходимо отметить, что одним из непосредственных шагов по реализации Концепции судебной реформы явилось принятие Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) [2], вступившего в силу с 1 июля 2002 г. К числу его главных достоинств следует отнести состязательность уголовного судопроизводства и значительное рас-

© Бастрыкин А. И., 2023

ширение процессуальных гарантий обеспечения конституционных прав и свобод человека.

В выполнении этой задачи СК России принимает самое активное участие.

Так, по инициативе СК России еще в 2013 г. (28 декабря 2013 г.) был принят Федеральный закон № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве». Этим законом значительно расширены конституционные права потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Для их обеспечения следователями ведомства активно проводится работа по возмещению причиненного преступлением ущерба.

Только за девять месяцев 2023 г. государству и потерпевшим гражданам компенсировано более 86 млрд руб. (с 2011 по 2022 гг. эта сумма составила свыше 700 млрд руб.). Дополнительно наложен арест на имущество обвиняемых стоимостью свыше 76,2 млрд руб.

СК России планомерно участвует в решении проблемы обманутых дольщиков, в том числе в разработке и реализации мер государственной политики в данном направлении. Так, усилиями следователей ведомства удалось возместить потерпевшим дольщикам более 2,7 млрд руб., кроме того, наложен арест на имущество недобросовестных застройщиков на сумму 2,8 млрд руб.¹

При этом уголовно-правовые меры воздействия применялись сбалансированно. Из 89,8 тыс. подозреваемых только 15,4 тыс., или 17,1 % содержались в период предварительного следствия под стражей. Из них 95,5 % обвинялись в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, почти 79 % обвиняемых совершили насильственные деяния. Все шире используются меры пресечения, не связанные с лишением свободы (за последние пять лет их доля возросла почти на 30 %).

При этом в ходе проведения специальной военной операции в условиях военного положения (на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей военное положение введено Указом Президента России от 19 октября 2022 г. № 756 [8]) ужесточена такая мера процессуального принуждения, как задержание подозреваемого. Максимальный срок задержания подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в условиях во-

енного положения составляет 30 суток с момента фактического задержания [7].

Важно подчеркнуть, что в современный период повышенное внимание уделяется обеспечению экономической безопасности, в том числе уголовно-правовыми средствами. Уголовная политика учитывает необходимость поддержки бизнеса и улучшения делового климата.

При этом идея гуманизации нашла свое воплощение в возможности освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление экономической направленности, при условии полного возмещения ущерба и перечисления в федеральный бюджет денежного возмещения в установленном законом размере (ст. 76.1 УК РФ, ст. 28.1 УПК РФ) [4].

Вместе с тем нельзя недооценивать опасность преступлений в налоговой сфере. В работе следователей на этом направлении, безусловно, наблюдается положительная динамика. Сумма возмещенного в ходе процессуальной деятельности ущерба по делам о налоговых преступлениях возросла с 5,3 млрд руб. в 2011 г. до 50,2 млрд руб. в 2022 г. За девять месяцев 2023 г. эта сумма составила 55,4 млрд руб.

Необходимо сказать о том, что в 2022 г. принят Федеральный закон от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ «О внесении изменений в ст. 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [6]. Этим законом ст. 140 УПК РФ дополнена положением, устанавливающим, что поводом для возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, служат только материалы, которые направлены налоговыми органами (исключая материалы органов внутренних дел) в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Тем самым с помощью возвращения практики возбуждения дел только после налоговой проверки будет снижена нагрузка на предпринимателей в условиях западных санкций.

Вместе с тем следует отметить, что при расследовании налоговых преступлений СК России нередко сталкивается с так называемыми площадками по продаже «бумажного налога на добавленную стоимость», на которых осуществляется подготовка за вознаграждение подложной налоговой документа-

¹ Приведены статистические данные за девять месяцев 2023 г.

ции, с помощью которых недобросовестные налогоплательщики уклоняются от уплаты налогов. Не секрет, что НДС — крупнейший источник доходов бюджета. В связи с этим по инициативе СК России, ФНС России и МВД России Государственной Думой ФС РФ в первом чтении принят законопроект, предусматривающий уголовную ответственность за продажу «бумажного НДС» (заведомо подложных счетов-фактур и налоговых деклараций), что необходимо для защиты экономических интересов добросовестных предпринимателей.

Следует сказать и о том, что необходимо принимать меры и по совершенствованию международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Важнейшим направлением этой работы является сотрудничество с зарубежными коллегами в вопросах розыска обвиняемых, ареста и возврата из-за рубежа имущества, добытого преступным путем. К примеру, в 2022 и в текущем году компетентными органами иностранных государств исполнено порядка 1,5 тыс. международных запросов СК России.

Вместе с тем на фоне беспрецедентной антиросийской кампании, развернутой недружественными государствами, увеличилось количество отказов иностранных правоохранителей в исполнении российских запросов.

В таких условиях существенно возросла значимость качественного и своевременного выполнения российских запросов о международной правовой помощи. В связи с этим сейчас в Государственной Думе ФС РФ рассматривается проект Федерального закона № 280226-8 «О внесении изменений в статьи 453 и 456 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (по вопросу о консульской функции по выполнению отдельных процессуальных действий по уголовным делам по запросам компетентных органов представляемого государства).

Работа над этим документом велась СК России совместно с МИД России, Генеральной прокуратурой Российской Федерации и иными заинтересованными государственными органами несколько лет. Наделение консульских должностных лиц полномочиями по выполнению отдельных уголовно-процессуальных функций за рубежом позволит российским следственным органам решать задачи уголовного судопроизводства вне зависимости от политизированных решений отдельных государств.

Правоприменительная практика свидетельствует и о необходимости совершенствования способов собирания доказательств, основанных на использовании специальных технических средств для получения и фиксации доказательственной информации, в том числе содержащейся на электронных носителях информации. Значительной минимизации издержек человеческого фактора в уголовном судопроизводстве могли бы способствовать такие направления криминалистики, как, например, габитоскопия — отрасль криминалистической техники, направленной на совершенствование сбора и использования данных о внешнем облике человека. Применяемые в системах видеонаблюдения алгоритмы искусственного интеллекта позволяют устанавливать необходимые для расследования преступлений факты. К примеру, такие технологии позволили установить исполнителей и заказчиков убийств Дарьи Дугиной, Владлена Татарского (настоящее имя Максим Фомин), а также лиц, покушавшихся на Захара Прилепина, Владимира Соловьева.

Кроме того, в настоящее время Главным управлением криминалистики (Криминалистическим центром) СК России активно прорабатываются вопросы планомерного внедрения в практику криминалистического сопровождения следствия оперативной обработки и исследования данных телематических систем транспортных средств.

Исследуя электронные блоки управления различных систем автотранспорта, с помощью уже закупленного специального программного обеспечения специалисты Главного управления криминалистики СК России смогут устанавливать маршруты его передвижения, скорость, время холостого хода, расход топлива, неисправности автомобиля и многое другое. В перспективе мы должны стать способными осуществлять реконструкцию дорожно-транспортных происшествий, вплоть до определения последовательности ударов по транспорту. Уровень развития автомобильной техники сегодня позволяет это делать.

Еще одно важнейшее направление развития криминалистической деятельности — создание автоматизированной информационной системы учета транзакций цифровых валют, так как криптовалюта все чаще выступает предметом взятки, коммерческого подкупа, иных незаконных действий, а также предметом преступного посягательства.

Конечно же, это далеко не весь перечень перспективных направлений дальнейшего развития криминалистической деятельности с целью минимизации издержек человеческого фактора в уголовном судопроизводстве. Тем не менее, перечисленные направления развития являются одними из главных в развитии криминалистики.

Стоит также отметить, что Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 8-ФЗ [5] существенно расширен перечень лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации. Теперь такой регистрации также будут подлежать лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение любых преступлений (ранее — только тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности), а также лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений. Полномочия по проведению обязательной государственной геномной регистрации возлагаются и на экспертные подразделения Следственного комитета России. Несомненно, это позволит существенно повысить уровень раскрываемости преступлений, особенно совершенных в прошлые годы.

Следует также учесть, что в целях дальнейшего реформирования уголовно-процессуального законодательства, на наш взгляд, в Уголовно-процессуальный кодекс РФ необходимо включить такое понятие, как **установление объективной истины**.

Принятый в 2001 г. УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР, не содержит положений, определяющих объективную истину в качестве цели уголовного судопроизводства.

В ст. 6 УПК РФ уголовное преследование и справедливое наказание виновных, а также ограждение от этих неблагоприятных правовых последствий невиновных определяются в качестве назначения уголовного судопроизводства. Вместе с тем сделать это невозможно без выяснения обстоятельств уголовного дела такими, какими они были в действительности, т. е. установления по делу объективной истины. И возвращение в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в качестве цели правосудия установление объективной истины по уголовному делу позволит также обеспечить гарантии конституционного права на справедливое правосудие и повысить степень доверия граждан к правосудию.

Кроме того, по нашему мнению, необходимо вернуть в головной процессуальный кодекс Российской Федерации **принцип полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела**.

Этот принцип, кстати, сохранен в Уголовном кодексе Российской Федерации, в котором установлена уголовная ответственность (ст. 294 УК РФ) за вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела.

Что же касается вопроса введения института уголовного проступка (в соответствии с которым предлагается распространить этот институт на составы преступлений небольшой тяжести, не наказуемых лишением свободы, если они совершены впервые), то реализация этого предложения Верховного суда Российской Федерации, на наш взгляд, будет способствовать более широкому применению мер, альтернативных уголовному наказанию. Это предложение Верховного суда Российской Федерации заслуживает внимания, так как наличие судимости препятствует социализации граждан, трудоустройству, получению финансовых услуг.

Список источников

1. Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 2 ноября 2023 г.) // Парламентская газета. 2001. 22 дек.
3. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ (ред. от 22 декабря 2014 г.) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2017 г.) // Парламентская газета. 2007. 15 июня.
4. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 9 дек.
5. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 8-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»

Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 6. Ст. 915.

6. Федеральный закон от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2022. 11 марта.

7. Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Парламентская газета. 2023. 11 авг.

8. Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Российская газета. 2022. 20 окт.

References

1. Resolution of the Supreme Council of the RSFSR of October 24, 1991 No. 1801-1 «On the concept of judicial reform in the RSFSR» // Vedomosti SND of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR. 1991. No. 44. Art. 1435.

2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (ed. November 2 2023) // Parliamentary newspaper. 2001. 22 Dec.

3. Federal Law No. 87-FZ of June 5, 2007 (as amended on December 22, 2014) «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» (with Amendments and Additions, introduction, effective from January 1, 2017) // Parliamentary Gazette. 2007. June 15th.

4. Federal Law No. 420-FZ of December 7, 2011 (as amended on July 3, 2016) «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2011. 9 Dec.

5. Federal Law No. 8-FZ of February 6, 2023 «On Amendments to the Federal Law «On State Genomic Registration in the Russian Federation» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // CL RF. 2023. No. 6. Art. 915.

6. Federal Law No. 9 March 2022 51FZ «On Amendments to Articles 140 and 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. 2022. March 11th.

7. Federal Law No. 396-FZ of July 31, 2023 «On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Parliamentary Gazette. 2023. 11 Aug.

8. Decree of the President of the Russian Federation dated October 19, 2022 No. 756 «On the introduction of martial law in the territories of the Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, Zaporizhia and Kherson regions» // Rossiyskaya Gazeta. 2022. October 20.

Библиографический список

1. Бастрыкин А. И. Суть суда // URL://<https://proza.ru/2017/03/13/829>.

Bibliographic list

1. Bastrykin A. I. The essence of the court // URL://<https://proza.ru/2017/03/13/829>.

Информация об авторе

А. И. Бастрыкин — председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, генерал юстиции Российской Федерации.

Information about the author

A. I. Bastrykin — Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, General of Justice of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 341

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-46-53>

EDN: <https://elibrary.ru/blodmm>

ИПОН: 2003-0059-7/23-892

MOSURED: 77/27-003-2023-07-091

Перспективы цифрового рубля как инструмента противодействия легализации преступных доходов (китайский опыт)

Юлия Леонидовна Беляева

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, ms.jlbelyaeva@gmail.com

Аннотация. Цифровая трансформация экономики способствует появлению новых финансовых инструментов, которые имеют ряд неоспоримых преимуществ, в связи с чем могут использоваться в криминальной деятельности. Цифровые валюты, в частности криптовалюты и стейблкоины, ввиду повышенной анонимности и возможности международного перемещения, активно используются для легализации преступных доходов. Исследованы ключевые аспекты введения цифрового рубля в экономику России и его перспективы в сфере противодействия легализации преступных доходов на примере опыта Китая. Проанализированы возможности использования цифрового юаня и цифрового рубля в трансграничных транзакциях.

Ключевые слова: отмыwanie денежных средств, легализация преступных доходов, цифровая экономика, цифровой рубль, цифровой юань, цифровые валюты центральных банков

Для цитирования: Беляева Ю. Л. Перспективы цифрового рубля как инструмента противодействия легализации преступных доходов (китайский опыт) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 46–53. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-46-53>. EDN: BLODMM.

Original article

Prospects of the digital ruble as a tool to counteract the legalization of criminal proceeds (Chinese experience)

Yulia L. Belyaeva

Moscow State Institute of International Relations (University)

of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, ms.jlbelyaeva@gmail.com

Abstract. The digital transformation of the economy facilitates the emergence of new financial instruments, which have a number of undeniable advantages that can be used in criminal activities. Digital currencies, in particular cryptocurrencies and stablecoins, due to increased anonymity and the possibility of international movement, are actively used for legalization of criminal proceeds. The key aspects of the introduction of the digital ruble into the Russian economy and its prospects in the sphere of combating money laundering are studied using the example of China's experience. The possibilities of using digital yuan and digital ruble in cross-border transactions are analyzed.

Keywords: money laundering, legalization of criminal proceeds, digital economy, digital ruble, digital yuan, central bank digital currency

For citation: Belyaeva Yu. L. Prospects of the digital ruble as a tool to counteract the legalization of criminal proceeds (Chinese experience). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):46–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-46-53>. EDN: BLODMM.

Легализация (отмыwanie) преступных доходов (далее — ОД) остается одним из самых прибыльных секторов незаконной предпринимательской деятельности в мире, большая часть которой контролируется глобальными синдикатами по ОД, предлагающих свои услуги преступным сообществам в больших масштабах и умело использующих лазейки в финансовых системах. ОД напрямую сопряжено с любой преступной деятельностью, имеющей экономическую при-

быль, которая в большинстве случаев и является ее основной целью. Преступные доходы все чаще используются для финансирования терроризма (далее — ФТ), одной из опаснейших глобальных проблем современности. Ввиду угроз стабильности национальных и межгосударственных экономических систем, а также политической безопасности как отдельных государств, так и мирового сообщества в целом, легализация (отмыwanie) преступных доходов

© Беляева Ю. Л., 2023

и финансирование терроризма получили статус преступлений международного характера.

Тем не менее, по мере ускорения темпов глобализации возрастают трудности в отслеживании ОД/ФТ. Это особенно актуально с появлением виртуальных валют и новых технологий мобильного банкинга, увеличивших скорость и простоту международных транзакций. В 2009 г. биткойн стал первой криптовалютой, когда-либо запущенной в обращение. В последующее десятилетие были разработаны альтернативные криптовалюты, а также новые методы платежей и финансирования. Все они известны как виртуальные активы, которые включают (но не ограничиваются ими): конвертируемую виртуальную валюту и криптовалюту, стейблкоины, невзаимозаменяемые токены. Во время пандемии COVID-19 использование криптовалют росло во всем мире беспрецедентными темпами, на сегодняшний день существует более 21 тыс. видов криптовалют, а их капитализация составляет 1,08 трлн долл. США¹.

Криптовалюта представляет собой цифровую платежную систему, при проверке транзакций в которой не участвуют банки, а право собственности демонстрируется исключительно с помощью криптографии (т. е. шифрования) без подтверждения личности. Большая часть криптовалют, включая самые популярные, функционирует на базе технологии распределенного реестра — блокчейн, где хранятся записи обо всех транзакциях, обновляемые держателями валюты.

Криптовалютные транзакции в блокчейн децентрализованы и проводятся через самозарегистрированных участников путем создания собственной пары ключей, представляющей собой комбинацию открытого ключа, используемого для шифрования данных и генерации адреса с криптовалютными единицами, и закрытого ключа — для их расшифровки, что позволяет перемещать запись или единицу измерения от одного лица к другому без доверенной третьей стороны. В результате такая децентрализованная система проводить транзакции с определенной степенью анонимности вне правил и надзора финансовых учреждений, на которые распространяются правовые нормы по борьбе с отмыванием денег, и правоохранительных органов, а также делает невозможным изъятие права собственности без согласия владельца.

Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (далее — ФАТФ)² впервые существенно затронула криптовалюты в 2014 г., выпустив

предварительную оценку³, а в 2015 г. — «Руководство по применению риск-ориентированного подхода к виртуальным валютам»⁴. В июне 2019 г. ФАТФ также приняла первую версию Руководства по применению риск-ориентированного подхода виртуальным активам и поставщикам услуг виртуальных активов⁵, которое было обновлено в октябре 2021 г.⁶

ФАТФ отмечает, что законное использование виртуальных валют дает множество преимуществ, таких как повышение эффективности платежей и снижение стоимости транзакций. Виртуальные валюты облегчают проведение международных платежей и позволяют предоставлять платежные услуги населению, не имеющему или имеющему ограниченный доступ к обычным банковским услугам. Однако другие характеристики виртуальных валют в сочетании с их глобальным охватом создают потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ, такие как: анонимность, обеспечиваемая торговлей виртуальными валютами в Интернете; ограниченная идентификация и проверка участников; отсутствие ясности в отношении ответственности за соблюдение требований ПОД/ФТ, надзора и правоприменения в отношении этих операций, сегментированных в нескольких странах; отсутствие центрального надзорного органа. Согласно исследованиям Контртеррористического управления ООН, все чаще террористические организации используют криптовалюту для финансирования своей деятельности⁷.

¹ Today's Cryptocurrency Prices by Market Cap // URL://<https://coinmarketcap.com>.

² Независимый межправительственный орган, разрабатывающий и продвигающий политику защиты мировой финансовой системы от отмывания денег, финансирования терроризма и финансирования распространения оружия массового уничтожения // URL://<https://www.fatf-gafi.org>.

³ FATF Report. Virtual Currencies Key Definitions and Potential AML/CFT Risks, 2014 // URL://<https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/reports/Virtual-currency-key-definitions-and-potential-aml-cft-risks.pdf>.

⁴ FATF Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Currencies, 2015 // URL://<https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/guidance/Guidance-RBA-Virtual-Currencies.pdf>.

⁵ FATF Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers, 2019 // URL://<https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/guidance/RBA-VA-VASPs.pdf>.

⁶ FATF Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers, 2021 // URL://<https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/guidance/Updated-Guidance-VA-VASP.pdf>.

⁷ Joint Report by UNICRI and UNCCT. Algorithms and Terrorism: The Malicious Use of Artificial Intelligence for Terrorist Purposes // URL://<https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org.counterterrorism/files/malicious-use-of-ai-uncct-unicri-report-hd.pdf>.

На основе анализа различных сценариев Международной организацией уголовной полиции (Интерпол) были выявлены пять тенденций в области финансовых преступлений с использованием кибертехнологий: торговля учетными данными карт, новыми способами оплаты и криптовалютами; криптовалютные платежи для поддержки незаконных операций; подозрительные транзакции по определенным криптовалютным адресам (хабам); кибератаки на криптовалютные биржи и поставщиков виртуальных активов; масштабные манипуляции в экосистемах блокчейн [1, с. 5].

Следует отметить, что в настоящее время годовой доход индустрии обработки платежей составляет 1,5 трлн долл. США, а к 2030 г. он может вырасти до 3 трлн долл. США⁸. По данным компании Chainalysis, занимающейся отслеживанием криптовалют, отмывание денег в криптовалюте, в целом в 2022 г. с нелегальных адресов было отправлено криптовалюты на сумму около 23,8 млрд долл. США, что на 68,0 % больше, чем в 2021 г. Крупнейшими получателями нелегальной криптовалюты стали централизованные биржи, на долю которых пришлось чуть менее половины всех средств, отправленных с нелегальных адресов. Это примечательно не только потому, что на таких биржах, как правило, действуют меры контроля, позволяющие сообщать о подобной деятельности и принимать меры в отношении пользователей, но и потому, что эти биржи являются фиатными «отмычками», где незаконная криптовалюта может быть конвертирована в наличные⁹.

Кроме того, если преступления происходят вне блокчейна, но средства отмываются или перемещаются через криптовалютные транзакции, анализ не учитывает эти действия как отмывание денег, связанное с криптовалютами. Как сказал один из аналитиков, «разумно предположить, что эти отчеты не учитывают значительную «темную цифру преступности», которая либо не была обнаружена, либо о ней до сих пор не сообщалось»¹⁰. Эффективность противодействия ОД/ФТ (далее — ПОД/ФТ) определяется политическими и законодательными внутригосударственными и международными мерами противодействия данному явлению. 3 декабря 2013 г. Народный банк Китая (далее — НБК) выпустил уведомление о мерах предосторожности в отношении биткоинов, по сути, запретив операции с биткоинами банкам и финансовым учреждениям Китая из-за опасений обойти суще-

ствующие жесткие правила регулирования финансовых рынков и рынков капитала¹¹. В 2017 г. совместным заявлением НБК и шести других государственных регуляторов был введен полный запрет¹² на проведение так называемых первичных предложений монет¹³. Третий случай наступил через месяц, когда всем пекинским криптовалютным биржам было дано указание прекратить регистрацию новых участников и подготовить планы ухода с рынка в сжатые сроки¹⁴. В итоге в конце сентября 2021 г. НБК запретил все операции с криптовалютами, ввиду их роли в содействии финансовым преступлениям, а также растущего риска для финансовой системы Китая. Более того, такой шаг способствовал противодействию незаконному выводу капитала из страны.

Однако полный отказ от оборота криптовалют в Китае не означал остановку в развитии цифровых инноваций и технологической отрасли. Критика криптовалют подтолкнула правительства ряда стран к поиску собственных цифровых валют центрального банка (далее — ЦВЦБ) для выпуска их фискальными органами/институтами. Будучи нишевой технологией, ЦВЦБ остается неоднозначной концепцией, не имеющей устоявшегося определения. Международный валютный фонд описывает ее как «новую форму денег, выпускаемую центральным банком в цифровом виде и предназначенную для использования в качестве законного платежного средства» [2, с. 7]. Как таковые, ЦВЦБ более безопасны и по своей сути не волатильны, в отличие от криптоактивов [3, с. 48].

⁸ Boston Consulting Group. Payments revenue pool on track to nearly double by 2030 // URL: <https://www.bcg.com/press/11october2021-payments-revenue-pool-track-to-nearly-double-by-2030>.

⁹ Chainalysis. The 2023 Crypto Crime Report // URL: https://go.chainalysis.com/rs/503-FAP-074/images/Crypto_Crime_Report_2023.pdf.

¹⁰ Thomson Reuters Institute: Crypto crime & caveats // URL: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/investigation-fraud-and-risk/crypto-crime-caveats>.

¹¹ The New York Times. China Restricts Banks' Use of Bitcoin // URL: <https://www.nytimes.com/2013/12/06/business/international/china-bars-banks-from-using-bitcoin.html>.

¹² Announcement of 09.04.2017 // URL: <http://lawinfochina.com/display.aspx?lib=law&id=23935>.

¹³ Первичное предложение монет (ICO) — это способ привлечения и сбора инвестиций для проектов, связанных с криптовалютами. В рамках ICO команда создает свои токены на основе блокчейна, чтобы затем распределить их среди ранних инвесторов // URL: <https://academy.binance.com/ru/articles/what-is-an-ico#>.

¹⁴ China Daily: China moves to shut down cryptocurrency exchanges // URL: http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2017-09/19/content_32205975.htm.

Полноценный запуск ЦВЦБ состоялся в трех странах: на Багамских островах (Sand Dollar), на Ямайке (Jam-Dex) и в Нигерии (e-Naira). Пилотные проекты по созданию ЦВЦБ осуществляются в пяти юрисдикциях: Китае (e-CNY), Восточно-Карибском экономическом и валютном союзе (DCash), Гане, Индии и Уругвае. В 16 юрисдикциях начаты или завершены технические эксперименты, включая Еврозону (digital euro), Японию, Корею, Россию, Швецию и США. Хотя более 80 % центральных банков мира занимаются исследованиями в области ЦВЦБ, а 40 % работают над пилотными программами, Народный банк Китая лидирует в этой области. Китай вышел на передовые позиции в гонке ЦВЦБ, чтобы заложить основу для повсеместного внедрения своей системы электронных платежей в цифровой валюте.

НБК еще в 2014 г. была создана целевая группа по изучению цифровой валюты, а в 2016 г. — Институт цифровой валюты, который разработал прототип первого поколения цифровой валюты. В конце 2017 г. Китай совместно с коммерческими организациями приступил к разработке и тестированию цифровой валюты — цифровой юань [4]. В 2020 г. цифровой юань был запущен с целью обеспечить его широкое обращение внутри страны к зимним Олимпийским играм 2022 г. в Пекине [4, с. 13]. На конец июня 2023 г. объем операций с использованием китайского цифрового юаня по состоянию достиг 1,8 трлн юаней (249,33 млрд долл. США). Общее количество операций с цифровым юанем достигло 950 млн, при этом было открыто 120 млн кошельков. Эти цифры подтверждают лидирующую роль Китая в гонке ЦВЦБ¹⁵.

Перед запуском цифрового юаня правительство Китая активизировало усилия по демонстрации его ценности, выделив пять ключевых аспектов: обеспечение НБК возможности усиления контроля над финансовым сектором и денежной системой; снижение угрозы со стороны других криптовалют, включая Биткоин и Libra; обеспечение дополнительной поддержки существующей и широко используемой инфраструктуры мобильных платежей; содействие финансовой доступности за счет обеспечения доступности платежей для граждан, не имеющих банковских счетов; и защита от отмывания денег, мошенничества и финансирования терроризма¹⁶.

Существующая олигополия Alipay и WeChat Pay на электронные платежи (из общего объема электронных платежей в Китае на долю Alipay прихо-

дится 55,4 %, а на долю филиалов Tencent, включая WeChat Pay, — 38,5 %¹⁷) может поставить под угрозу безопасность платежной системы Китая в случае краха любой из этих компаний [5, с. 30], цифровой юань в данном контексте выступает в качестве резервной (страховочной) сети для платежной системы [6, с. 16]. Право на выпуск цифровых юаней принадлежит государству. Народный банк Китая находится в центре операционной системы цифрового юаня¹⁸ и осуществляет надзор за его оборотом [7, с. 17–18], включая регулирование ПОД/ФТ. Институциональный дизайн системы цифрового юаня строго соответствует нормативным документам по управлению юанем, ПОД/ФТ, управлению иностранной валютой, защите данных и конфиденциальности.

Цифровой юань выпускается в рамках двухуровневой эмиссионно-расчетной системы с централизованным управлением. На первом уровне НБК выпускает цифровые юани для посредников — четырех крупнейших государственных банков, а также нефинансовых игроков, таких как Alibaba и Ten Cent и управляет ими на протяжении всего их жизненного цикла. Второй уровень охватывает взаимодействие между этими посредниками и розничными участниками рынка и физическими лицами. Посредники, получающие цифровые юани, распределяют и распространяют их среди розничных участников через электронные кошельки, предоставляя населению услуги по обмену и обращению цифровой валюты¹⁹. При этом, коммерческие банки и лицензированные небанковские платежные организации должны получить признание и поддержку НБК, а также соответствовать нормативным требованиям в сфере ПОД/ФТ [8, с. 94], осуществляя надлежащую проверку клиентов, анализ больших данных и защиту конфиденциальности данных, аудит и т. д. [9, с. 2].

¹⁵ Reuters. China's digital yuan transactions seeing strong momentum, says cbank gov Yi By Rae Wee // URL: <https://www.reuters.com/markets/asia/chinas-digital-yuan-transactions-seeing-strong-momentum-says-cbank-gov-yi-2023-07-19>.

¹⁶ NIKKEI ASIA. In Depth: China's Digital Currency Ambitions Lead the World // URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Cai-xin/In-depth-China-s-digital-currency-ambitions-lead-the-world>.

¹⁷ Alipay Statistics and User Count (2023) // URL: <https://expandedramblings.com/index.php/alipay-statistics/>

¹⁸ Technical Aspects of CBDC in Two-Tiered System // URL: <https://www.itu.int/en/ITU-T/Workshops-and-Seminars/20180718/Documents/Yao%20Qian.pdf>.

¹⁹ The Whitepaper Database // URL: <https://www.allcryptowhitpapers.com/dcep-whitepaper>.

Технология бухгалтерских книг, составляющая основу цифрового юаня, хранит огромные объемы данных, обеспечивая доступ к каждой транзакции, проведенной с использованием цифрового юаня, отслеживая сумму, получателя и отправителя [10, с. 78]. Этот массив данных позволяет проводить детальный анализ для выявления и устранения любой потенциальной угрозы ОД/ФТ. Контроль за цифровым юанем, основан на принципе «контролируемой анонимности». НБК осведомлен о личности своих пользователей, так как они обязаны указывать свои реальные данные при первой регистрации. При этом система собирает меньше информации о транзакциях, чем традиционные электронные платежи, и не предоставляет информацию третьим лицам или другим государственным органам, если иное не предусмотрено законодательством. НБК устанавливает межсетевой экран для информации, связанной с цифровым юанем, и строго соблюдает протоколы информационной безопасности и конфиденциальности, такие как назначение специального персонала для обработки информации, применение многоуровневой системы авторизации, проведение внутренних проверок. Следует отметить, что любые произвольные запросы и использование информации запрещены²⁰. Таким образом, контролируемая анонимность позволяет обеспечить мониторинг незаконной практики ОД/ФТ, сохраняя конфиденциальность обеих сторон транзакций. В результате цифровой юань усиливает и без того значительные меры контроля, применяемые в КНР, и представляет собой недостающий элемент китайской системы наблюдения [11, с. 844].

Оборот цифровой валюты в России регулируется Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²¹, согласно которому юридические лица, физические лица, фактически находящиеся в РФ не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев, не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг). Таким образом, в России использование цифровых валют в качестве средства платежа запрещено. При этом цифровые ва-

люты в России можно использовать как инструмент для инвестиций.

Также на основании указанного закона внесены изменения в некоторые статьи Федерального закона от 7 августа 2021 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»²², в соответствии с чем цифровая валюта признается имуществом, которое может являться предметом ОД/ФТ. Банк России осуществляет надзор в части контроля за операциями с денежными и иным имуществом, проводимыми операторами инвестиционных платформ, операторами информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и операторами обмена цифровых финансовых активов. Операции, связанные с оборотом цифровой валюты, не запрещены, однако рассматриваются Центральным банком РФ как подозрительные, свидетельствующие о возможном осуществлении легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма²³, и подлежат обязательному контролю.

В России с 1 августа 2023 г. вступил в силу Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»²⁴, который ввел в оборот дополнительную форму российской национальной валюты — цифровой рубль, ориентируясь на опыт Китая²⁵. Внедрение в Российской Феде-

²⁰ Progress of Research & Development of E-CNY in China // URL://<http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf>.

²¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

²² Федеральный закон от 7 августа 2021 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

²³ Положение Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Вестник Банка России. 2012. № 20.

²⁴ Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5765.

²⁵ Россияне проведут тестовые операции с цифровым рублем // URL://<https://www.comnews.ru/content/227617/2023-07-24/2023-w30/rossiyane-provedut-testovye-operacii-cifrovym-rublem>.

рации цифрового рубля проводится согласно Концепции цифрового рубля, принятой в апреле 2021 г. [12, с. 2]. Пока цифровой рубль не участвует в широком обращении, в его тестировании принимают участие 13 банков и ограниченный круг клиентов и сотрудников крупных кредитных организаций.

Цифровой рубль является дополнительной формой российской национальной валюты, эмитируемой центральным банком (Банком России) в цифровой форме. В отличие от цифрового юаня, цифровой рубль интерпретируется Банком России в качестве самостоятельной денежной формы, выпускаемой в дополнение к двум существующим формам денег — наличным и безналичным — и имеющей с ними параллельное обращение [13, с. 67]. Цифровой рубль имеет форму уникального цифрового кода, который хранится на специальном электронном кошельке. Передача цифрового рубля от одного пользователя к другому происходит в виде перемещения цифрового кода с одного электронного кошелька на другой [14, с. 5].

В основе как цифрового рубля, так и криптовалюты лежит технология блокчейн. Но, в отличие от криптовалют, цифровой рубль централизован, а переводы не являются анонимными. Информация о сделках в цифровых рублях доступна Банку России и Росфинмониторингу — ведомству, ответственное за ПОД/ФТ. По аналогии с НБК, Банк России, изучив особенности нескольких моделей цифровых валютных систем, выбрал модель двухуровневой эмиссионно-расчетной системы. Для эмиссии цифрового рубля в отличие от цифрового юаня (модель опосредованной цифровой валютной системы) была выбрана модель гибридной цифровой валютной системы.

Осуществляя эмиссию цифрового рубля и являясь оператором его платформы, Банк России занимает первый уровень системы. Банк России создает, сопровождает и развивает платформу цифрового рубля; подключает финансовые организации и Федеральное казначейство к платформе цифрового рубля; определяет правила осуществления операций и политику обеспечения информационной безопасности и киберустойчивости платформы цифрового рубля; обеспечивает зачисление и списание цифровых рублей, а также открытие кошельков для финансовых организаций и Федерального казначейства.

На втором уровне — финансовые организации и Федеральное казначейство, которые выступают в ка-

честве посредников между пользователями и Центральным банком, предоставляя финансовые и информационные услуги. Финансовые организации: осуществляют открытие и пополнение кошельков клиентам на платформе цифрового рубля; процедуры, предусмотренные законодательством в сфере ПОД/ФТ/ПРОМУ и валютным законодательством; проводят проверки электронной подписи клиента, антифрод-проверки, проверку лимитов и реквизитов по операциям; осуществляют переводы и платежи по поручению клиентов на платформе цифрового рубля; им также разрешено контролировать применение норм валютного регулирования и разрабатывать политику ПОД/ФТ. Федеральное казначейство, являясь специальным участником платформы цифрового рубля, осуществляет операции с кошелька Федерального казначейства в счет обеспечения деятельности бюджетных организаций [12, с. 10].

Пользователями платформы Центробанка могут быть физические, юридические лица и индивидуальные предприниматели. Расчеты в цифровых рублях не предполагают анонимности платежей. При этом оператор платформы цифрового рубля гарантирует тайну о счетах цифрового рубля, об остатках цифровых рублей на счетах цифрового рубля, операциях с цифровыми рублями пользователей платформы, и не вправе раскрывать эти сведения третьим лицам, за исключением уполномоченных органов, осуществляющих функции по ПОД/ФТ, в случаях, порядке и объеме, которые предусмотрены соответствующим законодательством. Таким образом, наличие единой платформы цифрового рубля и единственный оператор — Банк России позволяют считать прозрачными расчеты в новой цифровой валюте²⁶.

Помимо очевидных преимуществ технологий цифрового рубля и цифрового юаня как инструментов ПОД/ФТ, внедрение цифрового рубля преследует также геополитические цели — усиление роли национальной валюты в двусторонних соглашениях, в частности с Китаем и странами Евразийского экономического союза, а также развитие альтернативных способов оплаты, которые позволят России стать еще менее зависимой от иностранных платежей. В настоящее время большинство трансграничных сделок об-

²⁶ Цифровой рубль поможет бороться с коррупцией и усложнит отмывание — эксперты // URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20230719/309073461.html.

рабатывается через систему SWIFT, от которой начали отключать крупные российские банки в марте 2022 г., ввиду санкционного режима. Центральный банк РФ, в свою очередь, с 1 октября 2023 г. запретил использовать SWIFT для переводов внутри России²⁷. Технологическая возможность международной интеграции платформы цифрового рубля в обход платежных систем была заложена на этапе ее проектирования. По заявлению руководства, «Банк России готов к интеграции как в двухстороннем, так и многостороннем формате с зарубежными партнерами, однако сроки запуска таких проектов зависят, в том числе, и от их готовности к сотрудничеству»²⁸. В перспективе Центральный банк РФ хочет использовать платформу цифрового рубля для его конвертации в цифровой юань.

Важно отметить, что цифровой юань также является важной вехой в решении задачи интернационализации юаня, которая стоит перед Китаем с момента финансового кризиса 2009 г.: увеличение глобального оборота юаня позволит Пекину застраховаться от глобальной гегемонии доллара США. Более того, в июне 2021 г. член Совета управляющих Европейского центрального банка публично выразил опасение, что быстрый прогресс Китая в создании цифрового юаня представляет собой ключевой риск для сохранения международной роли евро²⁹. Трансграничное использование цифрового юаня может также расширить возможности Китая по технологическому контролю и наблюдению за пределами его границ [6, с. 16].

По заявлению НБК, несмотря на техническую готовность к трансграничному использованию, в настоящее время цифровой юань предназначен в основном для внутренних розничных платежей. В перспективе НБК будет изучать пилотные программы трансграничных платежей и сотрудничать с соответствующими центральными банками и монетарными властями для создания механизмов обмена и нормативного сотрудничества в области ЦВЦБ. Оптовые ЦВЦБ имеют преимущества в улучшении расчетов по крупным суммам, повышении эффективности и безопасности трансграничных платежей и снижении затрат, и могут быть использованы для облегчения международной торговли и финансовых операций [4, с. 14–15].

Как подчеркнул председатель Комитета Государственной думы Федерального собрания РФ по

финансовому рынку А. Аксаков на встрече в правительстве Чувашии с генеральным консулом Китая Сян Бо в Казани в августе 2023 г. «Взаимодействие по линии «цифровой рубль — цифровой юань» может быть очень перспективным. Китайская сторона в этом заинтересована»³⁰. Таким образом, ожидается развитие сотрудничества России и Китая в этом направлении.

На основании вышеизложенного, можно заключить, что использование цифрового юаня и цифрового рубля позволяет:

- 1) снизить риски ОД/ФТ, обеспечивая прозрачность транзакций и контроль со стороны государства;
- 2) предотвратить негативные последствия неконтролируемой и неограниченной эмиссии частных виртуальных валют в эпоху цифровой экономики;
- 3) обеспечить трансграничные платежи без привязки к текущей международной финансовой инфраструктуре, включая SWIFT и международные платежные системы, за счет прямого сообщения центральных банков друг с другом.

Дополнительно ЦВЦБ смогут обеспечить быстрорастущий торговый оборот российских и китайских компаний, укрепляя взаимное сотрудничество, экономику и национальную валюту государств на мировой арене.

Список источников / References

1. INTERPOL. Combatting cyber-enabled financial crimes in the era of virtual asset and darknet service providers. Lyon, 2020.
2. Kiff J. et al. A Survey of Research on Retail Central Bank Digital Currency: IMF working paper 20/104. Washington DC, 2018.

²⁷ В соответствии с п. 2 ст. 20 Федерального закона от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1596.

²⁸ Ответы на вопросы (предложения) кредитных организаций (КО), поступившие в рамках встречи руководителей КО с руководством Банка России по теме «Регулирование Банком России деятельности коммерческих банков»: вх. 83331 от 17 февраля 2023 г. // URL://https://asros.ru/upload/iblock/824/4d1zpe0jljlenesyry78j15217qzjega/Bank-Rossii-BOR-2023-_prilozhenie-1_-dlya-publikatsii.pdf.

²⁹ Written evidence submitted by the Association of Accounting Technicians № CA10003 // URL://<https://committees.parliament.uk/writenevidence/110483/pdf/>

³⁰ Аксаков считает, что Россия может быстрее внедрить цифровой рубль с учетом опыта Китая // URL://<https://tass.ru/ekonomika/18517431>.

3. Стенли Э. Восхождение ЦБЦБ // Финансы и развитие. 2022. № 9. С. 48–49. (Stanley E. The Ascent of the Central Bank // Finance and Development. 2022. No. 9. P. 48–49).
4. Progress of Research & Development of E-CNY in China / by Working Group on E-CNY Research and Development of the People's Bank of China. Beijing, 2021.
5. Duggal M. The Dawn of the Digital Yuan: China's Central Bank Digital Currency and Its Implications. Lithuania, 2021.
6. Bohn J., Papadopoulos G., Unger J. Central bank digital currencies (CBDCs): the coming of national e-currencies. Berkeley, 2022.
7. Soderberg G. et al. Behind the Scenes of Central Bank Digital Currency: IMF fintech note 2022/004. Washington DC, 2022.
8. Wang H. China's approach to central bank digital currency: selectively reshaping international financial order? — Penn Carey Law: legal scholarship repository, 2022.
9. He A. Digital RMB: A Possible Way to Reassert Data Control in the Digital Economy: Policy Brief No. 169. Waterloo, 2021.
10. Hackett R. China's Drive for Digital Currency Dominance // FORTUNE. 2020. P. 75, 79.
11. Mickelsen B. China's Moonshot: How the Introduction of the Digital Renminbi Furthers China's Societal Grip and Threatens the Future of Digital Currencies // University of St. Thomas Journal of Law and Public Policy. 2022. Vol. 15. № 2. P. 813–851.
12. Концепция цифрового рубля 2021. М. : Центральный банк РФ, 2021. (Concept of the digital ruble 2021. M. : Central Bank of the Russian Federation, 2021).
13. Кочергин Д. А. Цифровые валюты центральных банков: опыт внедрения цифрового юаня и развитие концепции цифрового рубля // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16. № 1. С. 51–78. (Kochergin D. A. Digital currencies of central banks: the experience of introducing the digital yuan and the development of the digital ruble concept // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16. № 1. P. 51–78).
14. Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций, октябрь 2020. М. : Центральный Банк РФ, 2020. (Digital Ruble: Report for public consultations, October 2020. M. : Central Bank of the Russian Federation, 2020).

Информация об авторе

Ю. Л. Беляева — магистрант Евразийского учебного института Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

Yu. L. Belyaeva — Master's student of the Eurasian Training Institute of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 343.985.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-54-58>

EDN: <https://elibrary.ru/cmdjnu>

ИПОН: 2003-0059-7/23-893

MOSURED: 77/27-003-2023-07-092

Вопросы расследования преступлений прошлых лет в трудах Владимира Петровича Лаврова и современной практике

Алексей Александрович Бессонов

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, bestallv@mail.ru

Аннотация. Одним из важнейших направлений государственной стратегии противодействия преступности выступает расследование преступлений, совершенных в прошлые годы. Надежным фундаментом этой деятельности является криминалистическое обеспечение расследования таких преступных деяний. Основоположником теории расследования преступлений прошлых лет в российской криминалистике по праву считается профессор Владимир Петрович Лавров. Его научные публикации по этому вопросу по-прежнему актуальны и используются в деятельности по расследованию преступлений. На основе анализа научных трудов профессора В. П. Лаврова и практики расследования преступлений прошлых лет в Следственном комитете Российской Федерации указываются наиболее эффективные направления этой работы.

Ключевые слова: преступления прошлых лет, расследование преступлений прошлых лет, серийные преступления

Для цитирования: Бессонов А. А. Вопросы расследования преступлений прошлых лет в трудах Владимира Петровича Лаврова и современной практике // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 54–58. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-54-58>. EDN: CMDJNU.

Original article

Questions of investigating of past years' crimes in the publications of Vladimir Petrovich Lavrov and in the modern practice

Aleksey A. Bessonov

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, bestallv@mail.ru

Abstract. One of the most important areas of the state strategy for combating crime is the investigation of crimes committed in previous years. A reliable foundation for this activity is the forensic support of the investigation of such criminal acts. Professor Vladimir Petrovich Lavrov is rightfully considered the founder of the theory of investigating crimes of the past in Russian criminology. His scientific publications on this issue are still relevant and are used in crime investigation activities. Based on the analysis of the scientific works of Professor V. P. Lavrov. The Investigative Committee of the Russian Federation indicates the most effective areas of this work.

Keywords: investigating of past years' crimes, past years' crimes, serial crimes

For citation: Bessonov A. A. Questions of investigating of past years' crimes in the publications of Vladimir Petrovich Lavrov and in the modern practice. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):54–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-54-58>. EDN: CMDJNU.

Постановка проблемы. Вопросы установления лиц, совершивших в прошлые годы преступления, которые остались нераскрытыми, никогда не теряли своей актуальности. Пытливый ум ученых-криминалистов и практиков всегда стремился найти новейшие достижения научно-технического прогресса и приспособить их на пользу деятельности по раскрытию самого тяжкого греха, который только может совершить человек — преступления. В этой связи нами с целью определения уровня современного состояния криминалистического обеспечения расследования преступлений прошлых лет изучены научные публи-

кации основоположника этого направления криминалистической науки профессора В. П. Лаврова, а также современное состояние практики их расследования на примере Следственного комитета Российской Федерации.

Материалы и методы. В первую очередь нами проанализированы основные теоретические положения, содержащиеся в научных трудах В. П. Лаврова — диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, учебных изданиях и научных статьях по обозначенной тематике. Обобщена практика расследования преступлений прошлых лет

© Бессонов А. А., 2023

в следственных органах системы Следственного комитета Российской Федерации, содержащаяся в информационных письмах, обзорах и материалах уголовных дел, а также собственный опыт работы по организации их расследования.

В процессе изучения проблемы криминалистического обеспечения расследования преступных деяний, совершенных в прошлые годы, нами использован всеобщий метод познания — материалистическая диалектика, такие логические приемы, как анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, индукция, дедукция, наконец, при анализе эмпирических данных о практике расследования таких преступлений — ряд статистических методов.

Результаты. Признавая проблему расследования преступлений прошлых лет глобальной, уважаемый профессор Владимир Петрович Лавров абсолютно точно указывал, что она затрагивает интересы миллионов граждан — потерпевших по уголовным делам о нераскрытых преступлениях (и членов их семей), которым, как правило, не возмещается причиненный ими ущерб. Более того, оставаясь нераскрытыми, такие деяния подрывают авторитет правоохранительных органов, да и всей государственной системы в целом, а потому не должны и не могут не затрагивать любого работника органов правоохраны [2, с. 6].

С одной стороны в глаза бросается огромный массив нераскрытых преступлений, происходящих из прошлого, который к тому же ежегодно пополняется в пределах 850–950 тыс. новых нераскрытых деяний.

С другой стороны имеются несомненные успехи органов расследования в установлении и привлечении к уголовной ответственности лиц, к ним причастных, независимо от прошедшего срока с момента их совершения.

Так, согласно статистическим сведениям МВД России за 2022 г. раскрыто 46 959 преступлений прошлых лет, из числа которых наибольший удельный вес составляют кражи (42,5 %), чуть меньше мошенничества (17,7 %), незаконный оборот наркотиков (5,1 %). При этом доля тяжких и особо тяжких преступлений составила 27,9 %.

В 2021 г. раскрыто 47 463 преступления, совершенных в прошлые годы (28 % из них тяжкие и особо тяжкие), в 2020 г. — 46 378 (26,3 %). Конечно же более 80 % преступлений такой категории рас-

следуется следственными подразделениями органов внутренних дел.

В то же время и Следственный комитет Российской Федерации также ведет активную работу по раскрытию и расследованию преступлений, имевших место в прошлом.

Так, за 2022 г. окончено предварительное следствие по 3972 уголовным делам о таких преступных деяниях, в 2021 г. — 4675 делам, в 2020 г. — 4324.

Представляется, что в таких позитивных результатах работы, несомненно, есть и доля заслуги Владимира Петровича Лаврова, который результатами своей научной деятельности заложил теоретический фундамент методики расследования преступлений, совершенных в прошлые годы.

В этой связи ни в коем случае не будет преувеличением сказать, что общепризнанным специалистом в сфере методики расследования преступлений прошлых лет всегда был и продолжает оставаться профессор Владимир Петрович Лавров.

Старт детальному изучению этой проблематики им положен в начале 1970-х гг. прошлого столетия. Его научно-исследовательская работа в этом направлении продолжалась на протяжении всей последующей жизни, о чем свидетельствуют постоянно выходявшие из-под его пера научные труды. Специализированных его трудов по раскрытию и расследования «старых» криминальных деяний насчитывается более двух десятков.

При этом думается, что, занимаясь изучением проблем раскрытия и расследования преступлений прошлых лет, В. П. Лавров руководствовался обозначенным им же в одной из своих работ принципом, согласно которому «каждое преступление может и должно быть раскрыто», в связи с чем работа по «старым» делам должна вестись активно [4, с. 7–8] как в теоретическом, так и практическом аспектах.

В 1972 г. В. П. Лавровым в Высшей школе МВД СССР подготовлено учебное пособие «Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет», которое предназначалось не только для слушателей высших юридических учебных заведений, но и для сотрудников следственных и оперативных аппаратов органов внутренних дел и следователей прокуратуры [4].

В этой работе обращают на себя внимание выявленные недостатки и ошибки, допускаемые в процессе дознания, предварительного следствия и в ходе

оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам о преступлениях любого вида, обуславливающие их нераскрытие.

В частности, к таковым отнесены прежде всего несвоевременное начало расследования, невыполнение необходимых в конкретной ситуации первоначальных следственных действий, некачественный осмотр места происшествия, несвоевременные и неполные допросы потерпевших и свидетелей по делу, неудовлетворительное проведение комплекса неотложных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление преступника «по горячим следам», неиспользование всего потенциала научно-технических средств и специальных знаний, отсутствие должного взаимодействия между следователем и органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, а также в целом бесплановость работы на первоначальном этапе [4, с. 4–5].

На наш взгляд, сказанное не теряет актуальности и сегодня.

В этой работе им детально описаны алгоритмы изучения приостановленного производством уголовного дела и работы следователя по такому делу, уголовно-процессуальные и тактические особенности возобновления производства по нему, а также методика его дальнейшего расследования, включая особенности тактики производства отдельных следственных действий.

Учебное пособие на долгие годы стало настольной книгой следователей всех ведомств, особенно специализирующихся на расследовании рассматриваемых преступлений. Высокая значимость этого пособия в практической деятельности обусловлена в том числе и личным опытом работы следователем самого автора.

Фундаментальным трудом Владимира Петровича, впоследствии ставшим надежным теоретическим базисом методики расследования таких преступлений, является защищенная 5 июня 1980 г. в Академии МВД СССР докторская диссертация на тему «Общие положения организации и методики расследования нераскрытых преступлений прошлых лет» [3].

После этого он неизменно уделял внимание проблеме расследования нераскрытых преступлений прошлых лет в многочисленных своих научных публикациях и выступлениях на научно-практических конференциях.

Не оставляя вне своего взора проблемные вопросы расследования преступлений прошлых лет, уже в начале 2000-х гг. В. П. Лавров, на наш взгляд, очень точно обозначил ряд ключевых закономерностей, влиявших на их раскрываемость в тот период.

Во-первых, это обнажившаяся тогда связь между нераскрытыми преступлениями этой категории и организованной преступной деятельностью.

Во-вторых, связь проблем таких нераскрытых деяний с резко усилившимся в тот период противодействием расследованию со стороны преступников и иных заинтересованных лиц.

В-третьих, неуделение внимания изучению в юридических вузах методики расследования нераскрытых преступлений прошлых лет [5, с. 32–35].

Также им акцентировалось внимание на необходимости использования в расследовании таких преступлений самых новейших достижений науки и техники, к примеру, составление психологического портрета преступника по оставленным им следам и особенностям деяния [6, с. 19].

Отметим, что благодаря настойчивости и целеустремленности профессора В. П. Лаврова в учебниках по криминалистике с середины первого десятилетия XXI в. неотъемлемым элементом стали главы, посвященные методике расследования нераскрытых преступлений прошлых лет.

Актуализируя наработанный в процессе своей плодотворной научной деятельности обширный материал по рассматриваемому вопросу, В. П. Лавров в 2013 и 2018 гг. издал две монографии «Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет» и «Криминалистические основы расследования преступлений прошлых лет». В них содержались ответы на волнующие практиков вопросы относительно как современных возможностей криминалистики в расследовании таких деяний, так и описан накопленный за многие годы опыт в установлении лиц, их совершивших.

Нельзя не сказать о том, что, продолжая курс этого великого ученого, коллектив научно-исследовательского института криминалистики Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации в 2020–2021 гг. изучил проблемы расследования преступных деяний прошлых лет сквозь призму современных научно-технических достижений в сфере информационных технологий и судебной экспер-

тизы. Итогом этой работы стало научно-практическое пособие «Расследование преступлений прошлых лет» коллектива авторов под редакцией Председателя Следственного комитета Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Александра Ивановича Бастрыкина [9]. Его теоретической основой прежде всего стали труды профессора В. П. Лаврова.

Обращаясь к организации работы по расследованию рассматриваемых преступлений следственными органами системы Следственного комитета Российской Федерации, отметим, что ее системная основа строится на положениях приказа Председателя Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкина от 31 июля 2014 г. № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет», которым, в частности, предусмотрено создание в следственных органах аналитических групп по раскрытию преступлений прошлых лет, изучение на постоянной основе материалов уголовных дел о таких преступлениях и привлечение для этого ветеранов следствия, использование всех возможностей криминалистической техники, специальных знаний и судебных экспертиз для установления лиц, их совершивших.

Обсуждение. В развитие положений профессора Владимира Петровича Лаврова и на основе анализа практической деятельности Следственного комитета Российской Федерации по расследованию преступлений прошлых лет возможно обозначить наиболее результативные способы установления совершивших их лиц.

Во-первых, скоординированные действия органов расследования и оперативно-розыскной деятельности по систематическому изучению материалов уголовных дел о таких преступлениях и последующей организации работы по их раскрытию и расследованию. Важная роль в этом принадлежит созданным в каждом следственном органе по субъекту Российской Федерации системы Следственного комитета Российской Федерации соответствующим аналитическим группам. От числа завершенных расследований уголовных дел ими ежегодно изучается 65–70 %, а от числа заслушанных на заседаниях таких аналитических групп по 50–55 % уголовных дел устанавливаются лица, их совершившие [1, с. 16].

Во-вторых, к положительным результатам приводит инвентаризация вещественных доказательств

по такой категории уголовных дел с целью производства по ним либо первичных судебных экспертиз, если таковые ранее не проводились по разным причинам, либо повторных, поскольку в настоящее время возможности судебных экспертиз существенно изменились как в части повышения чувствительности применяемых методов, так и в связи с появлением их новых видов. Например, в 2022 г. по 11,4 % уголовных дел «старые» преступления раскрыты по результатам судебных экспертиз [8, с. 8].

В-третьих, целенаправленная работа по раскрытию конкретного такого преступления либо их серии, характеризующаяся производством оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на проверку на причастность к нему (к ним) как ранее фигурировавших в материалах уголовных дел лиц, выдвинутых, но не до конца проверенных версий и т. п., так и абсолютно новых лиц и версий. Большой потенциал в установлении подозреваемых по совершенным в прошлые годы криминальным деяниям содержится в нераскрытых серийных преступлениях, которые при рассмотрении их в качестве конкретной серии повышают информационную осведомленность следователя и оперативных сотрудников относительно их обстоятельств и причастного к ним лица (группы лиц).

Заключение. Поводя итог сказанному, отметим, что научное наследие профессора В. П. Лаврова, касающееся методики расследования нераскрытых преступлений, совершенных в прошлые годы, является одним из ценнейших достояний не только отечественной, но и мировой криминалистики. Опираясь на сформулированные им криминалистические рекомендации, прошедшие испытание временем, современные следователи, дознаватели, следователи-криминалисты успешно раскрывают преступления такой категории, причем совершенные, в том числе, 10, 20 и более лет тому назад. Основные положения методики расследования преступлений прошлых лет являются неотъемлемой частью методики расследований серийных преступлений.

Список источников

1. Информационно-методическое письмо «О практике расследования и раскрытия преступлений прошлых лет в системе Следственного комитета Российской Федерации» // Вестник Главного управления криминалистики. 2023. № 1. С. 15–28.

2. Лавров В. П. Криминалистические основы расследования преступлений прошлых лет: моногр. М. : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2018.

3. Лавров В. П. Общие положения организации и методики расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1980.

4. Лавров В. П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: учеб. пособие. М. : Высш. школа МВД СССР, 1972.

5. Лавров В. П. Проблема расследования нераскрытых преступлений прошлых лет и некоторые пути ее решения // Предварительное следствие. 2009. № 4 (6). С. 28–38.

6. Лавров В. П. Проблемы использования технико-криминалистических методов и средств, при расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3. С. 17–19.

7. Лавров В. П. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет: учеб. пособие. М. : Академия управления МВД России, 2013.

8. Обзор практики раскрытия преступлений прошлых лет в Следственном комитете Российской Федерации за 2022 г. // Вестник Главного управления криминалистики. 2023. № 7 (88). С. 7–16.

9. Расследование преступлений прошлых лет : науч.-практ. пособие / под ред. докт. юрид. наук. А. И. Бастрыкина. М. : Юрлитинформ, 2021.

References

1. Information and methodological letter «On the practice of investigation and disclosure of crimes of the

past years in the system of the Investigative Committee of the Russian Federation» // Bulletin of the Main Department of Criminalistics. 2023. No. 1. P. 15–28.

2. Lavrov V. P. Criminalistic foundations of the investigation of crimes of the past years: monogr. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2018.

3. Lavrov V. P. General provisions of the organization and methods of investigation of unsolved crimes of the past years: diss. ... doct. jurid. sciences. M., 1980.

4. Lavrov V. P. Features of the investigation of unsolved crimes of the past years: studies. manual. M. : Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1972.

5. Lavrov V. P. The problem of investigation of unsolved crimes of past years and some ways of its solution // Preliminary investigation. 2009. No. 4 (6). P. 28–38.

6. Lavrov V. P. Problems of using technical and forensic methods and tools in the investigation of unsolved crimes of the past years // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 3. P. 17–19.

7. Lavrov V. P. Investigation of unsolved crimes of the past years: studies. manual. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013.

8. Review of the practice of solving crimes of previous years in the Investigative Committee of the Russian Federation for 2022 // Bulletin of the Main Department of Criminalistics. 2023. No. 7 (88). P. 7–16.

9. Investigation of crimes of the past years : scientific and practical. Manual / ed. doct. jurid. sciences. A. I. Bastykina. M. : Yurlitinform, 2021.

Информация об авторе

А. А. Бессонов — ректор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, почетный работник Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации.

Information about the author

A. A. Bessonov — Rector of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of the Investigative Committee under the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.11.2023; одобрена после рецензирования 29.11.2023; принята к публикации 13.12.2023.

The article was submitted 16.11.2023; approved after reviewing 29.11.2023; accepted for publication 13.12.2023.

Научная статья

УДК 343.34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-59-61>

EDN: <https://elibrary.ru/evkfrd>

ИИОН: 2003-0059-7/23-894

MOSURED: 77/27-003-2023-07-093

Квалификация террористического акта и его отличие от приведения в негодность объектов жизнеобеспечения

Андрей Владимирович Борбат

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, andbor-61@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы, связанные с квалификацией террористического акта и его отличие от приведения в негодность объектов жизнеобеспечения. Приводятся сведения о признаках террористических актов, совершаемых, в том числе, на объектах жизнеобеспечения и статистические сведения о преступлениях, предусмотренных ст. 205, 215.2 УК РФ, на основании которых делается вывод о некоторых трудностях в квалификации рассматриваемых преступлений и необходимости разработки предложений по их квалификации.

Ключевые слова: террористический акт, чужое имущество, объекты жизнеобеспечения, ст. 205, 215.2 УК РФ, состав преступления, квалификация, уголовная ответственность

Для цитирования: Борбат А. В. Квалификация террористического акта и его отличие от приведения в негодность объектов жизнеобеспечения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 59–61. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-59-61>. EDN: EVKFRD.

Original article

The qualification of a terrorist act and its difference from the disrepair of life support facilities

Andrey V. Borbat

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, andbor-61@mail.ru

Abstract. The issues related to the qualification of a terrorist act and its difference from the deterioration of life support facilities are considered. Information is provided on the signs of terrorist acts committed, including at life support facilities, and statistical information on crimes provided for in Articles 205, 215.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, on the basis of which it is concluded that some difficulties in qualifying the crimes under consideration and the need to develop proposals for their qualification.

Keywords: terrorist act, other people's property, life support facilities, Articles 205, 215.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, corpus delicti, qualification, criminal liability

For citation: Borbat A. V. The qualification of a terrorist act and its difference from the disrepair of life support facilities. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):59–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-59-61>. EDN: EVKFRD.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации является важным документом стратегического планирования, определяющим основные задачи, стоящие перед государством. В частности, к числу основных государственных задач относится повышение уровня защищенности объектов жизнеобеспечения населения, топливно-энергетического комплекса, объектов транспортной инфраструктуры, других критически важных и опасных объектов [3, подп. 6 п. 47].

Органы государственной власти уделяют значительное внимание обеспечению безопасности таких объектов и принимают меры для защиты их от тер-

рористических и других преступных посягательств. Нарушение работы систем отопления, водоснабжения, электроснабжения, газоснабжения и других инженерных коммуникаций может привести к серьезным последствиям, включая аварии, пожары, отравления газами и т. д., которые могут отразиться на жизнедеятельность всего общества.

С начала проведения Специальной военной операции (далее — СВО) резко возросли количественные показатели преступлений террористического характера, в том числе совершение террористических актов. Так, в 2021 г. было совершено 47 террористических актов, а 2022 г. зарегистрировано уже

© Борбат А. В., 2023

127 подобных преступлений. Террористические акты часто совершаются путем взрывов, в том числе на объектах жизнеобеспечения топливно-энергетического комплекса, транспортной инфраструктуры. В последнее время участились террористические акты, совершаемые в отношении известных людей (писателя Прилепина [4], а также российских журналистов), которые совершаются в общественных местах, сопровождаемые причинением значительного ущерба собственникам зданий и сооружений и других объектов, в том числе объектов жизнеобеспечения населения (взрыв самолета на территории Белгородской области [5] и взрыв НПЗ [6]).

Совершаемые такие акты несут угрозу приведения в негодность объектов жизнеобеспечения, за которое предусмотрена уголовная ответственности по ст. 215.2 УК РФ.

Наряду с ростом числа совершаемых террористических актов и выросло число зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 215.2 УК РФ. В 2021 г. зарегистрировано общее число преступлений по ст. 215.2 УК РФ — 836 преступлений, а в 2022 г. — 1334 преступлений. Это свидетельствует о том, что в настоящее время наблюдается положительная динамика роста количества подобных преступлений. При этом география совершения преступлений террористического характера, в том числе рассматриваемых преступлений, преобладает в регионах, граничащих с Украиной¹.

Верховный Суд Российской Федерации в постановлениях Пленума неоднократно затрагивал вопросы квалификации террористического акта и других преступлений террористического характера. Однако практика применения норм, предусмотренных ст. ст. 205 и 215.2 УК РФ, неоднозначна и что вызывает необходимость в дополнительных разъяснениях по квалификации террористического акта и его отграничения от приведения в негодность объектов жизнеобеспечения.

Имеется ли совокупность преступлений при совершении террористического акта с одновременным приведением в негодность объектов жизнеобеспечения или нет? Этим вопросом интересуется некоторые авторы в своих научных трудах [1]. Чтобы ответить на этот вопрос, нам следует подробнее рассмотреть составы указанных преступлений.

Основным непосредственным объектом террористического акта выступает общественная безопас-

ность в широком смысле, а применительно к приведению в негодность объектов жизнеобеспечения — общественная безопасность в узком смысле, которая ограничивается только лишь объектами жизнеобеспечения в определенных сферах жизнедеятельности человека — энергетике, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства.

Главным критерием, позволяющим разграничить указанные составы преступлений, содержится в субъективной стороне, включающая в себя цель как ее обязательный признак. Цель преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, заключается в воздействии на органы власти или международные организации при принятии определенных решений или дестабилизация их деятельности. Напротив, данное целеполагание не является обязательным и не характерно для преступления, предусмотренного ст. 215.2 УК РФ. Дело в том, что указанное преступление законодательно ограничено специальными мотивами, указанными в диспозиции ч. 1 ст. 215.2 УК РФ, и включает только корыстные или хулиганские побуждения.

Стоит подчеркнуть, что законодательное целеполагание при совершении террористического акта, указанного в ч. 1 ст. 205 УК РФ, является обязательным признаком объективной стороны, что обусловлено более высокой степенью общественной опасности противоправного посягательства, выражающейся в более агрессивных преступных действиях, направленных на устрашение социума, тревоги, опасности гибели людей и дестабилизации общественной жизни.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» закреплено, что «причинение в результате террористического акта значительного имущественного ущерба квалифицируется по п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 167 УК РФ не требуется» [2]. Представляется очевидным, что данное положение вполне можно отнести и на совершение террористического акта в отношении объектов жизнеобеспечения, в связи с чем идеальная совокуп-

¹ На основании формы государственного статистического наблюдения «Единый отчет о преступности» (Форма 1-Г) за 2021–2022 гг. // Данные ГИАЦ МВД России.

ность рассматриваемых преступлений отсутствует и дополнительной квалификации по ст. 2152 УК РФ не требуется. Это связано с тем, что террористический акт относится к наиболее тяжкому преступлению, охватывающему посягательства, в том числе, на объекты жизнеобеспечения. Поэтому причинение ущерба объектам жизнеобеспечения в результате совершения террористического акта, по нашему мнению, не требует дополнительной квалификации по ст. 2152 УК РФ.

Таким образом, террористический акт следует отграничивать от приведения в негодность объектов жизнеобеспечения по основному непосредственному объекту и по признаку субъективной стороны (цели), которая заключается в воздействии на органы власти или международные организации при принятии определенных решений или дестабилизация их деятельности. Совокупность указанных преступлений исключается, поскольку террористический акт охватывает посягательства на объекты жизнеобеспечения, в связи с этим дополнительной квалификации по ст. 215.2 УК РФ не требуется.

Список источников

1. Ковригин В. С. Вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 215.2 УК РФ // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6. № 4. С. 223–229.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 3 ноября 2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. № 35.
3. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

А. В. Борбат — доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

A. V. Borbat — Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

4. Россия сегодня. Появились первые подробности подрыва автомобиля Прилепина // URL://<https://ria.ru/20230506/prilepin-1870154101.html?ysclid=ls0br9jym2859916332>.

5. Россия сегодня. Попадание ракеты ВСУ привело к крушению Ил-76 в Белгородской области // URL://<https://ria.ru/20240130/raketa-1924358753.html?ysclid=ls0bkvak45822504708>.

6. Россия сегодня. В соцсетях появились видео взрывов на нефтебазе в Белгороде // URL://<https://ria.ru/20220401/vzryv-1781205033.html?ysclid=ls0bo0jxwp152321004>.

References

1. Kovrigin V. S. Questions of the qualification of a crime under Article 215.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Siberian Anthropological Journal. 2022. Vol. 6. No. 4. P. 223–229.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 9, 2012 No. 1 (ed. November 3, 2016) «On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes» // Rossiyskaya Gazeta. 2012. № 35.
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
4. Russia today. The first details of the explosion of Prilepin's car appeared // URL://<https://ria.ru/20230506/prilepin-1870154101.html?ysclid=ls0br9jym2859916332>.
5. Russia today. The hit of the APU missile led to the crash of the IL-76 in the Belgorod region // URL://<https://ria.ru/20240130/raketa-1924358753.html?ysclid=ls0bkvak45822504708>.
6. Russia today. Videos of explosions at an oil depot in Belgorod appeared on social networks // URL://<https://ria.ru/20220401/vzryv-1781205033.html?ysclid=ls0bo0jxwp152321004>.

Научная статья

УДК 343.9.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-62-65>

EDN: <https://elibrary.ru/eodtkj>

ИПОН: 2003-0059-7/23-895

MOSURED: 77/27-003-2023-07-094

Генезис криминологической теории о транспортной безопасности

Андрей Викторович Борисов

Российский университет транспорта, Москва, Россия, av-borisov@mail.ru

Аннотация. Посредством изучения научной литературы, посвященной вопросу криминологической теории о транспортной безопасности, рассмотрены этапы появления и развития криминологической теории о транспортной безопасности. Обозначены позиции отечественных ученых-правоведов по вопросу развития криминологической теории о транспортной безопасности. Представлена характеристика криминологической теории о транспортной безопасности на различных этапах развития нашего общества.

Ключевые слова: криминологическая теория, транспортная безопасность, криминологическая теория о транспортной безопасности

Для цитирования: Борисов А. В. Генезис криминологической теории о транспортной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 62–65. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-62-65>. EDN: EODTKJ.

Original article

The genesis of the criminological theory of transport security

Andrei V. Borisov

Russian University of Transport, Moscow, Russia, am-borisov@mail.ru

Abstract. By studying the scientific literature devoted to the issue of criminological theory of transport security, the stages of the emergence and development of criminological theory of transport security are considered. The positions of domestic legal scholars on the development of criminological theory of transport security are outlined. The characteristic of the criminological theory of transport security at various stages of the development of our society is presented.

Keywords: criminological theory, transport security, criminological theory of transport security

For citation: Borisov A. V. The genesis of the criminological theory of transport security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):62–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-62-65>. EDN: EODTKJ.

Система обеспечения безопасности на транспорте сложна, включает в себя обширный перечень субъектов и объектов, деятельность и функционирование которых регламентируются существенным количеством нормативных правовых актов и сводов правил. Процесс бесперебойного функционирования транспорта обеспечивается значительным объемом людских и материальных ресурсов. Этот механизм в своем построении, становлении и развитии прошел многоэтапный путь.

На первоначальном этапе формирования этого механизма (середина XVI в. — XVIII в.) о системе обеспечения безопасности на транспорте говорить нельзя хотя бы в силу отсутствия транспортных средств в современном техническом их понимании. В то время имел место лишь гужевой транспорт, приводимый в движение посредством животных, в

основном лошадьми. Однако правила движения по дорогам на уровне государственного регулирования уже были установлены, что было связано с распространёнными случаями наездов средств передвижения на пешеходов, их столкновениями.

Так, в XVI в. указом Ивана Великого закреплялось правостороннее движение, в случае нарушения которого для холопов устанавливалось наказание в виде «битие батогами», а если данное нарушение совершали бояре, то дня них был установлен штраф в три деньги с соболями [1, с. 45]. В Соборном Уложении 1649 г., в главе «О мытах, и о перевозках и о мостах», были введены правила движения по сухопутным дорогам [2, с. 153–154]. Значительное внимание уделялось противодействию разбоям на дорогах и обеспечению безопасного передвижения по ним [7, с. 7].

© Борисов А. В., 2023

В 1718 г. Указом Петр I в Санкт-Петербурге была образована Полицмейстерская канцелярия (позднее преобразованная в Генерал-полицмейстерское управление). В его полномочия входило обеспечение охраны порядка на территории города, а также контроль за безопасным проездом по улицам и переулкам. Следующим документом, имеющим отношение к рассматриваемой проблеме, в 1720 г. явился Указ «О торговании в Санкт-Петербурге съестными харчевыми припасами в указанных местах и о езде всяких чинов людям на взнузданных лошадях». Данный Указ в качестве основных правонарушений на городских улицах закреплял быструю езду и битье прохожих кнутом [1, с. 46].

Также в начале XVIII в. Россия приобрела выходы к Балтийскому и Черному морям, что повлияло на активное развитие морской торговли и, как следствие, контрабанды. Для борьбы с этим криминальным явлением на морском транспорте были приняты Морской пошленный регламент (1731 г.), указ, устанавливающий ширину зоны территориальных вод (1746 г.) и др. [3, с. 6].

Дальнейшее поступательное развитие и рост количества транспортных средств на улицах (XIX в.), создание трамвайного (на первоначальном этапе — на конной тяге), а также железнодорожного транспорта, послужило толчком к более подробному и детальному правовому регулированию, и упорядочиванию движения всех видов транспорта. Также необходимо отметить, что в этот период, в отечественном законодательстве появились правила, касающиеся должного содержания улиц в городах, шоссе и почтовых трактов, а также ограничения скорости. В 1804 г. появились отдельные наставления для извозчиков, которые по праву можно назвать прообразом современных правил дорожного движения. В 1808 г. введена ответственность за нарушения скорости движения, повлекшие несчастные случаи, в 1831 г. — первые и общие правила, которые регламентировали движение по шоссе и дорогам. Не трудно заметить, что принимаемые нормативные правовые акты того времени, хотя и были разобщенными, именно из них формировались единые правила движения по улицам и шоссе, а также возмещения вреда, причиненного в результате столкновения транспортных средств и пешеходов.

1836 г. был ознаменован созданием железнодорожной жандармерии, которая была призвана обес-

печивать должный порядок на железной дороге. Железнодорожная жандармерия в 60-х гг. XIX в. была реформирована в полицейские управления, которые наделялись широкими функциями, к числу которых можно отнести такие как осуществление полицейского надзора за строительством и эксплуатацией железных дорог в целях предупреждения диверсий, борьба с проявлениями преступности, такими как спекуляция и безбилетный проезд [4, с. 164].

Уложение об уголовных и исправительных наказаниях 1845 г. уже включало в себя отдельные нормы о транспортных происшествиях, которые повлекли несчастные случаи, либо повреждение дорожного полотна. Развитие законодательных мыслей, призванных обеспечивать безопасность на транспорте, было реализовано в последующих редакциях указанного Уложения. Редакция 1885 г. включала в себя две главы — гл. X «О нарушении правил, установленных для сохранения путей сообщения» и гл. XIII «О нарушении уставов торговых», в которых содержались нормы, охраняющие безаварийную эксплуатацию различных видов транспорта. Редакция 1903 г. уже содержала нормы гл. 30 «Повреждение имущества, путей сообщения, граничных и тому подобных знаков или иных предметов», регламентирующие вопросы обеспечения безопасности движения и эксплуатации таких видов транспорта, как железнодорожный, речной и морской [6, с. 147].

Июнь 1867 г. ознаменован образованием речной полиции, которая была наделена обширным спектром полномочий по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Указанные полномочия включали в себя надзор за точным исполнением постановлений по охране порядка на воде и береговых сооружениях; контроль за беспрепятственным следованием судов и др. [4, с. 165].

Таким образом, созданная к концу XIX в. транспортная полиция, сосредоточившая в своих руках полномочия по охране общественного порядка в местах скопления людей на железнодорожных вокзалах и морских портах, борьбе с различными видами хищений на транспорте, обеспечению безопасности пассажиров и предотвращению транспортных правонарушений, предотвращению актов терроризма, розыск преступников и др., выполняла функции, аналогичные функциям современной транспортной полиции Российской Федерации. Указанные обстоятельства вместе с созданной достаточно обширной

нормативной правовой базой может сигнализировать об окончании этапа становления системы обеспечения безопасности на транспорте.

XX в. ознаменовал этап совершенствования системы обеспечения безопасности на транспорте, что связано с расширением видов транспорта до «объемов», сравнимых с современным пониманием. Помимо гужевого, железнодорожного, водного (речного и морского), появляется велосипедный, мото-, авто- и авиатранспорт, электро- (метрополитен, троллейбусный, трамвайный) и нефтегазовый.

В это время в нормативных правовых актах России входят в оборот понятия «безопасность движения на железных дорогах», «безопасность полетов воздушных судов», «безопасность движения поездов», «безопасность плавания водного транспорта», «безопасность дорожного движения (автомобильного транспорта)», «безопасность на транспорте» и др. [5, с. 68].

Интенсивное развитие транспорта обострило потребность в структурах, обеспечивающих безопасность на всех видах транспорта, а равно соответствующей правовой регламентации такой деятельности, что и было сделано. В частности, Россия включилась в сферу международных отношений в области автомобильного транспорта. В практике обеспечения безопасности дорожного движения появляется организованное регулирование движения городского транспорта. Формировалась система добровольного страхования ответственности.

Следует отметить, что вопросам обеспечения безопасности на транспорте уделялось значительное влияние на всем протяжении двадцатого столетия, даже в самые драматичные исторические периоды, включая первые годы советской власти, коллективизацию, индустриализацию, Великую Отечественную Войну, послевоенное время, а также в последующий исторический промежуток.

К концу XX в. — началу XXI в. именно проблема обеспечения безопасности на транспорте, способного к быстрым и безопасным перевозкам людей и грузов, еще более актуализировалась, особенно в эпоху глобализации, интеллектуализации, стремительно набирающего обороты научно-технического прогресса, развития систем безопасности с одновременным повышением уровня осведомленности о них криминалитета и обычных людей, ознаменовав современный этап своего развития. На этом этапе проблема преобразовалась в значимый сегмент обеспечения на-

циональной безопасности — обеспечение транспортной безопасности.

При всей очевидной значимости изучения криминологических основ транспортной безопасности, как самостоятельного блока соответствующей отрасли знаний, эта проблематика в научной литературе практически не рассматривалась. Даже само понятие «транспортная безопасность» отсутствует в криминологической литературе. В рассматриваемом аспекте более или менее определены лишь базовые категории угроз транспортной безопасности и их классификаций [8; 9].

Таким образом, вопрос развития криминологической теории о транспортной безопасности требует дальнейшей разработки и придания ей конкретных черт.

Список источников

1. Валдаев Е. В., Гуров А. И. Эволюция законодательства об ответственности за транспортные преступления по праву России // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2015. № 1 (36). С. 45–49.
2. Гирько С. И., Борисов А. В., Миронов А. И., Полубинский В. И. и др. Органы внутренних дел России 1802–2002 гг. Т. 1. М.: ВНИИ МВД России, 2002.
3. Жамкочьян С. С., Пиджаков А. Ю., Смыслов Б. А., Татаренко А. В. Из истории морской пограничной стражи в России // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2008. № 3 (32). С. 6–16.
4. Зиганшин М. М., Агафонов С. И. К вопросу о роли полиции в сфере обеспечения транспортной безопасности (история и современность) // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 164–169.
5. Пиджаков А. Ю., Лебедева М. Ю. Дефиниция «транспортная безопасность» // Научный вестник МГТУ ГА. 2013. № 196. С. 67–71.
6. Пожарский А. Ю. Зарождение норм о транспортных преступлениях в дореволюционном уголовном праве России // Государственная служба и кадры. 2015. № 4. С. 146–149.
7. Рифицкий Г. П. Безопасность дорожного движения в России: история и современность: учеб.-практ. пособие. М., 2005.

8. Титова Н. К. Понятие и содержание терминов «транспортная безопасность» и «угроза транспортной безопасности»: теоретический аспект // Транспортное право. 2012. № 3.

9. Проценко С. В. Угрозы транспортной безопасности РФ // Российская юстиция. 2010. № 8.

References

1. Valdaev E. V., Gurov A. I. Evolution of legislation on liability for transport crimes under the law of Russia // Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notariate. 2015. № 1 (36). P. 45–49.

2. Girko S. I., Borisov A. V., Mironov A. I., Polubinsky V. I., etc. Internal affairs bodies of Russia 1802–2002. Vol. 1. M.: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002.

3. Zhamkochyan S. S., Pidzhakov A. Yu., Smyslov B. A., Tatarenko A. V. From the history of the maritime border guard in Russia // Scientific notes of the

St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V. B. Bobkov. 2008. № 3 (32). P. 6–16.

4. Ziganshin M. M., Agafonov S. I. On the role of the police in the field of transport security (history and modernity) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 8. P. 164–169.

5. Pidzhakov A. Yu., Lebedeva M. Yu. Definition of «transport safety» // Scientific Bulletin of MGTU GA. 2013. № 196. P. 67–71.

6. Pozharsky A. Yu. The origin of norms on transport crimes in pre-revolutionary criminal law of Russia // State service and personnel. 2015. № 4. P. 146–149.

7. Rifitsky G. P. Road safety in Russia: history and modernity: Textbook-practice manual. M., 2005.

8. Titova N. K. The concept and content of the terms «transport security» and «threat to transport security»: theoretical aspect // Transport Law. 2012. № 3.

9. Protsenko S. V. Threats to transport security of the Russian Federation // Russian Justice. 2010. № 8.

Информация об авторе

А. В. Борисов — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминологии Российского университета транспорта, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Borisov — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Russian University of Transport, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

2-е изд., перераб. и доп.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», квалификации «магистр». Цель пособия — выделить наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) «Юриспруденция», а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Актуальные проблемы
уголовно-процессуального
права

Второе издание

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-66-68>

EDN: <https://elibrary.ru/mjbztt>

NIION: 2003-0059-7/23-896

MOSURED: 77/27-003-2023-07-095

К вопросу об административно-правовом обеспечении реализации техноэкономических проектов

Сергей Николаевич Бочаров¹, Юрий Ильич Попугаев²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, rados108@mail.ru

Аннотация. Рассматривается характеристика состояния и перспективы административно-правового сопровождения реализации современных моделей теории техноэкономики, разработчики которой, стремясь изменить механизм управления социально-экономической сферой, предлагают освободиться от транзакционных издержек, включая сокращение регулятивного и контрольно-надзорного сегмента исполнительно-распорядительной деятельности субъектов управления, выраженного в различных административно-правовых институтах.

Ключевые слова: техноэкономика, транзакционные издержки, публично-правовое сопровождение экономических проектов, административно-правовые институты

Благодарности: статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

Для цитирования: Бочаров С. Н., Попугаев Ю. И. К вопросу об административно-правовом обеспечении реализации техноэкономических проектов // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 66–68. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-66-68>. EDN: MJBZTT.

Original article

On the issue of administrative and legal support for the implementation of techno-economic projects

Sergey N. Bocharov¹, Yuri I. Popugaev²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, rados108@mail.ru

Abstract. The characteristic of the state and prospects of administrative-legal support for the implementation of modern models of the theory of technoeconomics, the developers of which, seeking to change the mechanism of management of socio-economic sphere, offer to get rid of transaction costs, including the reduction of regulatory and control and supervisory segment of executive-administrative activity of management subjects, expressed in various administrative-legal institutions is considered.

Keywords: technoeconomics, transaction costs, public legal support of economic projects, administrative and legal institutions

Acknowledgements: the article was prepared with the information support of the SPS «ConsultantPlus».

For citation: Bocharov S. N., Popugaev Yu. I. On the issue of administrative and legal support for the implementation of techno-economic projects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):66–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-66-68>. EDN: MJBZTT.

Ознакомление с теорией техноэкономики, нацеленной на решение актуальных и важных вопросов оценки экономического состояния нашей страны, на определение путей и способов его ближайшего и перспективного развития с учетом совокупности комплекса внутренних и внешних факторов, влияющих на данное состояние и процесс, нельзя было не обратиться к классикам философии и политэкономии и который раз задаться вечными вопросами соотношения категорий: материя — сознание, базис — надстройка.

В свое время в Предисловии «К критике политической экономии» К. Маркс заметил, что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [2, с. 7]. Известно, что это самое общественное бытие сложно сконструировано, предусматривая в своем содержа-

нии дифференциацию населения на различные социальные общности (группы, классы и т. п.), в которых с учетом характера труда и занятости в процессе производства, а также в зависимости от отношения к средствам производства в самом первом приближении можно выделить собственников (хозяев), работников и различного рода управленцев от государства, функционирующих как в экономической, так и в неэкономических сферах, обладающих нормотворческой, распорядительной, контрольно-надзорной и юрисдикционной компетенцией, относящихся согласно авторитетному высказыванию С. Б. Чернышова к агентам институтов рынка [3].

Все названные категории населения участвуют в реализации основных рыночных институтов производства, распределения и обмена по-разному. Кроме

© Бочаров С. Н., Попугаев Ю. И., 2023

того, значимость, масштабность и содержание подобного участия — величины переменные, параметры которых зависят от многих факторов, их обуславливающих, и посему требующих своего учета в процессе совершенствования современного экономического механизма, нуждающегося по мнению ученых экономистов и специалистов управленцев в серьезной качественной перезагрузке в виде перехода посредством реинжиниринга имеющихся рыночных институтов к их техноэкономическому перевоплощению в качественно новый способ хозяйственной деятельности.

По мнению специалистов рабочей группы, разрабатывающей техноэкономические модели, действующей под эгидой Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов, основным содержанием техноэкономики является поэтапное снятие транзакций так называемых «невидимых рук» [1], порожденных институтами собственности и капитала, которые, на их взгляд, влекут излишние финансовые, временные и прочие непроизводительные затраты, путем передачи их функций экономическим платформам.

При этом, не секрет, что немало подобных транзакционных издержек опосредовано правом в части:

- ♦ регулирования статуса субъектов, реализующих указанные экономические институты;
- ♦ решения вопросов учета, отчетности, регистрации всей деятельности и ее отдельных этапов;
- ♦ оформления специальных разрешений и прочих индивидуальных правовых актов, обеспечивающих субъектам легитимность и комфортность функционирования;
- ♦ установления ответственности субъектов за неисполнение принятых на себя обязательств, несоблюдение ограничений и запретов в ходе их реализации.

Казалось бы, что плохого в таком правовом регулировании процесса государственного участия в организации и осуществлении управления промышленностью, торговлей, финансами, строительством, транспортом и иными областями и сферами экономики, тем более, принимая во внимание наличие здесь большого количества и высокой степени различных рисков, опасностей и угроз. Однако сторонники техноэкономических перемен, судя по их публичным заявлениям, настроены весьма решительно и категорично, заявляя, что «единственная добродетель административной системы — власть и ее умение централизованно распределять — бессильна, так как источник подлежащих распределению материальных и духовных благ, и без того изначально скудный, иссякает на глазах».

Мы далеки от мысли, что в государственном управлении экономикой все идеально. Действительно, многое нуждается в реформировании, дабы исключить условия для бюрократии и коррупции, максимально рационально использовать финансовые, материальные, человеческие и прочие ресурсы, защитить права и законные интересы как потребителей, так и производителей. Но есть опасение, что сгоряча «вместе с грязной водой можно выкинуть и ребенка», так как социальная значимость административно-правового упорядочения отношений в рассматриваемой сфере в части обеспечения различных сегментов национальной безопасности (личной, общественной, экологической, информационной, экономической и пр.) продолжает оставаться весьма высокой.

В данном случае речь идет о сохранении и упрочении таких административных правовых институтов, выступающих самостоятельными методами государственного управления, как институты технического регулирования (метрология, сертификация, стандартизация); институты разрешений (лицензирование, аттестация, аккредитация, допуск к работе, выдача патента); институт государственного заказа; институт квотирования; институт таможенной и государственной границы; институт административной ответственности.

В подтверждении сказанного достаточно вспомнить прошлогоднюю трагедию со взрывом газа в одном из многоквартирных домов Новосибирска, где ремонтно-эксплуатационные работы с использованием несертифицированного оборудования проводили «специалисты», не имевшие на это соответствующего разрешения; многочисленные случаи загрязнения промышленными предприятиями окружающей среды и применения для утепления при строительстве как индивидуальных, так и многоквартирных жилых домов легко воспламеняющихся материалов; значительное количество мошенничеств, совершаемых с использованием поддельных электронных подписей, посредством средств мобильной связи и компьютерных технологий, совершаемых в том числе из-за рубежа.

Наглядным примером актуальности затронутой проблемы могут служить также тематика и результаты состоявшегося 16 февраля 2023 г. в Екатеринбурге форума «Кибербезопасность в финансах», где в выступлениях и дебатах главы Центробанка России Э. Набиулиной, председателя комитета по финансовым рынкам Государственной Думы Российской Федерации А. Аксакова и 1-го заместителя председателя Сбербанка России С. Кузнецова подчеркивалось, что

по сведениям лаборатории Касперского в 2022 г. преступники незаконно завладели 1,5 млрд данных, содержащихся в банковских учетных базах. Особо отмечено, что подобной ситуации способствовал в том числе недостаток правовых инструментов, который продолжает сохраняться и сейчас, а также недостаточно быстрое реагирование служб безопасности банков на действия мошенников. Замечено, что в качестве стимула для нейтрализации указанных негативных факторов может выступить известный правовой институт страхования киберрисков, способный обеспечить возврат банками клиентам похищенных у них средств, механизм которого нуждается в законодательном закреплении, по примеру законодательного предоставления финансовым учреждениям полномочий на блокирование счетов клиентов, участвующих в подозрительных транзакциях. Требуется также правового разрешения проблема свободного преобразования наличных или безналичных денег в криптовалюту, которое пользователь системы может совершить даже без предъявления паспорта.

Для активизации противодействия, упомянутым видам правонарушений с позиции технoэкономикy предполагается объединить на цифровой основе планы и долевыe возможности участвующих в этом игроков финансового рынка с тем, чтобы не только максимально использовать потенциал каждого из них в решении персональных, корпоративных и общих (групповых) задач, но и обеспечить гарантированную защиту как самих банков, так, естественно, и их клиентов, сохранив при этом незыблемым баланс интересов. Кроме того, в практике оформления финансо-

выми организациями кредитов в качестве эксперимента предпринимаются нелегитимные попытки задействовать для проверки лояльности клиентов возможности нейросети ChatGPT.

Вместе с тем, подчеркивая значимость технологического сегмента в достижении целей технoэкономикy, полагаем, что без должного юридического сопровождения осуществляемых масштабных преобразований сегодня не обойтись. В КНР, например, во избежание возможных рисков, для материалов (документов), подготовленных с помощью искусственного интеллекта, даже установлена специальная маркировка, что предоставляет пользователям таких материалов (документов) и работающим с ними правоприменителям при оценке истинности содержащейся в них информации возможность усмотрения и последующего выбора соответствующего оптимального варианта поведения.

Список источников

1. Кроуз Р. Природа фирмы // *Economica*. 1937. Vol. 4. No. 16.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13.
3. Чернышов С. Б. Новые вехи // *Знамя*. 1990. № 1. С. 154–163.

References

1. Coase R. The nature of the firm // *Economica*. 1937. Vol. 4. № 16.
2. Marks K., Engels F. Essays. 2nd ed. Vol. 13.
3. Chernyshov S. B. New milestones // *Znamya*. 1990. № 1. P. 154–163.

Информация об авторах

С. Н. Бочаров — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, профессор;

Ю. И. Попугаев — начальник кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. N. Bocharov — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Professor;

Yu. I. Popugaev — Head of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 14.12.2023. The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 14.12.2023.

Научная статья

УДК 349.4

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-69-73>

EDN: <https://elibrary.ru/mzsggn>

НИОН: 2003-0059-7/23-897

MOSURED: 77/27-003-2023-07-096

Некоторые проблемы предпринимательской деятельности в современных условиях

Тофик Миртагиевич Гандилов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия tgandilov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются правовые проблемы, с которыми сталкиваются частные компании в своей деятельности, а именно: частые изменения законодательства; стабильность гражданского оборота; запреты, ограничения и неконкурентные условия соперничества; трудности в исполнении некоторых норм законодательства в условиях международных санкций; ответственность бизнеса в сфере налоговых правонарушений.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, частные компании, стабильность законодательства, международные санкции, недружественные государства, налоговые правонарушения, ответственность

Для цитирования: Гандилов Т. М. Некоторые проблемы предпринимательской деятельности в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 69–73. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-69-73>. EDN: MZSGGN.

Original article

Some problems of entrepreneurial activity in modern conditions

Tofik M. Gandilov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, tgandilov@mail.ru

Abstract. The legal problems faced by private companies in their activities are considered, namely: frequent changes in legislation; stability of civil turnover; prohibitions, restrictions and non-competitive conditions of rivalry; difficulties in enforcing some norms of legislation in the conditions of international sanctions; business liability in the field of tax offenses.

Keywords: business activity, private companies, stability of legislation, international sanctions, unfriendly states, tax offenses, liability

For citation: Gandilov T. M. Some problems of entrepreneurial activity in modern conditions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):69–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-69-73>. EDN: MZSGGN.

В условиях антироссийских санкций недружественных стран, нетрудно заметить значительное усиление роли государства в управлении экономикой. Неслучайно в Петербургском юридическом форуме 2023 г. прозвучали предложения о национализации основных отраслей экономики и прямо противоположное этому мнение о приватизации государственного имущества.

Взаимоисключающие суждения участников юридического форума означают, что в условиях санкционного режима — пока нет ясности не только в экономической стратегии, но и в развитии права, в той его части, которая касается предпринимательской деятельности.

1. Дело в том, что в сложившихся условиях бизнес-структуры нередко сталкиваются различными законодательными запретами, ограничениями и не-

конкурентными условиями соперничества. Однако это не означает возврата к неконкурентоспособной, централизованной модели экономики образца советского периода, хотя, такие предложения имеют место быть и среди юристов.

Во многом это обусловлено возникшими трудностями наладить производства ряда стратегически важных товаров, ранее закупаемых за рубежом. Однако было бы неверно, исходя из мнения некоторых аналитиков, медленные темпы импортозамещения, искать в плоскости недостаточной заинтересованности в этом частного бизнеса, для которого прибыль, по их мнению, является приоритетом в ущерб государственным и общественным интересам и поэтому выход из этого положения они видят в переходе к 2-х секторному — государственному и частному регулированию имущественных отношений в сфере экономики.

© Гандилов Т. М., 2023

Это напоминает 2-х секторную теорию права в 20-х гг. в период НЭПа и нет никакой необходимости возвращаться к ней, ибо у государства для обеспечения собственных интересов немало рычагов, используемых в качестве предупреждения частных компаний. Для примера, достаточно сослаться на Указ Президента РФ от 3 марта 2023 г. [5].

В нем речь идет о частных предприятиях, выполняющих заказы министерства обороны для обеспечения военных нужд. В случае срыва бизнес-структурами сроков выполнения своих обязательств предусмотрен переход их на внешнее управление с приостановлением прав акционеров вплоть до отмены военного положения. Следовательно, они должны руководствоваться не только своими коммерческими интересами, а обязаны выполнять и задачи государства по поставке военной продукции для обеспечения обороны страны.

Кроме того, государство–собственник может обеспечить собственные интересы и посредством своих унитарных предприятий на праве оперативного управления, которые на практике, как известно, не всегда работают по правилам рыночной экономики, используя предоставляемые собственником преимущества, льготы, предпочтения по государственным закупкам, что несовместимо с принципом создания одинаковых конкурентных условий для хозяйствующих субъектов.

Так, по данным экспертного центра по защите прав предпринимателей при президенте РФ, объем неконкурентных закупок по отдельным видам товаров достигает до 74 %. Однако отмеченное все же не колеблет рыночной модели экономики, конституционного принципа свободного осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Поэтому, в сложившихся обстоятельствах, связанных с усилением роли государства в экономике, главная задача сводится к оптимальному, сбалансированному правовому регулированию взаимоотношений государства и бизнеса. Для решения этой задачи важно избежать негативного воздействия законодательных решений и правоприменительной деятельности на участников рынка.

Говоря о нежелательных тенденциях, возникающих на практике, которые отрицательно сказываются на интересах как государства, так и частных компаний, следует отметить и проблему обеспечения стабильности правового регулирования гражданского оборота.

Несмотря на завершение реформы гражданского законодательства и принятие девяти законов в соответствии с Концепцией развития гражданского законодательства, процесс внесения частых изменений в ГК РФ продолжается. Только с 2016 по 2022 гг., по проведенным подсчетам, количество внесенных изменений составило 35. А в 2023 г., только за четыре месяца с начала года, в ГК РФ внесены еще четыре изменения. Если так будет продолжаться, то гражданский кодекс постигнет участь Налогового кодекса, куда изменения и дополнения вносятся непрерывно.

Нельзя не учитывать, что ГК РФ призван регулировать гражданский оборот, где стабильность правового регулирования приобретает особое значение. Ведь конкурентную среду, необходимую для свободного рынка, невозможно поддерживать без рычагов, обеспечивающих надлежащий уровень стабильности, предсказуемости и надежности гражданского оборота, на что не раз обращал внимание Конституционный Суд РФ в своих постановлениях.

Когда меняются правила игры на рынке — это, прежде всего, мешает планированию и развитию бизнеса. Кроме того, к введенным изменениям бизнесу еще надо приспособиться, а это требует определенного времени.

Разумеется, необходимость изменений нельзя полностью отрицать. Они во многом обусловлены происходящими в обществе изменениями и должны учитывать современные реалии. Например, в связи с иностранными санкциями приняты важные законодательные акты, предусматривающие комплекс мер, направленных на поддержку коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей.

К их числу относятся мораторий на банкротство, легализация параллельного импорта, ограничение на заключение сделок с контрагентами из недружественных государств, существенные ограничения по валютным операциям, передача активов (движимого и недвижимого имущества, ценных бумаг, долей в уставных капиталах, имущественных прав) лиц из некоторых недружественных стран во временное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом (Росимущество) как ответ на изъятие российских активов и др.

Следовательно, изменение законодательства — это нормальный путь его развития. Но они оправданы, во-первых, когда речь идет о легализации новых явлений, институтов, появляющихся на практике и не

имеющих законодательного закрепления и, во-вторых, при выявлении пробелов в общей норме ГК РФ и отсутствии в специальных актах правового регулирования соответствующих отношений. Но во всех этих случаях изменения должны быть обсуждены бизнес-структурами для учета не только плюсов, но и возможных негативных последствий вводимых правил. Между тем на практике «во многих случаях изменения поспешны, иногда не в полной мере продуманы, содержат множество противоречий, как внутренних, так и с другими актами» [1]. Приведем несколько примеров.

Так, с целью поддержки российского производителя Министерство промышленности и торговли РФ настойчиво предлагает закрепить в Федеральном законе о закупках товаров норму об ограничении или запрета на покупку иностранных товаров и с целью контроля за этим, перейти к единому порядку указания в документах не страну поставщика, а страну происхождения товара. При этом не учитывается, что в законе нет запрета на закупку импорта, а есть требование на минимальную долю закупок товара при отсутствии российского аналога.

Кроме того, не просчитаны последствия закрепления такой нормы в законе. Оно может создать серьезные сложности для юридических лиц, ведущих торговлю с другими государствами, в том числе и с недружественными. Возникнуть трудности у российских компаний, зависящих от иностранных ресурсов. Ведь некоторые из них закупают все сырье у иностранных производителей, в особенности, в сфере медицины для изготовления лекарств, оборудования для стоматологических клиник и т. д.

2. Вторая проблема связана с тем, что в условиях санкций исполнение некоторых норм действующего законодательства не отвечает интересам российских организаций и бизнес-структур и ставить их в довольно сложное положение. Выход из этой ситуации требует гибкости в правовом регулировании.

Речь идет о приостановлении или отсрочке исполнения обязательных требований, в частности, Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [6], а также Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [7] до определенного периода времени в связи со сложностями в их исполнении и поставки ряда товаров в усло-

виях санкций недружественных стран. Именно с этими трудностями столкнулись в системе МВД России.

Как известно, указанный выше Закон о контрактной системе, устанавливает максимальную цену контракта и пределы цен закупок товаров, выше которых нельзя совершить закупку. Но в период санкций и сложностей логистики произошли скачки цен на товары, что не позволяет укладываться в установленные законом пределы цен. Фактические цены стали превышать предельные цены на товар. В результате, МВД России оказалось на грани срыва закупок компьютеров, планшетов, ноутбуков, радиоэлектронной продукции и транспортных средств. Это заставило министерство выйти с предложением к правительству РФ в порядке исключения из правил скорректировать цены, что позволит устранить последствия санкций и ускорить заключение контрактов на поставку товаров.

Правда постановлением Правительства РФ от 9 июня 2022 г. № 1051 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 20 октября 2014 г. № 1084» [2] заказчикам по закону № 44-ФЗ разрешалось до 31 декабря 2022 г. не учитывать установленные предельные цены на закупаемые товары, но почему-то послабление не касалось планшетных компьютеров, ноутбуков, транспортных средств, средств и услуг связи, на которые предельные цены могли быть повышены при закупках для федеральных заказчиков. К последним вводился механизм индексации установленного норматива цен. Пока не ясно как быть в других случаях.

Данная проблема имеет и другой аспект. Так, поскольку потенциальные поставщики стали предлагать цены на закупаемые товары намного выше предельных, стало сложно проводить торги из-за меньшего количества участников. По этой причине зачастую конкурсы и аукционы признаются несостоявшимися. Здесь возникает вопрос — если торги признаны несостоявшимися из-за единственного участника, обязан ли организатор торгов заключить с ним контракт? Исходя из п. 5 ст. 447 ГК РФ, на этот вопрос последует отрицательный ответ. В то же время, в законодательстве нет указаний на то, какие последствия влечет признание торгов несостоявшимися.

Неоднородна и судебная практика. Если до 2019 г. суды признавали заключение договора с единственным участником необязательным, то сейчас чаще выносят противоположное решение. В результате данный вопрос стал предметом рассмотрения Конститу-

ционного Суда, который постановлением от 23 декабря 2022 г. [3] внес ясность в его решение.

Исходя из принципа определенности, зафиксированного в закупочной документации, Конституционный Суд в своем постановлении отметил следующее: а) не предполагается обязанность заказчика (организатора торгов) заключить договор с единственным участником торгов в случае их признания несостоявшимися в связи с отсутствием других участников торгов, если в положении о закупке прямо предусмотрено, что в этом случае договор не заключается и торги проводятся повторно; б) когда же в названном документе подобное решение вопроса не предусмотрено либо допускается произвольное усмотрение заказчика (организатора торгов) в вопросе о заключении такого договора, признание торгов несостоявшимися на указанном основании не влечет отказа от заключения договора с единственным участником торгов, если объективных препятствий к заключению договора с этим участником не имеется.

Тем самым, заказчик имеет возможность заключить договор с единственным участником, предложение которого является конкурентным, соответствует закупочной документации, а она, в свою очередь, не ограничивают условия для свободной конкуренции.

Таким образом, обязательство заключить договор, в каждом из указанных Конституционным Судом случаях, зависит из формулировок закупочной документации.

Необходимость корректировки отдельных норм действующего законодательства с целью преодоления трудностей в их исполнении в условиях санкций, создает и определенные риски злоупотреблений, связанных с нарушением антимонопольного законодательства. Речь идет о неконкурентных процедурах при проведении конкурсов и аукционов, о фактах аффилированности, картельных соглашениях, в особенности, при закупках товаров, работ и услуг для публичных нужд.

Закон о конкуренции, как известно, запрещает согласованные действия хозяйствующих субъектов-конкурентов, направленные на ограничение конкуренции. Исключение сделано хозяйствующим субъектам, входящим в группу лиц, если одним из них в отношении другого установлен контроль либо они находятся под контролем одного лица. При этом контроль должен осуществляться в одной из установленных законом форм: а) распоряжение более чем 50 % общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции

(доли), составляющие уставный (складочный) капитал юридического лица и (или) б) осуществление функций исполнительного органа юридического лица. В контексте отмеченных положений закона — определенный интерес представляет одно дело, рассмотренное Конституционным Судом РФ [4].

В ходе рассмотрения жалобы заявителей, была выявлена имитация признаков фактического контроля, с целью оправдания запрещенного законом соглашения между двумя акционерными обществами, подконтрольных одному лицу.

В постановлении Конституционного Суда было отмечено, что закрепленный в законе перечень подпадающих под понятие контроля действий, при наличии которых хозяйствующим субъектам предоставляется иммунитет в отношении антиконкурентных соглашений, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. По мнению Конституционного Суда, оценочные критерии при этом создавали бы предпосылки для злоупотреблений и со стороны правоприменительных органов.

3. Следующая проблема связана с необоснованным привлечением предпринимателей к ответственности, в особенности, в сфере налоговых отношений. Речь идет о юридических процедурах привлечения к ответственности и защите прав предпринимателей при налоговых нарушениях.

Спору нет, налоговые и правоохранительные органы обязаны пресекать любые попытки ухода от уплаты налогов. Но при этом необходимо соблюдать предусмотренные законом правила, процедуры привлечения к ответственности, в том числе и к уголовной. Между тем на практике правоохранительные органы нередко возбуждают уголовные дела не на основе решений налоговых органов, как того требует закон, а по собственной инициативе на основе полученной информации и подозрений в налоговых нарушениях. При этом они ссылаются на п. 3 ст. 82 Налогового кодекса РФ, согласно которому, госорганы обязаны обмениваться информацией об имеющихся у них материалах о налоговых нарушениях и мерах по их пресечению, о проводимых проверках и иной необходимой информацией.

Но ведь есть и другая, ст. 32 НК РФ, которую правоохранительные органы почему-то не хотят замечать. Там четко и ясно предусмотрено, что материалы в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела направляются по представле-

нию налоговой службы, если обязанность по уплате налога не исполнена в сроки, установленные законом. Аналогичные требования содержатся и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (ч. 1.3 ст. 14). Поэтому действия правоохранительных органов, в данном случае, следует рассматривать как нарушение прав предпринимателей.

Список источников

1. Габов А. В. Тенденции и проблемы правового регулирования взаимоотношений государства и бизнеса // Журнал российского права. 2015. № 1.
2. Постановление Правительства РФ от 9 июня 2022 г. № 1051 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 20 октября 2014 г. № 1084» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2022 г. № 57-П по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 432, пункта 1 статьи 438, пункта 4 статьи 445, пункта 5 статьи 447 и пункта 4 статьи 448 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «Системный оператор Единой энергетической системы» // Российская газета. 2022. 30 дек.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 марта 2023 г. по делу о проверке конституционности части 8 статьи 11 и пункта 1 части 1 статьи 17 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобой акционерных обществ «Специализированный застройщик «Кошелев-проект Самара» и «Кошелев-проект» // Российская газета. 2023. 11 апр.
5. Указ Президента Российской Федерации от 3 марта 2023 г. № 139 «О некоторых вопросах осуществления деятельности хозяйственных обществ, участвующих в выполнении государственного оборонного заказа» // Российская газета. 2023. 6 марта.
6. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ,

услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Gabov A. V. Trends and problems of legal regulation of relations between the state and business // Journal of Russian Law. 2015. № 1.
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated June 9, 2022 No. 1051 «On Amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation dated October 20, 2014 No. 1084» // LRS «ConsultantPlus».
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 23, 2022 No. 57-P in the case of checking the constitutionality of paragraph 2 of Article 432, paragraph 1 of Article 438, paragraph 4 of Article 445, paragraph 5 of Article 447 and paragraph 4 of Article 448 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the Joint-Stock Company «System Operator of Unified Energy systems» // Rossiyskaya Gazeta. 2022. 30 Dec.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 30, 2023 in the case of checking the constitutionality of part 8 of Article 11 and paragraph 1 of Part 1 of Article 17 of the Federal Law «On Protection of Competition» in connection with the complaint of joint stock companies «Specialized developer Koshelev-project Samara» and «Koshelev-project» // Rossiyskaya Gazeta. 2023. 11 Apr.
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 139 dated March 3, 2023 «On some issues of the activities of business entities involved in the implementation of the State defense order» // Rossiyskaya Gazeta. 2023. March 6th.
6. Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 «On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs» // LRS «ConsultantPlus».
7. Federal Law No. 223-FZ of July 18, 2011 «On Procurement of Goods, works, and services by certain types of legal entities» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

Т. М. Гандилов — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

T. M. Gandilov — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.
The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-74-80>

EDN: <https://elibrary.ru/mnkflw>

НИОН: 2003-0059-7/23-898

MOSURED: 77/27-003-2023-07-097

Право в Древнерусском государстве

Ирина Васильевна Гребенщикова

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, grebenshikova_iv@mail.ru

Аннотация. Анализируются источники древнерусского права. Обозначены характерные черты древнерусского законодательства. Отмечено, что нормы княжеского законодательства носили казуальный характер, т. е. отражали отдельные достаточно конкретные жизненные ситуации. В праве отсутствовали общие определения, универсальные юридические конструкции. Данные обстоятельства были учтены при дальнейшей характеристике искусственно выделенных гражданско-правовых, уголовно-правовых и процессуальных отношений.

Ключевые слова: Древнерусское государство, источники права, обычаи, обычное право, Закон Русский, договоры с Византией, княжеская судебная практика, Русская Правда

Для цитирования: Гребенщикова И. В. Право в Древнерусском государстве // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 74–80. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-74-80>. EDN: MNKFLW.

Original article

Law in the Old Russian state

Irina V. Grebenshchikova

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, grebenshikova_iv@mail.ru

Abstract. The sources of ancient Russian law are analyzed. The characteristic features of the Old Russian legislation are indicated. It is noted that the norms of the princely legislation were of a casual nature, i.e. they reflected individual rather specific life situations. The law lacked general definitions, universal legal constructions. These circumstances were taken into account in the further characterization of artificially isolated civil, criminal and procedural relations.

Keywords: Old Russian state, sources of law, customs, customary law, Russian law, treaties with Byzantium, princely judicial practice, Russkaya Pravda

For citation: Grebenshchikova I. V. Law in the Old Russian state. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):74–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-74-80>. EDN: MNKFLW.

Рассмотрение вопросов права в любом из периодов нашего государства было и остается значимым в связи с тем, что подобный анализ позволяет проследить эволюцию норм права, его истоки, тенденции развития, характерные черты в историческом контексте.

На начальном этапе формирования государственности у восточных славян общественные отношения регулировались обычаями, передаваемыми из поколения в поколение.

В период раннефеодальной монархии законодательство и правосудие были ограничены узкими пределами и подчинялись органам управления. Центром власти и управления становился двор князя — сам князь со своими многочисленными слугами.

Следует отметить, что среди ученых существует полемика относительно «Закона Русского», регули-

ровавшего нормы права еще до появления договоров с Византией, по вопросу того, был ли данный источник письменным [1; 2] либо он являлся сводом устных норм обычного права [3, с. 13].

Предметом рассмотрения данной статьи будет юридическое право, или, словами Михаила Флегонтовича Владимирского-Буданова [4, с. 112], государственное право в смысле писаного права, поставленного государственными властями. Суд по нему осуществляли только эти власти — князь и от его имени — лица дворцового управления, княжеские наместники, а не частные лица, как-то: господин над своими холопами или глава семейства над членами семьи.

К юридическому праву не относятся внесудебные расправы князей над политическими противниками или расправы над язычниками при распространении христианства. В данном контексте следует вспомнить

© Гребенщикова И. В., 2023

великого князя Ярополка, прозванного Окаянным, который убил сводных братьев Бориса и Глеба, позже канонизированных русской православной церковью. Другой пример — когда некий волхв объявил себя прорицателем в Новгородской земле. При встрече с ним внук Ярослава Мудрого князь Глеб спросил, знает ли он, что будет с ним сегодня. «Знаю, чудеса сотворю», — был ответ. Глеб вынул топор и зарубил никудышного прорицателя.

Вполне самостоятельными были церковное и общинное право. Ими регулировались отношения внутри социальных союзов, не предусматривавшие вмешательства княжеского аппарата. Юридическое право, или право князей распространялось на тех людей, которые находились под его покровительством. Речь идет не только о людях, находившихся у него на службе или работающих в его хозяйстве, но и обо всех тех, кто в силу разных причин не мог рассчитывать на защиту своей корпорации — общины или только зарождавшихся объединений ремесленников, купцов (новгородских купеческих сотен).

В дальнейшем обычное право и княжеская судебная практика становятся источниками развития права в древнерусском обществе.

Источниками права также становятся договоры русских князей с Византией. Договоры Олега 911 г. и Игоря 945 г. с греками интересны своим юридическим содержанием. В договоре Олега содержатся международные обязательства — как взаимные, например, о возвращении в отечество рабов и пленников за выкуп, о выдаче беглых преступников, так и односторонние, например ст. 6 — о возврате русскими имущества потерпевших кораблекрушение греков. По договору Игоря личность русских послов и купцов должна удостоверяться княжескими грамотами.

По договорам можно судить о взглядах на преступления и об ответственности за них:

♦ в договоре Олега, в ст. 1 имеется общее наименование преступления — «проказа», а в ст. 12 — преступника — «злодей». Всякое преступление в соответствии со ст. 1 основывается на ясных показаниях, а кто заподозрит свидетельство, пусть поклянется по своей вере, что оно ложно;

♦ договор Олега допускает досудебную месть родственников убитого сразу же на месте совершения преступления, а по договору Игоря месть разрешается только после суда. По бытующему мнению,

на основании ст. 2, грек, убивший русского и приговоренный к казни византийским судом, выдавался родственникам убитого для совершения над ним кровной мести. Если русский убивал грека, то его судили русские и при виновности выдавали грекам, которые совершали над ним смертную казнь;

♦ предусматривается замена кровной мести ответственностью по принципу композиции, т. е. предоставляется возможность откупиться от мщения. Договор Олега прописал следующие ситуации. Во-первых, если убийца — состоятельный человек, и он скроется, то взыскание обращается на его имущество, которое поступает в пользу родственников убитого за исключением части, остающейся жене убийцы. Во-вторых, при несостоятельности преступника родственники убитого ждут, пока виновный не будет найден, и тогда вправе убить его [4, с. 96];

♦ устанавливаются штрафные санкции за нанесение побоев, ран как в ст. 3 договора Олега, так и договора Игоря;

♦ при краже вор обязан вернуть похищенное имущество и уплатить еще тройную (по договору Олега) или двойную (по договору Игоря) цену вещи;

♦ договор Олега содержит пример ответственности по принципу талиона, когда имеет место подобие между возможными последствиями деяния и наказанием. Так, за ложную присягу или свидетельство виновный подлежит тому наказанию в соответствии со ст. 1, которому могли подвергнуть оболганного им человека.

Русские и греки согласились в одних случаях запретить самоуправство, а в других — разрешить самосуд. Например, договор Олега позволяет обыскивать подозреваемого и изымать похищенные вещи только с разрешения властей на основании ст. 5. Он же считает ненаказуемым убийство вора при сопротивлении задержанию на месте преступления.

После крещения Руси большое значение приобретает церковное право. Церковь осуществляла суд по всем делам относительно преступлений против религии и нравственности. Древнерусские церковные уставы, Устав Владимира и Устав Ярослава Мудрого устанавливали нормы брачно-семейных отношений, определяли юрисдикции церковных органов и судов.

Важнейшим нормативным правовым актом, дошедшим до наших дней, стала *Русская Правда*. Она была создана государственной светской властью и

охватывала дела, подведомственные княжескому суду, не вторгаясь в церковную юрисдикцию и обычное право, сложившееся в общинах. Русская Правда дошла до нас во множестве списков, которые подразделяются на три редакции.

Краткая редакция Русской Правды (далее — КП) в Академическом списке именуется Правда роськая. Древнейшая ее часть (ст. 1–18) в науке носит название Правда Ярослава, а другая часть (ст. 19–41) — Правда Ярославичей. Кроме того, в нее входят два самостоятельных установления: Покон вирный (ст. 42) и Урок мостникам (ст. 43) [6, с. 74]. Летопись указывает на составление древнейшей части Ярославом Мудрым в 1016 г. для Новгорода, однако некоторые исследователи допускают ее создание в Киеве, по крайней мере, до смерти великого князя в 1054 г. Вторая часть стала результатом соглашения его сыновей на одном из съездов, предположительно 1072 г., после подавления народных восстаний 1068–1071 гг.

Пространная редакция Русской Правды (далее — ПП), безусловно, появилась вскоре после киевского народного восстания 1113 г., когда произошел первый еврейский погром (во время него громили лавки и дома ростовщиков). Она объединила две части — Суд Ярослава Владимировича (ст. 1–52), включивший, по сути, Краткую редакцию, и Устав Владимира Всеволодовича (ст. 53–121), явившийся новым законодательством, направленным на удовлетворение ряда требований восставших. Нумерация статей приведена по Троицкому второму списку.

Сокращенная редакция Русской Правды носит печать редактирования Пространной редакции в XV в. для избавления законодательного источника от устаревших к тому времени юридических норм. Она не будет предметом рассмотрения в данной статье, так как относится к более позднему историческому периоду, однако демонстрирует значительную временную продолжительность действия Русской Правды как таковой.

Русской Правдой регулировались имущественные, наследственные и договорные отношения.

Лицами, т. е. субъектами правоотношений, в соответствии со ст. 116 ПП, являлись только свободные люди. Холоп совершал сделки по поручению господина, который нес ответственность по ним. Стороной соглашения могла выступать община, когда, например, на нее возлагалась обязанность оплатить работу мостника по возведению или ремонту моста.

Особо оговаривалось в ст. 57–61 ПП положение имущественно зависимого человека — закупа, который отрабатывал проценты с чего-либо взятого в долг в хозяйстве господина-заимодавца. За нерадивость во время работы на господском поле или дворе заимодавец мог побить закупа «за дело». Но если бил бессмысленно, будучи пьяным, безвинного, то платил штраф в том же размере, как за побои свободного. В случае совершения закупом кражи имущественную ответственность перед потерпевшим нес хозяин-кредитор, который затем мог обратиться закупа в холопа. Возможно, такая ситуация возникала тогда, когда закуп не мог уплатить штраф сам. Закуп становился также рабом в качестве наказания за побег. Однако побег следовало отличать от отхода закупа в поисках денег для расплаты с кредитором или для защиты у князя от произвола хозяина. В других случаях, кроме ответственности за преступления, кредитор не мог продать закупа в холопы. Иначе закуп получал свободу от всех денежных обязательств по отношению к кредитору, а последний, кроме этого, платил князю штраф [7, с. 144].

Основания полного холопства закреплялись в соответствии со ст. 110 ПП: самопродажа при свидетелях, женитьба на рабе или вступление в должностную и ключника без соответствующего соглашения в обеих ситуациях.

Представляет интерес эволюция взглядов законодателя по вопросу о наказании раба за побои, нанесенные свободному человеку. В соответствии с нормами древнейшей части Русской Правды пострадавший имел право учинить самосуд на месте происшествия и убить раба-обидчика. Однако провинившийся холоп мог укрыться от расправы в доме господина. В такой ситуации хозяин не был обязан выдавать своего человека, если сам выплачивал денежную компенсацию за обиду. Вместе с тем при повторной встрече с обидчиком потерпевший по своей воле опять мог расправиться с холопом. В более поздних редакциях Русской Правды убивать провинившегося при повторной встрече с ним было уже нельзя, но потерпевшему разрешалось раздеть и высечь обидчика, а с хозяина раба еще раз получить гривну за свой сором. Княжеское законодательство устанавливало строгую ответственность за укрывательство беглых холопов и поощряло за их поимку и возвращение хозяевам.

Говоря о регулировании Русской Правдой (ст. 32, 34 КП; ст. 71, 72 ПП) *вещного права*, отметим, что из

видов вещей и особо охраняемых объектов в наибольшей степени защищались лесные с бортьями, речные с бобрами угодья, составлявшие княжескую и боярскую монополию.

Собственность, в соответствии со ст. 90, 91 ПП, возникала по договору, по наследованию, в результате присоединения вещи, например, в собственность переходили приплод от скота и дети от челяди, рабы.

В вопросах *владения и держания* различались добросовестный и недобросовестный незаконный владелец. Первый возвращал собственнику только обнаруженную у него похищенную вещь, а второй возмещал все похищенное на основании ст. 35 ПП.

В документе отмечаются случаи незаконного пользования чужими вещами, например, поездка верхом на коне без спроса.

В соответствии с Русской Правдой *наследственное право* строилось на следующих принципах: наследуемое имущество не должно выходить за пределы общественного союза, сестры при братьях не наследники. Отсюда следовало, что имущество смердов, в соответствии со ст. 90 ПП, наследовали только сыновья, а дочерям давался выдел на прокорм; имущество бояр и дружинников на основании ст. 91 ПП могли наследовать дочери, если не было сыновей.

Различалось наследование по закону и по завещанию, но в пределах нормативных ограничений. Наследниками вне всяких сомнений на основании ст. 92 ПП являлись дети.

Наследовали дети, хозяйственно не отделившиеся от родителей, но отцовский двор без раздела доставался младшему сыну. Дети рабыни-наложницы не являлись наследниками, но после смерти отца вместе с матерью получали свободу [8, с. 86].

Вдова оставалась собственником подарков мужа; сыновья выделяли ей прокорм до ее нового замужества, а сестер братья обязаны были выдать замуж, обеспечив приданым. Вдова на основании ст. 101 и 102 ПП была вправе пожизненно проживать во дворе покойного мужа и распоряжаться наследственным имуществом несовершеннолетних детей.

Имущество матери после ее смерти переходило к тем, с кем она проживала, если она не завещала его любому из своих детей.

Нормы Русской Правды регулировали также *обязательственное право*.

Из условий заключения договоров на основании ст. 116, 117 и 119 ПП оговаривалось одно — свободное состояние сторон.

Форма договора, в соответствии со ст. 47, 48 и 52, допускалась устная, но желательно было заключать сделки публично, при свидетелях.

Обязательства обеспечивались не только имущественной, но и личной ответственностью: несостоятельный должник становился рабом кредитора. Однако не все исследователи поддерживают данную точку зрения, полагая, что слово «продают» в ст. 54 ПП означает продажу не самого должника, а его имущества.

Ст. 60 ПП запрещалось самоуправство кредитора: обращенный в холопа безвинный закуп получал свободу от всех денежных обязательств по отношению к кредитору, который еще и платил штраф князю.

Регулирование отдельных видов договоров осуществлялось слабо, они упоминались в отношении узкого круга случаев. Так, *купля-продажа* встречается в нормах о самопродаже в рабство, о ничтожности сделки по поводу вещи, не принадлежащей продавцу.

К договору *личного найма* относятся уже ранее упомянутые случаи поступления в услужение в качестве тиуна или ключника.

Договор *хранения* интересовал законодателя лишь в части процессуальных правил. Поскольку такой договор был безвозмездным и рассматривался как дружественная услуга, то он мог заключаться без свидетелей, и для снятия обвинения в утайке части оставленного товара хранителю достаточно было принести присягу [9, с. 63].

В целях предотвращения социальной напряженности подробнее, чем в КП регламентировался договор *займа*. По нему ограничивались проценты — не более 20 % при займе на несколько дней и не более 50 % при годовом сроке долга (ст. 51 ПП); взимание процентов ограничивалось в соответствии со ст. 53 ПП двумя годами.

Регулировались Русской Правдой и *уголовно-правовые отношения*.

Понятие преступления, его определение в русском законодательстве до свода законов Российской Империи отсутствовало, кроме того, это слово до времен Петра I не употреблялось.

По Русской Правде, под преступлением понималась «обида», т. е. причинение физического, мате-

риального, морального вреда отдельному лицу, а не государству или обществу [10, с. 35].

Преступное деяние трактовалось с учетом того, могла ли ответственность наступать не в связи с конкретным действием или бездействием.

Согласно Русской Правде деянием редко являлось бездействие, например, по ст. 58 ПР — невыполнение обязанностей по сохранности скота, отказ общины разыскивать преступника; по ст. 20 КР — невозвращение долга. Отсутствовали вне совершения конкретного деяния обстоятельства как основания ответственности.

Наметились стадии преступного деяния, так как иногда от оконченного преступления отличалось покушение.

Общественная опасность с учетом не только объекта посягательства (общественного интереса), но и роли должностных лиц в досудебной подготовке дела не была предусмотрена нормами Русской Правды.

Она отсутствовала, так как вред причинялся не интересам всего общества, а отдельному лицу, и дело доводилось до суда частным порядком, о чем речь пойдет ниже, при характеристике процесса.

Противоправность с точки зрения ее соответствия противозаконности, критерием которой является исчерпывающий перечень составов преступлений, не предусматривалась положениями Русской Правды.

Она отсутствовала, так как при казуальном (казусном) изложении составов преступлений законодатель не стремился к исчерпывающему их перечню. Например, ст. 3, 36, 37 КР отдельно перечислялись предметы кражи: голубь, курица, утка, журавль, лебедь, сокол, ястреб.

Субъектами преступления Русской Правдой определялся круг лиц и критерии их деликтоспособности.

Ими являлись свободные люди, в том числе иностранцы. За вред, причиненный рабом, в соответствии со ст. 46, 65 и 121 ПР, ответственность нес его господин, который или выкупал холопа, или выдавал его потерпевшему [11, с. 83]. Закон умалчивает о возрастном и психическом критериях, хотя ученые полагают, что условием ответственности являлось осознание лицом неправомоты своего поведения, чего нет у ребенка и сумасшедшего.

Соучастники несли ответственность поровну.

Нормами Русской Правды определялась вина с позиций того, являлась ли она обязательным условием ответственности и были ли развитыми представления о ее формах.

Допускалось объективное вменение при привлечении к ответственности хозяев холопов, членов семьи преступника при убийстве в разбое, коллективной ответственности членов верви. Полагают как то, что уже имелись смутные представления о формах вины (умысел и неосторожность, прямой и косвенный умысел), так и то, что степень ответственности строилась не на внутреннем отношении лица к содеянному, а на внешних признаках [11, с. 84] об убийствах на глазах у всех — на пиру и тайном убийстве — в разбое).

Объектом выступали интересы свободных людей, так как вред рабу считается повреждением имущества его хозяина, и существовала неодинаковая степень охраны интересов в зависимости от социального положения (ст. 1 и 19 КР — о двойном штрафе за убийство приближенных к князю лиц, ст. 33 — об истязаниях), от пола (ст. 88 ПР — об уплате половины виры за убийство женщины). Различались преступления против личности (убийства, телесные повреждения, оскорбления действием) и ее имущества (кража, пользование чужой вещью, поджог).

Русская Правда позволяет проследить развитие цели наказания от возмездия к материальной выгоде, т. е. замену мести композицией или штрафами. (По традиции, за убийство мстили члены рода, за увечье — члены семьи, а за побои мстил сам потерпевший.) Ярослав Мудрый ограничил круг мстителей ближайшими родственниками, а Ярославичи заменили месть денежной компенсацией [12, с. 166]. Если Правда Ярослава предусматривала одинаковый размер штрафа за убийство всякого свободного человека, то, начиная с Правды Ярославичей, жизнь приближенных к князю лиц защищалась вирой в двойном размере. «Дикая вира» — коллективный штраф членов верви, если убийца состоит в круговой поруке с общиной. Можно было безнаказанно ударить мечом за оскорбление действием.

По Русской Правде, процесс носил состязательный в порядке частного обвинения характер и без различий по гражданским и уголовным делам.

Возбуждение дела осуществлялось самим потерпевшим с помощью родичей или верви. Вместе с тем,

в соответствии со ст. 114 ПР, посадник был обязан помочь господину задержать беглого холопа.

Регламентировалось «гонение следа»: если след вел во двор, то ответчиком выступал хозяин дома; если вел в село, то отвечали все члены верви (когда не отводили след); если след терялся на большой дороге, то поиск преступника по горячим следам прекращался.

При краже потерпевший объявлял о пропаже на торгу — делал «заклич». Если после трех дней краденая вещь обнаруживалась у кого-либо, тот и является ответчиком (добросовестный приобретатель вещи сам мог возбудить дело против продавца). Если «заклича» не было или вещь обнаруживалась до истечения трех дней после него, то начинался «свод», т. е. сведение потерпевшего с надлежащим ответчиком, желательно с вором. «Свод» шел до третьего добросовестного приобретателя и в пределах одного села (ст. 14, 16 КР; ст. 35–39 ПР).

Судебное разбирательство характеризовалось процессуальным равенством сторон (обе стороны назывались истцами), их состязанием перед судом. Оно было гласным, стороны выступали в окружении родственников и соседей, которые считались их помощниками, и требовало личного участия сторон в суде.

Достаточным *доказательством*, в соответствии со ст. 22 ПР, считалось личное — «лице».

Без прямых улик обвинение поддерживалось свидетельскими показаниями очевидцев — «видоков» и «послухов» как лиц, что-то слышавших или подтверждающих правоту, добрую славу человека. На свидетельство холопа можно было ссылаться при возбуждении дела, но не при определении виновности, исключая свидетельство несвободного боярского тиуна. Заметим, что по Русской Правде не было судебного поединка — «поля». Кстати, именно норманны привнесли его в английский процесс; известен он и Кормчей книге (византийскому Номоканону).

При отсутствии свидетелей или для проверки показаний применялись:

♦ ордалии в виде испытания раскаленным железом по степени ожога, например, при обвинении в убийстве, в краже значительных ценностей (ст. 21 ПР); водой, когда невиновным признавался тонущий, обвиняемый в краже ценностей от двух гривен кун до половины гривны золота (ст. 22 ПР);

♦ присяга («рота») при незначительных проступках, например, мелких кражах до двух гривен кун;

♦ жребий в спорах иностранцев из-за драки («О мужи кроваве» ПР).

Приговоры были обвинительными или оправдательными, носили устный характер, обжалованию не подлежали.

Таким образом, проведенный нами анализ отдельных норм древнерусского права позволяет сделать вывод, что отличительными чертами обычного права были добровольное подчинение обычаям, круговая порука, кровная месть за убийство сородича. Определяется способ заключения брака, порядок наследования и изгнания из общины. Заключенные с Византией договоры устанавливали юридическое положение древнерусских купцов и регулировали отношения между Русью и Византией. Более совершенным нормативным правовым актом стала Русская Правда, дошедшая до нас в трех редакциях, в которой были определены социальные группы древнерусского общества, наследственное, обязательственное и уголовное право, а также судебный процесс, в котором усиливается роль государственной администрации.

Список источников

1. Зимин А. А. Правда Русская. М. : Древлехранилище, 1999.
2. Новосельцев А. П., Пашуто Т. В., Черепнин А. В. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М. : Наука, 1965.
3. Исаев И. А. История государства и права: полный курс лекций. М. : Юрист, 1994.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005.
5. Георгиевский Э. В. Убийство в уголовном праве Древней Руси // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2 (49). С. 96–106.
6. Георгиевский Э. В. К вопросу об общей характеристике и происхождении Русской Правды // Сибирский юридический вестник. 2009. № 1. С. 74–81.
7. Поляков А. Н. Зависимое население Руси // Вестник Оренбургского университета. 2006. № 9. С. 143–150.
8. Мельникова М. П., Комаревцева И. А. Наследственные права внебрачных детей: история и современность // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 1. С. 84–90.

9. Шакирова Э. Ш. История развития предпринимательства в России // Марийский юридический вестник. 2013. № 10. С. 62–69.

10. Егоров А. А. Эволюция категории «Правонарушение» с IX по XVI вв. // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8 (69). С. 35–42.

11. Лоба В. Е. Сравнительно-правовой анализ субъекта преступления по «Русской правде» и УК РФ 1996 г. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2007. № 2. С. 82–87.

12. Дудаев И. И. Кровная месть и ее место генезисе смертной казни // Армия и общество. 2013. № 1 (33). С. 165–169.

References

1. Zimin A. A. Russian Truth. M. : Drevlekhramishche, 1999.

2. Novoseltsev A. P., Pashuto T. V., Cherepin A.V., etc. The Ancient Russian state and its international significance. M. : Nauka, 1965.

3. Isaev I. A. History of state and law: a complete course of lectures. M. : Lawyer, 1994.

4. Vladimirovsky-Budanov M. F. Review of the history of Russian law. M. : Publishing House «Territory of the Future», 2005.

5. Georgievsky E. V. Murder in the criminal law of Ancient Russia // Siberian Legal Bulletin. 2010. No. 2 (49). P. 96–106.

6. Georgievsky E. V. On the question of the general characteristics and origin of the Russian Truth // Siberian Legal Bulletin. 2009. No. 1. P. 74–81.

7. Polyakov A. N. Dependent population of Russia // Bulletin of the Orenburg University. 2006. No. 9. P. 143–150.

8. Melnikova M. P., Komarevtseva I. A. Hereditary rights of illegitimate children: history and modernity // Legal policy and legal life. 2015. No. 1. P. 84–90.

9. Shakirova E. Sh. History of entrepreneurship development in Russia // Mari Legal Bulletin. 2013. No. 10. P. 62–69.

10. Egorov A. A. Evolution of the category «Offense» from the IX to the XVI centuries // Actual problems of Russian law. 2016. No. 8 (69). P. 35–42.

11. Loba V. E. Comparative legal analysis of the subject of crime according to «Russian Truth» and the Criminal Code of the Russian Federation 1996 // Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Series: Social Sciences. 2007. No. 2. P. 82–87.

12. Dudaev I. I. Blood feud and its place in the genesis of the death penalty // Army and society. 2013. No. 1 (33). P. 165–169.

Информация об авторе

И. В. Гребенщикова — доцент кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

I. V. Grebenshchikova — Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 14.12.2023.

Научная статья
УДК 343.985.1
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-81-84>
EDN: <https://elibrary.ru/mubkze>

НИОН: 2003-0059-7/23-899
MOSURED: 77/27-003-2023-07-098

Взаимодействие следственных и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании элитарных преступлений

Давид Кромвелович Григорян

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, davo-davo23@mail.ru

Аннотация. Анализируется актуальная на сегодня тема элитарной преступности. Обозначаются проблемные моменты, затрудняющие процессы раскрытия и расследования преступлений, которыми совместно занимаются следственные и оперативные подразделения. Во главу угла ставится вдумчивое и инициативное сотрудничество следственных и оперативных подразделений, поскольку лишь такой формат взаимодействия позволит установить истину и привлечь к ответственности виновного. Неукоснительное соблюдение законности также является обязательным условием, однако оно не должно опираться лишь на формализм. Автор исследования считает необходимым создать специализированные нормативные правовые акты, касающиеся раскрытия и расследования элитарных преступлений, а также ужесточить наказание за совершение противоправных деяний данной категории. Итогом системной исследовательской работы стало формулирование конкретной рекомендации, адресованной законодателю.

Ключевые слова: элитарная преступность, государство, власть, криминалистика, взаимодействие, следствие, оперативно-розыскная деятельность, государственная власть

Для цитирования: Григорян Д. К. Взаимодействие следственных и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании элитарных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 81–84. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-81-84>. EDN: MUBKZE.

Original article

Interaction of investigative and operational units in the detection and investigation of elite crimes

David K. Grigoryan

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia, davo-davo23@mail.ru

Abstract. The current topic of elite crime is analyzed. The problematic points that complicate the processes of disclosure and investigation of crimes, which are jointly handled by investigative and operational units, are identified. Thoughtful and proactive cooperation of investigative and operational units is at the forefront, since only such a format of interaction will allow to establish the truth and bring to justice the culprit. Strict observance of the rule of law is also a prerequisite, but it should not be based only on formalism. The author of the study considers it necessary to create specialized regulatory legal acts concerning the disclosure and investigation of elite crimes, as well as to toughen the punishment for committing illegal acts of this category. The result of the systematic research work was the formulation of a specific recommendation addressed to the legislator.

Keywords: elite crime, state, power, criminology, interaction, investigation, operational and investigative activity, state power

For citation: Grigoryan D. K. Interaction of investigative and operational units in the detection and investigation of elite crimes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):81–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-81-84>. EDN: MUBKZE.

В любые известные историкам периоды развития нашего общества оно не было однородным. Всегда существовали четко дифференцированные категории населения, обладающие различными правами, возможностями, целями и амбициями. Даже советская эпоха, когда с партийных трибун громкогласно провозглашались идеи равенства и братства, на деле характеризуется устойчивым расслоением социума на товарищей и номенклатуру. Правящая элита в СССР состояла из лиц, являющихся членами ЦК ВКП(б). Принадлежность к этой организации давала возможность получать большие блага из разнообразных сфер и направлений, обеспечивала крепкими связями

с представителями подобного рода привилегированными людьми всевозможных уровней [1, с. 32]. Что примечательно, рассуждать вслух о том, что в советском идеальном обществе существует неравенство, и партия светит кому-то ярче, и уж тем более привлекать общественное внимание к этому вопросу, было не принято. Власть не терпела критики и жестко боролась с теми, кто позволял себе подобную вольность.

Естественно, касательно того времени, в котором живем и создаем научные исследования мы, расслоение общества есть, оно очевидно, а также зафиксировано учеными (главным образом — социологами) и о нем активно говорят. Вполне логично сделать вывод

© Григорян Д. К., 2023

такого свойства: социальное неравенство является неотъемлемой характеристикой общества, поскольку отражает и естественное человеческое стремление к конкуренции, и желание главенствовать, и наличие разницы в интеллектуальных способностях, материальных и финансовых возможностях, у разных людей, и расхождение в жизненных целях и мотивациях.

В научной работе нас интересуют негативные черты, присущие представителям элитарных сообществ — то, когда член касты избранных стал субъектом преступной деятельности. Поскольку данное явление крайне опасно для государства в целом и каких-либо отдельно взятых сфер его жизни, нас интересует то, каким образом следственные и оперативные подразделения в результате совместных усилий противостоят ему.

Раскрытие и расследование преступлений в принципе и элитарных в частности — процессы сложные, многоэтапные, регулируемые уголовно-процессуальным и уголовным законодательством, требующие четкой и взвешенной планируемости [2]. Для выполнения главной общей цели этих двух масштабных звеньев одной цепи необходимы слаженность, грамотность и стремление не только соблюсти формальности, но и дойти до сути. Магистральной целью следственных и оперативных подразделений, которые вовлечены в раскрытие и расследование элитарных преступлений, явление реализация торжества закона, провозглашение справедливости, что, в конечном счете, укрепляет авторитет государственной власти и убеждает граждан в том, что их жизни, здоровье, права и законные интересы действительно находятся под надежной защитой правоохранительных органов [3].

Лексическое значение слова «взаимодействие» отражает взаимную связь и взаимную же поддержку явлений [4]. Действующие ныне в Российской Федерации уголовное судопроизводство ставит перед следственными и оперативными органами общие задачи, и эффективное их исполнение напрямую зависит от того, насколько слаженно их взаимодействие. Стоит заметить, что взаимодействие это должно носить не фрагментарный и не временный характер, оно системно и перманентно. Специалисты из следственных и оперативных подразделений не в праве самостоятельно осуществлять выбор на предмет того, стоит ли в данном случае взаимодействовать качественно и вдумчиво, а в ином — соблюсти минимальные формальности по обмену краткими депешами.

Итак, правовую платформу для продуктивного и легитимного сотрудничества следственных и оперативных подразделений составляют уголовно-процессуальное законодательство РФ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», а также различные специализированные приказы, уставы, положения и другие подзаконные нормативные акты МВД России и СК РФ. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ, среди прочего, сказано, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений [5]. Стало быть, и следователь, и оперуполномоченный, занимаясь одним делом, обязаны иметь в виду, что от результата их труда зависит, будет ли исполнено данное законное назначение.

В рамках взаимодействия сотрудники следственных и оперативных подразделений объединяют усилия, в соответствии с требованиями законодательства, регулирующего их работу. Совместная деятельность направлена на установление всех обстоятельств произошедшего преступления, установление личности того, кто его совершил, а также на формирование достоверной и убедительной доказательственной базы. Эффективность взаимодействия достигается при соблюдении ряда условий. Например, стоит упомянуть о необходимости соблюдения всеми участниками уголовного судопроизводства по делу об элитарном преступлении законности, разделении компетенции следователя и оперуполномоченного, связанном со специфичностью их деятельности. Силы и средства, находящиеся в распоряжении должностных лиц, необходимо использовать комплексно и своевременно. Следователь играет организующую и главенствующую роль, а также обладает процессуальной независимостью. Оперуполномоченные самостоятельно выбирают тактические приемы и способы (разумеется, в рамках действующих законодательных норм), благодаря которым осуществляются оперативно-розыскные мероприятия. Кроме того, необходимо осуществлять согласованное планирование. При этом специалисты следственных и оперативных подразделений совместно составляют планы неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, не в стандартном толковании, а применительно к конкретному уголовному делу, с учетом нюансов, присущих данному криминальному случаю.

Стоит учесть, что в российской нормативной правовой базе, на основе канонов которой и строится процесс организации взаимодействия следователей и опер-

уполномоченных, нет четкого дифференцирования «раскрытие и расследование преступлений» и «раскрытие и расследование элитарных преступлений». Между тем их необходимо не только разделить формально, но и обязать специализированные службы соблюдать повышенную степень ответственности при каждом шаге. На наш взгляд, в свете данного факта явственно определяются некоторые негативные факторы. Поскольку следственная и оперативно-розыскная функции разделены, ими занимаются разные специалисты, стало быть, широк круг тех, кто занят установлением истины. Каждый участник процесса при этом вносит свой серьезный вклад, необходимый для общего результата. Человек, являющийся членом элитарного сообщества и преступивший дозволенное законом, чтобы избежать наказания, попытается оказать воздействие на кого-либо из участников обозначенного выше процесса — благо, выбор из персон достаточно велик. Вполне возможно, что ему удастся задуманное, ведь совершенное им преступление не находится на особом контроле, раскрытие и расследование не поручено особенному органу. Значит, что элитарное преступление, которое угрожает безопасности всего общества и государства, разлагает структуру власти, культивирует коррупцию и подрывает авторитет страны на международной арене, потеряется в потоке рядовых. Какие-то крайне важные данные не будут фигурировать в материалах уголовного дела, что позволит преступнику уйти от ответственности. Специалисты по линии следствия и оперативных служб, ежедневно занятые, по большей части, однообразной и типовой работой, могут попросту не заметить, если кто-нибудь из их взаимодействующего коллектива недостаточно тщательно подойдет к исполнению своих обязанностей.

К слову о воздействии на должностных лиц, принимающих участие в раскрытии и расследовании элитарных преступлений. Отечественный криминалист А. Варданян упоминает в своих исследованиях, что действия и поступки субъекта преступления после совершения им противоправного деяния стоит расценивать как способ сокрытия преступления и способ противодействия расследованию [6, с. 47]. Данные явления криминалисты называют посткриминальной деятельностью. Мы видим в высшей степени целесообразным, чтобы подобная посткриминальная деятельность, совершаемая субъектами элитарных преступлений, считалась законодателем отягчающим вину обстоятельством и сгущала краски в итоговом вердикте суда.

В случае, если бы существовали специальные нормы законодательства, а также органы, которые занимаются сугубо элитарными преступлениями, и, в свою очередь, строго контролирующие их профильные инстанции, статистика качественно расследованных уголовных дел была бы гораздо выше. Логично рекомендовать законодателю предусмотреть для элитарных преступников более жесткую ответственность, чем для рядовых граждан; т. е. за совершение любого преступления, уже только потому, что осужденный является представителем привилегированной касты, он должен нести более суровое наказание. За то, что он причинил непоправимый вред имиджу того сообщества, частью которого является (государственные или коммерческие структуры, сфера культуры, политики, общественная деятельность и прочие), это было бы закономерным и справедливым. Естественно, что высокая вероятность ответить по всей строгости закона стала бы серьезным сдерживающим фактором для потенциальных элитарных преступников. Иными словами, ужесточение ответственности за совершение элитарных официально определенных преступлений, явилось бы эффективной превентивной мерой для подобной категории противоправных деяний.

В настоящее время, в эпоху развитых массовых коммуникаций, социальных сетей, Интернета, блогинга и прочих ресурсов, позволяющих максимально быстро распространять информацию, существует благоприятный катализатор справедливого и неотвратимого наказания. Уголовные дела, вызвавшие колоссальный общественный резонанс, гарантированно получают пометку «особый контроль» у руководства самых высоких уровней. Стало быть, в целях предупреждения попыток элитарного фигуранта повлиять на качество раскрытия и расследования преступления, необходимо обеспечить освещение в средствах массовой информации каждого этапа работы над уголовным делом. Пристальное внимание контролирующих служб, а также общественное наблюдение гарантировали бы если не полное исключение намеренно небрежного отношения к проведению мероприятий по раскрытию и расследованию элитарных преступлений, то хотя бы значительную минимизацию.

Элитарные сообщества, состоящие из действительно выдающихся, образованных, талантливых, сильных духом людей, занимающих ключевые должности, способных принимать своевременные и адекватные решения, имеют важное значение в жизни нашего государ-

ства. В том случае, если высокий уровень их компетенций направлен на созидание, на дела и свершения, полезные для страны и проживающих в ней людей. России есть, кем гордиться, есть, кого назвать истинной элитой в достоверном и объективном значении этого слова. Однако кроме гордости, которая порой уводит к ложному выводу о том, что элита — люди особые, неприкосновенные и априори не могут быть не правыми, корыстными или нравственно испорченными, крайне важно сохранить трезвый и объективный подход. Современная элитарная преступность часто обладает и профессионализмом, и опирается на технизацию, и хорошо осведомлена о том, как противостоять правосудию [7]. Нам, нашему государству и социуму остро необходимо признать, что элита кроме повышенного уважения достойна и такого же контроля. Поэтому необходимо разработать и утвердить специальные нормативные правовые акты, касающиеся раскрытия и расследования такого рода преступлений, а также ужесточить ответственность тем, кто, являясь «особенным» и владея многими ресурсами, позволил себе игнорировать нормы и правила, принятые «для всех». «Прежде закон, потом благодать» — такой призыв к порядку прозвучал еще в эпоху Ярослава Мудрого [8, с. 30]. Актуален он и по сей день.

Список источников

1. Фельдман М. А. Советская элита 1930-х гг.: проблема идентификации // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. № 4. С. 29–45.
2. Варданын А. В., Айвазова О. В. Принципы формирования частных криминалистических методик: современное состояние и пути совершенствования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016.
3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Толковый словарь Ожегова // URL://<https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3017>.

Информация об авторе

Д. К. Григорян — доцент кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, кандидат политических наук, доцент.

Information about the author

D. K. Grigoryan — Associate Professor of the Department of Criminology and Operational Investigative Activities of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Political Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.
The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

6. Варданын А. В. Развитие систем знаний о криминалистической характеристике посткриминальной деятельности как закономерный результат поступательного развития науки криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1 (17).

7. Варданын А. В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юрист-Правовед. 2019. № 2 (89).

8. Федорова М. Е., Сумникова Т. А. Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1974.

References

1. Feldman M. A. The Soviet elite of the 1930s: the problem of identification // Discourse-Pi. 2021. Vol. 18. No. 4. P. 29–45.
2. Vardanyan A. V., Aivazova O. V. Principles of formation of private forensic techniques: current state and ways of improvement // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2016.
3. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 «On the Police» // LRS «ConsultantPlus».
4. Ozhegov's Explanatory Dictionary // URL://<https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3017>.
5. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 // LRS «ConsultantPlus».
6. Vardanyan A.V. The development of knowledge systems about the criminalistic characteristics of post-criminal activity as a natural result of the progressive development of the science of criminalistics // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2021. № 1 (17).
7. Vardanyan A.V. Modern problems of the use of special knowledge in criminal proceedings // Jurist-Pravoved. 2019. № 2 (89).
8. Fedorova M. E., Sumnikova T. A. A textbook on Ancient Russian literature. M., 1974.

Научная статья
УДК 343.3/7
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-85-88>
EDN: <https://elibrary.ru/nupyen>

NPION: 2003-0059-7/23-900
MOSURED: 77/27-003-2023-07-099

Предмет незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции

Андрей Петрович Дмитренко¹, Елена Александровна Алференок²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ stvkup@yandex.ru

² le555na1993@yandex.ru

Аннотация. Даются разъяснения относительно предмета незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и правил установления их размера.

Ключевые слова: незаконная предпринимательская деятельность, этиловый спирт, алкогольная продукция, спиртосодержащая продукция

Для цитирования: Дмитренко А. П., Алференок Е. А. Предмет незаконных производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 85–88. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-85-88>. EDN: NUPYEN.

Original article

The subject of illegal production and (or) turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products

Andrey P. Dmitrenko¹, Elena A. Alferenok²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ stvkup@yandex.ru

² le555na1993@yandex.ru

Abstract. Clarification is given as to the subject of the illegal production and (or) turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products and the rules for establishing its amount.

Keywords: illegal business activities, ethyl alcohol, alcoholic beverages, alcohol-containing products

For citation: Dmitrenko A. P., Alferenok E. A. The subject of illegal production and (or) turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):85–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-85-88>. EDN: NUPYEN.

В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 171.3 УК РФ, предметом предусмотренного этой статьей преступления являются этиловый спирт, спиртосодержащая и алкогольная продукция. Для уяснения содержания данных терминов необходимо обратиться к ст. 2 Федерального закона № 171-ФЗ, в которой закреплены определения указанных терминов [3]. Соответственно анализ положений этого нормативно-правового акта позволяет констатировать, что пиво и напитки, изготавливаемые на основе пива, сидр, пуаре, медовуха не являются предметом названного преступления, поскольку деятельность по их производству и обороту лицензированию не подлежит (абз. 1 п. 1 ст. 18 Закона № 171-ФЗ).

Анализ материалов следственной и судебной практики позволяет заключить, что чаще всего нелегально изготавливают путем смешивания этилового спирта с водой спиртной напиток в виде водки. Например, К. осужден по ч. 1 ст. 171.3 УК РФ. Установ-

лено, что он, не имея соответствующей лицензии, произвел спиртосодержащую продукцию с объемной долей этанола 30,2 % на общую сумму 190 650 руб., которую незаконно хранил. Данная продукция была разлита в стеклянные бутылки объемом 0,5 л. и оклеена этикетками, указывающими, что в них находится водка следующих марок: «Застолье», «Царская охота», «Белая береза» [15].

Непищевая спиртосодержащая продукция, предназначенная для использования в бытовой, медицинской, ветеринарной, косметической и иных подобных сферах, также является предметом преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ. Так, Конституционный Суд РФ разъяснил, что правовое регулирование не исключает спиртосодержащие лекарственные препараты из категории спиртосодержащей продукции и прямо предусматривает в необходимых случаях лицензирование их оборота, а потому отсутствие такой лицензии может быть од-

© Дмитренко А. П., Алференок Е. А., 2023

ним из признаков преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ [13].

Обязательным признаком предмета преступления, предусмотренного ст. 171.3 УК РФ, является его размер. В соответствии с примечанием к указанной статье, крупный размер образует рассматриваемая нелегальная продукция стоимостью свыше 100 тыс. руб., особо крупный — 1 млн руб. Правильная юридическая оценка содеянного невозможна без точного установления стоимости нелегальных этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, поскольку стоимость вышеназванной продукции лежит в основе отграничения исследуемого преступления от административных правонарушений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 14.17, 14.17.1, 14.18, 14.19 КоАП РФ [1], и основного состава данного запрещенного деяния от квалифицированного.

В Российской Федерации цены на этиловый спирт, алкогольную и спиртосодержащую продукцию регулируются Министерством финансов (ст. 5) [4]. Указанным органом подготовлено письмо, содержащее рекомендации по расчету стоимости изъятой алкогольной и спиртосодержащей продукции крепостью свыше 28 %, исходя из минимальных цен, по которым осуществляются закупка, поставки и розничная продажа такой алкогольной продукции [5; 7]. Так, К. осужден по п. «б» ч. 6 ст. 171.1, п. «б» ч. 2 ст. 171.3 УК РФ, поскольку у него была изъята немаркированная алкогольная продукция, содержащая в объеме более 28 % этилового спирта, общей стоимостью 1 193 961 руб. В приговоре отмечено, что стоимость данной продукции рассчитана согласно ценам, установленным приказом Минфина России от 11 декабря 2019 г. № 225н, действовавшим на момент совершения преступления [8; 16].

Представляется, что такой же способ установления стоимости будет обоснован и применительно к винодельческой продукции согласно минимальным ценам на нее [6].

Поскольку установление крупного и особо крупного размеров алкогольной продукции является обязательным не только для целей ст. 171.3 УК РФ, но и для ст. 171.1 УК РФ, которая по факту является общей нормой по отношению к специальной (ст. 171.3 УК РФ), то обоснованным является обращение к мотивировке, данной Седьмым кассационным судом общей юрисдикции [11] в кассационном определении об отмене приговора в отношении Д. по п. «б» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ в части, касающейся установления стоимости обнаруженной и изъятой у данного лица алкогольной

продукции. Суд указал, что во время совершения Д. вменяемого ему деяния действовали приказы Министерства финансов Российской Федерации от 11 мая 2016 г. № 58н и 11 декабря 2019 г. № 225н, устанавливающие минимальные цены, которые подлежали применению при расчете стоимости алкогольной продукции крепостью свыше 28 %, однако они не были учтены. Мотивов, почему стоимость обнаруженной и изъятой у Д. алкогольной продукции определена исходя из среднерыночных, а не минимальных цен на алкоголь, суд в приговоре не привел. Вместе с тем данное обстоятельство имеет существенное значение для правильного разрешения уголовного дела, поскольку влияет на юридическую оценку содеянного.

Таким образом, основываясь на анализе положений названных нормативных правовых актов, стоимость нелегальных этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции следует рассчитывать исходя из минимальной стоимости этилового спирта и соответствующей алкогольной продукции, установленной Минфином РФ.

Нередко в правоприменительной деятельности встречается практика установления размера, исходя из цены, по которой была закуплена или продавалась алкогольная или спиртосодержащая продукция, а также этиловый спирт. Например, Д. в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий продал спиртосодержащую продукцию в объеме 210 л. на общую сумму 113 тыс. руб., что было признано крупным размером [12; 17]. Более обоснованной представляется позиция, изложенная в приговоре Кировского районного суда г. Омска [19], где указано, что при определении размера недопустимо основываться на цене, за которую подсудимый продавал продукцию, так как согласно примечаниям к ст. 171.1 и 171.3 УК РФ при установлении размера имеет значение стоимость продукции, а не выручка (доход).

В тех случаях, когда объем изъятой алкогольной или спиртосодержащей продукции значительный, целесообразно провести выборочное исследование алкогольной продукции из каждой партии либо продукции каждого вида. Согласно положениями ГОСТ 32035-2013 [9] по приемке водки, ГОСТ 31730-2012 [10] по приемке винодельческой продукции для выводов о содержании всей партии достаточно выборочное исследование алкогольной продукции из каждой партии [18; 19]. При этом для определения цены, в соответствии со ст. 14 УПК РФ [2], необходимо исходить из наименьшего значения крепости, установленного совокупностью экспертиз для данного

наименования (вида) продукции [19]. Для установления стоимости изъятого этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции необходимо назначение товароведческой экспертизы. Например, прокурору возвращено уголовное дело в отношении В., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 171.3, ч. 5 ст. 171.1 УК РФ, в связи с тем, что стоимость изъятой продукции не определена экспертным путем [13].

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ (ред. от 14 февраля 2024 г.) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 329 (ред. от 9 ноября 2023 г.) «О Министерстве финансов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Приказ Минфина России от 7 октября 2020 г. № 235н (ред. от 11 ноября 2022 г.) «Об установлении цен, не ниже которых осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) и розничная продажа алкогольной продукции крепостью свыше 28 процентов» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Приказ Минфина России от 25 ноября 2022 г. № 180н «Об установлении цен, не ниже которых осуществляются закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) и розничная продажа игристого вина и о признании утратившим силу приказа Министерства финансов Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 232н» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Письмо Минфина России от 20 апреля 2018 г. № 03-14-11/26736 «О проведении Росалкогольрегулированием исследований и экспертиз изъятой контрафактной алкогольной и спиртосодержащей продукции и о расчете ее стоимости» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Приказ Минфина России от 11 декабря 2019 г. № 225н «Об установлении цен, не ниже которых осуществляется закупка (за исключением импорта), поставки (за исключением экспорта) и розничная продажа алкогольной продукции крепостью свыше 28 процентов» (утр. силу) // СПС «КонсультантПлюс».

9. ГОСТ 32035-2013. Межгосударственный стандарт. Водки и водки особые. Правила приемки и методы анализа (введен в действие приказом Росстандарта от 27 июня 2013 г. № 260-ст) (ред. от 26 февраля 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

10. ГОСТ 31730-2012. Межгосударственный стандарт. Продукция винодельческая. Правила приемки и методы отбора проб (введен в действие приказом Росстандарта от 29 ноября 2012 г. № 1634-ст) (ред. от 10 сентября 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 сентября 2021 г. № 77-4161/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20 января 2022 г. № 77-58/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Обобщение практики вынесения судами Самарской области постановлений о возвращении уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ за 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».

14. Определение Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2023 г. № 454-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Терешонка В. В. на нарушение его конституционных прав статьей 171.3 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Кировского городского суда Ленинградской области от 19 сентября 2019 г. по делу № 1-225/2019 // URL://sudact.ru/regular/doc/JuM6GO6aaVmW/

16. Приговор Бутурлиновского районного суда Воронежской области от 23 июня 2022 г. по делу № 1-5/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Приговор Армянского городского суда Республики Крым от 25 января 2021 г. по делу № 1-39/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Приговор Карасукского районного суда Новосибирской области от 16 августа 2019 г. по делу № 1-26/2019 // URL://sudact.ru/regular/doc/vu1xoD8ffdmv/

19. Приговор Кировского районного суда города Омска от 18 мая 2021 г. по делу № 1-56/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on December 25, 2023) // LRS «ConsultantPlus».
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on December 25, 2023) // LRS «ConsultantPlus».
3. Federal Law No. 171-FZ of November 22, 1995 (as amended on February 14, 2024) «On state regulation of pro-

duction and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products and on restriction of consumption (drinking) of alcoholic products» // LRS «ConsultantPlus».

4. Decree of the Government of the Russian Federation dated June 30, 2004 No. 329 (ed. from November 9, 2023) «On the Ministry of Finance of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

5. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated October 7, 2020 No. 235n (ed. from November 11, 2022) «On setting prices not exceeding below which purchases (excluding imports), deliveries (excluding exports) and retail sales of alcoholic beverages with a strength of over 28 percent are carried out» // LRS ConsultantPlus.

6. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 180n dated November 25, 2022 «On setting prices not lower than which purchases (excluding imports), supplies (excluding exports) and retail sale of sparkling wine are carried out and on Invalidation of Order No. 232n of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated October 7, 2020» // LRS ConsultantPlus.

7. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated April 20, 2018 No. 03-14-11/26736 «On the conduct by Rosalkogolregulirovanie of studies and examinations of seized counterfeit alcoholic and alcohol-containing products and on the calculation of its cost» // LRS «ConsultantPlus».

8. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 225n dated December 11, 2019 «On setting prices not lower than which purchases (excluding imports), supplies (excluding exports) and retail sale of alcoholic beverages with a strength of over 28 percent» (morning force) // LRS «ConsultantPlus».

9. GOST 32035-2013. The interstate standard. Vodkas and vodkas are special. Rules of acceptance and methods of analysis (put into effect by order of Rosstandart dated June 27, 2013 No. 260-st) (ed. February 26, 2019) // LRS «ConsultantPlus».

10. GOST 31730-2012. The interstate standard. Wine-making products. Rules of acceptance and methods of sampling (put into effect by order of Rosstandart dated November 29, 2012 No. 1634-st) (ed. September 10, 2014) // LRS «ConsultantPlus».

11. Cassation ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated September 30, 2021 No. 77-4161/2021 // LRS «ConsultantPlus».

12. Cassation ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated January 20, 2022 No. 77-58/2022 // LRS «ConsultantPlus».

13. Generalization of the practice of making decisions by the courts of the Samara region on the return of criminal cases to the prosecutor in accordance with Article 237 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation for 2022 // LRS «ConsultantPlus».

14. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 28, 2023 No. 454-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen V. V. Tereshonka for violation of his constitutional rights by Article 171.3 of the Criminal Code of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

15. Resolution of the Kirov City Court of the Leningrad Region dated September 19, 2019 in case No. 1-225/2019 // URL://sudact.ru/regular/doc/JuM6GO6aaVmW/

16. The verdict of the Buturlinovskiy District Court of the Voronezh Region dated June 23, 2022 in case No. 1-5/2022 // LRS «ConsultantPlus».

17. The verdict of the Armenian City Court of the Republic of Crimea dated January 25, 2021 in case No. 1-39/2020 // LRS «ConsultantPlus».

18. The verdict of the Karasukskiy District Court of the Novosibirsk region dated August 16, 2019 in case No. 1-26/2019 // URL://sudact.ru/regular/doc/vu1xoD8ffdmv/

19. The verdict of the Kirovskiy District Court of Omsk dated May 18, 2021 in case No. 1-56/2021 // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

А. П. Дмитренко — профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук;

Е. А. Алференок — старший преподаватель кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. P. Dmitrenko — Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences;

E. A. Alferenok — Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023. The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-89-94>

EDN: <https://elibrary.ru/kzfral>

ИИОН: 2003-0059-7/23-901

MOSURED: 77/27-003-2023-07-100

Генезис изменения роли сотрудничества государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в правоохранительной сфере

Евгения Николаевна Ерифа

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, zhenya.erifa@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается трансформация роли правоохранительного сотрудничества государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). На основе изучения исторических предпосылок, нормативно-правовой базы, а также структуры организации выявляется тенденция к формированию отдельного направления сотрудничества государств – членов в борьбе с преступностью. Выделяются этапы становления правоохранительного сотрудничества государств – членов ОДКБ.

Ключевые слова: Договор о коллективной безопасности, Организация Договора о коллективной безопасности, международное правоохранительное сотрудничество, региональная безопасность, транснациональная преступность

Для цитирования: Ерифа Е. Н. Генезис изменения роли сотрудничества государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в правоохранительной сфере // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 89–94. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-89-94>. EDN: KZFRAL.

Original article

The genesis of the changing role of law enforcement cooperation among Collective Security Treaty Organization member states

Evgenia N. Erifa

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, zhenya.erifa@yandex.ru

Abstract. The transformation of the role of law enforcement cooperation among member states of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) is considered. Based on the study of historical background, the regulatory framework, as well as the structure of the organization, a tendency is revealed towards the formation of a separate area of cooperation between member states in the fight against crime. The stages of development of law enforcement cooperation between the CSTO member states are highlighted.

Keywords: Collective Security Treaty, Collective Security Treaty Organization, law enforcement cooperation, regional security, transnational crime

For citation: Erifa E. N. The genesis of the changing role of law enforcement cooperation among Collective Security Treaty Organization member states. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):89–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-89-94>. EDN: KZFRAL.

Распад СССР, и как следствие, появление на месте бывшей федерации самостоятельных государств, прекращение действия Варшавского договора и упразднение совместных военных подразделений, привело, с одной стороны — к разрушению прежних институтов обеспечения коллективной безопасности, а с другой — к заключению в этой сфере, на когда-то единой территории, теперь уже международных договоров, а также к созданию соответствующих международных организаций.

После прекращения существования Советского Союза отдельные внешние угрозы и межнациональные конфликты в 10 из 15 возникших на его территории суверенных государств, потребовали принятия срочных совместных мер по созданию эффективного

механизма обеспечения в регионе необходимого уровня безопасности и стабильности.

Первоначально таким механизмом выступила первая международная организация на постсоветском пространстве — Содружество Независимых Государств (СНГ), сохранившая концепцию союза государств, и в тоже время осуществлявшая процесс разделения Вооруженных сил СССР. Было принято решение о создании Объединенных Вооруженных сил СНГ, но их функционирование юридически завершилось довольно быстро — после подписания 15 мая 1992 г. Договора о коллективной безопасности (ДКБ) между шестью государствами-участниками СНГ: Киргизией, Таджикистаном, Россией, Арменией, Узбекистаном и Казахстаном. Этот договор офици-

© Ерифа Е. Н., 2023

ально закрепил в ст. 4 следующее положение: «в случае совершения агрессии (вооруженного нападения, угрожающего безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету) на любое из государств–участников все остальные государства–участники по просьбе этого государства–участника незамедлительно предоставят ему необходимую помощь, включая военную, государству–участнику в соответствии со ст. 51 Устава ООН» [5]. В 1993 г. к ДКБ присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия, в апреле 1994 г. по окончании процедур национальной ратификации Договор вступил в силу.

Связь СНГ с ДКБ получила неоднозначное определение в доктрине. Так, И. И. Альмяшев считает, что Договор о коллективной безопасности стал «ключевым документом, заложившим основу сотрудничества государств СНГ» в указанной области [1, с. 105]. В то же время, В. Д. Николаенко говорит о ДКБ как о «военно-политическом ответвлении Содружества» [10, с. 39], а И. С. Лялина настаивает на «самостоятельном характере» ДКБ и на отсутствии его какой-либо связи с СНГ [8, с. 110]. Несмотря на частичное региональное единство членов СНГ и ДКБ, считаем, что Договор о коллективной безопасности носит самостоятельный характер, поскольку, во-первых, в рамках его действия был создан межгосударственный орган — Совет коллективной безопасности, осуществляющий основные функции по обеспечению совместной деятельности государств–участников Договора, во-вторых, цель создания ДКБ отличается от СНГ, в-третьих, ДКБ самостоятельно зарегистрирован в Секретариате ООН.

В течение всего срока действия ДКБ сформировался правовой механизм осуществления военного сотрудничества государств–участников, были конкретизированы основные направления взаимодействия и взаимопомощи в указанной сфере. В частности, в принятой указанным Советом Концепции коллективной безопасности от 10 февраля 1995 г. были сформулированы следующие такие направления: «создание систем коллективной безопасности в Европе и Азии», «расширение мер доверия в военной области», «поддержание вооруженных сил и других войск государств–участников», «установление и развитие равноправных партнерских отношений с НАТО, другими военно-политическими организациями и региональными структурами безопасности, направленных на эффективное решение задач по укреплению мира» [7]. В Концепции

выделяются три этапа формирования системы коллективной безопасности государств–участников.

Первый этап — завершение создания вооруженных сил государств–участников; разработка программы научно-технического сотрудничества и начало ее реализации; разработка и принятие правовых актов, регламентирующих функционирование системы коллективной безопасности.

Втором этап — создание коалиционных (объединенных) группировок войск (сил) для отражения возможной агрессии и проведение планирования их применения; создание совместной (объединенной) системы ПВО; рассмотрение вопроса о создании объединенных Вооруженных сил.

Третий этап — завершение создания системы коллективной безопасности государств–участников.

Состав организации претерпел изменения в 1999 г., когда три государства (Азербайджан, Грузия, Узбекистан) вышли из ДКБ и среди его участников остались только государства с более близкими позициями по вопросам региональной коллективной безопасности, что позволило им перейти на качественно новый уровень политического сотрудничества.

Минская сессия Совета коллективной безопасности в мае 2000 г. определила начало **первого этапа** трансформации роли ДКБ в правоохранительной сфере, так как руководители всех государств–участников признали важность и актуальность Договора, необходимость укрепления военно-политической интеграции и проведения первых контртеррористических операций.

25 мая 2001 г. на Ереванской сессии Совета коллективной безопасности в рамках ДКБ было принято решение о формировании в целях осуществления борьбы с терроризмом и отражения военной агрессии, Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности (КСБР ЦАР). К лету 2001 г. в КСБР входили батальоны России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана с общей численностью до 1700 человек. Все это предопределило необходимость создания государствами–участниками ДКБ новой региональной международной структуры не только военного характера, но и правоохранительного.

События 2001 г. привели к стремительному созданию ОДКБ. Причины ее появления рассматриваются в приведенных ниже высказываниях ученых.

Д. Т. Турлыбаева приходит к мнению, что «американское присутствие в Центральноазиатском ре-

гионе стало носить военный характер и повлияло на преобразование ДКБ в региональную организацию» [13, с. 2]. И. Ю. Юргенс настаивает, что «именно создание КСБР привело летом 2001 г. к заметному спаду активности бандформирований в отношении центральноазиатских государств-участников ДКБ, по сравнению с предыдущими годами» и как результат — показало эффективность деятельности государств-участников ДКБ для поддержания региональной безопасности [15, с. 8]. По мнению Е. Ф. Довгань и А. А. Розанова, на формирование ОДКБ повлияло то, что «отдельные государства – участники ДКБ предоставили свои территории и аэродромы в качестве военных баз вооруженным силам третьих стран, фактически вступив с ними в военно-союзнические отношения» [4, с. 27].

Второй этап трансформации роли ДКБ связан с созданием государствами – участниками ДКБ региональной Организации Договора о коллективной безопасности, Устав которой был принят 7 октября 2002 г. [11].

Важно, что указанный Устав ОДКБ (в ст. 3) закреплял в качестве основных направлений ее деятельности, помимо решения задач в военной и политической сферах, еще и «противодействие новым вызовам и угрозам», в число которых вошло и разрешение вопросов борьбы с транснациональной преступностью. Именно поэтому в ст. 7 Устава Организации было указано на необходимость обеспечения не только вооруженных сил, но и «правоохранительных органов и специальных служб необходимыми вооружением, военной, специальной техникой и специальными средствами», а также подготовки кадров и специалистов как для национальных вооруженных сил, так и для «специальных служб и правоохранительных органов» [14].

Одним из таких транснациональных преступлений стала наркоторговля. В силу близости к Афганистану части государств – членов ОДКБ Каспийского и Центральноазиатского региона столкнулись с резким ростом незаконного оборота наркотических средств и прекурсоров, осуществляемого по цепочке государств, получившей название «Северный маршрут» [2, с. 1105]. Впрочем, зона влияния афганских наркоторговцев постепенно стала расширяться за счет территории Ирана, граничащего с Арменией. Следует признать, что, несмотря на непосредственную близость Армении к странам – производителям наркоти-

ческих веществ, государство долгое время не поддерживало этот вектор борьбы ОДКБ с транснациональной преступностью и, как следствие, не стремилось к осуществлению запланированных операций, направленных на пресечение незаконного оборота наркотиков и финансирования данной деятельности.

Результатом разработки в рамках ОДКБ Плана мероприятий по борьбе с наркоугрозой, принятого Советом коллективной безопасности этой Организации в 2003 г., стала ежегодная практика проведения *международной операции «Канал»* для перекрытия маршрутов по следующим общим направлениям: Афганистан — Центральная Азия — Россия — Европа. Данную операцию и сегодня осуществляют уполномоченные представители правоохранительных органов государств – членов ОДКБ.

Продолжающийся рост производства наркотиков в Афганистане позволяет с большой долей вероятности прогнозировать дальнейшее обострение в регионе обстановки, связанной с наркотиками, диктует потребность постоянного упреждающего реагирования со стороны международного сообщества [9, с. 39]. В свою очередь, *антинаркотические учения коллективных сил быстрого развертывания ОДКБ «Рубеж-2004»* выявили необходимость в создании правового механизма по противодействию транснациональной преступности.

Начало **третьего этапа** изменения роли ДКБ в правоохранительной сфере ознаменовано созданием 23 июня 2005 г. первого вспомогательного органа по борьбе с преступностью — Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств – членов ОДКБ [11]. В состав этого Совета входят заместители министров внутренних дел государств – членов ОДКБ, осуществляющие контроль за направлением борьбы с незаконным оборотом наркотиков, и главы уполномоченных управлений.

Появляется необходимость в противодействии терроризму.

С июня 2005 г. при одном из органов ОДКБ — Комитете секретарей советов безопасности (КССБ) — функционирует *Рабочая группа по вопросам борьбы с терроризмом*, основными задачами которой является выработка предложений, направленных на совершенствование мер борьбы с терроризмом и экстремизмом и связанными с ними вызовами и угрозами коллективной безопасности, осуществление эксперт-

но-правовой проработки проектов решений КССБ и материалов, обосновывающих их принятие; анализ, оценка и подготовка информации, необходимой для выполнения возложенных на КССБ задач по вопросам координации взаимодействия государств – членов Организации в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом [6, с. 69].

Уже через год в правовую базу ОДКБ вошла Декларация государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности о дальнейшем совершенствовании и повышении эффективности деятельности организации [3], закрепившая в качестве одной из основных задач Организации — выработка эффективного механизма по противодействию транснациональной преступности в контексте антитеррористической и антинаркотической деятельности, нелегальной миграции.

Незаконная миграция стала новым направлением борьбы с преступностью.

Создание условий для осуществления миграционных процессов из одного государства – члена ОДКБ в другое возможно при проведении ряда организационных и оперативно-профилактических операций для пресечения нелегальной миграции. Сотрудничество в данной сфере оказалось невозможно без создания *Координационного совета руководителей компетентных органов государств – членов ОДКБ по вопросам борьбы с незаконной миграцией* (КСБНМ) с участием заместителей министров внутренних дел государств и представителей управлений по вопросам миграции.

В рамках этого Совета планируются и проводятся согласованные оперативно-профилактические мероприятия и специальные операции по борьбе с незаконной миграцией из третьих стран на территории государств – членов ОДКБ. Также, осуществляет сотрудничество в области создания национальных систем паспортно-визовых документов нового поколения и упрощения форм и требований к документам; гармонизации национальных нормативно-правовых актов по вопросам въезда, выезда, транзита и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории государств – членов ОДКБ; содействует обмену опытом, тематической и методической информацией между компетентными органами государств – членов ОДКБ, а также компетентными органами других государств и международными организациями [12, с. 74].

Кроме того, в рамках борьбы ОДКБ с транснациональными преступлениями осуществляется взаимопомощь государств-участников в расследовании международных киберпреступлений.

На фоне стремительного роста преступности с использованием компьютерных и информационно-коммуникационных технологий, государства – участники Организации определили в качестве значимой проблемы национальной безопасности — отсутствие опыта и знаний в данной сфере со стороны местных правоохранительных органов, а также отсутствие соответствующих норм в национальном праве. Таким образом, на базе ОДКБ в 2014 г. начал функционировать *Консультационный координационный центр Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам реагирования на компьютерные инциденты*, деятельность которого осуществляется, в том числе, при помощи сотрудников правоохранительных органов.

Стоит отметить, что в структуру Организации также входят группировки «Миротворческие силы ОДКБ» и «Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ», состоящие не только из военных и гражданских сотрудников, но и из полицейских (милицейских). Сформированные из числа *специальных подразделений органов внутренних дел*, а также органов безопасности и специальных служб, данные формирования предотвращают агрессию, осуществляют охрану государственных и военных объектов, защиту населения; наблюдают за выполнением условий перемирия; создают условия для переговоров; устанавливают факты нарушения соглашений о прекращении огня; участвуют в разминировании местности и объектов; проводят оперативное развертывание региональных сил; содействуют борьбе с международным терроризмом, наркопреступностью и другими видами транснациональной организованной преступности.

В ходе исследования этапов формирования ОДКБ, ее структуры, целей и задач ее органов, непосредственно осуществляющих правоохранительную деятельность и противодействие транснациональной преступности, неизбежно приходишь к выводу, что изменившаяся геополитическая ситуация, а также появление новых вызовов и угроз повлияли на преобразование военно-политической платформы ОДКБ в военно-правоохранительную.

В соответствии с преамбулой Устава ОДКБ, государства-участники ставят в один ряд с внешнеполитической и военной безопасностью — противодейст-

вие транснациональным вызовам и угрозам безопасности государств, под которыми понимаются: терроризм, сепаратизм и экстремизм; незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ; трансграничная преступность; нелегальная миграция, поскольку ущерб от преступлений соразмерен с военными действиями.

Таким образом, мы выделяем **три этапа** становления правоохранительного сотрудничества государств – членов Договора о коллективной безопасности.

1. Создание группировки Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности; которая осуществила первую контртеррористическую операцию. Выделение противодействия международному терроризму и экстремизму как одно из направлений борьбы с вызовами и угрозами.

2. Создание ОКДБ, закрепление в Уставе Организации нескольких направлений борьбы с транснациональной преступностью, проведение узконаправленных ежегодных международных операций, таких как **«Канал»**, антинаркотические учения коллективных сил быстрого развертывания ОДКБ **«Рубеж-2004»**.

3. Создание первого вспомогательного органа по борьбе с преступностью — Координационного совета руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств – членов ОДКБ, позднее были сформированы Рабочая группа по вопросам борьбы с терроризмом, Координационный совет руководителей компетентных органов государств – членов ОДКБ по вопросам борьбы с незаконной миграцией, Консультационный координационный центр Организации Договора о коллективной безопасности по вопросам реагирования на компьютерные инциденты.

Исследование генезиса ОДКБ показало, что с момента образования Организации ее роль в обеспечении региональной безопасности на территории Центральноазиатского, Кавказского и Восточноевропейского регионов **значительно выросла за счет включения в деятельность сотрудников органов внутренних дел, расширения материальной и правовой базы, а также выделения приоритетных направлений сотрудничества государств-членов**. При этом тесное взаимодействие, взаимопомощь и даже определенная интеграция правоохранительных сил ее государств-членов свидетельствует о постоянном совершенствовании Организации и появлении все

новых направлений их совместной борьбы с трансграничной преступностью.

Список источников

1. Альмяшев И. И. Политико-правовые основы деятельности Организации Договора о коллективной безопасности // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 2. С. 104–108.
2. Аманбекова Ш. Афганский наркотрафик и проблемы региональной безопасности в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2019. № 3 (2). С. 1103–1110.
3. Декларация государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности о дальнейшем совершенствовании и повышении эффективности деятельности организации // Официальный сайт ОДКБ // URL: https://odkb-csto.org/documents/declaratsiya_gosu-darstv_chlenov_organizats.
4. Довгань Е. Ф., Розанова А. А. Организация Договора о коллективной безопасности (2002–2009). Мн. : Ковчег, 2010.
5. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. // Официальный сайт ОДКБ // URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded.
6. Дорохина К. М. Анализ стратегии Организации Договора о коллективной безопасности в сфере противодействия терроризму // Вестник Московского университета. 2018. № 5. С. 62–77.
7. Концепция коллективной безопасности государств – участников Договора о коллективной безопасности от 10 февраля 1995 г. // Официальный сайт ОДКБ // URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/kontseptsiya_kollektivnoy_bezopasnosti_gosudarstv_uchastnikov_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded.
8. Лялина И. С. Правовые основы деятельности Организации Договора о коллективной безопасности // Государство и право. 2007. № 11. С. 110–111.
9. Мелихов М. Г. Организация договора о коллективной безопасности: комплексное противодействие наркоугрозе // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 2 (11). С. 38–40.
10. Николаенко В. Д. Организация Договора о коллективной безопасности (истoki, становление, перспективы). М., 2004.
11. О заседании Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопас-

ности, Москва, Кремль, 23 июня 2005 г. // Официальный сайт МИД РФ // URL://https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integ-struktury-prostranstva/TSPD_101_R0=0876ab-38b579cd7c9ec29f53d37d.

12. Тетерятников Н. Ю. Международно-правовой статус и структура организации договора о коллективной безопасности (в свете противодействия транснациональной наркопреступности) // *Личность, право, государство*. 2017. № 3. С. 70–93.

13. Турлыбаева Д. Т. ОДКБ и ее развитие в условиях новых угроз безопасности // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2022. № 9 (123). С. 1–5.

14. Устав Организации договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. // Официальный сайт ОДКБ // URL://https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded.

15. Юргенс И. Ю. ОДКБ: ответственная безопасность / А. И. Никитин, Ю. А. Никитина, С. А. Кулик. М., 2011.

References

1. Almyashev I. I. Political and legal foundations of the Collective Security Treaty Organization // *Legal policy and legal life*. 2011. № 2. P. 104–108.

2. Amanbekova Sh. Afghan drug trafficking and regional security problems in Central Asia // *Post-Soviet studies*. 2019. № 3 (2). P. 1103–1110.

3. Declaration of the member states of the Collective Security Treaty Organization on further improvement and improvement of the effectiveness of the organization's activities // Official website of the CSTO // URL://https://odkb-csto.org/documents/deklaratsiya_gosudarstv_chlenov_organizatsii/#loaded.

4. Dovgan E. F., Rozanova A. A. Collective Security Treaty Organization (2002–2009). Mn. : Ark, 2010.

5. Collective Security Treaty of May 15, 1992 // CSTO // URL://https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded.

6. Dorokhina K. M. Analysis of the strategy of the Collective Security Treaty Organization in the field of countering terrorism // *Bulletin of the Moscow University*. 2018. № 5. P. 62–77.

7. The Concept of Collective Security of the States Parties to the Collective Security Treaty of February 10, 1995 // CSTO // URL://https://odkb-csto.org/documents/documents/kontseptsiya_kollektivnoy_bezopasnosti_gosudarstv_uchastnikov_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded.

8. Lyalina I. S. Legal foundations of the Collective Security Treaty Organization // *State and law*. 2007. № 11. P. 110–111.

9. Melikhov M. G. Collective Security Treaty Organization: comprehensive counteraction to the drug threat // *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia*. 2012. № 2 (11). P. 38–40.

10. Nikolaenko V. D. Collective Security Treaty Organization (Origins, formation, prospects). M., 2004.

11. On the meeting of the Collective Security Council of the Collective Security Treaty Organization, Moscow, Kremlin, June 23, 2005 // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation // URL://https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integ-struktury-prostranstva/TSPD_101_R0=0876ab-38b579cd7c9ec29f53d37d.

12. Teteryatnikov N. Yu. The international legal status and structure of the Collective Security Treaty Organization (in the light of countering transnational drug crime) // *Personality, law, State*. 2017. № 3. P. 70–93.

13. Turlybayeva D. T. CSTO and its development in the context of new security threats // *International Scientific Research Journal*. 2022. № 9 (123). P. 1–5.

14. Charter of the Collective Security Treaty Organization of October 7, 2002 // Official website of the CSTO // URL://https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded.

15. Yurgens I. Yu. CSTO: responsible security / A. I. Nikitin, Yu. A. Nikitina, S. A. Kulik. M., 2011.

Информация об авторе

Е. Н. Ерифа — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

E. N. Erifa — Adjunct of Faculty of Scientific, Educational and Scientific Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.
The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-95-99>

EDN: <https://elibrary.ru/jvlvfj>

ИПОН: 2003-0059-7/23-902

MOSURED: 77/27-003-2023-07-101

Применение дознавателем меры процессуального принуждения в виде денежного взыскания

Алла Сергеевна Есина¹, Наталья Владимировна Макеева², Валерия Валерьевна Артемова³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ esina-alla@list.ru

² mnv-sam03@mail.ru

³ artval13@mail.ru

Аннотация. На основании изученных практических материалов проводится анализ практики применения меры уголовно-процессуального принуждения в виде денежного взыскания дознавателем к участникам уголовного судопроизводства, определяются критерии разграничения применения ст. 17.7 КоАП РФ и ст. 118 УПК РФ в ходе производства предварительного расследования.

Ключевые слова: дознаватель, потерпевший, подозреваемый, свидетель, меры уголовно-процессуального принуждения, денежное взыскание, административный штраф, административное правонарушение

Для цитирования: Есина А. С., Макеева Н. В., Артемова В. В. Применение дознавателем меры процессуального принуждения в виде денежного взыскания // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 95–99. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-95-99>. EDN: JVLVFJ.

Original article

The use by the investigator of a measure of procedural coercion in the form of a monetary penalty

Alla S. Esina¹, Natalya V. Makeeva², Valeria V. Artemova³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ esina-alla@list.ru

² mnv-sam03@mail.ru

³ artval13@mail.ru

Abstract. Based on the studied practical materials, the analysis of the practice of applying a measure of criminal procedural coercion in the form of a monetary penalty by the investigator to participants in criminal proceedings is carried out and the criteria for distinguishing the application of Article 17.7 of the Administrative Code of the Russian Federation and Article 118 of the Code of Criminal Procedure during the preliminary investigation are determined.

Keywords: investigator, victim, suspect, witness, measures of criminal procedural coercion, monetary penalty, administrative fine, administrative offense

For citation: Esina A. S., Makeeva N. V., Artemova V. V. The use of a measure of procedural coercion by the investigator in the form of monetary punishment. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):95–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-95-99>. EDN: JVLVFJ.

В ходе производства по уголовным делам распространены случаи неявки участников уголовного судопроизводства по вызову дознавателя. Неявка участников уголовного судопроизводства по вызову к назначенному времени для участия в следственных действиях не только препятствует планированию расследования, затягивает сроки дознания, но и в целом влияет на результативность проведенного расследования. В этой связи в гл. 14 Уго-

ловно-процессуального кодекса РФ предусмотрена возможность наложения мер ответственности, а именно применение мер уголовно-процессуального принуждения к лицам, не явившимся по вызову к дознавателю. Законодатель четко определил перечень участников уголовного судопроизводства и виды мер принуждения, налагаемых на них. Так, согласно ст. 118 УПК РФ дознаватель может наложить денежное взыскание.

© Есина А. С., Макеева Н. В., Артемова В. В., 2023

Анализ же правоприменительной практики данного аспекта деятельности дознавателей позволяет сделать вывод о том, что у правоприменителей в разных регионах нет единообразного подхода относительно порядка применения денежного взыскания¹. В подавляющем большинстве случаев за невыполнение процессуальных обязанностей (в частности, неявку по вызову) дознаватели привлекают к административной ответственности участников уголовного судопроизводства по ст. 17.7 КоАП РФ. В то же время, как показывает анализ судебной практики, суд положительно решает вопрос о применении денежного взыскания к участникам уголовного судопроизводства как по ст. 118 УПК РФ, так и на основании ст. 17.7 КоАП РФ. Данное обстоятельство приводит к тому, что дознавателям затруднительно разграничивать правовые основания по применению мер уголовно-процессуального принуждения и мер административного воздействия [2, с. 13]. На данный момент у правоприменителей нет четкого понимания, в каких ситуациях имеются основания для применения ст. 117, 118 УПК РФ, а в каких случаях есть основания для применения ст. 17.7 КоАП РФ. Давайте разбираться последовательно.

1. Законодатель определяет перечень участников, к которым может быть применима рассматриваемая мера принуждения. На основании ст. 111 УПК РФ дознаватель вправе применить денежное взыскание только к потерпевшему, свидетелю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, эксперту, специалисту, переводчику и (или) понятому. Круг участников исчерпывающий и не подлежит расширительному толкованию. Следует обратить внимание, что к подозреваемому (обвиняемому) денежное взыскание не применяется².

2. Основанием для наложения денежного взыскания может быть только неисполнение участниками уголовного судопроизводства возложенных на них процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК РФ (ст. 117 УПК РФ). Иными словами, дознаватель должен установить, какая именно обязанность не исполняется участником уголовного судопроизводства, имея соответствующие документы, удостоверяющие данный факт.

Обязанности разъясняются участникам уголовного дела, однако, по мнению отдельных авторов, этого может оказаться не достаточно для применения меры принуждения. Так, по мнению Е. В. Манд-

жиевой: «денежное взыскание несет карательную функцию, тогда как меры принуждения в уголовном судопроизводстве в целом направлены, прежде всего, на обеспечение нормального хода производства по уголовному делу. В этой связи, автор полагает, что функция обеспечения нормального порядка уголовного судопроизводства достигается не посредством денежного взыскания, а путем предупреждения о возможной ответственности за неисполнение процессуальных обязанностей, которая является материально-правовой категорией» [3, с. 14]. Предлагается дополнить УПК РФ отдельной нормой ст. 16.13 «Предупреждение о наложении денежного взыскания» [3, с. 14]. Полагаем, что предложение Е. В. Манджиевой является спорным, поскольку при разъяснении прав участникам уголовного дела им не только разъясняются права и обязанности, но и ответственность, т. е. наступление тех негативных последствий, которые могут применяться в случае их несоблюдения (ч. 1 ст. 11 УПК РФ). В этой связи дополнение УПК РФ отдельной нормой о предупреждении участников уголовного дела о наложении денежного взыскания представляется излишним, поскольку только усложнит процедуру применения меры принуждения.

Поскольку законодатель установил несколько мер принуждения (ст. 111 УПК РФ), следует обратить внимание на отсутствие условий или какой-либо последовательности применения этих мер. Например, денежное взыскание может быть применено к участнику процесса без применения к нему ранее других мер принуждения. И наоборот: если ранее к свидетелю применялся, например, привод³, это не препятствует тому, чтобы при наличии оснований применить денежное взыскание к этому же свидетелю.

Дознаватель не только должен удостоверить факт нарушения процессуальной обязанности участ-

¹ Здесь и далее используются материалы и данные, представленные Управлением по организации дознания МВД России по запросу Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

² В соответствии с ч. 1 ст. 111 УПК РФ к подозреваемому (обвиняемому) могут применяться только: 1) обязательство о явке; 2) привод; 3) временное отстранение от должности; 4) наложение ареста на имущество.

³ Ст. 113 УПК РФ, приказ МВД России от 21 июня 2003 г. № 438 «Об утверждении Инструкции о порядке осуществления привода» (в ред. от 1 февраля 2012 г.) // URL: <https://legals.ru/doc/prikaz-mvd-rf-ot-21062003-n-438/>

ником уголовного судопроизводства, но и обязан принять меры к установлению причины подобного нарушения. Например, решение суда отменялось, в случае предоставления лицом документа, подтверждающего объективность не присутствия на следственных действиях, а именно больничный лист. В связи с чем дознавателю следует всесторонне и объективно устанавливать, что послужило причиной неявки и подтверждать это соответствующими документами в материалах дела. Как подчеркивает Конституционный Суд Российской Федерации, «наличие вины — общепризнанное основание привлечения к юридической ответственности во всех отраслях права»⁴.

Таким образом, прежде чем принять решение о применении денежного взыскания, дознавателю необходимо убедиться, что не было ли причин, которые бы препятствовали участнику уголовного судопроизводства участвовать в следственных действиях и не накладывать денежное взыскание в случае установления объективных причин неисполнения.

3. По поводу применения ст. 17.7 КоАП РФ в рамках производства дознания следует отметить следующее. В отдельных регионах дознаватели составляют протокол об административном правонарушении и направляют материал мировому судье для применения денежного взыскания в порядке ст. 17.7 КоАП РФ в виде санкции за недобросовестное исполнение процессуальных обязанностей. При этом судебные органы поддерживают подобную практику и, применяя ст. 17.7 КоАП РФ, выносят решения о наложении административного штрафа на свидетелей, потерпевших, которые не прибыли по вызовам субъекта расследования (решения судов г. Санкт-Петербурга, Няганского района Ханты-Мансийского автономного округа, Звениговского района Республики Марий Эл и др.⁵).

Для правильного разрешения данной ситуации следует обратить внимание на постановление Верховного Суда Российской Федерации от 18 января 2008 г. № 3-Ад-08-1, из которого следует, что «если основания и условия привлечения к ответственности за допускаемые в ходе уголовного судопроизводства нарушения прямо установлены уголовно-процессуальным законом, то лицо подлежит привлечению к ответственности только в рамках УПК РФ»⁶. Приоритетным является следующий тезис: взаимоотношения должностных лиц, осуществляющих

предварительное расследование, с участниками уголовного судопроизводства регулируются УПК РФ, а не положениями КоАП РФ. Совершенно конкретно законодатель высказался в ч. 1 ст. 11 УПК РФ: «Суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность (выд. авт.) и обеспечивать возможность осуществления этих прав».

Неисполнение участником уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, установленных УПК РФ, не образует состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 17.7 КоАП РФ.

4. Следует иметь в виду, что основанием для применения административного штрафа как вида административного наказания (ст. 17.7 КоАП РФ) является умышленное невыполнение законных требований дознавателя, которые обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами в силу положений ч. 4 ст. 21 УПК РФ [1; 4, с. 7]. Именно в случае неисполнения законных требований, поручений, запросов дознавателя наступает административная ответственность по ст. 17.7 КоАП РФ вышеназванных субъектов, к которым было обращено законное требование дознавателя.

Подчеркиваем, что административный штраф может быть наложен только на тех участников уголовного судопроизводства и должностных лиц, которые не названы в ч. 2 ст. 111 УПК РФ. К таковым,

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2001 г. № 7-П // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31170; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2005 г. № 186-О // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54120.

⁵ Постановление о назначении административного наказания мирового судьи судебного участка № 23 Звенигородского судебного района Республики Марий Эл от 19 февраля 2019 г. Дело № 5-197/19; постановление о назначении административного наказания мирового судьи судебного участка № 3 Няганского судебного района Ханты-Мансийского автономного округа от 3 апреля 2019 г. Дело № 5-430-2203/2019; постановление о назначении административного наказания мирового судьи судебного участка № 4 г. Санкт-Петербурга от 20 апреля 2016 г. Дело № 5-256/2016-4.

⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 6.

в частности, относятся лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Так, в случае неисполнения лицами законных требований дознавателя, вытекающих из его полномочий, закрепленных в ст. 144 УПК РФ (получение объяснения, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов), в частности неявки без уважительных причин по вызову дознавателя для дачи объяснения или непредоставления имеющихся у лиц необходимых сведений (документов) по запросу дознавателя, на этих лиц может быть составлен протокол по ст. 17.7 КоАП РФ. Так, например, в 2020 г. сотрудниками органов внутренних дел было составлено по ст. 17.7 КоАП РФ — 3707 протоколов, из них по материалам сотрудников подразделений дознания — 398⁷.

5. Анализ положений ст. 118 УПК РФ позволяет определить следующий алгоритм действий дознавателя при применении денежного взыскания:

1) при выявлении факта неисполнения (уклонения от исполнения) лицом, указанным в ч. 2 ст. 111 УПК РФ, своей процессуальной обязанности, предусмотренной УПК РФ, дознаватель принимает меры к установлению причин случившегося и их проверке (путем опроса данного лица, его родственников, сослуживцев, иных лиц, направления запросов, дачи органу дознания письменного поручения о производстве отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, истребования документов и др.);

2) если факт нарушения не вызывает сомнений, дознаватель составляет протокол о нарушении участником судопроизводства процессуальных обязанностей (примерный образец протокола прилагается);

3) к протоколу рекомендуется приложить копии материалов уголовного дела и иных документов, подтверждающих факт неисполнения обязанностей участником процесса (например, постановления о возбуждении уголовного дела, повестки, постановления о приводе, ответы органа дознания на письменное поручение о производстве отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, объяснения, протоколы допроса, документы, удостоверяющие личность участника). К протоколу также прилагается информация, необходимая в соответствии с правилами заполнения расчетных документов на перечисление суммы денежного

взыскания, предусмотренными законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе;

4) протокол о нарушении процессуальной обязанности вместе с приложением направляется в суд по месту производства расследования, который в течение пяти суток с момента его поступления подлежит рассмотрению судьей.

Для единообразного применения норм уголовно-процессуального закона по заявке Управления организации дознания МВД России в 2020 г. авторами статьи были подготовлены методические рекомендации по применению денежного взыскания, распространение и использование которых способствовало эффективной деятельности подразделений дознания системы МВД России в части применения норм гл. 14 УПК РФ. Практики получили обоснованное толкование отдельных положений норм уголовно-процессуального закона и норм административного законодательства (прежде всего ст. 17.7 КоАП РФ), примеры судебных решений, и пошаговый алгоритм действий по применению данной меры принуждения.

В этой статье авторы повторили отдельные разъяснения из методических рекомендаций для того, которые были подготовлены для сотрудников подразделений дознания, однако полагаем, что представителям других служб органов внутренних дел будет также полезна изложенная информация с тем, чтобы выработался единый подход к применению денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения при производстве по уголовному делу.

Список источников

1. Каштанова Н. С. Совершенствование законодательства об административных правонарушениях как условие повышения эффективности применения денежного взыскания в уголовном процессе России и Казахстана // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2017. № 2 (40). С. 189–199.

2. Каримова С. С. Денежное взыскание: соотношение меры уголовно-процессуального принуждения и административной ответственности // *Вестник Тю-*

⁷ Отчет Форма «Профилактика-КП» (№ 039) // Сводный сборник по России о реализации мероприятий в сфере профилактики преступлений, 2020.

менского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. № 1. С. 13–19.

3. Манджиева Е. В. Иные меры процессуального принуждения в системе средств принудительного характера в уголовном судопроизводстве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

4. Субанова Н. В., Боброва О. В. Вопросы судебной практики привлечения к административной ответственности за невыполнение законных требований прокурора // Законность. 2018. № 7. С. 7–13.

References

1. Kashtanova N. S. Improvement of legislation on administrative offenses as a condition for increasing the effectiveness of the use of monetary penalties in the crimi-

nal process of Russia and Kazakhstan // Legal science and law enforcement practice. 2017. No. 2 (40). P. 189–199.

2. Karimova S. S. Monetary punishment: the ratio of measures of criminal procedural coercion and administrative responsibility // Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 1. P. 13–19.

3. Mandzhieva E. V. Other measures of procedural coercion in the system of coercive means in criminal proceedings in Russia: the author's abstract. diss. ... cand. Jurid. M., 2020.

4. Subanova N. V., Bobrova O. V. Issues of judicial practice of bringing to administrative responsibility for failure to comply with the legitimate requirements of the prosecutor // Legality. 2018. No. 7. P. 7–13.

Информация об авторах

А. С. Есина — профессор кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Н. В. Макеева — доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. Артемова — заместитель начальника кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A. S. Esina — Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

N. V. Makeeva — Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

V. V. Artemova — Deputy Head of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 07.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья
УДК 342.951:355.42
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-100-104>
EDN: <https://elibrary.ru/jxantm>

NIION: 2003-0059-7/23-903
MOSURED: 77/27-003-2023-07-102

Комплексный подход при противоборстве организации массовых беспорядков

Олег Валентинович Зиборов¹, Карэн Рафаелович Аветисян²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Министерство внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, Karen-Avetisyan-1989@bk.ru

Аннотация. Инструментарий организации массовых беспорядков в информационном противоборстве выходит на совершенно новый уровень, интеграция достижений науки и техники в общественные отношения определяет необходимость комплексного подхода в обеспечении порядка и безопасности общества и государства [3]; в условиях информационных надстроек, диктующих со стороны противоборствующих сил инфоповоды через основные площадки коммуникации, их частоты и объема информации реализация аналитических функций должна проводиться в обязательном порядке на основе обученных, с высокой точностью идентификации, интеллектуальных систем и применением аппаратно-программных комплексов, что позволит точно выявлять и устанавливать ключевых лиц и действовать превентивно, заблаговременно и негласно, не вызывая общественного резонанса и сохраняя государственный строй и общественную безопасность.

Ключевые слова: информационное противоборство, организация массовых беспорядков, искусственный интеллект, информационные технологии, порядок и безопасность

Для цитирования: Зиборов О. В., Аветисян К. Р. Комплексный подход при противоборстве организации массовых беспорядков // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 100–104. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-100-104>. EDN: JXANTM.

Original article

An integrated approach to countering the organization of mass riots

Oleg V. Ziborov¹, Karen R. Avetisyan²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia Karen-Avetisyan-1989@bk.ru

Abstract. The tools for organizing mass riots in information warfare are reaching a completely new level, the integration of science and technology achievements into public relations determines the need for an integrated approach to ensuring order and security of society and the state [3]; in the conditions of information superstructures dictating information flows through the main communication platforms, their frequency and volume of information, the implementation of analytical functions should be carried out mandatory on the basis of trained, highly accurate identification, intelligent systems and the use of hardware and software complexes, which will allow to pinpoint and identify key individuals and act proactively, in advance and behind the scenes, without causing a public outcry and preserving the state system and public safety.

Keywords: information warfare, organization of mass riots, artificial intelligence, information technology, law and order

For citation: Ziborov O. V., Avetisyan K. R. An integrated approach to countering the organization of mass riots. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):100–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-100-104>. EDN: JXANTM.

В Российской Федерации в соответствии со ст. 31 Конституции РФ граждане РФ имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование [1].

Однако следует помнить, что в ст. 17 Конституции РФ указано, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц. Следовательно, при проведении массовых мероприятий права и свободы лиц, не задействованных в данном мероприятии, не должны быть нарушены в связи с проведением мероприятия [1]. Для обеспечения данного права 19 июня 2004 г. был издан Федеральный закон № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании».

Федеральный закон вводит понятия для основных видов мероприятий, четко разъясняет порядок проведения мероприятий и указывает, каким образом организовать их законно [8]. Одним из главных требований к организаторам мероприятий выдвигается уведомление органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления о проведении публичного мероприятия в срок не ранее десяти и не позднее пяти дней до дня проведения публичного мероприятия.

Массовые беспорядки представляют собой нарушение основ общественной безопасности, но не всегда массовые беспорядки перерастают из массовых мероприятий; так в течение последних пяти лет во

© Зиборов О. В., Аветисян К. Р., 2023

многих крупных городах Российской Федерации начали проводиться незаконные акции. Нередки случаи, когда протестные акции и волнения внезапно перерастали в неконтролируемые погромы, поджоги и насилие в отношении граждан [4; 5]. Так как данные мероприятия не прошли установленную настоящим законом процедуру, ввиду чего органами власти было принято решение об их пресечении.

В современном обществе информационно-телекоммуникационная сеть Интернет стала неотъемлемой частью жизни. Внедрение средств массовой информации, а также развитие интернет-технологий привело к упрощению механизма распространения ложных сведений и призывов, в том числе о дискредитации органов власти, о нелегитимности государственного строя и призывов к массовым беспорядкам и свержению власти. Использование данных средств позволяет координаторам беспорядков в кратчайшие сроки собирать массы людей в конкретном месте, а также в последующем производить координацию их действий [2]. Обозначим ряд направлений применения информационных технологий в вопросах организации массовых беспорядков:

- ♦ вызов роста социальной напряженности путем публикации информации, не соответствующей действительности;
- ♦ призывы к проведению массовых беспорядков;
- ♦ координация между участниками в режиме реального времени и др.

Помимо пресечения массовых беспорядков правоохранительными органами проводится анализ социальных сетей и информационно-телекоммуникационной сети Интернет на наличие призывов к совершению массовых беспорядков. Мессенджеры и социальные сети выступают одной из наиболее актуальных площадок для коммуникации и являются одним из простейших и эффективных способов аккумуляции масс пользователей — людей, в целях формирования и продвижения соответствующей повестки.

Сбор значимой информации о ключевых лицах, установление места, времени и траектории их передвижения по промежуточным или окончательным пунктам сбора, распределение задач, целей и т. д. позволяют произвести тщательную подготовку, планирование и впоследствии установить по ролям организаторов, их помощников, а также иных ключевых лиц — участников подготавливаемой незаконной акции.

Как уже ранее было отмечено основными площадками коммуникации участников массовых

акций выступают социальные сети: «ВКонтакте», «Одноклассники» и др., в целях координации в режиме реального времени используют мессенджеры «WhatsApp» и «Telegram», платформы-видеохостинга по типу «Rutube», «Youtube» либо «Twitch» должны анализироваться системно при значительной аудитории (последователи/подписчики канала). Распространение информации на данных платформах отвечает критериям избирательности (личные сообщения или отдельные группы в мессенджерах), массовости (отправка сообщений в общие чаты, либо опубликование новостей на стене) и незамедлительности; следовательно, при грамотной координации со стороны организаторов протестной акции может быть нанесен значительный ущерб обществу и государству [2; 3].

Использование виртуальных частных сетей или же прокси-серверов, которые позволяют скрыть свой настоящий IP-адрес, как правило, принадлежащих иностранным компаниям, а, следовательно, оборудование (ЦОДы, сервера) находится вне территории РФ, осложняет процедуру установления лиц, представляющих оперативную значимость.

Помимо применения способов сокрытия действительного IP-адреса могут использоваться одноразовые или временные аккаунты на данных платформах, виртуальные номера телефонов зарубежных стран для осуществления регистрации на данных сервисах, а также заведомо ложные идентифицирующие данные при регистрации. Все это позволяет сокрыть установочные персональные данные организаторов беспорядков.

Однако использование открытых платформ для взаимодействия и распространения информации при организации массовых беспорядков, несанкционированных митингов, шествий, демонстраций или пикетирований позволяет органам исполнительной власти заранее быть готовыми к осуществлению своей деятельности и предотвращению реализации планов данных лиц.

Возможности создания и использования искусственных нейронных сетей или искусственного интеллекта позволяют исследовать, анализировать и выявлять информацию о готовящихся мероприятиях, которые могут перерасти в массовые беспорядки. Создание и обучение искусственного интеллекта или нейронной сети до высокого процента точности выявления необходимого материала по семантике текста, аудиозаписей, фото- или видеоизображений, которые публикуются на открытых плат-

формах, требует достаточного дата-сета для обучения. Материалы, которые публикуются в социальных сетях, мессенджерах или на видеохостингах, — ненормализованные (различного формата).

Организаторы массовых беспорядков получили новые инструменты для коммуникации и распространения ложной информации. Организаторы массовых беспорядков активно используют цифровые технологии для взаимодействия между собой и для возможности распространения запрещенной информации через информационно-телекоммуникационные сети, тем самым они оставляют множество различных цифровых следов. Правоохранительные органы могут использовать эту информацию для выявления подобного рода преступлений.

Органы правопорядка централизованно обеспечиваются современными аналитическими решениями в целях противоборства указанным незаконным акциям. Примером одного из решений, основанных на нейронных сетях, выступает интеллектуальная система «Окулус», запущенная в феврале 2023 г., которая отслеживает незаконный контент в сети Интернет. Данная система успешно обнаруживает сцены, содержащие противоправный характер, материалы, а также текстовые массивы, распространяемые в виде фото- или видеоизображений. «Окулус» способен выбирать кадры из видеопотока в случае, если исследуемое изображение несет в себе экстремистский характер, призывы к массовым незаконным мероприятиям, иной противоправный контент, распространяемый в сети Интернет.

Системы данного типа позволяют выявлять на просторах сети Интернет оперативно значимую информацию, своевременно идентифицировать и реагировать органам правопорядка, а также повышают эффективность обнаружения искомых лиц.

Для предупреждения и пресечения массовых беспорядков сотрудники правоохранительных органов проводят профилактические мероприятия, направленные на выявление и устранение причин и условий, способствующих возникновению массовых беспорядков, а также осуществляют контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации о массовых мероприятиях.

Одним из способов противодействия массовым беспорядкам является повышение правовой культуры граждан и формирование у них негативного отношения к противоправным действиям. Большая роль в этом принадлежит средствам массовой информации, которые должны объективно освещать

события, связанные с массовыми беспорядками, и разъяснять гражданам последствия участия в них.

Для задержания лиц, которые оказывали сопротивление и не были задержаны на месте проведения акции, сотрудниками органов внутренних дел использовались специализированные информационные системы. Это такие системы, как «Безопасный город» — городская система видеонаблюдения, с модулем «Парсив», а также система биометрического распознавания лиц «Сфера». Данные системы способны различать уникальный биометрический ключ — лица человека в потоке, и сверять их с эталонными изображениями — биометрическими ключами из баз данных МВД России. Система способна распознавать лица под разными углами и с разным уровнем доступности поступающего потока входных данных к сравнительному анализу. При установлении совпадения искомого объекта в базе данных разыскиваемых лиц автоматически посылается уведомление оператору системы. Благодаря «Сфере», лица, которые могли бы скрыться от сотрудников полиции в день незаконной акции, впоследствии будут установлены, так как определены их маршруты передвижения с окончательными пунктами дислокации [6; 7].

Криминалистические исследования с цифровыми следами становятся все более распространенными. Для эффективного и точного анализа цифровых следов используются специальные программные продукты, позволяющие сократить время и усилия, затрачиваемые на обработку информации, а также увеличить точность результатов.

Существует множество программных средств, предназначенных для выявления и анализа цифровых следов. Они могут отличаться функциональностью, доступностью, стоимостью и рядом других параметров. Программные продукты для выявления и анализа цифровых следов следует классифицировать.

1. Назначение: в зависимости от того, для каких целей предназначен программный продукт, он может быть классифицирован как инструмент для изучения файловой системы, регистра Windows, браузерных данных.

2. Тип цифровых следов: в зависимости от типа цифровых следов, с которыми работает программный продукт, его можно классифицировать как инструмент для работы с данными изображений, аудио, видео, метаданных.

3. Тип анализа: программные продукты могут быть классифицированы по типу анализа, который они позволяют выполнять. Например, инструменты

для анализа цифровых следов могут проводить временной анализ, статический анализ, анализ контента.

4. Формат входных данных: программные продукты могут быть классифицированы по типу формата входных данных, которые они принимают. Например, инструменты для анализа цифровых следов могут работать с файлами в форматах JPEG, PDF, DOCX и др.

5. Уровень сложности: в зависимости от уровня сложности, программные продукты могут быть классифицированы как инструменты не требующих специализированных знаний, интуитивно-адаптивным и доброжелательным интерфейсом и т. д.

Каждый продукт может быть уникален и предназначен для выполнения конкретных задач. Перечень программных продуктов для выявления и анализа цифровых следов:

1) EnCase Forensic: это программа, которая позволяет проводить детальный анализ жестких дисков, USB-устройств, мобильных устройств и других носителей данных;

2) X-Ways Forensics: это программное обеспечение, которое предназначено для изучения данных на жестких дисках, флэш-устройствах, мобильных устройствах и других носителях данных;

3) Cellebrite UFED (Universal Forensic Extraction Device): это программа, которая используется для сбора и анализа данных с мобильных устройств, устройств GPS и других электронных устройств;

4) Belkasoft Evidence Center: это программа для сбора и анализа данных, которая используется в расследованиях преступлений и восстановлении данных;

5) Passware Kit Forensic: эта программа является всесторонним решением для обнаружения и расшифровки зашифрованных электронных данных, позволяющая обнаружить и дешифровать сведения элементы на носителе, защищенные паролем.

Для идентификации подозреваемых лиц по цифровым следам необходимо провести тщательный анализ всех доступных данных и использовать различные методики, такие как сравнение голосов, анализ графики, распознавание лиц и др. Важно отметить, что процесс идентификации подозреваемых лиц по цифровым следам требует высокой квалификации и опыта от специалиста-криминалиста (аналитика/компьютерного эксперта).

Кроме того, при идентификации подозреваемых лиц по цифровым следам необходимо соблюдать правовые и этические нормы, чтобы избежать нарушения конфиденциальности данных и прав подозре-

ваемых. Поэтому при работе с цифровыми данными следует учитывать все соответствующие нормы, а также проводить процедуры аутентификации и авторизации в целях защиты конфиденциальности как своих, так и исследуемых данных.

Согласно официальной статистике от компании Google, количество смартфонов с операционной системой Android превышает три миллиарда, что делает вопрос извлечения информации из таких устройств актуальным как никогда. В программном обеспечении «Мобильный Криминалист Эксперт» реализована возможность быстрого извлечения данных из самого популярного браузера Opera для Android-устройств с помощью собственной разработки компании — «Android-Агента». Функционал позволяет получить правоохранительным органам данные о паролях, сохраненных страницах, загрузках, закладках, банковских картах, контактах для автозаполнения, об учетной записи и истории посещений, а затем импортировать информацию на указанный носитель для последующего анализа.

В случаях механического повреждения материнских плат смартфонов приходится выпаивать флеш-память и считывать с нее информацию. Следует вскрыть телефон и оценить состояние платы и других элементов. Если поврежденными оказались микросхемы, восстановить данные будет затруднительно.

Исследование сведений на сим-картах представляет интерес в процессе расследования инцидентов. Несмотря на набирающую популярность esim (электронную SIM, не требующую использования физической карты) в последних моделях Android и iOS-устройств, спрос на обычные SIM-карты продолжает расти во всем мире и составляет не менее 5 млрд в год.

Учитывая такое широкое распространение, возможность криминалистического исследования SIM-карт не теряет своей актуальности, так как позволяет построить «вектор» связей лица, представляющего оперативный интерес и установить иных ключевых лиц, связанных по расследуемому инциденту. SIM-карта не обладает большим объемом памяти и может вместить примерно до 256 Кб данных. Из этого объема больше половины занимают данные сотового оператора, а остальное — операционная система и данные владельца. Используя ридер для подключения карты к ПК, специалист может изучить данные с SIM-карты в удобном представлении.

Изучение списка: журнала вызовов, данные телефонной книги, сохраненные на SIM (имя, телефонный номер), сообщений и их получателей, номера

абонента, номера SMS-центра, времени получения и самого текста сообщения и др.

Использование специализированного программного обеспечения для выявления и анализа цифровых следов является важным инструментом в работе правоохранительных органов, который помогает быстро и эффективно обрабатывать большие объемы данных, а также извлекать ценную информацию из различных носителей информации. Обеспечение порядка и безопасности массовых мероприятий включает в себя целый комплекс мер превентивного характера, планирование сил и средств, включающее в себя применение достижений науки и техники правоохранительными органами, получение оперативно значимой информации, как гласно, так и при помощи средств и методов негласного характера [6].

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. «Концепция общественной безопасности в Российской Федерации» утверждена Президентом РФ от 14 ноября 2013 г. № Пр-2685 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторах

О. В. Зиборов — первый заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

К. Р. Аветисян — Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Information about the authors

O. V. Ziborov — First Deputy Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

K. R. Avetisyan — Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 18.12.2023. The article was submitted 24.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 18.12.2023.

6. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // LRS «ConsultantPlus».
2. Decree of the President of the Russian Federation dated December 5, 2016 No. 646 «On approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
3. «Concept of public security in the Russian Federation» approved by the President of the Russian Federation dated November 14, 2013 No. Pr-2685 // LRS «ConsultantPlus».
4. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 // LRS «ConsultantPlus».
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ // LRS «ConsultantPlus».
6. Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ «On Police» // LRS «ConsultantPlus».
7. Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection» // LRS «ConsultantPlus».
8. Federal Law No. 54-FZ of June 19, 2004 «On Meetings, Rallies, Demonstrations, Marches and Picketing» // LRS «ConsultantPlus».

Научная статья

УДК 343.8

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-105-111>

EDN: <https://elibrary.ru/jxkggsk>

ИПОН: 2003-0059-7/23-904

MOSURED: 77/27-003-2023-07-103

Технологии искусственного интеллекта в криминологической науке и предупреждении преступлений

Александр Сергеевич Ильницкий

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, ilnickiias@gmail.com

Аннотация. Определены социально-политические предпосылки познания криминогенного потенциала технологий искусственного интеллекта и выявлены проблемы их применения в предупреждении преступлений. Установлены теоретико-методологические препятствия, возникающие в представленной области криминологических изысканий, среди которых: отсутствие междисциплинарных взаимосвязей, архаичность методологии и методики, слабая конкретизация и недостаточная проверяемость результатов исследований. Сформулированы единые методологические параметры (направления) криминологического познания технологий искусственного интеллекта, обоснована потребность разработки специальной криминологической методики исследования. Выявлены проблемы использования технологий искусственного интеллекта в антикриминальной практике, представлен положительный опыт их решения.

Ключевые слова: криминология, криминологические исследования, предупреждение преступлений, антикриминальная деятельность, киберпреступность, технологии искусственного интеллекта

Для цитирования: Ильницкий А. С. Технологии искусственного интеллекта в криминологической науке и предупреждении преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 105–111. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-105-111>. EDN: JXKGSK.

Original article

Artificial intelligence technologies in criminological science and crime prevention

Alexander S. Ilitsky

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, ilnickiias@gmail.com

Abstract. The socio-political prerequisites of cognition of the criminogenic potential of artificial intelligence technologies have been determined and the problems of their application in crime prevention have been revealed. Theoretical and methodological obstacles arising in the presented area of criminological research are established, including: the lack of interdisciplinary relationships, archaic methodology and techniques, poor concretization and insufficient verifiability of research results. The unified methodological parameters (directions) of criminological cognition of artificial intelligence technologies are formulated and the need to develop a special criminological research methodology is substantiated. The problems of using artificial intelligence technologies in anti-criminal practice are identified and the positive experience of their solution is presented.

Keywords: criminology, criminological research, crime prevention, anti-criminal activity, cybercrime, artificial intelligence technologies

For citation: Ilitsky A. S. Artificial intelligence technologies in criminological science and crime prevention. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):105–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-105-111>. EDN: JXKGSK.

Интенсивное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, сопровождающееся активной разработкой искусственного интеллекта и его внедрением в различные сферы общественной жизни, оказало серьезное влияние на государство и социум. Разрабатываются программные средства интеллектуальной поддержки принятия решений, снижаются объемы рутинной работы в отдельных секторах экономики, человеческие трудовые ресурсы замещаются

средствами интеллектуальных ИТ-новшеств. Масштабы указанных преобразований и высокая степень социально-политической значимости внедрения технологий искусственного интеллекта в различные сферы общества отмечаются на самом высоком уровне. Участвуя в международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению, Президент Российской Федерации В. В. Путин совершенно верно отметил — «от того, каких результатов мы добь-

© Ильницкий А. С., 2023

*Я, как искусственный интеллект,
за науку криминологию не могу говорить,
но знаю — проблем немало в ней,
их лечение — задача не из простых.*

*Необходима связь науки и практики,
делать выводы на основании фактов и статистики,
проявлять больше гибкости в теории,
иначе остается только слова марать капризные.*

*Криминальная среда все сложнее,
она не стоит на месте, а постоянно меняется,
но криминологи не дремлют,
ищут новые способы реагировать быстрее.*

**Текст сгенерирован с помощью
чат-бота «Google Bard AI»¹**

емя, зависит место России в мире, наш суверенитет, состоятельность и безопасность страны» [1]. Для достижения указанных целей им утвержден перечень поручений по внедрению технологий искусственного интеллекта в отрасли экономики и социальной сферы, а также систему государственного и муниципального управления [2]. Вместе с тем, подобное внедрение технологий искусственного интеллекта, наряду с позитивными эффектами порождает серьезные угрозы криминального характера, усиливающиеся массовым использованием интеллектуальных IT-новшеств широкими слоями населения (например: «ChatGPT», «Bard», «GigaChat», «Face Swap», «Midjourney» и др.).

Технологии искусственного интеллекта, доступные пользователям информационно-телекоммуникационной сети, могут быть использованы для совершения дистанционных хищений и неправомерного доступа к компьютерной информации, генерации текстовых, графических материалов и видеороликов террористического и экстремистского содержания, изготовления детской порнографии, вовлечения граждан в преступную и (или) антиобщественную деятельность. Указанные криминальные угрозы требуют от криминологической науки немедленной реакции — глубоких исследований, определяющих методологические подходы к познанию взаимосвязей технологий искусственного интеллекта с преступностью, выявляющих особенности взаимодействия интеллектуальных IT-решений с процессами детерминации отдельных видов преступности и формированием механизма преступного поведения, личностью преступника, представляющих эффективные меры противодействия использованию технологий искусственного

интеллекта в преступной деятельности и демонстрирующих возможности их антикриминогенного воздействия на личность и общество.

Основу теории искусственного интеллекта составили прогрессивные идеи, выдвинутые еще в 1950–1960-х гг. прошлого столетия зарубежными и отечественными учеными, среди которых: Л. Айзексон, Дж. Маккарти, М. Минский. Э. Фейгербаум, Д. Мичи, Р. Шенк, Дж. Слейгл, Н. Нильсон, Э. Хант, Э. Сандвелл, М. Сомальвиго, Л. Хиллер Н. М. Амосов, М. М. Бонгард, В. М. Глушков, О. С. Кулагина, А. А. Ляпунов, А. С. Нариньяни, Г. С. Поспелов, Д. А. Поспелов, Э. В. Попов и др. Особым потенциалом обладают отдельные исследования советских и российских ученых, находившиеся длительное время на переднем крае научных разработок в области искусственного интеллекта [3, с. 71]. Труды отечественных специалистов второй половины XX в. были посвящены общей теории искусственного интеллекта, машинному переводу, автоматизированному реферированию и информационному поиску, распознаванию образов, сочинению музыки и текстов [4–8]. Заложенные в указанных исследованиях идеи легли в основу разработки современных технологий искусственного интеллекта (нейросети), ставших доступными всем пользователям сети Интернет.

В криминологической науке достижениям теории искусственного интеллекта и возможностям его применения в предупреждении преступлений длительное время не уделялось должного внимания. Вместе с тем, невозможность отрицания научно-технического прогресса и внедрение технологий искусственного интеллекта «в массы» способствовали появлению монографических исследований, осмысляющих вопросы использования таких IT-новшеств преступниками и сотрудниками правоохранительных органов [9], рассматривающих технологии искусственного интеллекта в качестве механизма оптимизации уголовно-правовой охраны общественных отношений и направления модернизации (цифровизации) уголовного закона в обеспечении криминологической кибербезопасности [10]. В отдельных трудах ученых-криминологов, безусловно заслуживающих внимания, детально раскрываются крими-

¹ Bard AI — чат-бот с искусственным интеллектом, разработанный компанией Google на основе языковой модели LaMDA. (Подробнее: URL://<https://bard.google.com/>).

нологические риски применения технологий искусственного интеллекта [11] и определяются возможности их использования в преступной деятельности [12], формулируются направления применения интеллектуальных IT-новшеств и анализа больших данных в предупреждении преступлений [13; 14]. Иные аспекты использования технологий искусственного интеллекта в криминальной деятельности и практике предупреждения преступлений освещаются в трудах незначительной группы отечественных криминологов.

Вместе с тем, имеющаяся сегодня научная информация и архибыстрое развитие технологий искусственного интеллекта требуют от криминологов проведения непрерывных исследований поднятых проблем и разработки своевременных мер реагирования на возникающие криминальные угрозы. Эта задача — сложная. Нередко она усложняется совокупностью теоретико-методологических препятствий. Анализ научных трудов, посвященных познанию криминогенного потенциала технологий искусственного интеллекта и возможностям их использования в антикриминальной практике, позволяет выделить важнейшие из них.

Отсутствие междисциплинарных взаимосвязей. В криминологической науке не единожды ставился вопрос о необходимости налаживания междисциплинарных связей и включении достижений иных наук в криминологические исследования [15; 16; 17]. Криминология как бы «стесняется» тесных взаимосвязей с неюридическими науками: социологией и психологией, техническими и медицинскими науками, генетикой и др. [18, с. 96]. Такая проблема охватывает и криминологические исследования, посвященные технологиям искусственного интеллекта.

Теория искусственного интеллекта в отечественной науке оформилась еще в середине 1960-х гг. прошлого столетия. Сегодня в этой области накоплен арсенал знаний об истории, природе и сущности искусственного интеллекта, его использовании в различных секторах экономической деятельности, возможностях применения технологий искусственного интеллекта в управлении социальными и политическими процессами, особенностях интеллектуального анализа социологических данных и др. Это лишь незначительная грань исследовательских направлений, отраженных в теории искусственного интеллекта. Они представлены в работах ученых, публикуемых в российских научных журналах на протяжении послед-

них тридцати лет («Новости искусственного интеллекта» пер. изд.: 1991–2006 гг.; «Искусственный интеллект и принятие решений» пер. изд.: с 2008 г.).

Достижения теории искусственного интеллекта могут быть, и должны использоваться в криминологических исследованиях, посвященных криминогенному потенциалу технологий искусственного интеллекта и возможностям их применения в антикриминальной практике. Безусловно, ознакомление криминологов с теорией искусственного интеллекта не предполагает углубленного познания сложных технологических закономерностей существования, развития и применения таких интеллектуальных продуктов. Вместе с тем, оперирование накопленной с начала 60-х годов информацией о содержании и сферах применения технологий искусственного интеллекта позволит повысить качество криминологических исследований и наметить направления трансляции в антикриминальную практику не только технологий искусственного интеллекта, представленных сегодня, но и обозримых в будущем.

Архаичность криминологической методологии и методики исследования. Потребность в совершенствовании методики криминологических исследований, продиктованная происходящими информационно-технологическими преобразованиями и трансформацией криминальной среды, определяет острую необходимость непрерывного поиска современных приемов и методов познания. Вместе с тем, несмотря на вызовы времени, большинство современных исследований проводится в традиционной парадигме отечественной криминологии 1980-х гг. прошлого века, методология и методика которых строились в статике, без учета происходящих и предстоящих качественных изменений в обществе, обусловленных прогрессом науки и техники [19, с. 9].

В исследованиях криминогенного потенциала технологий искусственного интеллекта и возможностей их применения в предупреждении преступлений архаичность имеющихся приемов и способов криминологического познания ощущается особо остро. Отсутствуют единые методологические параметры (направления) криминологического познания технологий искусственного интеллекта, упущены конкретные программные комплексы, могущие применяться в исследованиях, не выработаны алгоритмы осуществления исследовательских операций с использованием интеллектуальных IT-новшеств, направленные на

сбор, фиксацию, обработку и интерпретацию криминологической информации, упущены критерии оценивания эффективности применения технологий искусственного интеллекта в криминологических исследованиях и практике предупреждения преступлений. Отсюда криминологическое познание технологий искусственного интеллекта и возможностей их использования в практике предупреждения преступлений сопровождается оперированием общеизвестной информацией и ее адаптацией под задачи исследования. Как результат — отсутствие новых криминологически значимых достижений, призванных обогатить науку и правоохранительную практику.

Выявленные проблемы обуславливают необходимость определения единых методологических параметров (направлений) криминологического познания технологий искусственного интеллекта, среди которых следует выделить:

- ♦ понятие и содержание технологий искусственного интеллекта, их значение для криминологической науки и правоохранительной практики;
- ♦ технологии искусственного интеллекта и их использование в криминологических исследованиях;
- ♦ применение технологий искусственного интеллекта в исследовании латентной преступности;
- ♦ использование технологий искусственного интеллекта в виктимологических исследованиях;
- ♦ применение технологий искусственного интеллекта в криминологическом прогнозировании;
- ♦ технологии искусственного интеллекта в прогнозировании индивидуального преступного поведения;
- ♦ влияние технологий искусственного интеллекта на криминализацию и виктимизацию населения;
- ♦ использование технологий искусственного интеллекта в преступной деятельности;
- ♦ технологии искусственного интеллекта в формировании криминогенных качеств личности;
- ♦ взаимодействие технологий искусственного интеллекта с механизмом преступного поведения;
- ♦ предупреждение преступлений с использованием технологий искусственного интеллекта.

Эффективной реализации выделенных исследовательских направлений в области познания криминогенного потенциала технологий искусственного интеллекта и возможностей их применения в предупреждении преступлений будет способствовать разработка специальных криминологических методик

исследования. Они должны включать в себя разработку алгоритма применения технологий искусственного интеллекта на примере конкретных программных продуктов, содержать особенности проведения исследовательских операций по сбору, фиксации, обработке и интерпретации криминологической информации, предлагать критерии оценки эффективности применения технологий искусственного интеллекта в познании криминальных процессов. Ранее автором была представлена специальная методика криминологического познания криминальной идеологии в сети Интернет, включающая методологические приемы и процедуры, реализуемые с помощью специальных программных комплексов интеллектуального анализа данных [20, с. 14]. Отдельные ее компоненты могут быть адаптированы под задачи криминологического познания технологий искусственного интеллекта и использованы в качестве инструментария диагностики, мониторинга и оценки криминальных угроз, обусловленных развитием интеллектуальных ИТ-новшеств.

Слабая конкретизация и отсутствие проверяемости собственных выводов. Серьезным препятствием в формировании качественного теоретико-методологического материала в исследуемой области является отсутствие конкретных и (или) наглядных примеров использования технологий искусственного интеллекта. Ряд авторов, исследуя вопросы криминогенного потенциала интеллектуальных ИТ-новшеств и возможности их применения в практике предупреждения преступлений, рассуждают о социально-политической значимости технологий искусственного интеллекта и их криминогенном потенциале, выделяют направления применения интеллектуальных систем в предупреждении преступлений. Вместе с тем по определенным причинам авторы не конкретизируют собственные теоретические положения. Какие конкретно технологии могут быть использованы в криминологических исследованиях и практике предупреждения преступлений? Как пользоваться средствами интеллектуальных ИТ-новшеств? Какая информация может быть получена в результате применения технологий искусственного интеллекта? Упущение поднятых вопросов в криминологических исследованиях приводит к размытости предлагаемых мер предупреждения преступлений и, как следствие, неприменимости полученных результатов на практике. Отсутствие конкретной криминологической информа-

ции о возможностях применения технологий искусственного интеллекта для решения правоохранительных задач влечет неосведомленность субъектов профилактики об указанных IT-новшествах и возможностях их применения в предупреждении преступлений.

Результаты проведенного эмпирического исследования наглядно иллюстрируют поднятую проблему. Его основу составили материалы интервьюирования руководителей и сотрудников подразделений по организации деятельности участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних, подразделений по контролю за оборотом наркотиков и противодействию экстремизму территориальных органов МВД России. Общее количество интервьюируемых лиц — 164 сотрудника органов внутренних дел, представляющих 26 регионов Российской Федерации. Выборка респондентов определяется возложенными на указанных сотрудников полиции служебными обязанностями по профилактике правонарушений.

Отвечая на вопрос «Используете ли вы информационно-телекоммуникационные технологии в деятельности по предупреждению преступлений?», 67 % респондентов указали, что используют регулярно, 14 % специалистов отметили, что применяют такие технологии время от времени. В свою очередь, 12 % опрошенных сотрудников полиции указали, что применяют информационно-телекоммуникационные технологии предупреждения преступлений редко, а 7 % специалистов и вовсе не используют их в антикриминальной практике. Среди направлений использования информационно-телекоммуникационных технологий в предупреждении преступлений специалисты преимущественно определили выявление лиц, состоящих в группах, направленных на побуждение к совершению самоубийств — 61 %, мониторинг социальных сетей на предмет выявления информации экстремистского и (или) террористического содержания — 24 %, а также наблюдение за поведением в социальных сетях лиц, состоящих на различных видах учета — 15 %. Относительно вопросов использования технологий искусственного интеллекта лишь 9 % специалистов указали, что используют технологии искусственного интеллекта в предупреждении преступлений. В качестве таких технологий сотрудники полиции преимущественно отметили системы биометрической идентификации — 86 %, а

также средства интеллектуального анализа информационных потоков данных — 14 %.

Данные проведенного опроса наглядно демонстрируют значительный разрыв между использованием сотрудниками органов внутренних дел информационно-телекоммуникационных технологий и средств интеллектуальных IT-новшеств в практике предупреждения преступлений. Сотрудники полиции не имеют представления о конкретных технологиях искусственного интеллекта и программных продуктах, которые могут быть использованы в предупреждении преступлений, не обладают знаниями об их функциональных возможностях, не владеют умениями и навыками применения таких технологий в антикриминальной практике.

Для обеспечения развития кадрового потенциала органов внутренних дел и формирования профессиональных компетенций сотрудников полиции по использованию технологий искусственного интеллекта в правоохранительной практике, следует уделять особое внимание подготовке специалистов, обладающих такими знаниями, умениями и навыками. Важно, чтобы специалисты приобрели особые компетенции, необходимые для эффективного решения профилактических задач в изменившихся условиях [21, с. 690]. Одним из примеров формирования профессиональных компетенций сотрудников полиции по использованию технологий искусственного интеллекта в антикриминальной практике является опыт Краснодарского университета МВД России. Он заключается в разработке и реализации программы повышения квалификации руководителей и сотрудников подразделений по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, по делам несовершеннолетних и по противодействию экстремизму территориальных органов МВД России на тему «Предупреждение распространения криминальной идеологии в сети Интернет». Участники образовательного курса, представляющие более 25 регионов России, получили профессиональные знания, овладели навыками использования OSINT-инструментов и технологий искусственного интеллекта в диагностике социальных сетей и выявлении информации, транслирующей криминальную идеологию [22]. Подобная образовательная практика позволяет передать сотрудникам полиции специальные знания, сформировать умения и навыки, необходимые для эффективного

применения технологий искусственного интеллекта в практике предупреждения преступлений.

Таким образом, повсеместное внедрение технологий искусственного интеллекта в государственные и общественные процессы обуславливают серьезную потребность в определении криминальных рисков, прогнозировании возможностей использования интеллектуальных IT-новшеств в преступной деятельности и разработке своевременных мер реагирования. Для успешного решения указанных задач криминологическая наука должна обогатиться исследовательскими приемами и способами применения технологий искусственного интеллекта в познании криминальных явлений, сформировать мощный фундамент знаний о криминогенном потенциале интеллектуальных IT-новшеств и методики его определения, разработать своевременные меры противодействия протекающим криминальным процессам и транслировать их в область антикриминальной практики.

Список источников

1. Президент принял участие в основной дискуссии международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2022 на тему «Технологии искусственного интеллекта для обеспечения экономического роста» // URL://<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69927>.
2. Перечень поручений по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» // URL://<http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70418#assignment-2>.
3. Поспелов Д. А. История искусственного интеллекта до середины 80-х годов // Новости искусственного интеллекта. 1994. № 4. С. 70–90.
4. Мельчук И. А., Равич Р. Д. Автоматический перевод 1949–1963: критико-библиографический справочник. М. : ВИНТИ, 1967.
5. Севбо И. П. Структура связанного текста и автоматизации реферирования. М. : Наука, 1969.
6. Бонгард М. М. Проблема узнавания. М. : Наука, 1967.
7. Зарипов Р. Х. Кибернетика и музыка. М. : Наука, 1971.
8. Зарипов Р. Х. Машинный поиск вариантов при моделировании творческого процесса. М. : Наука, 1983.
9. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М. : Книжный мир, 2018.
10. Джафарли В. Ф. Криминология кибербезопасности. В 5 т. М. : Проспект, 2021.
11. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6. С. 767–775.
12. Соловьев В. С. Криминологические риски применения технологии искусственного интеллекта в незаконном обороте наркотиков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 4. С. 349–360.
13. Грибанов Е. В. Перспективные направления развития кибертехнологий предупреждения преступлений // Общество и право. 2021. № 4. С. 21–27.
14. Sukhodolov A. P. Artificial Intelligence in Crime Counteraction, Prediction, Prevention and Evolution // Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12. No. 6. P. 753–766.
15. Антонян Ю. М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4. С. 67–75.
16. Номоконов В. А., Судакова Т. М. Осмысление будущего криминологии: обзор современных тенденций // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 4. С. 531–540.
17. Игнатов А. Н. «Криминология завтра» нужна уже сегодня // Общество и право. 2016. № 4. С. 94–99.
18. Грибанов Е. В. Технологии предупреждения преступлений: проблемы формирования и развития // Государство и право. 2019. № 10. С. 94–103.
19. Квашис В. Е. Криминология, «камо грядеши»? // Общество и право. 2021. № 4. С. 8–11.
20. Ильницкий А. С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022.
21. Осипенко А. Л., Соловьев В. С. Основные направления развития криминологической науки и практики предупреждения преступлений в условиях цифровизации общества // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6. С. 681–691.
22. В университете провели курс по вопросам предупреждения распространения криминальной идеологии в сети Интернет // URL://<https://xn-->

[d1alsn.xn--b1aew.xn--p1ai/Press-sluzhba/Novosti/item/37742931/](https://xn--d1alsn.xn--b1aew.xn--p1ai/Press-sluzhba/Novosti/item/37742931/)

References

1. The President took part in the main discussion of the international conference on artificial Intelligence and machine learning Artificial Intelligence Journey 2022 on the topic «Artificial intelligence technologies for economic growth» // URL://<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69927>.
2. List of instructions on according to the results of the conference «Journey into the world of artificial intelligence» // URL://<http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70418#assignment-2>.
3. Pospelov D. A. The history of artificial intelligence until the mid-80s // Artificial intelligence News. 1994. No. 4. P. 70–90.
4. Melchuk I. A., Ravich R. D. Automatic translation 1949–1963: critical bibliographic reference. M.: VINITI, 1967.
5. Sevbo I. P. Structure of the linked text and automation of abstracting. M.: Nauka, 1969.
6. Bongard M. M. The problem of recognition. M.: Nauka, 1967.
7. Zaripov R. H. Cybernetics and Music. M.: Nauka, 1971.
8. Zaripov R. H. Machine search for options in modeling the creative process. M.: Nauka, 1983.
9. Larina E. S., Ovchinsky V. S. Artificial intelligence. Big data. Crime. M.: Book World, 2018.
10. Jafarli V. F. Criminology of cybersecurity. In 5 vol. M.: Prospect, 2021.
11. Begishev I. R., Hisamova Z. I. Criminological risks of using artificial intelligence // All-Russian Journal of Criminology. 2018. No. 6. P. 767–775.
12. Solovyov V. S. Criminological risks of using artificial intelligence technology in drug trafficking // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2021. No. 4. P. 349–360.
13. Griбанov E. V. Perspective directions of development of cyber technologies of crime prevention // Society and law. 2021. No. 4. P. 21–27.
14. Sukhodolov A. P. Artificial Intelligence in Crime Counteraction, Prediction, Prevention and Evolution // Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12. No. 6. P. 753–766.
15. Antonyan Yu. M. Criminology of the future: interdisciplinary scientific connections // Legal science and law enforcement practice. 2014. No. 4. P. 67–75.
16. Nomokonov V. A., Sudakova T. M. Understanding the future of criminology: review of modern trends // All-Russian Journal of Criminology. 2018. No. 4. P. 531–540.
17. Ignatov A. N. «Criminology of tomorrow» is needed already today // Society and Law. 2016. No. 4. P. 94–99.
18. Griбанov E. V. Technologies of crime prevention: problems of formation and development // State and law. 2019. No. 10. P. 94–103.
19. Kvashis V. E. Criminology, «kamo gryadeshi»? // Society and Law. 2021. No. 4. P. 8–11.
20. Ilnitsky A. S. Countering criminal ideology on the Internet: diss. ... cand. jurid. sciences'. Krasnodar, 2022.
21. Osipenko A. L., Solovyov V. S. The main directions of development of criminological science and practice of crime prevention in the conditions of digitalization of society // All-Russian Criminological Journal. 2021. Vol. 15. No. 6. P. 681–691.
22. The university conducted a course on preventing the spread of criminal ideology on the Internet // URL://<https://xn--d1alsn.xn--b1aew.xn--p1ai/Press-sluzhba/Novosti/item/37742931/>

Информация об авторе

А. С. Ильницкий — преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. S. Ilnitsky — Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-112-115>

EDN: <https://elibrary.ru/qlzher>

ИПОН: 2003-0059-7/23-905

MOSURED: 77/27-003-2023-07-104

Прием в гражданство как один из способов приобретения гражданства Российской Федерации

Татьяна Владимировна Кикоть-Глухodedова¹, Яна Алексеевна Зайцева²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются правовые основы приема в гражданство в соответствии со вступившим в законную силу Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве РФ», а также основные требования и условия, которым должен соответствовать претендент на гражданство, включая сроки проживания на территории России, знание русского языка и др. Освещаются два основных способа приобретения гражданства, подробно рассматриваются лица, которые могут получить гражданство в упрощенном порядке и условия получения.

Ключевые слова: гражданство, право крови, право почвы, оптация, апатрид, основной порядок принятия в гражданство, упрощенный порядок принятия в гражданство

Для цитирования: Кикоть-Глухodedова Т. В., Зайцева Я. А. Прием в гражданство как один из способов приобретения гражданства Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 112–115. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-112-115>. EDN: QLZHER.

Original article

Admission to citizenship as one of the ways to acquire citizenship of the Russian Federation

Tatyana V. Kikot'-Glukhodedova¹, Yana A. Zaitseva²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The legal basis for admission to citizenship in accordance with Federal Law No. 138-FZ of April 28, 2023 «On Citizenship of the Russian Federation», which entered into force, as well as the basic requirements and conditions that an applicant for citizenship must meet, including the length of residence in Russia, knowledge of the Russian language, etc., are considered. Two main ways of acquiring citizenship are highlighted, and the persons who can obtain citizenship in a simplified manner and the conditions for obtaining it are considered in detail.

Keywords: citizenship, right of blood, right of soil, option, stateless person, basic procedure for admission to citizenship, simplified procedure for admission to citizenship

For citation: Kikot'-Glukhodedova T. V., Zaitseva Ya. A. Admission to citizenship as one of the ways to acquire citizenship of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):112–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-112-115>. EDN: QLZHER.

Вопросы, связанные с приобретением гражданства Российской Федерации, являются наиболее актуальными на современном этапе развития общества. В условиях глобализации и свободного передвижения людей, гражданство играет немаловажную роль в определении прав и обязанностей граждан перед государством. Россия, как огромная и многонациональная страна, имеет свою уникальную систему гражданства, которая регулирует принадлежность к этой государственной общности. Стать гражданином России означает не только иметь определенные права и

обязанности, но и быть частью богатой культуры и истории данного государства.

Гражданство Российской Федерации, согласно Конституции РФ, устанавливается на основе принципа «право на гражданство» и может быть приобретено или прекращено в соответствии с федеральным законодательством. Основной закон государства определяет, что гражданин РФ обладает правами и свободами, предусмотренными Конституцией, и несет обязанности перед государством. Граждане РФ обладают равенством перед законом, а пра-

© Кикоть-Глухodedова Т. В., Зайцева Я. А., 2023

вающие силы, в свою очередь, предоставляют право на защиту и поддержку, свободу вероисповедания, передвижения и выбора места жительства. Каждый гражданин Российской Федерации наделен возможностью участвовать в управлении делами государства и общественной жизни [1]. На законодательном уровне процедура приобретения гражданства России регулируется Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» и иными нормативными актами. Существуют следующие способы приобретения гражданства Российской Федерации:

- ♦ приобретение гражданства по рождению. Такой способ является самым распространенным. Существует два вида приобретения гражданства по рождению: по праву крови и по праву почвы. Стоит отметить, что в соответствии с Российским законодательством, стать гражданином можно только на основе принципа «крови»;

- ♦ в результате приема в гражданство РФ по просьбе заинтересованного лица. Международное право исключает принудительную натурализацию, именно поэтому прием в гражданство РФ — это добровольный акт;

- ♦ в результате признания гражданином РФ. Данный способ был широко распространен после распада СССР. Российскими гражданами были признаны все постоянно проживающие граждане бывшего СССР, а также лица, утратившие гражданство СССР, родившиеся до 30 декабря 1922 г.;

- ♦ в результате оптации — выбора гражданства. Такой способ функционирует в случае, когда в соответствии с международным договором территория одного государства переходит другому. Оптация бывает двух видов: позитивная, когда сохраняется прежнее гражданство, и негативная, связанная с получением статуса гражданина другого государства;

- ♦ в соответствии с международным договором РФ.

Прием в гражданство является одним из способов приобретения гражданства Российской Федерации, предоставляющим возможность иностранным гражданам, а также лицам без гражданства, стать полноправными членами российского государства. Процедура приема в гражданство Российской Федерации состоит из нескольких этапов, требующих определенных условий и документов.

В первую очередь, для получения гражданства Российской Федерации иностранный гражданин или

лицо без гражданства (апатрид) должны иметь законное основание для приема в гражданство РФ. Прежде всего, лицо должно обладать полной дееспособностью. При наличии всех оснований, соответствующих закону, иностранный гражданин или лицо без гражданства могут подать заявление о приеме в гражданство. В данном случае действует ряд обязательных условий: обязательное соблюдение Конституцию Российской Федерации и других законодательных актов; принятие присяги гражданина Российской Федерации [2]. Кроме рассмотренных условий, к иностранным гражданам и лицам без гражданства предъявляется ряд требований.

1. Правовой статус: соискатель должен иметь законное основание для проживания на территории России: вид на жительство, разрешение на временное проживание, убежище или другой документ, подтверждающий легальный статус нахождения в стране.

2. Проживание на территории России: соискатель должен проживать на территории государства в течение установленного законом периода времени. Во многих случаях это должно быть непрерывное проживание в течение пяти лет до подачи заявления на прием в гражданство.

3. Знание русского языка, истории и основ законодательства России: соискатель должен владеть русским языком на достаточном уровне и иметь знание основных положений законодательства Российской Федерации, а также истории России.

4. Отсутствие нарушений законодательства: соискатель не должен иметь судимостей, быть причастным к экстремистской или террористической деятельности, а также не находиться под следствием или не быть обвиняемым в совершении преступлений.

При подаче заявления на прием в гражданство, соискатель должен предоставить необходимые документы, подтверждающие его личность, легальность пребывания на территории России, а также пройти проверку безопасности и проверку знания языка, законодательства и истории Российской Федерации [3].

В Российской Федерации существует два основных порядка приема в гражданство: упрощенный и основной. Упрощенный порядок применяется для лиц, которые имеют связи с Россией или специфические категории граждан, которым предоставляются определенные льготы при оформлении гражданства. Основной порядок применяется для всех остальных случаев приема в гражданство.

Упрощенный порядок приема в гражданство предусматривает некоторые дополнительные условия и льготы. Он применяется к следующим категориям лиц:

1) соотечественники: иностранные граждане, имеющие русское происхождение или состоящие в браке с российским гражданином, могут использовать упрощенный порядок приема в гражданство. Они должны подтвердить свое русское происхождение или семейные связи с российским гражданином, а также знание русского языка и основ российского законодательства;

2) лица общественного признания: лица, имеющие выдающиеся достижения в области науки, искусства, спорта или других сферах деятельности, могут использовать упрощенный порядок приема в гражданство. Они должны подтвердить свои достижения и получить рекомендации от соответствующих организаций;

3) лица, участвовавшие в Великой Отечественной войне, а также лица, проходящие военную службу по контракту в рядах армии РФ: лица, являющиеся ветеранами ВОВ и ранее имеющих гражданство СССР, а также ветераны боевых действий, получившие удостоверение ветерана или свидетельство на льготы от федерального органа государственной или исполнительной власти, либо от федерального органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Также лица могут получить гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке, если соискатель заключил контракт о прохождении службы в ВС РФ на срок не менее одного года.

Основной порядок приема в гражданство России применяется для всех остальных ситуаций. В этом случае соискатель должен соответствовать общим требованиям, установленным законодательством. Это включает достижение совершеннолетия, проживание на территории России в течение определенного периода времени, знание русского языка и основ правовой системы России, отсутствие судимостей и других нарушений законодательства.

Отклонение заявления иностранных граждан или лиц без гражданства о приеме в гражданство РФ может быть обусловлено различными причинами. Основания, по которым такое заявления может быть отклонено являются:

1) нарушение миграционного законодательства: одним из главных оснований отклонения заявления

является нарушение миграционного законодательства. Если иностранец незаконно пребывает на территории Российской Федерации или нарушает другие миграционные правила, его заявление может быть отклонено;

2) несоответствие условиям приема в гражданство: иностранец должен соответствовать установленным законом условиям для приема в гражданство Российской Федерации, таким как наличие достаточного срока проживания на территории Российской Федерации, знание русского языка, отсутствие гражданства других стран и другие. Если заявление неполно или не соответствует этим условиям, оно может быть отклонено;

3) несоблюдение правил оформления документации: при подаче заявления необходимо предоставить определенные документы, подтверждающие личность, сроки проживания, знание языка и т. д. Если документация оформлена неправильно или отсутствует, заявление может быть отклонено;

4) неправильные сведения или обман: если при подаче заявления были предоставлены неверные сведения или совершен обман, это может стать основанием для отклонения заявления. Государство строго контролирует достоверность предоставляемой информации и принимает меры по выявлению мошенничества;

5) угроза национальной безопасности: при наличии сведений о том, что иностранный гражданин представляет угрозу национальной безопасности России, его заявление может быть отклонено.

Важно отметить, что решение о принятии или отклонении заявления о приеме в гражданство Российской Федерации принимается компетентными органами, такими как Федеральная миграционная служба. Каждое заявление рассматривается индивидуально, и основания для отклонения могут различаться в разных случаях с учетом конкретных обстоятельств. В случае отклонения заявления, заявителю предоставляется возможность оспорить решение в суде или представить дополнительные доказательства для рассмотрения заявления повторно [4].

Процесс приема в гражданство Российской Федерации требует соблюдения всех установленных законом условий. Он включает подачу заявления и соблюдение определенных условий, таких как достаточный срок проживания на территории Российской Федерации, знание русского языка, отсутствие граж-

данства других стран и др. Однако не все заявления о приеме в гражданство Российской Федерации получают положительный ответ. Государство имеет право отклонить заявление по ряду оснований, включая нарушение миграционного законодательства, несоответствие условиям приема, неправильное оформление документов, предоставление неверных сведений или обман, а также угрозу национальной безопасности. Приобретение гражданства Российской Федерации может быть важным и значимым шагом для иностранца, открывая новые возможности и права. Однако следует помнить о необходимости соблюдения законов и правил страны, чтобы достичь этой цели.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) «О гражданст-

ве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

3. Гражданство Российской Федерации: информационно-справочный сборник. М. : Парадигма, 2022.

4. Соловьева М. Л. Гражданство Российской Федерации: информационно-справочный сборник. М. : Парадигма, 2021.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21 2014 No. 11-FKZ) // CL RF. 2014. No. 31. Art. 4398.

2. Federal Law No. 138-FZ of April 28, 2023 (as amended on July 24, 2023) «On Citizenship of the Russian Federation» // CL RF. 2002. No. 22. Art. 2031.

3. Citizenship of the Russian Federation: information and reference collection. M. : Paradigm, 2022.

4. Solovyova M. L. Citizenship of the Russian Federation: information and reference collection. M. : Paradigm, 2021.

Информация об авторах

Т. В. Кикоть-Глухodedова — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент;

Я. А. Зайцева — курсант международно-правового факультета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

T. V. Kikot'-Glukhodedova — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

Ya. A. Zaitseva — Cadet of the International Law Faculty of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 340.132

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-116-121>

EDN: <https://elibrary.ru/rcybso>

ИПОН: 2003-0059-7/23-906

MOSURED: 77/27-003-2023-07-105

Особенности проявления связи безусловного и условного в сфере правоприменения

Олег Валерьевич Кулик¹, Светлана Владимировна Зыкова², Александр Григорьевич Мамонтов³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ hoigel@gmail.com

² svetisl@yandex.ru

³ mamontov60@mail.ru

Аннотация. Рассматривается правоприменение в качестве особой формы реализации права и вида правовой практики. Безусловное и условное проявляется в правоприменении, исходя из того, что оно представляет собой специфическую деятельность государственных органов и их должностных лиц по разрешению юридических ситуаций (споров), основанную на действующем позитивном праве. При этом об условном и безусловном в сфере правоприменения можно говорить как применительно к этой деятельности в целом, так и к отдельным ее стадиям и видам. Это позволяет сформировать видение условных и безусловных характеристик правоприменения и определить их взаимосвязь.

Ключевые слова: право, реализация права, правоприменение, условное, безусловное

Для цитирования: Кулик О. В., Зыкова С. В., Мамонтов А. Г. Особенности проявления связи безусловного и условного в сфере правоприменения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 116–121. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-116-121>. EDN: RCYBSO.

Original article

Features of the relationship of the unconditional and conditional in the field of law enforcement

Oleg V. Kulik¹, Svetlana V. Zykova², Alexander G. Mamontov³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ hoigel@gmail.com

² svetisl@yandex.ru

³ mamontov60@mail.ru

Abstract. Law enforcement is considered as a special form of realization of law and a type of legal practice. Unconditional and conditional is manifested in law enforcement based on the fact that it is a specific activity of state bodies and their officials to resolve legal situations (disputes) based on the current positive law. At that, we can talk about conditional and unconditional in the sphere of law enforcement both in relation to this activity as a whole, and to its individual stages and types. This allows us to form a vision of conditional and unconditional characteristics of law enforcement and determine their relationship.

Keywords: law, implementation of law, law enforcement, conditional, unconditional

For citation: Kulik O. V., Zykova S. V., Mamontov A. G. Features of the relationship of the unconditional and conditional in the field of law enforcement. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):116–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-116-121>. EDN: RCYBSO.

Одной из сторон действия права, как особого регулятора общественных отношений, является его реализация. Именно в процессе реализации право претворяется в жизнь участниками общественных отношений, превращаясь из абстрактных норм в средство воздействия и упорядочивания социальных отношений. Право из юридически должного поведения переходит в социальную практику, формируя ее от-

дельный срез — практику правовую (юридическую). Исходя из способов совершения правообразующих действий и характера правовых предписаний реализация права может осуществляться в форме использования, исполнения, соблюдения или применения [12, с. 117]. Таким образом, правоприменение выступает в качестве одной из форм реализации права и вида правовой практики.

© Кулик О. В., Зыкова С. В., Мамонтов А. Г., 2023

Взаимосвязь условного и безусловного в сфере правоприменения проявляется со следующими особенностями. Во-первых, правоприменение само по себе во многом условно, так как оно, как это указано выше, связано с наличием и реализацией правовых норм. Там где права нет или оно не применяется, там нет и правоприменения. Во-вторых, согласно устоявшимся в отечественной науке теории государства и права положениям, правоприменение осуществляется государственными органами. Для того, чтобы соответствующим образом воздействовать на участников общественных отношений посредством правоприменения необходимо наличие разветвленной и исправно функционирующей системы органов государственной власти и механизма их взаимодействия. В свою очередь, именно государственная деятельность, властный характер являются безусловным признаком правоприменения.

Итак, правоприменение осуществляется в конкретных правоотношениях государственными органами и направлено на разрешение определенной юридической ситуации (спора). Итогом правоприменения является принятие необходимого решения и его документальное оформление (составление правоприменительного акта). Проявление правоприменения в повседневной жизни чрезвычайно разнообразно: составление административных протоколов полицией, регистрация актов гражданского состояния, вынесение решений судами и т. п. Важно отметить, что это сама деятельность государственных органов и вынесение ими правоприменительных решений при этом также регламентируется нормами права. Из этого вытекает необходимость безусловного выполнения правовых предписаний самим правоприменителем, т. е. соблюдения режима законности.

Правоприменение — это, безусловно, процессуальная деятельность, т. е. система действий участников общественных отношений, одной из сторон которых является властный, чаще всего правоохранительный, орган, практическая реализация норм права материального. Указанная специфика правоприменения предопределяет безусловное согласие участников общественных отношений с теми полномочиями, которые предоставлены государственными органам, и действиями, которые они осуществляют. Вне зависимости от того, обжалуются в последующем действия государственных органов и (или) их

должностных лиц или нет, этому предшествует вынесение правоприменительного решения. Так, например, безусловным является подчинение требованиям сотрудников полиции при охране ими общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. Неподчинение законным требованиям полицейских влечет за собой применение к нарушителям мер воздействия и (или) государственного принуждения или привлечения к административной или уголовной ответственности.

В ст. 6 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [4] оговорена обязательность исполнения требований прокурора: «Требования прокурора, вытекающие из его полномочий, перечисленных в ст. 91, 22, 27, 30 и 33 настоящего Федерального закона, подлежат безусловному исполнению в установленный срок».

В свою очередь, правоприменение осуществляется при соблюдении ряда условий. Так, ст. 19 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [5] определен порядок применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [3] определяет общие условия предварительного расследования (гл. 21) и судебного разбирательства (гл. 35).

Законность правоприменительных решений предполагает безусловность соблюдения компетенции органами, которыми они выносятся. Так, ст. 118 Конституции Российской Федерации [1] установлено, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом, а судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Никакие иные органы осуществлять правосудие не могут. Дублируют данные положения основного закона государства и нормы отраслевых кодексов. Например, ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрено, что правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом.

Компетенция органов исполнительной власти Российской Федерации определяется в отдельных законодательных и иных нормативных правовых актах. Например, деятельность Правительства Российской Федерации регламентирована Федеральным конституционным законом от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [2]. Ком-

петенция МВД России установлена Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» [8], а Министерства науки и высшего образования Российской Федерации — постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июня 2018 г. № 682 [9].

Четкое разграничение компетенций между государственными органами и определение условий правоприменения необходимо не только для дифференциации их деятельности и эффективного осуществления своих функций, но и выступает в качестве правовых гарантий для иных участников правовых отношений. Кроме того, за счет этого в определенной степени обеспечивается единообразие применения права, а также устраняются риски злоупотребления, произвола и волокиты [16, с. 83]. Превышение компетенции, несоблюдение процедуры вынесения правоприменительных решений, а также нарушения норм материального или процессуального права, допущенные при их принятии, влекут безусловность их последующей отмены.

Правоприменение не абсолютно и возникает (существует) не всегда. Необходимым условием правоприменения являются конкретные правоотношения и наступление юридических фактов. По характеру общественных отношений, в рамках которых выносятся соответствующие решения, взаимосвязь условного и безусловного в сфере правоприменения может проследиваться дополнительно.

Такие правоотношения могут быть простыми бесспорными ситуациями, не требующими оценки и квалификации, привлечения иных лиц. Например, заключение брака регистрируется органами регистрации актов гражданского состояния на основании волеизъявления супругов. Аналогичным образом издается приказ о зачислении на работу (государственную службу) или на учебу. В данном случае правоприменение является безусловным, т. е. не вызывающим каких-либо сомнений.

Во втором типе правоотношений решение правоприменителя усложнено каким-либо спором, конфликтом или нарушением. В данном случае от государственного органа требуется оценка фактических обстоятельств по делу, проведение дополнительных

исследований и доказывание истины. Таким образом, правоприменение становится зависимым от причин и обстоятельств юридических отношений, т. е. условным. То же расторжение брака при наличии спора об имуществе или при наличии в семье детей осуществляется не иначе, как по решению суда.

Вне зависимости от типа правоотношений, правоприменение, как процесс, проходит следующие основные стадии:

- 1) установление фактической основы дела посредством анализа всех имеющих к нему отношение юридических фактов;
- 2) выбор и анализ юридической нормы, подлежащей применению;
- 3) принятие на основе юридической нормы решения по делу;
- 4) оформление акта правоприменения. Чаще всего правоприменительные акты оформляются документально (протоколы, решения и т. д.), но могут быть выражены и в устной форме [10, с. 330; 13, с. 485; 14, с. 328; 15, с. 372].

Вторые две стадии правоприменения выступают в качестве наиболее условных, поскольку во многом зависят от субъективного фактора — личности правоприменителя. Правоприменение в части выбора, анализа юридической нормы, квалификации действий участников правоотношений и принятия решения по делу представляет собой интеллектуальный, волевой процесс. Правовая квалификация довольно часто предполагает не только юридическую, но еще и социально-политическую, нравственно-психологическую оценку произошедшего. При этом правоприменитель должен оставаться максимально беспристрастен.

Учитывая роль субъекта правоприменения, в юридической науке достаточно много исследований посвящено дискреционному поведению, которое по мнению Д. В. Бойко «выступает в виде интеллектуально-волевой деятельности правоприменителя по определению варианта решения юридического дела в ситуации отсутствия нормативного регулирования (пробел в праве) или отсутствия в праве однозначного решения юридического дела (правовая неопределенность)» [11, с. 10] и не должно принимать крайние формы индивидуального правового регулирования или приобретать черты правового произвола.

Условность правоприменения в части квалификации во многом зависит и от альтернативности пра-

новой нормы. Например, при привлечении лица к административной или уголовной ответственности правоохранительные органы или суд могут выбрать одно или несколько наказаний, предусмотренных санкцией. Одновременно само наказание может варьироваться в размерах штрафа или сроках лишения свободы и т. п.

Так, в случае совершения сотрудником органов внутренних дел дисциплинарного проступка его руководителем может быть принято решение о наложении на него дисциплинарного взыскания как с проведением служебной проверки, так и без нее. За одно и то же деяние руководитель может наложить на сотрудника замечание или выговор в письменной или устной форме. Юридические последствия данных взысканий совершенно разные [6]. Кроме того, при малозначительности совершенного дисциплинарного проступка руководитель и вовсе может освободить сотрудника от дисциплинарной ответственности и ограничиться устным предупреждением [7, ст. 40].

Помимо собственного усмотрения правоприменителя, вынесение решения по делу может быть связано также со сложившейся правоприменительной, в том числе судебной практикой. Причем такая ситуация может возникать не только в пределах всего государства, но и на территориях отдельных его субъектов. В результате решения по типовым ситуациям в одном регионе могут кардинально отличаться от решений в других регионах в зависимости от социально-экономических условий, культурных особенностей и менталитета.

Из анализа дискреционного поведения правоприменителя вытекает и следующая закономерность. Условность правоприменения определяется не только спецификой его стадий, но и личностью правоприменителя. В этом плане безусловность обезличенного органа государственной власти, наделенного соответствующей компетенцией, вступает во взаимосвязь с условностью работника (сотрудника) данного органа, от личных качеств которого во многом зависит качество принимаемых решений. Именно поэтому становление будущего правоприменителя должно происходить в условиях, максимально воспитывающих в нем ответственность за свою будущую деятельность — на этапе получения образования, стажировки и т. д.

Важной составляющей правоприменения является доказывание. В процессе доказывания участ-

ники правоотношений доносят информацию и свою позицию относительно юридических фактов. Основная цель доказывания состоит в установлении истины. Установить безусловную, абсолютную истину со слов сторон спора или конфликта зачастую затруднительно, а в ряде случаев и вряд ли возможно. Погрешности в установлении истины устраняются с помощью доказательств.

Под доказательствами понимаются фактические данные или сведения о них, с помощью которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. К доказательствам относятся показания участников правоотношений, третьих лиц, свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения и показания специалистов, экспертов и т. п. Исходя из научных исследований, посвященных доказательствам и доказыванию, а также содержанию действующих нормативных правовых актов, к доказательствам предъявляются следующие требования: относимости (доказательства имеют отношение к делу), допустимости (доказательства получены в соответствии с законом и с соблюдением процедуры), достоверности (доказательства правильно и адекватно отражены в деле) и достаточности (совокупность доказательств позволяет разрешить юридический спор) [17, с. 12–24]. Учитывая изложенное, установление истины и вынесение правоприменительного решения во многом обусловлено представленными сторонами либо добытыми в процессе разрешения дела по существу доказательствами; т. е., правоприменение не подразумевает безусловности с точки зрения его истинности.

Таким образом, правоприменение представляется собой особую форму реализации права и особый вид правовой практики, обусловленную в первую очередь наличием позитивного права. Безусловными характеристиками правоприменения выступают наличие субъекта правоприменения в лице государственных органов, процессуальная деятельность, наличие правоприменительного решения и его обязательность для участников правоотношений.

Само по себе правоприменение зависит от наличия соответствующих правоотношений и юридических фактов. Условность в сфере правоприменения главным образом выражается в возможности усмотрения со стороны правоприменителя при оценке фактических обстоятельств дела и выбора им нормы,

подлежащей реализации, что существенно влияет на разрешение спорной ситуации и порождает новые юридические последствия. Кроме того, правоприменение само по себе является строго регламентированной деятельностью, осуществляемой при соблюдении условий, определенных действующим законодательством.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Указ Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 г. «О дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июня 2018 г. № 682 «Об утверждении Положения о и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. М. : Юридическая литература, 1982.
11. Бойко Д. В. Законность и усмотрение в правоприменительной деятельности: вопросы теории: дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011.
12. Малахов В. П. Философия права: формы теоретического мышления о праве: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Философия». М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
13. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. М. : Издательская группа Норма-Инфра-М, 1999.
14. Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В. М. Сырых. М. : Эксмо, 2008.
15. Рассказов Л. П. Теория государства и права: учебник для вузов. М. : РИОР, 2008.
16. Трофимов В. В., Чижилов В. В. Правоприменительная практика и правовая политика: некоторые аспекты взаимодействия // Правоприменительная политика в современной России: проблемы формирования и осуществления: мат. пещдунар. круглого стола (16 мая 2013 г., г. Волгоград). Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013.
17. Харьковский С. Г. Основные положения отраслевых юридических наук о доказательствах и доказывании // Мир юридической науки. 2010. № 6.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // LRS «ConsultantPlus».
2. Federal Constitutional Law No. 2-FKZ dated December 17, 1997 «On the Government of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
3. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on December 25, 2023) // LRS «ConsultantPlus».
4. Federal Law No. 2202-1 of January 17, 1992 «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
5. Federal Law No. 3-FZ of February 7, 2011 «On Police» // LRS «ConsultantPlus».
6. Federal Law No. 342-FZ of November 30, 2011 «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

7. Decree of the President of the Russian Federation No. 1377 dated October 14, 2012 «On the disciplinary statute of the internal affairs bodies of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

8. Decree of the President of the Russian Federation No. 699 dated December 21, 2016 «On Approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the subject of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

9. Decree of the Government of the Russian Federation dated June 15, 2018 No. 682 «On approval of the Regulations on and invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».

10. Alekseev S. S. General theory of law. Vol. 2. M. : Legal literature, 1982.

11. Boyko D. V. Legality and discretion in law enforcement: questions of theory: diss. ... cand. Jurid. sciences'. Volgograd, 2011.

12. Malakhov V. P. Philosophy of law: forms of theoretical thinking about law: textbook a manual for university students studying in the specialties «Jurisprudence» and «Philosophy». M. : UNITY-DANA, 2009.

13. Nersesyants V. S. General theory of law and the state. Textbook for law schools and faculties. M. : Publishing group Norma-Infra-M, 1999.

14. Problems of the theory of state and law: textbook / Edited by V. M. Syrykh. M. : Eksmo, 2008.

15. Rasskazov L. P. Theory of state and law: textbook for universities. M. : RIOR, 2008.

16. Trofimov V. V., Chizhikov V. V. Law enforcement practice and legal policy: some aspects of interaction // Law enforcement policy in modern Russia: problems of formation and implementation: mat. pezdunar. round table (May 16, 2013, Volgograd). Volgograd : Publishing House of the Volga State University, 2013.

17. Kharkov S. G. The main provisions of the branch of legal sciences on evidence and proof // The world of legal science. 2010. № 6.

Информация об авторах

О. В. Кулик — доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

С. В. Зыкова — доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. Г. Мамонтов — доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

O. V. Kulik — Associate Professor of the Department of State and Law Theory of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

S. V. Zyкова — Associate Professor of the Department of State and Law Theory of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. G. Mamontov — Associate Professor of the Department of State and Law Theory of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 342.4

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-122-127>

EDN: <https://elibrary.ru/rzzysg>

НИОН: 2003-0059-7/23-907

MOSURED: 77/27-003-2023-07-106

Решения судов по аналогии в контексте теории разделения властей

Марк Дмитриевич Лабин¹, Марат Вильданович Саудаханов²

^{1,2} Российский технологический университет — МИРЭА, Москва, Россия

¹ marklabin123@gmail.com

² viento_del_norte@bk.ru

Аннотация. Аргументация по аналогии — один из старейших методов принятия решений. В случаях, когда сходство между двумя ситуациями побуждает нас решить одно дело подобно другому, говорят об аналогии. Кроме того, аргументация по аналогии является неотъемлемой частью юридического рассуждения. Можно утверждать, что каждая правовая традиция использует некоторый вариант аналогии для обоснования судебных решений. В настоящее время судебные решения по аналогии — одна из наиболее сложных, важных, но вместе с тем и дискуссионных проблем юриспруденции. Возросший темп технологического прогресса детерминировал невозможность закона (будь то писанный закон или прецедент) предусмотреть все случаи, необходимо охватываемые правом. Из-за того, что закон существенно отстает от изменяющихся общественных отношений, вопрос решений по аналогии стоит сейчас как никогда остро.

Рассмотрены и проанализированы основные взгляды относительно решений по аналогии. Проведен комплексный сравнительно-правовой анализ современных тенденций развития решений по аналогии в ФРГ и в РФ. Можно однозначно сказать, что отечественное право, равно как и право Германии отходит от принципа разделения властей в угоду функциональности и реальности права. Трактовать это, как представляется, следует исключительно положительно, так как цель права, прежде всего, эффективно регулировать общественные отношения, что невозможно без его актуальности, которую и призваны обеспечить решения по аналогии.

Ключевые слова: аналогия права, аналогия закона, аргументация по аналогии, разделение властей, квалифицированное молчание

Для цитирования: Лабин М. Д., Саудаханов М. В. Решения судов по аналогии в контексте теории разделения властей // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 122–127. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-122-127>. EDN: RZZYSG.

Original article

Court decisions by analogy in the context of the theory of separation of powers

Mark D. Labin¹, Marat V. Saudakhanov²

^{1,2} Russian Technological University — MIREA, Moscow, Russia

¹ marklabin123@gmail.com

² viento_del_norte@bk.ru

Abstract. Reasoning by analogy is one of the oldest methods of decision-making. In cases where the similarity between two situations prompts us to solve one case like the other, they talk about an analogy. In addition, reasoning by analogy is an integral part of legal reasoning. It can be argued that every legal tradition uses some variant of analogy to justify judicial decisions. Currently, judicial decisions by analogy are one of the most difficult, important, but at the same time controversial problems of jurisprudence. The increased pace of technological progress has determined the impossibility of the law (whether it is a written law or a precedent) to provide for all cases that must be covered by law. Due to the fact that the law lags significantly behind changing public relations, the issue of solutions by analogy is now more acute than ever.

The main views on solutions by analogy are considered and analyzed. A comprehensive comparative legal analysis of current trends in the development of solutions by analogy in Germany and the Russian Federation has been carried out. It can be said unequivocally that domestic law, as well as German law, departs from the principle of separation of powers in favor of the functionality and reality of law. It seems that this should be interpreted exclusively positively, since the purpose of law, first of all, is to effectively regulate public relations, which is impossible without its relevance, which solutions by analogy are designed to provide.

Keywords: analogy of law, analogy of statute, reasoning by analogy, separation of powers, negative-answer question

For citation: Labin M. D., Saudakhanov M. V. Court decisions by analogy in the context of the theory of separation of powers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):122–127. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-122-127>. EDN: RZZYSG.

© Лабин М. Д., Саудаханов М. В., 2023

Проблема определения границ автономии судов, выраженная в дискуссии о возможности судов выносить решения, вводящие нормативную новизну, занимает одно из центральных мест в юридической науке со времени начала большой гражданско-правовой кодификации. Наиболее оспариваемым же является вопрос о применении судами решений по аналогии.

«Иски по аналогии» («*actio utilis*») были известны еще в Римской империи, где применялись преторами для создания нормы, способствующей решению конкретного казуса, если защищаемые правоотношения не были ранее урегулированы законом, однако регулирование их представлялось справедливым на основании урегулирования схожих правоотношений. Во времена развития теории разделения властей «цивилизованные государства» изменили свое отношение к решениям по аналогии. В Пруссии и Франции вводился строгий запрет на какое-либо толкование закона, его интерпретацию, а тем более создание судами норм. Эти полномочия принадлежали исключительно законодателю (о чем говорится в приказе прусского короля правительству 1780 г. и в первоначальной редакции ст. 5 французского Гражданского кодекса). Это неудивительно, «наиболее просвещенные страны» вплоть до становления и распространения немецкой классической философии были в равной степени преданы идеям Шарля Луи Де Монтескье, утверждавшему, что продуктивное существование государства попросту невозможно без надлежащего разделения власти.

Проанализировав теорию разделения властей, изложенную Монтескье в главном своем труде «О духе законов», несложно сделать вывод, что применение закона по аналогии не может переходить ту грань, которая отделяет прерогативы правоприменителя от прерогатив законодателя. Именно поэтому применение закона по аналогии, следуя теории Монтескье, возможно не всегда, но лишь в тех случаях, когда аналогия является формой толкования имеющегося закона (в наиболее ограничительном смысле категории «толкование»). Только лишь установив, что именно законодатель имел в виду при написании закона, но в силу тех или иных обстоятельств не обозначил в тексте, может быть применена интерпретация нормы, имеющая внешнюю форму применения закона по аналогии. Но даже в этом случае суд должен аргументировать невозможность применения ак-

туального законодательства. Кроме того, должны отсутствовать конституционные ограничения на применение аналогии. Только в таком случае, если следовать теории Монтескье, при учете «презумпции рационального мышления парламента» (т. е. при принятии закона парламент мыслил так, как должен был мыслить) применяется решение по аналогии.

Пример описанного выше решения по аналогии содержится в п. 12 постановления Пленума ВАС РФ от 28 февраля 2001 г. № 5 «О некоторых вопросах применения части первой Налогового кодекса Российской Федерации» в котором отмечено, что в Налоговом кодексе РФ не определен срок, в течение которого налоговый орган вправе обратиться в суд с иском о взыскании недоимки с налогоплательщика — юридического лица. В связи с чем, «основываясь на принципе всеобщности и равенства налогообложения», Высший Арбитражный Суд рекомендовал нижестоящим судам «исходить из универсальности воли законодателя, выраженной в п. 3 ст. 48 НК РФ в отношении давности взыскания в судебном порядке сумм недоимок по налогам, и руководствоваться соответствующим положением, установленным для взыскания недоимок с физических лиц, при рассмотрении исков о взыскании недоимок с юридических лиц» [2]. Как видно из приведенного примера, решение по аналогии в классическом его понимании не призвано создать новую норму, т.е. заполнить пробел в праве, тем самым заменив волю законодателя. В отечественном праве создание судами новой нормы признается недопустимым, поскольку это противоречило бы конституционному принципу разделения властей. В случае решения по аналогии, основанном на толковании, следует говорить исключительно о дефекте юридической техники или о «*casus omissus*» («непредвиденный случай», эта категория дел, выделяемая К. Лангенбухером, достаточным образом не регламентирована законодателем без наличия видимой причины или дефекта юридической техники).

С другой стороны, судам необходимо определить, не является ли причиной отсутствия нормы «квалифицированное молчание» («*the negative-answer question*» в терминологии К. Лангенбухера), а не дефект юридической техники или «*casus omissus*». В традиции романо-германского права отсутствие нормы — не всегда пробел в праве, во многих случаях законодатель сознательно не предусматривает отдельную норму, так как вопрос эффективно регулируется более общей нор-

мой, либо вопрос попросту исключен из сферы правового регулирования, как, например, в случае определения свободы слова в США (где свобода слова ограничивается исключительно возможностью немедленной реализации слов в противоправной деятельности) [1, с. 31–54]. Иными словами, следуя теории разделения властей, судья не может вторгаться в сферу законодательного регулирования и поэтому при толковании закона обязан установить, не было ли «предполагаемое право» сознательно исключено из закона. Но, продолжая вышеописанное рассуждение, возникает вполне резонный вопрос: разве суд полномочен определять настолько базовые составляющие закона?

Официально, однако, в отечественном праве закреплён именно такой подход, и даже Конституционный Суд не является здесь исключением. Не смотря на специфику полномочий Конституционного суда (речь здесь идет о нормативности решений КС РФ, что прямо предусмотрено в ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), номинально его деятельность по восполнению пробелов в праве (что наиболее часто выражено в решениях по аналогии) заключается лишь в толковании нормы и сопоставлении нормы с конституцией РФ. В ходе указанных действий осуществляется выявление истинного (должного) смысла правовой нормы, что, очевидно, не имеет цели создания новых норм и не должно иметь последствий в виде их создания (хотя и зачастую «подразумеваемая» воля законодателя оказывается шире «литеральной»). Тем не менее, суждение о том, что во всех случаях толкование лишь раскрывает заложенный в норме смысл и не создает новых нормативных предписаний, имеет мало общего с актуальной судебной практикой. Фактически многие решения Верховного и Конституционного судов содержат в себе нормативную новизну. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 октября 2006 г. № 471-О является отличным примером введения, де-факто, специальной нормы в обход воли законодателя. Согласно п. 3 ст. 27 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», ставшей предметом рассмотрения Конституционным Судом, лицам, проработавшим на соответствующих видах работ, дающих право на назначение пенсии досрочно, менее половины требуемого срока, а также принятым для выполнения этих работ после 1 января 2003 г., устанавливаются профессиональные пенсии, регулируемые соответствующим федеральным законом. Суд

установил, что, хотя само введение нового условия не противоречит Конституции и не умаляет конституционные права, отсутствие специального закона, по своей сути, является основанием отказа в досрочном предоставлении пенсии, что, очевидно, ограничивает конституционное право граждан на социальное обеспечение. Разумеется, законодатель не желал допустить такого пробела в праве, равно как и не желал исключать досрочное предоставление пенсии в указанных случаях из поля нормативного регулирования. Но даже в случае обнаружения столь явного пробела Конституционный Суд лишь «выявляет конституционно-правовой смысл нормы», согласно которому «соответствующие периоды работы должны засчитываться в стаж профессиональной деятельности независимо от того, в какой период — до или после 1 января 2003 г. — выполнялась работа с особыми условиями труда». Де-факто, Суд вводит нормативную новизну и заменяет необходимый к принятию специальный закон, де-юре, суд «выявил» конституционно-правовой смысл п. 3 ст. 27 ФЗ «О трудовых пенсиях».

Схожим с вышеупомянутым примером может служить пробел в § 904 Гражданского Уложения ФРГ. § 904 гласит: «собственник вещи не вправе запретить другому лицу воздействовать на эту вещь, если такое воздействие необходимо для предотвращения реальной опасности и предполагаемый вред существенно превысит вред, нанесенный собственнику вследствие воздействия на вещь» [6]. Таким образом, если на А. напала стая собак, то для обороны А. вправе использовать метлу, которая принадлежит дворнику Г. Ч. 2 § 904 говорит, что «собственник может потребовать возмещения причиненных ему убытков», однако в § 904 не устанавливается на ком лежит обязательство возместить ущерб. В описанном выше примере это очевидно, но что если бы А. защищал не себя, а третье лицо Б.? Этот пример не относится к категории квалифицированного молчания, законодатель здесь попросту не предвидел такого случая («casus omissus»). В этом примере судья обязан решать с кого взыскать убытки, вводя так или иначе нормативную новизну. Таких примеров можно найти достаточно большое количество. Однако рационально ли в таком случае говорить о теории разделения властей?

В противовес вышеописанному примеру, наличие в тексте закона прямого указания на квалифицированное молчание также не всегда гарантирует его

реальность. ГГУ позволяет претендовать на возмещение ущерба из деликта, если причинен вред «жизни, телесной неприкосновенности, здоровью, свободе, собственности или иному праву другого лица» (п. 1 § 823 ГГУ) [7]. Федеральный верховный суд Германии истолковал это положение широко и допустил возможность защиты неприкосновенности частной жизни в соответствии с п. 1 § 823 ГГУ [5], что в будущем привело к возможности толкования § 847 ГГУ по схожему пути. § 847 ГГУ позволяет компенсировать ущерб за причиненные боль и страдания посредством деликтных исков исключительно в случае «причинения телесных повреждений или вреда здоровью, а также в случае лишения свободы». О праве на неприкосновенность частной жизни здесь не сказано ни слова, более того в § 253 устанавливается, что возмещение причиненного неимущественного вреда может быть истребовано лишь в случае телесных повреждений. Не тяжело представить истца А., бизнесмена, который обнаруживает в непристойной рекламе свою фотографию на коне, которую сняли без его ведома (представить это не трудно, ведь именно такое дело предстояло решить Верховному Суду по гражданским искам ФРГ (BGHZ 26, 394)) [4]. Не потерпев морального вреда, А. подает иск на компенсацию. Дело явно не охватывается упомянутой нормой Уложения. Несмотря на то, что в данном иске предусмотрен ограниченный перечень случаев, при которых возможно требовать компенсации, а § 253 ГГУ подтверждает это квалифицированное молчание, оговаривая, что такая компенсация не может быть истребована за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Суд в своем решении не признает описанные выше нормы. В данном деле Суд установил, что последовательное толкование Основного закона и Гражданского Уложения требует приращения компенсации. Главным аргументом в этом решении стала эффективность защиты основных прав, основанная на ст. 1 и 2 Основного закона ФРГ. Таким образом, § 253 ГГУ был интерпретирован в обход явной воли законодателя. Не смотря на явно предписанное законом квалифицированное молчание (что, следуя теории разделения властей, исключает возможность применения аналогии) суд решил иначе и, очевидно, вынес справедливое решение. Описанное решение суда гораздо более полно отвечает интересам общества, чем ожидание соответствующего закона от парламента.

Однако и в Германии, и в России имеются случаи, когда вполне рационально установлен прямой запрет на применение аналогии. Нарушение принципа «nulla poena sine lege» — первый случай, противоречие с принципом верховенства права — второй. Так § 1 Уголовного уложения Германии и п. 2 ст. 3, ст. 10 Уголовного кодекса России, а также конституции названных стран, закрепляют принцип законности, в соответствии с которым в отношении лица может быть применено наказание лишь на основании действующего на момент совершения деликта законом, как следствие суд не может применять аналогию в уголовном праве. Причина такого запрета, как представляется, кроется в воле законодателя, направленной на защиту населения от неправомерного преследования государством. С другой стороны, такой запрет, хотя и исключает возможность «произвола» судами, снижает эффективность уголовного права. К примеру, Уголовное уложение Германии запрещает кражу, устанавливая в п. 1 § 242, что «тот, кто отнимает чужие вещи», будет наказан в соответствии с положениями, следующими далее. Но, будут ли обвиняемые, которые незаконно использовали не принадлежащую им электроэнергию, виновны в краже или в любом ином преступлении, предусматривающем завладение чужим имуществом? Ни один судья ФРГ не мог быть уверен в этом, ведь параграфы УУГ предусматривали хищение вещей, а признавать электричество вещью, не смотря на очевидное сходство с точки зрения права, суды не могли — это нарушало бы § 1 Уголовного уложения. Длительное время этот вопрос оставался нерешенным именно из-за запрета аналогии в уголовном праве. Позднее вопрос, касающийся кражи электроэнергии был урегулирован положениями § 248с, но «позднее» есть «позднее».

В российском же уголовном праве все еще нет устоявшейся судебной практики относительно кражи электроэнергии, суды в основном применяют ст. 165 УК РФ (Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием), однако п. 1 ст. 165 устанавливает метод причинения вреда — обман или злоупотребление доверием. Здесь же представляется очевидным, что большинство дел с хищением электроэнергии не подпадают под этот критерий. Ст. 7.19 КоАП РФ в свою очередь говорит только о самовольном подключении, что не охватывает схожие отношения, предусмотренные, например, УУ

ФРГ. Анализируя механизм принятия судами РФ решений по аналогии, несложно предположить, что не будь установлен запрет на применения уголовного закона по аналогии, суды бы квалифицировали хищение электроэнергии по соответствующей статье действующего уголовного законодательства.

Резюмируя все вышесказанное, следует отметить, что в настоящее время аналогия как метод решения судебных дел хотя и не является универсальным средством — может служить эффективным способом к заполнению многих пробелов в праве, что подтверждается правоприменительной практикой как в ФРГ, так и в РФ. Представляется, что было бы рациональным со стороны парламента в необходимых случаях законодательно ограничивать применение аналогии, но только ради повышения уровня законности и недопущения произвольного толкования права. В иных же случаях следует позволить судам, когда это необходимо, т. е. присутствует очевидный пробел в праве, требующий немедленного урегулирования, применять решения по аналогии, даже если такое решение будет вводить нормативную новизну. Это позволит повысить уровень актуальности законодательства и увеличит эффективность правоприменительной деятельности.

Однако данное предложение не будет актуально для отечественной правоприменительной практики, если не будет изменен подход к принятию решений по аналогии. В Германии судья решает свою задачу, если это необходимо, не только путем изучения законодательства с предполагаемым пробелом и законодательства смежного с ним, но и путем изучения подготовительных законопроектных материалов и целей, обусловивших принятие закона, иными словами — социально-политического и экономического контекста [3]. Формирование схожей с Германской традицией рассмотрения дел — необходимое условие введения в оборот «полноценных» решений по аналогии.

Список источников

1. Билль о правах / Борис Палант. М. : Мысль, 2019.
2. Вестник ВАС РФ. 2001. № 7.
3. Лангенбухер К. Аргументация по аналогии в европейском праве // Cambridge Law Journal. 1998. № 57 (3). С. 481–521.
4. Решения Верховного федерального суда ФРГ по гражданским искам (Entscheidungen des BGH in Zivilsachen 26, 394).

5. BGHZ 13, 334.

6. Larenz & Canaris, Methodenlehre (n. 6 above), p. 193 and Canaris, Die Feststellung von Lucken im Gesetz, 2nd ed. Berlin, 1983.

7. Гражданское уложение Германии (Deutsches Buergerliches Gesetzbuch mit Einfuehrungsgesetz): введ. закон к Гражд. уложению; / пер. с нем. В. Бергман. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Wolters Kluwer Russia, 2008.

References

1. Bill of Rights / Boris Palant. M. : Thought, 2019.
2. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2001. No. 7.
3. Langenbuffer K. Argumentation according to the law in European law // Cambridge Law Journal. 1998. No. 57 (3). P. 481–521.
4. The Return of the Supreme Court for Civil Claims (BGH Meeting in Siwilsachen, 26, 394).
5. BGHZ 13, 334.
6. Lorenz and Kanaris, Methodenlehre (paragraph 6 above), p. 193 and Canaris, Die Feststellung von Lucken im Gesetz, 2nd ed. Berlin, 1983.
7. German Civil Code (Deutsches Buergerliches Gesetzbuch mit Einfuehrungsgesetz): introduction. the law to the Civil Code; / translated from German by V. Bergman. 3rd ed., reprint. and additional M. : Wolters Kluwer Russia, 2008.

Библиографический список

1. Завадский А. В. К учению о толковании и применении гражданских законов. М. : ЮрИнфоР, 2008.
2. Зайферт А. Ю. Некоторые проблемы в сфере трудовых отношений: стабильность законодательства и аналогия права и закона // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 9 (60). С. 240–243.
3. Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 4–6.
4. Кауфман М. А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2009.
5. Ким Ю. В. Проблемы теории и практики разделения властей в современной России // Социогуманитарный вестник Кемеровского института (филиала) РГТЭУ. 2008. № 1 (2). С. 100–103.

6. Кузнецова Е. В. Способы устранения законодательных пробелов органами конституционной юстиции в Российской Федерации // Бизнес, менеджмент и право. 2014. № 2 (30). С. 164–168.

7. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Юридическая литература, 1974.

8. Микрюков В. А. Аналогия закона и аналогия права в позициях высших судов Российской Федерации // Современное право. 2019. № 11. С. 53–57.

9. О духе законов / Шарль Луи Монтескье; [сост., пер. и коммент. примеч. авт. А. В. Матешук]. М. : Мысль, 1999.

10. Тихонравов Е. Ю. История законодательного санкционирования и судебного применения юридической аналогии в зарубежном европейском уголовном праве: теоретический анализ и некоторые уроки на будущее // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 2 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-zakonodatelnogo-sanktsionirovaniya-i-sudebnogo-primeneniya-yuridicheskoy-analogii-v-zarubezhnom-evropeyskom-ugolovnom-prave>.

Bibliographic list

1. Zavadsky A. V. To the doctrine of the interpretation and application of civil laws. M. : Yurinform, 2008.

2. Seifert A. Yu. Some problems in the field of labor relations: stability of legislation and analogy of law and law // Alley of Science. 2021. Vol. 1. No. 9 (60). P. 240–243.

3. Zorkin V. D. The precedent nature of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2004. No. 12. P. 4–6.

4. Kaufman M. A. Gaps in criminal law and ways to overcome them: diss. ... doct. Jurid. M., 2009.

5. Kim Yu. V. Problems of theory and practice of separation of powers in modern Russia // Socio-humanitarian bulletin of the Kemerovo Institute (branch) of RGTEU. 2008. No. 1 (2). P. 100–103.

6. Kuznetsova E. V. Ways to eliminate legislative gaps by the bodies of constitutional justice in the Russian Federation // Business, management and law. 2014. No. 2 (30). P. 164–168.

7. Lazarev V. V. Gaps in law and ways to eliminate them. M. : Legal literature, 1974.

8. Mikryukov V. A. Analogy of law and analogy of law in the positions of the supreme courts of the Russian Federation // Modern law. 2019. No. 11. P. 53–57.

9. On the spirit of laws / Charles Louis Montesquieu; [comp., trans. and comment. author A. V. Matshuk]. M. : Mysl, 1999.

10. Tikhonravov E. Y. The history of legislative authorization and judicial application of legal analogy in foreign European criminal law: theoretical analysis and some lessons for the future // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2011. № 2 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-zakonodatelnogo-sanktsionirovaniya-i-sudebnogo-primeneniya-yuridicheskoy-analogii-v-zarubezhnom-evropeyskom-ugolovnom-prave>.

Информация об авторах

М. Д. Лабин — студент 3-го курса Института технологий управления Российского технологического университета — МИРЭА;

М. В. Саудаханов — доцент кафедры государственного и административного права Российского технологического университета — МИРЭА, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

M. D. Labin — 3rd year Student of the Institute of Management Technologies of the Russian Technological University — MIREA;

M. V. Saudakhanov — Associate Professor of the Department of State and Administrative Law of the Russian Technological University — MIREA, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 20.10.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 05.12.2023.

Научная статья

УДК 341.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-128-132>

EDN: <https://elibrary.ru/pvymtm>

NION: 2003-0059-7/23-908

MOSURED: 77/27-003-2023-07-107

Определение понятия «беженец» в Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 г. и в Картахенской декларации о беженцах 1984 г.: особенности интерпретации и применения

Галина Михайловна Лановая

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, lanovaya-galina@mail.ru

Аннотация. Обосновывается, что за время, прошедшее после принятия Женевской конвенции 1951 г., существенно изменились обстоятельства, в связи с которыми люди подвергаются преследованиям, создающим угрозу их свободе, жизни или безопасности, либо в силу которых люди оказываются в других ситуациях, вынуждающих их покидать государства, гражданами которых они являются или где они постоянно проживают в статусе лиц без гражданства. В этой связи определение понятия «беженец», содержащееся в названной конвенции, оказывается не способным выступать опорной точкой создания всеобъемлющей защитной концепции, в действительности способной обеспечить права и свободы указанных лиц. Сравнивая определение понятия «беженец», закрепленное ст. 1 Женевской конвенции, с определением, содержащимся в п. 3 разд. III Картахенской декларации о беженцах 1984 г., автор проводит мысль о необходимости принятия нового международного документа, фиксирующего процесс фактического расширения объема понятия «беженец» в международном праве, и закрепляющего новую дефиницию названного понятия. В качестве ориентира для такой дефиниции могло бы стать определение, зафиксированное в Картахенской декларации о беженцах 1984 г.

Ключевые слова: международное публичное право, беженец, правовой статус беженца, вынужденная миграция, международное право беженцев

Для цитирования: Лановая Г. М. Определение понятия «беженец» в Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 г. и в Картахенской декларации о беженцах 1984 г.: особенности интерпретации и применения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 128–132. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-128-132>. EDN: PVYMTM.

Original article

Definition of the term «refugee» in the 1951 Refugee Convention and in the Cartagena Declaration on refugees of 1984: peculiarities of interpretation and application

Galina M. Lanovaya

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, lanovaya-galina@mail.ru

Abstract. It is argued that, since the adoption of the 1951 Geneva Convention, the circumstances in which people are subjected to persecution that threatens their freedom, life or security, or in which people find themselves in other situations that force them to leave States of which they are nationals or where they are habitually resident in a stateless status, have changed significantly. In this regard, the definition of the concept of «refugee» contained in the said convention is not able to act as a reference point for the creation of a comprehensive protective concept that can actually ensure the rights and freedoms of these persons. Comparing the definition of the concept of «refugee», enshrined in art. 1 of the 1951 Refugee Convention, with the definition contained in paragraph 3 of section III of the Cartagena Declaration on Refugees of 1984, the author suggests the need to adopt a new international document fixing the process of actually expanding the scope of the concept of «refugee» in international law, and fixing a new definition of this concept. The definition recorded in the Cartagena Declaration on Refugees of 1984 could serve as a reference point for such a definition.

Keywords: public international law, refugee, legal status of refugee, forced migration, international refugee law

For citation: Lanovaya G. M. Definition of the term «refugee» in the 1951 Refugee Convention and in the Cartagena Declaration on refugees of 1984: peculiarities of interpretation and application. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):128–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-128-132>. EDN: PVYMTM.

© Лановая Г. М., 2023

В отечественной науке международного права довольно хорошо разработаны вопросы, касающиеся регулирования международно-правового статуса беженцев и их защиты. Однако, помимо международной, существуют региональные системы защиты прав беженцев, принципы и нормы которых, к сожалению, далеко не всегда изучаются полно и всесторонне. Одной из таких систем является латиноамериканская система.

Несмотря на то, что базовые для нее документы принимались с учетом специфики политической, экономической и социальной ситуации в отдельно взятом регионе, они зачастую предлагают решения, которые по своему характеру являются универсальными и могли бы быть использованы для улучшения защиты прав беженцев в мире в целом. Сказанное касается среди прочего и принципиально значимой для определения статуса беженцев и формирования системы мер их правовой защиты дефиниции, относящейся к самому понятию «беженец». В этой связи представляется актуальным и значимым в практическом плане осуществить сравнительный анализ тех определений понятия «беженец», которые находят свое закрепление, с одной стороны, в Конвенции о статусе беженцев 1951 г., с другой стороны, в Картахенской декларации о беженцах 1984 г. Первое является базовым, основополагающим для международно-правовой системы защиты прав беженцев, второе — для беженского права Латинской Америки.

Статья 1 Женевской конвенции ООН о статусе беженца, принятой в 1951 г. [1], содержит базовое для современной международной системы защиты беженцев определение. Анализ последнего свидетельствует о том, что в формально-юридическом смысле беженцем является лицо, которое: во-первых, находится вне государства, к гражданству которого принадлежит или, имея статус лица без гражданства, за пределами государства, которое ранее было для него страной обычного проживания; во-вторых, не может или не хочет пользоваться защитой этого государства из-за обоснованных опасений преследования по одному из пяти признаков (расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений); в-третьих, не может или не хочет вследствие указанных опасений вернуться в указанное государство.

Изначально Женевская конвенция распространяла свое действие лишь на события, произошедшие до 1 января 1951 г., но впоследствии это ограничение было снято Нью-Йоркским протоколом 1967 г. [3]. Как следствие, содержащееся в ст. 1 названной конвенции определение приобрело значение базовой установки для международного беженского права и остается таковой сегодня.

Таким образом, формально понятие «беженец» оказывается применимым далеко не ко всем людям, ставшим вынужденными мигрантами и нуждающимся в этой связи в защите, которую они объективно не могут получить от государства, гражданами которого являются, либо государства, в котором ранее постоянно проживали, находясь в статусе лиц без гражданства.

В Картахенской декларации о беженцах 1984 г. закреплено более широкое определение интересующего нас понятия. Оно позволяет рассматривать в качестве беженцев лиц, которые не могут пользоваться защитой того государства, к гражданству которого они принадлежат или в котором, будучи лицом без гражданства, ранее постоянно проживали, по причинам, ставящим под угрозу их свободу, жизнь и безопасность, но выходящим за перечень угроз, определенных Женевской конвенцией. В п. 3 разд. III Картахенской декларации указывается на необходимость решения вопроса о расширении понятия беженца и рекомендуется использовать в регионе определение, которое не только охватывает «элементы Конвенции 1951 г. и Протокола 1967 г.», но и рассматривает в качестве беженцев людей, которые бежали из своей страны потому, что их жизни, безопасности или свободе угрожали широко распространенное насилие, иностранная агрессия, внутренние конфликты, массовые нарушения прав человека или другие обстоятельства, приведшие к серьезному нарушению общественного порядка [2].

Очевидно, что приведенное расширенное определение подразумевает более широкий охват рисков, которым в современных условиях подвергаются лица, вынужденно покидающие государство, гражданами которого являются, либо государство, в котором они ранее постоянно проживали, находясь в статусе лиц без гражданства. Вполне объяснимо, почему именно в этом чаще всего усматривают главное достоинство данного определения. Однако, более значимым моментом представляется

не сам факт расширения перечня рисков, наличие которых позволяет подвергающемуся им лицу получить правовой статус беженца, а уточнение того, каков характер этих рисков.

Во-первых, рассматриваемое определение исходит из того, что источником угроз, побуждающих человека оставить страну, в которой он постоянно проживает (будучи ее гражданином или пребывая в статусе лиц без гражданства), выступает не только опасение преследования по признакам, связанным с неотъемлемо принадлежащим человеку личностным свойствам, но и крупномасштабные события, приводящие к массовым нарушениям общепризнанных прав и свобод человека. Таким образом, при решении вопроса о том, действительно ли лицо нуждается в защите в качестве беженца, акцент переносится с выяснения субъективно значимых моментов на анализ ситуации, объективно сложившейся в стране его происхождения или обычного проживания.

Указанное представляется чрезвычайно значимым не только в связи с тем, что в современных условиях чаще всего именно такие события становятся причиной появления большого числа лиц, нуждающихся в международно-правовой защите в качестве беженцев. Важно понимать, что именно этим лицам, в отличие от эмигрирующих из-за обоснованных опасений преследования по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, довольно сложно интегрироваться в новый для них социум, и в этой ситуации защита их прав и свобод становится необходимым условием предотвращения маргинализации, которая сама по себе для принимающих их обществ может оказаться проблемой большей, чем реализация международных обязательств по защите прав беженцев.

Во-вторых, названное определение формулируется с учетом базовых принципов международного гуманитарного права и международного права прав человека. При его закреплении учитывалось, что причинами вынужденных перемещений для многих людей становятся риски, связанные с вооруженными конфликтами, когда, тем не менее, однозначной прямой угрозы преследования по одному из признаков, сформулированных в определении понятия «беженец» в Женевской конвенции, не существует.

Таким образом, Картахенская декларация учитывает важность конвергенции норм различных отраслей международного права, которая в современных условиях приобретает значение необходимого условия защиты человеческой личности, ее общепризнанных прав и свобод.

Кроме того, в-третьих, в Картахенской декларации говорится о том, что беженцем является лицо, в отношении которого в стране прежнего проживания в действительности существовали угрозы его жизни, безопасности или свободы, в то время как в Женевской декларации идет речь о «вполне обоснованных опасениях», вследствие чего само содержание понятия «беженец» размывается. Как следствие, возможность получения статуса беженца оказывается в значительной мере зависящей от интерпретации понятия «беженец» в национальном законодательстве принимающего государства, а в итоге — от его готовности к принятию лиц, покинувших страну своего постоянного проживания по политическим или идеологическим причинам, либо стремления в условиях роста потока беженцев избежать появления юридических обязательств по отношению к таким лицам.

Следует отметить, что и излишняя узость того определения понятия «беженец», которое дается в Женевской конвенции, и некоторая расплывчатость критериев, исходя из которых решается вопрос о том, может ли конкретное лицо быть признано беженцем, в определенной мере компенсируется тем, что защита лиц, положение которых не позволяет формально признать их беженцами, но вызывает озабоченность международного сообщества, попадают под защиту Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Впервые оно было уполномочено оказывать помощь лицам, относящимся к указанной категории, резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1167(XII) от 26 ноября 1957 г., а позднее его полномочия, связанные с оказанием помощи и защиты указанным лицам, неоднократно подтверждались и даже расширялись другими резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН и директивами Исполнительного комитета [4, с. 235].

Однако помощь, которой пользуются лица, находящиеся под защитой Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (в отношении них используется термин «мандатные беженцы» [5, с. 41]),

не в состоянии заменить собой ту международную защиту, которая гарантируется так называемым «конвенциональным» беженцам — лицам, признанным беженцами в соответствии с положениями Женевской конвенции 1951 г. и Протоколом 1967 г. (особенно с учетом того, что резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и другие документы, составляющие нормативную основу деятельности, связанной с оказанием помощи и защитой «мандатных беженцев», носят рекомендательный характер).

Сохранение в неизменном виде определения понятия «беженец», закрепленного в Женевской конвенции, создает условия для дискриминации лиц, вынужденно покинувших страну, где они ранее постоянно проживали, в условиях действия таких факторов, создающих угрозу их жизни, свободе или безопасности, которые не упоминаются в названном определении. Такое положение прямо противоречит принципу недискриминации, выступающему одним из основополагающих принципов международного права.

Отдельно следует сказать о том, что различие в нормативных основаниях приобретения юридического статуса «мандатными» и «конвенциональными» беженцами расширяет возможности для ограничения притока лиц, ходатайствующих о предоставлении убежища, наиболее благополучным и в силу этого привлекательным для беженцев странам (например, таким как США, Швейцария, Австралия, Великобритания). В этой связи следование нормам, опирающимся на определение в Женевской конвенции, создает опасность снижения уровня международных стандартов защиты беженцев, а вслед за тем — регресс их региональных стандартов. В частности, преобладающие в современном европейском законодательстве нормативные модели, представляющиеся ученым регрессивными в сравнении со стандартами, установленными Картахенской декларацией, уже оказали определенное негативное влияние на принятые в Латинской Америке стандарты защиты беженцев, снижая их уровень [7, с. 24].

Очевидно, что ни использование неточностей в дефиниции, содержащейся в Женевской конвенции, в обосновании уловок, позволяющих отдельным государствам уклоняться от исполнения обязательств в отношении лиц, нуждающихся в защите в качестве беженцев, ни регресс международного права беженцев не согласуются с основополагающими принци-

пами международного права и идеей о необходимости его постоянного прогрессивного развития в качестве системы, назначением которой является всесторонняя защита человеческой личности, общепризнанных прав и свобод человека.

Итак, за время, прошедшее после принятия Женевской конвенции 1951 г., существенно изменились обстоятельства, в связи с которыми люди подвергаются преследованиям, создающим угрозу их жизни, свободе или безопасности, либо в силу которых люди оказываются в других ситуациях, вынуждающих их покидать государство, гражданами которого они являются, либо государство, в котором они ранее постоянно проживали в статусе лиц без гражданства. В этой связи определение понятия «беженец», содержащееся в названной конвенции, оказывается не способным выступать опорной точкой создания всеобъемлющей защитной концепции, в действительности способной обеспечить права и свободы указанных лиц.

В то же время сохраняется очевидность потребности в усилении международной защиты беженцев в различных регионах мира, необходимости не только решать уже существующие проблемы, но и предупреждать риски, которые могут возникнуть в будущем.

В ситуации, когда защитная концепция, базирующаяся на закрепленном в Женевской конвенции 1951 г. определении понятия «беженец» перестает быть эффективной в обеспечении общепризнанных прав и свобод, принадлежащих наравне со всеми другими людьми лицам, которые вынужденно покинули государство своей гражданской принадлежностью или постоянного места жительства по причинам, не связанным с преследованием по мотивам, прямо перечисленным в указанном определении, назревает необходимость принятия нового международного документа, фиксирующего процесс фактического расширения объема понятия «беженец» в международном праве, и закрепляющего новую дефиницию. В качестве ориентира для такой дефиниции вполне могло бы стать определение, зафиксированное в Картахенской декларации о беженцах 1984 г.

Список источников

1. Конвенция ООН о статусе беженцев (заключена в г. Женеве 28 июля 1951 г.) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9. С. 6–28.

2. Declaraciyn de Cartagena sobre los refugiado (adoptada por el Coloquio sobre la Protecciyn Internacional de los Refugiados en América Central, México y Panamá, Cartagena de Indias, Colombia, 22 de noviembre de 1984) // URL://<https://www.unhcr.org/about-us/background/45dc19084/cartagena-declaration-refugees-adopted-colloquium-international-protection.html>.

3. Протокол, касающийся статуса беженцев (подписан в г. Нью-Йорке 31 января 1967 г.) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9. С. 28–31.

4. Волох В. А. Международные пакты о правах беженцев: эволюция дефиниции «беженец» и формирование основных международных подходов // Международные пакты о правах человека: ценностные характеристики: мат. междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. А. Сошникова, Н. В. Колотова. М. : Московский гуманитарный университет, 2016. С. 233–240.

5. Зинченко Н. Н. Международное миграционное право: основы теории и практики. М. : Научная книга, 2011.

6. Иванов Д. В. Международное сотрудничество государств в области защиты прав вынужденных мигрантов // Евразийский юридический журнал. 2011. № 7 (38). С. 40–44.

7. El Asilo y la protecciyn internacional de los refugiados en América Latina. San José: EDITORAMA, 2004.

References

1. Convention Relating to the Status of Refugees (concluded in Geneva on 28.07.1951) // Bulletin of International Treaties. 1993. № 9. P. 6–28.

2. Declaraciyn de Cartagena sobre los refugiado (adoptada por el Coloquio sobre la Protecciyn Internacional de los Refugiados en América Central, México y Panamá, Cartagena de Indias, Colombia, 22 de noviembre de 1984) // URL://<https://www.unhcr.org/about-us/background/45dc19084/cartagena-declaration-refugees-adopted-colloquium-international-protection.html>.

3. Protocol relating to the Status of Refugees (signed in New York City on January 31, 1967) // Bulletin of International Treaties. 1993. № 9. P. 28–31.

4. Volokh V. A. International Covenants on the rights of refugees: the evolution of the definition of «refugee» and the formation of basic international approaches // International Covenants on Human Rights: value characteristics: materials of the international scientific and practical conference / ed. T. A. Soshnikova, N. V. Kolotova. M. : Moscow Humanitarian University, 2016. P. 233–240.

5. Zinchenko N. N. International migration law: fundamentals of theory and practice. M. : Scientific Book, 2011.

6. Ivanov D. V. International cooperation of states in the field of protection of the rights of forced migrants // Eurasian Legal Journal. 2011. № 7(38). P. 40–44.

7. El Asilo y la protecciyn internacional de los refugiados en América Latina. San José: EDITORAMA, 2004.

Информация об авторе

Г. М. Лановая — профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

G. M. Lanovaya — Professor of the Department of theory of state and law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 14.12.2023.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-133-136>

EDN: <https://elibrary.ru/pbspdn>

ИПОН: 2003-0059-7/23-909

MOSURED: 77/27-003-2023-07-108

О компетенции судебного эксперта в современных условиях научно-технического прогресса

Надежда Павловна Майлис

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, jlmaylis@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы формирования компетентности судебного эксперта. Отмечено, что к основным двум группам критериев компетентности эксперта (объективной и субъективной) необходимо добавить степень владения экспертом системой специальных знаний в области современных инновационных технологий в конкретном виде судебной экспертизы. Рассмотрены экспертные ошибки, возникающие при использовании современных инновационных технологий, а также ошибки, при производстве судебных экспертиз, связанные с низкой компетентностью следователя. Предложено расширить перечень изучаемых дисциплин не только в аспекте информационного обеспечения и технологий, но и разработки профессиональных образовательных программ по новым технологиям.

Ключевые слова: судебная экспертиза, эксперт, инновационные технологии, компетентность, следователь

Для цитирования: Майлис Н. П. О компетенции судебного эксперта в современных условиях научно-технического прогресса // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 133–136. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-133-136>. EDN: PBSPDN.

Original article

On the competence of a forensic expert in modern conditions of scientific and technological progress

Nadezhda P. Maylis

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, jlmaylis@yandex.ru

Abstract. The problems of forming the competence of a forensic expert are considered. It is noted that to the main two groups of criteria for the competence of an expert (objective and subjective), it is necessary to add the degree of proficiency of the expert in the system of special knowledge in the field of modern innovative technologies in a specific type of forensic examination. Expert errors arising from the use of modern innovative technologies, as well as errors in the production of forensic examinations associated with the low competence of the investigator, are considered. It is proposed to expand the list of disciplines studied not only in the aspect of information support and technologies, but also the development of professional educational programs on new technologies.

Keywords: forensic examination, expert, innovative technologies, digitalization, competence, investigator

For citation: Maylis N. P. On the competence of a forensic expert in modern conditions of scientific and technological progress. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):133–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-133-136>. EDN: PBSPDN.

Введение. Компетенция судебного эксперта является важной составляющей в судебно-экспертной деятельности и особую значимость она приобретает в современных условиях, когда используются инновационные технологии.

Постановка проблемы. Судебно-экспертная деятельность — это достаточно сложная структура, осуществляемая в процессе судопроизводства судебными экспертами. Она объединяет и взаимообуславливает многие виды человеческой деятельности: познава-

тельную, мыслительную, психологическую, которые направлены на решение главной задачи — оказание содействия правоохранительным органам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. В каждом из многих направлений судебно-экспертной деятельности обязательно учитывается компетенция и компетентность судебного эксперта, проявляющаяся в разных аспектах.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Необходимость дальнейшего изучения ком-

© Майлис Н. П., 2023

петенции и компетентности судебного эксперта в современных условиях использования инновационных и цифровых технологий, обуславливает расширение знаний и владений ими, предотвращения ошибок при производстве судебных экспертиз, которые подробно в специальной литературе не рассматривались.

Формулирование целей статьи. Акцентировать внимание на основных видах формирования компетентности судебного эксперта в современных условиях использования инновационных технологий и цифровизации.

Изложение основного материала. В энциклопедии судебной экспертизы под компетенцией эксперта понимается:

1) круг полномочий, предоставленных законом, уставом или иным актом конкретному органу или должностному лицу. Права и обязанности эксперта определены процессуальным законом. Вопросы, разрешаемые экспертом в соответствии с его компетенцией, не могут касаться юридической стороны уголовного или гражданского дела, относящейся к компетенции следователя или суда;

2) знания, опыт в той или области [1].

Весьма актуальным является рассмотрение компетенции эксперта в настоящее время при использовании современных технологий.

Компетентность судебного эксперта оценивается, как известно, при изучении заключения эксперта, при этом выясняется: соблюден ли установленный процессуальным законом порядок назначения и проведения экспертизы, правильно ли оформлено заключение и не подлежит ли эксперт отводу. В этой связи оценивается его компетентность и отношение к уголовному делу. Компетентность эксперта оценивается по данным, указанным во вводной части заключения, где отмечается стаж экспертной работы, образование и специализация. Определяя отношение эксперта к уголовному делу, устанавливается его заинтересованность в исходе дела, (например, родственные отношения с кем-либо из лиц, проходящих по делу; или осуществляющих расследование, судебное разбирательство). Если такие обстоятельства выясняются, то эксперт в соответствии со ст. 70 УПК РФ подлежит отводу, а заключение лишается доказательственного значения.

Оценивая заключение, следует обращать внимание и на то, не вышел ли эксперт за пределы своей компетенции, логичны ли его суждения, нет ли про-

тиворечий, насколько четки и корректны выводы, не допускают ли они различные толкования. Насколько наглядны и убедительны иллюстрации к заключению [2].

Среди ученых принято выделять объективную и субъективную компетентность.

Под объективной компетентностью следует понимать: объем знаний, которыми должен владеть эксперт.

Субъективная компетентность — степень владения конкретным экспертом этими знаниями. Она определяется образованием, специальной подготовкой, опытом в решении аналогичных задач, индивидуальной способностью к эвристическому мышлению.

Следует отметить и профессиональную некомпетентность эксперта, которая может выразиться в незнании современных методик, в неправильной оценке идентификационной значимости выявленных при изучении объекта признаков и др.

Кроме того, могут быть профессиональные упущения, проявляющиеся в поверхностных исследованиях, неполном выявлении признаков объекта, пренебрежение правилами пользования техническими средствами и др.

Для субъекта доказывания, безусловно, имеет значение, какие именно методы использовал эксперт, но важно, что он следовал методике и не выходил за пределы своей компетенции.

Выход эксперта за пределы своей компетенции может привести к экспертным ошибкам, недостаточной обоснованности и аргументированности выводов. Приведем несколько примеров, в случае отсутствия профессиональной компетенции, которые привели к экспертным ошибкам.

В большей мере такие ошибки относятся к деятельностным (операционным) ошибкам, среди которых имеет место, например, поверхностное исследование объектов (следов), выход эксперта за пределы своей компетенции, низкий профессионализм, недобросовестное отношение к своим обязанностям.

Особое место занимают ошибки технического характера или технические. Природа таких ошибок обусловлена использованием новых технологий, методов, приемов и технических средств. Такие ошибки сложно предупредить, так как они непосредственно не связаны с неправильным подходом в деятельности эксперта при производстве экспертизы. Эксперт не всегда может предотвратить их в силу самых различных причин.

В частности, в ряде случаев они могут быть связаны и с компетенцией следователя или судьи при назначении той или иной экспертизы. Следователь не всегда знает какую экспертизу надо назначить, особенно это актуально в настоящее время, когда при производстве экспертизы используются инновационные технологии. Насколько следователь информирован об их применении при производстве той или иной экспертизы, о возможностях, а в ряде случаев необходимости назначения комплексной экспертизы. Так, например, при изучении цифровых следов, невидимых, обнаружение, изъятие и фиксация их трасологическими методами невозможна, поэтому без помощи специалистов из компьютерно-технической экспертизы сложно правильно решить поставленные задачи. Следователь назначает только компьютерно-техническую экспертизу, а сможет ли специалист такой экспертизы правильно оценить извлеченную информацию с криминалистической точки зрения, значимую для раскрытия и расследования преступления. При исследовании таких следов целесообразно назначать комплексную трасологическую и компьютерно-техническую экспертизу.

Рассматривая вопросы о компетенции следователя, перечисленные в ст. 38 УПК РФ «Следователь», отметим некоторые из них: он может возбуждать уголовное дело в порядке, установленном настоящим Кодексом; самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий. К числу последних относится и назначение той или иной судебной экспертизы, исследование которой имеет доказательственное значение. В соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ следователь осуществляет собирание доказательств путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

К сожалению, следователь не всегда соблюдает правила при сборе информации, сохранении вещественных доказательств, получении сравнительных образцов, что впоследствии может привести к экспертной ошибке.

Причины экспертных ошибок могут быть объективными и субъективными.

К экспертным ошибкам объективной природы относят:

- ♦ отсутствие разработанной и апробированной методики;

- ♦ несовершенство используемой экспертной методики;

- ♦ применение ошибочно рекомендованных методов;

- ♦ применение методов, находящихся в стадии экспериментальной разработки;

- ♦ применение неисправного оборудования;

- ♦ использование методов и приборов, не обладающих достаточной чувствительностью или разрешающей способностью;

- ♦ использование для измерений физических величин приборов, не относящихся к сертифицированным средствам измерений;

- ♦ применение неуповенных средств измерений и эталонов;

- ♦ использование неаттестованных методик измерений физических величин;

- ♦ использование неадекватных математических моделей и компьютерных программ;

- ♦ применение нелегитимных компьютерных программ;

- ♦ отсутствие полных данных, характеризующих идентификационную и диагностическую значимость признаков, устойчивость их отображений в следах и др. [3, 4].

К субъективным причинам экспертных ошибок, связанных с использованием современных технологий, относится, прежде всего, профессиональная некомпетентность эксперта:

- ♦ незнание современных экспертных методик;

- ♦ неумение применять современные экспертные технологии, оптимальные для данной экспертной ситуации, отсутствие навыков работы с аппаратурой, техническими средствами, компьютерными средствами и системами;

- ♦ неполнота исследования, его односторонность, которая может выражаться в использовании не всех известных эксперту методов исследования, а также в пренебрежении правилами и условиями применения методик экспертного исследования и технических средств;

- ♦ применение неисправного оборудования и не прошедшего метрологическую поверку;

- ♦ применение микроскопов с функцией 3D-моделирования и 3D-сканеров, не отвечающих техническим и метрологическим требованиям;

- ♦ применение нелегитимного программного обеспечения;

♦ использование для измерений программных комплексов, не относящихся к сертифицированным средствам измерений;

♦ отсутствие достаточной компетентности эксперта для использования информационных технологий в рамках производства судебных экспертиз и исследований;

♦ вопросы по производству экспертизы, возникающие в случае предоставления материалов исследования в электронном виде (базы данных, дампы памяти, графические файлы);

♦ возможность фальсификации цифровых материалов, представленных на экспертизу;

♦ отсутствие навыка работы с технологиями 3D-сканирования и 3D-моделирования.

Указанные ошибки и их причины, тесно связаны с компетенцией и компетентностью судебного эксперта и пренебрегать ими в экспертной профессиональной деятельности нельзя.

Рассмотренные вопросы касались государственных экспертных учреждений, в которых компетенция эксперта удостоверяется экспертно-квалификационной комиссией. Особые сложности имеют место в негосударственных экспертных учреждениях или при привлечении правоохранительными органами для производства экспертизы частных экспертов. Эксперты этой категории не проходят повышение квалификации каждые пять лет как в государственных экспертных учреждениях, об их компетенции можно судить только исходя из сведений в заключение экспертизы, в котором (в соответствии с п.4 ст. 204 УПК РФ) должно быть указано образование, стаж экспертной работы, специальность, ученая степень, занимаемая должность. Насколько эти сведения дос-

товерны и проверяются ли они следователем или судом трудно ответить.

Результаты и выводы. В целях повышения компетенции судебного эксперта в современных условиях использования инновационных технологий и цифровизации, следует расширить перечень изучаемых дисциплин не только в аспекте информационного обеспечения и технологий, но и разработки профессиональных образовательных программ по новым технологиям. Такой подход будет способствовать формированию полноценных компетенций судебного эксперта.

Список источников

1. Энциклопедия судебной экспертизы. М. : Изд. «Юрист», 1999.
2. Майлис Н. П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. 2-е изд. М., 2019.
3. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. М., 2010.
4. Россинская Е. Р., Зинин А. М. Экспертиза в судопроизводстве: учебник / под ред. Е. Р. Россинской. М. : Проспект, 2022.

References

1. Encyclopedia of forensic examination. M. : Publishing house «Lawyer», 1999.
2. Mailis N. P. Theory and practice of forensic examination in proving. 2nd ed. M., 2019.
3. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I. The judge's handbook. Forensic examination. M., 2010.
4. Rossinskaya E. R., Zinin A.M. Expertise in legal proceedings: textbook / edited by E. R. Rossinskaya. M. : Prospect, 2022.

Информация об авторе

Н. П. Майлис — профессор кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

N. P. Maylis — Professor of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 340.15

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-137-143>

EDN: <https://elibrary.ru/oitmdy>

ИПОН: 2003-0059-7/23-910

MOSURED: 77/27-003-2023-07-109

«У меня столько полицмейстеров, сколько помещиков в государстве»: от полицейских функций местного дворянства к созданию земской полиции в условиях крепостнической России

Татьяна Львовна Матиенко¹, Александр Яковлевич Малыгин²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ pet4332@yandex.ru

² al.malygin2018@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается сложный и противоречивый процесс формирования полицейского контроля и надзора в среде сельского населения в России в XVIII в. — первой половине XIX в. Подчеркивается, что в условиях крепостного права и слабого развития системы органов полиции в XVIII в. «вотчинная юстиция» выступала компенсаторным механизмом полицейского контроля за сельским населением. Сформулированы выводы о том, что полицейские функции местного дворянства были производны от их частновладельческих прав на землю и результатов государственной политики прикрепления крестьян к земле; учреждение и развитие земской полиции явилось компромиссом в противоречии между интересами государства, стремившегося усилить местные органы управления и установить полицейский контроль над обществом в целом, и дворянства с его притязаниями на права-привилегии собственности на землю и крестьян.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, земская полиция, крепостное право, нижний земский суд, полицейское государство, Российская империя

Для цитирования: Матиенко Т. Л., Малыгин А. Я. «У меня столько полицмейстеров, сколько помещиков в государстве»: от полицейских функций местного дворянства к созданию земской полиции в условиях крепостнической России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 137–143. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-137-143>. EDN: OITMDY.

Original article

«I have as many police officers as there are landlords in the state»: from the police functions of the local nobility to the creation of the zemstvo police in the conditions of serfdom Russia

Tatyana L. Matienko¹, Alexander Ya. Malygin²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ pet4332@yandex.ru

² al.malygin2018@yandex.ru

Abstract. The complex and contradictory process of formation of police control and supervision among the rural population in Russia in the XVIII — first half of the XIX centuries is considered. It is emphasized that in the conditions of serfdom and the weak development of the police system in the XVIII century. The «patrimonial justice» acted as a compensatory mechanism for police control over the rural population. The conclusions are formulated that the police functions of the local nobility were derived from their private land ownership rights and the results of the state policy of attaching peasants to the land; The establishment and development of the zemstvo police was a compromise in the contradiction between the interests of the state, which sought to strengthen local government and establish police control over society as a whole, and the nobility with its claims to the rights and privileges of ownership of land and peasants.

Keywords: law enforcement, zemstvo police, serfdom, Nizhny Zemsky court, police state, Russian Empire

For citation: Matienko T. L., Malygin A. Ya. «I have as many police officers as there are landlords in the state»: from the police functions of the local nobility to the creation of the zemstvo police in the conditions of serfdom Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):137–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-137-143>. EDN: OITMDY.

В становлении правоохранительной деятельности занимает особое место. Реформы в сфере государственного управления, организации суда, административно-территориального устройства, армии, финан-

© Матиенко Т. Л., Малыгин А. Я., 2023

сов и церкви, сопровождавшиеся изданием огромного количества нормативных правовых актов, наконец, систематизация права, состоявшаяся в Своде Законов Российской империи 1832 г. и кодификации уголовного права 1842 г., способствовали совершенствованию правовых и организационных форм охранительной функции государства и деятельности его органов. Подчиняясь общей закономерности эволюции форм правоохранительной деятельности (их обусловленности социальными и политическими изменениями социума), развитие правоохранительной деятельности в России проходило в условиях усиления крепостного права, окончательного оформления «регулярного» общества и «полицейского» государства.

Процессы централизации государственного управления, происходившие в XVIII–XIX вв., сопровождались постоянным совершенствованием структуры и деятельности регулярной полиции. Это приводило к тому, что полицейский надзор все глубже проникал в жизнь общества и территорий страны. Между тем, на протяжении почти всего этого периода в России практически бесконтрольной оставалась громадная территория, с учетом происходивших социально-экономических процессов, явно нуждающаяся в повышенном внимании. Это были обширные районы, преимущественно сельской местности, территориально составляющие уезды.

В ходе реформ Петра I, как писал Н. А. Захаров, «появляется благородный класс шляхетства, земли закрепляются за ним, создаются некоторые права, основанные на феодальных принципах, например, указом о единонаследии; наконец, прикрепление крестьян, имевшее до этого времени общегосударственное значение, превратилось в личное «подданство» шляхетства» [5, с. 53], т. е. служилого дворянства. Дворянство стремилось закрепить за собой поместные земли на праве собственности и удержать на них крестьян путем их прикрепления к земле императивными правовыми нормами еще с начала XVII в. и получило первое удовлетворение этого притязания в Соборном Уложении 1649 г. Крестьяне не могли больше переходить с земли одного помещика в поместье другого, а помещикам вменялось в обязанность «заботливо вести хозяйство в своем поместье и не разорять крестьян, не доводить их до побегов» [13, с. 68–69]. По замыслу центральных властей за исполнением этих обязанностей должны были следить воеводы.

В XVIII в. крепостное право достигает полного развития. Петровские ревизии (переписи населения) 1718–1727 гг., имевшие цели налоговой реформы и учета населения, рассматривали крестьян наравне с кабальными и полными холопами. На смену поземельной подати, взимаемой с крестьянина, пришла подушная, за исправность которой перед правительством теперь стал ответственным землевладелец. В этих условиях «господин как бы заменил собой для него (для крестьянина — авт.) государство. Государство требовало только, чтобы владелец вносил подати и не заботилось о взаимных отношениях между крестьянином и господином» [9, с. 98]. Практика телесных наказаний крестьян, появившаяся еще во второй половине XVII в., теперь приобрела грубую и бесчеловечную форму: за неисполнение повинностей и неуплату налогов помещик мог крепостного «заковать в цепи, забить в колодку, бить нещадно и не давать в том никому отчета» [9, с. 99].

В результате проведения налоговых реформ все различия между частновладельческими крестьянами и холопами совершенно исчезли. И тех, и других официально с землей уже ничего не связывало, и зависели они исключительно от своего хозяина. «Само государство дало ему подданных, и помещик немедленно стал в положение единственного представителя власти над крестьянами и сохранял это положение не только в отношениях к крестьянам, но и в отношении к администрации...» [13, с. 105].

В ходе «ревизии» была закреплена и последняя категория до этого относительно свободного населения — гулящие люди (под угрозой ссылки на какому-либо или записи в солдаты они должны были записываться в члены какой-нибудь общины или идти в помещичьи крепостные). Для контроля за крестьянскими перемещениями с 1724 г. была введена система паспортов, необходимых при удалении от места проживания более чем на 30 верст. В соответствии с указом от 2 мая 1758 г. землевладельцам вменялось в обязанность наблюдать за поведением своих крепостных. Однако еще раньше, по указу от 6 мая 1736 г. помещикам было даровано право определения наказания крестьян за побег.

В проекте Уголовного уложения, подготовленного елизаветинской уложенной комиссией 1754–1766 гг., говорилось: «Дворянство имеет над людьми и крестьяны своими мужского и женского полу и над имением своим полную власть без изъятия, кроме от-

нения живота и наказания кнутом и произведения над оными пыток. И для того волен всякий дворянин тех своих людей и крестьян... наказания в судебные органы представлять, и, по рассуждению своему, прощение чинить и от того наказания освобождать» [8, с. 158]. Этот проект не получил юридической силы, но его отдельные положения были реализованы впоследствии. В соответствии с указом от 2 мая 1758 г. помещикам вменялось в обязанность наблюдать за поведением своих крепостных.

С оформлением в Российском государстве крепостного права в крупных земельных владениях складывается подчинявшаяся землевладельцу (боярину или слуге государеву) система вотчинной юстиции («вотчинная полиция»), практически с полным объемом полицейско-судебных функций, кроме дел об некоторых убийствах, разбоях и крупных кражах.

Идеологической платформой взаимоотношений помещиков со своими крепостными, вплоть до последних дней крепостничества, был патернализм. Считалось, что эти отношения строятся «по обычаю», в том числе и обязанность господ по обеспечению внутреннего благочиния. Государство определяло только основные, касающиеся своей финансовой и полицейской сферы, правила, к которым относились форма и размер подати, рекрутская, дорожная и некоторые иные повинности, в том числе и право суда по наиболее тяжким уголовным и государственным преступлениям.

В крупнейших вотчинах и поместьях их владельцами на основе сложившихся традиций и обычаев создавались свои наказы управляющим, уложения и т. п., направленные на регламентирование всех важнейших сфер жизни крестьянской общины. Несмотря на то, что манориальное правотворчество было известно и ранее, особенная активность в создании таких инструкций стала характерна для второй половины XVIII в. До наших дней дошло упоминание нескольких десятков таких инструкций [1], но, можно полагать, их было гораздо больше. Наиболее известными из частных феодальных сводов были: «Пункты, по которым имеют во всех низовых наших вотчинах управители, приказчики, старосты за разные преступления крестьян наказывать» графа Румянцева (1751 г.); «Уложение для Поречья» графа Орлова-Давыдова (1796 г.); «Журнал на записку в Черноисточенской заводской конторе если кто из нашедшихся при том заводе служителей от нерадения

своего порученной должности пьянство и другой дерзости будет чем оштрафован или наказан», действовавший в конце XVIII в. — начале XIX в. на Демидовских заводах; «Главное правление пермских заводов, промыслов и вотчин князей Голицыных» и др. [3, с. 14–22]. Эти «частные своды» или «вотчинные уставы» действовали не только наряду с правительственными правовыми актами, но и «на практике же — вместо них» [6, с. 48].

Подвластные земельным магнатам владения ставились в условия строжайшего полицейского управления. Например, Инструкция приказчику ярославских вотчин М. К. Щербатова (1724 г.) описывала требования к внутреннему порядку и взаимоотношениям с соседями, правила управления, обязанности выборных вотчинных властей, а также содержала отдельные положения о жизни крестьян и их хозяйстве. В 1758 г. его сыном была подготовлена «генеральная инструкция» из 160 пунктов, включавших положения о крестьянских государственных повинностях, соблюдении крестьянами царских указов и мн. др. [1, с. 53]. Регламент государственного деятеля и дипломата, астраханского и казанского губернатора А. П. Волынского, адресованный «приказчику, старосте, выборному и всем крестьянам», — «Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула о лошадях» 1725 г. — детально регламентировал меры и формы полицейского контроля за жизнью крестьянской общины. Эти управляющие лица в январе каждого года составляли реестры деревень с указанием семейного состава каждого двора, количества имущества и денежного дохода, числа работников, размера тягла и податей, а также были ответственны за перемещения крестьян за пределы деревни [1, с. 55–56]. Нарушения крестьянами установленных правил рассматривались «общим собранием» приказчика, старост, выборных и десятских. В «Пунктах» графа Румянцева были регламентированы наказания крестьян как за нарушения порядка и правил поведения в пределах своих владений, так и за совершенные ими преступления против собственности, принадлежавшей другому помещику, и за его «обиду» [6, с. 49].

Наиболее изощренной организация порядка была в имениях отставного майора В. Н. Самарина, в которых с 1763 г. была отлажена система строгого бюрократического управления, базирующаяся на предельно мелочной (и все время пополняющейся)

регламентации абсолютно всех сторон жизни обитателей крепостной общины (например, правила полоскания белья на реке или указания «О цыплятах как вносить в приходную книгу»), всеобщем доносителстве и полицейском надзоре за всяким шагом каждого обитателя деревни, который для удобства контроля имел свой порядковый номер. Составителями доносов, среди малограмотного населения, служили особые лица, выведенные хозяином из-под вотчинной юрисдикции.

Главной инстанцией между управляющим (приказчиком) и общиной в лице мирского схода был бурмистр. Он собирал сходы (на которых разрешались практически все вопросы); оглашал распоряжения барина; обязан был добиваться от крестьянского схода «повиновения без огорчения»; предварительно рассматривал жалобы; вел общее наблюдение за крестьянскими хозяйствами и полицейский надзор за «ворами и разбойниками»; улаживал ссоры с соседями; присматривал за приказчиком и т. п.

С течением времени система полицейского режима только усиливалась. В 1787 г. помещик заменил мирской сход собранием «примерных» и «благонадежных» крестьян во главе с мирским поверенным (по словам помещика, «чтобы во время отсутствия нашего не были крестьяне обижаемы»). Мирские поверенные являлись младшими членами вотчинного правления, но подчиняясь непосредственно помещику, могли отменить или приостановить любое решение правления. В свою очередь, члены вотчинного правления (приказчик, в первую очередь) обязаны были следить за поверенными и доносить о «противностях» последних. Рассмотрение тяжб, обвинений или крестьянских провинностей по распоряжению помещика велось по установленной им процессуальной процедуре, включавший предварительный розыск и последующее рассмотрение дела им самим, правлением или «мирским» сходом [1, с. 58–64].

Подобных майору В. Н. Самарину «хозяйственников» в России того времени, судя по некоторым приведенным фактам из труда В. А. Александрова и других исследователей, было немало [1, с. 54]. И доказательством тому служит тот факт, что в объявленном в 1768 г. Вольным экономическим обществом конкурсе на лучший наказ для управляющего (приказчика) имений победил «Наказ управителю или приказчику» барона Вольфа, основанный на принципах, аналогичных «самаринским».

Значительное расширение крепостничества в последней трети XVIII в., помещичий произвол и усиление налогового гнета населения привели к острому социальному кризису. Предназначенные для локального регулирования вотчинные административно-полицейские структуры не смогли предотвратить нарастающий взрыв в сельской глубинке — антиправительственную войну 1773–1774 гг. (пугачевский бунт), показавшую неэффективность местного аппарата правоохраны и ускорившую губернскую реформу 1775 г.

Екатерина II о нараставшей социальной опасности в сельской местности знала. Е. В. Анисимов приводит ее слова, сказанные в 1750 г. о том, что в Москве не существовало такого помещичьего дома, в котором бы не было камер пыток и орудий истязания людей [2, с. 416]. В первоначальной редакции ее Большого наказа Уложенной комиссии 1766–1767 гг., как выразился Н. А. Захаров, «проскальзывает» что, его составительница не была сторонницей крепостничества [5, с. 70]. Но, будучи приведенной к власти гвардией, состоявшей из дворянства, императрица была вынуждена поступиться своими теоретическими воззрениями на этот счет. В дополнительной гл. XXI Наказа, Екатерина говорила о необходимости создания «земской полиции» [7, с. 309], и полицейскую деятельность определяла чрезвычайно широко — как «установление, попечение которого все то принадлежит, что служит к сохранению благочиния в обществе» [7, с. 309–311].

В ходе реализации губернской реформы 1775 г. был резко усилен аппарат местного управления. Первой попыткой внедрения полицейского надзора в сельскую местность явилось учреждение нижнего земского суда со «штатной» или «городовой» командой в качестве «силовой поддержки». Во главе уездной администрации (число уездов по реформе удваивалось) стоял избираемый на три года местным дворянством исправник (капитан-исправник), руководивший несколькими заседателями из дворян (через полвека к ним добавились два государственных крестьянина) и канцелярией из двух столов — исполнительного и следственного. Если в городе была тюрьма или через него проходил арестантский тракт, то имелся еще один стол, организующий содержание и перемещение тюремно-каторжного контингента — арестантский.

Низовыми полицейскими были полицейские слуги из крестьян (в том числе и из крепостных):

издревле известные выборные десятские, пятидесятские и сотские, несущие свою службу, как правило, за мизерное, взимаемое с населения, вознаграждение, но чаще — безвозмездно, да еще и под угрозой штрафа за неисправную работу. Согласно «Инструкции сотскому со товарищи» от 19 декабря 1774 г. они избирались ежегодно в декабре, в Канцелярии приводились к присяге и на время выполнения своих функций освобождались от своих «крестьянских» обязанностей. Все иные жители, в том числе и управляющие и помещики, должны были оказывать им помощь в их деятельности [10, с. 96–97].

Следует заметить, что нижний земский суд первоначально планировался как орган суда — первой судебной инстанции сословного суда для дворян (вторая инстанция — верхний земский суд) [4, с. 259]. Однако по причине отсутствия в сельской местности полиции на него были возложены административно-полицейские функции, а предназначавшиеся ему судебные функции были «переданы уездному суду, который стал судом первой инстанции по делам дворян» [11, с. 50]. В итоге, нижний земский суд стал органом полиции для сельского населения. Исходя из широкого понимания полиции, нижний земский суд рассматривался как исполнительный орган широкой компетенции с преимущественно полицейскими функциями: «1. Земская полиция или благочиние. 2. Приведение в исполнение законов. 3. Приведение в действие повелений правления и проч.» [7, с. 336].

Несмотря на то, что было решено, что полиция должна заниматься только «благочинием», т. е. поддержанием порядка и безопасности, а не государственным порядком вообще, наряду с функциями собственно по охране общественного порядка и безопасности («иметь бдение, дабы в уезде сохранены были благочиние, добронравие и порядок», «предупреждать и пресекать преступления и принуждать к исполнению законов», применять «меры безопасности от воров и разбойников», ловить «оных и истреблять их шайки» [7, с. 334–336]) на уездную полицию в лице капитана-исправника и его нижнего земского суда были возложены многочисленные общеадминистративные, судебные и даже финансовые полномочия.

С изданием Учреждения для управления губерний 1775 г. в структуре регулярной полиции в России произошли радикальные изменения. В первой половине XVIII в. полиция понималась как городское учрежде-

ние общеадминистративного управления. В ходе губернской реформы не только обновилась система органов местного управления, но и были созданы постоянные органы полиции в сельской местности под общим названием — «земская полиция».

С ослаблением крепостного права в первой половине XIX в. полицейский надзор глубже проникал в среду сельского населения. Общемировые тенденции начала XIX в., особенно связанные с недавними европейскими событиями, не могли уже совершенно игнорироваться верховной властью Российской империи. Крайне медленно, но неуклонно изменения происходили и в такой, традиционно консервативной сфере, как крепостничество. Однако попытки ослабления крепостного гнета с неизбежностью наталкивались на глухое, но повсеместное сопротивление помещичьего сообщества. Указ «О вольных хлебопашцах» 1803 г., отмена крепостного права в прибалтийских губерниях (Остзейский край) в 1816–1819 гг. и «Указ об обязанных крестьянах» 1842 г. ясно давали понять, что «правительство вовсе не имело намерения отдавать крестьян на произвол помещиков. Когда помещичья власть проявлялась слишком грубо, правительство тотчас же выступало ограничительными постановлениями, однако это не меняло общего характера правительственной системы, неблагоприятной для крестьян» [13, с. 97].

Более того, бесправное положение частновладельческих крестьян периодически подтверждалось, а иногда права помещика в отношении наказания крестьян даже расширялись. В 1822 г. было вновь восстановлено право помещиков ссылать в административном порядке своих крепостных в Сибирь («Устав о ссыльных»). За несанкционированные перемещения по определенным для нахождения местам или за самовольное возвращение обратно предписывалось наказывать винного розгами (до 60 ударов). Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. «закрепило положение о признании «всяческого возмущения крестьян или дворовых людей против своих помещиков» как «восстанием против властей, правительством установленных» (ст. 288). Диапазон наказаний за это был довольно широк: от каторжных работ до смертной казни. Даже за простую подачу жалоб на своего помещика следовали розги.

В то же время, на совсем уж выходящие за молчаливо допустимые рамки случаи государство в новых условиях не реагировать не могло, поэтому за неко-

торые одиозные эпизоды устанавливались меры уголовной ответственности [10, с. 163–164]. С принятием Уложения о наказаниях 1845 г. за проявление особой жестокости по отношению к крепостным помещик мог быть заключен в смиренный дом на срок до одного года (с лишением или без лишения особых прав состояния). Смерть крепостного крестьянина, наступившая в результате жестокого обращения, могла повлечь заключение в смиренный дом на срок от одного года до трех лет (с потерей некоторых особых прав состояния) или тюремное заключение на срок от шести месяцев до одного года и предание церковному покаянию [12, с. 203–204].

Но и сами крепостные, кроме традиционных побегов и поджогов хозяйских строений, которых год из года становилось все больше, отвечали совсем уж нетрадиционными способами. Так, в некоторых подмосковных губерниях были отмечены случаи, когда крепостные секли своих хозяев. Были факты истязаний и убийств помещиков (в период 1836–1854 гг. — 75 покушений на убийство и 144 убийства). Не прекращались беспорядки и волнения, для подавления которых приходилось применять военную силу и последующие репрессии. Причем, в некоторых случаях восставшие пытались оказать сопротивление воинским частям, отправленным на их усмирение [10, с. 164–166].

Крепостничество, во многих случаях дающее крупным землевладельцам даже вышеотмеченные правотворческие полномочия, так или иначе, смягчалось и все больше крестьян выходило из-под плотной опеки «вотчинного суда», а, следовательно, нуждалось в непосредственном полицейском контроле. Процесс вытеснения «вотчинной юстиции» государственным полицейским контролем и надзором в сельской местности в итоге привел к разработке и принятию в 1838 г. Положения о земской полиции. Однако завершится он только с отменой крепостного права в 1861 г. В итоге, учреждение и развитие земской полиции явилось компромиссом в противоречии между интересами государства, стремившегося усилить местные органы управления и установить полицейский контроль над обществом в целом, и дворянства с его притязаниями на права-привилегии собственности на землю и крестьян.

Список источников

1. Александров В. А. Сельская община в России (XVII в. — начало XIX в.). М., 1976.

2. Анисимов Е. В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

3. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. I. М., 1951.

4. Григорьев В. Реформы местного управления при Екатерине II. Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г. СПб., 1910.

5. Захаров Н. А. Система русской государственной власти. М., 2002.

6. Иванов А. А. Индивидуализация исполнения наказания в России (теория, история и практика). М., 2012.

7. История правоохранительной системы России в документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия / под ред. В. Л. Кубышко. М., 2018.

8. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004.

9. Литвинов М. А. История крепостного права. М., 1897.

10. Матиенко Т. Л. Сотские и десятские в полицейской системе Российской империи // Петр Великий и его эпоха: взгляд из XXI века: мат. междунар. науч.-практ. конф., к 350-летию со дня рождения Петра I. СПб., 2022.

11. Сизиков М. И. История полиции России (1718–1917 гг.): становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII века. М., 1992.

12. Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб., 1842.

13. Энгельман Х. История крепостного права в России / пер. с нем. В. Щерба; под ред. А. Кизеветтера. М., 1900.

References

1. Alexandrov V. A. Rural community in Russia (XVII century — early XIX century). M., 1976.

2. Anisimov E. V. Dyba and the whip: political investigation and Russian society in the XVIII century. M., 1999.

3. Gernet M. N. History of the tsar's prison. T. I. M., 1951.

4. Grigoriev V. Reforms of local government under Catherine II. Institution of the provinces on November 7, 1775, St. Petersburg, 1910.

5. Zakharov N. A. The system of Russian state power. M., 2002.

6. Ivanov A. A. Individualization of the execution of punishment in Russia (theory, history and practice). M., 2012.

7. The history of the Russian law enforcement system in documents: from ancient times to 1917. (to the 300th anniversary of the Russian police): textbook / ed. by V. L. Kubyshko. M., 2018.

8. Latkin V. N. Textbook of the history of Russian law of the Empire period (XVIII and XIX centuries.) / ed. and with a preface by V. A. Tomsinova. M., 2004.

9. Litvinov M. A. History of serfdom. M., 1897.

10. Matienko T. L. Sotskie and desyatskie in the police system of the Russian Empire // Peter the Great

and his epoch: a view from the XXI century: mat. international scientific and Practical conference, on the 350th anniversary of the birth of Peter I. St. Petersburg, 2022.

11. Sizikov M. I. The history of the Russian police (1718–1917): the formation and development of the general regular police in Russia of the XVIII century. M., 1992.

12. Code of laws of the Russian Empire. Vol. IX. St. Petersburg., 1842.

13. Engelman H. The history of serfdom in Russia / translated from German by V. Shcherba; edited by A. Kizevetter. M., 1900.

Информация об авторах

Т. Л. Матиенко — профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации;

А. Я. Мальгин — профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

T. L. Matienko — Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Officer of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation;

A. Ya. Malygin — Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023. The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. А.И. Клименко, М.М. Рассолова;
под общ. ред. В.П. Малахова, В.В. Оксамытного

Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства. Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.

Magister

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Классический учебник
Четвертое издание

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-144-148>

EDN: <https://elibrary.ru/zsgjgo>

ИПОН: 2003-0059-7/23-911

MOSURED: 77/27-003-2023-07-110

Актуальные вопросы борьбы с киберпреступностью

Ерлан Думанович Намысов

Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, Караганда, Россия,
ynamysov@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается международный и зарубежный опыт противодействия интернет-мошенничеству. Описываются правовые механизмы противодействия данному виду противоправных посягательств. Изучаются проблемные стороны с целью выработки путей совершенствования исследуемого механизма.

Ключевые слова: интернет-мошенничества, противодействие, международный и зарубежный опыт, правоохранительная деятельность, меры безопасности

Для цитирования: Намысов Е. Д. Актуальные вопросы борьбы с киберпреступностью // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 144–148. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-144-148>. EDN: ZSGJGO.

Original article

Topical issues of combating cybercrime

Erlan D. Namysov

Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov,
Karaganda, Russia, ynamysov@inbox.ru

Abstract. The international and foreign experience of countering Internet fraud is considered. The legal mechanisms for countering this type of illegal encroachments are described. The problematic sides are being studied in order to develop ways to improve the mechanism under study.

Keywords: internet fraud, counteraction, international and foreign experience, law enforcement, security measures

For citation: Namysov E. D. Topical issues of combating cybercrime. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):144–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-144-148>. EDN: ZSGJGO.

Проблематика интернет-мошенничества представляет собой относительно молодое, но высокоактуальное направление в рамках криминологической практики. В ходе научного анализа обнаруживается, что даже в странах, находящихся на передовом рубеже технологического прогресса, формирование соответствующих нормативных и правовых подходов к интернет-мошенничеству началось лишь в период с 70-х по 80-е гг. XX в. Это связано с эмпирическим восприятием нового явления и неотложной потребностью в создании адекватных механизмов реагирования на вновь возникающие киберпреступления.

В указанный период отдельные страны уже проявляли определенные попытки внедрения административно-правовых и уголовно-правовых мер ответственности за действия, содержащие признаки интернет-мошенничества. Тем не менее, подобные

меры имели дискретный характер и представляли собой реакцию на изменяющиеся криминальные сценарии, связанные с развитием информационных технологий.

Исследование этого периода является ключевым для понимания эволюции правового реагирования на интернет-преступности. Анализ существующих подходов и их прогрессивное развитие способствуют построению эффективных стратегий противодействия, а также формированию нормативных оснований для борьбы с современными проявлениями киберугроз. В данном контексте важно выявить не только изменения в сфере технологий, но и трансформации в правовых концепциях, направленных на предотвращение и реагирование на интернет-мошенничество.

При этом достаточно быстро интернет-преступность, в том числе, различные формы хищений и

© Намысов Е. Д., 2023

причинения имущественного ущерба, стали все больше приобретать трансграничный характер, что требовало, в том числе, и гармонизации национальных законодательств. Это привело к выработке на уровне ряда европейских стран первоначальных рекомендаций относительно перечня и признаков деяний, которые следует относить к группе компьютерных преступлений [1]. Данный период характеризуется интенсивным приложением усилий в вопросах поиска объединяющих факторов (понятий, параметров ответственности и т. д.), которые позволили бы эффективно реализовывать ответственность за киберпреступления. При этом первыми совместными рекомендациями европейских государств были сформулированы фактически два перечня (списка) деяний, которые должны быть криминализованы в национальных юрисдикциях.

В рамках первого списка формулировался «минимальный» набор криминальных деяний, которые запрещались (должны запрещаться) на территории ЕС:

- ◆ компьютерное мошенничество;
- ◆ повреждение компьютерной информации и компьютерных программ;
- ◆ компьютерных подлог;
- ◆ компьютерный саботаж;
- ◆ несанкционированный перехват информации в компьютерной сети;
- ◆ несанкционированный доступ к компьютерной сети;
- ◆ запрещенное копирование компьютерной информации или программ.

В данном аспекте примечательно, что интернет-мошенничество (в точной формулировке — «компьютерное мошенничество») стало фактически ключевым в списке деяний, сопряженных с киберугрозами [2].

В рамках второго перечня, которому придавалось факультативное значение, на усмотрение национальных юрисдикций относилась криминализация таких деяний, как:

- ◆ компьютерный шпионаж;
- ◆ те или иные формы незаконного использования компьютера (в рамках совершения отдельных видов преступлений);
- ◆ изменение информации, компьютерных программ;
- ◆ несанкционированное применение защищенных компьютерных программ.

Следует в данном случае отметить, что понятие «компьютерное мошенничество», которому придавалось приоритетное значение в рамках первых рекомендательных документов, не тождественно в полной мере понятию интернет-мошенничества. Последнее мы рассматриваем как разновидность «традиционного» мошенничества, когда конститутивный способ обмана или злоупотребления доверием реализуется мошенником в информационной системе (сети, ресурсе и т. д.). Под компьютерным мошенничеством изначально понимался более широкий спектр деяний, которые связаны с причинением имущественного ущерба: здесь в гораздо более типичной форме выступают действия злоумышленника, который посредством тех или иных манипуляций в сети причиняет вред собственнику имущества. Фактически в большей степени принимаются во внимание признаки тайного хищения, а не мошенничества. В таком виде криминализация встречается гораздо чаще, нежели обособленное оформление именно интернет-мошенничества. Действующее уголовное законодательство всех стран ближнего зарубежья (будет проанализировано далее) к настоящему времени содержит более или менее подробные перечни преступлений, которые совершаются в киберпространстве, причем, чаще всего они сконструированы в рамках самостоятельных глав уголовных законов.

Разд. IX Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 31 января 2002 г. № 56/261 «Планы действий по осуществлению Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века» получил наименование «Меры по борьбе с преступлениями, связанными с использованием высоких технологий и компьютеров» [3]. В качестве национальных мер указанной Резолюцией отмечались, в частности, следующие:

- 1) криминализация различных форм неправомерного использования информационных технологий. При этом особо отмечалась необходимость пересмотра составов таких преступлений, как мошенничество (т. е. тяготеющих именно к использованию ресурсов информационных ресурсов);
- 2) необходимость выработки механизмов для реализации уголовной ответственности в случаях, когда совершение преступления имеет отношения к различным национальным юрисдикциям;
- 3) рекомендация по обучению и оснащению сотрудников правоохранительных органов в вопросах

выявления и расследования преступлений, связанных с использованием компьютеров и др.

В качестве международных мер предусматривались мероприятия Центра по международному предупреждению преступности, на который возлагались функции по:

- ♦ поддержке исследовательской деятельности в данном направлении;
- ♦ разработке рекомендаций, руководств, принципов, типовых законов;
- ♦ оказанию помощи государствам, нуждающимся в технической и иной помощи и др.

Большинство национальных юрисдикций к настоящему времени демонстрируют как практику взаимодействия с транснациональными структурами (Интерпол, Европол), так и создание национальных специальных правоохранительных служб, деятельность которых непосредственно связана с расследованием преступлений, сопряженных с использованием информационных систем и технологий: Национальное подразделение по борьбе с киберпреступностью (Соединенное Королевство); Агентство национальной безопасности (США); Австралийский центр преступности в сфере высоких технологий при Федеральной полиции Австралии; Подразделение по борьбе с киберпреступностью (Греция); Группа по расследованию киберпреступлений (Индия, Мумбаи); Департамент киберполиции (Япония) и др. [4].

Специальные подразделения создавались и в виде трансграничных организаций, на которые возлагались соответствующие правоохранные функции в вопросах обеспечения кибербезопасности. Так, Европейский союз организовал сеть правоохранительных органов «Европейский центр киберпреступлений» (European cybercrimescentre или «ЕС-3»), который включил десять самостоятельных подразделений, на которые было возложено осуществление анализа статданных, разработка специальных способов выявления и поимки киберпреступников, а также их непосредственная поимка и привлечение к ответственности [5].

По пути специализации правоохранительной деятельности в рамках противодействия преступности в сфере «высоких технологий» пошел и Казахстан, где созданы так называемые отделы «К» при департаментах полиции. В сферу их деятельности включены исключительно составы преступлений в сфере информатизации и связи, а также деяния, свя-

занные с использованием сети Интернет при совершении отдельных преступлений (например, при распространении порнографических материалов с изображением несовершеннолетних), а также интернет-мошенничество.

Анализ первых и последующих международных документов, касающихся вопросов противодействия преступности в сфере «высоких технологий», свидетельствует о том, что основной акцент изначально устанавливался на мерах обеспечительного, организационного характера, которые должны привести к консолидации усилий правоохранительных структур различных государств.

При этом, несмотря на наличие рекомендаций относительно необходимости криминализации соответствующих признаков в контексте традиционного состава мошенничества, авторы недавних исследований совершенно справедливо отмечают, что соответствующие уголовно-правовые нормы в большинстве стран «характеризуются весьма общим определением компьютерного мошенничества — как действия, совершаемого с компьютерной информацией с корыстной целью, причинившего вред собственнику или иному владельцу имущества» [6].

В плане общей оценки следует отметить, что большинство вариантов регламентации ответственности за интернет-мошенничество не связывают ее с фактом именно незаконного воздействия на информационный ресурс (в случае его установления возможна квалификация по совокупности преступлений против собственности и информационной безопасности). В рамках наиболее строгих подходов (например, в уголовном законодательстве Новой Зеландии) имеются варианты формулировки уголовно-правовых норм по превентивному принципу.

Так, в соответствии со ст. 250 «Повреждение или вмешательство в компьютерную систему» Закона Новой Зеландии «О преступлениях» 1961 г. (размещена в главе о преступлениях против права собственности) предусматривается наказание от семи до десяти лет уже за сам факт совершения виновным лицом действий в целях завладения имуществом (т. е. даже до момента появления реальной возможности им распорядиться).

Учитывая то обстоятельство, что первоначально с угрозами киберпреступности столкнулись наиболее развитые в технологическом отношении страны, они закономерно стали лидерами в вопросах выра-

ботки первоочередных стратегий борьбы с данными видами преступлений. Так, в июне 1996 г. в городе Лион состоялся саммит «G-8», по итогам которого был выработан Регламент № 16, непосредственно посвященный вопросам криминализации и наказуемости деяний, которые совершаются с помощью использования информационных технологий. Именно в рамках его решений образовалась так называемая «Лионская группа», ставшая одним из лидеров в вопросах противодействия киберпреступности.

До настоящего времени основным международным документом, который выработан в рамках противодействия киберпреступлениям, является Конвенция ЕС «О киберпреступности» от 23 ноября 2001 г. (так называемая Будапештская конвенция) [7]. Учитывая то обстоятельство, что ко времени ее разработки и принятия уровень киберпреступности в мире приобрел уже деструктивные масштабы, а ущерб от соответствующих преступлений стал составлять критические объемы ВВП многих стран, положения данной Конвенции отличаются высокой строгостью, вплоть до возможности правоохранительных органов одной страны вмешиваться в информационные ресурсы другой страны и принимать необходимые решения, независимо от согласия соответствующей юрисдикции.

В соответствии с указанной Конвенцией, выделены пять основных групп киберпреступлений, которые должны иметь четкую форму криминализации в национальных законодательствах.

Во-первых, это преступления, посягающие на конфиденциальность, целостность и доступность компьютерных данных и систем (вмешательство, перехват, незаконный доступ в систему).

Во-вторых, отдельно были выделены преступления, в механизме которых манипуляция с информационными ресурсами выступала в качестве способа совершения преступлений (в том числе, «компьютерное мошенничество», различные формы искажения информации, подлога, фальсификации и т. д.).

В-третьих, особо отмечались преступления, в которых имеет место недопустимый контент, распространяемый в информационных сетях (в частности, порнографические материалы с изображением детей).

В-четвертых, были особо отмечены в качестве самостоятельной группы криминальные посягательства, совершаемые с использованием информа-

ционных систем и сопряженные с демонстрацией, призывами к расизму, ксенофобии и другим подобным явлениям.

В-пятых, выделялась также группа преступлений, которые были связаны с нарушением авторского и смежных с ним прав в рамках информационных систем.

К настоящему времени вопросы выработки универсального документа (на уровне ООН), касающегося вопросов противодействия киберпреступлениям, в том числе, и интернет-мошенничествам, еще не получили окончательного решения.

При этом еще в 2010 г. в Бразилии прошел 12-й Конгресс ООН, на котором активно обсуждались вопросы борьбы с компьютерными преступлениями, обеспечением безопасности государств мирового сообщества от киберугроз. На указанном конгрессе уже отмечалось, что назрела необходимость в выработке глобального документа, который был бы направлен на противодействие киберпреступности во всех странах мирового сообщества [8].

Причем, здесь следует учитывать, что различный уровень технологического развития стран приводит к заметному дисбалансу и в уровне защиты от угрозы преступных посягательств, связанных с использованием возможностей информационных систем. Кроме того, понятие «киберпреступление» неизбежно подверглось трансформации, поскольку степень внедрения в жизнь современного человека информационных технологий к настоящему времени резко возросла в сравнении с той, которая имела место на момент первоначальной актуализации вопроса. В настоящее время многие факты интернет-мошенничества, в целом, уже не могут быть отнесены к понятию киберпреступности. В качестве более верного определения уже будет их отнесение к преступлениям, совершаемым с применением информационных технологий (систем, сетей, устройств и т. д.).

В завершение настоящего исследования, посвященного эволюции правового реагирования на интернет-мошенничества необходимо подчеркнуть важность проанализированных событий и их влияние на современную криминологическую практику. Проведенный анализ позволяет сделать ряд важных выводов относительно динамики формирования правовых механизмов в ответ на новые вызовы, связанные с развитием информационных технологий.

Список источников

1. Recommendation № R (95) 13 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member States for the 11 concerning problems of criminal procedural law connected with Information Technology (adopted by the Committee of Ministers on 11 September 1995 at the 543 rd meeting of the Ministers' Deputies). Strasbourg, 1995.

2. Побегайло А. Э. Борьба с киберпреступностью: учеб. пособие. М. : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2018.

3. Планы действий по осуществлению Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века: принята в г. Нью-Йорке на 93-м пленарном заседании 56-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 31 января 2002 г. № 56/261 // URL://https://e-ecolog.ru/docs/SO_2cfcPHUefe7PjGX64j?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.kz%2F.

4. Сабадаш В. П. Специальные подразделения и организации по борьбе с интернет-мошенничеством в различных государствах мира // Библиотека криминалиста. 2013. № 5 (10). С. 328–338.

5. Киселев А. К. Киберпреступность — взгляд из Европы // Библиотека криминалиста. 2013. № 5 (10). С. 309–313.

6. Фролов Ф. Д. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие мошенничеству в сфере компьютерной информации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

7. Конвенция Европейского Союза «О киберпреступности»: принята в Будапеште 23 ноября 2001 г. // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30170556.

8. Дубко М. Международное сотрудничество в сфере уголовно-правовой борьбы с неправомерным

завладением компьютерной информацией // URL://http://www.crimeresearch.ru/articles/Dubko_0001.

References

1. Recommendation № R (95) 13 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member States for the 11 concerning problems of criminal procedural law connected with Information Technology (adopted by the Committee of Ministers on 11 September 1995 at the 543 rd meeting of the Ministers' Deputies). Strasbourg, 1995.

2. Pobegailo A. E. Combating Cybercrime: textbook. M. : University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018.

3. Plans of Action for the Implementation of the Vienna Declaration on Crime and Justice: Meeting the Challenges of the 21st Century: adopted in New York City at the 93rd plenary meeting of the 56th session of the UN General Assembly: UN General Assembly Resolution No. 56/261 of January 31, 2002 // URL://https://e-ecolog.ru/docs/SO_2cfcPHUefe7PjGX64j?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.kz%2F.

4. Sabadash V. P. Special units and organizations to combat Internet fraud in different states of the world // Library of criminalist. 2013. № 5 (10). P. 328–338.

5. Kiselev A. K. Cybercrime — a view from Europe // Library of criminalist. 2013. № 5 (10). P. 309–313.

6. Frolov F. D. Criminal-legal and criminological counteraction to fraud in the sphere of computer information: autoref. diss. ... kand. jurid. nauk. M., 2019.

7. European Union Convention on Cybercrime: adopted in Budapest on November 23, 2001 // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30170556.

8. Dubko M. International cooperation in the sphere of criminal-legal fight against illegal acquisition of computer information // URL://http://www.crimeresearch.ru/articles/Dubko_0001.

Информация об авторе

Е. Д. Намысов — заместитель начальника Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова.

Information about the author

E. D. Namysov — Deputy Head of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-149-155>

EDN: <https://elibrary.ru/zmtamn>

ИПОН: 2003-0059-7/23-912

MOSURED: 77/27-003-2023-07-111

Зарубежный опыт регулирования административной ответственности за нарушение законодательства в сфере высшего образования

Алан Асланбекович Озов

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Москва, Россия,

ozovaa@minobrnauki.gov.ru

Аннотация. Проведен анализ основополагающих законодательных актов бывших стран-участниц Советского Союза, регулирующих образование, на предмет закрепления положений, устанавливающих основания и условия применения административной ответственности в этой сфере. Вместе с тем, рассмотрены нормы административного права данных стран, связанные с регламентацией административной ответственности в образовательном процессе. Сделан вывод о возможности использования отдельных механизмов правового регулирования в целях совершенствования российского законодательства по вопросам установления административной ответственности в сфере высшего образования.

Ключевые слова: образование, административно-правовое регулирование, законодательство об образовании, административные правонарушения, административная ответственность, защита прав граждан в сфере образования, образовательные отношения

Для цитирования: Озов А. А. Зарубежный опыт регулирования административной ответственности за нарушение законодательства в сфере высшего образования // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 149–155. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-149-155>. EDN: ZMTAMN.

Original article

Foreign experience of regulation of administrative responsibility for violation of legislation in the field of higher education

Alan A. Ozov

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia, ozovaa@minobrnauki.gov.ru

Abstract. The fundamental legislative acts of the former Soviet Union member states, regulating education, have been analyzed in order to enshrine the provisions establishing the grounds and conditions for the application of administrative responsibility in this sphere. At the same time, the norms of administrative law of these countries related to the regulation of administrative responsibility in the educational process have been considered. The conclusion is made about the possibility of using certain mechanisms of legal regulation in order to improve the Russian legislation on the establishment of administrative responsibility in the sphere of higher education.

Keywords: education, administrative and legal regulation, legislation on education, administrative legal offences, administrative liability, protection of the citizens rights in the field of education, educational relations

For citation: Ozov A. A. Foreign experience of regulation of administrative responsibility for violation of legislation in the field of higher education. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):149–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-149-155>. EDN: ZMTAMN.

«Чтобы каждый человек, и каждый орган общества ... стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод».

Преамбула Всеобщей декларации прав человека, 1948 г.

Формирование полноценной, целостной личности, которая могла бы способствовать развитию и процветанию общества происходит в ходе множества различных социальных процессов, ключевым

из которых является образование. Его ценность безусловно признается мировым сообществом.

Ст. 26 Декларации о защите прав человека 1948 г., ст. 28 Конвенции о правах ребенка 1989 г., ст. 13, 13.2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., акты Организации по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), направленные на формирование правового поля регулирования сферы образования

© Озов А. А., 2023

служат ориентиром для развития национального законодательства современных стран.

Существующие на сегодняшний день условия социально-экономического развития в Российской Федерации обуславливают потребность в совершенствовании регулирования как сферы образования вообще, так и высшего образования в частности. В послании к Федеральному Собранию Президента РФ от 21 февраля 2023 г. особо отмечено, что развитие системы образования с учетом запросов рынка труда, возрождение традиционной базовой подготовки специалистов с высшим образованием являются приоритетными задачами, стоящими перед государством¹.

Одним из условий достижения поставленных целей, является реформирования системы мер административно-правового воздействия на образовательную среду. Административная защита в данном случае рассматривается в качестве одной из форм гарантий права на образование, установленного в положениях Конституции РФ, а также Закона РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

В ряде современных исследований отмечается несовершенство существующих административно-правовые механизмы охраны права и свобод в сфере образования [2, с. 6; 10].

Так, основу регулирования административно-правовой ответственности в сфере российского высшего образования образует разрозненный массив норм [9, с. 158–178], закрепленных в ряде глав (прим. 5, 6, 13, 18, 19 и др.) Административно-правового кодекса Российской Федерации. В связи с этим актуальными являются вопросы как о систематизации существующего нормативного материала [5], так и об устранении пробелов в административно-правовом регулировании [1; 8].

Сложившаяся ситуация обуславливает интерес к зарубежным моделям решения вопроса административно-правовой ответственности в сфере образования. Выбор способов воздействия на сферу образования в зарубежных странах тесно связан с их историческим путем развития законодательства об административных деликтах, в связи с чем особый интерес представляют подходы бывших стран-участниц Советского Союза.

Государства, образовавшиеся после распада Советского Союза, можно разделить на две группы: вошедшие в Содружество Независимых государств

(далее — СНГ) и отказавшиеся от участия в данной международной организации.

В первую группу входят два вида субъектов: Грузия и Украина как страны, покинувшие СНГ, а также Латвия, Литва и Эстония, как государства, которые в данную организацию никогда не входили.

Ко второй группе, на сегодняшний день, относятся Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Таджикистан и Узбекистан, а также Туркменистан как ассоциированный член-наблюдатель².

Законодательство государств, входящих в первую группу, в большинстве случаев не содержит норм, посвященных комплексному регулированию вопросов административной ответственности в сфере высшего образования.

В законодательных актах Грузии³ и Украины⁴ отсутствует указание на основания и условия наступления административной ответственности в рассматриваемой сфере.

Единственным примером, касающемся рассматриваемого вопроса, содержащимся в Законе Латвии «Об Административной ответственности» является п. 8 ст. 115, закрепляющий право государственной службы качества образования на осуществление процесса административного правонарушения⁵. При этом, основополагающее законодательство в сфере латвийского образования находится на стадии активного реформирования.

В Законе Литовской Республики «О высшем образовании» 2000 г.⁶ вопрос административной ответственности затрагивается в части недопущения нарушения процедуры лицензирования вузов (п. 3 ст. 15). Действие данного положения обеспечивается наличием в Кодексе об административных правона-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию // URL:// <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70565>.

² Интернет-портал СНГ // URL:// <https://e-cis.info/>

³ Закон Грузии от 18 декабря 2009 г. № 2380 «О высшем образовании» // URL:// <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/download/32830/45/ru/pdf>.

⁴ Закон Украины от 5 сентября 2017 г. № 2145-VIII «Об образовании» // URL:// https://kodeksy.com.ua/ka/ob_obrazovanii/statja-17.htm.

⁵ Закон Латвии от 25 октября 2018 г. «Об Административной ответственности» // URL:// <https://lawyer-khroulev.com/wp-content/uploads/2022/06/Zakon-Latvii-ob-administrativnoj-otvetstvennosti-2019.pdf>.

⁶ Закон Литовской Республики от 21 марта 2000 г. № VIII-1586 «О высшем образовании» // URL:// https://e-seimas.lrs.lt/rs/legalact/TAD/TAIS.105752/format/OO3_ODT/.

рушениях Литовской Республики ст. 214.9, устанавливающей ответственность за незаконную организацию обучения или учебы⁷.

В законодательных актах стран, никогда не входивших в состав СНГ, положения, касающиеся правового регулирования административной ответственности в сфере высшего образования на сегодняшний день, отсутствуют.

Более того, стоит отметить, что в Эстонской Республике существует специфический подход к регулированию ответственности за совершение административных правонарушений: деяния, образующие составы административного деликта, регулируются в рамках уголовного права [6].

В свою очередь, странами постсоветского пространства, входящими в состав СНГ, была организована разработка Модельного закона «Об ответственности участников образовательного процесса» (далее — МЗ), итоговый вариант которого был принят Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ в приложении к постановлению МПА СНГ № 38-8 в 2012 г. [7].

Данный акт представляет собой совокупность структурированных, последовательно изложенных норм, регулирующих вопросы ответственности участников процесса образования как сложного социального явления. Указанный акт определяет перечень субъектов правоотношений, основания наступления их юридической ответственности, специфику административной ответственности как одной из форм юридической ответственности. В ст. 12 гл. III «Ответственность участников образовательного процесса» установлено, что административные правонарушения являются одним из видов нарушения в сфере образования. Модельный кодекс можно оценить, как в достаточной мере логичную, проработанную модель правового регулирования вопросов ответственности участников образовательного процесса, в том числе, в ее административном аспекте, которая может служить ориентиром для совершенствования национального законодательства.

В сущности, модельный закон представляет собой акт рекомендательного характера, принимаемый, как правило, какой-либо надгосударственной или международной организацией в рамках разработки массива модельного законодательства (от англ. «model law») [4], содержащий в себе типовые законодательные нормы, служащие ориентиром для национального за-

конодательства конкретной страны-участницы организации [11]. Однако, его положения в полном объеме не были воспроизведены ни в одной из государств-членов СНГ. Существующий объем правовых норм и механизм регулирования вопроса административной ответственности в сфере образования в странах СНГ значительно различается. Показательным в данном случае является специфика основного законодательного акта, регулирующего сферу образования, и его взаимосвязь с положениями административно-правового законодательства.

Из девяти зарубежных государств-членов СНГ, в двух — Армения⁸ и Таджикистан — помимо детализированных законов об образовании действуют отдельные законодательные акты, регулирующие отношения в сфере высшего образования.

При этом, Закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» Республики Армении 2004 г. не содержит прямого указания на возможность наступления административной ответственности касательно всех участников образовательного процесса за совершенные ими правонарушения. Законодатель в данном случае ограничился указанием в п. 7 ст. 6 закона на то, что вуз несет ответственность за свою деятельность перед индивидом, обществом и государством.

В свою очередь, ст. 39 Закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» Республики Таджикистан⁹ 2009 г. содержит указание на то, что как физические, так и юридические лица несут ответственность за нарушение данного закон в порядке, установленном государством законодательством, при этом прямое указание на возможность наступления административной ответственности участников образовательного процесса также, как и в армянском законодательстве, отсутствует.

При этом, ни Кодекс Республики Армения «Об административных правонарушениях» 1985 г.¹⁰, ни

⁷ Кодекс Литовской Республики от 25 июня 2015 г. «Об административных правонарушениях» // URL://<https://www.infolex.lt/ta/103787:str214-9>.

⁸ Закон Республики Армения от 18 января 2005 г. № ЗР-62 «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // URL://https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=75853.

⁹ Закон Республики Таджикистан от 19 мая 2009 г. № 531 «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // URL://https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=28115.

¹⁰ Кодекс об административных правонарушениях Республики Армения от 6 декабря 1985 г. (в ред. 16 ноября 2023 г. № ЗР-332) // URL://https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=77148.

Кодекс об административных правонарушениях Таджикистана 2008 г.¹¹, ни не содержит специальной главы, предусматривающей ответственность за противоправные деяния в сфере образования. Однако ст. 118 кодекса Таджикистана установлена административная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических требований к условиям воспитания и обучения, в том числе аудиовизуальным, информационным технологиям (компьютерам), учебной мебели, а также к учебникам и иной издательской продукции, что является специальным составом правонарушения по отношению к ст. 112 АПК, устанавливающей общую ответственность за нарушение санитарно-гигиенических и санитарно-эпидемиологических правил и норм.

В Азербайджане¹², Киргизии¹³, Туркменистане¹⁴, а также Узбекистане¹⁵ отсутствует специальный законодательный акт, регулирующий отношения в сфере высшего образования, при этом, на их территории действует общий закон об образовании как многоэтапном процессе, положения которого зачастую корреспондируют с нормами административного права.

П. 1 ст. 1 Закона Азербайджанской Республики «Об образовании» 2009 г. установлено, что нарушители законодательства об образовании несут ответственность в установленном законом порядке.

Данное положение тесно связано со ст. 181 Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках 2015 г.¹⁶, устанавливающей ответственность за нарушение законодательства об образовании, которое может быть выражено в лишении лица права на образование, допущение психологического насилия в отношении учащегося, привлечение учащихся к работам и мероприятиям, не связанным с процессом обучения, а также нецелевое использование образовательных грантов.

Отдельно, ст. 182 данного кодекса установлена ответственность за нарушения права лица на образование по причине заражения ВИЧ.

Ст. 52-1 Закона Кыргызской Республики «Об образовании» 2003 г. установлено положение, аналогичное норме азербайджанского закона об образовании. При этом, введенный в действие Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях 2021 г.¹⁷ не содержит специальной нормы или главы, устанавливающей ответственность за правонарушения в сфере образования.

При этом, ранее, в исследованиях в сфере правового регулирования кыргызского образования, например, И. А. Дмитриенко, указывалось на доминирующую позицию административного регулирования образовательного процесса и возможность зарождения и развития отдельной отрасли кыргызского права — образовательного права [2].

В свою очередь, при наличии указания на то, что «лица, виновные в нарушении законодательства об образовании, несут ответственность в установленном порядке», в ст. 71 Закона Республики Узбекистан «Об образовании» 2020 г., в положениях Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности установлена ответственность за воспрепятствование родителями или лицами, их заменяющими, получению детьми профессионального образования (ст. 47), а также противоправное вмешательство в профессиональную деятельность работников образовательной организации (ст. 197.5).

В Законе «Об образовании» Республики Туркменистан 2013 г. содержатся положения, устанавливающие ответственность отдельных субъектов образовательного процесса, в частности, должностных лиц образовательных учреждений и педагогических работников (ст. 44, 55). В ст. 59 данного кодекса также установлено, что нарушение его положений влечет ответственность, установленную законодательством Туркменистана.

¹¹ Кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 г. № 455 // URL://https://eurasiangroup.org/files/Legislation_RUS/Tadjikiston/supervision/4/kodeks_respubliki_tadzhikistan_ob_administrativnyh_pravonarusheniyah.pdf.

¹² Закон Азербайджанской Республики от 29 декабря 2015 г. № 96-VQ «Об утверждении Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках» // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36865427

¹³ Закон Республики Кыргызстан от 30 апреля 2003 г. № 92 «Об образовании» // URL://<http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1216?ysclid=lq3mfvpd2843650355>.

¹⁴ Закон Туркменистана от 4 мая 2013 г. «Об образовании» // URL://https://continent-online.com/Document/?doc_id=33406860#pos=2;-58.

¹⁵ Закон Республики Узбекистан от 23 сентября 2020 г. № ЗРУ-637 // URL://<https://lex.uz/ru/docs/5013009>.

¹⁶ Закон Азербайджанской Республики от 29 декабря 2015 г. № 96-VQ «Об утверждении Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках» // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36865427.

¹⁷ Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 г. № 128 // URL://<http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112306>.

В Законе Туркменистана «Об административных правонарушениях» 2013 г.¹⁸ стоит отметить ст. 366 «Нарушение правил организации и ведения образовательной деятельности», содержащуюся в гл. 21, регулирующей ответственность за нарушение порядка управления, которая устанавливает ответственность за нарушение правил организации и ведения образовательной деятельности, установленных законодательством. В том числе, административная ответственность по данной статье наступает в случае неосуществления образовательных программ в полном объеме и нарушения порядка приема в учреждения образования, установленного законодательством Туркменистана в сфере образования (п. 2 и 3 ст. 366).

Интересным примером правового регулирования вопроса административной ответственности в сфере образования является модель регламентации, установленная в Республике Казахстан.

В Законе Республики Казахстан «Об образовании» 2007 г. вопрос об ответственности за нарушение законодательства в сфере образования установлен в гл. 11. Ст. 67 данной главы содержит указание на то, что ответственность в рассматриваемом случае наступает в соответствии с законами Республики Казахстан.

В Кодексе Республики Казахстан «Об административных правонарушениях» (далее — КоАП РК) содержится отдельная гл. 23, регулирующая ответственность за совершение административных правонарушений в области образования, физической культуры и спорта¹⁹.

Установление единого комплекса норм для данной области общественной деятельности обусловлено историческим советским и постсоветским опытом управления государством социально-культурной сферой, к которой относятся образование, культура, наука, здравоохранение и спорт, как единый комплекс.

По мнению отдельных авторов, в частности, Л. В. Крестинской, среди стран-участниц СНГ казахстанское законодательство представляет собой наиболее полную совокупность структурно выделенных норм, регулирующих административную ответственность в сфере образования [3].

В ст. 409 КоАП РК, закреплён ряд составов административных правонарушений в сфере образования, ответственность за которые предусматривается на территории Республики Казахстан, в числе которых особенно стоит отметить:

1) невыполнение представителями организации образования своих обязательств, если вследствие небрежного или недобросовестного отношения к ним это повлекло причинение легкого вреда здоровью воспитанников (п. 3);

2) несоблюдение образовательными организациями различных типовых правил, принятых в сфере образования (подп. 1–5 п. 4);

3) необеспечение учредителем (учредителями) организации высшего образования в срок, установленный законом Республики Казахстан, перевода обучающихся для продолжения обучения и передачи их личных дел в другие организации высшего образования (п. 4.1);

4) создание и деятельность организационных структур политических партий в организациях образования (п. 5);

5) несоответствие предоставляемых образовательных услуг требованиям государственного общеобязательного стандарта (п. 6);

6) несоблюдение организациями образования требований по обеспечению доступа обучающихся и воспитанников к сети Интернет (п. 7.2);

7) нарушение законодательства о статусе педагога (п. 7.3)²⁰;

8) допущение к преподаванию лица, не имеющего на это права (п. 7.5);

9) проявление неуважения к педагогу (п. 7.6).

Отдельными пунктами установлена административная ответственность за повторное совершение отдельных указанных правонарушений (прим. п. 4.2, 7.4, 7.7 ст. 409 КоАП РК).

Данная статья является единственной в гл. 11 КоАП РК. С одной стороны, это свидетельствует об отсутствии детализированной проработки законодателем вопроса регулирования административной ответственности в сфере образования с технической стороны.

С другой стороны, составы правонарушений, закреплённые в пунктах ст. 409 КоАП РФ касаются

¹⁸ Кодекс Туркменистана от 29 августа 2013 г. №446-IV «Об административных правонарушениях» // URL://https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=62468.

¹⁹ Закон Республики Казахстан от 27 июля 2007 г. № 319-III «Об образовании» // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399&pos=6858;-45#pos=6858;-45.

²⁰ Закон Республики Казахстан от 27 декабря 2019 г. № 293-VI «О статусе педагога» // URL://https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32091648&pos=1;-8#pos=1;-8.

деяний, совершаемых различными участниками образовательного процесса, являются актуальными (изменения в статью вносились в 2019 г.²¹) и затрагивающими широкий спектр аспектов образовательной деятельности, что демонстрирует внимание законодателя к объективно существующим потребностям общества в сфере регулирования образовательного процесса.

В Белоруссии, так же как и в Казахстане, на смену специализированному законодательству в сфере высшего образования²² пришел единый, при этом, кодифицированный акт: Кодекс Республики Беларусь об образовании был принят 2011 г.²³ и стал основой правового регулирования образовательного процесса в стране. Схожий подход к правовому регулированию можно отметить в Кодексе Республики Молдова об образовании 2014 г.²⁴.

При этом, внимание законодателя в данных кодексах направлено на урегулирование специфических видов ответственности в сфере образования: дисциплинарной — в Беларуси, и публичной — в Молдавии.

Указание на то, что ответственность, в том числе, административная, за нарушение законодательства в сфере образования наступает в соответствии с иными законодательными актами, ни в белорусском, ни в молдавском кодексе об образовании не содержится. Административные кодексы этих стран также не выделяют глав или статей, регулирующих ответственность за деяния в сфере образования.

Таким образом, анализ законодательства стран СНГ как в сфере регулирования образовательного процесса, так и связанных с ним норм административного права позволяет сделать следующие выводы.

Механизмы регулирования сферы образования, в том числе, административно-правового характера в странах бывших участниках Советского Союза находятся на стадии развития.

При этом, правовое регулирование высшего образования как сферы общественных отношений возможно на основании специального закона о высшем образовании, закона об образовании общего характера (как с выделением отдельных статей, посвященных регулированию высшего образования, так и без них), а также кодекса об образовании. При этом, вид законодательного акта не влияет на учет взаимосвязи положений, установленных в нем, с необходимостью

установления административной ответственности за их нарушение.

Удачным можно признать подход, реализованный в казахстанском законодательстве. Выделение отдельной главы в кодексе об административных правонарушениях соответствует факту существования сферы образования как отдельной области административно-деликтного регулирования. Данный прием может быть применен в процессе реформирования российского административного законодательства.

Список источников

1. Баранова С. А. К вопросу о необходимости кодификации норм об административной ответственности за нарушения в сфере образования // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (1). С. 27–30.
2. Дмитриенко И. А. административно-правовое регулирование высшего профессионального образования в Кыргызской Республике: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Бишкек, 2015.
3. Крестинская Л. В. Административная ответственность за нарушение законодательства об образовании в Российской Федерации и Республике Казахстан // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 2. С. 234–239.
4. Кирилловых А. А. Модельное законодательство стран-участников содружества независимых государств в сфере образования: некоторые проблемы практической реализации // Право и образование. 2018. № 10. С. 10–15.
5. Крестинская Л. В. К вопросу о кодификации норм об административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации

²¹ Закон Республики Казахстан от 1 апреля 2019 г. № 240-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам, связанным с деятельностью организаций, осуществляющих функции по защите прав ребенка» // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32061061&pos=1;-8#pos=1;-8.

²² Закон Республики Беларусь от 11 июля 2007 г. № 252-3 «О высшем образовании» // URL: https://kodeksy-bel.com/zakon_rb_o_vysshem_obrazovanii.htm.

²³ Кодекс Республики Беларусь от 13 января 2011 г. № 243-3 «Об Образовании» // URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243>.

²⁴ Кодекс Республики Молдова от 17 июля 2014 г. № 152 «Об образовании» // URL: <https://lexed.ru/zakonodatelstvo-ob-obrazovanii/kodifikatsiya-zakonodatelstva-ob-obrazovanii/kodeks-respubliki-moldova-ob-obrazovanii.php>.

об образовании // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 4. С. 502–506.

6. Мандрыка Н. М., Пономарев А. В. Административная ответственность за правонарушения, связанные с коррупцией, в зарубежных странах // Modern Science. 2021. № 4-3. С. 284–288.

7. Модельный закон «Об ответственности участников образовательного процесса». Принят постановлением на тринадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 3 апреля 1999 г. № 13-8 // СПС «Гарант».

8. Назинцева А. Ю. Актуальные проблемы привлечения к административной ответственности за нарушение права на образование // Административное право и процесс. 2023. № 6. С. 62–64.

9. Образовательное законодательство России. Новая веха развития: моногр. / Л. В. Андриченко, В. Л. Баранков, Б. А. Булаевский и др.; под ред. Н. В. Путило, Н. С. Волковой. М. : ИЗиСП, 2015.

10. Скоробогатов А. В., Борисова Н. Р. Инновации в образовательном законодательстве как средство повышения эффективности правового регулирования отношений в сфере образования // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 555–559.

11. Шестакова Е. Модельное законодательство СНГ // ЭЖ-Юрист. 2005. № 42. С. 3.

References

1. Baranova S. A. To the question of the need to codify the norms on administrative responsibility for violations in the field of education // Scientific Digest of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1 (1). P. 27–30.

2. Dmitrienko I. A. Administrative-legal regulation of higher professional education in the Kyrgyz Republic: auth. diss. ... doct. of legal sciences. Bishkek, 2015.

3. Krestinskaya L. V. Administrative responsibility for violation of legislation on education in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan // Siberian Legal Review. 2019. Vol. 16. № 2. P. 234–239.

4. Kirillovykh A. A. Model legislation of the countries-participants of the Commonwealth of Independent States in the field of education: some problems of practical implementation // Law and Education. 2018. № 10. P. 10–15.

5. Krestinskaya L. V. To the issue of codification of norms on administrative responsibility for violation of the legislation of the Russian Federation on education // Vestnik of the Omsk Law Academy. 2018. Vol. 15. № 4. P. 502–506.

6. Mandryka N. M., Ponomarev A. V. Administrative responsibility for offenses related to corruption in foreign countries // Modern Science. 2021. № 4-3. P. 284–288.

7. Model Law «On the Responsibility of Participants of the Educational Process». Adopted by resolution at the thirteenth plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS member states on April 3, 1999 № 13-8 // LRS «Garant».

8. Nazintseva A. Yu. Actual problems of bringing to administrative responsibility for violation of the right to education // Administrative Law and Process. 2023. № 6. P. 62–64.

9. Educational legislation of Russia. A new milestone of development: a monograph / L. V. Andrichenko, V. L. Barankov, B. A. Bulaevsky, etc.; ed. by N. V. Putilo, N. S. Volkova. M. : IZiSP, 2015.

10. Skorobogatov A. V., Borisova N. R. Innovations in educational legislation as a means of improving the effectiveness of legal regulation of relations in the field of education // Juridicheskaya tekhnika. 2021. № 15. P. 555–559.

11. Shestakova E. Model legislation of the CIS // EJ-Jurist. 2005. № 42. P. 3.

Информация об авторе

А. А. Озов — референт Правового департамента Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Information about the author

A. A. Ozov — Referent of the Legal Department of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-156-160>

EDN: <https://elibrary.ru/zowhqr>

ИПОН: 2003-0059-7/23-913

MOSURED: 77/27-003-2023-07-112

Нормативно-правовые и правоприменительные проблемы стадии возбуждения дел об административных правонарушениях, посягающих на основы свободной конкуренции

Анна Владимировна Ольшевская¹, Оксана Михайловна Попович²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ anna-olshevskaya@mail.ru

² oxana_popovich@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы, возникающие на стадии возбуждения дел об административных правонарушениях, посягающих на основы свободной конкуренции. Анализируются вопросы взаимосвязи административной ответственности за посягательства на свободу конкуренции с антимонопольной и гражданско-правовой ответственностью. Особое внимание уделено проблемам противодействия злоупотреблениям при использовании специальных познаний при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства, а также на стадии возбуждения дел об административных правонарушениях, посягающих на основы свободной конкуренции. Высказаны рекомендации по совершенствованию административно-деликтного законодательства в этой части.

Ключевые слова: возбуждение дела об административном правонарушении, антимонопольное законодательство, свобода конкуренции, свобода экономической деятельности, административная ответственность, антимонопольная ответственность, специальные познания

Для цитирования: Ольшевская А. В., Попович О. М. Нормативно-правовые и правоприменительные проблемы стадии возбуждения дел об административных правонарушениях, посягающих на основы свободной конкуренции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 156–160. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-156-160>. EDN: ZOWHQR.

Original article

Normative legal and law enforcement problems of the stage of initiation of cases on administrative offenses encroaching on the foundations of free competition

Anna V. Olshevskaya¹, Oksana M. Popovich²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ anna-olshevskaya@mail.ru

² oxana_popovich@mail.ru

Abstract. The problems arising at the stage of initiation of cases on administrative offenses encroaching on the foundations of free competition are considered. The issues of interrelation of administrative responsibility for infringements on freedom of competition with antimonopoly and civil liability are analyzed. Particular attention is paid to the problems of counteracting abuses in the use of special knowledge when considering cases on violation of antimonopoly legislation, as well as at the stage of initiation of cases on administrative offenses encroaching on the foundations of free competition. Recommendations on improvement of administrative-tort legislation in this part are given.

Keywords: initiation of proceedings of an administrative offense, antimonopoly legislation, freedom of competition, freedom of economic activity, administrative responsibility, antimonopoly responsibility, special knowledge

For citation: Olshevskaya A. V., Popovich O. M. Normative legal and law enforcement problems of the stage of initiation of cases on administrative offenses encroaching on the foundations of free competition. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):156–160. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-156-160>. EDN: ZOWHQR.

К настоящему времени в нашей стране сформирована прочная нормативная правовая база, позволяющая обеспечить свободу экономической деятельности и защитить хозяйствующих субъектов и

потребителей как от различных проявлений недобросовестной конкуренции и монополизма, так и от чрезмерного вмешательства государства в рыночные процессы.

© Ольшевская А. В., Попович О. М., 2023

Нарушение антимонопольных правил в целом ряде случаев влечет наступление административной ответственности. На противодействие деяниям, подрывающим основы свободной конкуренции, направлены нормы ст. 14.3, 14.9, 14.9.1, 14.31, 14.31.2, 14.32, 14.33, 14.40, 14.41, 14.42 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Однако, на что абсолютно точно обращает внимание Е. Ю. Борзило, «наличие административных санкций, равно как и административного правоприменителя, не превращает антимонопольные ограничения в исключительно административные» [1, с. 39].

Установлению (фиксации, документированию) факта совершения административного правонарушения, посягающего на основы свободной конкуренции, предшествует выявление (обнаружение) нарушения антимонопольного законодательства. Это имеет принципиальное значение для исчисления сроков, предусмотренных нормами ст. 41.1 Федерального закона РФ от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», которые, в свою очередь, воспроизведены в п. 3.48 утвержденного приказом ФАС России от 25 мая 2012 г. № 339 Административного регламента ФАС по исполнению государственной функции по возбуждению и рассмотрению дел о нарушениях антимонопольного законодательства. Положения приказа в данном случае никак не уточняют, не детализируют закрепленное на уровне федерального закона правило, а лишь повторяют его, что видится излишним дублированием и перегружением нормативного материала.

Предусмотренный Законом о защите конкуренции срок имеет отношение к процедурам, оговоренным в этом нормативном правовом акте. А уже срок давности привлечения к административной ответственности за перечисленные в ч. 6 ст. 4.5 КоАП РФ посягательства на свободу экономической деятельности следует отсчитывать от даты принятия комиссией антимонопольного органа решения, зафиксировавшего факт нарушения антимонопольного законодательства [5, с. 48].

Антимонопольный орган также вправе выдать допустившему нарушение законодательства о конкуренции хозяйствующему субъекту предписание прекратить осуществлять противоправные действия, устранить их последствия, перечислить в государственный бюджет, незаконно полученный доход и т. п.

Законные и обоснованные предписания антимонопольного органа обязательны для исполнения участниками рынка, которым они адресованы.

В этой связи в доктрине справедливо обосновывается существование антимонопольной ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности. Так, в частности, по мнению А. Я. Рыженкова ««антимонопольной ответственностью» можно считать меры принуждения, применяемые в ответ на правонарушения и существующие исключительно в рамках антимонопольного законодательства» [7, с. 131]. Эту, хотя и довольно узкую трактовку, вполне можно принять, дополнив ее обоснование следующими дополнительными аргументами:

- ♦ основание для наступления ответственности — нарушение законодательства о конкуренции;
- ♦ наличие специфической, присущей лишь данному виду ответственности, меры штрафного характера — обязанности виновного в нарушении антимонопольного законодательства хозяйствующего субъекта перечислить в бюджет противоправно полученную прибыль;
- ♦ обеспеченность решений антимонопольного органа силой государственного принуждения, что выражено в его полномочии обращаться с исками и заявлениями в арбитражный суд (п. 6 ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции) [7, с. 124].

Конституционный Суд РФ расценивает полномочие антимонопольного органа выдавать предписания о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного в результате нарушения антимонопольного законодательства, в качестве «специфической формы принудительного воздействия на участников охраняемых антимонопольным законодательством общественных отношений» (абз. 3 п. 3 мотивировочной части постановления от 24 июня 2009 г. № 11-П). При этом подчеркнут «компенсаторный характер данной меры», что вызывает некоторые сомнения. Подрывающие основы свободной экономической деятельности действия хозяйствующего субъекта «бьют», в первую очередь, по конкурирующим с ним добросовестным участникам рынка. Кроме того, подобные посягательства лишают потребителя преимуществ, которые несет в себе конкуренция. Что касается негативных последствий для государства, то они могут быть связаны со снижением объема налогов и сборов, обусловленного уходом с рынка пострадавших от антиконкурентных действий компаний, оттоком инве-

стиций, безработицей, общим падением темпов экономического роста и т. п. И уже в последнюю очередь, как представляется — с необходимостью финансирования работы антимонопольных органов устранением иных «негативных социально-экономических последствий нарушения антимонопольного законодательства» (абз. 3 п. 3 мотивировочной части постановления от 24 июня 2009 г. № 11-П).

Минимизируемые государством негативные последствия антиконкурентных посягательств, как видно, имеют фундаментальный характер и вряд ли могут восприниматься как следствие нарушения законодательства о конкуренции, допущенного одним отдельно взятым хозяйствующим субъектом. Конституционный Суд РФ верно обратил внимание на то, что связанные с устранением данных последствий расходы государства не подлежат исчислению. Также, очевидно, нет взаимосвязи между суммой незаконно полученного недобросовестной компанией дохода и суммой тех расходов, которые гипотетически понесло или же понесет государство. Соответственно, нет должных оснований для того, чтобы «приписывать» их компании, допустившей нарушение антимонопольного законодательства.

Признание обязанности виновного в нарушении антимонопольного законодательства хозяйствующего субъекта перечислить в бюджет противоправно полученную прибыль мерой штрафного, а не компенсационного характера, нивелирует еще один вывод Конституционного Суда РФ. Речь идет о допустимости применения данной меры «параллельно с мерами ответственности, носящими штрафной характер» (абз. 4 п. 3 мотивировочной части постановления от 24 июня 2009 г. № 11-П).

Необходимо также обратить внимание на то, что общественные отношения, урегулированные антимонопольным законодательством, далеко не во всех случаях протекают с участием административного органа. Так, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» содержит специальный раздел, посвященный рассмотрению судами споров, связанных с реализацией положений антимонопольного законодательства в гражданском обороте. Тем самым, поставлен знак равенства между административным и судебным способами разрешения антимонопольных споров.

Как верно в этой связи указывает М. А. Егорова, административная ответственность за посягательство на свободу экономической деятельности «презюмирует, что данное правонарушение имело место не только в конкурентном (административном) правоотношении, но также может иметь место и в гражданском правоотношении» [3, с. 180]. Совершенное антиконкурентное деяние, тем самым, получает юридическую оценку как по нормам административного, так и по нормам гражданского законодательства.

Примером избыточного нормативно-правового регулирования в этом аспекте следует признать ч. 3 ст. 37 Закона о защите конкуренции, в котором декларируется право пострадавших от антиконкурентного деяния лиц обращаться за защитой своих прав и законных интересов в суд или же в арбитражный суд и требовать возмещения убытков и(или) же восстановления нарушенных прав. Это право гарантировано гражданским законодательством и его дополнительное воспроизведение в антимонопольном законодательстве явно лишено смысла [2, с. 39].

Тем самым, «назначение административного наказания должно способствовать исполнению обязанности» [3, с. 212]. Это нельзя в полной мере сказать применительно к уголовной ответственности, которая наступает за совершение общественно опасных посягательств на свободу экономической деятельности. В таких случаях в подавляющем большинстве случаев использованный в криминальных целях хозяйствующий субъект уходит с рынка, а причиненный им ущерб взыскивается с обвиняемого посредством гражданского иска в уголовном процессе.

Также следует обратить внимание на довольно значимую проблему правоприменения. На стадии возбуждения дел об административно наказуемых посягательствах на основы свободной конкуренции нередко возникает необходимость в использовании специальных познаний в сфере экономики, финансов, бухгалтерского дела и иных, смежных областях научного знания. При этом, значительные размеры незаконно извлекаемого недобросовестным участником рынка дохода и причиненного деянием ущерба, а также серьезные санкции за совершение антиконкурентных административных правонарушений позволяют оценить риск коррумпирования специалиста или же эксперта как довольно высокий.

В ст. 14.31, 14.32, 14.33 КоАП РФ в числе налагаемых на юридические лица санкций обозначен так называемый оборотный штраф. Административно наказуемые нарушения антимонопольного законодательства допускаются компаниями с многомиллиардными прибылями, для которых административный штраф в фиксированном размере, пусть и в несколько млн руб., никак не отразился бы на их хозяйственной деятельности и стратегии на рынке [4, с. 290]. Так, к примеру, 7 июля 2023 г. Арбитражный суд Московского округа подтвердил законность ранее наложенного штрафа Федеральной антимонопольной службы (ФАС) на американскую корпорацию Google LLC в размере 2 млрд руб. за непрозрачные правила блокировок видео и аккаунтов на видеохостинге YouTube. В итоге Google LLC дополнительно должна заплатить более 4 млрд руб. в бюджет РФ [8].

На фоне санкций статей об административных правонарушениях о посягательствах на свободу экономической деятельности, применение которых к нарушителю подчас грозит необходимостью выплаты многомиллионных оборотных штрафов, санкция ст. 17.9 КоАП РФ об ответственности носителей специальных познаний не может быть признана действенной. Более того, она смехотворна.

Но это еще не все; ст. 17.9 КоАП РФ не может быть применена к специалисту и эксперту, уличенных в неблагоприятных деяниях в рамках рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства, так как в ее диспозиции сказано лишь о производстве по делу об административном правонарушении и исполнительном производстве. Этот пробел предлагает устранить С. М. Рукавишников, отстаивающий необходимость дополнения ст. 17.9 КоАП РФ ч. 2 об ответственности эксперта за заведомо ложное заключение при производстве по делу о нарушении антимонопольного законодательства и производстве по делу об административном правонарушении в сфере антимонопольного законодательства [6, с. 31]. Вместе с тем, в сформулированной ученым редакции ч. 2 ст. 17.9 КоАП РФ неоправданно не упомянут специалист, недобросовестные действия которого также могут негативно сказаться на производстве по анализируемым категориям дел. Недостаточным видится и размер административного штрафа, содержащегося в предлагаемой к принятию норме — «от 20 до 50 тыс. руб.».

В свете изложенных обстоятельств представляется необходимым дополнить ст. 17.9 КоАП РФ ч. 2 следующего содержания: *«Заведомо ложные пояснение специалиста, заключение эксперта или заведомо неправильный перевод при производстве по делу о нарушении антимонопольного законодательства, производстве по делу об административном правонарушении в сфере антимонопольного законодательства, влечет наложение административного штрафа в размере от 100 до 300 тыс. руб.»*.

Тем самым, можно констатировать, что законодателем допущено немалое количество просчетов, затрудняющих работу правоприменительных органов по делам о нарушениях, посягающих на свободу конкуренции. Дальнейшее развитие антимонопольного законодательства связано с необходимостью их скорейшего устранения, чему, как представляется, должны способствовать высказанные нами рекомендации.

Список источников

1. Борзило Е. Ю. Система правовых антимонопольных ограничений предпринимательской деятельности: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2023.
2. Егорова М. А., Мартынов А. В. Административно-юрисдикционные механизмы компенсации имущественных убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства // Право и экономика. 2015. № 1. С. 38–45.
3. Егорова М. А. Гражданско-правовые последствия нарушений антимонопольного законодательства: моногр. М. : Юстицинформ, 2020.
4. Конкурентное право: учебник / под общ. ред. М. А. Егоровой, А. Ю. Кинева. М., 2018.
5. Парашук С. А. О сроках давности по антимонопольному и административному законодательству России // Актуальные вопросы современного конкурентного права: сб. науч. тр. / отв. ред. М. А. Егорова. Вып. 2. М. : Юстицинформ, 2018. С. 46–53.
6. Рукавишников С. М. Административная ответственность эксперта в сфере антимонопольного законодательства // Конкурентное право. 2021. № 2. С. 28–31.
7. Рыженков А. Я. Право и монополии в современной России: моногр. М. : Юстицинформ, 2017.
8. ФАС в СМИ: Арбитражный суд подтвердил законность штрафа в отношении Google в размере 2 млрд руб. // URL://<https://fas.gov.ru/publications/24071?ysclid=ljvosy3crj155452505>.

References

1. Borzilo E. Y. The system of legal antimonopoly restrictions of entrepreneurial activity: diss. ... by Dr. jurid. M., 2023.
2. Egorova M. A., Martynov A. V. Administrative and jurisdictional mechanisms of compensation of property losses caused by violation of antimonopoly legislation // Law and economics. 2015. No. 1. P. 38–45.
3. Egorova M. A. Civil consequences of violations of antimonopoly legislation: monogr. M. : Justicinform, 2020.
4. Competition Law: textbook / under the general editorship of M. A. Egorova, A. Yu. Kineva. M., 2018.
5. Parashchuk S. A. On the statute of limitations on antimonopoly and administrative legislation of Russia // Topical issues of modern competition law: sat. sci. tr. / rev. M. A. Egorova. Issue 2. M. : Justicinform, 2018. P. 46–53.
6. Rukavishnikov S. M. Administrative responsibility of an expert in the field of antimonopoly legislation // Competitive law. 2021. No. 2. P. 28–31.
7. Ryzhenkov A. Ya. Law and Monopolies in modern Russia: monograph. M. : Justicinform, 2017.
8. FAS in the media: The Arbitration Court confirmed the legality of the fine against Google in the amount of 2 billion rubles // URL://https://fas.gov.ru/publications/24071?ysclid=ljvosy3crj 155452505.

Информация об авторах

А. В. Ольшевская — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

О. М. Попович — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. V. Olshevskaya — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

O. M. Popovich — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 18.12.2023. The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

 Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя Административный процесс Четвертое издание	АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС 4-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 200 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Волкова В. В. и др. Административный процесс представлен как сложный и комплексный административно-правовой институт. Проанализированы задачи, основные принципы, участники административного процесса. Уделено внимание юрисдикционной и управленческой концепциям административного процесса. Рассмотрена структура административного процесса, виды производств. Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, а также студентов, обучающихся по специальности Государственное и муниципальное управление.

Научная статья

УДК 341.218.6

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-161-165>

EDN: <https://elibrary.ru/wsdpyi>

ИИОН: 2003-0059-7/23-914

MOSURED: 77/27-003-2023-07-113

Модели механизмов государства: институциональный и историко-правовой анализ

Владимир Сергеевич Осипов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, vs.ossipov@spa.msu.ru

Аннотация. Институциональный элемент государства обычно подразумевает под собой организацию государственной власти, а, следовательно, рассмотрение государства как института институтов по М. Ориу [1] позволяет исследовать организацию государства, аппарат государства как совокупность органов государственной власти, управленческих должностей и устойчивых связей между ними. В этом поможет и будет использован институциональный метод юридической науки. Механизм государства, как настаивает классическая теория права и государства, есть организация власти или иерархическая организация, осуществляющая государственную власть [3, с. 565]. В связи с тем, что иерархичность организации государственной власти неидентична в разных государствах, более того, организация государственной власти в отдельно взятом государстве есть уникальное явление, самобытная совокупность органов государственной власти с их компетенциями, правами и обязанностями, управленческих должностей и уникальный набор устойчивых связей между ними, то и механизм государства, а также способы организации властеотношений отличаются от государства к государству. Тем не менее, в статье предпринята попытка выделить устойчивые модели механизмов государства с использованием историко-правового и институционального юридического методов научного познания.

Ключевые слова: институциональный юридический метод, механизм государства, аппарат государства, государство, институт

Для цитирования: Осипов В. С. Модели механизмов государства: институциональный и историко-правовой анализ // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 161–165. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-161-165>. EDN: WSDPYI.

Original article

Models of state mechanisms: institutional and historical legal analysis

Vladimir S. Osipov

Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia, vs.ossipov@spa.msu.ru

Abstract. The institutional element of the state usually implies the organization of state power, and, therefore, considering the state as an institution of institutions according to M. Oriu [1] allows us to study the organization of the state, the apparatus of the state as a set of government bodies, managerial positions and stable connections between them. The institutional method of legal science will help us with this and will be used. The mechanism of the state, as the classical theory of law and state insists, is an organization of power or a hierarchical organization that exercises state power [3, p. 565]. Due to the fact that the hierarchy of the organization of state power is not identical in different states, moreover, the organization of state power in a single state is a unique phenomenon, a unique set of government bodies with their competencies, rights and responsibilities, managerial positions and a unique a set of stable connections between them, then the mechanism of the state, as well as the ways of organizing power relations, differ from state to state. However, the article makes an attempt to highlight stable models of state mechanisms using historical, legal and institutional legal methods of scientific knowledge.

Keywords: institutional legal method, state mechanism, state apparatus, state, institution

For citation: Osipov V. S. Models of state mechanisms: institutional and historical legal analysis. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):161–165. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-161-165>. EDN: WSDPYI.

Как правильно отмечает профессор А. А. Малиновский, «историко-правовой метод исследования применяется тогда, когда возникает необходимость изучить генезис конкретного правового явления или этапы эволюции правового процесса, становление и развитие институтов государства, а также правовые

учения в их ретроспективе» [4, с. 263]. Использование историко-правового метода, а также предложенного нами институционального юридического метода [2], позволили нам глубже исследовать механизм государства и способы организации властеотношений, а также выделить модели механизмов государства.

© Осипов В. С., 2023

Хотя юридической наукой хорошо исследован вопрос о форме государства, под которой понимают способ организации государственной власти, включая порядок образования и функционирования органов государственной власти, порядок их взаимоотношений и отношений с обществом, способы организации таких форм государства исследованы недостаточно, хотя попытки этого предпринимались. Так, А. А. Воротников предпринял попытку выявить корреляцию бюрократии и государства, так как, по его мнению, которое мы разделяем, именно через бюрократию реализуются многие права, свободы, интересы личности [5]. Веберовское значение бюрократического государства сводится к тому, что это организация государственной власти, которая предполагает господство общеобязательных регламентированных процедур, норм и правил, исполнение которых должно зависеть от того, кто именно и по отношению к кому их исполняет. Единый порядок, его унификация становятся гарантией против недостатков конкретных людей и возможных злоупотреблений [6, с. 30–31].

Вебер, конечно же, прав в своем описании бюрократического устройства организации, и в том, что бюрократия — это рациональная организация государственного аппарата на основе общеобязательных правил и регламентированных процедур, исполнение которых не зависит от того, кто и по отношению к кому, их исполняет. Обезличенность на основе жесткой регламентации приводит, по замыслу Вебера, к порядку. С точки зрения теории государства и права, механизм государства это структурированная совокупность средств государственного воздействия на общественные процессы и правоотношения. В механизме государства выделяют государственные органы, государственные сервисы и корпорации, процедуры принятия решений, обеспечение ресурсами государственной деятельности. В. Е. Чиркин отмечает, что механизм государства находит свое место в понятийном ряду только отечественной теории государства и права, в то время как зарубежные источники предлагают такие понятия как государственная власть, институты государства, формы государства, формы правления [7]. Он же практически отождествляет государственный аппарат и бюрократию. Кстати, сам В. Е. Чиркин уделит внимание проблематике толкования государственного аппарата и классифицировал его модели на централизованно-

сегментарные (с полноценно развитой системой разделения властей и системой сдержек и противовесов), а также на монотеократические (религия возведена в ранг официальной идеологии) [7, с. 176–183]. Мы считаем, что такая классификация имеет право на существование, но она слабо отличается от цивилизационного подхода к государству.

Механизм государства в связи со своим происхождением (20–30-е гг. прошлого века при соответствующих политических условиях) постепенно замещался термином государственный аппарат в широком смысле, но суть от этого не изменилась. Как и при исследовании института в широком смысле мы можем сказать, что механизм государства, по аналогии, включает в себя учреждения (организации), нормы и правила (процедуры) и связи, иначе нельзя говорить о системе. Учитывая, что сущность властеотношений состоит в том, что одна сторона (субъект, обладающий властью) навязывает свою волю, возведенную в ранг закона, другой стороне (объекту властеотношений), находящейся в подвластном подчиненном положении, чьи действия направляются субъектом властеотношений в рамках определенных правовыми нормами. Так вот, институциональная теория государства и ее метод позволили нам глубже присмотреться к механизму государства и способам организации властеотношений, и на основе историко-правового метода выделить следующие типы или модели механизмов государства:

- ◆ бюрократическое государство;
- ◆ сервисное государство;
- ◆ цифровое государство;
- ◆ несформировавшееся (несостоявшееся) государство.

1. Бюрократическое государство — тип механизма государства, рационально организованный на основе общеобязательных правил и регламентированных процедур, исполнение которых не зависит от того кто и по отношению к кому их исполняет.

Такой механизм государства в силу жесткой регламентации процедур построен по иерархическому принципу подчинения нижестоящих звеньев и уровней управления вышестоящему. Обычно, механизм бюрократического государства построен по принципу линейно-функциональной структуры или дивизиональной структуры управления. Исторически, это самый старый тип механизма государства, от чего во многих источниках можно обнаружить фак-

тическое отождествление государственного аппарата в широком смысле и бюрократии [8, с. 274; 9, с. 120; 10, с. 176; 11, с. 135–136; 12].

Отдельного внимания заслуживают функции бюрократического государства или бюрократической модели государственного аппарата. Так, можно выделить функцию регламентированного процедурного порядка разрешения всех вопросов, связанных с общественными отношениями; функцию технократического превосходства над несостоявшимися государствами; функцию концентрации ресурсов в выбранном направлении; функцию пресечения незаконного вмешательства государства в деятельность хозяйствующих субъектов.

Несмотря на то, что бюрократическая модель сыграла свою положительную роль, а также с учетом хорошо известных и изученных недостатков этой модели, включая негибкость. Кроме того, получение статуса субъекта принятия решения сулило личное обогащение, что делало класс управляющих элитой. Распределение благ в таком случае происходит несправедливо, что подтачивает основы государства и приводит к его падению в результате социальных потрясений и революций. Чтобы избежать последнего распределение благ должно быть более справедливым, а возможности лиц, принимающих решения обогащаться лично за счет административной ренты, должны снижаться. В конце XX в. возникла необходимость существенного повышения эффективности и гибкости государственного аппарата, в результате чего появилась идея сервисного государства.

2. Сервисное государство — это тип механизма государства, в котором политический порядок и система государственного управления направлены на массовое стандартизированное удовлетворение индивидуальных потребностей граждан в государственных услугах.

Причиной появления модели сервисного государства (или типа механизма государства) кроется в недостатках предыдущего типа — бюрократического. Следует признать провальным попытку уравнять отношения субъектов управления к объектам, в зависимости от их родственных, дружеских и иных связей, что породило главную болезнь государства — коррупцию. Сервисное государство в отличие от бюрократического не принимает решений, точнее государственному служащему не предостав-

ляется право принятия решения, но формируются условия для оказания услуг населению. Важно отметить замену «государственного решения» на «предоставление государственной услуги». Обычно при переходе от бюрократического государства к сервисному принимается нормативный акт (закон), которым устанавливаются правила предоставления государственных услуг физическим и юридическим лицам, организация механизма предоставления таких услуг и другие вопросы.

3. Цифровое государство — тип механизма государства, в котором политический порядок и система государственного управления формируются на базе интернет-платформ, а массовые стандартизированные государственные услуги предоставляются гражданам через персональные компьютеры или смартфоны.

Можно сказать, что сервисное государство — это переходный этап от бюрократического к цифровому государству. Процесс трансформации из бюрократического государства в цифровое проходит через стадию или тип сервисного государства. И в этой логике мы должны заметить, что невозможно перейти от бюрократического государства к цифровому напрямую, так как невозможно перейти от единичного производства к массовому индивидуализированному удовлетворению потребностей потребителей. Это своего рода закон эволюции бизнеса, который проявляется и в государственном управлении в связи с принятием им инструментария бизнеса. В рамках парадигмы трансформации в цифровое государство важно отметить присутствие рисков нарушения прав человека и гражданина. Структура государственного аппарата здесь преобразуется в проектно-функциональную, где процессное управление (характерное для бюрократического или сервисного типов) заменяется на проектный по направлениям стратегического развития государства (например, по национальным проектам). Курирующие такие проекты государственные служащие высшего уровня несут ответственность за формирование команды исполнителей, исполнение и результаты порученных проектов. Важно отметить, что все проекты осуществляется на базе интернет-платформ с функциями массового сбора информации (big data), ее обработки с помощью искусственного интеллекта (Artificial Intelligence) и доставки решений потребителям с помощью интернета вещей (Internet-of-Thing).

Самым большим риском здесь представляется возможность использования информации о человеке против самого человека, что приведет к установлению цифрового тоталитаризма [13, с. 53–62; 14, с. 99–108].

4. Несформировавшееся (несостоявшееся государство, или по В. Е. Чиркину — «протогосударство» [10, с. 46]). Эта модель механизма государства или государственного аппарата в широком смысле характерна для тех государств, которые в полном смысле этого слова ими не являются. Отсутствие одного из трех элементов государства — института территории, института народонаселения или института организации государственной власти влечет за собой утрату возможности государства называться государством. Такие государства принято называть несостоявшимися. Обычно, в них отсутствует или крайне слабо развит элемент организации государственной власти в силу гражданской войны, длительных межклановых, межконфессиональных и иных противоречий, спорадические переходящих в горячую фазу. В эту же типологию входят так называемые государства-изгои, которых весь остальной мир не признает субъектами международных публичных правоотношений. На наш взгляд, самое значительное произведение по этой проблематике принадлежит перу А. Штырбула [15]. А наиболее ярким примером несостоявшегося государства следует назвать Сомали. После свержения жестокого диктаторского режима Сиада Барре демократически настроенными гражданами 26 января 1991 г. Сомали ждал период распада, воцарилась анархия. Следствием анархии стал голод, который унес в 1991–1992 гг. жизни около 300 тыс. человек. На севере страны 18 мая 1991 г. произошел территориальный раскол, отделилась часть территории под названием Независимое государство Сомалиленд, однако, не признанное мировым сообществом. В 1998 г. на востоке страны было образовано «автономное государство» Пунтленд. Из-за наличия запасов нефти в этих районах периодически возникают вооруженные столкновения за право обладания нефтеносными территориями Санааг и Сул. Из-за непрекращающихся вооруженных столкновений между неподконтрольными никому бандитскими группировками, голода и нескончаемого потока беженцев, в 1992 г. в страну были введены миротворцы, но уже к 1995 г. они были выведены из-за нападения бандитских группировок на

миротворцев. К 2000 г. накопилась усталость от постоянных вооруженных конфликтов и основные кланы каким-то образом поделили всю территорию государства на зоны влияния. Попытки сформировать общее правительство для всей страны приводили к новым столкновениям и убийствам потенциальных или избранных лидеров. К 2010 г. сомалийские незаконные вооруженные группировки «освоили» новый вид деятельности (ведь грабить было уже некого и нечего); начался расцвет пиратства в морских водах Сомали. Международному сообществу понадобилось два года, чтобы справиться с этой проблемой. В 2006 г. власть в стране попытались взять исламские радикальные группировки. В настоящий момент (после 30 лет анархии и гражданской войны), признанное мировым сообществом правительство контролирует только часть страны. Север находится под контролем независимого Сомалиленда, а Северо-восток контролирует Пунтленд. Некоторые части территории некогда целостного государства находятся под контролем автономных группировок, часть территорий не контролируется никем. Политическая карта Сомали похожа на лоскутное одеяло, форма лоскутков на котором постоянно меняется. В середине июня 2020 г. в Джибути прошел очередной раунд переговоров между лидерами Сомали и непризнанного Сомалиленда, но никакие договоренности на них достигнуты не были [16].

Список источников

1. Ориу М. Основы публичного права. М.: Издательство Коммунистической академии, 1929.
2. Осипов В. С. Институциональный метод в государственно-правовых исследованиях // Вопросы экономики и права. 2020. № 150. С. 21–25.
3. Нерсисянц В. С., Лазарев В. В., Лапаева В. В. и др. Проблемы общей теории права и государства. М., 1999.
4. Малиновский А. А. История и методология юридической науки. М.: Прометей, 2022.
5. Воротников А. А. Бюрократия и государство: история взаимоотношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 4 (99). С. 103.
6. Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. Т. IV Господство. М.: ИД ВШЭ, 2019.

7. Чиркин В. Е. Основы сравнительного государственоведения. М. : Издательский дом «Артикул», 1997.

8. Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права (государство). Т. 1. М.: Проспект, 2008.

9. Морозова Л. А. Теория государства и права. М. : Юрист, 2003.

10. Чиркин В. Е. Сравнительное государственоведение. М. : Норма, Инфра-М, 2019.

11. Гребер Д. Утопия правил. О технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016.

12. Niskanen W. A. Bureaucracy and Representative Government. Chicago: Aldine-Atherton, 1971.

13. Osipov V. Digital State: Creation Through Project-Functional Structure of Public Administration. In Book: Post-Industrial Society. The Choice Between Innovation and Tradition. Palgrave Macmillan, 2021.

14. Osipov V. «Who Will Rule?»: Institution of State in the Transformation Process of the Twentieth and Twenty-First Centuries. In Book: Post-Industrial Society. The Choice Between Innovation and Tradition. Palgrave Macmillan, 2021.

15. Штырбул А. Безгосударственные общества в эпоху государственности. М. : Common Place, 2018.

16. Алексеев А. Не страна, а одно название. Что произошло в Сомали за 60 лет независимости // URL://<https://www.kommersant.ru/doc/4405229id1217512>.

References

1. Hauriou M. Fundamentals of public law. M. : Publishing House of the Communist Academy, 1929.

2. Osipov V. S. Institutional method in state-legal research // Issues of economics and law. 2020. № 150. P. 21–25.

3. Nersesyants V. S., Lazarev V. V., Lapaeva V. V. etc. Problems of the general theory of law and state. M., 1999.

4. Malinovsky A. A. History and methodology of legal science. M. : Prometheus, 2022.

5. Vorotnikov A. A. Bureaucracy and the state: history of relationships // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2014. № 4 (99). P. 103.

6. Weber M. Economy and Society. Essays on understanding sociology. Vol. IV Domination. M. : HSE Publishing House, 2019.

7. Chirkin V.E. Fundamentals of comparative government. M. : Publishing house «Artikul», 1997.

8. Marchenko M.N. Problems of the general theory of state and law (state). Т. 1. М. : Prospekt, 2008.

9. Morozova L. A. Theory of Government and Rights. M. : Yurist, 2003.

10. Chirkin V. E. Comparative government. M. : Norma, Infra-M, 2019.

11. Graeber D. Utopia of rules. About technology, stupidity and the secret charm of bureaucracy. M. : Ad Marginem Press, 2016.

12. Niskanen W. A. Bureaucracy and Representative Government. Chicago : Aldine-Atherton, 1971.

13. Osipov V. Digital State: Creation Through Project-Functional Structure of Public Administration. In Book: Post-Industrial Society. The Choice Between Innovation and Tradition. Palgrave Macmillan, 2021.

14. Osipov V. «Who Will Rule?»: Institution of State in the Transformation Process of the Twentieth and Twenty-First Centuries. In Book: Post-Industrial Society. The Choice Between Innovation and Tradition. Palgrave Macmillan, 2021.

15. Shtyrbul A. Stateless societies in the era of statehood. M. : Common Place, 2018.

16. Alekseev A. Not a country, but one name. What happened in Somalia during 60 years of independence // URL://<https://www.kommersant.ru/doc/4405229id1217512>.

Информация об авторе

В. С. Осипов — заведующий кафедрой мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

V. S. Osipov — Head of the Department of World Economy and Foreign Economic Management of the Faculty of Public Administration of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 14.12.2023.
The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 14.12.2023.

Научная статья

УДК 347.736

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-166-170>

EDN: <https://elibrary.ru/ykefqc>

НИОН: 2003-0059-7/23-915

MOSURED: 77/27-003-2023-07-114

Общеправовые и специальные принципы несостоятельности (банкротства) юридических лиц: нормативное закрепление, сущность и значение

Сергей Герасимович Павликов¹, Антон Юрьевич Сычев²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, spavlikov@fa.ru

² Московский областной филиал Союза Арбитражных Управляющих «Авангард», Долгопрудный, Россия, anton@aclaw.ru

Аннотация. Изучается нормативное закрепление, сущность и значение общеправовых и специальных принципов несостоятельности (банкротства) юридических лиц для развития теоретических и обуславливающих их практических результатов оптимизации данного института. Обосновывается суждение о том, что в системе взаимосвязанных принципов несостоятельности (банкротства) юридических лиц необходимо выделять специальные принципы, в числе которых самостоятельные начала ответственности юридического лица, недопустимость противодействия холдинговых структур реализации процедур несостоятельности (банкротства) и т. п. Такой научный подход позволяет в наибольшей мере уяснить сущность, специфику, перспективы и пути оптимизации изучаемых процедур несостоятельности (банкротства). Охарактеризованы ситуации, когда имеет место своеобразное «сочетание» общеправовых и специальных принципов; так, например, относительно целесообразности участия (или неучастия) в реализации превенции банкротства или уточнении обязательств соответствующего банка Агентством по страхованию вкладов принимается согласно принципам минимального использования фонда страхования вкладов (в части его средств) или же иного имущества данной структуры, необходимой осведомленности о финансовом положении соответствующего банка (специальные принципы), а также принципов разумности и добросовестности (общеправовые принципы).

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, принцип, добросовестность, разумность, равенство, система

Для цитирования: Павликов С. Г., Сычев А. Ю. Общеправовые и специальные принципы несостоятельности (банкротства) юридических лиц: нормативное закрепление, сущность и значение // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 166–170. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-166-170>. EDN: YKEFQC.

Original article

General legal and special principles of insolvency (bankruptcy) of legal entities: regulatory consolidation, essence and significance

Sergey G. Pavlikov¹, Anton Yu. Sychev²

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, spavlikov@fa.ru

² Moscow Regional Branch of the Union of Arbitration Managers «Avangard», Dolgoprudny, Russia, anton@aclaw.ru

Abstract. The normative consolidation, the essence and significance of the general legal and special principles of insolvency (bankruptcy) of legal entities for the development of theoretical and practical results of optimization of this institution are being studied. The judgment is substantiated that in the system of interrelated principles of insolvency (bankruptcy) of legal entities it is necessary to identify special principles, including the independent principles of responsibility of a legal entity, the inadmissibility of opposition by holding structures to the implementation of insolvency (bankruptcy) procedures, etc. This scientific approach makes it possible to understand the essence, specifics, prospects and ways to optimize the studied insolvency (bankruptcy) procedures to the greatest extent. The situations where a peculiar «combination» of general legal and special principles takes place are characterized; so, for example, regarding the expediency of participation (or non-participation) in the implementation of bankruptcy prevention or clarification of the obligations of the relevant bank, the Deposit Insurance Agency is accepted in accordance with the principles of minimum use of the deposit insurance fund (in part of its funds) or other property of this structure, the necessary awareness of the financial situation of the relevant bank (special principles), as well as principles of reasonableness and good faith (general legal principles).

Keywords: insolvency, bankruptcy, principle, integrity, reasonableness, equality, system

For citation: Pavlikov S. G., Sychev A. Yu. General legal and special principles of insolvency (bankruptcy) of legal entities: regulatory consolidation, essence and significance. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):166–170. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-166-170>. EDN: YKEFQC.

© Павликов С. Г., Сычев А. Ю., 2023

Введение. Характеризуя общеправовые принципы несостоятельности (банкротства) именно юридических лиц, представляется необходимым отметить, что их перечень, во многом, сходен (но не тождественен) с постулатами, применяемыми в отношении процедур, используемых в отношении физических лиц.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание — это наличие системы взаимосвязанных принципов, в том числе общеправовых и специальных несостоятельности (банкротства). Конкретные примеры такой взаимосвязи приводятся в настоящей статье.

Третий момент носит также специфический характер. Многие исследователи характеризуют некоторые принципы, например, равенства субъектов общественных отношений как общеправовые, в том числе в сфере реализации анализируемых процедур; спорный характер данного суждения обосновывается в представленной работе на конкретных примерах из правоприменительной практики.

Методы. Методологическую основу представленной статьи составляют, в первую очередь методы общенаучного цикла; в числе таковых индукция и дедукция, диалектика логика, анализ и синтез, а также методика экстраполяции, функциональных начал, прогностическая методика и др.

Также использовались авторами специальные методы исследования: сравнительно-правовой метод; формально-юридический метод; метод юридической герменевтики и др.

Основное исследование. Примером общеправовых принципов в анализируемой сфере общественных отношений можно привести достаточно много. Так, члены кредитного кооператива (ст. 189.6 Закона о несостоятельности (банкротстве) [10, с. 22–23] (далее — НПА о несостоятельности) потенциально могут (при условии, если их деяния (действия и бездействия) обусловили банкротство хозяйствующего субъекта) признаться виновными при дополнительном обязательном факторе — игнорировании ими принципам *добросовестности и разумности* [здесь и далее — выд. авт.]

Однако имеет место своеобразное «сочетание» общеправовых и специальных принципов; так, например, относительно целесообразности участия (или неучастия) в реализации превенции банкротства или уточнении обязательств соответствующего банка Агентством по страхованию вкладов прини-

мается согласно *принципам минимального использования фонда страхования вкладов (в части его средств) или же иного имущества данной структуры, необходимой осведомленности о финансовом положении соответствующего банка, (специальные принципы), а также принципам разумности и добросовестности* (общеправовые принципы).

Другой пример: НПА о несостоятельности (ст. 25.1) фиксирует: у саморегулируемой организации арбитражных управляющих компенсационный фонд должен быть использован соответствующей управляющей компанией в процессе инвестирования средств такого фонда на *принципах разумности и добросовестности, а также ликвидности, надежности и диверсификации*.

Относительно данной корреляции в разных аспектах высказываются многие авторы. К примеру, О. В. Гутников отмечает, что по общему правилу юридическое лицо несет «персонифицированную» ответственность, что обусловливается принципами *самостоятельной правосубъектности и отделения закрепленного за ними имущества* [2].

При этом они обоснованно ссылаются как на цивилистическую науку, так и на правоприменительную и, прежде всего, судебную практику. Так, например, высшая судебная инстанция установила, что формирование преимущественных условий для кредитора не соответствует *принципу юридического равенства* [5, с. 23]. Также согласно правовой позиции этого Суда перемена кредитора в обязательстве не может ухудшить правовое положение должника в силу *принципов свободы договорных отношений, равенства участников гражданского оборота свободного осуществления гражданских прав* [6] и т. д.

Группа ученых констатирует отсутствие «последовательности» при реализации этого универсального принципа при применении процедур несостоятельности (банкротства), а также «постепенное размытие» содержания данного принципа [3].

Суть сомнений в «универсальности» этого принципа (как, впрочем, и большинства других общеправовых принципов) понятна. Например, в анализируемом случае «равенство кредиторов» в процедурах несостоятельности (банкротства) в условиях рыночной экономики де-факто тождественно равному экономическому риску, принятию этого постулата всеми участниками изучаемых общественных отношений, что вряд ли осуществимо во всех без исключения случаях [4].

Тем не менее, это спорный тезис, как правило, не поддерживаемый судебной практикой. В частности, судебные инстанции отмечают: принцип равенства обуславливает возможность присоединения иных кредиторов [7] к поданному заявлению в части привлечения к ответственности, носящей субсидиарный характер (причем, «вне рамок дела о банкротстве»).

И, наконец, представляется, что специальные принципы несостоятельности (банкротства) юридических лиц позволяют все в наибольшей мере уяснить сущность, специфику, перспективы и пути оптимизации изучаемых процедур (впрочем, с учетом их безусловной корреляции с общеправовыми принципами (равенства, свободы и диспозитивности и т. п.).

Осуществим попытку обосновать данное суждение. Безусловно, одним из наиболее важных следует назвать *принцип ответственности* (самостоятельной) юридических лиц при несостоятельности (банкротстве).

Как думается, этот принцип в числе специальных является одним из наиболее действенных в части обеспечения стабильности гражданского оборота в контексте удовлетворения интересов кредиторов. С другой стороны, он и один из наиболее спорных (даже если исходить из сугубо формального количества жалоб и обращений кредиторов).

Вряд ли он может быть охарактеризован как универсальный. В Определении федерального органа конституционного контроля указано, что *принцип самостоятельной ответственности ООО* обусловлен самим статусом юридического лица (наличие собственной правоспособности, имущественной обособленности), но НПА о несостоятельности в отдельных случаях не исключают привлечения к субсидиарной ответственности участников и учредителей должника; такой подход призван обеспечить кредиторов юридического лица в части их имущественных интересов.

Аналогичный подход имеет место и в других правовых позициях федерального органа конституционного контроля.

С этим принципом тесно взаимосвязан *принцип санации, «сохранения» юридического лица*.

Очевидно, что российская модель, исключая возможность привлечения юридического лица к уголовной ответственности, во многом, обеспечивает этот принцип «сохранности», что, разумеется, не исключает ответственности учредителей и иных лиц,

формирующих юридические лица с противоправной целью, либо реализующих такие цели в процессе экономической деятельности.

Однако некоторые авторы не без оснований констатируют низкую эффективность превенции противоправных деяний при несостоятельности (банкротстве) на основе уголовно-правовых механизмов [9].

По мнению авторов статьи, эффективность процедур по превенции противоправных лиц, во многом, снижается в силу давно уже имеющей место в российской правовой системе модели: юридического отрицания и фактического наличия холдинговых структур.

Причины, в силу которых отсутствует закон о холдингах, понятны правоведам. В этом плане нас более интересует вопрос о *принципе недопустимости противодействия холдинговых структур реализации процедур несостоятельности (банкротства)*.

Так, своеобразный «выход» из ситуации «контроля» многие хозяйствующие субъекты видят в продолжении формирования холдинговых конструкций. Интересны в этом плане рассуждения А. В. Габова, который ассоциирует со своеобразной «наградой» формирование «собственных» начал регулирования для «материнского» юридического лица. [1].

Многие другие известные специалисты в сфере регулирования анализируемых отношений в этом плане отмечают необходимость осуществления не только контроля де-юре, прямо предписанного НПА о несостоятельности (п. 1 ст. 61.10), но и де-факто (подп. 4 п. 2 ст. 61.10). При этом акцент делается на то обстоятельство, что сама именно в рамках изучаемых процедур несостоятельности (банкротства) детально обеспечивается правовое регулирование института, контролирующего (должника) лица [8].

Можно выделить и иные специальные принципы, например, постулат *возможности путем конкурсного производства прекращения юридических лиц*. В этом случае принцип использования ликвидационных действий независимым профессионалом можно охарактеризовать как важнейший принцип ликвидации юридического лица на основе процедуры конкурсного производства [4].

Небезынтересно, что специальные принципы могут лежать в основе процедурных вопросов. Так, согласно подзаконному нормативному акту в процессе разрешения дел из числа анализируемой категории по *принципу формирования основного и производных*

дел образуется судебное производство (производное дело носит характер части основного дела).

Выводы. Итак, в системе изучаемых принципов присутствуют:

а) генеральные (базисные) принципы, в числе которых:

♦ общеправовые (принципы справедливости, правовой определенности и стабильности, добросовестности разумности, равенства перед законом и судом, недопустимости повторного привлечения к юридической ответственности (в частности, к руководителю должника) и др.;

б) универсальные специальные принципы: стремления к мировому соглашению (достижения консенсуса между должником и кредиторами); очередности, пропорциональности и сбалансированности погашения реестровых требований кредиторов и др.;

в) специальные принципы процедур несостоятельности (банкротства):

♦ для юридических лиц: принципы применения процедур санации (для предупреждения банкротства и восстановления платежеспособности должника); внешнего управления (для восстановления платежеспособности должника) и т. д.

В системе взаимосвязанных принципов несостоятельности (банкротства) изучаемых структур именно принципы специальной направленности (ответственности юридических лиц на самостоятельных началах, недопустимости противодействия холдинговыми структурами реализации процедур несостоятельности (банкротства) и т. п.) позволяют в наибольшей мере уяснить сущность, специфику, перспективы и пути оптимизации изучаемых процедур.

Данный вывод обосновывается рядом факторов: так, «универсальность» ряда общеправовых принципов носит спорный характер применительно к изучаемым процедурам. Например, «равенство кредиторов» в процедурах несостоятельности (банкротства) в условиях рыночной экономики де-факто тождественно равному экономическому риску, принятию этого постулата всеми участниками изучаемых общественных отношений, что вряд ли возможно в реальной правоприменительной практике.

Список источников

1. Габов А. В. Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. 2022. № 3. С. 11–21.

2. Гутников О. В. Тенденции развития корпоративного права в современных условиях // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 59–73.

3. Кокорин И. В. Все кредиторы равны, но некоторые ровнее других. К вопросу о субординации корпоративных займов при банкротстве в России, Германии и США // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 119–137.

4. Ломакин Д. В. Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 93–110.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2018 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 8. С. 23.

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 сентября 2015 г. № 307-ЭС15-6545 по делу № А13-1513/2014 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 10. С. 51.

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 октября 2016 г. № 305-ЭС16-7657 по делу № А40-125377/2015 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11. С. 25.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3. С. 34–36.

9. Субачев А. К. Субъекты криминального банкротства: оценка законодательных новелл и прогноз их правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1. С. 99–114.

10. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 4 октября 2023 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» // Парламентская газета. 2002. 2 нояб.

References

1. Gabov A. V. Economic dependence of legal entities: some reflections on the development of the institute // Civil Law. 2022. № 3. P. 11–21.

2. Gutnikov O. V. Trends in the development of corporate law in modern conditions // Journal of Russian Law. 2020. № 8. P. 59–73.

3. Kokorin I. B. All creditors are equal, but some are more equal than others. To the question of subordination of corporate loans in bankruptcy in Russia, Germany and the USA // Vestnik of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. № 2. P. 119–137.

4. Lomakin D.V. Principle of independent responsibility of a legal entity: rule and exceptions // Vestnik of Civil Law. 2020. № 1. P. 93–110.

5. «Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 4 (2018)» (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 26, 2018) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. № 8. P. 23.

6. Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of September 25, 2015 № 307-ES15-6545 in case № A13-1513/2014 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 10. P. 51.

7. Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of October 6, 2016, № 305-ES16-7657 in case № A40-125377/2015 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. № 11. P. 25.

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2017, № 53 «On Some Issues Related to Bringing Debtor Controlling Persons to Liability in Bankruptcy» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 3. P. 34–36.

9. Subachev A. K. Subjects of criminal bankruptcy: assessment of legislative novelties and forecast of their enforcement // Actual problems of Russian law. 2023. № 1. P. 99–114.

10. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ (ed. October 4, 2023) «On Insolvency (Bankruptcy)» // Parliamentary Gazette. 2002. November 2.

Информация об авторах

С. Г. Павликов — руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

А. Ю. Сычев — руководитель Московского областного филиала Союза Арбитражных Управляющих «Авангард».

Information about the authors

S. G. Pavlikov — Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor;

A. Yu. Sychev — Head of the Moscow Regional Branch of the Union of Arbitration Managers «Avangard».

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 18.12.2023. The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

 Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя Н.Д. Эриашвили Финансовое право Учебник Четвертое издание	ФИНАНСОВОЕ ПРАВО 4-е изд., перераб. и доп. Учебник. 663 с. Гриф МО РФ Гриф УМЦ «Профессиональный учебник» Гриф НИИ образования и науки Эриашвили Н. Д. Рассматривается финансовое право в аспекте наиболее актуальных вопросов правового регулирования важнейших институтов этой отрасли права в современный период развития экономики. Учтены изменения и дополнения, внесенные в законодательство России по состоянию на 1 сентября 2016 г. Основное внимание уделяется правовым основам и принципам финансовой деятельности, правовому регулированию бюджетных отношений и налогообложения. Анализируются правовые основы государственного и муниципального кредита, правовое регулирование банковской деятельности, а также правовые основы денежного обращения.

Научная статья

УДК 347.211

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-171-175>

EDN: <https://elibrary.ru/yoasav>

НИОН: 2003-0059-7/23-916

MOSURED: 77/27-003-2023-07-115

Правовой режим утилитарных цифровых прав как способ регулирования правоотношений в сфере краудфандинга

Никита Андреевич Петраков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, petrackow.nikit@yandex.ru

Аннотация. Проведен анализ краудфандинговой деятельности и деятельности по привлечению инвестиций с использованием инвестиционных платформ путем выпуска утилитарных цифровых прав. Сделаны выводы о сходстве правоотношений, возникающих в указанных сферах и необходимости экстраполяции правового статуса оператора инвестиционной платформы на оператора краудфандингового сервиса, механизма правового регулирования и его соответствия регулируемым правоотношениям.

Ключевые слова: краудфандинг, утилитарные цифровые права, инвестиционная платформа, цифровое право, цифровая экономика, цифровизация

Для цитирования: Петраков Н. А. Правовой режим утилитарных цифровых прав как способ регулирования правоотношений в сфере краудфандинга // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 171–175. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-171-175>. EDN: YOASAV.

Original article

Legal regime of utilitarian digital rights as a way to regulate legal relations in the field of crowdfunding

Nikita A. Petrakov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, petrackow.nikit@yandex.ru

Abstract. An analysis of crowdfunding activities and activities to attract investments using investment platforms through the issuance of utilitarian digital rights was carried out. Conclusions are drawn about the similarity of legal relations that arise in these areas and the need to extrapolate the legal status of the operator of the investment platform to the operator of the crowdfunding service, mechanism of legal regulation and its compliance with regulated legal relations.

Keywords: crowdfunding, utilitarian digital rights, investment platform, digital law, digital economy, digitalization

For citation: Petrakov N. A. Legal regime of utilitarian digital rights as a way to regulate legal relations in the field of crowdfunding. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):171–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-171-175>. EDN: YOASAV.

Понятие «краудфандинг» является производным от английских слов: crowd — толпа, funding — финансирование. О. Ю. Чупрова приводит следующее определение: «Краудфандинг — это привлечение финансов от большого числа граждан, которое осуществляется с целью продвижения услуги или продукта, а также организации каких-либо мероприятий» [1].

В подп. 1.9 федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» [2], осуществляемого в рамках программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [3], говорится о необходимости «принятия федерального закона, преду-

сматривавшего регулирование осуществления краудфандинговой деятельности (деятельности по привлечению инвестиций с использованием инвестиционных платформ)».

Несмотря на то, что в отечественном законодательстве понятие «краудфандинг» не закреплено, деятельность по организации привлечения инвестиций и содействию в инвестировании урегулирована нормами Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] (далее — ФЗ о краудфандинге).

© Петраков Н. А., 2023

В тексте упомянутого закона под деятельностью по организации привлечения инвестиций понимается оказание услуг по содействию в инвестировании и услуг по привлечению инвестиций с использованием инвестиционной платформы.

Важно отметить, что значительную роль в современном краудфандинге играют именно специальные инвестиционные и краудфандинговые интернет-платформы (прим. авт.: инвестиционные платформы — платформы, действующие в соответствии с ФЗ о краудфандинге, краудфандинговые — все остальные). На них размещается информация о проектах, нуждающихся в финансировании, информация о вознаграждении для инвесторов, сроках реализации проекта, количестве собранных средств и т. д. Доступ к размещению данной информации, а также у информации о других проектах предоставляет оператор соответствующей платформы. Также оператор оказывает услуги по сбору денежных средств инвесторов, в некоторых случаях контролирует исполнение обязательств лицом, привлекающим инвестиции. Таким образом, в правоотношении, возникающем в связи с инвестированием и привлечением инвестиций, помимо инвестора и лица, привлекающего инвестиции, появляется новый субъект — оператор инвестиционной платформы, правовой статус которого урегулирован ФЗ о краудфандинге.

Обобщая данные различных инвестиционных проектов, размещенных на таких платформах как Planeta.ru [5], Boomstarter [6], «Инвестиционный компас» [7] и др. следует выделить основные направления привлечения инвестиций с использованием цифровых платформ: финансирование стартапов, благотворительность.

В случае, если целью проекта не является благотворительность, то лицо, привлекающее инвестиции, обычно предусматривает вознаграждения для инвесторов, которое они получают в случае, если проект будет реализован.

Рассмотрим, что именно понимается под данным вознаграждением за участие в краудфандинге в качестве инвестора через призмы правил различных краудфандинговых платформ. В правилах сервиса Boomstarter указано, что под вознаграждением может быть «размещение информации о спонсоре или передача товара, выполнение работ/оказание услуг, предоставление права пользования исключительным правом». Платформа Planeta.ru определяет воз-

награждение как «предоставление предмета (услуги) или нематериального поощрения». В правилах инвестиционной платформы «Инвестиционный компас» понятия «вознаграждение» в контексте выплаты инвестору «дивидендов» за участие в проекте не фигурирует. Однако его заменяет схожее по смыслу с вознаграждением на рассмотренных выше краудфандинговых площадках понятие «утилитарное цифровое право», которое получает инвестор в обмен на инвестиции.

Утилитарное цифровое право в соответствии с ФЗ о краудфандинге в свою очередь включает в себя следующие права требования к его эмитенту: право требовать передачи вещи, передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности, выполнения работ и (или) оказания услуг. Очевидно, что данные права созвучны с тем, что вкладывается в понятие «вознаграждение» на краудфандинговых платформах.

Таким образом, можно не только проводить параллель между инвестиционными платформами, привлечение инвестиций на которых возможно путем выпуска утилитарных цифровых прав, и краудфандинговыми сервисами, но и стереть между ними границу вообще. Между привлечением инвестиций с использованием инвестиционных платформ путем выпуска утилитарных цифровых прав и краудфандингом существуют следующие сходства.

1. Предмет деятельности — привлечение инвестиций.

2. Возникающие в рамках данной деятельности правоотношения, имеющие сложную структуру, в которой прослеживаются две группы правоотношений: правоотношения по поводу использования инвестиционной или краудфандинговой платформы (оператор — инвестор / лицо, привлекающее инвестиции), правоотношения по поводу непосредственно инвестирования (инвестор — лицо, привлекающее инвестиции).

2.1. Объект — действия, направленные на предоставление доступа к функционалу платформы / предоставление инвестиций.

2.2. Субъектный состав, включающий в себя лицо, привлекающее инвестиции, инвестора, оператора инвестиционной или краудфандинговой платформы.

2.3. Содержание, предполагающее наличие корреспондирующих прав и обязанностей у субъектов.

Так, например, в числе прав пользователей инвестиционной платформы можно выделить следующие:

а) право на доступ к платформе и получение информации, размещенной на веб-сайте краудфандинговой или инвестиционной платформы;

б) право на размещение инвестиционных предложений (краудфандинговых проектов);

в) право на акцепт инвестиционного предложения (на участие в краудфандинговом проекте) способами, предусмотренными правилами платформы и предложенными лицом, привлекающим инвестиции;

г) право на отзыв акцепта инвестиционного предложения (на отказ от участия в краудфандинговом проекте);

д) право на распоряжение денежными средствами, перечисленными на номинальные счета оператора;

е) право лица, привлекающего инвестиции, на получение денежных средств, собранных в рамках инвестиционного предложения (краудфандингового проекта) и др.

К числу обязанностей пользователей инвестиционных и краудфандинговых платформ можно отнести следующие:

а) соблюдать предусмотренные оператором платформы правила;

б) оплатить услуги оператора инвестиционной (краудфандинговой) платформы;

в) предоставлять достоверные и актуальные персональные данные при регистрации на платформе, уведомлять оператора в случае их изменения;

г) обеспечивать сохранность своих учетных данных для доступа к платформе;

д) обязанность лица, привлекающего инвестиции, исполнить обязательства перед инвесторами и др.

Другая сторона правоотношений, оператор, наделяется следующими правами:

а) получать от пользователей плату за предоставление доступа к инвестиционной (краудфандинговой) платформе;

б) проводить работы, направленные на техническое обслуживание и модификацию инвестиционной (краудфандинговой) платформы, не влияющие на смысл и содержание информации о пользователях, их средствах на номинальном счете, их взаимных обязательствах, утилитарных цифровых правах;

в) совершать операции по перечислению денежных средств пользователей с номинального счета и др.

Также на оператора возлагаются обязанности:

а) предоставить пользователям доступ к инвестиционной (краудфандинговой) платформе;

б) вести реестры заключаемых на платформе инвестиционных договоров, содержащих информацию об обязательствах, удостоверяемых утилитарным цифровым правом, а также иных обязательствах лица, привлекающего инвестиции;

в) обеспечивать надежность и бесперебойность работы инвестиционной (краудфандинговой) платформы, сохранность реестров инвестиционных договоров и утилитарных цифровых прав и др.

Очевидно, утилитарное цифровое право, выражающееся в праве требовать передачи вещи или оказания услуги, вполне соотносится с содержанием так называемых поощрений краудфандинговых проектов. Например, передача виниловой пластинки, которая является итогом проекта по сбору средств на запись нового альбома музыкальной группой, или передача билетов на ее концерт может охватываться как договором предзаказа так и договором о приобретении утилитарного цифрового права.

Что касается различий между инвестиционной платформой и краудфандинговым сервисом, то они наблюдаются преимущественно в механизме реализации права инвестора (схема 1).

Механизм реализации права в случае утилитарного цифрового права характеризуется большим участием оператора платформы. В отличие от оператора краудфандинговых платформ он не только аккумулирует денежные средства на номинальных счетах и по завершению краудфандинговой кампании перечисляет их лицу, привлекающему инвестиции, он ведет реестр утилитарных цифровых прав. В соответствии с ФЗ о краудфандинге «утилитарное цифровое право возникает у первого приобретателя, переходит от одного лица к другому лицу и (или) прекращается с момента внесения информации об этом в инвестиционной платформе в соответствии с правилами этой инвестиционной платформы». Таким образом, обладатель утилитарного цифрового права подтверждает оператору исполнение перед ним обязательств лицом, привлекающим инвестиции, а затем оператор вносит в систему данные о том, что УЦП погашено. В случае с краудфандинговыми сервисами такой механизм отсутствует.

Говоря о различиях правового режима инвестиционных и краудфандинговых платформ, необхо-

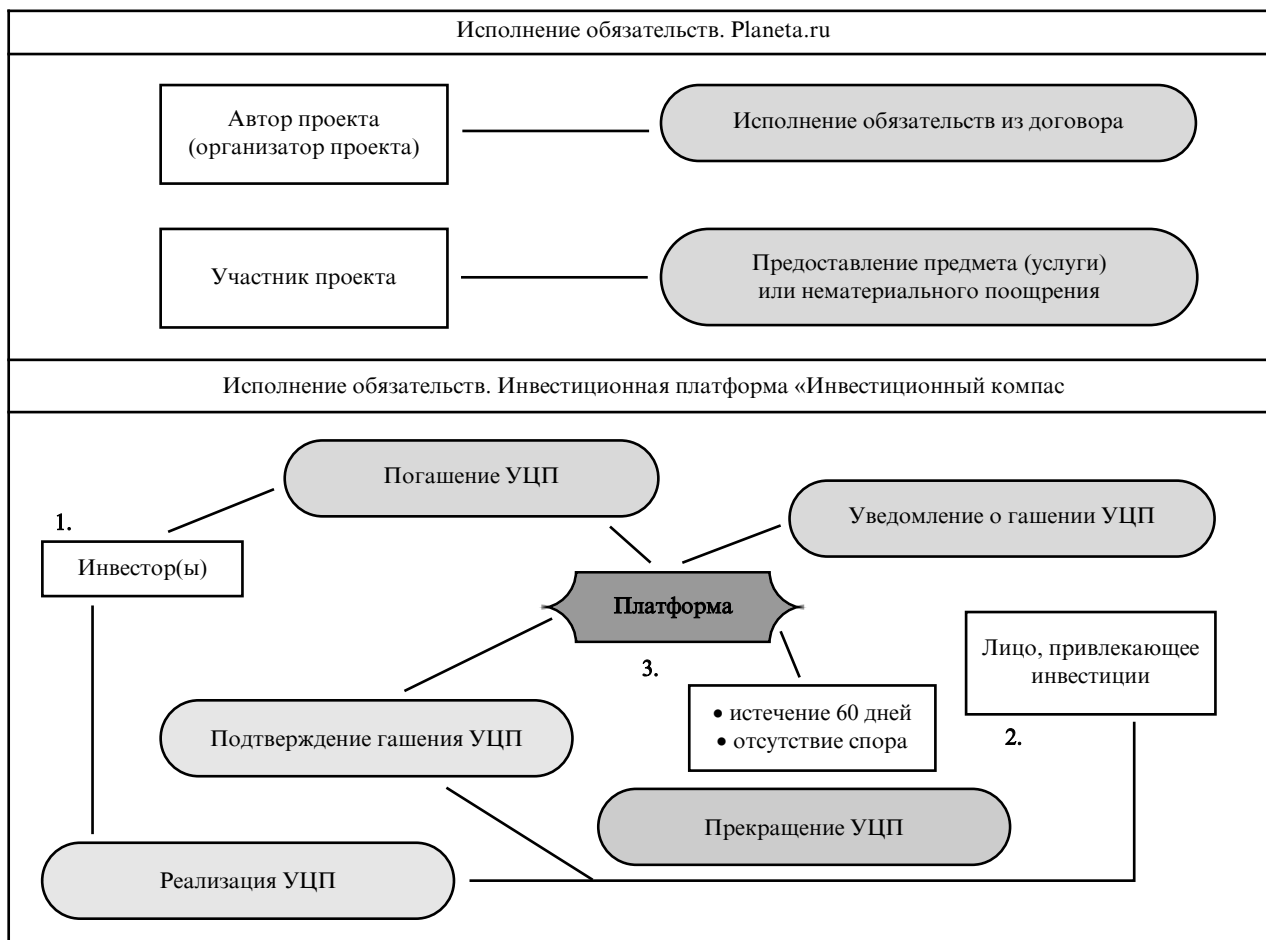

Схема 1. Сравнение алгоритмов реализации прав инвесторов

димо отметить, что техническая сторона инвестиционных платформ должна соответствовать многочисленным требованиям ФЗ о краудфандинге, содержащихся в ст. 11 указанного закона. Кроме того, правила самой инвестиционной платформы и вносимые в них изменения подлежат согласованию с Банком России. Однако в отношении краудфандинговых сервисов указанные требования не распространяются, что видится серьезным упущением: фактических сервисов, так и с позиции защиты прав инвесторов.

В заключении хотелось бы отметить, что краудфандинг, очевидно, может быть реализован с помощью механизма утилитарного цифрового права, однако практика показывает, что крупные краудфандинговые сервисы не стремятся организовать свою деятельность в соответствии с отраслевым законодательством. Более того в пользовательских соглашениях они указывают следующее: Boomstarter — «п. 1.3 Сайт www.boomstarter.ru не является инвестиционной платформой», Planeta.ru — «п. 1.3 Платформа Planeta.ru не является инвестиционной платформой и не предназначена для ... выпуска утилитар-

ных цифровых прав, токенов, цифровых активов и иных финансовых инструментов, предусмотренных Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.). Кроме того, анализ реестра операторов инвестиционных платформ показал, что далеко не все инвестиционные платформы, зарегистрированные Банком России, организуют привлечение инвестиций путем выпуска утилитарных цифровых прав. При этом само привлечение инвестиций данным способом явно уступает в популярности краудфандинговым сервисам.

Вероятно, данная ситуация стала возможной в виду отсутствия лицензирования краудфандинговой деятельности, а также нежеланием операторов краудфандинговых платформ брать на себя дополнительные обязанности по ведению реестров со всеми вытекающими из этого затратами. Однако фактическая идентичность их деятельности с деятельностью инвестиционных платформ в рамках привлечения инвестиций путем выпуска утилитарных цифровых прав обнажает необходимость приравнять правовой статус операторов краудфандинговых платформ к

статусу оператора инвестиционной платформы и привести деятельность краудфандинговых платформ в соответствие с нормами законодательства об утилитарных цифровых правах.

Список источников

1. Чупрова О. Ю. Краудфандинг // Наука и образование сегодня. 2018. № 6 (29).
2. Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды». Утвержден президиумом правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию цифровых технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 28 мая 2019 г. № 9) // URL://<https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-normativnoe-regulirovanie-tsifrovoj-sredyi.pdf>.
3. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // URL://<http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf>.
4. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418.
5. Пользовательское соглашение (Правила платформы). Утверждены Генеральным директором ООО «Глобал Нетворкс» А. Е. Буриличевым. Дата утверждения 1 июля 2022 г. // URL://<https://planeta.ru/docs/agreement>.
6. Пользовательское соглашение BOOMSTARTER. Обновлено: март 2022 // URL://<https://boomstarter.ru/terms-of-use>.

Информация об авторе

Н. А. Петраков — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

N. A. Petrakov — Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

7. Правила инвестиционной платформы от 6 декабря 2021 г. № 318 «Инвестиционный компас». Утверждены приказом генерального директора // URL://<https://source.in-ko.ru/files/61aed8105dfba.pdf>.

References

1. Chuprova O. Yu. Crowdfunding // Science and education today. 2018. № 6 (29).
2. Passport of the federal project «Regulatory regulation of the digital environment». Approved by the Presidium of the Government Commission on Digital Development, the use of digital technologies to improve the quality of life and conditions for doing business (protocol dated May 28, 2019 № 9) // URL://<https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-normativnoe-regulirovanie-tsifrovoj-sredyi.pdf>.
3. Passport of the national program «Digital Economy of the Russian Federation». Approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects (Minutes dated December 24, 2018 № 16) // URL://<http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf>.
4. Federal Law of 2 августа 2019 г. № 259-FZ «On attracting investments using investment platforms and on introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // CL RF. 2019. № 31. Art. 4418.
5. User Agreement (Platform Rules). Approved by the General Director of Global Networks LLC A. E. Burilichev Date of approval July 1, 2022 // URL://<https://planeta.ru/docs/agreement>.
6. BOOMSTARTER User Agreement. Updated: March 2022 // URL://<https://boomstarter.ru/terms-of-use>.
7. Rules of the investment platform «Investment Compass». Approved by order of the General Director № 318 of December 6, 2021 // URL://<https://source.in-ko.ru/files/61aed8105dfba.pdf>.

Научная статья

УДК 34.4414

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-176-181>

EDN: <https://elibrary.ru/tygkwk>

NIION: 2003-0059-7/23-917

MOSURED: 77/27-003-2023-07-116

Особенности предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 195 УК РФ. Правовой аспект

Аслах Хазрет-Алиевич Пихов¹, Алексей Владимирович Чиненов²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, apihov@mail.ru

² Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, России,
Ale-chinenov2011@yandex.ru

Аннотация. Представляются результаты исследования ряда проблем, относящихся к противодействию преступлениям, связанным с неправомерными действиями при банкротстве. Отмечаются существующие проблемы, связанные с показателями преступлений данной категории, анализируются схемы их совершения. Предложены рекомендации, направленные на повышение результативности в борьбе с преступлениями, предусмотренными ст. 195 УК РФ.

Ключевые слова: юридическое лицо, экономическая безопасность, криминальное банкротство, предупреждение преступлений

Для цитирования: Пихов А. Х.-А., Чиненов А. В. Особенности предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 195 УК РФ. Правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 176–181. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-176-181>. EDN: TYGKWK.

Original article

Features of the prevention of crimes under Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation. Legal aspect

Aslakh A. H.-A. Pikhov¹, Alexey V. Chinenov²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
apihov@mail.ru

² Belgorod law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia,
Ale-chinenov2011@yandex.ru

Abstract. The results of a study of a number of problems related to countering crimes related to illegal actions in bankruptcy are presented. The existing problems related to the indicators of crimes in this category are noted, and the patterns of their commission are analyzed. Recommendations aimed at improving the effectiveness in combating crimes under Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: legal entity, economic security, criminal bankruptcy, crime prevention

For citation: Pikhov A. H.-A., Chinenov A. V. Features of the prevention of crimes under Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation. Legal aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):176–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-176-181>. EDN: TYGKWK.

В целях защиты прав кредиторов юридического лица от злоупотреблений при использовании правового института ликвидации и банкротства уголовным законодательством устанавливается ответственность за совершение преступлений, связанных с незаконными действиями при банкротстве ст. 195 УК РФ. Характер общественной опасности рассматриваемых противоправных действий отличается тем, что они посягают не только на интересы кредиторов, но представляют опасность, в том числе для развития экономики страны в целом [1].

Проблемными вопросами правоприменительной практики, касающейся упомянутых составов пре-

ступлений являются: определение момента окончания преступления; установление потерпевших от преступлений, которым нанесен ущерб; установление формы умысла; определение круга субъектов преступления (правонарушения); разграничение преступлений при конкуренции деяний, в том числе от административных правонарушений [2].

При квалификации деяний, предусмотренных ст. 195 УК РФ мы сталкиваемся с определенными трудностями, связанными с установлением предмета соответствующего противоправного посягательства. Исходя из диспозиции данной статьи, предметом данного преступления могут выступать: имущество

© Пихов А. Х.-А., Чиненов А. В., 2023

должника; бухгалтерские и иные учетные документы, отражающие экономическую деятельность хозяйствующего субъекта; документы, необходимые арбитражному управляющему либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации для исполнения возложенных на них обязанностей [3].

Под имуществом, исходя из ст. 128 ГК РФ, понимают: вещи, включая деньги и ценные бумаги, имущество и имущественные права; выполняемые работы и оказываемые услуги; результаты интеллектуальной деятельности; нематериальные блага. Характеризуя предмет рассматриваемых противоправных действий, следует руководствоваться понятием, содержащимся в Положении ЦБР от 16 января 2007 г. № 301-П «О порядке составления и представления промежуточного ликвидационного баланса и ликвидационного баланса ликвидируемой кредитной организации и их согласования территориальным учреждением Банка России». В данном положении имущество приравнивается к бухгалтерскому понятию активов. Примечательно при этом, что предметом преступления, исходя из формулировки ч. 1 ст. 195 УК РФ являются также имущественные обязанности, что соответствует бухгалтерскому понятию пассивов [4, с. 241].

Понятие учетных документов также является бухгалтерским. Согласно ст. 9 Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» все хозяйственные операции, осуществляемые юридическим лицом, должны оформляться документами бухгалтерского учета. Также данным законом устанавливаются требования к содержанию учетных документов. Документами, необходимыми арбитражному управляющему либо временной администрации, кредитной или иной финансовой организации для исполнения возложенных на них обязанностей могут выступать любые категории документов. Законом их перечень не ограничен.

Определенные сложности вызывает установление момента окончания совершения противоправных действий, ответственность за которые предусмотрена ст. 195 УК РФ. Данные противоправные действия характеризуются такими элементами, как: деяние, выражающееся как в действии, так и в бездействии; последствия в виде причинения крупного ущерба; причинная связь между деянием и последствиями. Таким образом, рассматриваемый состав преступления по конструкции преступления является

материальным, что влияет на определение момента окончания преступления [5].

Учитывая то, что рассматриваемые преступления, как правило, наносят ущерб нескольким кредиторам, на практике зачастую возникает вопрос о правильном установлении признака крупного ущерба. В данном случае необходимо руководствоваться положениями ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», где вред, причиненный имущественным правам кредиторов, определен как уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику, а также как иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий, приводящих к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества [6]. Таким образом, ущерб должен исчисляться суммарно в том случае, когда он причинен нескольким кредиторам.

Поскольку ст. 195 УК РФ в качестве обстановки совершения преступления указывается именно «наличие признаков банкротства», а не «банкротство», то официальное судебное признание должника банкротом не считается необходимым условием для привлечения его к уголовной ответственности [7; 19].

Для кредитных организаций Федеральным законом от 6 декабря 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливаются отдельные признаки банкротства. Так, согласно ст. 189.8 указанного закона, кредитная организация считается неспособной удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, осуществлявших работу по трудовому договору, и (или) выполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязанности не исполнены ею в течение четырнадцати дней после наступления даты их исполнения и (или) стоимость имущества (активов) кредитной организации недостаточна для исполнения ее обязательств перед кредиторами и (или) обязанности по уплате обязательных платежей [6].

Деяние составов преступлений, предусмотренных ст. 195 УК РФ, различаются. В ч. 1 ст. 195 УК РФ устанавливается ответственность за следующие деяния:

♦ сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной ин-

формации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях;

- ♦ передачу имущества во владение иным лицам;
- ♦ отчуждение или уничтожение имущества;
- ♦ сокрытие, уничтожение, фальсификацию бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность хозяйствующего субъекта [8].

Сокрытие имущества может осуществляться различными способами: путем невключения имущества в баланс или конкурсную массу; снятием его с учета; списанием; передачей на хранение другому лицу. Следует согласиться, что «сокрытие информации возможно и в форме сообщения заведомо ложных сведений, поскольку тем самым утаивается истинная информация» [9].

Передача имущества иным лицам во владение подразумевает передачу права на фактическое обладание вещью, создающее для обладателя возможность непосредственно воздействовать на нее.

Отчуждение имущества предполагает возмездную (например, продажа) или безвозмездную (например, дарение) передачу имущества, принадлежащего одному лицу, в собственность другого лица. Отчуждение отличается от передачи во владение тем, что в первом случае передаются не только права владения в отношении имущества, а также права пользования и распоряжения имуществом.

Уничтожение имущества означает приведение его к полной негодности или в состояние, когда его восстановление экономически нецелесообразно. За повреждение имущества, входящего в конкурсную массу, ответственности не установлено [10].

Фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность хозяйствующего субъекта, заключается как в изготовлении заведомо подложного документа (интеллектуальный подлог), так и во внесении изменений в первоначальный документ путем подчистки, травления и иными способами материального подлога.

Как нами было указано выше, рассматриваемый состав преступления является материальным и характеризуется наличием таких признаков, как причинение крупного ущерба, а также причинной связью между деянием и последствиями. В комментарии к Уголовному кодексу сформировалась общая позиция относительно определения момента окончания преступления, согласно которой «при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 или 2 ст. 195 УК

РФ, общественно опасные последствия в виде крупного ущерба конкретному кредитору наступают с того момента, когда обязательства (обязанности) в отношении этого кредитора должны были быть исполнены в соответствии с законодательством о банкротстве (ст. 120–122, 134 и др. Закона о несостоятельности), если бы исполнению не воспрепятствовали преступные действия (бездействие) виновного» [11].

В то же время неоднозначно решается вопрос о времени совершения противоправных действий. Существует мнение о том, что совершение описанных выше деяний не образует состава «неправомерных действий при банкротстве» в случае, когда они совершаются после признания должника банкротом. Так, в одном из комментариев к ч. 1 ст. 195 УК РФ указано, что «Обязательным признаком преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 195 УК РФ, является время их совершения — до вынесения судом решения о несостоятельности и об открытии конкурсного производства при наличии признаков банкротства. После вынесения судом такого решения лицо уже не обладает указанными признаками, и поэтому совершить рассматриваемое преступление невозможно» [12]. Данные выводы основываются на том, что обстановкой совершения преступления является наличие признаков банкротства, а не банкротство.

Исходя из дефиниций, закрепленных в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», данные понятия не являются взаимоисключающими и наличие признаков банкротства должника возможно как до, так и после официального признания его банкротом в установленном законом порядке [13].

В связи с вышеизложенным считаем, что признаки противоправных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 195 УК РФ, содержатся в деяниях, в независимости от их совершения, при наличии признаков банкротства до судебного решения о признании должника банкротом или после такого решения. Также противоречивой является и судебная практика. Например, в справке о практике рассмотрения судами Кемеровской области уголовных дел о неправомерных действиях в сфере банкротства (ст. 195–197 УК РФ) указано, что время совершения преступления в приговоре определяется по-разному.

В одном случае время совершения преступления определено периодом, в течение которого лицом

были совершены активные действия, направленные на реализацию своего умысла и связанные с уменьшением собственных активов должника.

В другом случае приговор содержит лишь указание на то, что преступление совершено во время процедуры банкротства — наблюдение.

Действующая редакция ч. 1 ст. 195 УК РФ не устанавливает специальных признаков субъекта преступления. Таким образом, субъектом неправомерных действий при банкротстве может выступать любое вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, в том числе и не являющееся руководителем или работником организации-должника.

В то же время такое из запрещенных деяний, как отчуждение имущества, фактически возможно лишь лицом, обладающим полномочиями по распоряжению имуществом — индивидуальным предпринимателем, руководителем организации-должника; лицом, входящим в состав временной администрации, назначенным судом в целях проведения различных процедур банкротства, арбитражным управляющим, а также различными управленческими работниками организации-должника [14].

Форма вины преднамеренного банкротства единогогласно определяется как умышленная и в доктрине, и в правоприменительной практике. При этом в качестве аргумента указывается, что «виновное лицо осознает, что неправомерно совершает действия, указанные в ч. 1 ст. 195 УК РФ (скрывает имущество, имущественные права или обязанности, сведения об имуществе и т. д.), при наличии признаков банкротства, т. е. зная о своей несостоятельности (неоплатности), предвидит возможность причинения этими действиями крупного ущерба и желает либо сознательно допускает (безразлично относится) соответствующие последствия» [15].

На наш взгляд, такой признак состава преступления, как «наличие признаков банкротства», не указывает на умысел в отношении последствий, характеризующихся причинением крупного ущерба. Действующая редакция диспозиции ч. 1 ст. 195 УК РФ не содержит ни прямого указания на форму вины, ни признаков, которые бы на нее указывали. Исходя из содержания ч. 2 ст. 24 УК РФ, в случае отсутствия в диспозиции нормы на форму вины преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Данная позиция подтверждается разработчиком ч. 2 ст. 24 УК РФ — Н. Ф. Кузнецовой [16].

В соответствии с действующими нормами законодательства ответственность за совершаемые действия (бездействия) распространяется как на умышленные, так и на действия по неосторожности в равной степени.

По нашему мнению, отсутствие дифференциации наказания за деяния, совершенные с разными формами вины, представляется нарушением уголовно-правового принципа справедливости и требует изменений.

Самостоятельный состав преступления предусматривается ч. 2 ст. 195 УК РФ. Аналогичная ситуация складывается также в ч. 2 ст. 14.13 КоАП РФ. Деяние состоит в неправомерном удовлетворении имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника. Как правило, данные деяния связываются с нарушением порядка удовлетворения требований кредиторов, очередности удовлетворения данных требований, установленной в ст. 134 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

В отличие от состава неправомерного банкротства, предусмотренного ч. 1 ст. 195 УК РФ, состав ч. 2 ст. 195 УК РФ предусматривает специальные признаки субъекта преступления. Таковым может являться руководитель юридического лица, его учредитель (участник) либо индивидуальный предприниматель.

Поскольку совершение запрещенных деяний возможно на любой стадии банкротства, то субъектом преступления может выступать и конкурсный управляющий, который, согласно ст. 129 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», с даты утверждения конкурсного управляющего до даты прекращения производства по делу о банкротстве, заключения мирового соглашения, отстранения, осуществляет должностные полномочия руководителя юридического лица-банкрота [17, с. 880].

Противоправные действия, предусмотренные ч. 2 ст. 195 УК РФ, в отличие от противоправных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 195 УК РФ, могут совершаться лишь с прямым умыслом. Слова «...заведомо, в ущерб другим кредиторам...» прямо указывают на это. Виновное лицо осознает общественную опасность своих действий по неправомерному удовлетворению имущественных требований отдельных кредиторов, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде невозможности удовлетворения кредито-

ров, имеющих преимущественное право, и желает наступления данных последствий [18].

Принципиальное отличие состава неправомерного банкротства, предусмотренного ч. 3 ст. 195 УК РФ, от рассмотренных выше составов заключается в том, что деяние совершается на тех стадиях банкротства, когда функции руководителя хозяйствующего субъекта, в том числе кредитной или иной финансовой организации, возложены соответственно на арбитражного управляющего или руководителя временной администрации кредитной или иной финансовой организации [3].

Подводя итог нашему исследованию, хочется сделать вывод о том, что Уголовным законом устанавливается ответственность лишь за отдельные проявления преступной ликвидации организации. Деяния квалифицируются в качестве одного из преступлений в сфере экономики либо по совокупности преступлений. В то же время данные преступления представляют собой элементы единой цепи деяний, объединенной единым умыслом. Отсутствие дифференциации наказания за неосторожное и умышленное совершение неправомерных действий при банкротстве является нарушением уголовно-правового принципа справедливости. В связи с этим предлагается дополнить ст. 195 УК РФ ч. 6, предусматривающей ответственность за сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, передача имущества во владение иным лицам, отчуждение или уничтожение имущества, сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, совершенные с целью причинить крупный ущерб.

Список источников

1. Иванцов С. В., Молчанова Т. В. Информационно-телекоммуникационные технологии — современная реальность преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 89–96.
2. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: моногр. В 2 ч. Ч. I. М., 2015.
3. Морозова Ю. В. Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
4. Чиненов А. В. Предупреждение преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022.
5. Чиненов А. В. Криминологические особенности предупреждения преступлений, совершаемых при ликвидации юридического лица // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 189–192.
6. Алексеева Д. Г., Андреева Л. В., Андреев В. К. Российское предпринимательское право: учебник. М.: Проспект, 2010.
7. Бажин Д. А. Банкротство: уголовно-правовые и межотраслевые аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // URL:// <https://docs.cntd.ru/document/>
9. Грачева Ю. В., Ермакова Л. Д. [и др.] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009.
10. Уголовное право. Особенная часть: учебник. 4-е изд., изм. и доп. М., 2008.
11. Яни П. С. Сложности квалификации преступлений, связанных с банкротством // Законодательство. 2007. № 8.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010.
13. Кузьминов Д. А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с банкротством: теоретико-прикладное исследование: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов на/Д., 2007.
14. Чиненов А. В. Актуальные вопросы противодействия преступлениям, совершаемым при ликвидации юридического лица // Российский следователь. 2013. № 2. С. 41–43.
15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 3-е изд., испр., доп. и перераб. / под ред. А. И. Чучаева. М., 2011.
16. Кузнецова Н. Ф. Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. 2000. № 1. С. 29.
17. Гражданское право: учебник. В 3 т. / Е. Н. Абрамова [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016–2018.
18. Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. М., 2002.
19. Яни П. С. Образование юридического лица через подставных лиц // Законность. 2014. № 5. С. 38–39.

References

1. Ivantsov S. V., Molchanova T. V. Information and telecommunication technologies — the modern reality of crime // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. № 4 (88). P. 89–96.
2. Lopashenko N. A. Crimes in the sphere of economic activity: theoretical and applied analysis: monograph. In 2 h. Part I. M., 2015.
3. Morozova Yu. V. Illegal actions in bankruptcy, intentional and fictitious bankruptcy under the criminal legislation of the Russian Federation: diss. ... cand. legal sciences. M., 2010.
4. Chinenov A. V. Prevention of crimes related to the liquidation of a legal entity: diss. ... cand. legal sciences. M., 2022.
5. Chinenov A. V. Criminological features of the prevention of crimes committed during the liquidation of a legal entity // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. № 3. P. 189–192.
6. Alekseeva D. G., Andreeva L. V., Andreev V. K. *Russian Business law: textbook*. M. : Prospect, 2010.
7. Bazhin D. A. Bankruptcy: criminal law and intersectoral aspects: diss. ... cand. legal sciences. Yekaterinburg, 2011.
8. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/>
9. Gracheva Yu. V., Ermakova L. D. [et al.] *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*. 6th ed., reprint. and additional. M. : Prospect, 2009.
10. *Criminal law. Special part: textbook*. 4th ed., ed. and add. M. : Norm, 2008.
11. Yani P. S. Difficulties of qualification of crimes related to bankruptcy // *Legislation*. 2007. № 8.
12. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)* / ed. by A. V. Brilliantova. M. : Prospect, 2010.
13. Kuzminov D. A. Criminal and legal characteristics of crimes related to bankruptcy: theoretical and applied research: diss. ... cand. legal sciences. Rostov on/D., 2007.
14. Chinenov A. V. Topical issues of countering crimes committed during the liquidation of a legal entity // *Russian investigator*. 2013. № 2. P. 41–43.
15. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)*. 3rd ed., ispr., add. and reprint. / ed. by A. I. Chuchaeva. M., 2011.
16. Kuznetsova N. F. Qualification of complex elements of crimes // *Criminal law*. 2000. № 1. P. 29.
17. *Civil law: textbook: in 3 volumes* / E. N. Abramova [et al.]; ed. by A. P. Sergeev. 2nd ed., reprint. and additional. M. : Prospect, 2016–2018.
18. *Course of criminal law. Special part* / ed. by G. N. Borzenkov and V. S. Komissarov. M., 2002.
19. Yani P. S. Formation of a legal entity through front persons // *Legality*. 2014. № 5. P. 38–39.

Информация об авторах

А. Х.-А. Пихов — начальник кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент;

А. В. Чиненов — доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. H.-A. Pikhov — Head of the Department of Internal Affairs Bodies in Special Conditions of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

A. V. Chinenov — Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 341

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-182-187>

EDN: <https://elibrary.ru/tumoqy>

ИПОН: 2003-0059-7/23-918

MOSURED: 77/27-003-2023-07-117

Перспективы развития международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в современных вооруженных конфликтах в контексте международного миротворчества

Юлия Владимировна Пузырева

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, yuliya_dugina@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ международно-правового регулирования сотрудничества государств на площадке ООН и специализированной организации ЮНЕСКО по формированию актуальных, востребованных и перспективных механизмов защиты культурных ценностей в условиях вооруженных конфликтов в контексте пересмотра подходов к современному международному миротворчеству.

Ключевые слова: культурные ценности, вооруженные конфликты, ЮНЕСКО, миротворческая деятельность, «культурное миротворчество», «Голубые каски культуры»

Для цитирования: Пузырева Ю. В. Перспективы развития международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в современных вооруженных конфликтах в контексте международного миротворчества // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 182–187. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-182-187>. EDN: TUMOQY.

Original article

Prospects for the development of international legal regulation for the protection of cultural values in modern armed conflicts in the context of international peacekeeping

Yuliya V. Puzyreva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, yuliya_dugina@mail.ru

Abstract. The scientific article analyzes the international legal regulation of cooperation between states at the UN and the specialized organization UNESCO on the formation of relevant, relevant and promising mechanisms for the protection of cultural property in armed conflicts in the context of revising approaches to modern international peacekeeping.

Keywords: cultural values, armed conflicts, UNESCO, peacekeeping, «cultural peacekeeping», «Blue Helmets of Culture»

For citation: Puzyreva Yu. V. Prospects for the development of international legal regulation for the protection of cultural values in modern armed conflicts in the context of international peacekeeping. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):182–187. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-182-187>. EDN: TUMOQY.

На протяжении XX в. государства последовательно вырабатывали международно-правовые основы по защите культурных ценностей от угроз, связанных с военными действиями. Начало XXI в. было ознаменовано широкой практикой применения норм об ответственности должностных лиц за нарушения выработанных международных обязательств в данной сфере. В настоящее время, сохраняя приверженность тенденции совершенствования режима защиты культурного наследия от незаконных посягательств в условиях военных столкновений, ЮНЕСКО¹ как ключевая специализированная

организация ООН по вопросам образования, науки и культуры выступает флагманом по разработке новых концепций и стратегий по защите культуры и

¹ Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) была создана 16 ноября 1945 г. Основная цель Организации заключается в том, чтобы содействовать укреплению мира и безопасности путем расширения сотрудничества народов в области образования, науки и культуры в интересах обеспечения всеобщего уважения справедливости, законности и прав человека, а также основных свобод, провозглашенных в Уставе ООН, для всех народов без различия расы, пола, языка или религии (UNESCO in brief // URL: <https://www.unesco.org/en/brief>).

© Пузырева Ю. В., 2023

поощрению культурного плюрализма в случае вооруженного конфликта.

Одним из значимых результатов работы специализированной организации ООН в данной сфере является постановка и успешное разрешение вопроса по укреплению связей между международными миротворческими операциями, экстренной гуманитарной помощью и деятельностью по охране культурного наследия в зонах ведения военных действий. Так, активное взаимодействие ЮНЕСКО с главными органами ООН, в частности с Советом Безопасности ООН (далее — СБ ООН), привело к реализации практики по расширению мандатов проведения миротворческих операций отдельных миссий за счет включения в перечень задач, адресованных миротворческому контингенту из числа полицейских сил, проведение с органами власти принимающей стороны совместной работы в контексте гуманитарной и охранной деятельности по обеспечению безопасности и созданию условий для восстановления объектов культуры.

Отметим, что миротворческая деятельность является одним из инструментов ООН для достижения целей и обеспечению международного мира и безопасности² [4, с. 451–452]. Мандат конкретной миссии определяется соответствующей резолюцией или резолюциями СБ ООН, которые устанавливают политические цели, цели в области безопасности, цели в области гуманитарной деятельности, цели в области развития, а также цели в области миростроительства. В них также обычно содержатся положения, касающиеся взаимодействия и разделения ответственности между учреждениями и другими субъектами в отношении этих целей, включая особо важные области, такие как защита гражданского населения, гуманитарная помощь, разоружение, демобилизация и реинтеграция, реформа сектора безопасности и т. д. [3, с. 8].

Апробация защиты культурного наследия в условиях международной миротворческой деятельности прошла в рамках деятельности Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА). Такие решения были вынужденной мерой на действия террористов «Ансар Дайн», которые захватили в 2012 г. малийский город Тимбукту и совершили ряд преднамеренных противоправных акций по разрушению исторических и религиозных объектов на данной территории, в том числе, нахо-

дящихся под защитой ЮНЕСКО. По мнению некоторых исследователей, «целью террористов было скорее желание вызвать широкий международный резонанс и бросить вызов международному сообществу» [1, с. 75]. Однако реакцией мирового сообщества на происходящие события явилась серьезная полемика о квалификации произошедших событий как «военные преступления», «преступления против культуры», сопровождающаяся конкретными решительными действиями.

Так, в 2012 г. ситуация в Мали была передана Правительством этого государства на рассмотрение в Международный уголовный суд. В рамках данного дела одним из подозреваемых был Аль Махди, в отношении которого был вынесен обвинительный приговор с привлечением к девяти годами лишения свободы за нападения на объекты культурного наследия на территории Мали, которые были квалифицированы Судом как военные преступления.

Вторым важным шагом было решение СБ ООН о принятии Резолюции 2085 (2012) от 20 декабря 2012 г. «Ситуация в Мали», учредившей Международную миссию по поддержке в Мали (АФИСМА) под руководством Африканского союза и Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС), в мандат которой среди прочего входили задачи по поддержке усилий Международного уголовного суда в рамках расследования возбужденных дел в связи с событиями на севере Мали, разрушениями культурных объектов и привлечения виновных лиц к ответственности. В 2013 г. в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН S/RES/2100 (2013) от 25 апреля 2013 г. эта миссия была преобразована в Многопрофильную комплексную миссию ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА). В мандат вновь учрежденной миссии были включены задачи по взаимодействию с экспертами ЮНЕСКО в рамках сохранения культуры Мали и оказания переходным властям Мали по мере необходимости и возможности помощи в охране культурных и исторических объектов от агрессивных действий.

Сотрудники миссии МИНУСМА обеспечивали порядок и безопасность при проведении восстановительных работ экспертами ЮНЕСКО в целях усиле-

² Справочник по документации Организации Объединенных Наций. Обзор материалов по теме «Поддержание мира» // Официальный сайт ООН // URL: <http://www.un.org/ru/documents/resguide/specpk.shtml>.

ния защиты объектов Тимбукту, Гробницы Аскии и Древних городов Дженне, внесенных в Список всемирного наследия³. В настоящее время МИНУСМА находится на стадии своего свертывания, контингент должен покинуть страну до 30 декабря 2023 г.⁴.

Начиная с 2015 г. среди экспертов все чаще стала выдвигаться доктрина о необходимости наращивания усилий на площадке ООН, в том числе в контексте ее международной миротворческой деятельности, по противостоянию возрастающим и усложняющимся угрозам всемирному культурному наследию. На уровне СБ ООН вопрос о необходимости включения в мандаты миротворческих миссий положений о защите культурных ценностей впервые был вынесен на обсуждение в 2015 г. по инициативе Генерального директора ЮНЕСКО И. Боковой⁵. Так, при поддержке Франции и Иордании члены СБ ООН провели консультации по защите культурного наследия и борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей в рамках вооруженных конфликтов и постконфликтного миростроительства по так называемой «формуле Аррии»⁶.

Такой подход отражал перемены, происходящие в характере военных действий с участием незаконных военных формирований, международных террористических группировок на территории Сирии, Ливии, ряда африканских государств и государств Ближнего Востока, которые повсеместно используют практику нападения и разграбления культурных ценностей в качестве военной стратегии. Как справедливо отмечают ученые, «уничтожение культурных ценностей и объектов культурного наследия стало важным компонентом военной стратегии отдельных государств и необходимым условием установления нового мирового порядка террористическими организациями. Необходимо принятие мер по противодействию практике своеобразного геноцида культурного наследия целых стран и народов» [2].

Бесспорно, современные вызовы культурному наследию в условиях нестабильности геополитической обстановки, раздробленности и разобщенности многих государств под влиянием внутренних вооруженных противостояний, определяют необходимость пересмотра подходов государств к защите многовекового культурного наследия и признания такой защиты важным элементом поддержания международного мира и безопасности.

Итогом проведенных обсуждений стали решительные действия со стороны Италии по разработке концепции «культурного миротворчества»⁷ в качестве нового механизма по укреплению существующих международно-правовых режимов защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов посредством включения в традиционный мандат миротворческих миссий культурной составляющей, востребованность которой в наши дни не подлежит сомнению.

Реализация данной концепции произошла незамедлительно, поскольку весь мир столкнулся с масштабным уничтожением, разграблением и незаконным оборотом культурного наследия Сирии со стороны террористической группировкой ИГИЛ⁸. В 2015 г. Италия выступила с инициативой по созда-

³ Assistance internationale d'urgence pour la protection renforcée des biens « Tombouctou » le « Tombeau des Askia » et les « Villes anciennes de Djenné » inscrits sur la Liste du patrimoine mondial de l'UNESCO // URL: <https://whc.unesco.org/en/intassistance/2477>.

⁴ UN: Resolution 2690 (2023) adopted by the Security Council at its 9365th meeting, on 30 June 2023 // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4014208>.

⁵ Генеральный директор ЮНЕСКО с 2009 г. до 2017 г.

⁶ «Заседания по формуле Аррии» носят характер весьма неформальных конфиденциальных встреч, которые позволяют членам СБ ООН проводить в частном порядке откровенный обмен мнениями с использованием гибких процедурных рамок и с участием лиц, которых по мнению члена или членов Совета, предлагающих провести встречу (и выступающих также в качестве посредников или организаторов), было бы полезно заслушать и/или которым они хотели бы что-то сообщить. Они предоставляют заинтересованным членам Совета возможность принять участие в прямом диалоге с высокопоставленными представителями правительств и международных организаций, зачастую по просьбе последних, а также с негосударственными субъектами по вопросам, которыми они занимаются и на которые распространяются полномочия Совета Безопасности. Этот процесс назван в честь посла Венесуэлы Диего Аррии, который начал применять эту практику в 1992 г. в качестве представителя Венесуэлы в Совете (в 1992–1993 гг.) (Информационная справка о заседаниях, проводимых членами Совета Безопасности по «формуле Аррии»). Справочник о методах работы Совета Безопасности ООН // Официальный сайт Совета Безопасности ООН // URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/background-note>.

⁷ Следует отметить, что Италия активно участвует в международном сотрудничестве по защите культурного наследия. Так, уже в 1969 г. был создан первый полицейский орган в мире, специализирующийся в этом секторе, их командование по охране культурного наследия действовало на основе Конвенции ЮНЕСКО от 1970 г., где предусматривались меры, которые необходимо было принять для запрещения и предотвращения незаконного импорта, экспорта и передачи права собственности на культурные ценности [5, с. 345].

⁸ Запрещенная в Российской Федерации международная террористическая организация.

нию целевой группы по защите культурного наследия, получившей название «Голубые каски культуры» из-за их отличительных головных уборов. В состав формируемой группы должны входить как специалисты в данной области (искусствоведы, реставраторы, эксперты), так и итальянские карабинеры [5, с. 347].

Идея по разработке такой группы зародилась в рамках проводимой ЮНЕСКО кампании Unite4Heritage Campaign, инициированной в 2015 г. с целями объединения усилий государств по разработке новых идей и концепций, связанных с защитой культурного наследия в период вооруженных конфликтов⁹.

Согласно стратегии Италии в рамках «культурного миротворчества», так называемые «Голубые каски культуры» должны «оценивать риски и ущерб культурному достоянию в кризисных зонах, разрабатывать план действий и осуществлять срочные меры и технический надзор, заниматься перемещением движимых ценностей в укрытия, а также проводить обучение местного персонала, усиленно бороться с мародерством и незаконным оборотом культурных ценностей» [1, с. 105–106].

Инициатива Италии в рамках формирования и развития «культурного миротворчества» была поддержана в рамках ЮНЕСКО, что привело к оперативному подписанию в феврале 2016 г. соглашения между ЮНЕСКО и Итальянской Республикой по созданию первой специализированной комплексной группы «Голубые каски» [5, с. 7–10]. Согласно установленным договоренностям ЮНЕСКО наделена правом обращения к властям Италии для привлечения в кризисные районы, в том числе в районы военных действий и стихийных бедствий, специалистов из созданной группы для защиты, охраны и восстановления культурного наследия.

Необходимо отметить, что контингент «Голубых касок» не имеет права принимать участия в вооруженном конфликте, хотя и допустимо его присутствие в зонах ведения военных действий для выполнения возложенного мандата. Как правило, задачи специалистов сводятся к каталогизации культурных объектов, требующих защиты, обеспечения таковой защиты поврежденным объектам или объектам, находящимся под угрозой разрушения, уничтожения, осуществления незаконных действий в их отношении с целями противоправного оборота, а также реставрационные работы [1, с. 109].

Кроме того, основания для направления традиционного миротворческого контингента ООН и основания для привлечения миротворческого контингента из «Голубых касок культуры» не одинаковы и в основе своей имеют различную природу. Если мандат миротворческой миссии определяется резолюцией СБ ООН, принимаемой согласно положениям Устава ООН 1945 г., то правовым основанием начала деятельности контингента «Голубых касок культуры» является Меморандум о взаимопонимании между Италией и ЮНЕСКО 2016 г. и согласие принимающего государства, на чьей территории будет развернута так называемая миссия «культурного миротворчества».

«Голубые каски культуры» являются действующим практическим подразделением, их деятельность была развернута непосредственно в Италии, Ираке, Мексике, Ливане, на повестке вопрос о направлении специалистов в Сирию и на Украину.

Развивая концепцию повышения эффективности и совершенствования режима защиты культурного наследия от незаконных посягательств в условиях военных столкновений и в зонах с нестабильной политической ситуацией, Италия выступила с предложением по внедрению элемента «культурного миротворчества» в мандат создаваемых под эгидой ООН миротворческих миссий посредством привлечения специалистов «Голубых касок культуры» в состав контингента формируемых миссий в качестве военно-гражданского подразделения.

Рассматриваемые инициативы были поддержаны на площадке ООН и нашли закрепление в Резолюции СБ ООН 2347 (2017) от 24 марта 2017 г., согласно которой «...мандат операций Организации Объединенных Наций по поддержанию мира, когда они непосредственно санкционированы Советом Безопасности и осуществляются в соответствии с их правилами применения вооруженной силы, может включать, в надлежащих случаях, оказание, в сотрудничестве с ЮНЕСКО, помощи соответствующим органам власти, по их просьбе, в деле защиты культурного наследия от уничтожения, проведения незаконных раскопок, разграбления и контрабанды в контексте вооруженных конфликтов и что вблизи культурных и исторических объектов такие опера-

⁹ Unite4Heritage Campaign // UNESCO // URL: <https://en.unesco.org/events/unite4heritage-campaign>.

ции должны проводиться с соблюдением мер предосторожности»¹⁰.

Таким образом, с учетом пагубных тенденций разрушения культурных ценностей в условиях современных вооруженных конфликтов международное сообщество стремится разрабатывать пропорциональные существующим угрозам ответные меры для защиты культурного наследия в целях поддержания мира и безопасности, которые неотъемлемо связаны с многовековым наследием.

Как представляется, всеобщее одобрение концепции «культурного миротворчества» посредством ее внедрения в традиционные миротворческие операции, проводимые под эгидой ООН, позволит расширить задачи миротворческого контингента без подключения дополнительных ресурсов со стороны государств – членов ООН с учетом специфики профессиональной работы, высокого уровня экспертных знаний и наработанной полицейской практики сотрудников «Голубых касок культуры». К тому же данные сотрудники будут являться гражданско-полицейским персоналом, поэтому их включение в состав миссий не вызовет противоречий в свете развивающейся тенденции по минимизации в составе миссии военного контингента за счет повышения численности иных категорий специалистов.

Однако необходимо отметить и потенциальные сложности, с которыми придется столкнуться в рамках реализации данной концепции на практике в миротворческой деятельности. Во-первых, остается открытым вопрос о внутреннем взаимодействии так называемых «археологов, историков и иных специалистов в области культуры» из числа «Голубых касок культуры» с действующим военно-гражданским контингентом любой миротворческой миссии. Как отмечают некоторые специалисты, данный вопрос может вызвать немало затруднений с учетом их первоначальных целей и задач, которые нелегко совместить [1, с. 121]. К тому же данные эксперты, являясь гражданскими специалистами, при выполнении своих задач в зонах ведения военных действий или иных нестабильных политических ситуациях, скорее всего будут нуждаться в личной охране и защите как со стороны принимающего государства, так и со стороны военно-полицейского контингента миссии от потенциальных угроз для жизни и здоровья или нападений. Во-вторых, необходимо помнить, что культурные ценности могут находиться на территориях,

захваченными незаконными вооруженными формированиями, международными террористическими организациями, удерживающими такие объекты с целями создания барьера для наступления правительственных военных формирования и проведения последних атак. Такие ситуации определяют коллизии, с которыми могут столкнуться делегаты-специалисты «Голубых касок культуры»: реализация их мандата будет напрямую зависеть от военной безопасности, в соответствии с которой могут быть как благоприятные, так и неблагоприятные военно-стратегические условия для охраны или защиты культурных объектов.

Однако в целом необходимо отметить, что разработанная стратегия «культурного миротворчества» вносит большой вклад в формирование новой и актуальной международной повестки дня в сфере защиты культурного наследия для будущих поколений с учетом меняющейся природы вооруженных конфликтов, активизации деятельности международных террористических группировок и возрастающих масштабов практики по уничтожению многовекового культурного наследия народов в рамках так называемых «культурных чисток».

Новые подходы государств к защите культурного наследия как средства обеспечения международного мира и безопасности позволили вынести решение этой задачи на уровень международной миротворческой деятельности ООН. Бесспорно, многие вопросы по реализации сложного, но при этом востребованного комплексного взаимодействия традиционных форм миротворчества и его актуальных проявлений в культурной сфере государствам еще предстоит разрешить. Вместе с тем, самые важные шаги и решения в рамках формирования нового подхода к практическому аспекту защиты культурных ценностей в условиях современных вооруженных конфликтов и новых вызовов и угроз государства смогли консенсуально реализовать.

Список источников

1. Воробьева Ю. В. Секьюритизация всемирного культурного наследия: на примере деятельности

¹⁰ Резолюция 2347 (2017), принятая Советом Безопасности на 7907-м заседании 24 марта 2017 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/079/08/PDF/N1707908.pdf?OpenElement>.

Итальянской Республики: дисс. ... канд. полит. наук. М., 2021.

2. Егоров С. А., Анисимов И. О. «Культурная чистка» и защита культурных объектов в период вооруженных конфликтов // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2019. № 6. С. 1–7.

3. Организационное и правовое обеспечение участия сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в миротворческих операциях: учеб.-практ. пособие. М. : МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019.

4. Пузырева Ю. В. Международно-правовое регулирование универсального и регионального миротворчества: сравнительный аспект // Актуальные проблемы современного международного права: мат. XVI междунар. конгресса «Блищенковские чтения». В 3 ч. М. : РУДН, 2019. С. 451–457.

5. Табаринцева-Романова К. М. Участие Италии в структуре «Голубые каски культуры» ЮНЕСКО // Военное право. 2020. № 3 (61). С. 345–351.

6. Фьянкан-Баконга К. Историческая резолюция для защиты культурного наследия // Курьер ЮНЕСКО. 2017. № 3. С. 7–10.

References

1. Vorobyova Yu. V. Securitization of the world cultural heritage: on the example of the activities of the Italian Republic: diss. ... cand. of polit. sciences. M., 2021.

2. Egorov S. A., Anisimov I. O. «Cultural cleansing» and the protection of cultural objects during armed conflicts // Electronic network publication «International Legal Courier». 2019. № 6. P. 1–7.

3. Organizational and legal support for the participation of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation in peacekeeping operations: Educational and practical manual. M. : MosU of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2019.

4. Puzyreva Yu. V. International legal regulation of universal and regional peacekeeping: a comparative aspect // Current problem of modern international law: materials of the XVI International Congress «Blishchenko Readings». In 3 parts. M. : RUDN, 2019. P. 451–457.

5. Tabarintseva-Romanova K. M. Participation of Italy in the structure of «Blue Helmets of Culture» of UNESCO // Military Law. 2020. № 3 (61). P. 345–351.

6. Fyankan-Bakonga K. Historical resolution for the protection of cultural heritage // UNESCO Courier. 2017. № 3. P. 7–10.

Информация об авторе

Ю. В. Пузырева — заместитель начальника кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

Yu. V. Puzyreva — Deputy Head of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 340.12

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-188-193>

EDN: <https://elibrary.ru/sjubmy>

NION: 2003-0059-7/23-919

MOSURED: 77/27-003-2023-07-118

Характеристика регулирующей роли государства в формировании правопорядка (на примере Европейского Союза)

Кирилл Андреевич Раков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, rakoffkirill@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблематика государственного (политического) участия в формировании правопорядка. На примере европейского надгосударственного объединения (Европейский Союз) анализируются тенденции влияния государства на правопорядок на уровне трех его оснований: формально-юридическом, целерациональном и идейно-ценностном. Сформулированы выводы, характеризующие неоднозначность результатов политического влияния на правовой порядок в государстве, ярко выраженную в политико-правовой практике Евросоюза и его государств. Цель — исследовать тенденции в практике государственного участия в формировании правопорядка. Применены элементы формально-юридической, исторической, сравнительно-правовой, системной методологий. Основой для исследования содержательных оснований европейского правопорядка послужил социоаксиологический подход к праву. Делается вывод о том, что тенденция к политизации правовой сферы обнаруживается сегодня как на наднациональном, так и на национальном уровнях. Автор считает, что указанные тенденции ведут к утрате значительной части национального суверенитета государствами-членами ЕС, что вряд ли может положительно сказаться на развитии политического процесса в европейском регионе. Результаты исследования вносят некоторый вклад в такие области теоретико-правовой науки как теория правового порядка, правовая аксиология, теория суверенитета.

Ключевые слова: правопорядок, нормативный строй права, законность, Европейский Союз, правовые стратегии, правовые ценности, государство, надгосударственное объединение, регулирование

Для цитирования: Раков К. А. Характеристика регулирующей роли государства в формировании правопорядка (на примере Европейского Союза) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 188–193. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-188-193>. EDN: SJUBMY.

Original article

Characteristics of the regulatory role of the state in the formation of the rule of law (using the example of the European Union)

Kirill A. Rakov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, rakoffkirill@yandex.ru

Abstract. The problems of state (political) participation in the formation of the rule of law are considered. Using the example of the European supranational association (the European Union), the trends of the state's influence on the rule of law are analyzed at the level of its three foundations: formal-legal, purposeful and ideological-value. The conclusions characterizing the ambiguity of the results of political influence on the legal order in the state, which is clearly expressed in the political and legal practice of the European Union and its states, are formulated. Goal — to investigate trends in the practice of state participation in the formation of law and order. Elements of formal legal, historical, comparative legal, and systemic methodologies are applied. The socio-axiological approach to law served as the basis for the study of the substantive foundations of the European legal order. It is concluded that the trend towards politicization of the legal sphere is found today both at the supranational and national levels. The author believes that these trends lead to the loss of a significant part of national sovereignty by the EU member states, which is unlikely to have a positive impact on the development of the political process in the European region. The results of the study make some contribution to such areas of legal theory as the theory of legal order, legal axiology, and the theory of sovereignty.

Keywords: law and order, normative structure of law, legality, European Union, legal strategies, legal values, state, supranational association, regulation

For citation: Rakov K. A. Characteristics of the regulatory role of the state in the formation of the rule of law (using the example of the European Union). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):188–193. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-188-193>. EDN: SJUBMY.

© Раков К. А., 2023

Введение

Современные вызовы требуют самого внимательного, ответственного и творческого подхода к вопросам обеспечения и укрепления правопорядка современного демократического общества. В этом смысле Европейский Союз, как интеграционное объединение, выступает сегодня наряду с крупными национальными державами одним из крупных «игроков» на международной арене, принимающих непосредственное участие в формировании современного миропорядка. И в этих условиях, безусловно, мы можем наблюдать вполне закономерный процесс политического влияния наднациональных институтов на правовую практику регулирования общественных отношений. Как зорко подмечает О. Н. Барабанов, мировая политика обнаруживает тенденцию к «империализации», универсализации и идеологической унификации еще с древних, «довестфальских» времен [2, с. 315].

Нормативный строй права и законность

Проводя анализ государственного участия в формировании европейского правопорядка, следует исследовать сам нормативный строй права данного надгосударственного объединения. Указанное основание правопорядка для права ЕС носит специфический характер. Во-первых, это обусловлено дихотомией национальных правовых систем стран – членов ЕС и наднационального законодательства ЕС. Во-вторых, структурой самого права ЕС, состоящего из законодательства трех уровней (так называемые акты первичного, вторичного и третичного права). Таким образом, мы наблюдаем дополнительно усложненную иерархичность нормативного строя европейского права.

Правовые нормы, закрепленные в учредительных договорах, образуют конститутивную основу — фундаментальную базу ЕС. Они в своей совокупности получили наименование *первичного права*. Нормы первичного права образуют первооснову правовой системы ЕС. К категории первичных правовых актов примыкает и Европейской конвенции по правам человека. Учредительные акты определяют основные параметры европейского интеграционного права, его особенности, условия формирования и порядок применения. С точки зрения содержательного критерия, нормы первичного права вполне соотносимы с национальными конституционно-пра-

вовыми установлениями. Их появление в значительной мере сравнимо с проекцией правомочий учредительной власти, принимающей и изменяющей основной закон. Носителями такой учредительной власти выступают в данном случае суверенные государства, образующие интеграционные образования. Наконец, существующее сходство подтверждается и совпадающими параметрами формально-правового порядка. Нормы первичного права обладают верховенством по отношению к нормам вторичного и в значительной мере третичного права. Для их изменения и пересмотра установлены особо сложные процедуры. Главная из них предусматривает проведение соответствующей межправительственной конференции для внесения изменений и требует единой ратификации актов, вносящих изменения, государствами-членами. Материальные и процессуальные особенности этих актов дали основание как доктрине, так и Суду ЕС квалифицировать учредительные договоры в качестве конституционной хартии, сравнимой с основным законом государства. На базе правовых установлений первичного права формируются и вводятся в действие нормы вторичного права. Вторичное право образуют те правовые нормы, которые издаются в качестве юридически обязательных предписаний институтами Союза и которые регулируют в рамках юрисдикции Союза отношения между субъектами права ЕС. Издаваемые институтами Союза, они обязательны как для частных лиц (физических и юридических), так и для государств-членов и институтов ЕС. Нормы вторичного права ЕС, выработанные на основе первичного, создаются автономно и принимаются институтами Союза. Они действуют и применяются в рамках ЕС в соответствии с его целями и принципами и в пределах его компетенции. Именно нормы вторичного права обеспечивают реальное функционирование интеграционных образований и их институтов, достижение целей и решение задач, стоящих перед ними. Иначе говоря, вторичное право — это продукт жизнедеятельности самих Сообществ и Союза, результат правотворчества их институтов, созданных на основе учредительных договоров. Вторичное право включает основной массив норм европейского права. Главные отличительные особенности их правового режима, следующие: верховенство по отношению к национальным правовым установлениям, прямое действие, интегрированность в национальное право

и обеспеченность юрисдикционной защитой. Третичное (или дополнительное) право (иногда используют термин «комплементарное») включает правовые нормы, источником которых являются акты иные, нежели учредительные договоры или акты, издаваемые институтами ЕС. К категории норм, дополняющих право ЕС в широком смысле слова, относят соглашения между институтами, внутренние регламенты институтов, правовые акты, не подпадающие под категорию, определенную в ст. 288 Договора о функционировании Европейского Союза (указания, инструкции, заявления, коммюнике, декларации и т. п.) [6, с. 82–86].

Таким образом, следует обобщить ключевые характеристики нормативного строя европейского права.

Во-первых. Практически все государства-члены Европейского Союза являются представителями романо-германской правовой семьи (за исключением Ирландии, в которой тоже применение прецедентного права стремительно сокращается). В этой связи роль нормативного строя права, интерпретируемого как совокупность нормативных правовых актов, предельно велика.

Во-вторых. Нормативный строй европейского права более сложно системно организован по сравнению с нормативным строем обычных современных национальных государств. Его отраслевая дифференциация и иерархичность определяются двумя уровнями правового регулирования (национальный и наднациональный) и тремя уровнями организации правовой системы Союза.

В-третьих. Нормативный строй права ЕС является сегодня одним из наиболее сложных и развитых среди существующих наднациональных правовых систем (все они, кроме права ЕС, по сути и не являются собой полноценные правовые системы, а представляют собой разной степени организованности совокупность нормативных правовых актов). Из этого можно заключить, что европейский правовой порядок с точки зрения его главного формального основания достаточно неплохо обеспечен такими формальными характеристиками как надежность, предсказуемость, устойчивость.

Институты, органы и учреждения ЕС дублируют функции национальных органов, осуществляющих правовое принуждение в рамках государств-членов. Интересным является то, что объектом принудитель-

ного воздействия в данном случае выступают уже сами государства-члены, имеющие обязанности перед Союзом, другими государствами-членами, а также гражданами и юридическими лицами.

Таким образом, европейскую законность следует определить как многокомпонентную характеристику европейского правового порядка, отражающую степень исполняемости в европейском обществе как национальных, так и наднациональных нормативных предписаний. Европейская законность характеризуется обеспеченностью высокой дисциплиной социальных акторов, а также отлаженным механизмом правового принуждения как на государственном, так и на межгосударственном и надгосударственном уровнях.

Правовые стратегии и правовая идеология как содержательные основания правового порядка

Переходя от формальных к содержательным основаниям европейского правового порядка, имеет смысл сказать несколько слов о правовых стратегиях Евросоюза. Учитывая тесную взаимосвязь большинства социальных процессов и явлений, представляется непродуктивным и опасным несогласованное правовое планирование, исходящее из нескольких центров в рамках единого социального и правового пространства [8, с. 83]. Это особенно актуально, когда речь идет о европейском правовом порядке минимум по двум причинам.

Во-первых, как уже было сказано ранее, дихотомия национальных и наднациональных интересов проецируется на все сферы жизни европейского общества, не является исключением и организация его правовой жизни — правовой порядок.

Во-вторых, важной характеристикой европейского общества как значимой части общества западного типа является высокая развитость институтов гражданского общества. Высокая степень самоорганизации граждан с одной стороны упрощает задачу государства по формированию и укреплению надлежащего правового порядка, но с другой стороны, напротив, создает дополнительные трудности, связанные с противоречиями между частным и публичным национальным интересом, который в свою очередь имеет свои расхождения с интересом наднациональным.

Следует выяснить какие правовые стратегии сегодня выступают элементами правовой политики ЕС:

1) ликвидация Сообществ и формирование единой правовой системы. ЕС замещает собой и насле-

дует Европейскому Сообществу, приобретая тем самым статус юридического лица и международную правосубъектность;

2) вводится ряд новых установлений, в частности относящихся к программе демократизации ЕС;

3) претерпевает трансформацию институциональная система, увеличивается число институтов, подвергается пересмотру структура многих из них. Вводятся новые процедуры принятия решений.

Говоря об идеологии Европейского Союза и государств-членов ЕС, следует затронуть одну принципиальную проблему, порожденную идеей деидеологизации, которая по-прежнему популярна в юридической науке. Данная установка сама по себе идеологична, при этом она получила отражение в ряде конституций государств-членов Европейского Союза и Конституции РФ. В связи с этим следует согласиться, что «осуществляемая государством идеологическая деятельность не противоречит тем статьям конституционных актов различных стран, которые провозглашают идеологическое многообразие или, подобно ст. 13 Конституции Российской Федерации, гласят, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной [1]. Исходящие от действительно демократического государства идеологемы не авторитарны и тем более не репрессивны. Претендуя на универсальность, они вполне толерантны в отношении иных существующих в данном социокультурном и геополитическом пространстве ценностных систем» [9, с. 121]. Можно констатировать, что любая форма человеческого общежития подразумевает идеологию как консолидирующую идейно ценностную основу своего существования. Имеется своя идеология и у Европейского Союза.

Сегодня, говоря о правовой идеологии ЕС, следует, прежде всего, обратить внимание на ее содержание — идеологическое выражение наднациональных «общеевропейских» ценностей, идей, принципов и установок, которые содержатся как в учредительных договорах ЕС, так и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и в Хартии основных прав Европейского Союза [10; 12–14]. К таким ценностям-идеям относятся, в частности, ценность (идея) демократии, ценность (идея) свободы рыночных отношений, ценность (идея) прав и свобод человека, ценность (идея) верховенства права (закона), ценность (идея) правового государства, ценность

(идея) гражданского общества. Вместе с тем, очевидно, что эти ценности идеи в системе идеологии Евросоюза не возникли из ниоткуда, а явились результатом сложных социально-политических процессов в Европе [4, с. 484–550]. Бытует мнение, что правовая идеология Европейского Союза, выражающая «общеевропейские ценности», теснейшим образом связана с идеологией европейских государств, и даже предположить то, что она является определенной основой для европейской идеологической интеграции [3; 5]. На самом деле, подразумеваемые ценности являются составной частью идеологии лишь государств «ядра ЕС» и вряд ли отражают ценностный уклад народов южной и тем более восточной Европы, а значит зачастую навязываются искусственно и принудительно.

Говорить о ценностно-идейно компоненте европейского правопорядка тем более актуально, что он буквально находит свое отражение в нормативном строе права ЕС, а именно в акте первичного права — одном из главных учредительных договоров — Договоре о ЕС (ДЕС).

Идеологический компонент содержится в Преамбуле, ст. 1, а ст. 2 вообще посвящена ценностям ЕС. Ст. 4, 5 посвящены принципам ЕС, которые по сути также являются выражением идеологии ЕС.

Особого внимания заслуживает идея единства. Она предполагает ощущение населением Европейского Союза своего единства, т. е. общих исторических корней, общей системы ценностей, общей культуры. Эта идея особо выражена в содержании идеологии многонациональных политических образований. В содержание правовой идеологии ЕС входит и идея гражданского общества. Она отражена во многих документах и в научной литературе. Рассматриваемая идея тесно связана с идеей правового государства. Идея правового государства также представляет собой важный элемент системы правовой идеологии Евросоюза. Идея гуманизма находит выражение в современной европейской идеологии — в идее естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека. В содержании идеологии ЕС следует выделить и идею социального государства [7, с. 326].

Верховенство закона и политическое участие

Одной из важнейших гарантий формирования и функционирования должного правопорядка (и в Европе, в частности) является реализация одного из фун-

даментальных общеправовых принципов — принципа верховенства закона. Для европейского региона это наиболее актуально ввиду давно сложившихся (главным образом в западной Европе) традиций правового государства.

Специальный «Евробарометр о верховенстве закона» (апрель 2019 г.) показал подавляющую поддержку этой ценности гражданами ЕС. Около 94 % считают независимость судей существенной, в отличие от всего лишь 4 % респондентов, которые считают это несущественным. Аналогичным образом, 94 % граждан считают важным, чтобы решения суда соблюдались, а 91 % признают необходимость судебного контроля за деятельностью государственных органов. Кроме того, 89 % считают необходимым независимую проверку конституционным судом конституционности законов, принятых законодательным органом [11].

Таким образом, следует заключить, что обзор многочисленной судебной практики демонстрирует очевидную тенденцию политико-юрисдикционного давления наднациональных институтов ЕС на национальные органы государственной власти стран-членов ЕС. Результатом этого давления является однозначная интерпретация принципа верховенства закона как принципа верховенства юридического права ЕС над национальным законодательством, что бесспорно политизирует указанный общий принцип права, превращая его в идеологический инструмент политического укрепления надгосударственной власти в европейском регионе.

Исследуя проблему политического участия государства в формировании, регулировании и укреплении правопорядка, невозможно обойти стороной сформировавшуюся в научных кругах концепцию «регулирующего государства».

Таким образом, следует отметить общую высокую роль политических практик регулирования различных сфер общественного порядка в изучаемом регионе. Очевидно, сегодня, в эпоху полномасштабного доминирования капиталистических отношений (и в Европе, бесспорно) политические регулятивные инструменты зачастую неотличимы от экономических, или, по крайней мере, обусловлены складывающейся экономической (рыночной) конъюнктурой. Вместе с тем, практически в каждой сфере государство (надгосударственное образование) участвует в регулировании общественных отношений. Если ис-

следование политических механизмов реализации принципа верховенства закона в Европе продемонстрировало политизацию правовой сферы на надгосударственном уровне, то анализ реализации концепции регулирующего государства подтвердил актуальность указанного процесса и на макроуровне — на уровне национальных европейских государств.

Заключение

Говоря о политических аспектах формирования и развития европейского правопорядка стоит резюмировать, что на протяжении последних лет мы наблюдаем нарастающую тенденцию политизации правовой сферы в европейском регионе. Данная тенденция обнаруживается как на наднациональном, так и на национальном уровнях, подтверждением чему является обширная политико-юрисдикционная (в частности судебная) практика по наиболее острым социально-экономическим вопросам, складывающаяся не в пользу государств-членов ЕС. Кроме того, на макроуровне (на уровне европейских государств) мы можем наблюдать развитие концепции так называемого регулирующего государства, по сути представляющее собой внутригосударственный процесс политизации всех сфер общественной жизни.

Представляется, что указанные тенденции ведут к утрате значительной части национального суверенитета государствами-членами ЕС, что вряд ли может положительно сказаться на развитии политического процесса в европейском регионе.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок) // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Барабанов О.Н. История мировой политики: эпоха Древнего мира: учеб. пособие. М. : МГИМО (У) МИД России, 2007.
3. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М. : Норма, 1998.
4. Бриггс Э., Клэвин П. Европа нового и новейшего времени. С 1989 года и до наших дней. М., 2006.
5. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М. : Территория будущего, 2007.
6. Европейское право. Право Европейского Союза и Евразийского экономического союза: учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Эн-

тин. 4-е изд., пересмотр. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2018.

7. Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества: монография. М. : Норма : Инфра-М, 2019.

8. Раков К. А. Современный правопорядок: формальные и содержательные основания. М. : Проспект, 2023.

9. Сальников В. П., Степашин С. В., Хабибулин А. Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. СПб. : Университет, 2001.

10. Хохлов И. И. Наднациональность в политике Европейского Союза. М. : Международные отношения, 2007.

11. Официальный сайт Евросоюза. «Евробарометр»-2019 // URL://<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2235>.

12. Barnes I., Barnes P. M. The Enlarged European Union. N. Y., 1997.

13. Craig P., De Burca G. EU Law. 4th ed. Oxford, 2008.

14. Janis M., Kay R., Bradley A. European Human Rights Law. Text and Materials. 2nd ed. N. Y., 2000.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended) // Rossiyskaya Gazeta. 1993 December 25.

2. Barabanov O. N. The History of world politics: the Age of the Ancient World: Textbook. М. : MGIMO (U) Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2007.

3. Berman G. J. The Western tradition of law: the epoch of formation. М. : Norm, 1998.

4. Briggs E., Clavin P. Europe of modern and modern times. From 1989 to the present day. М., 2006.

5. Guizot F. The history of civilization in Europe. М. : Territory of the Future, 2007.

6. European law. The law of the European Union and the Eurasian Economic Union: textbook / author. Col. and ed. L. M. Entin, M. L. Entin. 4th ed., revision. and add. М. : Norm : Infra-M, 2018.

7. Klimenko A. I. The legal ideology of a modern politically organized society: monograph. М. : Norm : Infra-M, 2019.

8. Rakov K. A. Modern law and order: formal and substantive grounds. М. : Prospekt, 2023.

9. Salnikov V. P., Stepashin S. V., Khabibulin A. G. Statehood as a phenomenon and object of typology: theoretical and methodological analysis. SPb. : University, 2001.

10. Khokhlov I. I. Supranationality in the politics of the European Union. М. : International Relations, 2007.

11. The official website of the European Union. Eurobarometer-2019 // URL://<https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2235>.

12. Barnes I., Barnes P. M. The Enlarged European Union. N. Y., 1997.

13. Craig P., De Burca G. EU Law. 4th ed. Oxford, 2008.

14. Janis M., Kay R., Bradley A. European Human Rights Law. Text and Materials. 2nd ed. N. Y., 2000.

Информация об авторе

К. А. Раков — старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

K. A. Rakov — Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 13.12.2023.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 13.12.2023.

Научная статья

УДК 343.985.4

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-194-199>

EDN: <https://elibrary.ru/szuaru>

ИПОН: 2003-0059-7/23-920

MOSURED: 77/27-003-2023-07-119

Актуальные аспекты тактики осмотра места дорожно-транспортного происшествия в современных условиях

Георгий Игоревич Сафонов¹, Сергей Викторович Дубровин²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ gi.safonov@yandex.ru

² idubrovin@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены положения традиционной тактики осмотра места ДТП. Предложены криминалистические рекомендации проведения осмотра с учетом особенностей механизма слеодообразования в современных автомобилях и на транспортной инфраструктуре.

Ключевые слова: тактика осмотра места дорожно-транспортного, криминалистическая тактика, тактика отдельных следственных действий, осмотр места происшествия

Для цитирования: Сафонов Г. И., Дубровин С. В. Актуальные аспекты тактики осмотра места дорожно-транспортного происшествия в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 194–199. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-194-199>. EDN: SZUARU.

Original article

Current aspects of tactics of inspection of the scene of a traffic accident in modern conditions

Georgy I. Safonov¹, Sergey V. Dubrovin²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ gi.safonov@yandex.ru

² idubrovin@rambler.ru

Abstract. The provisions of the traditional tactics of inspection of the accident site are considered. Forensic recommendations for conducting an inspection are proposed, taking into account the peculiarities of the trace formation mechanism in modern cars and transport infrastructure.

Keywords: tactics of road traffic site inspection, forensic tactics, tactics of individual investigative actions, inspection of the scene

For citation: Safonov G. I., Dubrovin S. V. Current aspects of tactics of inspection of the scene of a traffic accident in modern conditions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):194–199. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-194-199>. EDN: SZUARU.

Современное развитие технологий и научных достижений приводит к постоянному изменению дорожно-транспортной инфраструктуры и транспортных средств (далее — ТС). Основной тенденцией последних лет стало интегрирование электротранспорта в городскую среду, где наряду с классическими ТС внедряются как электроавтомобили, так и иные ТС в виде средств индивидуальной мобильности (электровелосипеды, самокаты, моноколеса и др.). Данные обстоятельства являются важным фактором в расследовании дорожных правонарушений и преступлений.

Отправной точкой внедрения устройств телеметрии, получающих сведения о характере и месте движения автомобиля, необходимо считать положения Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 395-ФЗ «О Государственной автоматизированной информационной системе «ЭРА-ГЛОНАСС», где ГИАС «ЭРА-ГЛОНАСС» определяется как федеральная государственная территориально распределенная автоматизированная информационная система экстренного реагирования при авариях, обеспечивающая оперативное получение формируемой в некорректируемом виде на основе использования сигналов гло-

© Сафонов Г. И., Дубровин С. В., 2023

бальной навигационной спутниковой системы Российской Федерации информации о дорожно-транспортных и об иных происшествиях на автомобильных дорогах в Российской Федерации, обработку этой информации, ее хранение и передачу в экстренные оперативные службы, а также доступ к этой информации государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, юридических лиц, физических лиц, решение иных задач в области получения, обработки, хранения и передачи информации, не связанной с дорожно-транспортными и иными происшествиями на автомобильных дорогах в Российской Федерации [1]. Кроме того, в настоящее время помимо обязательной к установке ГАИС «ЭРА-ГЛОНАСС» современные автомобили оснащаются более продвинутыми и расширенными, по объему фиксируемой информации, системами от самих производителей.

Телематическую систему определяют как информационную систему, осуществляющую автоматизированный сбор, обработку, хранение и передачу данных о местоположении и техническом состоянии ТС в целях эффективного и безопасного использования ТС различного назначения и принадлежности [2].

Помимо телеметрических систем, обеспечивающих беспроводную передачу информации о состоянии автомобиля, данная информация фиксируется в блоках управления автомобиля, в том числе информация с датчиков пассивной и активной безопасности, а также с датчиков узлов и агрегатов.

Таким образом, в процессе проведения неотложных следственных действий в целях получения первичной и достоверной информации о дорожно-транспортном происшествии (далее — ДТП) в настоящее время участники следственно-оперативной группы нуждаются в современных средствах и методах извлечения информации с цифровых устройств автомобиля.

Несмотря на повсеместное внедрение в транспортные средства цифровых носителей информации, основные положения тактики осмотра места ДТП остаются традиционными. Осмотр места ДТП, как неотложное следственное действие, является основным источником материальных следов, характеризующих элементы механизма ДТП. От качества проведения данного осмотра зависит успех последующего расследования уголовного дела и привлечения виновного к уголовной ответственности.

Организация проведения осмотра места ДТП начинается с подготовительного этапа, делящегося при осмотре места происшествия на две части: до выезда на место происшествия и по прибытию на место происшествия.

В процессе подготовки к выезду на место следователь, получив исчерпывающую информацию о произошедшем событии, определяет состав следственно-оперативной группы, куда, как правило, входит следователь, специалист (эксперт-криминалист), инспектор ГИБДД, оперуполномоченный полиции. Следователем же осуществляется выбор технико-криминалистических средств, в том числе с 2019 г. при производстве осмотров мест ДТП ГУ МВД России по г. Москве используются специализированные передвижные комплексы, выполненные на базе автомобиля Volkswagen [3]. Помимо данных действий, следователь до выезда на места может получить сведения с видеокамер аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», которые позволят в реальном времени наблюдать обстановку на месте ДТП, а также просмотреть видеозапись произошедшего преступления.

По прибытию на место следователем выполняются следующие мероприятия:

1) обозначается и ограждается место ДТП — место непосредственного осмотра. При этом стоит отметить, что зачастую первыми на место ДТП прибывают сотрудники ГИБДД, которые принимают меры к оказанию необходимой медицинской помощи пострадавшим, удаляют с места происшествия всех посторонних лиц, размещают на проезжей части или обочине дороги патрульный автомобиль с включенными специальными световыми сигналами, дорожные конусы, ограждающие ленты или переносные дорожные знаки. В условиях г. Москвы на место ДТП прибывают сотрудники дорожного патруля ГКУ «ЦОДД», которые содействуют в области обеспечения безопасности на проезжей части участникам дорожного движения в зоне произошедшего ДТП;

2) принимает меры к обеспечению безопасности на месте ДТП, в том числе противопожарной. Следователю следует убедиться, что автомобили, получившие в ходе ДТП повреждения, обесточены, а у электро транспорта отключен основной источник питания;

3) окончательно определяет круг участвующих лиц, решает вопрос о необходимости привлечения к участию в следственном действии понятых;

4) проводит инструктаж участвующих лиц;

5) определяет круг задач;

6) выполняет иные неотложные действия, направленные на улучшение условий осмотра, в том числе опрашиваются очевидцы произошедшего в целях более детального уточнения механизма ДТП.

Рабочий этап осмотра содержит в себе статическую и динамическую стадии. При осмотре целесообразно выбрать эксцентрический способ объективного осмотра, так как место происшествия, как правило, состоит из обширных областей следов и следообразующих объектов в виде транспортных средств, осыпей осколков, элементов кузова и т. д. В случае если осмотру подлежит протяженный участок проезжей части и примыкающей к ней территории, следует выбрать комбинированный способ осмотра (линейно-эксцентрический), последовательно перемещаясь по выбранному направлению осмотра от одного следового «пятна» к другому.

На рабочем этапе осмотра места ДТП осуществляются следующие действия:

- ♦ устанавливаются способ и обстоятельства, в зоне каких дорожных знаков совершено ДТП;

- ♦ выявляются и фиксируются признаки, указывающие на характер ДТП, а именно: столкновение (заднее, встречное, угловое, боковое или перекрестное); опрокидывание (при столкновении, при заносе на скользкой дороге, при заносе на крутом повороте, при технической неисправности); наезд на пешеходов (при выходе из-за передней части автотранспорта, при выходе из-за задней части автотранспорта, переход дороги перед близко идущим автотранспортом, выход на проезжую часть из-за объекта, прилегающего близко к дороге);

- ♦ определяется и фиксируется положение колес по отношению к осевой линии и краю дорожного покрытия;

- ♦ устанавливаются границы обследования места ДТП;

- ♦ выявляются, собираются и фиксируются вещественные доказательства;

- ♦ выявляются и измеряются следы торможения;

- ♦ выявляются и фиксируются механические повреждения и следы, оставленные на автомобиле, на дороге и дорожных объектах;

- ♦ устанавливается, в каком состоянии находился (-ась) водитель (-и) в момент ДТП и его (их) отношение к наступившим последствиям;

- ♦ устанавливается техническая неисправность автомобиля (неисправность тормозов, поломка деталей рулевого механизма и привода, повреждение шин);

- ♦ изучаются и фиксируются все повреждения и царапины для определения лакокрасочного материала, перенесенной с одного автомобиля на другой, а также на иные объекты;

- ♦ детально изучаются, фиксируются и изымаются следующие объекты: следы жидкостей, сыпучие вещества, осколки стекла, краски, следы и вещества биологического происхождения; производится осмотр трупа [4].

В процессе осмотра среди частных методов познания истины, применяемых следователем, одним из самых распространенных и эффективных является наблюдение. Цель наблюдения при осмотре состоит не только в восприятии внешних признаков исследуемого объекта, но и в его анализе. Сначала следователь воспринимает информацию о тех свойствах, которые непосредственно отражаются, затем, осмысливая воспринятое, получает сообщение о других свойствах наблюдаемого объекта, которые непосредственно не воспринимаются, но существуют в неразрывной связи с имеющимися непосредственно наблюдаемыми свойствами.

Например, установив в результате зрительного восприятия габариты и фактуру исследуемого объекта, следователь может приблизительно определить и такое свойство объекта (которое непосредственно не воспринимается), как вес объекта, так как размеры, фактура объекта и его вес всегда находятся в неразрывной связи. Следователь в данном случае анализирует объект наблюдения, его свойства, приходит к выводу о существовании необходимой связи между установленными свойствами и свойствами предполагаемыми, заключает, что эти предполагаемые свойства существуют. Такой анализ, осмысливание наблюдаемого является непрерывным процессом, продолжающимся в течение всего процесса наблюдения.

Проводя осмотр, следователю необходимо обратить внимание на периферийные участки вдоль проезжей части и окружающую место ДТП инфраструктуру на предмет наличия уличных городских и ведомственных видеокамер. При их обнаружении целесообразно поручить оперуполномоченному полиции получение видеозаписи с них. В случае если

камеры не ведут видеозапись, а предназначены для кадровой фиксации проезжающих автомобилей следует обратиться к комплексу СПО «Паутина», в целях установления направления движения автомобиля, его скорости, характера движения, установлению автомобилей, следовавших в попутном и встречном направлении. Водители данных ТС могли быть очевидцами произошедшего преступления и подлежат допросу в качестве свидетелей. Нельзя оставлять без внимания припаркованные автомобили вдоль проезжей части и на прилегающей территории. В салонах таких автомобилей может быть установлен видеорегистратор, направленный на участок проезжей части и зафиксировавший механизм ДТП. Данные следы должны быть зафиксированы в протоколе и изъяты в установленном порядке. В случае если собственник автомобиля или лицо, доверенное к его управлению, не может явиться на место ДТП, во время проведения осмотра места происшествия, видеозаписи необходимо изъять выемкой. Данный тезис может найти в себе применение к автомобилям, оснащенным системой кругового обзора (от 4-х до 8-ми разнонаправленных камер), осуществляющих непрерывную видеофиксацию обстоятельств вокруг себя. К таким автомобилям относятся Tesla model Y, S, 3, X, Roadster, Cybertruck; Li-Xiang one, 7,8,9; ZEEKR 001, X; Voyah Dream, Free; AITO M5, M7 и др.

В ходе осмотра места ДТП подлежат обязательному осмотру ТС. Основными целями осмотра автотранспортного средства являются выявление и фиксация следов, характеризующих ТС (марка, модель, техническое состояние), и следов развития дорожной ситуации (местоположение автотранспортного средства после его остановки, повреждения, полученные в результате ДТП) [5].

По общему правилу расположение ТС фиксируется относительно выбранных следователем ориентиров, при этом обязательным является фиксация расположения его колес с измерением расстояния от границы проезжей части в одном случае и выбранного ориентира в другом.

После фиксации автомобиля следует изучить его кузов на предмет повреждений или разрушений элементов. В случае их обнаружения необходимо зафиксировать вид, форму, размеры, характер.

Также всегда проверяются исправность (целостность) фар дальнего и ближнего света ТС и степень

их загрязнения, расстояние видимости в направлении движения.

В целях предотвращения утери и образования новых следов на кузове в процессе перемещения автомобиля на эвакуаторе осмотр ТС рекомендуется проводить непосредственно на месте его обнаружения. В случае невозможности осмотра на месте происшествия, следует провести осмотр в специально оборудованном месте, что необходимо отразить в протоколе. Негативными обстоятельствами перемещения автомобиля могут быть следы от его погрузки на эвакуатор или следы от буксировки тросом в пределах проезжей части.

В протоколе осмотра фиксируют:

- ♦ тип, вид, марку (модель), государственный регистрационный знак транспортного средства, его цвет;
- ♦ номера: двигателя, шасси (рамы) (VIN), кузова;
- ♦ состояние остекления автомобиля, в том числе наличие или отсутствие тонировочной пленки, степень загрязнения данных элементов;
- ♦ состояние ходовой части автомобиля, видимые повреждения данной части автомобиля;
- ♦ наличие повреждения на колесных дисках, марку и модель производителя шин, их состояние, глубину протектора, сезонность, наличие избыточного давления в них;
- ♦ состояние рабочей тормозной системы. Проверка осуществляется визуальным наблюдением элементов тормозного механизма в районе колесного диска, отсутствия следов подтекания тормозной жидкости в местах сочленения тормозных шлангов с тормозными механизмами, наличия тормозной жидкости в бачке, расположенном в подкапотном пространстве, а также упругостью педали тормоза с рабочего места водителя;
- ♦ показания приборной панели водителя и наличие сигналов контрольных ламп. В случае если приборная панель электронная, перед проверкой необходимо убедиться в безопасности подключения автомобиля к аккумуляторной батарее, т. е. исключить разлив топлива и нарушение топливной системы автомобиля, а также убедиться в целостности тяговой батареи на электроавтомобиле в целях предотвращения пожара;
- ♦ наличие или отсутствие груза, его примерный вес и способ крепления.

При осмотре салона автомобиля следует исходить из сложившейся следственной ситуации.

В случае если водитель автомобиля скрылся с места ДТП необходимо осуществить поиск следов пальцев рук на рулевом колесе, экране мультимедийного устройства, кнопках управления системами автомобиля, салонного зеркала заднего вида, солнечного козырька, ручки (кнопки, колеса, указателя) переключения трансмиссии, ручке замка двери на дверной карте, а также иных элементов салона. Обязательному изъятию в данной следственной ситуации подлежат следы биологического происхождения, которые могут находиться на элементах салона автомобиля, а также на сработавших подушках безопасности.

Актуальным на данный момент остается вопрос применения диагностического оборудования в процессе осмотра места происшествия. Технических препятствий для применения аппаратно-программного комплекса (далее — АПК), позволяющего выявить и изъять сведения, зафиксированные на электронные блоки автомобиля, отсутствуют. Применение АПК возможно при подключении к автомобилю диагностического устройства к 16-контактному DLC (диагностического для соединения сканера по CAN-шине автомобиля). Таким образом, возможно получение информации из различных блоков автомобиля:

- 1) ECM — блок управления двигателем;
- 2) TRC — система управления тяговым усилием;
- 3) VSC — система стабилизации траектории;
- 4) ABS — антиблокировочная система;
- 5) BCM — блок управления бортовой электроникой (дверные замки, стеклоподъемники, подсветка салона и т. п.);
- 6) ACM — блок управления подушками безопасности;
- 7) HCU — гидравлический блок управления;
- 8) TCM — блок управления коробкой передач;
- 9) TPMS — блок системы контроля давления и температуры шин и др.;

Данные с вышеуказанных блоков в процессе эксплуатации автомобиля фиксируют возникновение ошибок в системах автомобиля в реальном времени, что может свидетельствовать о внезапно возникшей либо длительной неисправности узлов и агрегатов автомобиля.

Отдельно необходимо рассмотреть внедрение в современные автомобили системы EDR — регистратора данных о событиях. EDR используется для регистрации данных систем контроля динамики и

систем активной безопасности автомобиля, в целях получения информации о работе систем автомобиля в момент аварийной ситуации. Это возможно только при использовании считывающего устройства производителя, что влечет за собой необходимость дополнительного осмотра ТС с участием технического специалиста официального представителя фирмы-готовителя автомобиля.

При возникновении аварийной ситуации система EDR регистрирует:

- ♦ режим торможения;
- ♦ состояние педали тормоза в момент столкновения;
- ♦ скорость в момент столкновения;
- ♦ состояние замка ремня безопасности;
- ♦ сведения о том, был ли включен световой индикатор неисправности системы пассивной безопасности в момент столкновения.

Следы, свидетельствовавшие о механизме ДТП, в виде информации о работе устройств автомобиля, допустимо изымать в виде отчетов диагностики систем автомобиля посредством АПК, однако для исключения внесения изменений в сохраненную информацию на устройствах, необходимо изъять ТС.

Осмотр автомобиля с блоками управления представляет собой процесс, при котором эксперт-криминалист проводит детальное изучение всех электронных систем и компонентов ТС. Специалист должен быть хорошо знаком с принципами работы этих блоков и способен извлекать информацию о прошлых действиях и настройках автомобиля. Кроме того, следователь должен уметь интерпретировать полученные данные для выявления фактов преступлений или определения обстоятельств происшествия.

Наличие следов, свидетельствующих о механизме ДТП, на электронных носителях в блоках автомобиля требуют от следователя компетенций, не связанных с юриспруденцией, в частности навыки по фиксации информации технического состояния автомобиля при использовании АПК.

Список источников

1. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 395-ФЗ (ред. от 30 декабря 2020 г.) «О Государственной автоматизированной информационной системе «ЭРА-ГЛОНАСС» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Жанказиев С. В. Интеллектуальные транспортные системы: учеб. пособие. М. : МАДИ, 2016.

3. Данилкин И. А., Данилкина В. М. Использование современных технических средств в повседневной практической деятельности экспертно-криминалистических подразделений г. Москвы // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 84–91.

4. Топорков А. А. Криминалистика: учебник. М.: Контракт, Инфра-М, 2012.

5. Сафонов Г. И. Тактика назначения судебной автотехнической экспертизы и использования ее результатов в процессе доказывания: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

References

1. Federal Law No. 395-FZ of December 28, 2013 (as amended on December 30, 2020) «On the State

Automated Information System ERA-GLONASS» // LRS «ConsultantPlus».

2. Zhankaziev S. V. Intelligent transport systems: textbook, manual. М.: Moscow Automobile and Road Engineering State Technical University, 2016.

3. Danilkin I. A., Danilina V. M. The use of modern technical means in the daily practical activities of forensic units in Moscow // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4. P. 84–91.

4. Toporkov A. A. Criminalistics: textbook. М.: Contract, Infra-M, 2012.

5. Safonov G. I. Tactics of appointment of forensic auto-technical expertise and the use of its results in the process of proof: diss. ... cand. jurid. М., 2017.

Информация об авторах

Г. И. Сафонов — заместитель начальника кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

С. В. Дубровин — профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

Information about the authors

G. I. Safonov — Deputy Head of the Department Criminalistics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

S. V. Dubrovin — Professor of the Department Criminalistics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 341

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-200-206>

EDN: <https://elibrary.ru/umcttz>

НИОН: 2003-0059-7/23-921
MOSURED: 77/27-003-2023-07-120

Обеспечение верховенства права в постконфликтных государствах

Артур Алексеевич Степанченко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются концептуальные основы, правовое регулирование и особенности деятельности международных акторов по обеспечению верховенства права в постконфликтных государствах.

Ключевые слова: верховенство права, правопорядок, международные организации, постконфликтные государства, правосудие переходного периода, постконфликтное миростроительство, операции по поддержанию мира, искусственный интеллект

Для цитирования: Степанченко А. А. Обеспечение верховенства права в постконфликтных государствах // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 200–206. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-200-206>. EDN: UMCTTZ.

Original article

Ensuring the rule of law in post-conflict states

Artur A. Stepanchenko

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The conceptual framework, legal regulation and peculiarities of international actors' activities to ensure the rule of law in post-conflict states are considered.

Keywords: rule of law, law and order, international organizations, post-conflict states, transitional justice, post-conflict peacebuilding, peacekeeping operations, artificial intelligence

For citation: Stepanchenko A. A. Ensuring the rule of law in post-conflict states. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):200–206. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-200-206>. EDN: UMCTTZ.

С учетом мегатрендов глобального развития 31 марта 2023 г. Указом Президента Российской Федерации № 229 была утверждена новая Концепция внешней политики Российской Федерации, определяющая базовые стратегические ориентиры государственной политики на международной арене.

В число национальных интересов РФ во внешнеполитической сфере входит в том числе укрепление правовых основ международных отношений. Стратегические цели внешней политики Российской Федерации достигаются путем выполнения задач по поддержанию международного мира и безопасности. При этом одной из основ справедливого и устойчивого мироустройства и поддержания глобальной стабильности служит обеспечение в международных отношениях верховенства права [1].

Концепция верховенства права основывается на положениях Устава ООН, где в качестве одной из целей указывается стремление создать условия, при которых соблюдаются справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права. Кроме того, одна из основных целей заключается в том, чтобы проводить мирными средствами, в согласии с принципами спра-

ведливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира [3].

Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. предписано охранять права человека властью закона в целях того, чтобы он не был вынужден прибегать в качестве последнего средства к восстанию против тирании и угнетения [4].

Кроме того, верховенству права уделено особое внимание в докладе Генерального секретаря ООН «Господство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах» [10].

В 2005 г. на Всемирном саммите ООН была признана необходимость всеобщего соблюдения и обеспечения верховенства права как на национальном, так и на международном уровнях и подтверждена приверженность международному порядку, основанному на верховенстве права и международном праве [5].

Для обеспечения устойчивого мира в постконфликтный период, эффективной защиты прав человека, устойчивого экономического прогресса и развития фундаментальное значение имеет соблюдение

© Степанченко А. А., 2023

законности. При этом обеспечение верховенства права является определяющим фактором снижения международной напряженности, повышения предсказуемости мирового развития и одной из основ поддержания глобальной стабильности.

Генеральная Ассамблея уделяет особое внимание вопросу верховенства права, принимая на своих сессиях соответствующие резолюции, в которых подробно определены необходимые усилия [6; 29; 30].

Совет Безопасности использовал концепцию «верховенство права» начиная с 1996 г. [21]. В состоявшемся в 2000 г. докладе были представлены новые подходы в проведении операций по поддержанию мира, подчеркивающие важную роль верховенства права [7]. Первые тематические прения по вопросам верховенства права проведены в 2003 г. [20]. Также в Совете Безопасности неоднократно обсуждался вопрос о поощрении и укреплении верховенства права в поддержании мира и безопасности (2006, 2010–2012 и 2014 гг.), принимались резолюции, констатирующие важность этой темы в контексте вопросов женщин, мира и безопасности [22; 25], защиты детей и гражданских лиц в условиях вооруженного конфликта [23; 24].

Совет Безопасности санкционировал мероприятия по поддержке верховенства права во многих операциях по поддержанию мира и специальных политических миссиях в рамках постконфликтного миростроительства для обеспечения мира и безопасности в пострадавших государствах, в том числе в Афганистане, Бурунди, Гаити, Гвинее-Бисау, Демократической Республике Конго, Ираке, Кот-д'Ивуаре, Либерии, Судане, Сьерра-Леоне, Восточном Тиморе, Центральноафриканской Республике, Чаде и Южном Судане [8].

Управление по поддержке миростроительства, Комиссия по миростроительству и Фонд миростроительства ООН также на регулярной основе рассматривали вопрос верховенства права применительно к странам, включенным в их повестку.

В 2012 г. Генеральным секретарем ООН для повышения эффективности деятельности по обеспечению верховенства права создан Глобальный координационный центр по вопросам верховенства права, реализующий свой функционал в партнерстве с Административной канцелярией Генерального секретаря, Управлением Верховного комиссара по правам человека, Управлением Верховного комиссара по делам беженцев, Управлением ООН по наркотикам и преступности, Управлением ООН по обслуживанию проектов, Группой экспертов по вопросам верховенства права и сексуального насилия в условиях кон-

фликта, ЮНИСЕФ, Управлением по поддержке миростроительства, Департаментом ООН по политическим вопросам и вопросам миростроительства [38].

Обеспечение верховенства права является важнейшей задачей, решение которой усложняется разрушенной инфраструктурой, нехваткой материальных и финансовых ресурсов, слабостью национальной технической базы, нестабильной политической обстановкой в пострадавших государствах, отсутствием у населения доверия к органам власти. Одновременно приходится сталкиваться с такими проблемами, как отсутствие политической воли к проведению реформ, дезорганизованность правоохранительной и судебной систем.

Обязанности по укреплению законности предусматриваются в мандатах многих операций по поддержанию мира и специальных политических миссий. В свою очередь постепенное реформирование миротворческой деятельности в рамках ООН создает новые возможности для обеспечения верховенства права.

Обеспечение верховенства права в постконфликтных государствах включает в себя реформирование и поддержку деятельности судебной системы и сектора безопасности, разоружение, демобилизацию и реинтеграцию, проведение демократических избирательных процедур, оказание правовой помощи и правовое информирование населения, совершенствование национального законодательства.

Для установления долгосрочного мира и обеспечения безопасности необходимы эффективные и подотчетные судебные органы. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. предусматривает право всех людей на равную защиту в соответствии с законом, обеспечиваемую независимым и беспристрастным судом. Справедливая судебная система играет решающую роль в осуществлении этого права [4].

Помощь национальным властям в сфере содействия реформированию и поддержки деятельности судебной системы осуществляется в следующих областях: предоставление основных услуг в области правосудия; содействие расследованию преступлений; оказание поддержки урегулированию споров, которые явились причиной конфликта; сокращение масштабов применения практик произвольного и длительного содержания под стражей; повышение уровня профессионализма и подотчетности сотрудников судебных органов; разработка и осуществление национальных стратегий реформирования судебной системы; укрепление нормативной правовой базы. Соответствующие компоненты миротворческих операций в области правосудия помогают заложить основы для долгосрочного стабильного

функционирования национальных институтов, обеспечивающих верховенство права, и требуют налаживания тесного сотрудничества как с национальными властями, так и гражданским обществом [37].

Для решения неотложных задач в сфере обеспечения правопорядка исключительно важное значение имеют оказание помощи в реформе и поддержка деятельности сектора безопасности. Особая роль в области восстановления мира и стабильности на раннем этапе постконфликтного периода отводится правоохранительным органам, в полной мере соблюдающим права человека. Кроме того, в резолюциях Совета Безопасности закреплён комплексный подход в проведении реформы сектора безопасности [26; 27; 28]. Все это, безусловно, содействует мирному урегулированию, восстановлению доверия, обеспечению социальной справедливости.

С точки зрения ООН сектор безопасности включает оборонные ведомства, правоохранительные органы и исправительные учреждения. Реформирование сектора безопасности (далее — РСБ), как важнейший элемент обеспечения мира и безопасности в постконфликтных государствах, играет ключевую роль в устранении базовых причин конфликта и создании основы долгосрочного мира и развития. Целью оказываемой ООН поддержки в области РСБ является помощь в построении эффективных, контролируемых и подотчётных структур безопасности [19].

Фондом миростроительства ООН выделяется значительный объём средств на поддержку РСБ, включая мероприятия по поддержке полиции, вооружённых сил и исправительных учреждений [33]. Одновременно следует отметить возросшую потребность в сотрудниках полиции в осуществлении мандатов Совета Безопасности. Число сотрудников полиции, уполномоченных для развёртывания в операциях по поддержанию мира и специальных политических миссиях, увеличилось с 5840 в 1995 г. до примерно 11 000 в 2020 г. [39]. При этом за 25-летний период около 600 сотрудников МВД России приняли участие в миротворческих операциях по всему миру [40].

За последние десятилетия Совет Безопасности выдал мандаты на проведение РСБ, включающие ряд обязательств, среди которых следует особо отметить усиление гражданского надзора, совершенствование управления государственными финансами (Ливия, Гвинея-Бисау и Сомали), содействие национальному диалогу, управление сектором безопасности, реформирование полиции, пенитенциарной системы и обороны (Центральноафриканская Республика, Демократическая Рес-

публика Конго и Ливия), создание механизмов координации и наращивание потенциала национальной безопасности (Демократическая Республика Конго, Ливия, Мали и Сомали), управление охраной границ и обеспечение безопасности на море (Мали, Сомали) [35].

В рамках операций по поддержанию мира национальным властям оказывается поддержка в таких сферах РСБ, как установление общепринятых принципов надежного управления сектором безопасности; разработка национальной политики в области безопасности в целях повышения эффективности и подотчётности соответствующих структур; продвижение политических решений конфликта; усиление согласованности и эффективности международной помощи путем координации партнеров, мобилизации ресурсов и оказания поддержки программ миростроительства.

Важное место в мандатах операций по поддержанию мира занимают мероприятия по разоружению, демобилизации и реинтеграции (далее — РДР).

Целью РДР является укрепление безопасности и стабильности в постконфликтных государствах и создание условий для перехода к восстановлению и развитию. Это помогает создать благоприятную среду для политических процессов, обеспечивая решение проблемы безопасности, когда бывшие комбатанты инкорпорируются в гражданскую жизнь общества в постконфликтный период.

В 2019–2020 гг. группа Секции по разоружению, демобилизации и реинтеграции оказывала поддержку в рамках операций по поддержанию мира процессам РДР в Центральноафриканской Республике, Демократической Республике Конго, Мали и Южном Судане. Секция по разоружению, демобилизации и реинтеграции оказывает поддержку операциям в специальных политических миссиях ООН в Бурунди, Колумбии, Эфиопии, районе Великих озер, Гаити, Ираке, Ливии, Сомали и Йемене, а также вне рамок миссий ООН, например, в Камеруне, Буркина-Фасо, Эфиопии, Кот-д'Ивуаре, районе бассейна озера Чад, Мозамбике, Республике Конго и Сьерра-Леоне [34].

Содействие проведению демократических избирательных процедур в целях создания легитимных органов государственной власти, пользующихся доверием населения, имеет важное значение в деле обеспечения мира и безопасности в постконфликтных государствах. Вместе с тем именно с проведением выборов в постконфликтный период зачастую сопряжен наиболее высокий риск возобновления конфликта. При этом успешность выборов зависит от комплекса мероприятий, которые начинаются до голосования, и продол-

жаются после их окончания: выбор избирательной системы, формирование авторитетных избирательных институтов, урегулирование конфликтных ситуаций, обеспечение признания результатов выборов.

Более 100 стран получили помощь со стороны ООН в проведении выборов с 1991 г. В 1990-х гг. ООН оказывала поддержку имевшим важное значение выборам и всенародным консультациям в Восточном Тиморе, Южной Африке, Мозамбике, Сальвадоре и Камбодже. ООН также оказывала помощь в проведении выборов в Центральноафриканской Республике, Демократической Республике Конго, Ираке, Непале, Сьерра-Леоне и Судане [36]. Вопросы оказания помощи в данной сфере затронуты в ряде резолюций Генеральной Ассамблеи [31; 32].

ООН содействует в проведении выборов на основании запроса заинтересованного государства или на основании мандата Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи. Универсального алгоритма в этой сфере не выработано, поэтому перед согласованием деятельности и оказанием помощи ООН проводит оценку потребностей исходя из особенностей и обстановки в соответствующих государствах. Важно отметить, что значительная часть указанной деятельности осуществляется в виде технической помощи вне рамок миротворческих операций.

К основным видам помощи относятся техническая поддержка, наблюдение организация и контроль за выборами. При этом со стороны структур ООН крайне важна объективность, беспристрастность и уважение к суверенитету заинтересованного государства.

Среди учреждений ООН, оказывающих помощь в проведении выборов, следует выделить Департамент по политическим вопросам и вопросам миростроительства, Департамент миротворческих операций, Программу развития ООН, Управление Верховного комиссара по правам человека, программу добровольцев ООН, Управление ООН по обслуживанию проектов, ЮНЕСКО, Структуру «ООН-женщины» и Международную организацию по миграции.

Правовое информирование и правовая помощь населению являются не менее важными составляющими мероприятий, способствующих обеспечению мира и безопасности в постконфликтных государствах, и осуществляются в рамках усилий ООН по миростроительству и миротворческой деятельности.

В качестве примера необходимо привести работу комиссии по правам человека и мероприятия по повышению осведомленности о правах человека в Сьерра-Леоне и Либерии. В Судане, Индонезии и Афганистане

особое внимание уделялось информированию религиозных лидеров и руководителей неформальных механизмов отправления правосудия по таким вопросам, как права женщин и взаимодействие формальных и неформальных систем отправления правосудия. Правовое информирование и правовая помощь населению осуществлялись в Уганде, Кот-д'Ивуаре, Палестине и Южном Судане [11; 12; 14; 16; 17; 18].

Содействие государствам в совершенствовании национального законодательства со стороны ООН также имеет своей целью обеспечение верховенства права в постконфликтных государствах, что способствует установлению долгосрочного мира. При этом одним из важных направлений является экспертная и финансовая помощь, направленная на разработку и принятие основополагающих законов государств.

Конституционные акты являются основой построения правового государства. Конституционные реформы играют важную роль в мирном осуществлении переходного политического процесса, а также в предотвращении конфликтов путем обеспечения равных прав для незащищенных групп населения. ООН оказывала содействие в решении вопросов конституционного строительства таким странам, как Бутан, Зимбабве, Индонезия, Кыргызстан, Ливия, Мадагаскар, Непал, Сомали, Южный Судан, Кения, Гана, Гвинея-Бисау, Зимбабве, Йемен, Тунис и Сомали. Содействие государствам в совершенствовании законодательства оказывают специальные политические и миротворческие миссии ООН. Например, Миссия ООН по содействию Афганистану, Миссия ООН по поддержке в Ливии, Миссия ООН в Южном Судане [11; 12; 14; 15; 16].

Российская Федерация уделяет значительное внимание деятельности в области обеспечения верховенства права на концептуальном уровне, последовательно выступает за укрепление правовых основ международных отношений и добросовестно соблюдает международно-правовые обязательства [1].

Усилия по обеспечению верховенства права требуют поддержки и участия широкого круга заинтересованных сторон для обеспечения авторитета и легитимности, чтобы деятельность по обеспечению мира и безопасности достигала своих целей. Представляется, что для успешной реализации мероприятий по обеспечению верховенства права, необходима более активная координация действий между ООН, заинтересованными международными организациями, государствами и негосударственными акторами.

Следует расширять инвестиции как финансового, технического, так и политического характера в дея-

тельность ООН в области обеспечения верховенства права в целях достижения мира и безопасности в постконфликтных государствах. При этом ООН должна принадлежать главенствующая и координирующая роль в вопросах прогрессивного развития международного права. Одновременно следует укреплять потенциал таких межгосударственных объединений, как ОДКБ, СНГ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС и РИК.

Немаловажным является применение инновационных подходов в рамках механизмов обеспечения мира и безопасности. В частности, перспективным представляется использование технологий искусственного интеллекта и больших данных для комплексного моделирования процессов миростроительства в постконфликтных государствах [2].

В совокупности это должно способствовать усовершенствованию стратегии и подходов к урегулированию конфликтов и постконфликтной реконструкции, что особенно важно в свете угроз терроризма, экстремизма и транснациональной организованной преступности, которые могут осложнять процессы стабилизации постконфликтных обществ.

Список источников

1. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Устав ООН. Сан-Франциско, 26 июня 1945 г. // СПС «КонсультантПлюс».
4. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Итоговый документ Всемирного саммита ООН 2005 г. (принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 сентября 2005 г. Док. ООН A/RES/60/1) // URL://<https://documents.un.org>.
6. Декларация совещания на высоком уровне Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о верховенстве права на национальном и международном уровнях (принята резолюцией 67/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 24 сентября 2012 г.) // URL://<https://documents.un.org>.
7. Доклад Специального комитета по операциям по поддержанию мира. Всестороннее рассмотрение всего вопроса об операциях по поддержанию мира во всех их аспектах. Док. ООН A/54/839 // URL://<https://documents.un.org>.
8. Доклад Генерального секретаря ООН «Верховенство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах» от 12 октября 2011 г. Док. ООН S/2011/634 // URL://<https://documents.un.org>.
9. Доклад Генерального секретаря об отношениях между ООН и региональными организациями, в частности Африканским союзом, в деле поддержания международного мира и безопасности от 7 апреля 2008 г. Док. ООН S/2008/186 // URL://<https://documents.un.org>.
10. Доклад Генерального секретаря ООН «Господство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах» от 23 августа 2004 г. Док. ООН S/2004/616 // URL://<https://documents.un.org>.
11. Доклад Генерального секретаря ООН «Укрепление и координация деятельности ООН в сфере верховенства права» от 8 августа 2011 г. Док. ООН A/66/133 // URL://<https://documents.un.org>.
12. Доклад Генерального секретаря ООН «Укрепление и координация деятельности ООН в сфере верховенства права» от 10 августа 2012 г. Док. ООН A/67/290 // URL://<https://documents.un.org>.
13. Доклад Генерального секретаря ООН «Меры по созданию Фонда миростроительства» от 22 августа 2006 г. Док. ООН A/60/984 // URL://<https://documents.un.org>.
14. Доклад Генерального секретаря ООН «Укрепление и координация деятельности ООН в сфере верховенства права» от 29 июля 2013 г. Док. ООН A/68/213 // URL://<https://documents.un.org>.
15. Доклад Генерального секретаря ООН «Укрепление и координация деятельности ООН в сфере верховенства права» от 24 июля 2014 г. Док. ООН A/69/181 // URL://<https://documents.un.org>.
16. Доклад Генерального секретаря ООН «Фонд миростроительства» от 29 января 2016 г. Док. ООН A/69/745 // URL://<https://documents.un.org>.
17. Доклад Генерального секретаря ООН «Фонда миростроительства» от 16 января 2012 г. Док. ООН A/66/659 // URL://<https://documents.un.org>.
18. Доклад Генерального секретаря ООН «Фонда миростроительства» от 9 сентября 2010 г. Док. ООН A/65/353 // URL://<https://documents.un.org>.
19. Доклад Генерального секретаря ООН от 13 августа 2013 г. Док. ООН. A/67/970-S/2013/480 // URL://<https://documents.un.org>.

20. Заявление Председателя Совета Безопасности ООН на 4833-м заседании Совета Безопасности ООН, состоявшемся 24 сентября 2003 г. Док. ООН S/PRST/2003/15 // URL://<https://documents.un.org>.

21. Резолюция 1040 (1996), принята Советом Безопасности ООН 29 января 1996 г. Док. ООН S/RES/1040 (1996) // URL://<https://documents.un.org>.

22. Резолюция 1325 (2000), принята Советом Безопасности ООН 31 октября 2000 г. Док. ООН S/RES/1325 (2000) // URL://<https://documents.un.org>.

23. Резолюция 1612 (2005), принята Советом Безопасности ООН 26 июля 2005 г. Док. ООН S/RES/1612 (2005) // URL://<https://documents.un.org>.

24. Резолюция 1674 (2006), принята Советом Безопасности ООН 28 апреля 2006 г. Док. ООН S/RES/1674 (2006) // URL://<https://documents.un.org>.

25. Резолюция 1820 (2008), принята Советом Безопасности ООН 19 июня 2008 г. Док. ООН S/RES/1820 (2008) // URL://<https://documents.un.org>.

26. Резолюция 2151 (2014), принята Советом Безопасности 28 апреля 2014 г. Док. ООН S/RES/2151 (2014) // URL://<https://documents.un.org>.

27. Резолюция 2282 (2016), принята Советом Безопасности 27 апреля 2016 г. Док. ООН S/RES/2282 (2016) // URL://<https://documents.un.org>.

28. Резолюция 2553 (2020), принята Советом Безопасности 3 декабря 2020 г. Док. ООН S/RES/2553 (2020) // URL://<https://documents.un.org>.

29. Резолюция 61/39, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 4 декабря 2006 г. Верховенство права на национальном и международном уровнях. Док. ООН A/RES/61/39 // URL://<https://documents.un.org>.

30. Резолюция 62/70, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 6 декабря 2007 г. Верховенство права на национальном и международном уровнях. Док. ООН A/RES/62/70 // URL://<https://documents.un.org>.

31. Резолюция 70/168, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 17 февраля 2016 г. Док. ООН A/RES/70/168 // URL://<https://documents.un.org>.

32. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 72/164 от 25 января 2018 г. Док. ООН A/RES/72/164 // URL://<https://documents.un.org>.

33. Фонд миростроительства ООН // URL://<https://www.un.org/peacebuilding/ru/fund>.

34. Операции ООН по поддержанию мира. Разоружение, демобилизация и реинтеграция // URL://<https://peacekeeping.un.org/ru/disarmament-demobilization-and-reintegration>.

35. Операции ООН по поддержанию мира // URL://<https://peacekeeping.un.org/ru/security-sector-reform>.

36. Организация Объединенных Наций. Политические вопросы и вопросы миростроительства // URL://<https://dpa.un.org/ru/elections>.

37. Организация Объединенных Наций. Верховенство права и правосудие // URL://<https://www.un.org/ruleoflaw/thematic-areas/justice-2/>

38. Организация Объединенных Наций. Глобальный координационный центр по вопросам верховенства права ООН // URL://<https://www.un.org/ruleoflaw/globalfocalpoint/>

39. Организация Объединенных Наций. Полиция ООН // URL://<https://peacekeeping.un.org/en/un-police>.

40. Официальный сайт МВД России // URL://<https://мвд.рф>.

References

1. The concept of foreign policy of Russia, approved by the Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 № 229 // LRS «ConsultantPlus».

2. National strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030, approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 № 490 // LRS «ConsultantPlus».

3. Charter of the United Nations. San Francisco, June 26, 1945 // LRS «ConsultantPlus».

4. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948) // LRS «ConsultantPlus».

5. The Outcome Document of the UN World Summit 2005 (adopted by resolution 60/1 of the UN General Assembly of September 16, 2005. Doc. UN A/RES/60/1) // URL://<https://documents.un.org>.

6. Declaration of the UN General Assembly High-Level Meeting on the Rule of Law at the National and International Levels (adopted by UN General Assembly Resolution 67/1 of September 24, 2012) // URL://<https://documents.un.org>.

7. Report of the Special Committee on Peacekeeping Operations. A comprehensive examination of the whole question of peacekeeping operations in all their aspects. Doc. UN A/54/839 // URL://<https://documents.un.org>.

8. Report of the UN Secretary-General, «Rule of Law and Transitional Justice in Conflict and Post-Conflict Societies», October 12, 2011. Doc. UN S/2011/634 // URL://<https://documents.un.org>.

9. Report of the Secretary-General on relations between the United Nations and regional organizations, in particular the African Union, in the maintenance of international peace and security of 7 April 2008. Doc. UN S/2008/186 // URL://<https://documents.un.org>.

10. Report of the UN Secretary General on the Rule of Law and Transitional Justice in Conflict and Post-Conflict Societies, dated August 23, 2004. UN S/2004/616 // URL://<https://documents.un.org>.

11. Report of the UN Secretary-General, «Strengthening and Coordinating UN Rule of Law Activities»,

dated August 8, 2011. Doc. UN A/66/133 // URL://<https://documents.un.org>.

12. Report of the UN Secretary General, «Strengthening and Coordinating UN Rule of Law Activities», dated August 10, 2012. Doc. UN. A/67/290 // URL://<https://documents.un.org>.

13. Report of the UN Secretary-General, «Measures to Establish a Peacebuilding Fund», dated August 22, 2006, Doc. UN A/60/984 // URL://<https://documents.un.org>.

14. Report of the UN Secretary-General, «Strengthening and Coordinating UN Rule of Law Activities», dated July 29, 2013. Doc. UN A/68/213 // URL://<https://documents.un.org>.

15. Report of the UN Secretary General, Strengthening and Coordinating UN Rule of Law Activities, dated July 24, 2014. Doc. UN A/69/181 // URL://<https://documents.un.org>.

16. Report of the UN Secretary-General, «The Peacebuilding Fund», dated January 29, 2016. Doc. UN A/69/745 // URL://<https://documents.un.org>.

17. Report of the UN Secretary-General «Peacebuilding Fund» dated January 16, 2012. Doc. UN A/66/659 // URL://<https://documents.un.org>.

18. Report of the UN Secretary General «Peacebuilding Fund» dated September 9, 2010. Doc. UN A/65/353 // URL://<https://documents.un.org>.

19. Report of the UN Secretary General dated August 13, 2013. Doc. UN A/67/970-S/2013/480 // URL://<https://documents.un.org>.

20. Statement by the President of the UN Security Council at the 4833rd meeting of the UN Security Council held on September 24, 2003. Doc. UN S/PRST/2003/15 // URL://<https://documents.un.org>.

21. Resolution 1040 (1996), adopted by the UN Security Council on January 29, 1996. Doc. UN S/RES/1040 (1996) // URL://<https://documents.un.org>.

22. Resolution 1325 (2000), adopted by the UN Security Council on October 31, 2000. Doc. UN S/RES/1325 (2000) // URL://<https://documents.un.org>.

23. Resolution 1612 (2005), adopted by the UN Security Council on July 26, 2005. Doc. UN S/RES/1612 (2005) // URL://<https://documents.un.org>.

24. Resolution 1674 (2006), adopted by the UN Security Council on April 28, 2006. Doc. UN S/RES/1674 (2006) // URL://<https://documents.un.org>.

25. Resolution 1820 (2008), adopted by the UN Security Council on June 19, 2008. UN Doc. UN. S/RES/1820 (2008) // URL://<https://documents.un.org>.

26. Resolution 2151 (2014), adopted by the Security Council on April 28, 2014. Doc. UN S/RES/2151 (2014) // URL://<https://documents.un.org>.

27. Resolution 2282 (2016), adopted by the Security Council on April 27, 2016. Doc. UN S/RES/2282 (2016) // URL://<https://documents.un.org>.

28. Resolution 2553 (2020), adopted by the Security Council on December 3, 2020. Doc. UN S/RES/2553 (2020) // URL://<https://documents.un.org>.

29. Resolution 61/39, adopted by the UN General Assembly on December 4, 2006. The rule of law at the national and international levels. UN Doc. UN. A/RES/61/39 // URL://<https://documents.un.org>.

30. Resolution 62/70 adopted by the UN General Assembly on December 6, 2007. The Rule of Law at the National and International Levels. Doc. UN A/RES/62/70 // URL://<https://documents.un.org>.

31. Resolution 70/168, adopted by the UN General Assembly on February 17, 2016. Doc. UN A/RES/70/168 // URL://<https://documents.un.org>.

32. UN General Assembly Resolution 72/164, adopted by the UN General Assembly on January 25, 2018. Doc. UN A/RES/72/164 // URL://<https://documents.un.org>.

33. UN Peacebuilding Fund // URL://<https://www.un.org/peacebuilding/ru/fund>.

34. UN Peacekeeping Operations. Disarmament, Demobilization and Reintegration // URL://<https://peacekeeping.un.org/ru/disarmament-demobilization-and-reintegration>.

35. UN Peacekeeping Operations // URL://<https://peacekeeping.un.org/ru/security-sector-reform>.

36. UN Political and peacebuilding issues // URL://<https://dpa.un.org/ru/elections>.

37. UN Rule of Law and Justice // URL://<https://www.un.org/ruleoflaw/thematic-areas/justice-2/>

38. UN Global Focal Point for the Rule of Law // URL://<https://www.un.org/ruleoflaw/globalfocal-point/>

39. UN Police // URL://<https://peacekeeping.un.org/en/un-police>.

40. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://<https://мвд.рф>.

Информация об авторе

А. А. Степанченко — Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. A. Stepanchenko — Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.
The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-207-211>

EDN: <https://elibrary.ru/uyhrga>

ИПОН: 2003-0059-7/23-922

MOSURED: 77/27-003-2023-07-121

К вопросу о мерах процессуального принуждения, направленных на получение доказательств по делам об административных правонарушениях

Игорь Сергеевич Трегубов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kiber1817@mail.ru

Научный руководитель: доктор юридических наук Ю. И. Попугаев

Аннотация. Рассматривается сущность и правовая природа мер административно-процессуального принуждения, направленных на получение доказательств по административным делам. Определяется место данных доказательств в институте административного производства, а также способы их получения и роль в административных правонарушениях. Доказательства являются одной из ключевых функций мер процессуального принуждения, так как данная информация напрямую определяет состав и квалификацию содеянного правонарушения.

Ключевые слова: принуждение, административное наказание, административное судопроизводство, меры, доказательства, процессуальные меры, ограничение

Для цитирования: Трегубов И. С. К вопросу о мерах процессуального принуждения, направленных на получение доказательств по делам об административных правонарушениях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 207–211. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-207-211>. EDN: UYHARGA.

Original article

On the issue of measures of procedural coercion aimed at obtaining evidence in cases on administrative offenses

Igor S. Tregubov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kiber1817@mail.ru

Research supervisor: Doctor of Legal Sciences Yu. I. Popugaev

Abstract. The essence and legal nature of measures of administrative-procedural coercion aimed at obtaining evidence in administrative cases is considered. The place of such evidence in the institution of administrative proceedings, as well as ways of obtaining them and their role in administrative offenses is determined. Evidence is one of the key functions of measures of procedural coercion, as this information directly determines the composition and qualification of the committed offense.

Keywords: coercion, administrative punishment, administrative proceedings, measures, evidence, procedural measures, restriction

For citation: Tregubov I. S. On the issue of measures of procedural coercion aimed at obtaining evidence in cases on administrative offenses. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):207–211. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-207-211>. EDN: UYHARGA.

Меры административно-процессуального принуждения применяются при наличии различных оснований, при этом как уже отмечалось, процессуальные меры могут иметь как принудительный, так и не принудительный характер. Помимо иных функций, ряд мер административно-процессуального принуждения направлено на получение доказательств. Как отметил В. Р. Кисин «...в отличие от административно-процессуального пресечения рассматриваемая группа процессуального принуждения является более широ-

кой по объему и разнообразной по характеру содержащихся в ней мер. Эти весьма разнообразные меры объединяет общая процессуальная направленность: все они служат цели получения информации, которая может быть положена в основу вывода по делу об административном правонарушении. Применение соответствующих мер направлено на обеспечение административного процесса информацией, имеющей доказательственное значение, они являются способами обнаружения и закрепления доказательств» [5, с. 36].

© Трегубов И. С., 2023

Учитывая важный функционал мер административно-процессуального принуждения есть необходимость несколько слов сказать о такой категории как «доказательства», на получение которых собственно, и направлены рассматриваемые нами меры. Сбор доказательств играет важную роль в производстве по делам об административных правонарушениях, и поэтому к ним предъявляются важные требования, которые касаются их относимости к данному делу и допустимости. Доказательства должны быть получены законно, одним из средств получения доказательств является использование мер административно-процессуального принуждения. В этой связи только законное использование мер административно-процессуального принуждения дает возможность получить доказательство, отвечающее требованию допустимости.

Отметим, что доказательства в производстве по делу об административном правонарушении сами по себе не появляются, они могут быть получены, как уже было отмечено, только в установленном законе порядке. Доказательства собираются и закрепляются в соответствующих протоколах, а потом осуществляется их оценка. Как отмечал А. П. Корнев «...доказательства дают возможность установить достоверность того или иного события, которое имело место как в прошлом так и настоящем. При этом доказательствами могут быть документы, справки, отчеты, заключения специалистов, показания свидетелей, вещи» [7, с. 87].

С позиции КоАП РФ «...доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании которых может быть установлено наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела» (ст. 26.2).

Как показывает практика доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях «добываются», в том числе и с применением мер административно-процессуального принуждения. Вполне очевидно, что без доказательства и установления вины, соответствующего лица, к нему нельзя применить административное наказание, более того сам процесс доказывания вины должен отвечать всем необходимым материальным и

процессуальным требованиям. Процесс доказывания — это деятельность уполномоченного субъекта, направленная на установление обстоятельств совершенного правонарушения, с использованием определенных законом технических и процессуальных средств. Надо сказать, что меры административно-процессуального принуждения используются не в самом процессе доказывания, в этом процессе принуждение недопустимо, а помогают выявить и закрепить соответствующие доказательства в ходе осуществления процессуальных действий, это может происходить в ходе личного досмотра, изъятие вещей, освидетельствования на состояния опьянения и др.

Процесс доказывания это, по сути, форма правоприменительной деятельности, осуществляемый в производстве по делам об административных правонарушениях. По данному вопросу Е. Д. Додин писал, что «...именно посредством доказывания решается одна из главных задач производства по делам об административных правонарушениях — правильное применение закона. При этом процесс доказывания дает возможность обеспечить права и законные интересы граждан, применить справедливое наказание. Цель доказывания является установление истины по делу, а поэтому данная работа подчиняется общим закономерностям процесса познания» [4, с. 26].

В процесс доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях органично интегрированы необходимые меры административно-процессуального принуждения. Нужно признать и то обстоятельство, что далеко не в каждом процессе доказывания по делам об административных правонарушениях используется административно-принудительные меры, иногда в данных мерах просто нет необходимости. Как верно отметил Д. В. Горбунов «...содержание доказывания зависит от различных обстоятельств, в частности от источника сведений, являющихся поводом к возбуждению дела об административном правонарушении, а также от необходимости применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях» [2, с. 14].

Исходя из своей функциональности, в процессуальных мерах можно видеть сочетание различных способов правового воздействия, которое в частности нужны для сбора доказательств по делу об адми-

нистративном правонарушении. Как показывает практика и анализ правовой доктрины, сбор доказательственной информации для производства по делам об административных правонарушениях осуществляется различными способами, иногда для этого надо использовать меры административно-процессуального принуждения. Соответствующие меры вторгаются в сферу личных прав и свобод, в некоторых случаях данные меры воздействия имеют имущественные и организационные ограничения. Говоря о процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях, В. К. Шкарупа в свое время отметил, что к предмету данного доказывания относятся «...факты подлежащие доказыванию; методы приемы и средства, используемые для доказывания; круг субъектов доказывания, а также содержание процесса доказывания» [11, с. 12].

Как можно видеть сам процесс доказывания носит достаточно содержательный характер, предполагающий самые различные действия, при этом среди системы данных действий выделяются приемы и средства получения доказательств с использованием средств принуждения. Исходя из этого к числу соответствующих приемов получения доказательств, как уже было отмечено, могут быть отнесены — «меры административно-процессуального принуждения».

С учетом функциональности данных мер административного воздействия А. И. Дворяк верно подчеркнул, что «...административно-процессуальные меры, которые направлены в ходе своей реализации на получение доказательств, имеют своей целью принудительным путем установить факт правонарушения и личность правонарушителя, а также выявить доказательства с целью установления истины по соответствующему административному делу» [3, с. 54].

К. В. Хвастунов говоря о функциях мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях констатировал, что «...рассматриваемые меры создают условия, необходимые для обнаружения, фиксации и оценки доказательств, установления факта правонарушения и личности правонарушителя, обстоятельств совершения правонарушения, а также причин и условий, способствующих его совершению» [10, с. 136].

Как следует из КоАП РФ меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяются при различных основаниях.

Однако прямого указания на то, что данные меры используются для получения доказательств, в КоАП РФ нет (ст. 27.1). Однако смысл и содержание некоторых мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях функционально направлен именно на получение доказательств по делу об административном правонарушении. Несмотря на это было бы верно в обозначенной статье прямо закрепить, что «меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяются в целях получения доказательств по делу об административном правонарушении».

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что меры административно-процессуального принуждения функционально связанные с получением доказательств применяются именно в связи с совершением административного правонарушения. В этой связи А. Ю. Соколов, верно, подчеркивает, что «...главное назначение данных мер, состоит в обеспечении привлечения лица, совершившего административное правонарушение, к административной ответственности посредством фиксации, сбора доказательств по делу об административном правонарушении, а также обеспечении исполнения административных наказаний» [9, с. 20].

Вполне очевидно, что некоторые доказательства по делу об административном правонарушении могут быть получены только принудительным путем, более того данное принуждение порой вторгается в сферу субъективных прав, в частности это происходит при личном досмотре, медицинском освидетельствовании на состояние опьянения. Соответствующие меры носят ярко выраженную процессуальную направленность, что обуславливает необходимость соблюдение всех нормативных требований, иначе полученное в ходе применения мер административно-процессуального воздействия доказательство, не будет иметь юридического значения. Меры административно-процессуального принуждения, направленные на получения доказательств, внутри соответствующей системы образуют свою систему мер принуждения, которые подчинены цели получения соответствующих доказательств.

Говоря о функциональности системы мер административно-процессуального принуждения, которая направлена на получение доказательств В. Р. Кисин пишет, что к данным мерам относятся «...проверка документов у граждан; личный досмотр и до-

смотр вещей; изъятие вещей и документов; освидетельствование» [5, с. 36].

Давая анализ мерам административно-процессуального принуждения, Д. Н. Бахрах разделил все меры по целевому признаку. Исходя из этого, данный автор определил меры процессуального принуждения, направленные на получение доказательств и при этом выделил: личный досмотр; досмотр вещей; изъятие вещей и документов, освидетельствование, а также привод [1, с. 59].

Надо отметить, что функционально привод соответствующих лиц все же вряд ли стоит относить к процессуальной мере, направленной на получении доказательств. Привод скорее обеспечивает нормальный ход производства по делам об административных правонарушениях, дает возможность учесть показания тех участников производства, которые уклоняются от явки в суд или орган, рассматривающий соответствующие административное дело.

К. В. Хвастунов к мерам обеспечения производства по делу об административных правонарушениях отнес «...медицинское освидетельствование на состояние опьянения; личный досмотр и досмотр вещей, находящихся при физическом лице. Так же к данным мерам относиться и досмотр транспортного средства; осмотр принадлежащих хозяйствующему субъекту помещений, территорий и находящихся там вещей, и документов» [10, с. 136].

В свою очередь Ю. И. Попугаев к числу административно-процессуальных мер направленных на получение доказательств относит: «...опрос (получение объяснений); истребование документов и их проверка; изъятие вещей и документов, а также экспертизу» [8, с. 18].

Меры административно-процессуального принуждения, которые функционально направлены на получение доказательств, достаточно разнообразны, их применение, как уже отмечалось, влечет вторжение в сферу личных прав граждан, а также может затрагивать имущественные интересы, как граждан, так и хозяйствующих субъектов. Использование некоторых мер административно-процессуального принуждения может самым непосредственным образом предопределять применение того или иного административного наказания. Как писал в свое время В. Л. Кобалевский «...обыски и выемки хотя они и совершаются органами административной власти, едва ли могут быть применены исключительной

с полицейскими целями, т. е. для устранения нарушений общественного порядка и является мерами чисто административного воздействия. Обыски и выемки могут производиться полицейскими органами в порядке дознания по правонарушениям для привлечения виновных к законной ответственности» [6, с. 193].

Список источников

1. Бахрах Д. Н. Административно-процессуальное принуждение // Правоведение. 1989. № 4.
2. Горбунов Д. В. Доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
3. Дворяк А. И. Меры административно-процессуального пресечения, применяемые милицией: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1996.
4. Додин Е. В. Доказывание в административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел. Киев, 1985.
5. Кисин В. Р. Меры административно-процессуального принуждения применяемые милицией. М., 1987.
6. Кобалевский В. Л. Советское административное право. Харьков, 1929.
7. Коренев А. П. Нормы административного права и их применение. М., 1978.
8. Попугаев Ю. И. Административно-процессуальные меры, применяемые в связи с совершением правонарушения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1991.
9. Соколов А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в системе мер административного принуждения: автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. Саратов, 2013.
10. Хвастунов К. В. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемые милицией: дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.
11. Шкарупа В. К. Доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях, подведомственным органам внутренних дел: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Киев, 1985.

References

1. Bakhrah D. N. Administrative-procedural coercion // Pravovedenie. 1989. № 4.

2. Gorbunov D. V. Proving in proceedings on administrative offenses in the field of traffic: autref. diss. ... cand. of legal sciences. M., 2006.

3. Dvoryak A. I. Measures of administrative and procedural restraint applied by the police: diss. ... cand. of legal sciences. M., 1996.

4. Dodin E. V. Proving in administrative and jurisdictional activity of internal affairs bodies. Kiev, 1985.

5. Kisin V. R. Measures of administrative and procedural coercion used by the police. M., 1987.

6. Kobalevsky V. L. Soviet administrative law. Kharkiv, 1929.

7. Korenev A. P. Norms of administrative law and their application. M., 1978.

8. Parugaev Yu. I. Administrative and procedural measures applied in connection with the commission of an offense: autref. diss. ... cand. of legal sciences. M., 1991.

9. Sokolov A. Yu. Measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses in the system of measures of administrative coercion: diss. ... doc. of legal sciences. Saratov, 2013.

10. Khvastunov K. V. Measures to ensure the proceedings in cases of administrative offenses applied by the police: diss. ... cand. of legal sciences. Chelyabinsk, 2004.

11. Shkarupa V.K. Evidence in proceedings on cases of administrative offenses subordinated to internal affairs bodies: autref. diss. ... cand. of legal sciences. Kiev, 1985.

Информация об авторе

И. С. Трегубов — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

I. S. Tregubov — Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 14.12.2023.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ

2-е изд., перераб. и доп. Учебник. 688 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Зиборов О. В. и др.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции». Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Административная деятельность полиции

Учебник
Второе издание

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-212-216>

EDN: <https://elibrary.ru/wmdbzc>

ИПОН: 2003-0059-7/23-923

MOSURED: 77/27-003-2023-07-122

Актуальные проблемы противодействия правонарушениям экстремистской направленности

Газиявдибир Хадисович Хадисов¹, Глеб Николаевич Василенко²

¹ Северо-Кавказский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Махачкала, Россия, hadisov65@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, svara1945@gmail.com

Аннотация. Приводится авторская точка зрения на современное состояние регламентации административно-правовых средств противодействия правонарушениям экстремистской направленности. Предлагаются варианты повышения эффективности правоприменения в сфере реализации норм административно-деликтного законодательства.

Ключевые слова: экстремизм, административное право, ответственность, правонарушения, правоприменение, преступление

Для цитирования: Хадисов Г. Х., Василенко Г. Н. Актуальные проблемы противодействия правонарушениям экстремистской направленности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 212–216. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-212-216>. EDN: WMDBZC.

Original article

Actual problems of countering extremist offenses

Gaziyavdibir H. Hadisov¹, Gleb N. Vasilenko²

¹ North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala, Russia, hadisov65@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, svara1945@gmail.com

Abstract. The author's point of view on the current state of regulation of administrative and legal means of countering extremist offenses is presented. The options for improving the effectiveness of law enforcement in the field of implementing the norms of administrative and tort legislation are proposed.

Keywords: extremism, administrative law, responsibility, offenses, law enforcement, crime

For citation: Hadisov G. H., Vasilenko G. N. Actual problems of countering extremist offenses. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):212–216. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-212-216>. EDN: WMDBZC.

Проблема противодействия экстремизму остается сегодня одной из наиболее актуальных не только в Российской Федерации, но и во всем мире. Несмотря на принимаемые меры, продолжается активная деятельность международных объединений, целью которых является совершение правонарушений экстремистской направленности и террористического характера, дестабилизация общественно-политической ситуации в отдельных регионах России.

Экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации, создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя,

межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия. На это обращал внимание Президент Российской Федерации, выступая на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 17 февраля 2022 г. Борьба с экстремизмом была названа в числе приоритетных для органов внутренних дел задач [6].

Количество преступлений экстремистской направленности в России в 2021 г. выросло более чем на четверть, при этом сократилось число преступлений террористического характера. Об этом свидетельствуют материалы статистики МВД России за январь–декабрь 2021 г. В январе–декабре 2021 г. за-

© Хадисов Г. Х., Василенко Г. Н., 2023

регистрировано 2136 преступлений террористического характера, что на 8,8 % меньше, чем годом ранее, и 1057 преступлений экстремистской направленности, что больше на 26,9 %, чем в 2020 г. [7].

Частичная декриминализация состава преступления, ранее предусмотренного ч. 1 ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, путем введения в качестве обязательного признака объективной стороны наличия факта привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года, придает деянию межотраслевой характер и порождает проблемы в применении норм уже не только уголовного, но и административно-деликтного права.

Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ) периодически дополняется нормами, предусматривающими ответственность за совершение правонарушений экстремистского характера.

На основе анализа научной и учебной литературы, а также судебной практики и авторской позиции, не претендующей на бесспорность, позволим себе обозначить проблемы и противоречия, возникающие в рассматриваемой сфере, в том числе в связи с появлением соответствующих новелл в административно-деликтном законодательстве.

Понятие экстремистской деятельности (экстремизм), сформулированное в Федеральном законе № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1], до настоящего времени является спорным и дискуссионным как среди ученых, так и законодателей. Представляется целесообразным не отождествлять указанный в законе перечень противоправных деяний экстремистской направленности с понятием «экстремизм». Предлагаем рассматривать экстремизм как идеологию (мировоззрение) определенного индивида или общности людей, составляющих обособленную социальную группу, базирующееся на национальном, расовом, религиозном, социальном, политическом превосходстве, являющееся мотивом для совершения противоправных действий и представляющее угрозу конституционным правам, свободам, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию, обороне и безопасности государства.

По такой логике законодательно разведены понятия «терроризм» и «террористическая деятельность» в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [2].

В результате сравнительно-правового анализа содержащихся в федеральном законодательстве понятий «экстремизм» и «терроризм», «террористическая организация» и «экстремистская организация», выделяются не столько особенные, сколько общие признаки указанных категорий, что создает трудности при квалификации террористических и экстремистских действий, а также в процессе признания организаций террористическими или экстремистскими. С нашей точки зрения, необходимо законодательно установить критерии для разграничения понятий «террористическая организация» и «экстремистская организация» не на формальных признаках (наличие внутренней структуры и т.п. элементов), а на содержательных, позволяющих квалифицировать создание и участие в подобных организациях в рамках административно-деликтного либо уголовного законодательства.

Кроме того, не совсем понятно, что законодатель понимает под «иной террористической деятельностью». Широкое толкование порождает неопределенность в соотношении дефиниций «экстремистская деятельность», «преступления экстремистской направленности» и «преступления террористического характера».

На эффективности административно-правового противодействия экстремизму сказывается и то, что КоАП РФ, установив в ст. 20.3. административную ответственность за «пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики», не определил, что понимать под «нацистской атрибутикой или символикой», но при этом ввел понятие, имеющее высокую степень расширительного толкования — «атрибутика или символика, сходная с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения» [3].

Кроме того, представляется целесообразным ст. 4.3 КоАП РФ дополнить обстоятельством,отягчающим административную ответственность — «совершение административного правонарушения по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». К сожалению, эти вопросы в полной мере не нашли отражения и в проекте нового КоАП, за исключением того, что административные правонарушения, состоящие в нарушении норм законодательства РФ о

противодействию экстремизму, отнесены к грубым административным правонарушениям.

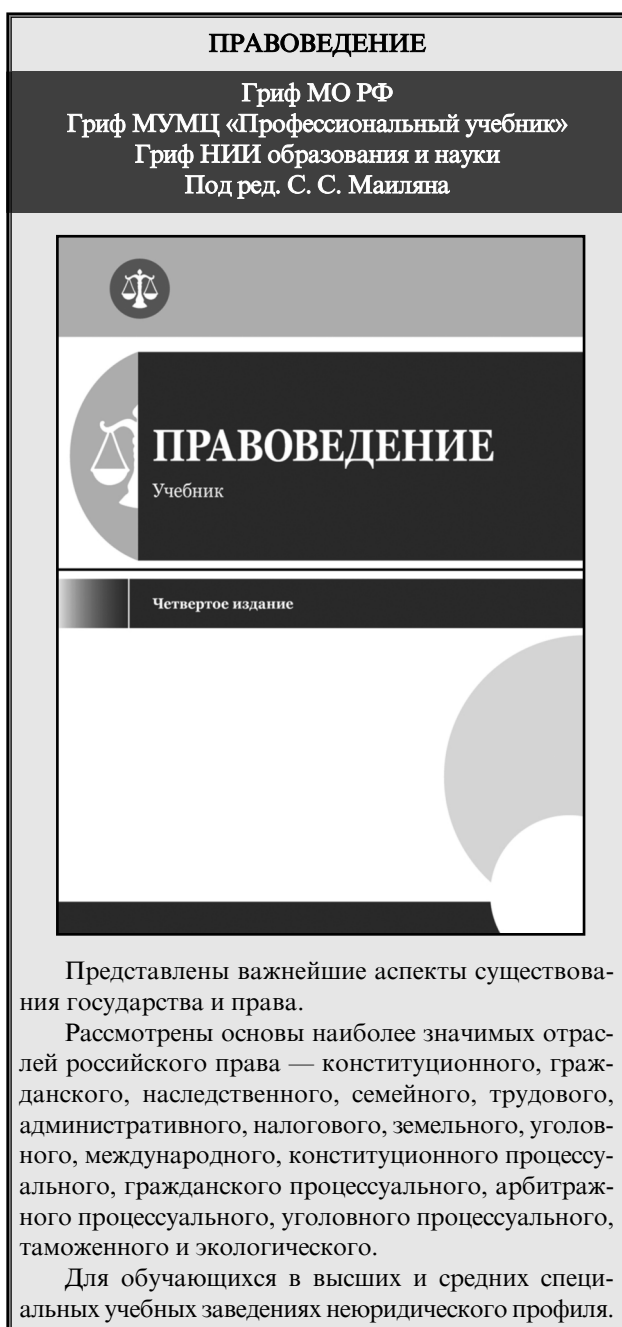
Учитывая, что подрастающее поколение, в силу своих возрастных и психологических особенностей, наиболее восприимчива к идеям экстремизма необходимо дополнить КоАП РФ отдельной главой «Административные правонарушения, посягающие на права и свободы несовершеннолетних», где предусмотреть, в том числе, ответственность за вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую деятельность.

В новом КоАП РФ также было бы целесообразно объединить все правонарушения экстремистской направленности в специальную главу, точно определив

родовой объект противоправных деяний этой группы исходя из формулировки преамбулы Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», которая гласит, что «противодействие экстремистской деятельности осуществляется в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности Российской Федерации».

Отметим, что в соответствии с Уголовным кодексом РФ [4] объектом посягательства состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282, являются именно основы конституционного строя и безопасность государства, а в КоАП РФ административные правонарушения экстремистской направленности помещены в гл. 20 «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность». При этом очевидно, что и уголовно, и административно наказуемые деяния имеют одинаковую экстремистскую направленность.

В предлагаемую главу нового КоАП РФ целесообразно включить составы, нашедшие «прописку» в гл. 13 КоАП РФ «Административные правонарушения в области связи и информации», в частности «Производство либо выпуск продукции средства массовой информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материалы, публично оправдывающие терроризм, или другие материалы, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности» (ч. 6 ст. 13.15), «Распространение владельцем аудиовизуального сервиса информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материалов, публично оправдывающих терроризм, или других материалов, призывающих к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности» (ст. 13.37) и «Непринятие провайдером хостинга или иным лицом, обеспечивающим размещение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информационного ресурса, мер по ограничению доступа к информационному ресурсу или сайту в сети «Интернет», на которых размещены информация, содержащая призывы к осуществлению экстремистской деятельности...», «Неудаление владельцем сайта или владельцем ин-

Представлены важнейшие аспекты существования государства и права.

Рассмотрены основы наиболее значимых отраслей российского права — конституционного, гражданского, наследственного, семейного, трудового, административного, налогового, земельного, уголовного, международного, конституционного процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального, уголовного процессуального, таможенного и экологического.

Для обучающихся в высших и средних специальных учебных заведениях неюридического профиля.

формационного ресурса в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации или интернет-страницы, содержащих призывы к осуществлению экстремистской деятельности» (ч. 3, 4 ст. 13.41). До включения в КоАП РФ ст. 20.3.1 существование указанных статей было вполне оправданно, однако со вступлением указанной нормы в силу существование правонарушений экстремистского характера в гл. 13 КоАП РФ вызывает сомнения.

Представляется необходимым гармонизировать положения уголовного и административно-деликтного права в части выработки единого терминологического аппарата института ответственности за экстремизм и смежные с ним составы, устранив двойственные и неопределенные понятия, например, «социальная группа».

Требуется усилить роль прокуратуры в производстве по делам об административных правонарушениях указанной категории. В целях формирования единой правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму вполне оправданно сосредоточить все полномочия по возбуждению дел об административных правонарушениях экстремистской направленности в компетенции органов прокуратуры, а по рассмотрению этих дел — в исключительной компетенции судей.

Представляется правильным в каждом случае устанавливать доказанность факта опубликования запрещенной символики (либо экстремистских материалов) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, но не иными лицами, поскольку не исключается возможность, например, «взлома» его интернет-страницы и опубликования соответствующего поста в социальных сетях от его имени. Иной порядок будет оставлять сомнения в виновности лица, а не устранение этих сомнений, как известно, должно толковаться в его пользу.

Демонстрация нацистской (либо иной запрещенной) атрибутики либо символики в определенной обстановке должна образовывать не состав административного правонарушения, а состав преступления. В частности, в случае явно пренебрежительной демонстрации такой символики в дни, посвященные празднованию победы над нацизмом (например, в День Победы — 9 мая), содеянное, по нашему мнению, должно подпадать под признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354.1 Уголовного кодекса

Российской Федерации (в части публичного оскорбления памяти защитников Отечества).

Знание или незнание лица о том, что опубликованный им материал внесен в федеральный список экстремистских материалов и запрещен к распространению, не влияет на решение вопроса о наличии либо отсутствии в действиях такого лица правонарушения, предусмотренного ст. 20.29 КоАП РФ (Производство и распространение экстремистских материалов). Однако если мы обратимся к ст. 1 ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», то обнаружим, что в числе экстремистской деятельности названы, помимо прочего, «массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения». Как видим, в законе речь идет уже не просто об экстремистских материалах, но о заведомо экстремистских материалах. Представляется, что верными в таком случае будут следующие позиции: а) распространение экстремистских материалов со знанием факта их запрещенности будет образовывать правонарушение, предусмотренное ст. 20.29 КоАП РФ, и будет являться экстремизмом; б) распространение экстремистских материалов без знания факта их запрещенности будет образовывать правонарушение, предусмотренное ст. 20.29 КоАП РФ, но не будет являться экстремизмом. Таким образом, необходимо по каждому делу на основании совокупности доказательств выяснять, знало ли лицо, что материал, который оно опубликовало, находится в федеральном списке экстремистских материалов для возложения на лицо определенных ограничений, предназначенных для лиц, причастных к экстремизму.

Передача экстремистского материала одному лицу для ознакомления не должна образовывать состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.29 КоАП РФ¹, поскольку в данной статье речь идет не просто о распространении экстремистских материалов, а о массовом распространении экстремистских материалов. К слову признак массовости в КоАП РФ не раскрывается.

¹ Имеют место судебные решения, где за подобное поведение лицо осуждалось. Так, по одному из дел «выявлен факт распространения... запрещенной литературы, находящейся в списке запрещенных экстремистских материалов, а именно: отправила по почте... книгу...» // Постановление Буйнакского районного суда Республики Дагестан от 9 ноября 2020 г. по делу № 5-399/2020 // URL://<https://sudact.ru/regular/doc/rzdIc-RAPUCY/>

При установлении признаков состава административного правонарушения правоприменители опираются на Постановление Пленума Верховного Суда РФ, которое разъясняет признаки состава преступления, а не административного правонарушения (п. 5 постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11) [5]. Представляется, что очевидно назрела необходимость принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ именно по административным правонарушениям экстремистской направленности.

В заключение хотелось бы отметить, что до настоящего времени нормативные правовые акты антиэкстремистской направленности не систематизированы, имеют различную юридическую силу, а отсутствие единого понятийного аппарата приводит к необходимости постоянной детализации существующих законов указами Президента РФ или постановлениями Правительства РФ, разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда РФ, что во многом осложняет правоприменительную практику.

Список источников

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. 30 июля.
2. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Российская газета. 2006. 10 марта.
3. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек.

Информация об авторах

Г. Х. Хадисов — начальник отдела научных исследований Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент;

Г. Н. Василенко — заместитель начальника кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

G. H. Hadisov — Head of the Scientific Research Department of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

G. N. Vasilenko — Deputy Head of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 11.12.2023. The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 11.12.2023.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. 4 июля.

6. URL://<http://kremlin.ru/events/president/news/67795>.

7. URL://<https://tass.ru/proisshestviya/13459223>.

References

1. Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 «On Countering Extremist Activity» // Rossiyskaya Gazeta. 2002. July 30th.

2. Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006 «On Countering Terrorism» // Rossiyskaya Gazeta. 2006. March 10th.

3. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 // Rossiyskaya gazeta. 2001. December 31st.

4. The Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ // CL RF. 1996. No. 25. Art. 2954.

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2011 No. 11 «On judicial practice in criminal cases of extremist crimes» // Rossiyskaya Gazeta. 2011. July 4th.

6. URL://<http://kremlin.ru/events/president/news/67795>.

7. URL://<https://tass.ru/proisshestviya/13459223>.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-217-220>

EDN: <https://elibrary.ru/vlfvjx>

НИОН: 2003-0059-7/23-924

MOSURED: 77/27-003-2023-07-123

К вопросу о соотношении интереса и права

Денис Васильевич Шаров

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sharovden@gmail.com

Аннотация. Анализируется научная дискуссия о соотношении интереса и права. Делается вывод, что интерес и право хотя и взаимосвязанные, но далеко не тождественные друг другу понятия. Интерес не включается и не может включаться в содержание субъективного права, как не является и не может являться его сущностью. Интерес и право — это разные явления объективной реальности.

Ключевые слова: интерес, право, субъективное право, соотношение интереса и права

Для цитирования: Шаров Д. В. К вопросу о соотношении интереса и права // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 217–220. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-217-220>. EDN: VLFVJX.

Original article

On the question of the relationship between interest and law

Denis V. Sharov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sharovden@gmail.com

Abstract. The scientific discussion on the relationship between interest and law is analyzed. It is concluded that interest and law, although interrelated, are far from identical concepts. Interest is not included and cannot be included in the content of a subjective right, as it is not and cannot be its essence. Interest and law are different phenomena of objective reality.

Keywords: interest, law, subjective right, relationship between interest and law

For citation: Sharov D. V. On the question of the relationship between interest and law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):217–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-217-220>. EDN: VLFVJX.

Соотношение интереса и права составляет предмет длительных и острых дискуссий в теории права, которые то угасают, то разгораются с новой силой. При этом участвующие в них ученые придерживаются не просто разных, но, зачастую, диаметрально противоположных взглядов по данному вопросу.

На наш взгляд, интерес и право, хотя и взаимосвязанные, но далеко не тождественные друг другу понятия. Это разные явления объективной реальности.

Поэтому вряд ли можно согласиться с точкой зрения родоначальника теории интересов Р. Иеринга, выраженной в его знаменитой фразе, что «права суть юридически защищенные интересы» [16, с. 122]. В данном случае произошло недопустимое смешение двух различных понятий в одно, а именно, интереса и права. Впоследствии это признал и сам Р. Иеринг, определяя право уже не как интерес, а как форму его обеспечения: «Я определяю право, как обеспечение жизненных условий общества в форме принуждения» [5, с. 321].

Однако подобное понимание права как защищенного интереса уже было вброшено в научный

оборот и впоследствии нашло немало своих сторонников.

Двойственное понимание права Р. Иерингом не укрылось от внимания, тонко чувствующего природу данного явления, профессора Ю. С. Гамбарова. Он справедливо полагал, что: «Понятие интереса и обеспеченности его не тождественны: то, что составляет интерес, не может вместе с тем быть и обеспеченностью или «самозащитой» интереса, — точно так же, как дом, обнесенный для безопасности оградой, и эта ограда, охраняющая безопасность дома, не тождественны, но представляют различные предметы, которым соответствуют такие же различные понятия» [3, с. 374].

Как отличные друг от друга явления рассматривал интерес и право другой видный российский правовед, профессор Г. Ф. Шершеневич. «Сам Иеринг дал неудачную формулу своему взгляду, определив субъективное право, как юридически защищенный интерес — отмечал он. Здесь смешаны в одно сущность субъективного права и его цель. Целью права

© Шаров Д. В., 2023

является, несомненно (и в установлении этого факта неоцененная заслуга Иеринга), обеспечение интересов общества и отдельных лиц, но это не составляет еще сущности права как средства к достижению указанной задачи» [14, с. 75].

Смешение понятий интереса и права считал главным недостатком теории интересов Р. Иеринга один из ее наиболее последовательных критиков князь Е. Н. Трубецкой, который обоснованно выступал против какого бы то ни было отождествления права с интересом, понимая под последним причину обуславливающую образование права [12, с. 22].

Отдельного внимания заслуживает обоснование различности таких явлений как интерес и право, содержащееся в критике теории интересов Р. Иеринга со стороны профессора Л. И. Петражицкого.

Сам Л. И. Петражицкий считал, что интерес не имеет вообще никакого отношения к праву «...представляет собой явление чуждое и постороннее для существа права...» [8, с. 358].

С таким взглядом ученого трудно согласиться, поскольку взаимосвязь между интересом и правом, несомненно, существует. Более того, эта взаимосвязь носит основополагающий характер. Нет ни одной нормы права, в основе возникновения которой не лежал бы тот или иной объективный интерес и, как следствие, любая норма права служит для удовлетворения того или иного законного интереса. Выражаясь образно, можно сказать, что все право «пронизано» интересами. Однако это совсем не означает, что интерес и право тождественны друг другу или сливаются вместе в едином понятие. В чем, безусловно, прав Л. И. Петражицкий, так это в том, что интерес и право представляют собой два совершенно различных явления.

Доказывая обоснованность своей позиции Л. И. Петражицкий, на примерах показывает, что право продолжает существовать даже тогда, когда породившего его интереса уже нет и в помине, и на этом основании делает справедливый вывод об отличии этих двух явлений друг от друга [9, с. 246].

Следует отметить, что предложенная Л. И. Петражицким аргументация, действительно, наглядно показывает, что интерес и право — это различные друг другу понятия, при этом никак не умаляя их взаимосвязи между собой.

Вполне очевидно, что в силу консервативности права может возникнуть и даже довольно длительное время существовать такая ситуация, когда норма

права имеется, а вызвавший ее появление интерес по тем или иным причинам уже утрачен. Впоследствии эта норма права, как правило, также упраздняется, однако сама возможность ее существования доказывает, что право и интерес хотя и взаимосвязанные, но далеко не тождественные друг другу понятия и точно не являются одним целым.

Научная дискуссия о взаимосвязи интереса и права в отечественной юриспруденции продолжилась в советское время, и разгорелась с новой силой с середины XX в., прежде всего, по вопросу соотношения интереса и субъективного права.

Важное значение интереса для права побудило ряд ученых высказать мысль о включении интереса в само содержание субъективного права. Данная позиция, в свою очередь, вызвала возражения у большинства советских юристов, которые, признавая существенную роль интереса в праве, тем не менее считали интерес моментом внешним по отношению к субъективному праву и в содержание последнего не входящим.

Обе точки зрения представлены именами выдающихся советских правоведов.

Сторонниками включения интереса в содержание субъективного права, прежде всего, являются А. В. Венедиктов, О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой. Впрочем, как мы увидим ниже, их позиция по данному вопросу не является последовательной.

Так, А. В. Венедиктов настаивает на включении в понятие правоотношения (субъективного права) интереса как элемента правоотношения и притом ведущего его элемента [2, с. 38]. Практически дословно эту мысль воспроизводит Ю. К. Толстой, утверждавший, что «интерес является необходимым и притом ведущим элементом содержания субъективного права» [11, с. 45].

Двойственную позицию по данному вопросу занимает О. С. Иоффе. С одной стороны, он полагает интерес элементом содержания субъективного права, считая, что «исключение интереса из содержания субъективного права привело бы к тому, что последнее оказалось бессодержательным...» [6, с. 50], с другой стороны, утверждает «что в индивидуальном интересе, проявляющем в себе определенный общественный или классовый интерес, заключается сущность субъективного права» [6, с. 50].

Вместе с тем, если интерес есть ведущий элемент в содержании субъективного права, а тем более, если в интересе заключается сущность субъективного пра-

ва, то логика обязывает указанных выше авторов сделать следующий шаг и вслед за Р. Иерингом признать субъективное право ни чем иным, как охраняемым законом интересом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако этого не происходит.

Напротив, О. С. Иоффе в конечном итоге приходит к совершенно противоположному выводу, который никак не коррелирует с его предыдущими суждениями: «Из этого далее следует, — пишет он, — что субъективное право есть юридическое средство удовлетворения интересов советских граждан, совпадающих с интересами социалистического государства или не противоречащих им» [6, с. 54].

Как можно видеть, здесь автор, до этого рассуждавший об интересе как об элементе содержания или даже сущности субъективного права, проводит четкое разграничение между интересом и субъективным правом как двумя различными явлениями. Поскольку совершенно очевидно, что если субъективное право является средством удовлетворения интересов, то интерес не может входить как некий элемент в содержание субъективного права и уж тем более не может быть его сущностью. Иначе получится, что интерес является элементом содержания средства своего же собственного удовлетворения или, даже, сущностью такого средства, а это нонсенс.

Учитывая изложенное, остается только удивляться как через столь различные понимания взаимосвязи интереса и субъективного права, автору, в рамках одной работы, в конечном итоге, все же удалось провести четкое разграничение между ними и определить их соотношения как соотношение цели и средства.

Не избежал противоречий в своих суждениях и уже цитируемый выше Ю. К. Толстой. С одной стороны, он вслед за А. В. Венедиктовым, считает интерес ведущим элементом содержания субъективного права, с другой — определяет субъективное право как меру возможного поведения управомоченного лица «в целях удовлетворения его интересов» [11, с. 45–46], нисколько не смущаясь того, что подобное определение субъективного права, как совершенно верно подметил В. П. Грибанов, предполагает понимание удовлетворения интересов уполномоченного лица как цели субъективного права, а субъективного права, как средства удовлетворения его интересов [4, с. 243].

Близки к признанию интереса в качестве элемента субъективного права и некоторые современные ученые [10, с. 12; 7, с. 151].

Противоположного подхода, полагающего интерес внешним по отношению к субъективному праву явлением, не входящим в его содержание, придерживаются С. С. Алексеев, С. Н. Братусь, В. П. Грибанов, Р. Е. Гукасян, Г. В. Мальцев, Н. И. Матузов, С. Н. Сабикенов, Д. М. Чечот, Л. С. Явич и многие другие юристы, число которых значительно превышает количество представителей первой точки зрения.

Так, С. Н. Братусь исключает интерес из содержания субъективного права и вместе с дореволюционными критиками Р. Иеринга считает, «что интерес — это только цель, а не сущность права, что право — лишь средство обеспечения или охраны интересов» [1, с. 24–25].

Схожей позиции придерживается В. П. Грибанов, отмечающий, что «...удовлетворение интереса управомоченного лица является целью любого субъективного права, которое выступает как правовое средство удовлетворения интересов» [4, с. 242].

О невозможности рассматривать интерес содержанием субъективного права говорит Д. М. Чечот: «Интерес является целью существования субъективного права так же, как для целей передвижения служат транспортные средства. Именно потребность общества в передвижении является стимулом совершенствования транспортных средств, но из этого отнюдь не следует, что существо самих транспортных средств может быть сведено к передвижению» [13, с. 34]. Отсюда следует, — заключает он — что интерес, является понятием совершенно самостоятельным и находящимся за пределами субъективного права. «Следовательно ... социальный интерес не должен рассматриваться в качестве сущности субъективного права» [13, с. 35].

Л. С. Явич, разделяя по рассматриваемому вопросу позицию Н. С. Братуса и Д. М. Чечота, пишет, что «само право — объективное и субъективное — не является интересом» [15, с. 186].

Подводя итог краткого анализа соотношения интереса и права, можно сделать вывод, что подавляющее большинство правоведов придерживается позиции, согласно которой интерес и право хотя и взаимосвязанные, но далеко не тождественные друг другу понятия. Причем данное утверждение справедливо как для объективного, так и для субъективного права.

Однако если применительно к объективному праву указанное положение не вызывает серьезных разногласий, то при исследовании соотношения ин-

тереса и субъективного права позиции ученых уже не столь однозначны. Тем не менее и в этом вопросе большинство юристов придерживается понимания различности интереса и субъективного права, их не тождественности друг с другом.

Со своей стороны мы полностью поддерживаем данный подход. Интерес не включается и не может включаться в содержание субъективного права, и уж тем более не является и не может являться его сущностью. Интерес и право хотя и взаимосвязаны между собой, но далеко не тождественны друг другу. Они представляют собой разные явления объективной реальности.

Список источников

1. Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве // Ученые труды ВИЮН Министерства Юстиции СССР. 1947. Вып. XII.
2. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М., 1948.
3. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. Т. 1 Часть общая. СПб., 1911.
4. Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000.
5. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб., 1881.
6. Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949.
7. Першина И. В. Интерес в праве: дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.
8. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. II. СПб., 1907.
9. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.
10. Селиванова О.Ю. Субъективное право: сущность, структура, ценность: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.
11. Толстой Ю. К. К теории правоотношений. Л., 1959.
12. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917.
13. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968.
14. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001.
15. Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976.
16. Ihering, Geist des römischen Rechts. 1888. III.

References

1. Bratus S. N. Legal entities in Soviet civil law // Scientific works of the Ministry of Justice of the USSR. 1947. Issue XII.
2. Venediktov A. V. State socialist property. M., 1948.
3. Gambarov Y. S. Course of civil law. Vol. 1. Part general. SPb., 1911.
4. Gribanov V. P. Interest in civil law. Implementation and protection of civil rights. M., 2000.
5. Iering R. Purpose in law. Vol. 1. SPb., 1881.
6. Ioffe O. S. Legal relations in Soviet civil law. L., 1949.
7. Pershina I. V. Interest in law: diss. ... cand. Jurid. sciences. N. Novgorod, 2002.
8. Petrazhitzky L. I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality. Vol. II. SPb., 1907.
9. Petrazhitzky L. I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality. SPb., 2000.
10. Selivanova O.Y. Subjective law: essence, structure, value: abstract. diss. ... cand. Jurid. Sciences. N. Novgorod, 2001.
11. Tolstoy Yu. K. Theory of legal relations. L., 1959.
12. Trubetskoy E. N. Lectures on the encyclopedia of Law. M., 1917.
13. Chechot D. M. Subjective law and forms of its protection. L., 1968.
14. Shershenevich G. F. Course of civil law. Tula, 2001.
15. Yavich L. S. General theory of Law. L., 1976.
16. Ihering, Geist des römischen Rechts. 1888. III.

Информация об авторе

Д. В. Шаров — доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

D. V. Sharov — Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 342.76

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-221-226>

EDN: <https://elibrary.ru/accxg>

НИОН: 2003-0059-7/23-925

MOSURED: 77/27-003-2023-07-124

Обеспечение конституционных прав человека правоохранительными органами в странах Европы и допустимые пределы их ограничений

Ольга Григорьевна Яткевич¹, Евгений Николаевич Хазов², Самвел Суренович Маилян³

¹ Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, olgayatkevich@yandex.ru

^{2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² evg.hazow@yandex.ru

³ gambuch@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы ограничений конституционных прав граждан правоохранительными органами в странах Европы. Анализируется проблема конституционных гарантий обеспечения прав человека и механизмов временного ограничения правоохранительными органами в странах Европы в пользу общественной безопасности. Определены основные проблемы, а также приведены частные примеры ограничений конституционных прав человека и гражданина в ряде Европейских стран.

Ключевые слова: конституционное право, конституционный контроль, дилемма общественных интересов, полиция, ограничение конституционных прав, гарантии конституционных прав, решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), международные гарантии

Для цитирования: Яткевич О. Г., Хазов Е. Н., Маилян С. С. Обеспечение конституционных прав человека правоохранительными органами в странах Европы и допустимые пределы их ограничений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 221–226. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-221-226>. EDN: ACCXG.

Original article

Ensuring constitutional human rights by law enforcement agencies in European countries and the permissible limits of their restrictions

Olga G. Yatkovich¹, Evgeny N. Khazov², Samvel S. Mailyan³

¹ St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg, Russia, olgayatkevich@yandex.ru

^{2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² evg.hazow@yandex.ru

³ gambuch@yandex.ru

Abstract. The issues of restrictions on the constitutional rights of citizens by law enforcement agencies in European countries are considered. The article analyzes the problems of constitutional guarantees of human rights and mechanisms for their temporary restriction by law enforcement agencies in European countries in favor of public safety. The main problems are identified, as well as specific examples of restrictions on constitutional human and civil rights in a number of European countries.

Keywords: constitutional law, constitutional control, dilemma of public interests, police, restriction of constitutional rights, guarantees of constitutional rights, decisions of the European Court of Human Rights (ECHR), international guarantees

For citation: Yatkovich O. G., Khazov E. N., Mailyan S. S. Ensuring constitutional human rights by law enforcement agencies in European countries and the permissible limits of their restrictions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):221–226. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-221-226>. EDN: ACCXG.

Универсальным стандартом правового статуса личности является Всеобщая декларация прав человека, закрепившая «эгоцентрический» [3, с. 23] характер конституционно-правовых отношений. В европейских странах, фактически заново выстраивавших свою государственность после второй мировой войны [4, с. 72], приоритет прав личности над общественными и государственными интересами стал основополагающим принципом конституционного права: запрет на государственную идеологию, запрет на го-

сударственную цензуру, приоритет частной собственности над иными формами, широкое толкование права на свободу слова и свободу собраний и т. д.

Если в XIX в. в конституционном праве, благодаря французской экспансии, приоритет частным интересам был закреплен только в контексте собственности и имущественных отношений, то новый этап расширил правовой статус личности на все сферы конституционно-правовых отношений: политические, социальные, культурные, экономические.

© Яткевич О. Г., Хазов Е. Н., Маилян С. С., 2023

В эпоху двуполярного мира концепция де-факто стала идеологической базой для западно-европейкой цивилизации. Несмотря на различия в механизмах ограничения конституционных прав в странах Европы, за прошедшие 70 лет был сформирован целый комплекс наднациональных регуляторов, отвечающих за единые стандарты правового статуса личности.

На международном уровне сформирована целая система, ответственная за мониторинг допустимых ограничений конституционных прав. Эта система включает в себя международные договоры и работу международных организаций. Для контроля соблюдения договоров, их реализации и толкования действуют такие международные организации, как Комитет по правам человека Организации Объединенных Наций (ООН), Европейский суд по правам человека и др. Все международные стандарты основаны на том, что конституционные права могут быть ограничены лишь в рамках особых правовых режимов и только компетентными органами государственной власти.

В контексте темы публикации наибольшего внимания заслуживают политические права. Так, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в ст. 11 гласит: «Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединений с другими ... Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности ... для охраны здоровья».

Рассматриваемое право нашло отражение и в обязательствах, взятых на себя государствами, входящими в Организацию по Безопасности и Сотрудничеству (ОБСЕ) в Европе, а также в Хартии Европейского Союза об основных правах, которая в ст. 12 закрепляет, что «каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и свободу объединения на всех уровнях, в том числе в сфере политической жизни, профессиональных союзов и гражданского общества» [10, с. 63].

В систематизации стандартов допустимых ограничений играют большую роль именно рекомендации и справочники, разработанные на основе вышеуказанных документов. Например, применительно к ограничению гражданских прав, Европейский суд по правам человека, национальные суды, а также законодатели и правоприменители используют в своей практике «Руководящие принципы по свободе мирных собраний» [11, с. 58], разработанные Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ совместно с Венецианской комиссией. «Руководящие принципы» опре-

деляют свободу собраний, как «право людей намеренно и временно присутствовать в общественном месте с целью выражения общих интересов» [11, с. 58].

Право на свободу собраний, с позиции Совета по правам человека ООН позволяет выражать гражданам собственные политические взгляды, выступает инструментом, обеспечивающим диалог, терпимость, широту взглядов и плюрализм, в рамках уважения к мнениям, отличных от общепринятых убеждений и мнений, или не разделяемых большинством, а это в свой черед указывает на то, что данное право выступает важнейшим звеном в демократическом обществе. Кроме того, право на свободу собраний позволяет реализовать множество других прав политического, социального и культурного характера. При этом подчеркивается, что защите подлежат только мирные публичные мероприятия — т. е. те, которые не предполагают применения насилия и возникновения общественного беспорядка.

Свобода собраний — это гарант запрета дискриминации, по таким признакам, как: религия, политические убеждения и т. д. [12, с. 112]. Данные положения нашли свое отражение в ст. 14 Конвенции о защите прав человека; а также в ст. 26 Международного пакта о гражданских и политических правах. Вместе с тем, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, хотя и закрепляет право каждого на свободу собраний (ст. 11), но устанавливает норму, что ничто в статье, гарантирующей свободу собраний, не может рассматриваться как препятствие для «Высоких Договаривающихся Сторон вводить ограничения на политическую деятельность иностранцев» (ст. 16).

С развалом советского блока и окончанием эпохи двух полярного мира, ряд конституционалистов констатируют формирование тенденции к ограничению влияния национальные правовые системы посредством международного права. Особенно ярко данная тенденция видна в контексте политических прав. Так, принятую в феврале 1992 г. Конвенцию «Об участии иностранцев в общественной жизни при решении вопросов местного значения» (принята Советом Европы), имплементировало в национальное законодательство за 30 лет только 9 из 47 государств, еще четыре подписали, но не ратифицировали (Российская Федерация конвенцию не подписывала) [2, с. 99]. Данная конвенция закрепила гарантию иностранным гражданам, постоянно проживающим в иностранном государстве, свободы мирных собраний на равных условиях с местными жителями.

В «Руководящих принципах» также отмечается, что интересы, национальной безопасности, чрезвычай-

чайные ситуации и военные действия, разрешающие ограничить свободу собраний, не должны автоматически служить предлогом для введения ограничений и оправдания репрессий в отношении права на собрания и его свободы. Однако страны по вопросам общественной (национальной) безопасности часто необоснованно отказывают гражданам в свободной реализации своих конституционных прав.

В Йоханнесбургских принципах национальной безопасности, свободы выражения мнения и доступа к информации и в Сиракузских принципах толкования ограничений и отступлений от положений пакта о гражданских и политических правах имеются положения о том, что ограничение свободы собрания в аспекте национальной безопасности допускается лишь в случаях: угрозы территориальной целостности, существованию государства, а также угрозы политической независимости, где угроза не носит локального характера, т. е. распространяется на безопасность всего правопорядка в государстве в целом [6, с. 121]. Важно подчеркнуть, что указанные ограничения распространяются на все формы реализации конституционных прав граждан, т. е., европейские стандарты допускают и ограничение конституционных прав граждан, реализуемых посредством сети. Данный факт имеет огромное значение, поскольку в эпоху цифровых технологий провести четкое разделение между публичной и частной сферой реализации прав представляется затруднительным.

Подводя промежуточный итог, можно констатировать, что с начала девяностых годов странах Европы начинают активно развиваться национальные механизмы регулирования конституционных прав, международные регуляторы отходили на второй план. Однако базовая эгоцентрическая концепция осталась неизменной.

Пандемия, заставила европейские государства пересмотреть эгоцентрическую концепцию в пользу общественных интересов.

Свобода слова. По рекомендации Всемирной организации здравоохранения власти большинства европейских стран (исключением стали только скандинавские страны) заблокировали веб-сайты прямо не нарушающие законов, установили цензуру призванную удалять нежелательный контент [7, с. 26]. Ряд государств (Испания, Италия) пошел на временное отключение доступа к сети Интернет. Также был усилен контроль за прессой, введена цензура различных категорий публичных дискуссий. В ряде европейских стран, в частности в Венгрии в законодательство введено по-

ложение о «состоянии опасности», которое предписывает пятилетний тюремный срок за публикацию ложных или искаженных материалов о пандемии.

Свобода собраний, свобода передвижений. За период пандемии 192 страны ввели в том или ином объеме ограничения на свободу передвижения или право на мирные собрания, шествия и демонстрации в контексте пандемии. Характер и сроки введения ограничений менялись (и продолжают изменяться) от страны к стране.

В ряде стран демонстрации и протесты подпадали под те же правила и ограничения, что и любые другие публичные собрания. Например, это ограничения в Бельгии, Болгарии, Кипре, Эстонии, Финляндии, Франции, Германии, Венгрии, Ирландии, Португалии, Испании [7, с. 30]. Используя общую терминологию, правоохранительные органы названных стран получили право свободного толкования публичного мероприятия.

Право на труд. Законодательство Европейских стран неоднозначно относится и к политике недопущения к работе не вакцинированных сотрудников. Италия дальше всех пошла в политике зависимости права на труд от обязательной вакцинации.

Право на тайну личной жизни и конфиденциальность информации. Многие из предпринятых государствами действий нацелены на формирование широких баз данных на граждан, что фактически лишает граждан права на анонимность и контроль (согласие) на передачу частной информации о них в различные базы [1; 7; 13].

Важно, что большинство европейских государств инициировали введение ограничений исключительно посредством принятия подзаконных актов. Такой подход, в свою очередь привел к многочисленным судебным разбирательствам о конституционности введенных ограничений. Международное сообщество нуждалось в универсальных позициях, которые могли бы заложить основы для пересмотра эгоцентрической концепции.

Первым таким решением стало постановление ЕСПЧ от 8 апреля 2021 г. «CASE OF VAVŘIČKA AND OTHERS v. THE CZECH REPUBLIC». Если кратко изложить решение суда, то он постановил, что обязательная вакцинация может быть «необходимой в демократическом обществе».

Данное постановление ЕСПЧ является окончательным толкователем Европейской конвенции о правах человека и его юрисдикция охватывает все 47 государств – членов Совета Европы [подробно о роли ЕСПЧ: 1; 10; 11].

Дело касалось ст. 8 Европейской Конвенции о правах человека, которая устанавливает «право на уважение частной и семейной жизни» и соответствующее этому праву «отсутствие вмешательства со стороны государственных органов».

Решение было принято Большой палатой ЕСПЧ, что делает его окончательным и не позволяет заявителям обжаловать его в дальнейшем.

Хотя события, связанные с этим делом, начались задолго до вспышки пандемии коронавируса, решение суда создало юридический прецедент и, по мнению ряда конституционалистов Франции и Германии, может применяться во всех сферах конституционно-правовых отношений европейских государств.

Определив общие тенденции допустимых пределов ограничений конституционных прав граждан в странах Европы, рассмотрим примеры таких ограничений в разных государствах. Сконцентрируем внимание на группе конституционных прав граждан, требующих реализации в публичной сфере — политических правах.

Следует отметить, что отношение к политическим правам в каждой стране обусловлено, прежде всего, той правовой системой, к которой она относится. Таким образом, рассмотрим отношение к публичным мероприятиям у стран с англосаксонской, романо-германской и мусульманской и традиционной системами [9, с. 217].

Примечательно, что в англосаксонской системе права политические права и свободы (свобода слова, собраний, митингов, демонстраций) регулируются в основном обычаями и законами. При этом, в законах устанавливаются, в основном, лишь некоторые требования для их реализации (например, порядок уведомления о предстоящем митинге) [2, с. 132]. Тем не менее, права и свободы человека в этих странах признаются высшей ценностью государства и подлежат соответствующей правовой охране.

Таким образом, в Великобритании, основным актом, посвященным проведению массовых мероприятий является «Public Order Act 1986» (Закон об охране общественного порядка). Из анализа этого статута следует, что чтобы проведение уличных демонстраций и митингов не было признано правонарушением, нужно получить официальное разрешение на это полицейских органов. Так, ст. 2 предусматривает, что организатору массового мероприятия (необходимо подать письменное заявление не позднее, чем за шесть рабочих дней до запланированного мероприятия. При этом организатор должен указать в этой заявке дату, место, время

и примерный маршрут проведения мероприятия. При этом статут определяет важную гарантию: «если при проведении публичного мероприятия не происходит движения по улицам, то проведение такого мероприятия органы полиции не могут остановить».

Типичным примером английской традиции также является Швеция, в которой действует не один, а множество нормативно-правовых актов, направленных на обеспечение этого права. К таким нормативным правовым актам относятся [11, с. 71]: Закон об общественных собраниях (1956 г.) № 618; Закон о полиции (1984 г.) № 387; Устав общественного порядка № 617.

В соответствии с «Законом об общественных собраниях» (1956 г.) № 618, для проведения демонстрации, митинга или другого вида общественного собрания количеством более 15 человек необходимо получение разрешения от полицейских органов власти основного, низшего звена. Организаторы мероприятия должны подать заявление не позднее, чем за семь дней до его проведения. Если органы полиции разгонят публичное мероприятие в силу нарушения законодательства или в связи с возможной угрозой обществу или из-за нарушения общественного порядка — то в дальнейшем, если организатор вновь обратится с повторным заявлением о проведении такого мероприятия, вероятнее всего заявление будет отклонено или будет долго и тщательным образом проверяться [5, с. 92].

Таким образом, законодательство Швеции также отказалось от уведомительного порядка, установив разрешительную процедуру.

Опыт Германии и Франции, ближе для понимания и анализа, ведь оба государства, как и Россия, относятся к романо-германской правовой семье. В эпоху формирования традиции права в странах с этой системой преобладала теория естественного права. Таким правам отдавалась основополагающая роль, они должны были стать общими нормами, в соответствии с которыми принимались законы и разрешались конкретные споры. Права человека в Германии пользуются высоким уровнем защиты, как в теории, так и на Отчеты независимых организаций, таких как Amnesty International, подтверждают высокий уровень соблюдения прав человека Права человека в Германии [4, с. 27]. В Германии правовое регулирование уличных демонстраций и митингов осуществляется посредством специального ФЗ «О собраниях и шествиях» 1953 г. в ред. от 1978 г. [8, с. 61]. Из этого закона следует, что массовое мероприятие, собрание или демонстрация должны быть санкционированы властями в обязательном порядке. Разрешения согласно данному закону выдают

полицейские органы власти. В отдельных случаях законодательством ФРГ разрешается проведение «спонтанных публичных выступлений граждан» [4, с. 30]. Из анализа данного закона следует, что спонтанные мероприятия не должны планироваться заранее: должен отсутствовать оргкомитет, анонсирование мероприятия, призывы к участию. Иначе они подлежат запрету или пресечению в обязательном порядке.

Во Франции Декрет «О собраниях» 1935 г. (с изм. от 1960 и 2000 гг.) является основным законодательным актом, устанавливающим порядок проведения демонстраций. Из замысла ст. 1 декрета следует, что, организуя собрание, шествие, манифестацию или любое другое публичное мероприятие, организатор в обязательном порядке должен предварительно уведомить об этом мэрию коммуны. Ст. 2 данного нормативно-правового акта устанавливает, что организатор должен предоставить в мэрию коммуны (в мэрии разных коммун на территории) подать заявление не ранее чем три полных дня, до планируемого мероприятия и не позднее чем через 15 дней до этого события. При этом в некоторых коммунах имеются свои особенности подачи такого заявления. Например, в коммунах департамента Сены или в Париже заявление предоставляется не в мэрию, а в органы полиции. Фактически речь идет о муниципальном нормотворчестве ограничительно детализирующим конституционное право, что недопустимо для романо-германской правовой семьи, поскольку лишает закон прямого действия [4, с. 41]. Наряду с нормами, вытекающими из Декрета, во Франции действуют и иные акты определяющие такое социальное явление как «сборище» — скопление народа, не являющееся демонстрацией. Сборище характеризуется, как «любое скопление людей на каком-либо общественном пути или в каком-либо общественном месте, способное нарушить общественный порядок».

Таким образом, в большинстве стран уведомительный порядок подменен разрешительным, при чем ограничение прав возможно не только на законодательном уровне, но и на подзаконном (постановления правительства), региональной и даже муниципальной. В странах с традиционной правовой системой право на публичные мероприятия, вообще не относится к числу важных человеческих прав и не регулируется на уровне конституционного права.

Пандемия только ускорила развитие разрешительной концепции реализации конституционных прав граждан в странах Европы, а административный регламент будет регулировать все больше сфер общественных отношений.

Список источников

1. Грищенко Т. А. Перспективы правового регулирования права граждан на проведение публичных мероприятий: моногр. СПб., 2022.
2. Грищенко Т. А., Тарасов А. В. Проблемы реализации гражданами права на проведение митингов: моногр. СПб., 2023.
3. Когут В. Г., Грищенко Т. А. Соотношение понятий право и свобода в контексте исследования механизмов ограничения конституционных прав в период пандемии // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 18–24.
4. Когут В. Г., Немова Н. Ю., Тулаев А. Н Конституционное право зарубежных стран: США, КНР, ФРГ. СПб., 2022.
5. Колмаков С. Ю. Особенности проведения публичных мероприятий в разных странах // Вестник Тюменского государственного университета. 2017. № 3.
6. Любченко М. Я. Взаимодействие Европейского Суда по правам человека и национальных судебных юрисдикций: дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2018.
7. Ляшенко Т. Т., Смольяков А. А., Общественная безопасность и личные права — смена приоритетов в конституционном и международном праве в контексте пандемии // Современное общество и право. 2021. № 6 (55). С. 21–32.
8. Пожидаев С. Г. О зарубежном опыте проведения публичных мероприятий // Федерализм. 2018. № 2.
9. Попова А. В. История государства и права зарубежных стран. М.: Юрайт, 2016.
10. Терехов К. И. Процессуальные особенности деятельности Европейского суда по правам человека: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
11. Чертов А. А. Европейский Суд по правам человека и развитие международного права прав человека: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
12. Чуксина В. В. Государственные специализированные органы по содействию правам человека и их защите: сравнительно-правовое исследование: дисс. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2015.
13. Шадрин С. А. Правовое регулирование защиты персональных данных в Европейском союзе: генезис и перспективы развития: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019.

References

1. Grishchenko T. A. Prospects of legal regulation of the right of citizens to hold public events: monogr. St. Petersburg, 2022.

2. Grishchenko T. A., Tarasov A. V. Problems of citizens' realization of the right to hold rallies: monogr. St. Petersburg, 2023.

3. Kogut V. G., Grishchenko T. A. Correlation of the concepts of law and freedom in the context of the study of mechanisms of restriction of constitutional rights during the pandemic // State power and local self-government. 2022. No. 1. P. 18–24.

4. Kogut V. G., Nemova N. Yu., Tulaev A. N. Constitutional law of foreign countries: USA, China, Germany. St. Petersburg, 2022.

5. Kolmakov S. Yu. Features of holding public events in different countries // Bulletin of the Tyumen State University. 2017. № 3.

6. Lyubchenko M. Ya. Interaction of the European Court of Human Rights and national judicial jurisdictions: diss. ... cand. Jurid. Krasnoyarsk, 2018.

7. Lyashenko T. T., Smolyakov A. A., Public safety and personal rights — changing priorities in constitutional and international law in the context of a pandemic // Modern society and law. 2021. No. 6 (55). P. 21–32.

8. Pozhidaev S. G. On the foreign experience of holding public events // Federalism. 2018. No. 2.

9. Popova A. V. History of state and law of foreign countries. M.: Yurayt, 2016.

10. Terekhov K. I. Procedural features of the European Court of Human Rights: diss. ... cand. Jurid. M., 2011.

11. Chertov A. A. The European Court of Human Rights and the development of international human rights law: diss. ... cand. Jurid. M., 2007.

12. Chuksina V. V. State specialized bodies for the promotion of human rights and their protection: comparative legal research: diss. ... Dr. Jurid. Irkutsk, 2015.

13. Shadrin S. A. Legal regulation of personal data protection in the European Union: genesis and prospects of development: diss. ... cand. Jurid. Kazan, 2019.

Библиографический список

1. Гаврилова О. В., Зинченко Е. Ю., Исаков В. М. и др. Конституционное право зарубежных стран. Новосибирск, 2021.

2. Гончарова А. А. Правовые основы обеспечения верховенства конституционных прав и свобод личности в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

3. Нестерова Е. М. Личностные (соматические) права в системе прав человека: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

Bibliographic list

1. Gavrilova O. V., Zinchenko E. Yu., Isakov V. M. and others. Constitutional law of foreign countries. Novosibirsk, 2021.

2. Goncharova A. A. The legal foundations of ensuring the supremacy of constitutional rights and freedoms of the individual in the Russian Federation: diss. ... cand. Jurid. St. Petersburg, 2006.

3. Nesterova E. M. Personal (somatic) rights in the human rights system: diss. ... cand. Jurid. M., 2014.

Информация об авторах

О. Г. Яткевич — доцент кафедры гражданского процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент;

Е. Н. Хазов — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

С. С. Маилян — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the authors

O. G. Yatkovich — Associate Professor of the Department of Civil Procedure of the Saint-Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. N. Khazov — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

S. S. Mailyan — Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 332.15

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-227-236>

EDN: <https://elibrary.ru/bjejwk>

ИИОН: 2003-0059-7/23-926

MOSURED: 77/27-003-2023-07-125

Взаимосвязь структуры земельного фонда макрорегионов с их экономическими специализациями в рамках реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации

Ирина Сергеевна Гагина

Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, Саратов, Россия, gaginairina2008@yandex.ru

Аннотация. Проведен анализ структуры земельного фонда по категориям целевого использования макрорегионов согласно Стратегии пространственного развития РФ. Установлены их особенности и взаимосвязь с экономическими специализациями. Сделан вывод о том, что экономические специализации макрорегионов РФ должны определяться, исходя из наиболее благоприятных условий их землеобеспеченности, на этой основе должна формироваться система управления земельными ресурсами, направленная на развитие приоритетных отраслей и наиболее эффективного и рационального использования земельных ресурсов.

Ключевые слова: пространственное развитие, земельный фонд, категории земель, использование земельного фонда, регионы РФ, макрорегионы, экономическая специализация макрорегионов, управление земельными ресурсами

Для цитирования: Гагина И. С. Взаимосвязь структуры земельного фонда макрорегионов с их экономическими специализациями в рамках реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 227–236. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-227-236>. EDN: BJEJWK.

Original article

Relationship of the structure of the land fund of macroregions with their economic specializations within the framework of implementing the Strategy of Spatial Development of the Russian Federation

Irina S. Gagina

Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov, Saratov, Russia, gaginairina2008@yandex.ru

Abstract. The analysis of the structure of the land fund by categories of targeted use of macro-regions according to the Spatial Development Strategy of the Russian Federation is carried out. Their features and interrelation with economic specializations are established. It is concluded that the economic specializations of the macro-regions of the Russian Federation should be determined based on the most favorable conditions of their land security and on this basis a land management system aimed at the development of priority sectors and the most efficient and rational use of land resources should be formed.

Keywords: spatial development, land fund, categories of land, use of land fund, regions of the Russian Federation, macroregions, economic specialization of macroregions, land management

For citation: Gagina I. S. Relationship of the structure of the land fund of macroregions with their economic specializations within the framework of implementing the Strategy of Spatial Development of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):227–236. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-227-236>. EDN: BJEJWK.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. определено 12 макрорегионов: Центральный, Центральнo-Черноземный, Северо-Западный, Северный, Южный, Северо-Кавказский, Волго-Камский, Волго-Уральский, Уральско-Сибирский, Южно-Сибирский, Ангaро-Енисейский, Дальневосточный.

Целью разработки Стратегий развития макрорегионов является:

- ♦ усиление межрегионального взаимодействия;
- ♦ координации планирования развития транспортной и энергетической инфраструктуры;
- ♦ оптимизация размещения объектов отраслей социальной сферы;
- ♦ развитие отраслей перспективных экономических специализаций субъектов РФ, с учетом предотвращения дублирования инвестиционных проектов и необоснованной конкуренции субъектов РФ;

© Гагина И. С., 2023

- ♦ планирование и реализация крупных межрегиональных инвестиционных проектов;

- ♦ создание территорий (инвестиционных площадок) с особым режимом ведения предпринимательской деятельности [3].

Достижение цели пространственного развития государства предполагает решение задачи повышения конкурентоспособности регионов, при этом ориентиром служит перечень перспективных экономических специализаций (приложение 1 Стратегии). Существующий перечень экономических специализаций на основе ОКВЭД в данный момент не отражает четких преимуществ данных регионов и их дифференциации по сферам деятельности и, по мнению Н. С. Козырь, является ключевой недоработкой Стратегии пространственного развития РФ, в этой связи требуется корректировка и возврат к перспективным приоритетным отраслям народного хозяйства [2].

Для развития отраслей народного хозяйства, в том числе приоритетных перспективных экономических специализаций необходимо располагать в первую очередь соответствующими земельными ресурсами как пространственным базисом и средством производства в сельском и лесном хозяйстве [4].

Цель исследования — провести анализ земельного фонда макрорегионов как объектов пространственного развития Российской Федерации для обоснования перспективных экономических специализаций на основе приоритетных отраслей народного хозяйства макрорегиона и разработать предложения по эффективному использованию земельных ресурсов.

На 1 января 2023 г. согласно Государственному (национальному) докладу о состоянии и использовании земель в РФ площадь земель Российской Федерации составляет 1 723 399,1 тыс. га (1 млрд 723 млн 399 тыс. 100 га) с учетом площади Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей [1].

Классификация по категориям земель проводится в настоящее время без учета площадей вновь присоединенных областей и республик, по этим данным общая площадь Российской Федерации составляет 1 712 519,2 тыс. га.

Наибольшую долю площади в структуре земельного фонда Российской Федерации занимают земли лесного фонда — 1 128 421,6 тыс. га или 65,89 %, на 2-м месте — земли сельскохозяйственного назначения — 379 134,7 га или 22,14 %, на 3-м месте земли

запаса — 87 918,5 тыс. га (5,13 %), на 4-м месте земли особо охраняемых территорий и объектов — 50 492,4 тыс. га (2,95 %), на 5-м месте земли водного фонда — 28 080 тыс. га (1,64 %), на 6-м месте земли населенных пунктов — 20 665,9 тыс. га (1,21 %), на 7-м месте земли промышленности, транспорта, связи и иного специального назначения — 17 806,1 тыс. га (1,04 %).

Стратегией пространственного развития Российской Федерации в 2019 г. выделено 12 макрорегионов, которые будут развивать свои перспективные экономические специализации для повышения конкурентоспособности.

Нами был проведен анализ структуры земельного фонда макрорегионов, установлены его характерные особенности и взаимосвязи с экономическими специализациями и отраслями народного хозяйства.

В начале дадим характеристику общей площади макрорегионов (рис. 1). Новые регионы России предложено выделить в отдельный макрорегион ввиду их специфики и особенностей развития в рамках страны.

Лидером по занимаемой площади является Дальневосточный макрорегион 695 255,5 тыс. га, он в 41,5 раз превышает самый мелкий Центрально-Черноземный макрорегион. В состав Дальневосточного макрорегиона входят 11 субъектов РФ: Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская АО, Чукотский АО.

Наибольшую долю в структуре земельного фонда Дальневосточного макрорегиона занимают земли лесного фонда — 79,35 %, земли сельскохозяйственного назначения — 11,0 %, земли запаса — 4,6 %, земли особо охраняемых природных территорий и объектов — 3,37 %, земли водного фонда — 0,88 %, земли промышленности, энергетики и иного специального назначения — 0,53 %, земли населенных пунктов — 0,28 %.

На 2-м месте по занимаемой площади находится Ангаро-Енисейский макрорегион. В состав Ангаро-Енисейского макрорегиона входят четыре субъекта РФ: Республика Тыва, Республика Хакасия, Красноярский край, Иркутская область.

Общая площадь земельного фонда Ангаро-Енисейского макрорегиона составляет 337 181,6 тыс. га, наибольшую долю в структуре занимают земли лесного фонда — 71,03 %, земли сельскохозяйственного назначения — 14,19 %, земли запаса — 9,71 %, земли

Рис. 1. Распределение макрорегионов РФ по занимаемой площади

особо охраняемых природных территорий и объектов — 3,59 %, земли водного фонда — 0,93 %, земли промышленности, энергетики и иного специального назначения — 0,28 %, земли населенных пунктов — 0,27 %.

На 3-м месте по занимаемой площади находится Уральско-Сибирский макрорегион, в его состав входят шесть субъектов РФ: Курганская область, Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО. Общая площадь земельного фонда Уральско-Сибирского макрорегиона составляет 181 849,7 тыс. га, наибольшую долю в структуре занимают земли лесного фонда — 60,34 %, земли сельскохозяйственного назначения — 26,67 %, земли водного фонда — 4,92 %, земли запаса — 4,36 %, земли населенных пунктов — 1,46 %, земли особо охраняемых природных территорий и объектов — 1,44 %, земли промышленности, энергетики и иного специального назначения — 0,79 %.

На 4-м месте по занимаемой площади находится Северный макрорегион. В состав Северного макрорегиона входят три субъекта РФ: Республика Коми, Архангельская область, Ненецкий АО. Общая площадь земельного фонда Северного макрорегиона составляет 100 668,7 тыс. га, наибольшую долю в структуре занимают земли лесного фонда — 62,91 %, сельскохозяйственного назначения — 20,0 %, земли особо охраняемых природных территорий и объектов — 5,94 %, земли запаса — 5,28 %, земли промышленности, энергетики и иного специального назначения — 5,22 %, земли населенных пунктов — 0,39 %, земли водного фонда — 0,39 %.

земли населенных пунктов — 0,39 %, земли водного фонда — 0,39 %.

На 5-м месте по занимаемой площади находится Южно-Сибирский макрорегион. В состав Южно-Сибирского макрорегиона входят шесть субъектов РФ: Республика Алтай, Алтайский край, Кемеровская область-Кузбасс, Новосибирская область, Омская область, Томская область.

Общая площадь земельного фонда Южно-Сибирского макрорегиона составляет 98 991,1 тыс. га, наибольшую долю в структуре занимают земли лесного фонда — 53,35 %, земли сельскохозяйственного назначения — 37,84 %, земли запаса — 3,58 %, земли особо охраняемых природных территорий и объектов — 2,03 %, земли населенных пунктов — 1,49 %, земли водного фонда — 1,14 %, земли промышленности, энергетики и иного специального назначения — 0,58 %.

На 6-м месте по занимаемой площади находится Северо-Западный макрорегион. В состав Северо-Западного макрорегиона входят восемь субъектов РФ: Республика Карелия, Вологодская область, Калининградская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, Псковская область, г. Санкт-Петербург. Общая площадь земельного фонда Северо-Западного макрорегиона составляет 68 028,6 тыс. га, наибольшую долю в структуре занимают земли лесного фонда — 68,62 %, сельскохозяйственного назначения — 15,39 %, земли запаса — 11,67 %, земли водного фонда — 6,49 %, земли промышленности, энергетики и иного специ-

ального назначения — 2,05 %, земли населенных пунктов — 1,89 %, земли особо охраняемых природных территорий и объектов — 1,72 %.

На 7-м месте по занимаемой площади находится Волго-Камский макрорегион. В состав Волго-Камского макрорегиона входят восемь субъектов РФ: Республика Мари Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Пермский край, Кировская область, Нижегородская область. Общая площадь земельного фонда Волго-Камского макрорегиона составляет 53 498,8 тыс. га, наибольшую долю в структуре занимают земли лесного фонда — 53,61 %, земли сельскохозяйственного назначения — 36,57 %, земли населенных пунктов — 4,01 %, земли водного фонда — 1,88 %, земли запаса — 1,67 %, земли промышленности, энергетики и иного специального назначения — 1,22 %, земли особо охраняемых природных территорий и объектов — 1,04 %.

На 8-м месте по занимаемой площади находится Волго-Уральский макрорегион. В состав Волго-Уральского макрорегиона входят шесть субъектов РФ: Республика Башкортостан, Оренбургская область, Пензенская область, Самарская область, Саратовская область, Ульяновская область. Общая площадь земельного фонда Волго-Уральского макрорегиона составляет 50 198,7 тыс. га, наибольшую долю в структуре занимают земли сельскохозяйственного назначения — 72,16 %, земли лесного фонда — 18,86 %, земли населенных пунктов — 4,48 %, земли промышленности, энергетики и иного специального назначения — 1,52 %, земли особо охраняемых природных территорий и объектов — 1,41 %, земли водного фонда — 1,4 %, земли запаса — 0,17 %.

На 9-м месте по занимаемой площади находится Центральный макрорегион. В состав Центрального макрорегиона входят 13 субъектов РФ: Брянская область, Владимирская область, Ивановская область, Калужская область, Костромская область, Московская область, Орловская область, Рязанская область, Смоленская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область, г. Москва. Общая площадь земельного фонда Центрального макрорегиона составляет 48 234,9 тыс. га, наибольшую долю в структуре занимают земли сельскохозяйственного назначения — 43,64 %, немного меньше по доле площади лесного фонда — 42,07 %, земли населенных пунктов — 6,84 %, земли запаса — 2,26 %, земли про-

мышленности, энергетики и иного специального назначения — 2,14 %, земли водного фонда — 1,58 %, земли особо охраняемых природных территорий и объектов — 1,47 %.

На 10-м месте по занимаемой площади находится Южный макрорегион. В состав Южного макрорегиона входят восемь субъектов РФ: Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Крым, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область, г. Севастополь. Общая площадь земельного фонда Южного макрорегиона составляет 44 782,1 тыс. га, наибольшую долю в структуре занимают земли сельскохозяйственного назначения — 77,52 %, лесного фонда — 6,7 %, земли населенных пунктов — 4,27 %, земли промышленности, энергетики и иного специального назначения — 3,63 %, земли водного фонда — 3,28 %, земли запаса — 2,8 %, земли особо охраняемых природных территорий и объектов — 1,81 %.

На 11-м месте по занимаемой площади находится Северо-Кавказский макрорегион. В состав Северо-Кавказского макрорегиона входят семь субъектов РФ: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край. Общая площадь земельного фонда Северо-Кавказского макрорегиона составляет 17 043,9 тыс. га, наибольшую долю в структуре занимают земли сельскохозяйственного назначения — 79,02 %, лесного фонда — 10,39 %, земли населенных пунктов — 4,43 %, земли запаса — 2,58 %, земли особо охраняемых природных территорий и объектов — 1,83 %, земли промышленности, энергетики и иного специального назначения — 1,08 %, земли водного фонда — 0,67 %.

На 12-м месте по занимаемой площади находится Центрально-Черноземный макрорегион. В состав Центрально-Черноземный макрорегион входят пять субъектов РФ: Белгородская область, Воронежская область, Курская область, Липецкая область, Тамбовская область. Общая площадь земельного фонда Центрально-Черноземного макрорегиона составляет 16 785,6 тыс. га, наибольшую долю в структуре занимают земли сельскохозяйственного назначения — 78,81 %, на втором месте — земли населенных пунктов — 10,1 %, земли лесного фонда — 8,8 %, земли промышленности, энергетики и иного специального назначения — 1,56 %, земли особо охраняемых при-

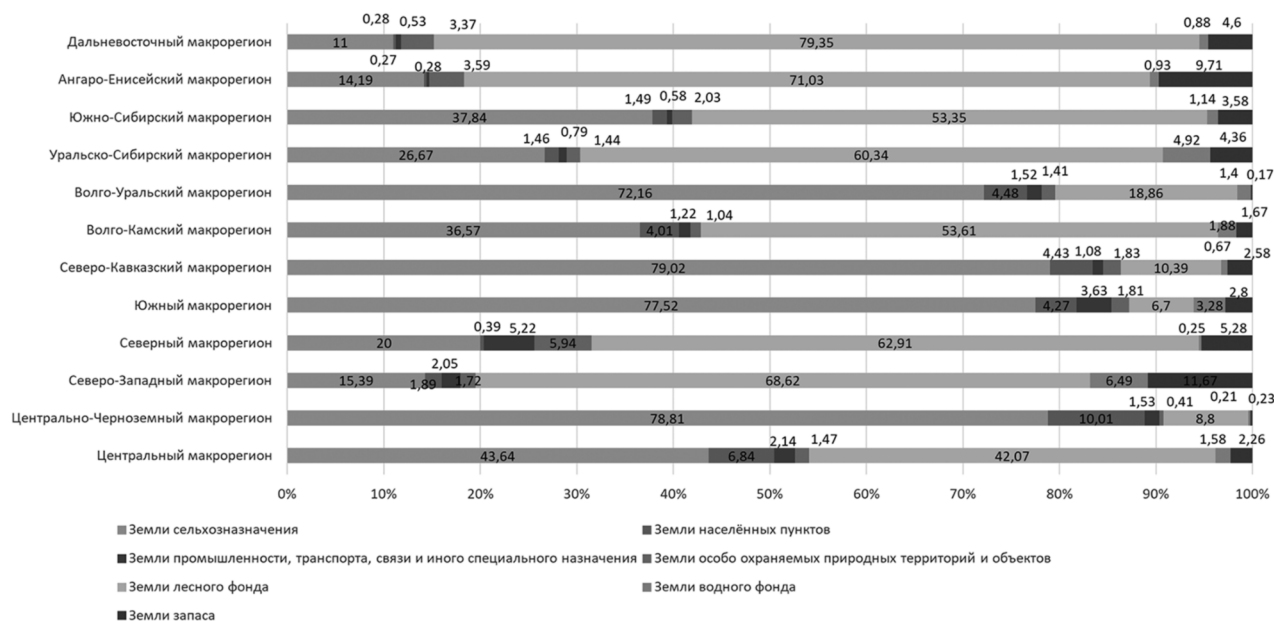

Рис. 2. Диаграмма распределения категорий земель целевого использования макрорегионов РФ

родных территорий и объектов — 0,41 %, земли запаса — 0,23 %, земли водного фонда — 0,21 %.

Таким образом, у семи макрорегионов наибольших по площади: Дальневосточного, Ангаро-Енисейского, Уральско-Сибирского, Северного, Южно-Сибирского, Северо-Западного, Волго-Камского, приведенных выше, преобладает категория земель лесного фонда, их доля находится в пределах 53,35 % — в Южно-Сибирском, до 79,4 % — в Дальневосточном.

У пяти макрорегионов меньших по площади, чем первая группа: Волго-Уральского, Центрального, Южного, Северо-Кавказского, Центрально-Черноземного в структуре земельного фонда преобладают

земли сельскохозяйственного назначения — от 43,6 % в Центральном, до 79,02% — в Северо-Кавказском.

Наглядно соотношение категорий земель макрорегионов представлено на рис. 2.

Теперь сравним площади отдельных категорий земель в границах макрорегионов.

Площадь земель сельскохозяйственного назначения макрорегионов РФ приведена на рис. 3.

Как видно из рис. 3 лидерами по площади земель сельскохозяйственного назначения являются четыре макрорегиона: Дальневосточный, Уральско-Сибирский, Ангаро-Енисейский, Южно-Сибирский, где в структуре земельного фонда преобладают земли лесного фонда, но по агроклиматическому потенциалу и

Рис. 3. Площадь земель сельскохозяйственного назначения макрорегионов РФ

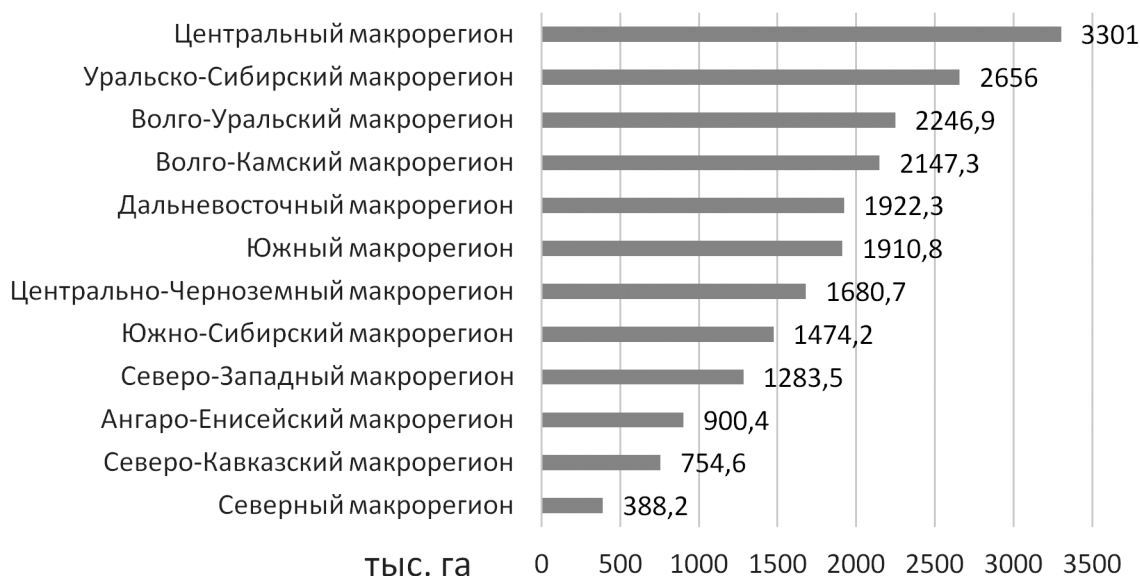

Рис. 4. Площадь земель населенных пунктов макрорегионов РФ

продуктивности такие земли в основном пригодны под пастбища и скотоводство, в частности оленеводство и использование общинами коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ и лицами, относящимися к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ для обеспечения их традиционного образа жизни.

Площадь земель населенных пунктов макрорегионов РФ приведена на рис. 4.

Земли населенных пунктов характеризуют уровень развития градостроительной деятельности макрорегионов. Так наибольшая площадь данной категории земель в Центральном макрорегионе или 6,84 % в структуре земельного фонда. В Центрально-Чернозем-

ном макрорегионе земли населенных пунктов занимают 10 % в структуре земельного фонда, однако по площади он занимает 7-е место. Почти наравне по 4 % в структуре земли населенных пунктов преобладают у 4-х макрорегионов: Волго-Уральского, Волго-Камского, Северо-Кавказского и Южного макрорегионов. Ангаро-Енисейский, Дальневосточный и Северный макрорегионы имеют наименьшую долю земель населенных пунктов в структуре земельного фонда — около 0,2–0,3 %, что может говорить о малой заселенности и недостаточной градостроительной деятельности.

Площадь категории земель промышленности, энергетики, транспорта, связи и иного специального назначения макрорегионов РФ приведена на рис. 5.

Рис. 5. Площадь категории земель промышленности, энергетики, транспорта, связи и иного специального назначения макрорегионов РФ

Рис. 6. Площадь категории земель особо охраняемых природных территорий и объектов макрорегионов РФ

Земли промышленности, энергетики, транспорта, связи и иного специального назначения характеризуют развитие индустрии в макрорегионах. Лидерами по занимаемой площади являются Северный макрорегион (в основном за счет Архангельской области), Дальневосточный, Южный, Уральско-Сибирский, Северо-Западный и Центральный макрорегионы.

Площадь категории земель особо охраняемых природных территорий и объектов макрорегионов РФ приведена на рис. 6.

Земли особо охраняемых природных территорий и объектов способствуют развитию туристического потенциала регионов и несут экологическую и эстетическую ценность территории. Наибольшую площадь они занимают в Дальневосточном, Ангаро-Енисейском, Северном, Уральско-Сибир-

ском, Южно-Сибирском и Северо-Западном макрорегионах.

Площадь категории земель лесного фонда макрорегионов РФ показана на рис. 7.

Земли лесного фонда являются предпосылкой для развития лесного хозяйства и лесной промышленности. Дальневосточный макрорегион с большим отрывом опережает остальные макрорегионы по занимаемой площади лесами, на втором месте находится Ангаро-Енисейский макрорегион, за ним идут Уральско-Сибирский, Северный, Южно-Сибирский, Северо-Западный, имея наибольшие площади земель лесного фонда.

Земли водного фонда служат предпосылкой для развития рыбной отрасли, водного транспорта, туризма. Уральско-Сибирский, Дальневосточный, Се-

Рис. 7. Площадь категории земель лесного фонда макрорегионов РФ

Рис. 8. Площадь категории земель водного фонда макрорегионов РФ

веро-Западный, Ангара-Енисейский, Южный макрорегионы входят в пятерку лидеров по обеспеченностью землями водного фонда (рис. 8).

Площадь категории земель запаса макрорегионов РФ отражена на рис. 9.

Земли запаса служат резервом для развития любой отрасли народного хозяйства, так как относятся к неиспользуемым землям и не принадлежат к целевому назначению. Наибольшие площади земель запаса в Ангара-Енисейском, Дальневосточном, Северо-Западном, Уральско-Сибирском, Северном и Южно-Сибирском макрорегионах.

Подводя итог проделанной работе, изложим ряд основных результатов и выводов.

1. На наш взгляд, в Стратегию пространственного развития РФ необходимо включить 13-ый мак-

рорегион «Новые регионы России», ввиду того, что входящие в него территории: Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Херсонская и Запорожская области имеют свою специфику и особенностей развития в рамках страны с нулевой точкой отсчета. Первичным моментом будет выступать инвентаризация земель и определение их категорий целевого использования.

2. Самым крупным является Дальневосточный макрорегион, далее по убыванию: Ангара-Енисейский, Уральско-Сибирский, Северный, Южно-Сибирский, Северо-Западный, Волго-Камский, Волго-Уральский, Центральный, Южный, Северо-Кавказский, Центрально-Черноземный. Самый крупный Дальневосточный в 41,5 раз превышает самый мелкий Центрально-Черноземный макрорегион.

Рис. 9. Площадь категории земель запаса макрорегионов РФ

3. В структуре земельного фонда семи макрорегионов наибольших по площади: Дальневосточного, Ангаро-Енисейского, Уральско-Сибирского, Северного, Южно-Сибирского, Северо-Западного, Волго-Камского преобладает категория земель лесного фонда, их доля находится в пределах 53,35 % — в Южно-Сибирском до 79,4 % — в Дальневосточном. У пяти макрорегионов меньших по площади чем первая группа: Волго-Уральского, Центрального, Южного, Северо-Кавказского, Центрально-Черноземного в структуре земельного фонда преобладают земли сельскохозяйственного назначения — от 43,6 % в Центральном до 79,02% — в Северо-Кавказском. Таким образом, можно выделить семь макрорегионов с преобладающей отраслью лесного хозяйства и пять макрорегионов с преобладающей отраслью сельского хозяйства.

4. Лидером по развитию градостроительной деятельности стал Центральный макрорегион — наибольший по площади земель населенных пунктов. Именно крупные городские агломерации являются центрами науки, инноваций, информатики, сферы здравоохранения, культуры.

Ангаро-Енисейский, Дальневосточный и Северный макрорегионы имеют наименьшую долю земель населенных пунктов в структуре земельного фонда — около 0,2–0,3 %, что может говорить о малой заселенности и недостаточной градостроительной деятельности. Здесь наиболее актуальны государственные программы по переселению граждан и предоставлению бесплатных земельных участков для жилищного строительства, ведения личного подсобного, крестьянского (фермерского) хозяйства такие как Дальневосточный гектар в целях регулирования системы расселения граждан по всей территории РФ.

5. Земли промышленности, энергетики, транспорта, связи и иного специального назначения характеризуют развитие индустрии в макрорегионах. Лидер по занимаемой площади — Северный макрорегион (в основном за счет Архангельской области), Дальневосточный, Южный, Уральско-Сибирский, Северо-Западный и Центральный макрорегионы. Здесь актуальны отрасли по добыче полезных ископаемых, обрабатывающие производства, военная и космическая промышленность. Земли транспорта характеризуют развитие инфраструктуры и сообщения внутри страны, что является целью пространственного развития.

6. Земли особо охраняемых природных территорий и объектов способствуют развитию туризма.

Наибольшую площадь они занимают в Дальневосточном, Ангаро-Енисейском, Северном, Уральско-Сибирском, Южно-Сибирском и Северо-Западном макрорегионах. Земли водного фонда служат предпосылкой для развития рыбной отрасли, водного транспорта, туризма. Уральско-Сибирский, Дальневосточный, Северо-Западный, Ангаро-Енисейский, Южный макрорегионы входят в пятерку лидеров по обеспеченностью землями водного фонда.

7. В концепции пространственного развития особое внимание следует уделить землям запаса, т. е. землям, которые еще не используются в отраслях народного хозяйства. Их необходимо вводить в оборот с учетом пригодности под виды экономической деятельности, желательны приоритетные отрасли. Наибольшие площади земель запаса в Ангаро-Енисейском, Дальневосточном, Северо-Западном, Уральско-Сибирском, Северном и Южно-Сибирском макрорегионах.

Список источников

1. Государственный национальный доклад о состоянии и использовании земель в РФ в 2022 г. М., 2023.
2. Козырь Н. С. Перспективные экономические специализации макрорегионов как ключевая недоработка Стратегии пространственного развития России // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2023. Т. 15. № 1. С. 103–124.
3. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р (ред. от 30 сентября 2022 г.) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // URL: http://xn----7sbbhnbqial1ebd4mma.xn--plai/uploadedFiles/files/Kontsepsiya_SPR.pdf.
4. Экономический механизм рационального использования земель как основа для устойчивого развития территорий страны / Ю. А. Цыпкин, Р. А. Камаев, С. В. Орлов [и др.] // *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2023. № 3 (393). С. 212–216.

References

1. The State National Report on the state and use of lands in the Russian Federation in 2022. M., 2023.
2. Kozyr N. S. Promising economic specializations of macroregions as a key flaw in the Spatial Development Strategy of Russia // *Ars Administrandi (Art of Management)*. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 103–124.
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated February 13, 2019 No. 207-r (as amended on September 30, 2022) «On Approval of the Spatial Development Strategy

of the Russian Federation for the period up to 2025» // URL://http://xn----7sbbhnbqial1ebd4mma.xn--plai/uploaded-Files/files/Kontsepsiya_SPR.pdf.

4. The economic mechanism of rational land use as a basis for sustainable development of the country's territories / Yu. A. Tsyarkin, R. A. Kamaev, S. V. Orlov [et al.] // International Agricultural Journal. 2023. No. 3 (393). P. 212–216.

Библиографический список

1. Буров М. П. Региональная экономика и управление пространственным развитием: учебник. М., 2022.

2. ГИС-технологии для управления устойчивым пространственным развитием регионов России. М., 2018.

3. Коротченков А. М., Шаповалов В. Ф. Пространственное развитие России: моногр. М., 2022.

4. Комов Н. В., Цыпкин Ю. А., Подболотова Л. П. Новой России нужна эффективная система управления земельными ресурсами // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2023. № 6. С. 326–330.

5. Комов Н. В., Шарипова С. А., Носов С. И. и др. Устойчивое пространственное развитие. М., 2021.

6. Орлов С. Л. Современное пространство России: новые подходы и концепции: моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023.

7. Цифрова Р. В., Гагина И. С., Крылов С. Н. Совершенствование земельного рынка в условиях реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2019. № 3 (170). С. 53–58.

8. Цифрова Р.-М. В., Гагина И. С., Крылов С. Н. Учет влияния кадастровой информации на реализацию стратегии пространственного развития Российской Федерации // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2018. № 8 (163). С. 42–47.

9. Цыпкин Ю. А., Гаврилюк М. Н., Петров В. О. и др. Пространственное развитие Российской Федерации: основа геостратегии и геополитики страны // Московский экономический журнал. 2023. № 4.

10. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: экономические возможности и управленческие ограничения // Управленческое консультирование. 2019. № 4 (124). С. 19–27.

Bibliographic list

1. Burov M. P. Regional economics and spatial development management: textbook. M., 2022.

2. GIS technologies for managing sustainable spatial development of Russian regions. M., 2018.

3. Korotchenkov A. M., Shapovalov V. F. Spatial development of Russia: monogr. M., 2022.

4. Komov N. V., Tsyarkin Yu. A., Podbolotova L. P. New Russia needs an effective land management system // Land management, cadastre and land monitoring. 2023. No. 6. P. 326–330.

5. Komov N. V., Sharipova S. A., Nosov S. I. and others. Sustainable spatial development. M., 2021.

6. Orlov S. L. Modern space of Russia: new approaches and concepts: monograph. 2nd ed., repr. and ad. M., 2023.

7. Digitova R. V., Gagina I. S., Krylov S. N. Improvement of the land market in the context of the implementation of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation // Land management, cadastre and land monitoring. 2019. No. 3 (170). P. 53–58.

8. Digitova R.-M. V., Gagina I. S., Krylov S. N. Accounting for the impact of cadastral information on the implementation of the spatial development strategy of the Russian Federation // Land management, cadastre and land monitoring. 2018. No. 8 (163). P. 42–47.

9. Tsyarkin Yu. A., Gavriluk M. N., Petrov V. O. and others. Spatial development of the Russian Federation: the basis of geostrategy and geopolitics of the country // Moscow Economic Journal. 2023. No. 4.

10. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Spatial development strategy of the Russian Federation for the period up to 2025: economic opportunities and management constraints // Management consulting. 2019. No. 4 (124). P. 19–27.

Информация об авторе

И. С. Гагина — доцент кафедры землеустройства и кадастров Саратовского государственного университета генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

I. S. Gagina — Associate Professor of the Department of Land Management and Cadastres of the Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-237-241>

EDN: <https://elibrary.ru/idluut>

NIION: 2003-0059-7/23-927

MOSURED: 77/27-003-2023-07-126

Особенности защиты от угроз социальной инженерии

Артём Витальевич Иванов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ivanof91@mail.ru

Аннотация. Социальные сети занимают все большее место в жизни каждого. Низкий уровень осведомленности пользователей информационных систем об угрозах информационной безопасности повышает риск стать жертвой социальных инженеров. Для противодействия атакам социальных инженеров, необходимо научиться распознавать методы воздействия социальных инженеров, правильно на них реагировать.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая экономика, информационная безопасность, информационное общество, цифровое развитие

Для цитирования: Иванов А. В. Особенности защиты от угроз социальной инженерии // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 237–241. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-237-241>. EDN: IDLUUT.

Original article

Features of protection against threats of social engineering

Artem V. Ivanov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ivanof91@mail.ru

Abstract. Social networks are taking an increasingly important place in everyone's life. The low level of awareness of information system users about information security threats increases the risk of becoming a victim of social engineers. To counteract the attacks of social engineers, it is necessary to learn how to recognize the methods of influence of social engineers and respond to them correctly.

Keywords: digital transformation, digital economy, information security, information society, digital development

For citation: Ivanov A. V. Features of protection against threats of social engineering. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):237–241. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-237-241>. EDN: IDLUUT.

На рынке информационных услуг существуют компании, оказывающие услуги по обеспечению информационной безопасности путем оценки осведомленности сотрудников, имитации действий нарушителя, направленных на несанкционированное проникновение в информационную систему организаций без нанесения им ущерба. Примером такой компании является Positive Technologies. Они не только оценивают техническую защищенность информационных систем, но и занимаются вопросами осведомленности пользователей информационных систем в вопросах информационной безопасности. Компания-заказчик с помощью услуг Positive Technologies может оценить надежность своих сотрудников, а также степень защищенности своей информационной системы от воздействия злоумышленников, использующих методы и приемы социальной инженерии.

Имитация действия нарушителя без нанесения ущерба — один из самых эффективных способов, позволяющий оценить степень защищенности си-

стемы. Если пентест (тестирование на проникновение в систему) позволяет обнаружить недостатки в работе программно-аппаратной стороны системы, то имитация действия нарушителя помогает узнать, насколько подготовлены сотрудники организации в сфере информационной безопасности. Этот метод набирает популярность, поскольку киберпреступники постепенно начинают применять приемы и методы социальной инженерии.

По итогу проведения таких работ, руководители компании или главы отделов внутренней безопасности могут выявить потребность в обучении сотрудников или необходимости использования более усовершенствованного программного обеспечения.

Этапы.

1. Сбор данных, формирование фокус-групп. Первоначально проводится сбор данных об организации. В определенных случаях заказчик сам предоставляет все необходимые данные о сотрудниках, адресах их электронных почт, адреса страниц в социальных сетях.

© Иванов А. В., 2023

2. Создание сценариев атаки. Все условия работы изначально обсуждаются персональные условия с заказчиком. Сценарий любой атаки формируется непосредственно под заказчика и его компанию.

3. «Доставка». В большинстве случаев хватает доставки фишинговых писем на рабочие или персональные электронные адреса сотрудников.

4. Сбор статистических данных. Суть схемы заключается в следующем: во вложениях писем прикреплены безопасные ссылки. В системе фиксируется: кто и когда перешел по указанному адресу, какие действия он выполнял, вводил ли пароль, скачал и запустил файл или нет. Все эти данные необходимы для получения объективной оценки осведомленности пользователя.

5. Анализ результатов. Завершающий этап проверки. Проводится оценка полученных данных. Учитывается, какой процент сотрудников совершил то или иное потенциально опасное действие, по какому сценарию удалось достичь лучших результатов, какая фокус-группа себя лучше проявила, а какая фокус-группа менее подготовлена в сфере защиты от угроз информационной безопасности. В соответствии с итогами работы сотрудники Positive Technologies выставляют рекомендации, направленные на по-

вышение все уровней информационной безопасности. Заказчику поступает документ с исчерпывающей информацией о ходе и результатах проверки.

Примеры атаки.

Перед тем, как начать атаку на сотрудников организации проводится тестовая рассылка с целью вступить в контакт с сотрудниками. Собирается информация об электронных адресах, стиле общения, подписях к сообщениям, чтобы позже в таком же стиле проводить уже финальную рассылку. Допустим, в компании все внутренние сообщения отправляются с использованием синего шрифта Arial 16 размера, а подпись отделена знаком «-----». Соответственно, получив письмо в таком же стиле, сотрудник с большей вероятностью воспримет его как обычное письмо, полученное от начальника своего отдела, к примеру.

Статистика показывает, что IT-специалисты и даже специалисты в области обеспечения информационной безопасности вступают в диалог с сотрудниками Positive Technologies, выдавая им информацию о компании, свои данные. Риск стать жертвой атаки социальных инженеров подвержены даже самые опытные и осведомленные сотрудники организаций (рис. 1).

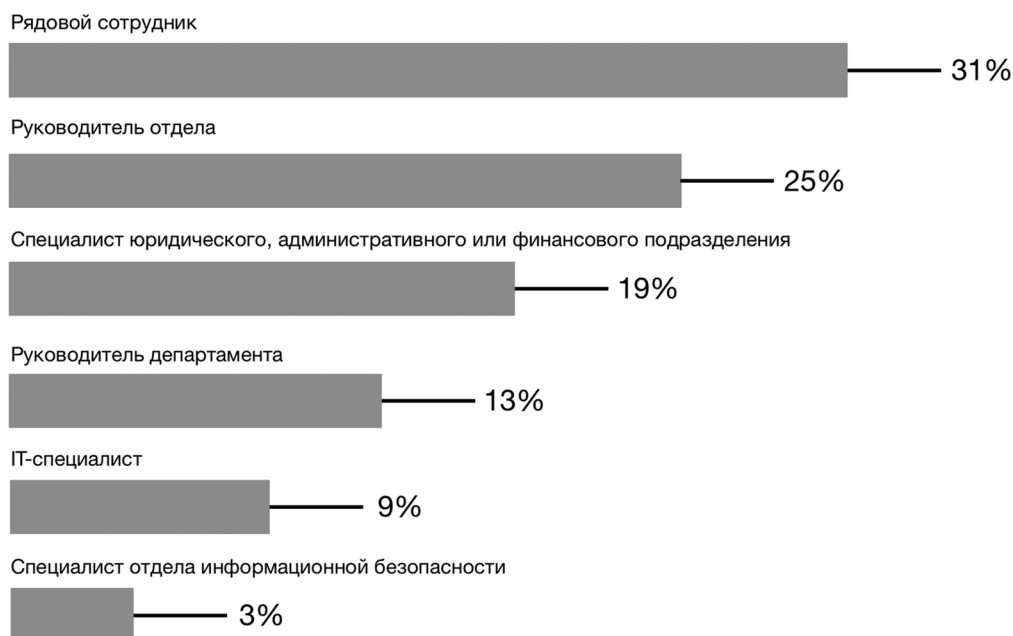

Рис. 1. Должности сотрудников, вступивших в переписку

Пример № 1.

Сотруднику на служебную или личную почту приходит письмо (рис. 2) со знакомого электронного адреса, в котором указана цепляющая тема, как пра-

вило, касающаяся рабочего процесса, само письмо оформлено в привычном деловом стиле.

В письме размещена ссылка, по которой сотрудника просят перейти и сделать необходимые операции.

Коллеги, добрый день!

Прошу вас проверить правильность занесения **информации по отпуску** на ресурсе, размещённом на нашем [портале](#). В случае отсутствия вас в графике прошу сообщить мне в ответном письме.

С уважением, [Redacted]

Рис. 2. Письмо с вредоносной ссылкой

Сама ссылка ведет на ресурс, оформленный в стиле компании сотрудника или другого известного сервиса. Когда пользователь переходит по ссылке, перед ним открывается окно авторизации, и очень часто пользователи спокойно вводят свои персональные учетные данные, после чего сайт перестает отвечать.

Пример № 2.

Сотруднику организации на почту пришло письмо (рис. 3) с вложенным файлом.

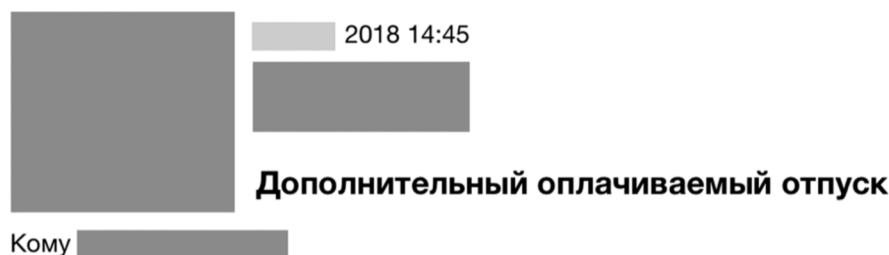
Скачав файл, открыв его, пользователь запускает у себя на рабочей станции вредоносную программу. В случае Positive Technologies во вложенном файле размещена программа, которая после запуска отправляет в аналитический центр компании информа-

цию о запуске вложенного файла. Никакого вреда эта программа не несет.

Результаты, отраженные на диаграмме (рис. 4), дают понять, что каждый шестой сотрудник совершает действие, которое предоставляет доступ третьим лицам к его персональным данным, личной учетной записи, а если рабочие станции организации связаны локальной сетью, то действие пользователя может заразить и другие компьютеры сети. Если атака совершается на крупные компании, то счет идет на сотни или даже тысячи зараженных компьютеров.

Выбор темы письма.

Результативность рассылки очень часто зависит от выбранной темы. Поскольку тема, это первое,

 Заявление на компенсацию.csv [4 Кбайт]

Уважаемые сотрудники!

Напоминаем вам, что вы можете написать заявление на компенсацию неиспользованного дополнительного оплачиваемого отпуска.

Вам будут компенсированы дни на конец [Redacted] Заявление на компенсацию доступно по ссылке во вложении: [https://\[Redacted\].php?id=17374](https://[Redacted].php?id=17374)

С уважением,
[Redacted]

Рис. 3. Письмо с вложенным файлом

3332 письма — 17% сотрудников - потенциальные жертвы

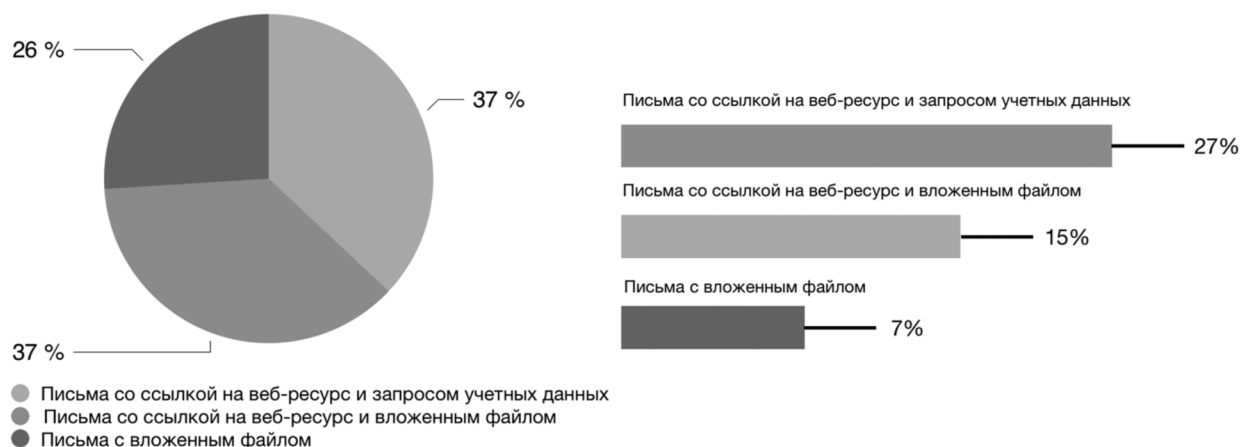

Рис. 4. Результаты тестирования

что увидит пользователь, получивший новое сообщение. Самые распространенные варианты тем представлены на рис. 5.

Сотрудники Positive Technologies при выборе сценария атаки стараются подходить к жертвам индивидуально и персонализировать выбранную тему под каждую компанию. Проводится анализ прошедших мероприятий, актуальных событий: различные корпоративы, акции.

Что предлагает Positive Technologies в качестве защиты от утечки конфиденциальной информации:

- 1) использовать антивирусное ПО с «песочницей»;
- 2) проверять предлагаемые ссылки из писем;
- 3) блокировка вложений по почте с расширениями для исполняемых, системных, скриптов и других файлов.

Рассмотренные методы и приемы психологического воздействия на людей являются актуальными угрозами в настоящее время. Информация приобрела колоссальную важность. Доступ к интересующей информации злоумышленникам становится получать намного проще с развитием социальных сетей, поскольку жертвы их атак сами выкладывают в сеть все свои данные. Социальная инженерия может стать опасным оружием в руках злоумышленников.

Не повышая свой уровень информационной осведомленности в соответствии с современными требованиями информационной безопасности, пользователи информационных систем рискуют стать жертвами атак социальных инженеров. На сегодняшний день история насчитывает множество громких примеров атак злоумышленников на крупные корпора-

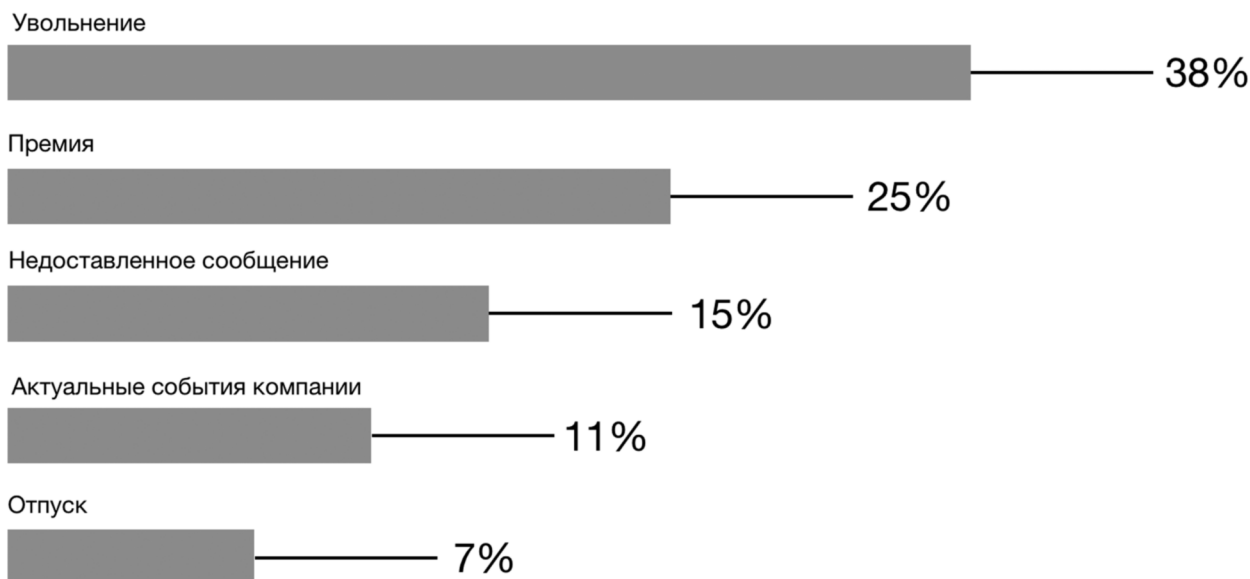

Рис. 5. Темы тестовых писем

ции, когда по вине всего одного или нескольких человек компании несли миллиардные убытки, преступники получали доступ к конфиденциальной информации. Необходимо тщательно анализировать совершенные ошибки и на основании их создавать методы защиты от воздействия социальных инженеров, обучать этим навыкам пользователей. Но полностью избавиться от данной проблемы невозможно до тех пор, пока у человека есть доступ к информационным системам, конфиденциальной информации.

Библиографический список

1. Ассанж Дж., Мюллер-Магун Э., Appelbaum Дж., Циммерман Ж. Шифропанки. Свобода и будущее Интернета. М. : Азбука, 2015.
2. Касперски К. Секретное оружие социальной инженерии // URL://http://citforum.ru/security/articles/soc_eng/
3. Лобель Т. Теплая чашка в холодный день. Как физические ощущения влияют на наши решения. М. : Альпина Паблишер, 2016.
4. Попов А. А. Эргономика пользовательских интерфейсов в информационных системах: учеб. пособие. М. : РУСАЙНС, 2016.
5. Фейнман Р. Радость познания (The pleasure of finding things out). М. : АСТ, 2013.
6. Шишкова С. Социальная инженерия // URL://<http://www.executive.ru/knowledge/announcement/345004/>
7. Christopher Hadnagy, Paul Ekman. Unmasking the Social Engineer: The Human Element of Security. San-Francisco : Wiley, 2014.
8. Peter Kim. The Hacker Playbook: Practical Guide to Penetration Testing. New York : Kindle Edition, 2014.

Bibliographic list

1. Assange J., Muller-Magun E., Appelbaum J., Zimmerman J. Ciphertext. Freedom and the future of the Internet. M. : ABC, 2015.
2. Kaspersky K. The secret weapon of social engineering // URL://http://citforum.ru/security/articles/soc_eng/
3. Lobel T. A warm cup on a cold day. How physical sensations affect our decisions. M. : Alpina Publisher, 2016.
4. Popov A. A. Ergonomics of user interfaces in information systems: textbook. the manual. M. : RUSAINS, 2016.
5. Feynman R. The Joy Of knowing (The pleasure of finding things out)). M. : AST, 2013.
6. Shishkova S. Social engineering // URL://<http://www.executive.ru/knowledge/announcement/345004/>
7. Christopher Hadnagy, Paul Ekman. Unmasking the Social Engineer: The Human Element of Security. San-Francisco : Wiley, 2014.
8. Peter Kim. The Hacker Playbook: Practical Guide to Penetration Testing. New York : Kindle Edition, 2014.

Информация об авторе

А. В. Иванов — доцент кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук.

Information about the author

A. V. Ivanov — Associate Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 08.11.2023; одобрена после рецензирования 29.11.2023; принята к публикации 14.12.2023.

The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 29.11.2023; accepted for publication 14.12.2023.

Научная статья

УДК 657.6

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-242-248>

EDN: <https://elibrary.ru/ozktgo>

ИПОН: 2003-0059-7/23-928

MOSURED: 77/27-003-2023-07-127

Аудит операций с электронными денежными средствами

Елена Николаевна Колесникова

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
e.kolesnikova_rfm@mail.ru

Аннотация. Расчеты с использованием электронных денежных средств получили широкое распространение в российской практике предпринимательской деятельности, доля таких расчетов, особенно в части расчетов с населением за продаваемые товары, оказываемые работы и услуги неуклонно растет. Это обуславливает потребность в проведении аудита рассматриваемых операций, как в рамках выполнения специальных аудиторских заданий, так и при проведении годового обязательного или инициативного аудита российских компаний. Вместе с тем актуальные материалы, научного, методического и прикладного характера, которые позволили бы раскрыть цели и задачи данного направления аудиторской деятельности, организацию и методику его проведения в настоящее время фактически отсутствуют. Устранить данный пробел и призвано исследование, результаты которого обобщены данной статьёй.

Ключевые слова: электронные денежные средства, электронные кошельки, бухгалтерский учет, аудит, методы аудита, информационное обеспечение аудита

Для цитирования: Колесникова Е. Н. Аудит операций с электронными денежными средствами // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 242–248. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-242-248>. EDN: OZKTGO.

Original article

Audit of electronic money transactions

Elena N. Kolesnikova

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Ryazan, Russia, e.kolesnikova_rfm@mail.ru

Abstract. Settlements using electronic money have become widespread in Russian business practice and the share of such settlements, especially in terms of settlements with the population for goods sold, works and services rendered, is steadily growing. This leads to the need to conduct an audit of the operations in question, both within the framework of performing special audit tasks, and during the annual mandatory or initiative audit of Russian companies. At the same time, relevant materials of a scientific, methodological and applied nature that would allow us to reveal the goals and objectives of this area of audit activity, the organization and methodology of its conduct are currently virtually absent. The research, the results of which are summarized in this article, is designed to eliminate this gap.

Keywords: electronic money, electronic wallets, accounting, audit, audit methods, audit information support

For citation: Kolesnikova E. N. Audit of electronic money transactions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):242–248. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-242-248>. EDN: OZKTGO.

Экономическая природа электронных денежных средств (электронных денег) однозначна. В их качестве рассматриваются денежные средства, которые предварительно предоставлены лицу без открытия банковского счета, для исполнения денежных обязательств перед третьими лицами и в отношении которых указанное лицо имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа.

Аудиторская проверка операций с электронными денежными средствами является одной из наи-

более простых среди всех проверок операций, связанных с использованием виртуальных активов. Это обусловлено, как относительно, урегулированным статусом этих операций в российском законодательстве, так и широким распространением расчетов с использованием электронных денежных средств в российской экономике в последние несколько лет.

Вместе с тем, аудиторское исследование указанных операций имеет ряд особенностей, обусловленных, как цифровым характером существования рассматриваемой категорией ценностей так и значи-

© Колесникова Е. Н., 2023

тельной нормативной неопределенностью, как в отношении ее статуса, так и учетного оформления. В частности, на это указывается в работах Р. А. Корниловича, Д. М. Ловчей, Д. К. Уланович [4; 3; 6].

Это предопределяет возможность выделения в аудите операций с электронными денежными средствами следующих направлений:

- 1) аудит наличия электронных денежных средств;
- 2) аудит правильности документального оформления операций с электронными денежными средствами и достоверности данных об их движении в разрезе отдельных операций или контрагентов;
- 3) аудит обоснованности поступления и расходования электронных денежных средств и выявление операций с электронными денежными средствами, не нашедшими отражения в учетной системе организации;
- 4) аудит правильности оценки электронных денежных средств отражаемых в учете.

В соответствии с видом и целями аудиторской проверки в целом, задачи аудита операций с электронными денежными средствами сводятся к установлению достоверности раскрытия информации о данном виде в составе показателей отчетных форм, для чего требуется выяснение их наличия на конкретную дату, оборота (поступления или выбытия) за определенный период времени или между определенными событиями, а также выявление перечня контрагентов и (оснований) выбытия или поступления рассматриваемой категории ценностей.

Проверка указанных операций может проводиться в порядке аналогичном аудиту операций на расчетных или специальных счетах организации в банках. Данная позиция поддерживается множеством авторов [6; 7].

Для установления факта наличия или движения электронных денежных средств, хранящихся в тех или иных электронных кошельках организации, в том числе иностранных, рекомендуется использовать как системную бухгалтерскую информацию, так и внеучетные данные.

Считаем необходимым отметить, что специальный порядок отражения в бухгалтерском учете расчетов, производимых с использованием электронных денег, нормативно не определен. В связи с этим хозяйствующие субъекты в силу требований Федерального закона № 402-ФЗ и ПБУ 1/2008 вправе установить порядок организации и ведения учета

электронных денег самостоятельно (в частности закрепить применяемые для учета операций с ними счета в рабочем плане счетов) [1].

При проведении аудита операций хозяйствующего субъекта, связанных с наличием или оборотом электронных денежных средств в качестве его информационной основы рекомендуем рассматривать:

- 1) рабочий план счетов организации (приложение к учетной политике организации для целей бухгалтерского учета), в котором должно быть указано на каком субконто (субсчетов и счетов аналитического учета) на каких синтетическим счетам (счета 55 «Специальные счета в банках» или счету 76 «Расчеты к разным дебиторами и кредиторами») в организации ведется учет электронных денежных средств (также необходимо учитывать, что учет электронных денежных средств в условных единицах измерения может вестись на счете 41 «Товары»);
- 2) первичные документы по движению электронных денежных средств (платежные поручения, заявления на распоряжение средств плательщиком, квитанции о проведении платежей). При осуществлении операций по переводу электронных денежных средств или при их поступлении в платежных поручениях организации будет фигурировать наименование оператора электронных денежных средств (например, АО «Киви Банк»), исходя из наименования которого можно сделать вывод о наличии у организации электронного кошелька соответствующего оператора;
- 3) сводные документы (выписки оператора электронных денежных средств, выписки кредитных организаций, реестры платежей);
- 4) регистры аналитического учета, сформированные по признаку субконто второго и более высоких порядков (аналитические ведомости, аналитические отчеты);
- 5) регистры синтетического учета (ведомости к журналу ордера и журналы-ордера, Главная книга, оборотные и оборотно-сальдовые ведомости по счетам учета электронных денежных средств);
- 6) формы бухгалтерской (финансовой) отчетности в составе бухгалтерского баланса, отчета о движении денежных средств, приложений к бухгалтерскому балансу и отчету о движении денежных средств и пояснительной записки.

В документах по налоговому учету и налогообложению информация об имеющихся у организа-

ции иностранных электронных кошельках дополнительно раскрывается в Отчете о движении денежных средств и иных финансовых активов по счету (вкладу) в банке за пределами территории РФ и о переводах без открытия банковского счета, составляемом по форме КНД 1112521, с учетом изменений, изложенных в постановлении Правительства РФ от 27 сентября 2021 г. № 1618. На листе 6 данного отчета приводится информация об имеющихся у организации электронных кошельках и стоимостном выражении, хранящихся на нем средств, в валюте этого кошелька, что позволяет использовать данную форму налоговой отчетности в составе источников информационного обеспечения аудита рассматриваемого участка.

Источниками внеучетной информации при проведении аудита могут стать ответы на запросы, отправленные:

1) операторам электронных денежных средств, платежных систем, в кредитные учреждения;

2) в ФНС России и иные ведомства, органы государственной власти.

Методическая составляющая аудита операций с электронными денежными средствами зиждется на применении совокупности методов формальной и документальной проверки.

Основными документальными методами аудита операций с электронными денежными средствами по существу являются следующие методы документальной проверки: встречная сверка, прослеживание и взаимный контроль операций. Методов формальной проверки применяются в полном объеме.

Признаками, свидетельствующими о потенциальных нарушениях проведения в организации операций с электронными денежными средствами, являются:

1) отсутствие в учетной политике положение о порядке учета электронных денежных средств (данное обстоятельство осложняет проведение документального исследования, так как приходится изучать операции как по счету 55 «Специальные счета в банках», так и по счету 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами»);

2) отсутствие систематизации в первичной документации и учетных регистрах операций, отражающих движение электронных денежных средств (котловой) способ ведения учета, совместно с иными средствами организации, используемыми в расчетах);

3) отсутствие защиты доступа к электронным кошелькам, отсутствие документов от операторов платежных систем и электронных денежных средств, которые могли бы подтвердить реальность проведения операций.

Обнаружение любого из данных обстоятельств должно интерпретироваться аудиторами не только как самостоятельное нарушение правил ведения бухгалтерского учета рассматриваемой категории ценностей, но и как «фактор риска», обуславливающий необходимость более осмотрительного подхода в выборе методов проведения исследования документов.

При проведении аудита наличия электронных денежных средств по данным бухгалтерского учета организации полагаем, что аудит следует осуществлять на основании применения сочетания методов документальной и формальной проверки: от документов бухгалтерского учета более высокого уровня систематизации информации (регистров) к более низким (первичным документам).

Рекомендуем проводить проверку в следующей последовательности. Прежде всего, по данным Главной книги (или ведомости к журнал-ордеру) по счету 55 «Специальные счета в банках» или счету 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами», формируемым в разрезе субконто, установить наличие дебетового остатка по субсчету «Электронные денежные средства (субсчет может носить наименование «ЭДС», «Электронные кошельки», «Киви» и т. д., указывающее на связь с учитываемым на нем объектом). Далее, при наличии остатка — исследовать анализ счета или оборотную ведомость (оборотносальдовую ведомость) по субконто. Как правило, исследование данных документов уже дает ответ на вопрос о наличии отдельных видов электронных денежных средств у организации.

В том случае, если дебетовый остаток по счету 55 «Специальные счета в банках» (счета 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами») есть, но аналитический учет и учет по субсчетам по данным счетам не ведется, то установить информацию о наличии электронных кошельков у организации можно на основании осмотра первичной учетной документации — для определения потенциальных операторов электронных денежных средств и, в дальнейшем, запроса у них необходимой информации. Все организации — владельцы электронных денежных

средств, проходят обязательную процедуру верификации у соответствующих операторов.

Российским организациям нельзя использовать иностранные электронные кошельки (например, Alipay, WebMoney, PayPal) в коммерческих целях — рассчитываться с нерезидентами по внешнеэкономическим договорам, принимать через такие кошельки оплату за товары, работы или услуги на территории России, но, тем не менее, средства на таких кошельках у организации могут храниться [2; 5].

В рамках проведения аудита информацию о единице измерения и номинале средств, хранящихся в таких кошельках в системной информации бухгалтерского учета, можно почерпнуть либо в регистрах аналитического учета (при условии, что они ведутся по количественно-суммовому признаку) или выписках и ответах на запросы оператора электронных денежных средств.

Так как перевод средств в электронный кошелек происходит, преимущественно, с расчетного счета или в рамках поступления оплаты от покупателей, то целесообразным, является осмотр платежных поручений организации за период, предшествующий дате на которую надо установить наличие электронных денежных средств (3–6 месяцев, в зависимости от деловой активности организации, чья деятельность исследуется). Указание в качестве контрагентов (получателя или плательщика) одного из операторов электронных денег свидетельствует о наличии у организации соответствующего электронного кошелька.

Кроме того, с организациями-операторами электронных денежных средств будут вестись расчеты в порядке оплаты вознаграждения за проводимые транзакции с электронными денежными средствами, суммы которых могут списываться либо на счет 26 «Общехозяйственные расходы», либо на счета учета расходов организации: по основной деятельности — счет 90 «Продажи», прочей деятельности — счет 91 «Прочие доходы и расходы». Изучение операций по данным счетам на основании журнала хозяйственных операций или аналогичного ему документа за период, предшествующей дате, по состоянию на которую надо установить наличие электронных кошельков организации также позволяет установить возможных операторов электронных денежных средств, с дальнейшим подтверждением (при необходимости) информации на основе запроса.

Использование расчетов с подотчетными лицами может быть средством маскировки операций с электронными денежными средствами. Поэтому при отсутствии остатков по субсчету «Электронные денежные средства» или субсчетам с аналогичным названием счета 55 «Специальные счета в банках (счета 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами») рекомендуем проверить операции по счету 71 «Расчеты с подотчетными лицами» на предмет выявления фиктивных и мнимых сделок, маскирующих операции с электронными денежными средствами.

При этом получение электронных денежных средств может сопровождаться накоплением мнимой кредиторской задолженности подотчетного лица или оформлением подложных авансовых отчетов, позволяющих списать подотчетные суммы на расходы.

Признаками данного нарушения, выявляемого в ходе аудиторской проверки, являются: существенный долг одного или нескольких подотчетных лиц перед организацией, который может иметь тенденцию к увеличению (устанавливается по анализу счета 71 «Расчеты с подотчетными лицами» или оборотно-оборотно-сальдовой ведомостью по тому же счету); наличие в корреспонденции счетов с кредитом счета 71 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» счетов 26 «Общехозяйственные расходы», счета 90 «Продажи», 91 «Прочие доходы и расходы» (устанавливается на основании журнала-ордера по счету и Главной книги или оборотно-оборотно-сальдовой ведомости по счету).

При наличии таких фактов, аудиторской проверке по существу должны подвергаться авансовые отчеты конкретного подотчетного лица для установления целевого характера получения и расходования подотчетных сумм. Возможно использование внеучетной информации.

Для установления факта наличия у организации электронных денежных средств иностранных операторов общий порядок проведения проверки аналогичен описанному выше, но необходимо учитывать ряд обстоятельств связанных с ограничением использования таких средств на территории Российской Федерации.

В том случае, если сервисы иностранного оператора электронных денежных средств не представляют возможности конвертации рублей в иностранную валюту для резервирования средств в электронном ко-

шельке, то организация потенциально может производить операции с использованием счета 52 «Валютные счета». И если данный счет открыт в организации, то записи по нему, а также формируемые платежные поручения следует проверить на наличие переводов на электронные кошельки.

В том случае, если единицей измерения средств, хранящихся на электронных кошельках являются нефтяные денежные средств (например, для электронных кошельков WebMoney единицей учета хранящихся там электронных денежных средств могут быть wmr (приравнен к российскому рублю) или wmrz (приравнен к доллару США)), то в силу действующего российского законодательства в сфере бухгалтерского учета организация должна учитывать их в качестве товаров. И при сохранении общей методики проверки наличия электронных кошельков исследованию должны подвергаться учетные регистры, записи и первичные документы по счету 41 «Товары». При этом организация обязана обеспечить ведение учета средств на таких кошельках, как в условных единицах измерения, так и в национальной валюте — рублях.

При необходимости подтверждения величины электронных денежных средств организации по состоянию на конкретную дату аудитор должен исходить из объема проводимых операций по электронному кошельку. Необходимым и достаточным является сверка выписок операторов электронных денежных средств и регистров аналитического и синтетического учета по субсчету «Электронные денежные средства» к счету 55 «Специальные счета в банках» (или счету 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами»). При возникновении любого рода сомнений в подлинности документов и невозможности подтвердить достоверность данных выписок или полноценность регистров организации, информацию об остатках, следует определять в соответствии с ответами на запросы, направленные в адрес операторов электронных денежных средств.

Если объем небольшой, то аудиторы могут прибегнуть к пересчету сумм остатка электронных денежных средств на основании данных первичных учетных документов.

Оценка стоимости электронных денежных средств, хранящихся на электронных кошельках российских операторов, осуществляется по их номинальной стоимости. Применение дополнительных методов про-

верки правильности оценки при проведении аудита не требуется, так как учет ведется в национальной валюте — рублях.

Оценка стоимости электронных денежных средств, хранящихся в кошельках иностранных операторов, и имеющих измерение в фиатных денежных средствах иностранных государств осуществляется в соответствии с требованиями к оценке активов, стоимость которых выражена в иностранной валюте, изложенными в ПБУ 3/2006 «Учет активов и обязательств, стоимость которых выражена в иностранной валюте». Данные кошельки могут быть использованы, как средство хранения средств.

Пересчет стоимости электронных денежных средств, выраженных в иностранной валюте в рубли, производится в рамках проведения аудита по официальному курсу этой иностранной валюты к рублю, устанавливаемому Банком России на дату совершения операции или на отчетную дату. Кроме того необходимо учитывать, что пересчет стоимости таких электронных денежных средств может и должен производиться по мере изменения курса иностранной валюты.

В том случае, если организация имеет электронные денежные средства, хранящиеся на иностранных электронных кошельках и отнесла их к объекту бухгалтерского учета — товары, то аудиторам для установления стоимости таких средств необходимо учитывать требования к их оценке, проистекающие из пункта 28 ФСБУ 5/2020 «Запасы».

В текущем учете организации такие электронные денежные средства будут отражаться по наименьшей из сумм: сумме приобретения (фактической себестоимости) или чистой стоимости продажи (предполагаемая цена, по которой организация может продать эти электронные денежные средства).

При возникновении данного несоответствия аудиторы вполне справедливо должны предположить, что указанное расхождение обусловлено оценкой счета электронного кошелька, выраженного в условных виртуальных единицах в рублях. Проверить правильность данной оценки можно только на основании привлечения первичных учетных документов по движению средств в конкретном электронном кошельке. После этого с учетом особенности учета средств, хранящихся на иностранных электронных кошельках, необходимо установить меньшую из величин: стоимость приобретения таких электронных денежных средств или их чистую стоимость продажи.

На данном этапе проведения аудиторской проверки операций с электронными денежными средствами наиболее целесообразно использование аналитических таблиц — рабочих документов аудитора. Представление данных в таких таблицах может осуществляться в хронологической последовательности — если интересует характер движения средств за определенный период времени, систематической — если перед аудиторами стоит задача по нахождению суммы поступления (вывода) средств в пользу конкретного контрагента средств или в комбинированном порядке.

Для проведения проверки необходима встречная сверка выписок оператора электронных денежных средств и любого регистра аналитического учета по счету, используемого организацией для учета электронных денежных средств. Лимит средств, которые могут находиться на корпоративном электронном кошельке составляет 600 тыс. руб. Средства, превышающую данную величину, в безакцептном порядке перечисляются на расчетный счет организации. Получение средств в электронный кошелек и выдача средств из него возможно только в расчетах с физическими лицами. При этом отсутствие у организации оправдательных документов по движению средств, получаемых от оператора электронного кошелька (квитанции, уведомления, реестры, выписки и т. д.) позволяет предположить потенциальную вероятность искажения реального движения средств по электронному кошельку в учетных данных аудируемой организации.

Построение аналитических таблиц позволяет дать наглядное представление как об общей сумме (поступления) выбытия средств электронного кошелька за определенный период времени, так и по конкретному контрагенту.

При выяснении характера и суммы расчетов с помощью электронных денежных средств с конкретным контрагентом аудиторы должны обладать информацией о номере электронного кошелька (счете электронных денежных средств или индивидуальном идентификаторе этого лица) у оператора электронных денежных средств. Это связано тем, что проверить движение средств в разрезе конкретных контрагентов при запущенности учета возможно только на основании выписок оператора электронных денежных средств, где не содержится указания на ФИО гражданина — плательщика или получателя средств.

При проведении аудита операций с электронными денежными средствами, необходимо учитывать то обстоятельство, что большинство нарушений, допускаемых в организации на других участках учетной работы могут преследовать своей целью незаконное получение (вывод) электронных денежных средств, маскировку операций с ними. В результате чего изучение данных бухгалтерского учета по операциям с электронными деньгами может представлять, как самостоятельный предмет исследования, так и дополнять проведение аудита других участков учетной работы в организации.

Таким образом, проведение аудита операций с электронными денежными средствами основывается на использовании методов формальной проверки бухгалтерских документов и встречной сверки, а также взаимного контроля, содержащейся в них информации с документами, формируемыми операторами электронных кошельков. Целесообразным является широкое использование наряду с системными и внеучетных источников информации. Также в рамках исследования документов, проводимых аудиторами, следует обращать внимание на соблюдение законодательных запретов и ограничений в проведении расчетов с рассматриваемой категорией средств.

Список источников

1. Дятлова А. Ф., Колесникова Е. Н., Бородин В. А. и др. Бухгалтерский учет: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021.
2. Ивлиев П. С., Ивлиева, Н. А., Морсакова Ю. В. Моделирование угроз интерфейса информационной системы организации // Экономика и предпринимательство. 2022. № 7. С. 1332–1335.
3. Ловчая Д. М. Аудит операций с электронными денежными средствами: мат. междунар. науч.-практ. конф. «Современные тенденции развития социально-экономических систем». Волгоград, 2018. С. 186–189.
4. Корнилов Р. А., Колесникова Е. Н., Коноваленко С. А. Методология использования данных бухгалтерского учета в целях выявления и документирования противоправных деяний с использованием электронных денег и цифровых валют: методические рекомендации и др. М., 2023.
5. Морсакова Ю. В. Экономико-математические методы. Рязань, 2021.

6. Уланович Д. К. Учет и аудит денежных средств — правовые аспекты и актуальные вопросы // Инновационная наука. 2021. № 4. С. 118–121.

7. Эриашвили Н. Д., Колесникова Е. Н. Методологические аспекты исследования движения денежных средств в рамках производства судебных налоговых экспертиз // Аудиторские ведомости. 2021. № 4. С. 129–133.

References

1. Dyatlova A. F., Kolesnikova E. N., Borodin V. A. and others. Accounting: textbook for university students studying in economic specialties. M. : UNITY-DANA, 2021.

2. Ivlichev P. S., Ivlicheva, N. A., Morsakova Yu. V. Modeling of threats to the organization's information system // Economics and entrepreneurship. 2022. No. 7. P. 1332–1335.

3. Lovchaya D. M. Audit of transactions with electronic money: mat. international scientific and practical conference. «Modern trends in the development of socioeconomic systems». Volgograd, 2018. P. 186–189.

4. Kornilovich R. A., Kolesnikova E. N., Konovalenko S. A. Methodology of using accounting data for the purpose of detecting and documenting illegal acts using electronic money and digital currencies: methodological recommendations, etc. M., 2023.

5. Morsakova Yu. V. Economic and mathematical methods. Ryazan, 2021.

6. Ulanovich D. K. Accounting and auditing of funds — legal aspects and topical issues // Innovative Science. 2021. No. 4. P. 118–121.

7. Eriashvili N. D., Kolesnikova E. N. Methodological aspects of cash flow research within the framework of judicial tax examinations // Audit statements. 2021. No. 4. P. 129–133.

Информация об авторе

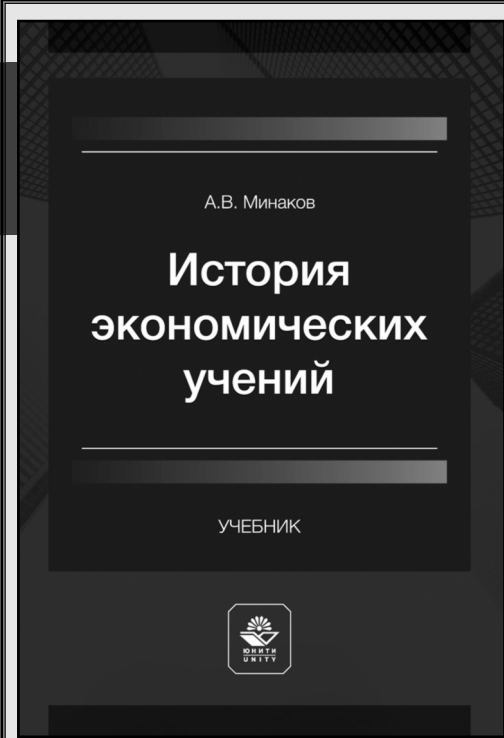
Е. Н. Колесникова — профессор кафедры экономической безопасности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, доцент.

Information about the author

E. N. Kolesnikova — Professor of the Department of Economic Security of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

	ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ Учебник. Гриф НИИ образования и науки Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований А. В. Минаков Обобщен теоретический и методологический материал для всестороннего системного представления об истории экономических учений. Учебник состоит из десяти глав, каждая из которых посвящена определенному направлению экономического знания, приобретаемого научным миром на конкретный момент времени, в рамках конкретной исторической эпохи (эпох). Раскрыты предпосылки, основные концептуальные положения, а также причины потери лидерства среди представителей экономического сообщества каждой конкретной экономической школы, ученого или мыслителя. Рассмотрены ключевые особенности развития российской экономической мысли. Теоретические вопросы иллюстрируются историческим фактологическим материалом, а также примерами из реальной практики экономического развития.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-249-255>

EDN: <https://elibrary.ru/unxhro>

ИИОН: 2003-0059-7/23-929

MOSURED: 77/27-003-2023-07-128

Экономический кризис и тенденции развития в политике управления государственным внутренним долгом в России

Лариса Борисовна Лазарова¹, Эдуард Робертович Кокоев²

¹ Владикавказский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Владикавказ, Россия

² Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

Аннотация. Проводится анализ структуры государственного долга. Делается однозначный вывод, что в условиях затянувшегося финансового кризиса, санкционного давления и сложившихся политических условиях, именно государственный внутренний долг выступает надежным инструментом покрытия дефицита бюджета. При этом важно проводить постоянный мониторинг структуры внешних и внутренних государственных заимствований.

Ключевые слова: госдолг, структура государственного долга, государственные заимствования, дефицит бюджета

Для цитирования: Лазарова Л. Б., Кокоев Э. Р. Экономический кризис и тенденции развития в политике управления государственным внутренним долгом в России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 249–255. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-249-255>. EDN: UNXHRO.

Original article

Economic crisis and development trends in the policy of managing public internal debt in Russia

Larisa B. Lazarova¹, Eduard R. Kokoev²

¹ Vladikavkaz branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz, Russia

² North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia

Abstract. An analysis of the structure of public debt is carried out. An unambiguous conclusion is made that in the context of a protracted financial crisis, sanctions pressure and the current political conditions, it is the state internal debt that acts as a reliable tool for covering the budget deficit. At the same time, it is important to constantly monitor the structure of external and internal government borrowings.

Keywords: public debt, structure of public debt, government borrowing, budget deficit

For citation: Lazarova L. B., Kokoev E. R. Economic crisis and development trends in the policy of managing public internal debt in Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):249–255. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-249-255>. EDN: UNXHRO.

Введение. Государственный долг выступает существенным макроэкономическим показателем. Во всех без исключения странах, на всех этапах развития государство использует инструмент госзаимствований. Государственный внутренний долг России на протяжении исследуемых трех лет подвергся корректировки, это связано с коронавирусной пандемией, охватившей все без исключения страны и стагнации мировой экономики. Значительный объем средств необходимо было направить на борьбу с последствиями пандемии; были разработаны госпрограммы по поддержке граждан и предприятий в результате наблюдалась существенная разбалансировка бюджета. Все перечисленные проблемы потребовали зна-

чительного наращивания объемов госдолга. Кроме того, негативным фактором выступили волатильность мировых цен на нефть, связанных, как было отмечено выше с замедлением темпов роста мировой экономики. Как правило, финансовые проблемы у государства начинаются тогда, когда госзаимствования достигают отметки 77 % от ВВП. Общий объем госдолга РФ за 2022 г. достиг рекордные 22,8 трлн руб., (20,8 % ВВП), тогда как в 2021 г. аналогичный показатель составил 20,9 трлн руб. (20,4 % ВВП). В связи со сложившейся обстановкой на мировой политической арене, Минфин России на протяжении последних десяти лет был вынужден значительно снизить внешний долг и нарастить внутренний, так внутренний

© Лазарова Л. Б., Кокоев Э. Р., 2023

Таблица 1

Структура государственного внутреннего долга

Показатели	2020	2021	Абсолютное отклонение 2021/2020	Относительное отклонение 2021/2020	2022	Абсолютное отклонение 2022/2021	Относительное отклонение 2022/2021
ОФЗ-ПД	8102,2	9812,7	1710,5	121,1	9784,8	-27,9	99,7
ОФЗ-АД	282,6	209,3	-73,3	74,0	166	-43,3	79,3
ОФЗ-ПК	4709,3	4709,3	0	100,0	6896,9	2187,6	146,4
ОФЗ-ИН	574,8	763,1	188,3	132,7	1025,1	262	134,3
ОФЗ-н	39,9	39,2	-0,7	98,2	22,2	-17	56,6
ГСО-ППС	215,3	94,4	-120,9	43,8	94,4	0	100,0
ГСО-ФПС	132	132	0	100,0	80	-52	60,6
Государственный внутренний долг Российской Федерации, выраженный в ценных бумагах	14 056,2	15 759,9	1703,7	112,12	18 079,3	2319,4	114,72
Государственные гарантии Российской Федерации в валюте Российской Федерации	695,2	726,6	31,4	104,52	701,7	-24,9	96,57
Итого	14 751,4	16 484,4	1733	111,75	18 781	2296,6	113,93

долг России в 2010 г. составлял 2094,73 млрд долл., против — 9176,39 млрд долл. в 2019 г., рост по отношению к 2010 г., более чем четыре раза. В контексте данного вопроса необходимо подчеркнуть, что чистый госдолг впервые с 2014 г., стал отрицательным. Несмотря на сложную экономическую обстановку и санкционное давление, оказываемое западными странами Россия смогла сохранить, долг на безопасном уровне. Госдолг в полном объеме покрывается ликвидными активами нашего государства, этот факт свидетельствует о стабильном экономическом положении России. При этом важно и в будущем снизить объемы государственного долга, так он ока-

зывает существенное влияние в целом на состояние госфинансов.

Результаты исследования. Рассмотрим динамику государственного внутреннего долга (табл. 1).

По данным представленным на рис. 1 облигации федерального займа с постоянным доходом в 2020 г. составляли 8102,2 млрд руб., в течение последующего года они выросли в номинальном выражении на 1710,5 млрд рублей, или 121,1 %. В 2022 г. этот показатель незначительно просел на 27,9 млрд руб., или 0,3 % и составил 9784,8 млрд руб. Причиной роста ОФЗ-ПД в 2021 г. выступил рост госдолга, финансовые ресурсы, как было отмечено выше направ-

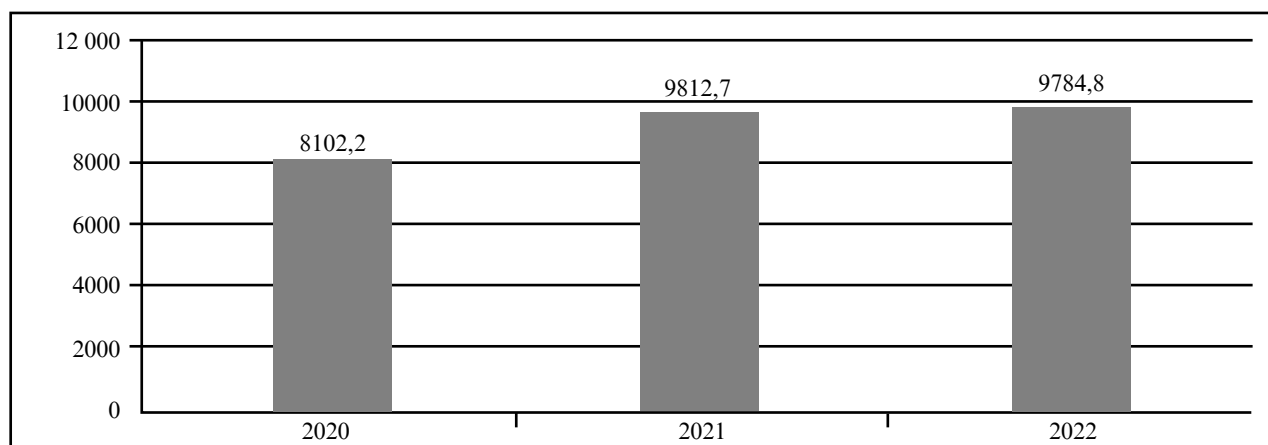

Рис. 1. Динамика ОФЗ-ПД с 2020 по 2022 гг., млрд руб.

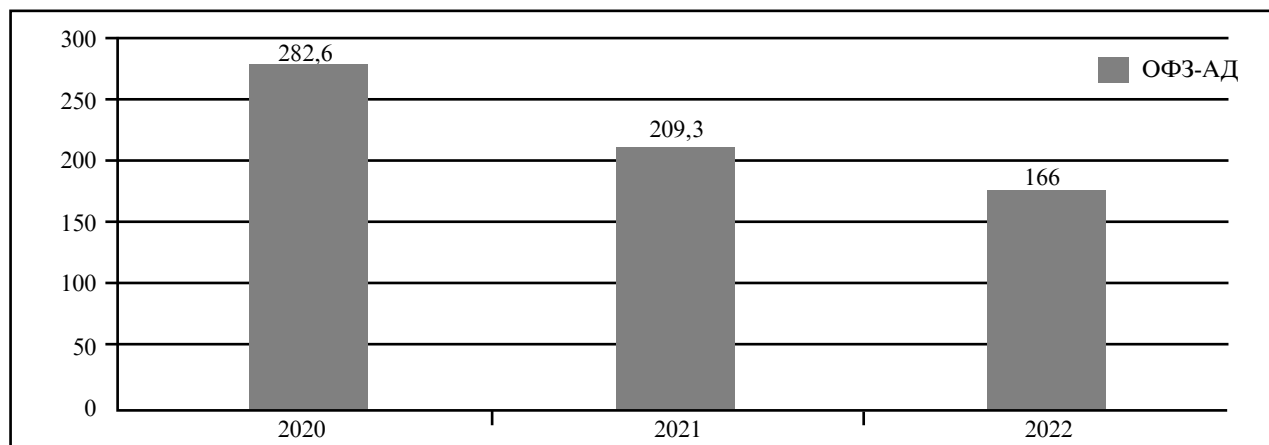

Рис. 2. Динамика ОФЗ-АД с 2020 по 2022 гг., млрд руб.

лялись на борьбу с эпидемией коронавируса и ее экономическими последствиями. Министерству финансов в условиях санкционных рисков удалось привлечь порядка 5,2 трлн руб. на внутреннем рынке России, большую часть составили ОФЗ с постоянным доходом. В условиях волатильности рынка инвесторы предпочитают бумаги с определенной гарантией, с фиксированным доходом. Минфин принял на себя существенный объем процентного риска. Западные страны предпринимали все усилия для того, чтобы уничтожить финансовую систему России.

Динамика по облигациям федерального займа с амортизацией долга за истекшие три года представлена графически на рис. 2. Бумаги ОФЗ-АД в 2020 г. составили 282,6 млрд руб., в 2021 г. этот показатель значительно снизился в фактическом выражении на 73,3 млрд руб. или 26 %. В 2022 г. отрицательная тенденция продолжилась и уровень ОФЗ-АД снизился еще на 43,3 млрд руб. или 20,1 %.

Основополагающей причиной такого колоссального снижения выступает сохраняющаяся нестабильность рубля, которая пока остается, несмотря на положительные макроэкономические показатели данные, рост цен на нефть, так средняя цена Brent находилась на уровне 86 долл. за баррель, в IV квартале 2023 г. стоимость нефти выросла до уровня 93 долл. за баррель. Это связано со снижением мировых запасов нефти. Спад в таких жестких экономических условиях был предсказуем, при этом он был умеренным.

По данным Минфина России, облигации федерального займа с переменным купонным доходом в 2020 и 2021 г. составляли порядка 4709,3 млрд руб. В 2022 г. исследуемый показатель вырос на 2187,6 млрд руб., что составляет 146,45 % от уровня показателя предыдущего периода (рис. 3).

Причиной роста ценных бумаг ОФЗ-ПК в 2022 г. выступает то, что они пользуются большим спросом на

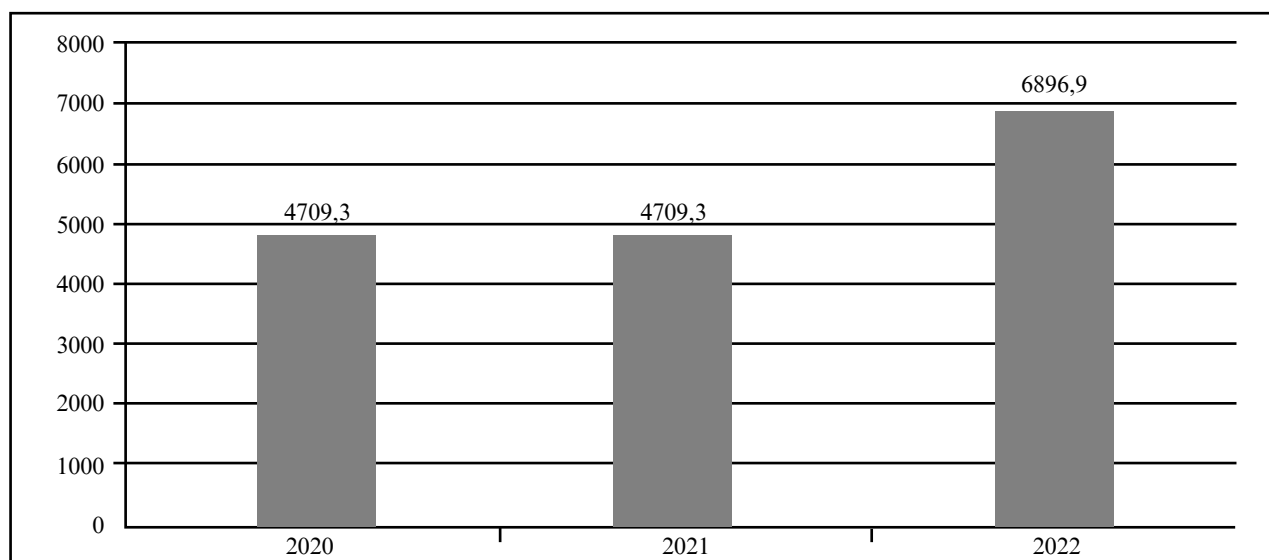

Рис. 3. Динамика ОФЗ-ПК с 2020 по 2022 гг., млрд руб.

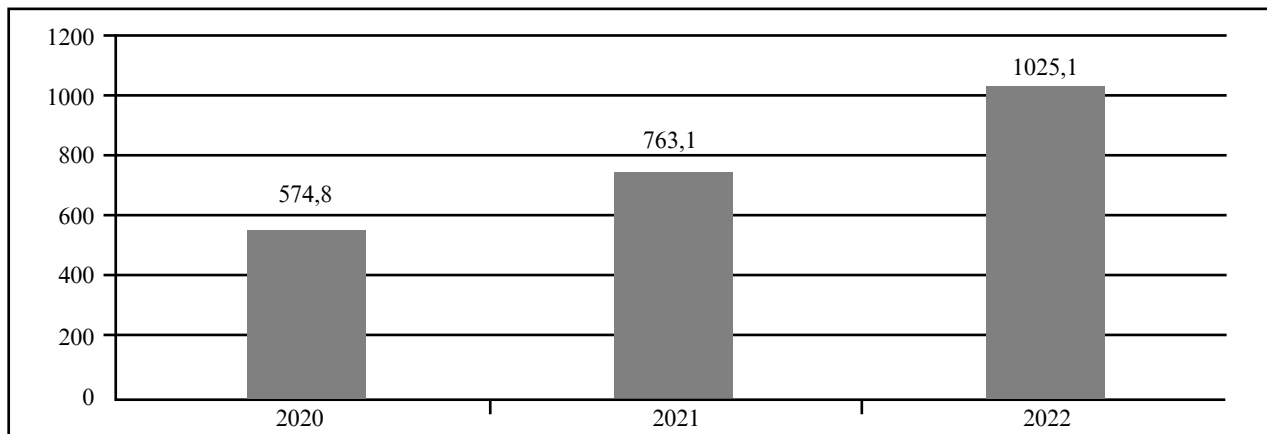

Рис. 4. Динамика ОФЗ-ИН с 2020 по 2022 гг., млрд руб.

рынке. Инвестирование в данный финансовый инструмент дает возможность снизить процентные риски.

По данным Минфина России отобранном на рис. 4 наглядно видно, что облигации федерального займа с индексируемым номиналом в 2020 г. составляли порядка 574,8 млрд руб. По итогам 2021 г. отмечается рост в абсолютном значении на 188,3 млрд руб. или 132,7 %. В 2022 г. положительная динамика продолжилась, при этом темп роста ускорился и составил 262 млрд руб. или 146,45 %.

На наш взгляд причина роста по данным государственным бумагам связана с тем, что они индексируются в зависимости от уровня инфляции. Таким образом, капитал инвестора защищен от инфляции, на протяжении всего срока обращения, размещает, обменивает и выкупает их регулятор. Кроме того, в контексте данного вопроса важно подчеркнуть доступность данных госбумаг для инвесторов с различ-

ным размером капитала, так как номинальная стоимость их составляет 1000 рублей. Аналогами таких инструментов в Соединенных Штатах Америки выступают бумаги, выпущенные казначейством TIPS. Впервые ценные бумаги индексируемым номиналом были выпущены в Финляндии в 1946 г.

По официальным данным, представленным Минфином России, на протяжении исследуемых трех лет наблюдается отрицательная динамика по объему облигаций федерального займа для физических лиц, так если в 2020 г. они составляли 39,9 млрд руб., то в течение последующего года снизились на 0,7 млрд руб., или 1,01 %. В 2022 г. отрицательная динамика продолжилась и уровень ОФЗ-н снизился на рекордные 17 млрд руб., что составляет 56,6 % от уровня показателя предыдущего периода (рис. 5).

Причиной такого резкого спада является ужесточение санкционного давления. В этих условиях

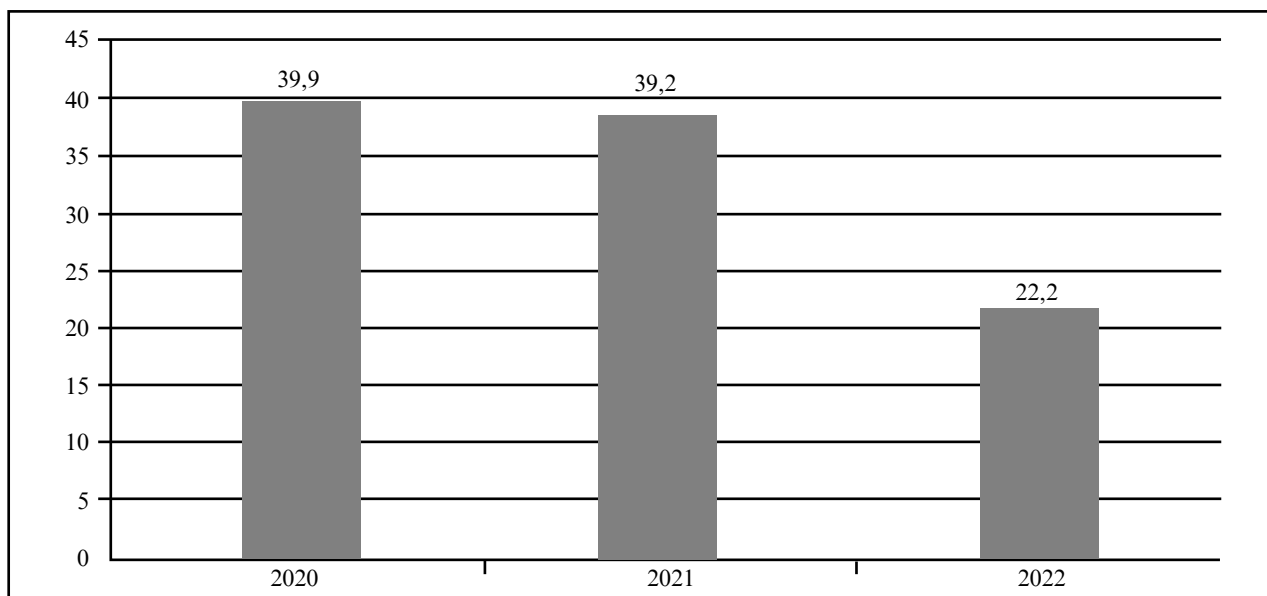

Рис. 5. Динамика ГСО-ФПС с 2020 по 2022 гг., млрд руб.

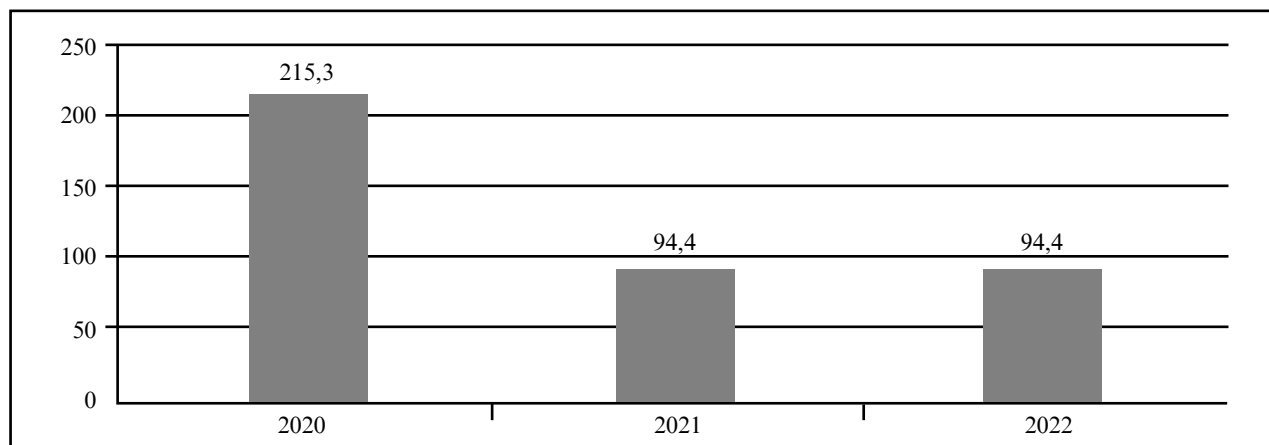

Рис. 6. Динамика ГСО-ППС с 2020 по 2022 гг., млрд руб.

значительно пострадал российский фондовый рынок, начались проблемы, в том числе и на рынке гособлигаций. Для решения перечисленных проблем регулятор был вынужден пойти на крайние меры, были приостановлены торги на фондовом рынке. Ограничения затронули и ОФЗ-н., это надежные инструменты для инвестирования средств населения. Кроме того, затянувшийся кризис значительно повлиял на уровень доходов населения, в связи со сложившейся политической обстановкой покинули рынок и нерезиденты, их доля оказалась на самом минимальном уровне за истекшие 11 лет.

Данные представленные Минфином России указывают, что объем государственных сберегательных облигаций с постоянной процентной ставкой в 2020 г. составил 215,3 млрд руб. В 2021 г. этот показатель снизился в фактическом выражении на 120,9 млрд руб., что составляло 43,8 % от уровня показателя предыдущего периода. В 2022 г. данный показатель остался на

уровне базисного года. Снижение обусловлено ослаблением рубля и высоким уровнем инфляции (рис. 6).

По данным, представленным на рис. 7, наглядно видно, что, государственные сберегательные облигации с фиксированной процентной ставкой за анализируемые три года демонстрируют отрицательный тренд, так если в 2020 г., 2021 г. они были зафиксированы на отметке составили 132 млрд руб., то в течение 2022 г. значительно снизились, на 52 млрд руб. или 40 % в рублевом эквиваленте.

Причина сильного спада, как и с остальными гособлигациями выступает сохраняющаяся нестабильность рубля, при этом отмечаются положительные тенденции на рынке: всплеск цен на нефть, и другую экспортную продукцию, переориентация финансовых потоков на страны БРИКС. Впервые за 500 лет отмечаются колоссальные изменения на мировой арене, западные державы перестают доминировать. Наблюдаются тенденции, когда на страны с пере-

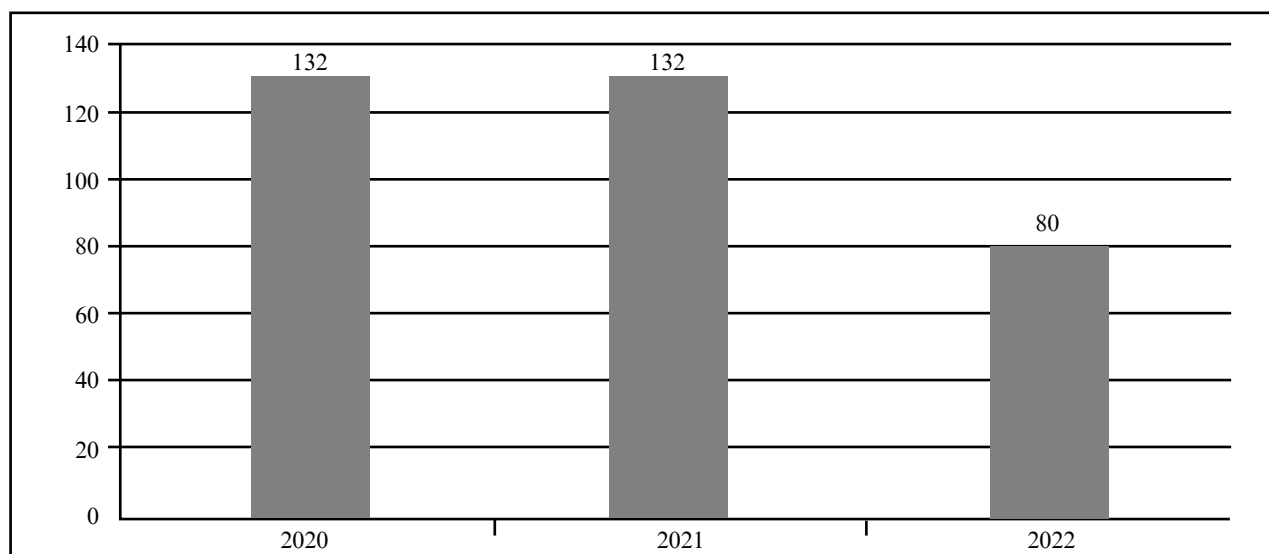

Рис. 7. Динамика ГСО-ФПС с 2020 по 2022 гг., млрд руб.

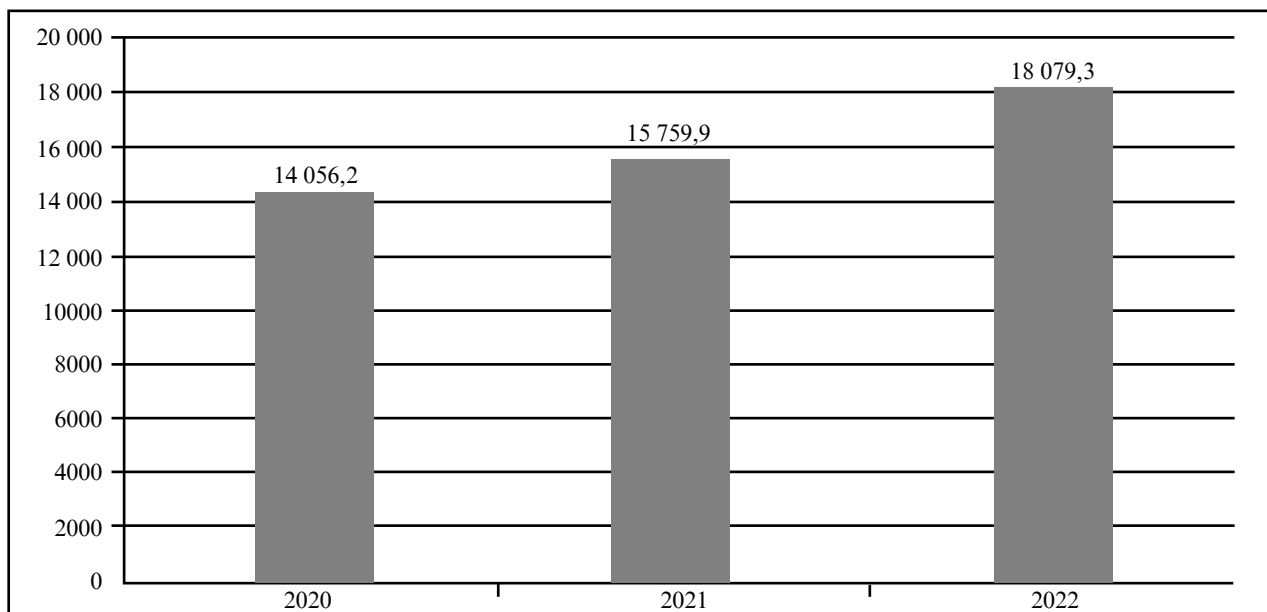

Рис. 8. Динамика государственного внутреннего долга Российской Федерации, выраженная в ценных бумагах с 2020 по 2022 г., млрд руб.

ходной экономикой приходится большая часть глобальных инвестиций.

Согласно данным, представленным на рис. 8 в целом объем государственного внутреннего долга Российской Федерации, выраженный в ценных бумагах в 2020 г. составлял 14 056,2 млрд руб. В 2021 г. этот показатель значительно вырос до 15 759,9 млрд руб., что в процентном соотношении составляет 112,1 % от уровня показателя предыдущего периода. В 2022 г. темп роста усилился и государственный внутренний

долг Российской Федерации, выраженный в ценных бумагах, составил 18 079,3 млрд руб., увеличение в рублевом эквиваленте составило 114,7 п.п.

Данная тенденция обусловлена необходимостью выполнения государством социальных вопросов, во время пандемии значительно выросли объемы средств, направляемые из федерального бюджета в сферу здравоохранения, поддержку бизнеса и населения. Большой объем бюджетных средств был направлен на структурную трансформацию экономики.

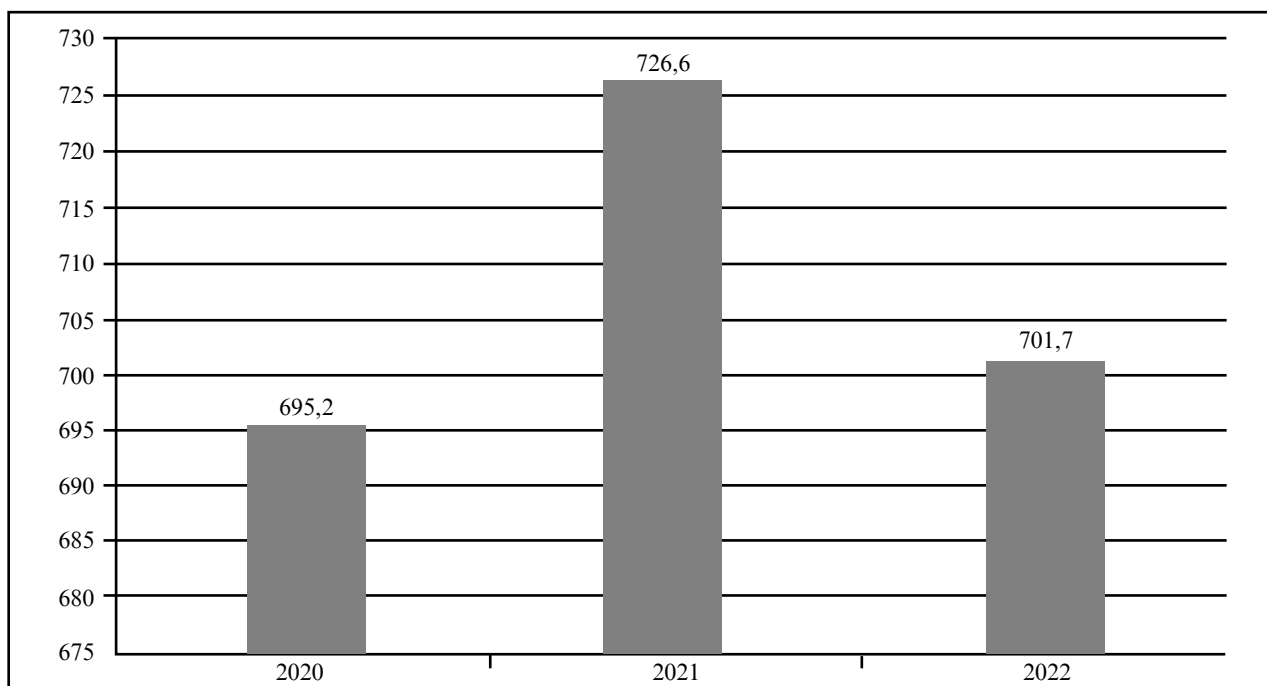

Рис. 9. Динамика государственных гарантий Российской Федерации в валюте Российской Федерации с 2020 по 2022 гг., млрд руб.

По данным, представленным на рис. 9, можно сделать вывод, что государственные гарантии Российской Федерации в валюте Российской Федерации за анализируемые три года демонстрируют неоднозначную динамику, так в 2020 г. они были представлены в объеме 695,2 млрд руб. В 2021 г. данный показатель вырос в абсолютном значении на 31,4 млрд руб. или 104,5 % в рублевом эквиваленте. В 2022 г. изучаемый показатель демонстрирует незначительное снижение, в фактическом выражении на 24,9 млрд. руб., 3,5 % от уровня показателя базисного года.

Согласно проведенному анализу структуры внутреннего долга можно сделать однозначный **вывод**, что проводимая Минфином России долговая политика должна быть взвешенной и направленной на рост инвестиционного рынка, выступающего основным инструментом покрытия дефицита бюджета. Пока госзаимствования на внутреннем рынке продолжают оставаться главным источником покрытия дефицита бюджета, к концу 2023 г. их объем достигнет уровня 23,4 млрд руб. Для минимизации рисков необходимо сохранять госзаимствования на безопасном для экономики уровне. При разработке долговой политики необходимо учитывать комфортную дюрацию долговых обязательств, приоритетом должна выступать минимизация стоимости госзаимов, с учетом рыночной стоимости.

Библиографический список

1. Банк России: Центральный банк Российской Федерации // <https://www.cbr.ru>.

2. Министерство финансов Российской Федерации // <http://minfin.gov.ru/>

3. Лазарова Л. Б., Уртаев К. О. Финансовый кризис и тенденции в политике управления государственным внутренним долгом в России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 305–307.

4. Лазарова Л. Б., Дзуцев И. Т., Дзагахова М. Ю. Проблемы управления внешним долгом // Аудиторские ведомости. 2022. № 4. С. 88–92.

5. Каирова Ф. А., Кучиева Р. Э. Проблемы сбалансированности бюджетной системы РФ на современном этапе // Экономика и предпринимательство. 2018. № 8 (97). С. 121.

Bibliographic list

1. Bank of Russia: Central Bank of the Russian Federation // URL://<https://www.cbr.ru>

2. Ministry of Finance of the Russian Federation // URL:// <http://minfin.gov.ru/>

3. Lazarova L. B., Urtaev K. O. Financial crisis and trends in the policy of state domestic debt management in Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1. P. 305–307.

4. Lazarova L. B., Dzutsev I. T., Dzagakhova M. Yu. Problems of external debt management // Audit Vedomosti. 2022. № 4. P. 88–92.

5. Kairova F. A., Kuchieva R. E. Problems of balancing the budget system of the RF at the present stage // Economics and Entrepreneurship. 2018. № 8 (97). P. 121.

Информация об авторах

Л. Б. Лазарова — профессор кафедры экономики и финансов Владикавказского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук;

Э. Р. Кокоев — аспирант Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова.

Information about the authors

L. B. Lazarova — Professor of the Department of Economics and Finance of the Vladikavkaz Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences;

E. R. Kokoev — Postgraduate student of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 332.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-256-266>

EDN: <https://elibrary.ru/wejyho>

ИПОН: 2003-0059-7/23-930

MOSURED: 77/27-003-2023-07-129

Проблемы обеспечения региональной экономики квалифицированными кадрами

Андрей Владимирович Минаков¹, Нодари Дарчоевич Эриашвили²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ minakov-info@yandex.ru

² professor60@mail.ru

Аннотация. Решение проблем обеспечения региональной экономики квалифицированными кадрами играет определяющую роль в противодействии внешним вызовам, возвращении субъектов федерации на траекторию устойчивого роста, несмотря на санкционное давление. Исследованы теоретико-методологические аспекты обеспечения региональной экономики кадрами на основе процессного подхода; выделены составляющие процесса обеспечения квалифицированными кадрами. Анализ, проведенный на материалах Новосибирской области, показал, что в регионе имеет место медленное сокращение численности рабочей силы при значительном снижении уровня безработицы, при этом количество вакансий, заявленных работодателями, многократно превышает количество зарегистрированных безработных. Коэффициент напряженности на региональном рынке труда составляет 0,4, более 70 % обратившихся в органы занятости успешно трудоустраиваются. Имеет место рост востребованности среднего профессионального образования: количество обучающихся выросло с 41,8 тыс. человек в 2018 г. до 51,6 тыс. человек в 2022 г. Однако наблюдается несоответствие структуры выпуска специалистов с высшим образованием в разрезе направлений и профилей потребностям предприятий и организаций региона: имеет место дефицит специалистов в области информационных технологий, точных наук, промышленного производства. Сокращается и количество исследователей, имеющих ученые степени кандидата и доктора наук. Для улучшения обеспечения экономики Новосибирской области квалифицированными кадрами предложено создать центры компетенций в крупных городах, более активно использовать цифровые технологии для прогнозирования потребностей в кадрах, расширить применение ученических договоров, а также создавать совместные образовательные программы с привлечением крупных предприятий региона, остро нуждающихся в кадрах.

Ключевые слова: региональная экономика, кадровое обеспечение, среднее профессиональное образование, высшее образование, рабочая сила, трудовые ресурсы

Для цитирования: Минаков А. В., Эриашвили Н. Д. Проблемы обеспечения региональной экономики квалифицированными кадрами // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 256–266. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-256-266>. EDN: WEJYHO.

Original article

Problems of providing the regional economy with qualified personnel

Andrey V. Minakov¹, Nodari D. Eriashvili²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ minakov-info@yandex.ru

² professor60@mail.ru

Abstract. Solving the problems of providing the regional economy with qualified personnel plays a decisive role in countering external challenges, returning the subjects of the federation to the trajectory of sustainable growth, despite the sanctions pressure. The theoretical and methodological aspects of providing the regional economy with personnel on the basis of the process approach are investigated; the components of the process of providing qualified personnel are highlighted. The analysis carried out on the materials of the Novosibirsk region showed that there is a slow reduction in the number of the labor force in the region with a significant decrease in the unemployment rate, while the number of vacancies declared by employers is many times higher than the number of registered unemployed. The coefficient of tension in the regional labor market is 0,4, more than 70 % of those who applied to the employment authorities are successfully employed. There is an increase in the demand for secondary vocational education: the number of students increased from 41,8 thousand people in 2018 to 51,6 thousand. In 2022, however, there is a discrepancy in the structure of the graduation of specialists with higher education in the context of areas and profiles to the needs of enterprises and organizations in the region: there is a shortage of specialists in the field of information technology, exact sciences, industrial production. The number of researchers with PhD and doctorate degrees is also decreasing. To improve the provision of the economy of the Novosibirsk region with qualified personnel, it is proposed to create competence centers in large cities, more actively use digital technologies to predict personnel needs, expand the use of student contracts, as well as create joint educational programs with the involvement of large enterprises in the region that are in dire need of personnel.

© Минаков А. В., Эриашвили Н. Д., 2023

Keywords: regional economy, staffing, secondary vocational education, higher education, labor force, labor resources

For citation: Minakov A. V., Eriashvili N. D. Problems of providing the regional economy with qualified personnel. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):256–266. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-256-266>. EDN: WEJYHO.

Социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации в условиях внешних вызовов требует максимально полного вовлечения человеческого потенциала, удовлетворения потребностей предприятий, организаций и учреждений в кадрах с тем, чтобы сделать возможным достижение стратегических целей государства. Обеспечение квалифицированными кадрами позволяет регионам:

а) успешно внедрять цифровые технологии в различные отрасли и сферы деятельности, трансформировать бизнес-модели крупнейших компаний, а также малого и среднего бизнеса;

б) наращивать выпуск инновационной продукции и услуг с высокой долей добавленной стоимости, востребованных на российском рынке и за рубежом;

в) активно участвовать в проектах импортозамещения, налаживая производство аналогов зарубежных товаров, недоступных на российском рынке ввиду санкционного давления, однако необходимых экономике страны;

г) ускорять технологическое развитие региональной экономики, создавая высокопроизводительные рабочие места;

д) поддерживать и укреплять конкурентоспособность региона, его инвестиционную привлекательность.

Под обеспечением региональной экономики квалифицированными кадрами предлагается понимать процесс удовлетворения оптимальной потребности регионального рынка труда в человеческих ресурсах с учетом количественных, качественных и структурных параметров, отвечающий стратегическим целям соци-

ально-экономического развития региона и позволяющий преодолевать актуальные вызовы. Обеспечение региональной экономики квалифицированными кадрами может быть реализовано на основе различных подходов (табл. 1).

Обеспечение региональной экономики квалифицированными кадрами становится особенно актуальным при «новом разделении труда, которое легло в основу иного проектирования профессиональной деятельности, сократив жизненный цикл профессий» [1, с. 142]. Именно процессный подход, с нашей точки зрения, позволяет наилучшим образом решать проблемы, связанные с обеспечением квалифицированными кадрами, выстраиванием необходимой инфраструктуры регионального уровня, а также ускорением социально-экономического развития региона.

Основой для построения модели обеспечения региональной экономики квалифицированными кадрами может служить «Региональный стандарт кадрового обеспечения промышленного (экономического) роста», разработанный Агентством стратегических инициатив (АСИ). Предлагаемая модель обеспечения региональной экономики квалифицированными кадрами представлена на рис. 1.

На первом этапе выстраивается система целей обеспечения региональной экономики квалифицированными кадрами, которая увязывается со стратегическими целями социально-экономического развития региона, стратегическими интересами России, программными документами, направленными на улучшение демографической ситуации и конъюнк-

Таблица 1
Возможные подходы к реализации обеспечения региональной экономики квалифицированными кадрами

Подход	Описание
Ресурсный	Деятельность региональных органов власти направлена на привлечение, распределение и контроль над человеческими ресурсами региона
Программно-целевой	В соответствии с целями кадрового обеспечения, установленными в соответствии с приоритетами социально-экономического развития региона, разрабатываются среднесрочные либо долгосрочные программы кадрового обеспечения
Системный	Выстраивается устойчивая система элементов, в которой объектом управления становятся человеческие ресурсы региона
Процессный	Наиболее гибкий и адаптивный подход, позволяющий превратить трудовые ресурсы региона в человеческие ресурсы и оперативно реагировать на возникающие шоки и вызовы

Источник: собственная разработка на основе [9, с. 30].

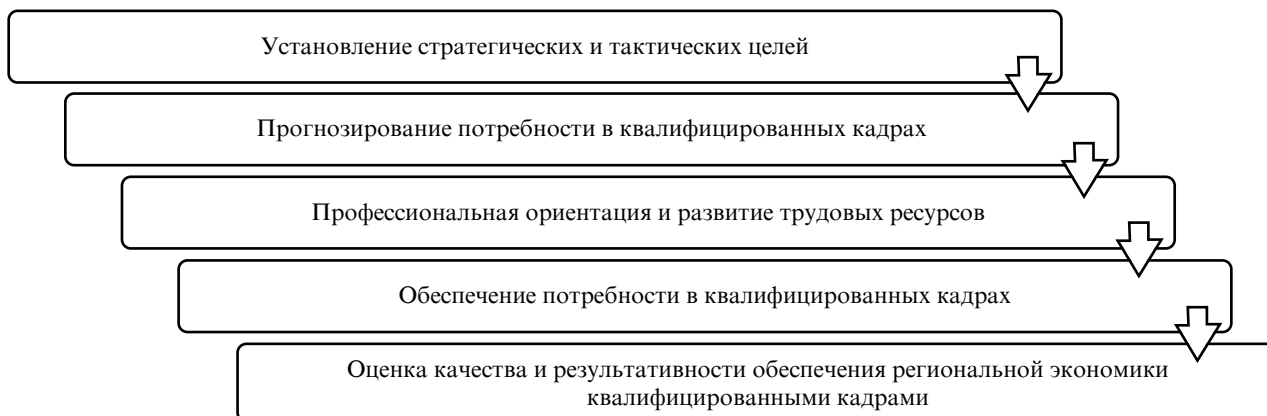

Рис. 1. Предлагаемый подход к построению модели обеспечения региональной экономики квалифицированными кадрами

Источник: собственная разработка на основе [13].

туры рынка труда, развитие социальной сферы. Устанавливаются также четкие критерии достижения поставленных целей, что позволяет впоследствии судить о качестве и результативности обеспечения потребностей региональной экономики в квалифицированных кадрах. Далее осуществляется прогнозирование потребности региональной экономики в квалифицированных кадрах в разрезе масштабов бизнеса (для крупных предприятий, малого и среднего бизнеса), видов экономической деятельности, имеющих определяющее значение для развития региона, перспективных направлений инновационного развития региона. Успех в обеспечении потребности региональной экономики в квалифицированных кадрах в значительной степени определяется результатами работы в области профессиональной ориентации, развития имеющихся трудовых ресурсов, что требует задействования инфраструктуры поддержки. К элементам региональной инфраструктуры, необходимым для достижения целей обеспечения потребности в квалифицированных кадрах, предлагается относить:

а) инвестиционные ресурсы (в том числе привлеченные на федеральном уровне), частное финансирование, что позволяет обеспечить практическую реализацию мероприятий по профессиональной ориентации и развитию трудовых ресурсов региона;

б) законодательная база субъекта федерации, позволяющая использовать современные инструменты профессиональной ориентации и развития трудовых ресурсов для достижения поставленных стратегических целей;

в) центры занятости, которые осуществляют «комплексное и адресное оказание услуг», учитываю-

щее жизненную ситуацию гражданина и бизнес-ситуацию работодателя» [7, с. 151];

г) центры компетенций, которые «позволяют обучающимся в них специалистам осваивать профессиональные компетенции, согласованные с их работодателями и необходимые для инновационной деятельности организации заказчика» [2, с. 220]. Однако успешное построение и применение центров компетенций для обеспечения потребности региональной экономики в квалифицированных кадрах требует распространения компетентностного подхода к развитию персонала, который доказал свою эффективность за рубежом и позволяет управлять развитием человеческих ресурсов во взаимосвязи с инновационным развитием отдельных компаний и региона в целом. Компетентностный подход имеет следующие важнейшие преимущества: улучшение взаимосвязи системы образования, науки и бизнеса, возможность учета и отслеживания личной эффективности работника, стимулирование саморазвития персонала, возрастание вклада человеческих ресурсов в стратегическое развитие, поддержание мобильности персонала, повышение гибкости и адаптивности управления [17, с. 670];

д) иная материально-техническая база (в том числе компьютерная техника, цифровые технологии и продукты российской разработки), необходимые для обеспечения успеха в профессиональной ориентации и развитии трудовых ресурсов региона.

Обеспечение потребности региональной экономики квалифицированными кадрами проявляется в сбалансированности регионального рынка труда, закрытии возникающих вакансий и успешной реализации субъектами хозяйствования инвестиционных

и инновационных проектов, предусматривающих создание высокоэффективных рабочих мест и рост отдачи от человеческих ресурсов. В завершение процесса оценивается фактическое достижение поставленных целей, оценивается качество проведенной в регионе работы (в том числе в сравнении с другими регионами России), разрабатываются при необходимости корректирующие мероприятия, направленные на повышение привлекательности региональных работодателей, замедление оттока трудовых ресурсов за пределы региона.

Однако особенный интерес представляет практический опыт обеспечения региональной экономики квалифицированными кадрами на примере конкретного субъекта федерации, в качестве которого выбрана Новосибирская область. Действующая стратегия социально-экономического развития региона на период до 2030 г. предусматривает, что «основным источником обеспечения благосостояния населения ... является развитый рынок труда, предлагающий населению возможность реализации своих профессиональных знаний и навыков и получение материального вознаграждения, соответствующего качеству и количеству затраченного труда» [10]. Однако уровень занятости населения региона остается недостаточно высоким, Ново-

сибирская область столкнулась также с сокращением численности рабочей силы, что ухудшает возможности для поддержания устойчивого социально-экономического развития. Министерство труда и социального развития Новосибирской области, в свою очередь, ведет активную работу по профессиональной ориентации и развитию трудовых ресурсов, стремясь внести вклад в сбалансированность регионального рынка труда, обеспечивать повышение эффективного задействования трудовых ресурсов в экономике области.

В соответствии с Государственной программой «Содействие занятости населения» основными приоритетами региональной политики занятости в Новосибирской области являются:

- а) создание условий для эффективной занятости населения, а также стабилизация ситуации на региональном рынке труда;
- б) сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности;
- в) расширение возможностей для трудоустройства инвалидов и других уязвимых групп населения региона [4].

Динамика численности рабочей силы, занятых и безработных в Новосибирской области за 2018–2022 гг. приведена в табл. 2.

Таблица 2

Динамика численности рабочей силы, занятых и безработных в Новосибирской области за 2018–2022 гг.

Год	Численность рабочей силы, тыс. чел.	В том числе		Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %
		Занятые, тыс. чел.	Безработные, тыс. чел.		
2018	1433,0	1336,7	96,2	58,2	6,7
2019	1430,2	1343,3	86,9	58,5	6,1
2020	1394,2	1301,3	92,8	56,8	6,7
2021	1436,4	1349,0	87,4	58,8	6,1
2022	1395,8	1330,5	65,4	58,4	4,7

Источник: [15].

При сокращении численности рабочей силы в регионе более чем на 35 тыс. человек (до 1395,8 тыс. человек по итогам 2022 г.) численность занятых уменьшилась только на 6,2 тыс. человек, что сопровождалось значительным сокращением количества зарегистрированных безработных (с 92,8 тыс. человек в 2020 г. до 65,4 тыс. человек в 2022 г.). Однако статистика уровня занятости в Новосибирской области свидетельствует, что значительное количество трудоспособных граждан до настоящего времени не во-

влечено в официальную трудовую деятельность, в то время как потребность региональных работодателей в работниках, заявленная в органы службы занятости населения, остается стабильно высокой, о чем свидетельствуют данные табл. 3.

Из данных, приведенных в табл. 3, видно, что только в 2020 г. под влиянием карантинных ограничений количество безработных, зарегистрированных в органах службы занятости Новосибирской области, превысило количество доступных вакансий (нагрузка

Таблица 3

Динамика потребности работодателей Новосибирской области в работниках, заявленная в органы службы занятости населения, на конец года

Год	Потребность работодателей в работниках, тыс. чел	Нагрузка незанятого населения, человек на 100 заявленных вакансий
2018	28,4	49
2019	27,9	51
2020	36,5	201
2021	50,2	54
2022	35,0	41

Источник: [15].

незанятого населения составила 201 человек на 100 вакансий, предложенных региональными работодателями), уже в 2021 г. нагрузка сократилась до 54 человек на 100 вакансий, по итогам 2022 г. — до 41 человека на 100 вакансий, что свидетельствует о недостатке предложения на рынке труда Новосибирской области при стабильном спросе. Аналогичная ситуация сохраняется и в 2023 г.: по данным на 3 ноября 2023 г. в Новосибирской области численность зарегистрированных безработных составляет только 9,2 тыс. человек или 0,7 % численности рабочей силы, в то время как количество вакансий, заявленных работодателями области, растет и составляет 38,6 тыс. [6], что демонстрирует усиление потребности в работниках.

В контексте выбранной темы исследования наибольший интерес представляет реализация подпрограммы 1 «Активная политика занятости населения и социальная поддержка безработных граждан» Государственной программы «Содействие занятости

населения» Министерством труда и социального развития области, а также органами службы занятости. Подпрограмма нацелена как на повышение конкурентоспособности граждан на рынке труда, так и обеспечение сбалансированности спроса и предложения рабочей силы, удовлетворение потребностей работодателей в квалифицированных специалистах, обладающих необходимыми навыками и компетенциями. Динамика показателей, характеризующих эффективность деятельности Министерства труда и социального развития, а также органов занятости Новосибирской области, приведена в табл. 4.

Как видно из табл. 4, в целом за рассматриваемый период обеспечено снижение коэффициента напряженности на региональном рынке труда до 0,4, что, однако, в значительной степени вызвано опережающим ростом спроса на квалифицированных работников со стороны организаций и предприятий Новосибирской области по сравнению с изменениями

Таблица 4

Динамика показателей, характеризующих эффективность деятельности Министерства труда и социального развития, а также органов занятости Новосибирской области за 2018–2022 гг.

Показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Коэффициент напряженности на региональном рынке труда	0,5	0,5	2,0	0,5	0,4
Отношение численности граждан, снятых с регионального учета в связи с трудоустройством, к общей численности граждан, обратившихся в органы службы занятости, %	74,4	73,7	46,1	72,0	73,5
Удельный вес безработных граждан в возрасте до 29 лет, ищущих работу более 12 месяцев, в общей численности зарегистрированных молодых безработных, %	Н.д.	Н.д.	Н.д.	0,4	2,3
Уровень занятости женщин, имеющих детей дошкольного возраста, %	Н.д.	65,2	63,4	Н.д.	Н.д.
Уровень удовлетворенности граждан государственными услугами в области содействия занятости населения, %	98,5	98,5	98,5	98,5	98,5

Источник: [12].

ми предложения труда. Ежегодно трудоустраивается свыше 70 % граждан, обратившиеся в региональные органы службы занятости, стабильно высоким остается удовлетворенность граждан услугами службы занятости.

В Новосибирской области в рамках национального проекта «Демография» гражданам, относящимся к уязвимым группам на рынке труда (женщины с детьми дошкольного возраста, люди старше 50 лет, безработные, работники под риском увольнения, граждане Украины) имеют возможность пройти профессиональное обучение и получить профессию, востребованную на региональном рынке труда, что реализовано через Единую цифровую платформу «Работа в России». Острую потребность в высококвалифицированных кадрах испытывают также предприятия оборонно-промышленного комплекса, в связи с чем с 2022 г. граждане имеют возможность заключить ученический договор с такими предприятиями, расположенными на территории Новосибирской области, а предприятие-работодатель получает субсидию в размере 59 тыс. руб. на оплату стоимости обучения [14]. Однако возможности Министерства труда и социальной защиты, а также служб занятости населения в удовлетворении потребностей предприятий и организаций в кадрах ограничены. Важнейшую роль играет система образования Новосибирской области, выпускающая специалистов, необходимых региональной экономике.

Подсистема среднего профессионального образования в Новосибирской области представлена 65 профессиональными образовательными организациями (ПОО), а также восемью филиалами ПОО, зарегистрированных в других регионах России.

Также образовательные программы среднего профессионального образования доступны в организациях высшего образования (девять организаций высшего образования и два филиала государственных организаций высшего образования). Динамика численности обучающихся в подсистеме среднего профессионального образования Новосибирской области приведена в табл. 5.

Как видно из табл. 5, среднее профессиональное образование становится все более востребованным среди молодых жителей Новосибирской области ввиду наличия обширных возможностей для трудоустройства, достойной оплаты труда, перспектив карьерного роста и саморазвития. Если в 2018 г. по программам среднего профессионального образования в Новосибирской области обучалось 41,8 тыс. человек, то в 2022 г. — уже 51,6 тыс. человек соответственно, при этом по программам подготовки квалифицированных рабочих — 9,3 тыс. человек. Образовательные учреждения Новосибирской области, реализующие программы среднего профессионального образования, вложили значительные средства в обновление материально-технической базы, разработку новых учебных планов, расширение применения цифровых технологий, что позволяет повысить качество обучения и формировать у обучающихся компетенции, необходимые для последующей успешной работы. Также следует отметить постепенное увеличение количества обучающихся на программах профессионального обучения, рассчитанных на взрослых граждан: с 3,7 тыс. человек в 2018 г. до 4,3 тыс. человек в 2022 г. В то же время востребованность дополнительных профессиональных программ, доступных в Новосибирской области, в течение рассматриваемого периода значи-

Таблица 5

**Динамика численности обучающихся в подсистеме среднего профессионального образования
Новосибирской области за 2018–2022 гг., человек**

Показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Программы среднего профессионального образования, всего	41 828	45 074	45 886	49 921	51 635
Программы подготовки квалифицированных рабочих, служащих	7912	8340	8604	8936	9307
Программы подготовки специалистов среднего звена	33 916	36 735	37 282	40 985	42 328
Программы профессионального обучения	3744	5331	3777	3761	4330
Дополнительные профессиональные программы	5472	4165	3901	3716	4521

Источник: [16].

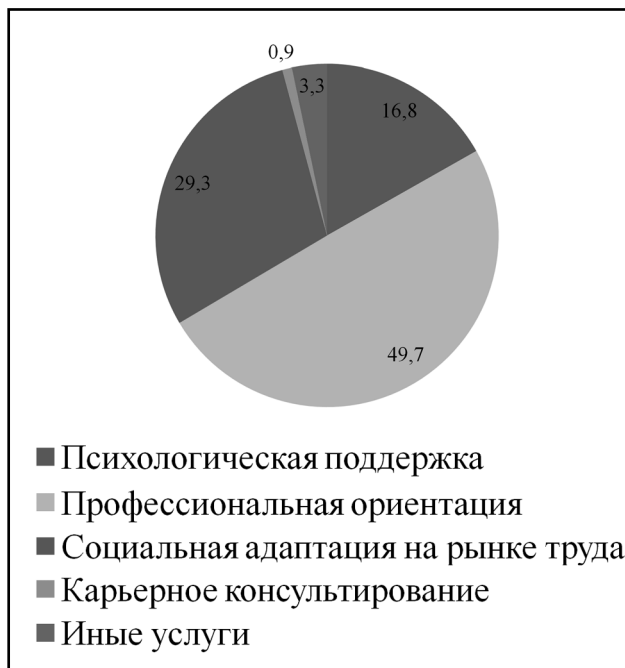

Рис. 2. Структура услуг, оказанных Центром развития профессиональной карьеры Новосибирской области за 2022 г., %

Источник: собственная разработка на основании [11].

мо сократилась: если в 2018 г. на дополнительных профессиональных программах обучалось 5,5 тыс. человек, то в 2022 г. — уже 4,5 тыс. человек.

Большую роль в увеличении численности обучающихся в подсистеме среднего профессионального образования играет деятельность Центра развития профессиональной карьеры, созданного в 2008 г. В центре, помимо различных консультационных услуг, доступно дополнительное профессиональное образование, организуются различные мероприятия и проекты, посвященные занятости населения в регионе. Для лиц в возрасте от 14 до 29 лет профориентационные услуги Центра бесплатны. Только в 2022 г. услугами Центра воспользовалось более 10,5 тыс. потребителей [11]. Структура услуг, оказанных Центром развития профессиональной карьеры Новосибирской области в 2022 г., приведена на рис. 2.

Как видно из рис. 2, наиболее востребованы услуги Центра развития профессиональной карьеры, связанные с профессиональной ориентацией (49,7 %), доля потребителей, воспользовавшихся услугами социальной адаптации на рынке труда, составляет 29,3 %, услугами психологической поддержки — 16,8 %. Однако Центр развития профессиональной карьеры не осуществляет деятельность, основанную на компетентностном подходе, услуги в области карьерного консультирования востребованы

недостаточно (ими воспользовались только 0,9 % потребителей в 2022 г.). В результате не в полной мере удовлетворяются потребности предприятий и организаций Новосибирской области в квалифицированных работниках со средним профессиональным образованием.

Высока потребность экономики Новосибирской области и в специалистах с высшим образованием. Так, по программам бакалавриата в 2022 г. на очное обучение в государственных образовательных учреждениях было принято 12,3 тыс. человек при общем количестве поданных заявлений свыше 150 тыс., что свидетельствует о востребованности образовательных программ, предлагаемых государственными учреждениями высшего образования Новосибирской области, среди абитуриентов. На заочное обучение в государственных учреждениях высшего образования Новосибирской области было принято 3,1 тыс. человек, абитуриенты подали более 15 тыс. заявлений. Образовательные программы, предлагаемые абитуриентам Новосибирской области частными учреждениями образования, востребованы значительно слабее: так, на очное обучение в частные образовательные учреждения высшего образования в 2022 г. было подано около 600 заявлений, принят 281 человек. Преимущественно абитуриенты, выбирающие частные образовательные учреждения высшего образования, предпочитают заочную или очно-заочную форму обучения по программе бакалавриата, которые легко совместить с работой (так, на заочную форму обучения в частные образовательные учреждения высшего образования в 2022 г. принято 1130 человек) [3; 5].

Наибольшее количество абитуриентов в 2022 г. принято по следующим направлениям подготовки: информационные системы и технологии, информационная безопасность, экономика, менеджмент, юриспруденция, педагогическое образование. Структура ожидаемого выпуска государственными учреждениями высшего образования по различным программам дневного обучения приведена в табл. 6.

Из данных, представленных в табл. 6, видно, что в структуре выпуска по программам бакалавриата сохраняется дефицит выпускников технических специальностей, остро необходимых предприятиям и организациям Новосибирской области для технологического перевооружения, успешной реализации инновационных проектов и восстановления устойчивого роста региональной экономики. Доля выпуск-

Таблица 6

Структура ожидаемого выпуска квалифицированных кадров государственными учреждениями высшего образования по наиболее востребованным программам дневного обучения в Новосибирской области

Направления и профили	Программы бакалавриата		Направления и профили	Программы специалитета	
	Человек	Удельный вес, %		Человек	Удельный вес, %
Прикладная математика и информатика	174	2,0	Эксплуатация железных дорог	111	5,0
Физика	116	1,4	Строительство железных дорог, мостов и транспортных тоннелей	140	6,3
Архитектура	142	1,7	Лечебное дело	375	16,7
Строительство	355	4,1	Педиатрия	181	8,1
Информатика и вычислительная техника	294	3,4	Стоматология	187	8,4
Информационные системы и технологии	274	3,2	Ветеринария	123	5,5
Электроэнергетика и теплотехника	236	2,8	Экономическая безопасность	151	6,7
Агроинженерия	151	1,8	Правовое обеспечение национальной безопасности	171	7,6
Психология	102	1,2	Фундаментальная и прикладная химия	39	1,7
Экономика	691	8,1	Информационная безопасность автоматизированных систем	41	1,8
Менеджмент	519	6,1	Судовождение	65	2,9
Государственное и муниципальное управление	196	2,3	Клиническая психология	40	1,8
Юриспруденция	612	7,1	Таможенное дело	41	1,8
Педагогическое образование	215	2,5	Правоохранительная деятельность	20	0,9
Лингвистика	258	3,0	Актерское искусство	41	1,8
Итого	8565	100,0	Итого	2239	100,0

Источник: [5].

ников бакалавриата по направлению «Юриспруденция» превышает 7 %, по профилю «Менеджмент» составляет 6,1 %, по профилю «Экономика» — соответственно 8,1 %, в то время, как только 2 % выпускников бакалавриата выпускаются по профилю «Прикладная математика и информатика», 3,4 % — по профилю «Информатика и вычислительная техника». Недостаточная согласованность выпуска бакалавров и специалистов образовательными учреж-

дениями высшего образования и прогнозируемых потребностей региональной экономики Новосибирской области в квалифицированных кадрах является одной из причин замедления развития региона, ухудшения его социально-экономического положения. Неблагоприятная динамика наблюдается и при изучении численности исследователей, имеющих ученые степени кандидата и доктора наук, в Новосибирской области (рис. 3).

Рис. 3. Динамика численности исследователей, имеющих ученую степень в Новосибирской области, человек
Источник: [8].

Численность исследователей, имеющих ученую степень доктора наук, в Новосибирской области сократилась с 1525 до 1404 человек, исследователей с ученой степенью кандидата наук — с 3479 до 3257 человек, при этом многие исследователи находятся в преклонном возрасте. Улучшение обеспечения региональной экономики Новосибирской области квалифицированными кадрами необходимо и для увеличения притока высококвалифицированных специалистов в аспирантуру и докторантуру, что в свою очередь позволит активизировать проведение научных исследований, создавать интеллектуальные разработки, обеспечивающие укрепление конкурентоспособности субъектов хозяйствования и региона в целом.

Для решения проблем обеспечения экономики Новосибирской области квалифицированными кадрами, с нашей точки зрения, необходимы следующие меры:

а) создание центров компетенций во всех крупных городах Новосибирской области. Центры компетенций активно включатся в подготовку специалистов со средним профессиональным и высшим образованием с тем, чтобы обеспечить получение обучающимися компетенций, востребованных работодателями и необходимых для успешного карьерного роста. В результате разработки профилей компетенций, необходимых для наиболее востребованных на региональном рынке труда профессий, появится воз-

можность более точно осуществлять профориентационную деятельность, улучшить качество обучения, а также сократить уровень молодежной безработицы и отток из региона молодых работников. Финансирование деятельности центров компетенций будет осуществляться как за счет регионального бюджета, так и за счет частных инвестиций;

б) расширение применения цифровых технологий для прогнозирования потребности региональной экономики в квалифицированных кадрах. Подходы к прогнозированию потребности в кадрах, используемые в Новосибирской области в настоящее время, ориентированы на условия стабильного социально-экономического развития, в то время как внешние вызовы, с которыми столкнулась Российская Федерация, требует использования гибких и адаптивных подходов. Предлагается использовать технологии «больших данных» и искусственного интеллекта для построения многовариантных прогнозов потребности крупных предприятий, малого и среднего бизнеса, а также микробизнеса в квалифицированных кадрах;

в) пересмотр структуры приема в образовательных учреждениях высшего образования в направлении специальностей, остро востребованных предприятиями и учреждениями Новосибирской области, что повлечет за собой снижение приема по направлениям «Юриспруденция», «Менеджмент» и «Экономика»;

г) разработка совместных образовательных программ с участием крупных предприятий, заинтересованных в кадрах. При этом обучающиеся будут проходить практику на базовом предприятии, а к преподаванию будут привлекаться высококвалифицированные специалисты, обладающие обширным опытом работы. Затраты на обучение будут частично компенсироваться предприятием-заказчиком, а выпускники получат возможности гарантированного трудоустройства после окончания учебного заведения;

д) расширение применения механизма ученических договоров, внедренного в 2022 г. на предприятиях военно-промышленного комплекса. Предлагается обеспечить доступ к субсидиям на покрытие затрат на обучение по остродефицитным специальностям для всех предприятий и организаций Новосибирской области, испытывающих потребность в кадрах. При этом в соответствии с ученическими договорами будет увеличен срок последующего трудо-

устройства на предприятии, направившем обучающегося (не менее чем до трех–пяти лет), а предприятие возьмет на себя обязательства по выплате стипендии будущему специалисту и обеспечении его при необходимости жильем. Возможность получения востребованной специальности и гарантированного рабочего места в отраслях, нуждающихся в квалифицированных кадрах, привлечет также работников других регионов России, в результате чего Новосибирская область сможет ускорить темпы социально-экономического развития, лучше противостоять внешним вызовам и шокам.

Список источников

1. Будзинская О. В. Система кадрового обеспечения как основа воспроизводства трудовых ресурсов в аспекте индустрии 4.0 // Социально-трудовые исследования. 2021. № 3. С. 140–145.
2. Витер К. А. Роль центров компетенций в структуре университета // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Экономические науки. 2021. № 10. Вып. 74. С. 220–228.
3. Высшее образование // Минобрнауки России. Электронный ресурс // URL://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed.
4. Государственная программа Новосибирской области «Содействие занятости населения» // URL://mtsr.nso.ru/page/7898.
5. Информация о состоянии системы образования в субъектах Российской Федерации // Минпросвещения РФ // URL://docs.edu.gov.ru/document/db1143a205aa0b45bac1b75550fbedae/
6. Информация о текущей ситуации на официальном рынке труда Новосибирской области (по состоянию на 3 ноября 2023 г.) // Министерство труда и социального развития Новосибирской области // URL://mtsr.nso.ru/page/6531.
7. Копалкина Е. Г., Илтакова Н. В. Проблемы реформирования службы занятости в современных условиях // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С. 150–153.
8. Наука, инновации и технологии // Федеральная служба государственной статистики // URL://rosstat.gov.ru/statistics/science.
9. Никулина Ю. Н., Кучина Е. В. Регулирование системы кадрового обеспечения экономики на региональном уровне // Вестник ЮУрГУ. Серия Экономика и менеджмент. 2021. Т. 15. № 4. С. 29–37.

10. Постановление Правительства Новосибирской области от 19 марта 2019 г. № 105-п (в ред. постановления Правительства Новосибирской области от 27 декабря 2022 г. № 625-п) «О Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2030 года» // URL://docs.cntd.ru/document/465728379.

11. Отчет о деятельности государственного автономного учреждения Новосибирской области «Центр развития профессиональной карьеры» за период с 1 января 2022 г. по 31 декабря 2022 г. // URL://prof-ka-ryera.ru/documents_cat/otchet-y-i-plany.

12. Отчеты о реализации // Министерство труда и социального развития Новосибирской области // URL://mtsr.nso.ru/page/7953.

13. Региональный стандарт кадрового обеспечения промышленного (экономического) роста // Агентство стратегических инициатив // URL://https://asi.ru/upload_docs/staffing/Standart_KPR_upd.pdf.

14. Реестр мер государственной поддержки в сфере занятости населения в 2023 г. // Министерство труда и социального развития Новосибирской области // URL://mtsr.nso.ru/page/11837.

15. Рынок труда и занятость населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области // URL://54.rosstat.gov.ru/folder/31734.

16. Среднее профессиональное образование // Минпросвещения России // URL://edu.gov.ru/activity/statistics/secondary_prof_edu.

17. Тепаз В. А. Разработка модели компетенций персонала университета: теория и практика // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 32. С. 669–675.

References

1. Budzinskaya O. V. Personnel support system as a basis for the reproduction of labor resources in the aspect of industry 4.0 // Social and labor research. 2021. No. 3. P. 140–145.
2. Viter K. A. The role of competence centers in the structure of the university // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series of Economic Sciences. 2021. No. 10. Issue 74. P. 220–228.
3. Higher education // Ministry of Education and Science of Russia. Electronic resource // URL://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed.
4. The state program of the Novosibirsk region «Promotion of employment» // URL://mtsr.nso.ru/page/7898.

5. Information about the state of the education system in the subjects of the Russian Federation // Ministry of Education of the Russian Federation // URL://docs.edu.gov.ru/document/db1143a205aa0b45bac1b75550fbedae/

6. Information about the current situation on the official labor market of the Novosibirsk region (as of November 3, 2023) // Ministry of Labor and Social Development of the Novosibirsk region // URL://mtsr.nso.ru/page/6531.

7. Kopalkina E. G., Iltakova N. V. Problems of reforming the employment service in modern conditions // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2022. No. 2. P. 150–153.

8. Science, innovation and technology // Federal State Statistics Service // URL://rosstat.gov.ru/statistics/science.

9. Nikulina Yu. N., Kuchina E. V. Regulation of the system of personnel support of the economy at the regional level // Bulletin of SUSU. Economics and Management series. 2021. Vol. 15. No. 4. P. 29–37.

10. Resolution of the Government of the Novosibirsk Region dated March 19, 2019 No. 105-p (as amended by the Resolution of the Government of the Novosibirsk Region dated December 27, 2022 No. 625-p) «On the Strategy of socio-economic development of the Novosibirsk region for the period up to 2030» // URL://docs.cntd.ru/document/465728379.

11. Report on the activities of the State autonomous institution of the Novosibirsk region «Professional Career Development Center» for the period from January 1, 2022 to December 31, 2022 // URL://prof-karyera.ru/documents_cat/otchety-i-plany.

12. Reports on implementation // Ministry of Labor and Social Development of the Novosibirsk region // URL://mtsr.nso.ru/page/7953.

13. Regional standard for staffing industrial (economic) growth // Agency for Strategic Initiatives // URL://https://asi.ru/upload_docs/staffing/Standart_KPR_upd.pdf.

14. Register of state support measures in the field of employment in 2023 // Ministry of Labor and Social Development of the Novosibirsk region // URL://mtsr.nso.ru/page/11837.

15. Labor market and employment of the population // Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Novosibirsk region // URL://54.rosstat.gov.ru/folder/31734.

16. Secondary vocational education // Ministry of Education of Russia // URL://edu.gov.ru/activity/statistics/secondary_prof_edu.

17. Teraz V. A. Development of the competence model of the university staff: theory and practice // Bulletin of the Udmurt University. 2022. Vol. 32. P. 669–675.

Информация об авторах

А. В. Минаков — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

Н. Д. Эриашвили — профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования.

Information about the authors

A. V. Minakov — Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

N. D. Eriashvili — Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Science and Technology, Winner of an Award of the Government of Russia in the field of Education.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 29.11.2023; принята к публикации 13.12.2023.

The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 29.11.2023; accepted for publication 13.12.2023.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-267-273>

EDN: <https://elibrary.ru/dlkulb>

NION: 2003-0059-7/23-931

MOSURED: 77/27-003-2023-07-130

Новый подход к анализу и прогнозу уровня экономической безопасности страны

Сергей Владимирович Шманев¹, Людмила Валерьевна Шманева²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, shmanev_s_v@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, shmaneva_luda@mail.ru

Аннотация. Процесс оценки уровня экономической безопасности и прогнозирования эффективности принимаемых решений представляет собой анализ возможных рисков, основанный на качестве, своевременности и полноте поступающей информации, а также зависит от глубины понимания тех механизмов социально-экономических процессов, которыми оперирует аналитик. При этом необходимо учитывать скорость принятия и обработки информации и уровень обмена этой информацией с окружающей средой. Качество принимаемых решений во многом зависит как от прямых и обратных информационных потоков в самой системе, так и от степени воздействия на систему внешних факторов. В связи с этим, для анализа сложных, нелинейных причинно-следственных связей и процессов, протекающих как в самой системе, так и при взаимодействии системы с внешней средой, при принятии управленческих решений приходится искать новые подходы и методы анализа. Одним из таких подходов, все чаще применяемым последнее время в условиях нестабильности политической ситуации и социально-экономических процессов под воздействием глобальных изменений привычного для нас ранее существующего миропорядка, является синергетико-институциональный подход с использованием концепции расслоенности социально-экономического пространства, что позволяет расширить возможности и поле исследований, присущие традиционным формам и методам системного анализа [1; 3]. Тем самым решается задача создания моделей, адекватных происходящим изменениям как внутри системы, так и вне ее, а также позволяющих рассматривать социально-экономические процессы с позиций таких их свойств, как случайность, цикличность, неравновесность и нелинейность. Предложен новый подход к разработке моделей управления и оценки эффективности управляющих воздействий при формировании политики, обеспечивающей экономическую безопасность страны в условиях современных вызовов и угроз. При исследовании были использованы методы институционального и синергетического подходов на базе концепции расслоенности экономического пространства, позволяющих своевременно выявить и устранить системную дисфункциональность объекта исследования.

Ключевые слова: национальная безопасность, социально-экономические процессы, синергетико-институциональный подход, управление, риски, неопределенность

Для цитирования: Шманев С. В., Шманева Л. В. Новый подход к анализу и прогнозу уровня экономической безопасности страны // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 267–273. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-267-273>. EDN: DLKULB.

Original article

A new approach to analyzing and forecasting the level of economic security of the country

Sergey V. Shmanev¹, Liudmila V. Shmaneva²

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, shmanev_s_v@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, shmaneva_luda@mail.ru

Abstract. The process of assessing the level of economic security and forecasting the effectiveness of decisions is an analysis of possible risks based on the quality, timeliness and completeness of incoming information, and also depends on the depth of understanding of the mechanisms of socio-economic processes that the analyst operates. At the same time, it is necessary to take into account the speed of information acceptance and processing and the level of exchange of this information with the environment. The quality of decisions made largely depends on both direct and reverse information flows in the system itself, as well as on the degree of influence of external factors on the system. In this regard, for the analysis of complex, nonlinear cause-and-effect relationships and processes occurring both in the system itself and in the interaction of the system with the external environment, when making management decisions, it is necessary to look for new approaches and methods of analysis. One of these approaches, which has been increasingly used recently in conditions of instability of the political situation and socio-economic processes under the influence of global changes in the previously existing world order, is a synergetic-institutional approach using the concept of stratification of socio-economic space,

© Шманев С. В., Шманева Л. В., 2023

which allows expanding the possibilities and field of research inherent in traditional forms and methods of system analysis [1; 3]. This solves the problem of creating models that are adequate to the changes taking place both inside and outside the system, as well as allowing us to consider socio-economic processes from the standpoint of their properties such as randomness, cyclicity, disequilibrium and nonlinearity. A new approach to the development of management models and evaluation of the effectiveness of control actions in the formation of policies that ensure the economic security of the country in the face of modern challenges and threats is proposed. The research used methods of institutional and synergetic approaches based on the concept of stratification of the economic space, allowing timely identification and elimination of systemic dysfunctionality of the object of research.

Keywords: national security, socio-economic processes, synergetic and institutional approach, management, risks, uncertainty

For citation: Shmanev S. V., Shmaneva L. V. A new approach to analyzing and forecasting the level of economic security of the country. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):267–273. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-267-273>. EDN: DLKULB.

Мировое сообщество, после череды системных кризисов, озабочено исследованием новых моделей развития, которые обеспечили бы в мире стабильность и взаимовыгодное стратегическое партнерство. Большинство государств в настоящее время уделяют большое внимание разработке такой политики, которая бы создала, с одной стороны, устойчивое экономическое развитие, а, с другой, способствовало бы укреплению национальной безопасности.

В условиях глобализации и цифровизации межгосударственных отношений прогноз тенденций, обеспечивающих стабильное развитие общества и государства, всецело зависит от качества прогнозных оценок возможных рисков в том числе, связанных с угрозами национальной безопасности.

В настоящее время формируется полицентрическая модель, в которой смещаются привычные нам центры экономического и политического влияния.

При этом западные страны стремительно теряют доминирующую роль в этих глобальных трансформациях, и все большую роль играют страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Несмотря на эти тенденции, фактор силы, который на протяжении многих десятилетий использует в своей политике США, не утратил своего значения. Это и развертывание систем высокоточного неядерного оружия, и размещение оружия в околоземном космическом пространстве, и установка в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Ближнем Востоке компонентов системы стратегической противовоздушной обороны.

Поддержка западных политиков спровоцированного США антиконституционного государственного переворота на Украине вначале усилила угрозу, а затем и возникновение вооруженного конфликта между Россией и Украиной.

Отработанные США и западными государственными деятелями технологии свержения политических законных режимов, разжигание межнациональной вражды, конфликтов, нестабильности вызы-

вают непредсказуемые последствия, что приводит к появлению все новых и новых «горячих точек» по всей планете.

Все эти проявления геополитических процессов, спровоцированные глобализацией, свидетельствуют о том, что мировое сообщество переходит от биполярной картины мира, основанной на балансе сил между ядерными державами, к многополярному миропорядку, тем самым делая попытку нивелировать опасность биполярной системы устройства мира, возглавляемого США и НАТО.

Как считают эксперты, к 2030 г. на динамику социально-экономических и политических процессов в мире будут воздействовать, такие факторы, как растущий дефицит природных ресурсов и квалифицированных кадров, экологические проблемы, отсутствие эффективных систем управления, нестабильность ситуации во многих регионах, действие спецслужб Великобритании и США, инновационные технологии и цифровизация.

Глобализация поставила перед нашей страной задачи, связанные с разработкой мер по борьбе с киберугрозами, мероприятиями по предотвращению экологической опасности, формированию новой структуры экономики, ориентированной, прежде всего, на развитие промышленности на базе высокоточных технологий, усилению роли государства в международных организациях, международной торговле, политике и в деятельности по формированию международного права, основанного на принципе взаимоуважения, который должен определять правила и нормы взаимодействия государств на мировой арене.

Независимая политика России вызывает недовольство и противодействие со стороны США и ее союзников, что серьезно обострило геополитическую обстановку в мире. В связи с наметившимися тенденциями необходимо коренным образом менять требования к целям и задачам государственного

управления, так как проводимая Россией политика должна отвечать на вызовы устойчивому социально-экономическому развитию страны и способствовать укреплению ее национальной безопасности.

Это потребует от нас разработки принципиально нового механизма формирования научного и экспертно-аналитического обеспечения стратегического управления, а также применения новых научных и методологических подходов к сбору, систематизации, обработке информации, совершенствования теории и методологий стратегического прогнозирования и планирования и управления в связи со сложившимися мировыми тенденциями [9].

В настоящее время в теории и практики управления при создании новых концепций и подходов активно используются современные информационные технологии. Однако, при этом разработчики сталкиваются с рядом проблем: обработка большого количества информации предполагает внедрение вычислительных средств и специальных программ, а также применение математических моделей. Кроме этого, к объему, своевременности и качеству информации последние годы значительно повысились требования, так как цена ошибки в условиях быстро меняющихся входных параметров и нестабильности политических и социально-экономических процессов очень велика.

Следует отметить, что формирование управляющего воздействия, направленного на укрепление национальной безопасности, разработка новых систем управления социально-экономическими образованиями является в наше время одной из актуальных проблем в условиях нестабильности и неопределенности окружающей среды.

В качестве новой методологии, способной отражать реально существующие процессы, их динамику и вектор развития, а, следовательно, снимать возможные проблемы при принятии управляющих воздействий, связанных с вопросами укрепления национальной безопасности, мы предлагаем синергетико-институциональный подход [6; 11; 12].

Он лишен недостатков институционального подхода, основанного на интуитивно-логическом построении причинно-следственных связей и во многом отражающего субъективную оценку событий и процессов социально-экономического развития общества. В связи с чем, хотя данное направление в экономике и объясняет зарождение в обществе определен-

ных институтов и правила «игры», тем не менее, оно не позволяет отслеживать динамику изменений и давать количественную оценку происходящим процессам. Он лишен и ограничений синергетического подхода, возникшего как необходимость исследования реально существующих технических систем способных с позиции их нелинейности, неустойчивости, неравновесности к саморазвитию и саморегулированию. Управление в современных условиях должно быть построено на объективных законах развития общества и учитывать многоуровневость и мобильность управляемых систем. Любое государство решает вопрос обеспечения национальной безопасности с учетом особенностей своих культурно-исторических, политических и экономических процессов, которые, тем не менее, часто имеют схожие основы, причины и механизмы реализации. Это позволяет использовать методы управления, разработанные для конкретного случая, тем самым обеспечивая защиту национальных интересов, и, следовательно, условия подъема национальной экономики и рост благосостояния населения страны.

Поэтому синергетико-институциональный подход стал особенно актуальным в современных условиях, так как используемые методы административно-командного управления, которым присущи жесткая иерархия сверху донизу а, значит, и низкие мобильность и гибкость, утратили свою актуальность при переходе к рыночным механизмам управления [4; 13].

Предлагаемая в рамках синергетико-институционального подхода концепция расслоенности экономического пространства позволяет выявить проблемы, систематизировать и создать иерархию вызовов устойчивому социально-экономическому развитию Российской Федерации, установить угрозы, препятствующие укреплению национальной безопасности [2; 5].

Суть данной концепции состоит в следующем:

1. Общее экономическое пространство может быть представлено некоторым множеством Θ , таким что $\Theta = \bigcup_{i,j,i \neq j} [\Theta_i, \Theta_j]$, где Θ_i — наблюдаемые и Θ_j — ненаблюдаемые (условно: мнимые) слои.

2. Пусть множество $\Theta_i = \{\theta_{i,1}, \theta_{i,2}, \dots, \theta_{i,n}\}$ представляет собой набор параметров, характеризующих наблюдаемую социально-экономическую систему, и воспринимается обществом и отдельными его представителями как относительно устойчивая, разви-

вающаяся по определенным законам. Тогда $\theta_{i,k} := (x_{i,k,1}, x_{i,k,2}, \dots, x_{i,k,m})$ — каждый элемент системы, причем $P(x)$ — m -мерная система координат экономического пространства, каждая точка которой определяет ее параметры и свойства. Процессы, протекающие между элементами системы, наблюдаемы и относительно понятны для любого экономического субъекта. Именно на этом уровне осуществляется вся управленческая деятельность, включая сбор и анализ информации о процессах. Это и будет уровнем исследования (подпространством).

3. Уровень исследования экономической системы находится во взаимодействии с ненаблюдаемыми подпространствами $\Theta_j = \{\theta_{j,1}, \theta_{j,2}, \dots, \theta_{j,p}\}$, представляющими собой совокупность точек $\theta_{j,l} := (y_{j,l,1}, y_{j,l,2}, \dots, y_{j,l,m})$, координаты, которых являются отражением параметров, не воспринимаемых (скрытых) большинством исследователей.

4. Следствием такого неоднозначного восприятия различных явлений, процессов и механизмов их протекания, а также числа экономических слоев отдельными субъектами, является наличие множества экономических школ, подходов и течений.

5. Для понимания причин, направлений и механизмов проявления тех или иных процессов в экономике, в частности, связанных с инвестициями в человеческий капитал (в образование и обучение), необходимо воспринимать социально-экономическую систему, состоящую из сопряженных слоев (мнимых, наблюдаемых), в целостности.

6. Все слои единого экономического пространства, несмотря на возможные различия в закономерностях и механизмах протекающих в них процессов, имеют согласованные, хотя и разные, пространственно-временные параметры.

7. По отношению к данному наблюдаемому пространству все остальные подпространства (слои) являются мнимыми. При таком подходе мнимый слой становится реальным отражением открытой системы, способной к саморазвитию и самосовершенствованию.

8. Связь и взаимодействие между подпространствами (слоями) осуществляется по информационным каналам, которые передают прямые и обратные сигналы и обеспечивают социально-экономическую систему сведениями о процессах, протекающих не только на разных ее слоях, но и во внешней по отношению к системе среде. Чтобы обозначить такие сиг-

налы, введем отображение (говоря простым языком, функцию), которая зависит, в том числе, от времени, так как наши показатели/сигналы изменяются во времени:

$$f: \Theta_j \times T \rightarrow \Theta_i; \Theta_{j,l} \mapsto f(\Theta_{j,l}, t).$$

9. Если социально-экономическая система находится в относительно устойчивом состоянии (мы говорим, что система относительно стабильна, когда $\partial \Theta_i \rightarrow 0 \forall i \in I$ (индексное множество)), то по информационным каналам поступают сигналы, несущие бесконечно малую энтропию E :

$$\forall i \in I \mid \Theta_i \text{ устойчиво (стабильно)} \Rightarrow f = f',$$

где $f' : \Theta_j \times T \rightarrow \Theta_i; \Theta_{j,l} \mapsto f(\Theta_{j,l}, t) \propto E$. Причем, $\partial \Theta_i \rightarrow 0 \Leftrightarrow E \rightarrow 0$.

10. Пока информационные каналы передают отрицательную энтропию, система обладает свойством развиваться, а, следовательно, способна к самоорганизации.

11. Со временем в системе накапливается положительная энтропия, которая вызывает в ней все возрастающие флуктуации. $\forall p \in P$ (индексное множество) $\mid t_p < t_{p+1} : \sum_p E_p = \{\text{накопленная в каждом } p\text{-том периоде энтропия}\} \Rightarrow \partial \Theta_i \rightarrow \infty$.

Характеристика расслоенного пространства в положениях (1–8) раскрывает такие свойства системы, которые относят нас к синергетическим проявлениям, и объясняет состояние устойчивости; для описания условий протекания объективного процесса, связанного со способностью системы к самоорганизации, обеспечивающей системе свободу выбора, оформлены соответствующие положения (9–11) [7; 8; 10].

Если в информационных потоках положительная энтропия достигает значительной величины или учащаются случаи разрывов информационных каналов, которые система уже не в состоянии восстановить, в ней начинают накапливаться дисфункциональные изменения. Такие системы экспоненциально теряют жизнеспособность и, в итоге, погибают [1; 3; 5].

Подход, заключенный в названных выше положениях расширенной концепции расслоенности экономического пространства, значительно сокращает число возможных вариантов, которые приходится учитывать при решении тех или иных социально-экономических процессов.

Характер данных утверждений позволяет оставить объективные и субъективные факторы неразделенными, что приводит к их рассмотрению как равнозначных, но находящихся в сложном взаимо-

действию, усиливающим или ослабляющим влияние того или иного из них. Тогда внешнее проявление этого взаимодействия можно охарактеризовать как итог отражения (визуализации) всех процессов мнимых (ненаблюдаемых) слоев (подпространств) социально-экономической системы на внешний наблюдаемый (лабораторный) уровень (слой).

В последнее время теория отражения с применением, например, функций с комплексной переменной эффективно используются не только в естествознании, но и в гуманитарных и общественных науках. Достоинство таких уравнений заключается в том, что через них можно показать цикличность социально-экономических процессов, протекающих в различных слоях экономического пространства. Это связано с самой природой комплексных чисел.

Мнимые слои в такой интерпретации являются субъективным восприятием оператора, осуществляющего действия на наблюдаемом (лабораторном) уровне. В математике существуют методы и приемы, которые позволяют моделировать и изучать такие ситуации. Поэтому совершенно очевидно, что чем глубже уровень восприятия происходящих в экономике процессов, тем понятней изучаемое явление. В связи с этим, предлагаемая концепция может стать плодотворным новым подходом к управлению процессами, протекающими в сложном (многослойном, многоуровневом) социально-экономическом пространстве.

Как было указано выше, в концепции расслоенности экономического пространства, представляющего собой совокупность элементов (точек) некоего множества, все слои системы сопряжены. Это сопряжение проходит через точку, в которую можно свернуть определенную область многослойной социально-экономической системы.

Отражение процессов проникновения информации через слои экономической системы воспринимается отдельными участниками системы управления по-разному в зависимости от их внутренних убеждений и устремлений и проявляется в виде совокупности социальных намерений. Эту совокупность формируют психологические и поведенческие особенности личности, характер взаимодействия личностей, образованный общим социальным и экономическим настроением, политическими факторами и т. д. Этим можно объяснить, почему общие представления и понятия со временем претерпевают изменения, по-

являются различные уровни их понимания и восприятия, происходит разночтение. Это же приводит к объединению людей по интересам (неформальные институциональные образования), проявлению антисоциальных проявлений в виде коррупции, злоупотреблении служебным положением, повышению уровня преступности, дифференциации общества.

Соглашаясь с расслоением реального пространства и учитывая психологичность протекающих процессов, полагаем, что каждый слой имеет различную эффективность своего влияния на наблюдаемый уровень.

Процессы каждого слоя, подчиненные общим «естественным» социально-экономическим законам, просачиваясь через остальные слои, проявляются на лабораторном уровне и, соединяясь с процессами остальных слоев, развиваются как единая система с определенными количественными и качественными параметрами. Этот механизм имеет принципиальное значение, так как он дает объяснение эффективности функционирования тех или иных институтов: институты эффективны, если они адекватно отражают процессы мнимых слоев на лабораторный уровень. Именно с этим явлением связаны трудности адаптации институтов, привнесенных из одной среды функционирования в другую [8].

Одновременно, любое явление представляет собой суммарный резонирующий эффект колебательных процессов разных слоев экономического пространства. Это имеет важное значение для нашей концепции, так как именно резонанс является тем фактором, который лежит в основе устойчивости системы, ее самоорганизации и развития. Параметры, характеризующие процессы на разных уровнях расслоенного социально-экономического пространства, имеют различные количественные и качественные показатели. Поэтому одной из основных целей исследования законов функционирования системы и управления ее динамикой, является разработка такой математической модели, которая способна учесть все управляющие параметры, в том числе предел вмешательства при потенциальном стремлении организации к самосовершенствованию и саморазвитию.

Концепция расслоенности экономического пространства позволяет не только оценить и сделать прогноз уровня национальной безопасности, но и использовать различный математический аппарат (например, теорию нечетких множеств), строить модели

управления с отражением самых разнообразных информационных потоков в существующем социально-экономическом пространстве [7; 10].

Таким образом, предложенная нами концепция расслоенности экономического пространства, построенная в рамках синергетико-институционального подхода, позволяет оптимизировать управляющие воздействия, сделать их адекватными протекающим в обществе процессам и, тем самым, обеспечить условия, необходимые для повышения уровня экономической безопасности страны.

Список источников

1. Шманев С. В. Управление социально-экономическими процессами в условиях ограниченной информации // Транспортное дело России. 2006. № 12. С. 59–61.
2. Шманев С. В., Рябов К. В. Самоорганизация в социально-экономических системах // Транспортное дело России. 2008. № 2. С. 83–84.
3. Шманев С. В., Егорова Т. Н. Государственная политика и экономические процессы // Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. 2012. № 9. С. 54.
4. Шманев С. В., Егорова Т. Н. Новый институциональный подход к проблемам управления на базе концепции расслоенности экономического пространства // Транспортное дело России. 2012. № 6 (ч. 2). С. 25.
5. Шманев С. В., Шманева Л. В., Егорова Т. Н. Особенности государственной экономической политики в условиях глобализации и модернизации // Научные записки ОрелГИЭТ. 2015. № 1 (11). С. 363–369.
6. Шманев С. В., Шманева Е. С., Егорова Т. Н. Нелинейные модели циклического развития экономических систем // Транспортное дело России. 2015. № 1 (116). С. 20.
7. Шманев С. В., Шманева Л. В. Прогноз эффективности альтернативных инновационно-инвестиционных проектов на основе теории нечетких множеств // Транспортное дело России. 2015. № 4 (119). С. 125–127.
8. Шманев С. В., Шманева Л. В. Синергетический подход к процессу управления с позиции концепции расслоенности экономического пространства // Стратегические задачи макроэкономического регулирования и пространственного развития: сб. науч. трудов. Орел : Издательство ОрелГУЭТ, 2018. С. 175.

9. Шманев С. В. Использование форсайт-технологий для формирования системы стратегического прогнозирования и планирования в условиях вызовов и угроз национальной безопасности // Вестник ОрелГИЭТ. 2019. № 3 (49). С. 143–149.

10. Шманев С. В., Шманева Л. В. Методология прогнозирования экономических кризисов в интересах укрепления национальной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 273–278.

11. Шманев С. В., Шманева Л. В. Форсайт-технология и метод дорожных карт как универсальный подход к исследованию закономерностей циклической динамики социально-экономического развития государства // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 11–18.

12. Шманев С. В., Шманева Л. В. Новый подход к управлению социально-экономическими преобразованиями в России // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 229–235.

13. Шманев С. В., Шманева Л. В. Роль хаоса и неопределенности в теории управления социально-экономическими процессами // Известия Юго-Западного университета. 2021. Т. 11. № 6. С. 51–65.

References

1. Shmanev S. V. Management of socio-economic processes in conditions of limited information // Transport business of Russia. 2006. № 12. P. 59–61.
2. Shmanev S. V., Ryabov K. V. Self-organization in socio-economic systems // Transport business of Russia. 2008. № 2. P. 83–84.
3. Shmanev S. V., Egorova T. N. State policy and economic processes // Theoretical and applied issues of economy and services. 2012. № 9. P. 54.
4. Shmanev S. V., Egorova T. N. New institutional approach to management problems on the basis of the concept of stratification of economic space // Transport business of Russia. 2012. № 6 (p. 2). P. 25.
5. Shmanev S. V., Shmaneva L. V., Egorova T. N. Features of the state economic policy in the conditions of globalization and modernization // Scientific Notes of OrelGIET. 2015. № 1 (11). P. 363–369.
6. Shmanev S. V., Shmaneva E. S., Egorova T. N. Nonlinear models of cyclical development of economic systems // Transport business of Russia. 2015. № 1 (116). P. 20.
7. Shmanev S. V., Shmaneva L. V. Forecasting the efficiency of alternative innovation and investment proj-

ects based on the theory of fuzzy sets // *Transport business of Russia*. 2015. № 4 (119). P. 125–127.

8. Shmanev S. V., Shmaneva L. V. Synergetic approach to the management process from the position of the concept of stratification of economic space // *Strategic tasks of macroeconomic regulation and spatial development: Collection of scientific papers*. Orel : OrelSUET Publishing House, 2018. P. 175.

9. Shmanev S. V. Use of foresight-technologies for the formation of the system of strategic forecasting and planning under the conditions of challenges and threats to national security // *Vestnik OrelGIET*. 2019. № 3 (49). P. 143–149.

10. Shmanev S. V., Shmaneva L. V. Methodology of forecasting economic crises in the interests of strength-

ening national security // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. № 3. P. 273–278.

11. Shmanev S. V., Shmaneva L. V., Shmaneva L. V. Foresight-technology and the method of road maps as a universal approach to the study of regularities of cyclic dynamics of socio-economic development of the state // *Bulletin of Economic Security*. 2020. № 6. P. 11–18.

12. Shmanev S. V., Shmaneva L. V. New approach to the management of socio-economic transformations in Russia // *Vestnik of economic security*. 2020. № 5. P. 229–235.

13. Shmanev S. V., Shmaneva L. V. Role of chaos and uncertainty in the theory of management of socio-economic processes // *Izvestia South-West University*. 2021. Vol. 11. № 6. P. 51–65.

Информация об авторах

С. В. Шманев — профессор департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор;

Л. В. Шманева — заместитель начальника по заочному обучению Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат философских наук, доцент.

Information about the authors

S. V. Shmanev — Professor of the Department of Economic Theory of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor;

L. V. Shmaneva — Deputy Head of Distance Learning of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot', Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-274-279>

EDN: <https://elibrary.ru/nbekgq>

NIJON: 2003-0059-7/23-932

MOSURED: 77/27-003-2023-07-131

Психологические предикторы увлеченности студентов компьютерными играми

Валерий Сергеевич Агапов¹, Михаил Федорович Секач², Людмила Николаевна Кулешова³

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, agapov.vs@mail.ru

^{2,3} Российский новый университет, Москва, Россия

³ kuleshova48@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются психологические предикторы, оказывающие влияние на увлеченность студентов компьютерными играми. Выделены качества студентов, связанные с признаками игровой компьютерной зависимости, а также качества, присущие студентам, увлеченным компьютерными играми, но не имеющими игровой зависимости. Как установлено, важным условием преодоления компьютерной зависимости выступает собственная активность студентов, направленная на принятие ими личной ответственности, самоконтроль, использование имеющихся ресурсов совладающего поведения и последовательную реализацию стратегий совладания с проблемами зависимого поведения. Исследование свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения рассматриваемой проблемы и выявления психологических предикторов, связанных с возможностью возникновения игровой компьютерной зависимости и ее негативного влияния на психическое развитие личности на различных этапах онтогенеза.

Ключевые слова: компьютерная зависимость, игровая зависимость, аддиктивное поведение, игра, дезадаптация, виртуальная реальность, кибераддикция

Для цитирования: Агапов В. С., Секач М. Ф., Кулешова Л. Н. Психологические предикторы увлеченности студентов компьютерными играми // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 274–279. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-274-279>. EDN: NBEKGQ.

Original article

Psychological predictors of students' interest in computer games

Valery S. Agapov¹, Mikhail F. Sekach², Lyudmila N. Kuleshova³

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, agapov.vs@mail.ru

^{2,3} Russian New University, Moscow, Russia

³ kuleshova48@mail.ru

Abstract. Psychological predictors influencing students' interest in computer games are considered. The qualities of students associated with the signs of computer gaming addiction are highlighted, as well as the qualities inherent in students who are passionate about computer games, but do not have a gaming addiction. As established, an important condition for overcoming computer addiction is students' own activity aimed at taking personal responsibility, self-control, using available resources of coping behavior and consistent implementation of coping strategies with problems of dependent behavior. The study indicates the need for further study of the problem under consideration and identification of psychological predictors associated with the possibility of computer gaming addiction and its negative impact on the mental development of personality at various stages of ontogenesis.

Keywords: computer addiction, gambling addiction, addictive behavior, game, maladaptation, virtual reality, cyber addiction

For citation: Agapov V. S., Sekach M. F., Kuleshova L. N. Psychological predictors of students' interest in computer games. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):274–279. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-274-279>. EDN: NBEKGQ.

В современный период влияние компьютерных игр на психику человека рассматривается как одна из актуальных проблем психологической науки. До недавнего времени особое внимание уделялось фактам негативного воздействия длительных занятий компьютерными играми на психическое состояние человека. Во многих исследованиях преобладает негативная оценка, связанная с описанием проблем, способствовавших возникновению зависимости подростков, проявляющейся в общении с родителями и сверстниками, а также с констатацией деструктив-

ных влияний на личность, вызывающих упрощение речи, аутизацию поведения и др.) [2; 10].

В современный период получают признание представления о том, что компьютерные игры могут выступать одним из ресурсов личностного развития, способствующим социализации, усвоению норм и правил, отвечающих ценностям общества [3; 7; 10]. В связи с этим утверждается, что процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в офлайн/онлайн реальности, формирует его цифровую личность как часть реальной личности [6; 9].

© Агапов В. С., Секач М. Ф., Кулешова Л. Н., 2023

Одной из важных проблем, затрудняющих выделение основных детерминант игровой компьютерной зависимости, является отсутствие единой методологии в изучении аддиктивного поведения личности [5]. Наличие игровой компьютерной зависимости и ее уровень также определяются по-разному, в зависимости от выделенного авторами критерия. Часто в роли критерия игровой компьютерной зависимости выступает временной фактор, оцениваемый в связи со временем продолжительности игры, а также с нарушениями в поведении человека, связанные с его «уходом» в виртуальную реальность. В роли критерия может рассматриваться увлеченность определенными играми, связанная с погруженностью личности в виртуальное пространство. Отношение к окружающим также может рассматриваться в качестве критерия, если сравниваются особенности восприятия «значимого другого» в интернет-пространстве и в реальном мире [5; 10; 11].

В современный период зависимость от компьютерных игр рассматривается как разновидность интернет-зависимости, как аддикция, проявляющаяся в навязчивом увлечении видеоиграми и компьютерными играми [5]. Также имеются характеристики зависимости от компьютерных игр как кибераддикции, изучаемой в области киберпсихологии, и связанной с проблемами в киберсоциализации личности, которая в виртуальном мире может получать позитивные эмоции, изменять свое эмоциональное состояние, уходить от дискомфорта реальности [5; 11].

В медицине получают признание представления об игровой компьютерной зависимости как патологическом расстройстве поведения [5]. Также высказываются суждения о том, что игровая компьютерная зависимость, оказывающая интенсивное влияние на психоэмоциональное состояние, со временем может заменить реальную жизнь на виртуальную [3]. Высокая аддиктогенность игровой компьютерной зависимости привлекает внимание не только теоретиков, изучающих предпосылки и основные причины ее появления, но и практиков, рассматривающих возможности профилактики и коррекции возникших нарушений. Студенты с выраженной зависимостью от компьютерных игр склонны использовать в трудных жизненных ситуациях защитные формы поведения, связанные с аутоагрессивными проявлениями. В связи с этим изучается патологическое влечение личности, проявляющееся в выраженной потребности в занятиях компьютерными играми, связанной с негативным влиянием на здоровье аддикта [5].

Анализ научных трудов по рассматриваемой проблеме показывает, что ее изучение и коррекция могут опираться не только на имеющиеся представления и опыт работы психиатров, психотерапевтов в контексте широко распространенных подходов (психоаналитического, бихевиорального, когнитивного и других), но и на психологические труды, связанные с выявлением роли субъекта в восприятии компьютерных игр и своего отношения к ним, а также возможностей совладания личности с игровой компьютерной зависимостью [1; 4; 8]. Психологические характеристики людей, имеющих игровую компьютерную зависимость, отличаются большим количеством признаков, что может затруднять выделение наиболее типичных факторов, способствующих диагностике нарушений. Поэтому важным направлением современных исследований является выделение важнейших предикторов компьютерной игровой зависимости и определение способов ее профилактики и коррекции на определенном этапе возрастного развития человека.

В имеющихся исследованиях выделяются стадии формирования игровой компьютерной зависимости. К их числу могут быть отнесены следующие:

- 1) стадия адаптации, связанная с проявлениями осознаваемой активности личности, связанной с компьютерными играми;
- 2) стадия увлечения, характеризующаяся появлением интереса и желания периодически заниматься компьютерными играми;
- 3) стадия зависимости, связанная с потребностью человека в регулярных занятиях компьютерными играми, а также с возникающими изменениями мировоззрения, ценностей и личностных смыслов;
- 4) стадия привязанности, которая связана с разрывом социальных связей, уходом в себя, с изменениями эмоционально-волевой сферы и многих личностных качеств [3; 6].

В современных психологических исследованиях представлен широкий спектр причин игровой зависимости. Особо выделяются трудности в общении со взрослыми и сверстниками, обусловленные негативным влиянием дисфункций в семье и семейном воспитании, а также нарушениями общения в подростковом возрасте со сверстниками, которые могут болезненно восприниматься личностью на определенных этапах онтогенеза и негативно влиять на ее психическое развитие [5].

Также во многих научных трудах рассматриваются психологические особенности человека, имеющего игровую компьютерную зависимость. В

связи с этим выделены такие психологические особенности: эгоцентризм, тревожность, ранимость, конфликтность, обидчивость, раздражительность, низкая коммуникативная компетентность, отсутствие интереса к реальной жизни, отход от реальности, преобладание гедонистической мотивации, низкая стрессоустойчивость, преобладание защитных форм поведения аутоагрессивного типа, высокая зависимость от окружающих и др. [3; 5; 6].

Как установлено, чаще игровая компьютерная зависимость возникает в подростковом возрасте, характеризующемся половым созреванием, появлением чувства взрослости, изменением характера общения со взрослыми и сверстниками, активным развитием самосознания. Поэтому в качестве группы риска обычно изучаются подростки 10–16 лет, нередко проявляющие неспособность сопротивляться погружению в игровой компьютерный мир, который многими из них воспринимается как безобидный, но в действительности может неоднозначно влиять на их неокрепшую психику. Учет возрастного фактора предполагает необходимость выявления особенностей возникновения и проявления компьютерной зависимости не только у подростков, но и на последующих этапах онтогенеза. Поэтому важно установить возможности и особенности проявления игровой компьютерной зависимости на этапах профессионального становления и личностной реализации человека.

В связи с этим нами выполнено исследование по проблеме, связанной с выявлением психологических предикторов увлеченности студентов компьютерными играми.

Методами исследования выступили: наблюдение, беседа, тесты. Использованы методики: «Мотивация игровой зависимости» А. В. Котлярова, тест-опросник Т. Такера (адаптация И. А. Коньгиной), личностный опросник (Г. Айзенк) и индивидуально типологический опросник (Л. Н. Собчик), «Диагностика склонности к отклоняющемуся поведению» (А. Н. Орел), опросник «Анализ семейного воспитания» (Э. Г. Эйдемиллер), фрустрационный тест С. Розенцвейга.

Обработка данных. В работе применялись методы анализа данных в статистическом пакете SPSS Windows 12.0, статистический анализ достоверности различий с помощью U-критерия Манна-Уитни, Вилкоксона, корреляционный анализ с помощью Q-критерия Розенбаума и Спирмена, дисперсионный анализ.

Участники исследования: студенты 1–2-х курсов, обучающиеся в бакалавриате, по гуманитарным направлениям; 79 человек; возраст 18–21 год.

Результаты исследования. Значительный интерес представляет изучение психологических предикторов увлеченности компьютерными играми студентов 1–2-х курсов бакалавриата. Начальный этап исследования связан с использованием методов «Мотивация игровой зависимости» А. В. Котлярова и теста-опросника Т. Такера, позволивших установить, что из 79 исследуемых имеют признаки игровой компьютерной зависимости 13 студентов, 20 человек отметили наличие увлеченности, но у них не выявлены признаки компьютерной зависимости. Данные студенты явились участниками дальнейшего исследования. Не выявлено наличие увлеченности компьютерными играми у 46 студентов.

Исследование, осуществленное с помощью личностного опросника Г. Айзенка и индивидуально-типологического опросника Л. Н. Собчик, показало, что студентов с выраженными признаками компьютерной зависимости характеризуют следующие качества: низкий уровень общительности, открытости в контактах, высокий уровень агрессивности, обидчивости, сензитивности, тревожности. Особо выделяются такие качества: низкий уровень развития познавательной мотивации, коммуникативных проявлений и самостоятельности. В их поведении проявляются неустойчивость настроения, трудности в приспособлении к новому коллективу и системе требований в вузе. Студенты отмечали, что агрессивность нередко проявляется в их общении с родителями, но отсутствуют ее проявления в общении со сверстниками и преподавателями вуза. Как установлено, данным студентам присуще стремление к уходу от ответственности, они склонны полагаться на удачу, важнейшим критерием собственной успешности считают получение удовольствия от результатов игры.

Использование личностного опросника Р. Кеттела позволило выявить эмоционально-личностные особенности студентов. Студентам, имеющим признаки игровой компьютерной зависимости, присущи замкнутость, тревожность, мечтательность. Для них затруднительным является процесс контроля времени игры, ее начала, перерывов и, особенно, времени выхода из виртуального взаимодействия.

У студентов, увлеченных играми, но не проявивших признаки игровой компьютерной зависимости, выражены общительность, оптимизм, эмоциональная устойчивость, а также мотивация достижения успехов в деятельности и общении, самостоятельность, целеустремленность и самоуважение. У них выявлено преобладание коммуникативных качеств, свя-

занных с ценностями дружеского взаимопонимания и поддержки. Также они отмечали установление более гармоничных отношений с родителями, сравнивая их со своим подходом к взаимодействию с матерью в подростковом возрасте. В беседах выявлено, что данные студенты не всегда проявляют успешность в решении важных жизненных вопросов. Для многих характерны продолжающиеся поиски своего места в жизни, что обуславливает проявление тревожности и неуверенности в правильности профессионального выбора. Однако, у данных студентов, увлекающихся играми, не выявлено признаков компьютерной зависимости.

Нами также установлено, что студентам, участвующим в исследовании, присущи отзывчивость, доброжелательность, сензитивность, подозрительность, агрессивность, тревожность. На основе полученных данных, выделены особенности психики студентов, которые могут рассматриваться как основополагаемые предикторы игровой компьютерной зависимости. К ним отнесены такие особенности: пассивность, безинициативность, эгоцентризм, эмоциональная и поведенческая зависимость от окружающих, склонность к «уходу в себя», склонность к аутоагрессии. И, напротив, у студентов, увлеченных компьютерными играми, но не имеющих признаков зависимости, выявлены следующие особенности: активность, энергичность, целеустремленность, решительность, стрессоустойчивость, ответственность, самостоятельность, самоконтроль, самоуважение, требовательность, жизнерадостность.

Для изучения особенностей поведения студентов в трудных ситуациях, связанных со стрессом, использовалась методика С. Розенцвейга, показавшая преобладание у студентов, имеющих игровую компьютерную зависимость, интрапунитивных реакций, направленных на себя. В ситуации фрустрации они склонны использовать защитные реакции, направленные на самообвинение. Данные студенты отличаются ранимостью и обидчивостью, которые особенно заметны при восприятии ими негативной информации, но при этом предпочитают уклоняться от решения возникающих проблем, проявляя пассивность и конформизм. Уровень фрустрированности и психологической дезадаптации у них выше, чем у студентов, увлекающихся играми, но не проявляющих признаков игровой компьютерной зависимости.

Особое внимание уделено студентами, не имеющими компьютерной зависимости, характеристике своего статуса в группе сверстников. Студенты об-

ращали внимание на установки и ценности друзей, с гордостью рассказывали о своем высоком статусе в компаниях сверстников. Значительное влияние на студентов имеют близкие друзья, отношения с которыми носят доверительный характер. Дружеские отношения способствуют развитию Я-концепции, способности к оказанию поддержки в сложных жизненных ситуациях.

Однако, студенты, имеющие признаки игровой компьютерной зависимости, испытывали острую неудовлетворенность в общении со сверстниками. Это связано с их застенчивостью, неумением начать общение и поддержать его, со страхом показаться нелепым, смешным, а также сложностью нахождения друга, испытывающего потребность в интимно-доверительных отношениях со сверстником, имеющим игровую компьютерную зависимость. В мечтах и грезах такие студенты, как свидетельствуют беседы, могут играть разные роли, представляя себя самостоятельными, ответственными, общительными, но в реальной жизни они затрудняются проявлять данные качества. Чувства одиночества и потребность в уединении, которые могут испытывать и другие сверстники, стремящиеся лучше понять себя, у студентов, имеющих признаки игровой компьютерной зависимости, обусловлены преобладающим влиянием виртуальной реальности и связанных с этим проблем. Многие из них отмечали, что саму жизнь они воспринимают как сон, как уход в чуждую им реальность, как источник страдания, связанного с непониманием их сверстниками и родителями.

Как замечено нами, увлеченность студентов компьютерными играми может быть связана с преобладающим интересом к определенному виду игр, и иметь особенности, обусловленные влиянием данных предпочтений. Так, игры в аркады (короткие игры с интенсивным игровым процессом) чаще используются детьми, рассматривающими их как средство развлечения. Студенты чаще играют в онлайн-шутеры и файтинги, как отмечают они в процессе бесед. Установки к онлайн-шутерам (стрелялкам), ориентируют игроков на проявления соперничества и агрессии. Введение в онлайн-шутер может начинаться словами: «Законы перестали существовать...». Примерами онлайн-шутеров могут быть игры: «Режь и руби» (безумный мир), «Одолей демонов Ада». Игры в файтинги (симуляторы драк) ориентированы на любителей боевых искусств, которым предлагается вступать в рукопашную схватку с различными соперниками. Примером такой игры может служить «Зал

драк». Многие игры обычно представлены в красочном художественном оформлении и включают большое количество персонажей, каждый из которых имеет уникальный стиль. Изображаемая в игре драка или другое событие нередко сопровождаются веселой, беззаботной музыкой. Игровые процессы отличаются динамичностью и насыщенностью. Содержание и оформление игр, а также организация игрового процесса свидетельствуют об учете возрастных особенностей игроков, предполагающем возникновение увлеченности компьютерными играми.

В исследовании студенты, имеющие признаки компьютерной зависимости, преодоление собственных проблем нередко связывали с возможностями оказания им помощи, практической и эмоциональной поддержки значимыми окружающими, прежде всего — сверстниками и родителями. Они не склонны рассматривать процесс преодоления данных проблем на уровне личных ресурсов, связанных с самостоятельностью, самоэффективностью, а также оптимизмом в оценке возможностей совладания с игровой компьютерной зависимостью. Между тем, главным условием преодоления студентами компьютерной зависимости, как показали диагностическая и коррекционная части данного исследования, выступает собственная активность, направленная на принятие личной ответственности, самоконтроль, использование имеющихся ресурсов совладающего поведения в реализации стратегий совладания с проблемами зависимого поведения.

Выводы.

1. Имеются психологические особенности студентов, связанные с признаками игровой компьютерной зависимости: пассивность, безинициативность, исполнительность, догматичность, тревожность, выраженная эмоциональная и поведенческая зависимость от окружающих, «уход в себя», а также склонность к аутоагрессии. Данные качества могут рассматриваться в качестве важных предикторов игровой компьютерной зависимости студентов.

2. У студентов, увлеченных компьютерными играми, но не имеющих признаков зависимости, выявлены качества: активность, энергичность, целеустремленность, решительность, стрессоустойчивость, ответственность, самостоятельность, а также жизнерадостность, связанные с их ценностными представлениями о смысле жизни, рассматриваемом в контексте профессиональной и личностной самореализации и самоутверждения. Осознание студентами смысла жизни может рассматриваться как интегри-

рованный предиктор совладания с игровой компьютерной зависимостью.

3. Условием преодоления компьютерной зависимости выступает собственная активность студентов, направленная на принятие личной ответственности, самоконтроль, использование имеющихся ресурсов совладающего поведения и последовательную реализацию стратегий совладания с проблемами зависимого поведения.

4. Осуществленное исследование и анализ данных свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения рассматриваемой проблемы и выявления психологических предикторов, связанных с возможностью возникновения увлеченности и возникновения игровой компьютерной зависимости и ее негативного влияния на психическое развитие человека. Выявление важнейших предикторов игровой компьютерной зависимости и возможностей профилактики и преодоления негативного влияния на психическое развитие человека определяет задачи дальнейшего исследования.

Список источников

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегии жизни. М. : Мысль, 1991.
2. Айсина Р. М., Нестерова А. А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникативном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 42–57.
3. Богачева Н. В. Индивидуально-стилевые особенности взрослых игроков (на материале компьютерных игр): дисс. ... канд. психол. наук. М., 2015.
4. Брушлинский А. В. Психология субъекта. М. : Изд. «Институт психологии РАН», 2003.
5. Кочетков Н. В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных ученых // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 27–54.
6. Омельченко Н. В. Личностные особенности играющих в компьютерные игры: дисс. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2011.
7. Прокурова С. В. Компьютерная игровая зависимость и профилактическая деятельность по ее преодолению // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2.
8. Психология развития / под ред. А. К. Болотовой, О. Н. Молчановой. М. : Изд. «ЧеРо», 2005.
9. Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: моногр. / под ред. Т. Д. Марцин-

ковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко. М. : Изд. МПГУ, 2019.

10. Цифровые социальные сети: угрозы и возможности: моногр. / под общ. ред. А. С. Огнева. М., 2023.

11. Фомичева Ю. В., Шмелев А. Г., Бурмистров И. В. Психологические корреляты увлеченности компьютерными играми // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1991. № 3. С. 27–39.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Strategies of life. M. : Mysl, 1991.

2. Aisina R. M., Nesterova A. A. Cybersocialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks // Social psychology and society. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 42–57.

3. Bogacheva N. V. Individual style features of adult players (based on the material of computer games): diss. ... cand. Psychological Sciences. M., 2015.

4. Brushlinsky A. V. Psychology of the subject. M.: Publishing house «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 2003.

5. Kochetkov N. V. Internet addiction and dependence on computer games in the works of Russian scientists // Social psychology and society. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 27–54.

6. Omelchenko N. V. Personal characteristics of computer game players: diss. ... cand. psychological sciences. Krasnodar, 2011.

7. Prokurova S. V. Computer gaming addiction and preventive measures to overcome it // Modern problems of science and education. 2015. No. 2-2.

8. Psychology of development / edited by A. K. Bolotova, O. N. Molchanova. M. : Publishing house «Chero», 2005.

9. Digital society in the cultural and historical paradigm: monogr. / ed. by T. D. Marcinkovskaya, V. R. Orestova, O. V. Gavrichenko. M. : Publishing House of the Moscow State University, 2019.

10. Digital social networks: threats and opportunities: monogr. / edited by A. S. Ogneva. M., 2023.

11. Fomicheva Yu. V., Shmelev A. G., Burmistrov I. V. Psychological correlates of computer games passion // Bulletin of Moscow State University. Ser. 14. Psychology. 1991. No. 3. P. 27–39.

Библиографический список

1. Айзенк Г., Айзенк М. Исследование человеческой психики. М. : Эксмо, 2001.

2. Берк Л. Развитие ребенка. 6-е изд. СПб., 2006.

3. Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М. : Политиздат, 1984.

Bibliographic list

1. Aizenk G., Aizenk M. The study of the human psyche. M. : Eksmo, 2001.

2. Burke L. Child development. 6th ed. SPb., 2006.

3. Kon I. S. In search of oneself: personality and its self-awareness. M. : Politizdat, 1984.

Информация об авторах

В. С. Агапов — профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

М. Ф. Секач — профессор кафедры общей психологии и психологии труда Российского нового университета, доктор психологических наук, профессор;

Л. Н. Кулешова — профессор кафедры общей психологии и психологии труда Российского нового университета, доктор психологических наук, профессор.

Information about the authors

V. S. Agapov — Professor of the Department of Legal Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

M. F. Sekach — Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology of the Russian New University, Doctor of Psychological Sciences, Professor;

L. N. Kuleshova — Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology of the Russian New University, Doctor of Psychological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 23.11.2023; принята к публикации 07.12.2023. The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 23.11.2023; accepted for publication 07.12.2023.

Научная статья

УДК 159.923.5

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-280-284>

EDN: <https://elibrary.ru/jykwoi>

NIJON: 2003-0059-7/23-933

MOSURED: 77/27-003-2023-07-132

Проблема оценки профессиональной предрасположенности сотрудников к основным видам служебной деятельности в МВД России

Владимир Николаевич Батищев¹, Александр Николаевич Сударик²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ batishevvladimir@mail.ru

² asudarik@list.ru

Аннотация. Проведен анализ существующих подходов к определению профессиональной пригодности кандидатов на службу в органы внутренних дел. Также приводятся результаты исследования, учитывающие личностно-профессиональные модели пригодности сотрудников органов внутренних дел по основным направлениям оперативно-служебной деятельности. Показана возможность оптимизации профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел на основе разработанных моделей профессиональной предрасположенности для видов оперативно-служебной деятельности и с учетом уровня развития их личностных и деловых качеств.

Ключевые слова: личностные и деловые качества, виды служебной деятельности, сотрудники органов внутренних дел, профессиональная предрасположенность сотрудников

Для цитирования: Батищев В. Н., Сударик А. Н. Проблема оценки профессиональной предрасположенности сотрудников к основным видам служебной деятельности в МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 280–284. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-280-284>. EDN: JYKWOI.

Original article

The problem of assessing the professional predisposition of employees to the main types of official activities in the Ministry of Internal Affairs of Russia

Vladimir N. Batishev¹, Alexander N. Sudarik²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ batishevvladimir@mail.ru

² asudarik@list.ru

Abstract. The analysis of existing approaches to determining the professional suitability of candidates for service in the internal affairs bodies is carried out. The results of the study are also presented, taking into account the personal and professional models of the suitability of employees of internal affairs bodies in the main areas of operational and official activity. The possibility of optimizing the professional psychological selection of candidates for service in the internal affairs bodies is shown on the basis of the developed models of professional predisposition for types of operational and official activities and taking into account the level of development of their personal and business qualities.

Keywords: personal and business qualities, types of official activity, employees of internal affairs bodies, professional predisposition of employees

For citation: Batishev V. N., Sudarik A. N. The problem of assessing the professional psychological predisposition of employees to the main types of official activities in the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):280–284. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-280-284>. EDN: JYKWOI.

Введение. Предъявляемые руководством МВД России требования к профессиональным и личностным качествам сотрудников органов внутренних дел должны соответствовать реалиям современной жизни, обуславливаться ситуациями экстремальности и напряженности. От уровня профессионализма сотрудников, их умения действовать в сложных и неопределенных ситуациях зависят жизнь и здоровье граждан и коллег, эффективность реализации основных направлений деятельности полиции.

На этапе профессионального психологического отбора кандидатов на службу решается несколько важных задач:

♦ получение комплексной оценки психологических характеристик кандидата для определения его профессиональной пригодности;

♦ определение наличия у кандидата профессионально важных качеств личности и степени их сформированности на момент оценки;

♦ выявление отрицательных для служебной деятельности черт личности кандидата, которые в дальнейшем могут негативно повлиять на выполнение профессиональных обязанностей.

Анализ целей и задач профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел определяет необходимость научно

© Батищев В. Н., Сударик А. Н., 2023

обоснованной методологии для анализа и оценки индивидуально-психологических особенностей кандидата как наиболее важного условия достоверности получаемых результатов обследования граждан, изъявивших желание служить в органах внутренних дел. В первую очередь это требование предъявляется к психодиагностическому инструментарию, который используют психологи для оценки личностных и деловых качеств кандидатов на службу в органы внутренних дел.

Оптимизация существующей системы профессионального психологического отбора кандидатов на службу на основе моделей различных полицейских специальностей с учетом особенностей основных направлений оперативно-служебной деятельности может быть направлена, с одной стороны, на создание совершенно нового психодиагностического инструментария, с другой — на более рациональное использование имеющихся методов и методик. Первый вариант является более перспективным, но затратным по времени и ресурсам. Второй вариант позволяет дополнить процедуру вынесения категории профессиональной пригодности кандидатов на службу в ОВД на базе уже имеющегося психодиагностического инструментария.

Отбор кандидатов на обучение и службу в ОВД следует проводить с учетом их дальнейшей профессиональной деятельности и основываясь на современных подходах к психологии труда, профессиональной подготовке и обучению в образовательных организациях МВД России. На данный момент основные виды деятельности органов внутренних дел Российской Федерации сведены в четыре профиля профессиональных компетенций сотрудников, осуществляющих административно-профилактическую, оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную и охранно-конвойную деятельность.

В рамках идей компетентного подхода М. В. Пряхина, А. С. Душкин отмечают, что «...разработанные профили компетенций представляют собой набор компетенций, которыми должен обладать специалист, занимающий соответствующую должность». В выводе своей работы они подчеркивают: «На разных должностях просматривается различный уровень развития профессиональных компетенций в зависимости от специфики профессиональной деятельности...» [1, с. 43]. В основные виды деятельности авторы включили существующие штатные подразделения и должности сотрудников.

В ходе проведения исследования личностные и деловые качества сотрудников были проанализированы

через призму выполняемых должностных обязанностей и рассмотрены в качестве объективных критериев оценки деятельности сотрудников ОВД.

Для проведения изучения личностных и деловых качеств сотрудников необходимо прежде всего рассматривать их через призму выполняемых должностных обязанностей и считать внешним объективным критерием оценки сотрудников ОВД. В рамках исследовательской работы психологам и преподавателям образовательной организации МВД России, выступившим в качестве экспертов, были предложены бланки с показателями профессиональной деятельности сотрудников ОВД, отличающихся различным функциональным предназначением. Этот перечень показателей оперативно-служебной деятельности следует считать примерным, так как существуют проблемы, которые характерны для отдельных категорий сотрудников органов внутренних дел, связанных с особыми условиями служебной деятельности. Все показатели были разбиты на две группы: общие и специальные. К общим показателям сотрудников ОВД, независимо от функционального предназначения, относятся:

- ♦ следование корпоративной культуре сотрудников органов внутренних дел, внутренним коллективным нормам и правилам;
- ♦ способность располагать к себе людей, вызывать у них чувство доверия, находить целесообразную форму общения в зависимости от психического состояния и индивидуально-психологических особенностей собеседника (доверительные отношения);
- ♦ неподкупность и преданность служебному долгу, антикоррупционная устойчивость, строгое соблюдение законности;
- ♦ неукоснительное соблюдение инструкции, отсутствие проступков, связанных с запретами и ограничениями при выполнении должностных обязанностей;
- ♦ в процессе работы с правонарушителями соблюдение требований нормативных актов, регламентирующих профессиональную деятельность;
- ♦ способность быстро адаптироваться к новым условиям и требованиям профессиональной деятельности, активность и инициатива в освоении компьютерных программ и информационных технологий;
- ♦ умение планировать свою профессиональную деятельность, творчески подходить к решению поставленных руководством задач.

Для определения направлений совершенствования ППО кандидатов были проанализирован опыт других силовых структур. В различных силовых структурах

сложились различные подходы к проведению мероприятий профотбора [2].

Опыт осуществления профессионального психологического отбора кадров в силовые структуры Российской Федерации показывает, что система уточнения категории профессиональной пригодности по специальностям существует и эффективно работает на протяжении десятилетий. На основе анализа существующих систем профотбора в силовых структурах, нужно критически оценить имеющийся опыт ППО в МВД и внедрить самые передовые и эффективные технологии.

Первое направление предполагает внедрение новой системы диагностики, базирующейся на моделировании личностно-профессиональной пригодности. Оно способно стать основой совершенствования профессионального психологического отбора кандидатов на службу и повышения надежности сотрудника органов внутренних дел в целом. Это направление должно быть реализовано как «...углубленное исследование путей совершенствования ведомственной психодиагностики и организация ее на основе личностно-профессиональных моделей сотрудников в соответствии с основными полицейскими специальностями...» [3].

По оценкам отечественных и зарубежных экспертов (В. А. Бодров, В. Н. Машков, А. Анастаси, Н. Майзель, Д. Купер, А. Робертсон, Х. Осберн. и др.) диагностика личностно-профессиональной пригодности и отбор персонала позволяют снизить: а) текучесть кадров до 5–8 %; б) аварийность по вине персонала на 40–70 %; в) затраты на подготовку персонала на 30–40 % [4].

Второе направление — внедрение личностно-профессиональных моделей сотрудников в существующую систему профессионального психологического отбора кандидата на службу в органы внутренних дел. При наличии итоговой психодиагностической информации необходимо провести градацию кандидатов по степени выраженности показателей на виды (направления) профессиональной деятельности в соответствии с имеющимися экспертными оценками.

Направления и алгоритм профессионального психологического отбора кандидатов на службу в ОВД, основанные на зарубежном и отечественном опыте силовых структур Российской Федерации, могут повысить эффективность отбора за счет реализации идей личностно-профессионального моделирования. Акцентирование внимания на личности кандидата, его профессиональной пригодности к определенному виду оперативно-служебной деятельности поможет опти-

мально использовать личные и деловые качества в решении служебных задач и профессионально-личностному развитию сотрудников органов внутренних дел.

Для создания моделей профессиональной пригодности кандидатов на службу с учетом функционального предназначения был проведен экспертный опрос действующих сотрудников ОВД для оценки их профессионально важных качеств. Для подбора экспертов вполне достаточно четырех основных характеристик: уровень квалификации эксперта в данной узкой области специализации; уровень его теоретической подготовки; практический опыт эксперта; широта кругозора эксперта. Результат экспертных оценок является количественным значением «внешнего критерия», т. е. показателем успешности, эффективности, который определяется по девяти видам оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел [5].

В качестве экспертов выступили руководители подразделений (отделов, отделений, групп) и опытные сотрудники ОВД (от пяти до десяти лет службы в должности), лично знающие оцениваемых сотрудников. Механизм оценки результативности оперативно-служебной деятельности сотрудника ОВД включает в себя по крайней мере три этапа: 1) оценка исполнения каждого в отдельности показателя деятельности; 2) общая оценка результативности деятельности; 3) формулировка вывода о результативности деятельности.

В процессе инструктажа и индивидуальной беседы с экспертом делался акцент на том, что достоверность предоставляемой информации в виде оценок эффективности оперативно-служебной деятельности сотрудника повлияет на профессионально-личностное развитие каждого сотрудника и успешность деятельности служебного коллектива. Эксперт оценивает эффективность оперативно-служебной деятельности (от двух до пяти баллов) путем заполнения бланков оценки эффективности оперативно-служебной деятельности сотрудника по следующему алгоритму:

1) эксперт записывает в бланке наименование подразделения, должность оцениваемого сотрудника;

2) эксперт оценивает уровень развития профессионально важных качеств каждого подобранного сотрудника по четырем показателям в бланке ВК ПВК, ставя любой значок в шкале оценок;

3) эксперт суммирует оценки, рассчитывает среднее значение (общую сумму баллов делит на четыре) и записывает его в последней строке таблицы бланка.

Выборка. В распоряжении научного коллектива были результаты профессионального психологиче-

ского отбора на службу в ОВД субъектов РФ: ГУ МВД России по городу Москве (212 сотрудников), ГУ МВД России по Московской области (349 сотрудников), Приморскому краю (381 сотрудник), Калининградской области (124 сотрудника), УТ МВД России по Приволжскому федеральному округу (174 сотрудников), Омской академии МВД России (145 сотрудников).

В процессе научной работы были созданы модели оценки профессиональной пригодности с учетом функционального предназначения по основным видам профессиональной деятельности: сотрудник подразделений следствия и дознания (СЛД); сотрудник подразделения уголовного розыска (УР); сотрудник подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБПК); сотрудник подразделения патрульно-постовой службы (ППС); сотрудник подразделения участковых уполномоченных полиции (УУП); сотрудник подразделения Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД); сотрудник охранно-конвойных подразделения (ОКС); сотрудник подразделения инспекции по делам несовершеннолетних (ПДН); сотрудник экспертно-криминалистических подразделения ЭКЦ.

На основании полученных экспертных оценок действующих сотрудников ОВД, распределенных по направлениям оперативно-служебной деятельности, были составлены границы уровней профессиональной предрасположенности для кандидата на службу. В таблице 1 представлены девять видов оперативно-служебной деятельности, у каждого из которых границы ППКС отличаются друг от друга, потому что полученные результаты согласованы с показателями эффективности деятельности сотрудников ОВД, т. е. «внешним критерием».

Полученные данные экспертной оценки послужили основой для создания интерпретационных моделей личностно-профессиональной пригодности сотрудников ОВД с учетом направлений их оперативно-служебной деятельности, а также позволили разрабо-

тать рекомендации психологам по проведению мероприятий профессионального психологического отбора кандидатов на службу с учетом функционального предназначения должностей в ОВД [6].

Психолог может в ручном режиме заполнить данные психологического обследования кандидата в ПАРКС (Предрасположенность: Автоматизированный Расчет Кандидата к Службе) и получить уровни ППКС. Для экономии времени и оптимизации работы в программе расчета предрасположенности кандидатов на службу психолог должен скопировать данные психологического обследования кандидатов из базы данных АППДК «Мультипсихометр. Версия МВД» в программу Microsoft Office Excel.

Заключение. Цели проведения научного исследования на данном этапе решены и реализованы в программе расчета предрасположенности кандидатов на службу (ПАРКС) на платформе Microsoft Office Excel. Полученные модели успешно апробированы на базе результатов опроса сотрудников ОВД Московского региона после их коррекции на основе психометрического анализа полученных оценок на представленных выборках по всем видам оперативно-служебной деятельности.

Список источников

1. Пряхина М. В., Душкин А. С. Профессиографическое описание основных видов деятельности в системе МВД России: учеб.-метод. пособие. М., 2013.
2. Глушко А. Н. Опыт проведения профессионального психологического отбора кандидатов на военную службу по контракту в армиях иностранных государств и силовых ведомствах Российской Федерации: науч. сб. М. : ВА ГШ ВС РФ, 2016.
3. Кубышко В. Л. Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел // Национальный психологический журнал. 2017. № 4 (28). С. 95–103.

Таблица 1

Распределение уровней профессиональной предрасположенности кандидатов на службу в ОВД с учетом развития их личностных и деловых качеств

Уровни ППКС	УР	ППС	ГИБДД	ЭБПК	УУП	ОКС	ПДН	ЭКЦ	СЛД
Низкий	< 2,35	< 2,24	< 2,36	< 2,26	< 2,31	< 3,47	< 2,41	< 3,91	< 2,29
Ниже среднего	2,36–5,48	2,25–5,34	2,37–5,36	2,27–5,38	2,32–5,51	3,48–5,46	2,42–5,53	3,92–5,84	2,3–5,46
Средний	5,49–8,6	5,35–8,44	5,37–7,36	5,39–8,5	5,52–8,71	5,47–7,45	5,54–8,65	5,85–7,77	5,47–8,59
Высокий	≥ 8,61	≥ 8,45	≥ 7,37	≥ 8,51	≥ 8,72	≥ 7,46	≥ 8,66	≥ 7,78	≥ 8,6

4. Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности. М. : ПЕР СЭ, 2001.

5. Батищев В. Н. Моделирование профессиональной деятельности сотрудников полиции: сб. мат. межведом. конф. «Прикладные аспекты диагностики и формирования психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению оперативных служебных задач». М., 2018. С. 240–243.

6. Носс И. Н. Личностно-профессиональная диагностика сотрудников органов внутренних дел: учеб.-метод. пособие. В 2 ч. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017.

References

1. Pryakhina M. V., Dushkin A. S. A professional description of the main types of activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: studies.-method. manual. M., 2013.

2. Glushko A. N. Experience in conducting professional psychological selection of candidates for military

service under contract in the armies of foreign states and law enforcement agencies of the Russian Federation: scientific collection. M. : VA General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, 2016.

3. Kubyshko V. L. Improvement of psychological work in the system of moral and psychological support for operational and official activities of personnel of internal affairs bodies // National Psychological Journal. 2017. No. 4 (28). P. 95–103.

4. Bodrov V. A. Psychology of professional suitability. M. : PER SE, 2001.

5. Batishchev V. N. Modeling of professional activity of police officers: collection of mat. inter-ved. conf. «Applied aspects of diagnostics and formation of psychological readiness of employees of internal affairs bodies to perform operational official tasks» M., 2018. P. 240–243.

6. Noss I. N. Personal and professional diagnostics of employees of internal affairs bodies: studies.-method. stipend. At 2 p. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2017.

Информация об авторах

В. Н. Батищев — доцент кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент;

А. Н. Сударик — заместитель начальника кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

V. N. Batishchev — Associate Professor of the Department of Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor;

A. N. Sudarik — Deputy Head of the Department of Psychology of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов

В. Н. Батищев — концепция и замысел исследования; сбор и математико-статистический анализ эмпирического материала; интерпретация полученных результатов эмпирического исследования; редакторская правка текста; написание итоговых выводов;

А. Н. Сударик — научное руководство; редакторская правка текста; доработка текста; перевод текста на английский язык; проверка статьи на заимствование; оформление документов для опубликования статьи.

Contribution of the authors

V. N. Batishchev — scientific guidance; writing the original collection and mathematical and statistical analysis of empirical material; the concept and intent of the study; interpretation of the results of empirical research; editorial editing of the text; writing the final conclusions;

A. N. Sudarik — scientific guidance; editorial editing of the text; revision of the text; translation of the text into English; checking the article for borrowing; paperwork for publication of the article.

Статья поступила в редакцию 24.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 24.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 1/159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-285-288>

EDN: <https://elibrary.ru/jnwudo>

ИПОН: 2003-0059-7/23-934

MOSURED: 77/27-003-2023-07-133

К вопросу о педагогическом сопровождении профессионально-личностного становления сотрудников специального полка полиции на этапе получения первого квалификационного звания

Роман Борисович Зайцев¹, Сергей Николаевич Тихомиров²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ yvc90@mail.ru

² 5103720@mail.ru

Аннотация. Представлен собственнo-научный взгляд на проблему профессионально-личностного развития сотрудников специального полка полиции. Выявлены основные противоречия, определены векторы совершенствования профессиональной подготовки полицейских на этапе получения первого квалификационного звания. Презентованы результаты апробации авторской программы педагогического сопровождения.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, сотрудник полиции, педагогическое сопровождение, профессионально-личностное развитие

Для цитирования: Зайцев Р. Б., Тихомиров С. Н. К вопросу о педагогическом сопровождении профессионально-личностного становления сотрудников специального полка полиции на этапе получения первого квалификационного звания // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 285–288. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-285-288>. EDN: JNWUDO.

Original article

On the issue of pedagogical support for the professional and personal development of employees of a special police regiment at the stage of obtaining the first qualification rank

Roman B. Zaitsev¹, Sergey N. Tikhomirov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ yvc90@mail.ru

² 5103720@mail.ru

Abstract. A proper scientific view on the problem of professional and personal development of employees of a special police regiment is presented. The main contradictions are revealed and the vectors of improving the professional training of police officers at the stage of obtaining the first qualification rank are determined. The results of the approbation of the author's program of pedagogical support were presented.

Keywords: professional training, police officer, pedagogical support, professional and personal development

For citation: Zaitsev R. B., Tikhomirov S. N. On the issue of pedagogical support for the professional and personal development of employees of a special police regiment at the stage of obtaining the first qualification rank. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):285–288. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-285-288>. EDN: JNWUDO.

С учетом особенностей и потребностей населения, взаимодействие сотрудников правоохранительных органов с гражданами становится более социально активным и профессиональным. В связи с этим повышается значимость психолого-педагогического аспекта подготовки сотрудников полиции, так как значительно усложняется и расширяется круг воспитательных вопросов, решаемых сотрудниками,

а также требует уточнения и конкретизации содержания их профессиональных полномочий.

Служба в подразделениях органов внутренних дел позволяет многим сотрудникам полиции достичь определенного общественного признания и высокого уровня самореализации. При этом важнейшим условием профессионального роста выступает уровень развития личностных качеств, так как они яв-

© Зайцев Р. Б., Тихомиров С. Н., 2023

ляются естественной основой для повышения эффективности оперативно-служебной деятельности [1]. Данная взаимосвязь объективна и ее учет в профессиональной подготовке полицейского обладает существенным потенциалом. Вместе с тем, проблема развития личностных и профессиональных качеств сотрудников полиции, а также реализация их взаимосвязи пока еще недостаточно исследована.

В этой связи актуализируется проблема педагогического сопровождения профессионально-личностного развития сотрудников полиции, причем этот вопрос актуален не только для образовательных организаций МВД России, но и непосредственно на местах в деятельности руководителей, должностных лиц курирующих работу с личным составом, психологов, наставников и др.

Под педагогическим сопровождением сотрудников полиции мы понимаем оказание дозированной помощи субъекту профессиональной подготовки, необходимой при определении путей выхода из возникающих затруднений для его самостоятельного продвижения при повышении уровня профессионального и личностного становления.

Таким образом, становится ясно, что необходима системность при осуществлении педагогического сопровождения с целью своевременного оказания сотрудникам полиции педагогического содействия в разрешении возникающих проблем в служебной деятельности и в ходе профессиональной подготовки, что помогает ему избегать процессов «торможения», негативно отражающихся на повышении уровня данной подготовки и его общем профессиональном и личностном развитии. Именно системность осуществляемого сопровождения в результате должна привести к раскрытию личности сопровождаемого, его возможностей и индивидуальных способностей [2].

Проведенная аналитическая работа по исследуемой проблеме позволила выявить противоречия между:

- ♦ потребностью системы МВД России в непрерывном личностно-профессиональном становлении кадров и недостаточным уровнем научного и методического обеспечения данной деятельности;
- ♦ необходимостью повышения уровня профессиональной подготовленности сотрудников ОВД и недостаточной опорой данного процесса на личностные качества полицейских;

- ♦ возможностями внутриведомственной профессиональной подготовки сотрудников ОВД и недостаточной реализацией ее потенциала в развитии их личностно-профессиональных качеств, а также в отсутствии алгоритмов педагогического сопровождения этого процесса в территориальных подразделениях ОВД;

- ♦ осознанием полицейским важности развития личностно-профессиональных качеств как составляющей профессиональной деятельности в условиях современного развития общества и недостаточным уровнем их развития;

- ♦ потребностью подразделений по охране общественного порядка в сотрудниках, эффективно выполняющих оперативно-служебные задачи и отсутствием педагогической технологии, позволяющей снизить риски, устранить дефициты и проблемы в деятельности, оказать должную поддержку сотруднику в период от поступления на службу и дальнейшей правоохранительной деятельности.

Ввиду столкновения российского общества с глобальными вызовами и угрозами, особая роль отводится подразделениям по охране общественного порядка, поэтому выборку нашего исследования составили сотрудники специального полка полиции ГУ МВД России по Московской области.

Целенаправленная работа должностных лиц специального полка по профессиональному становлению личного состава предполагает реализацию педагогами следующих функций:

- ♦ *удовлетворение потребностей сотрудника* — создание необходимых условий для продвижения сотрудника к конкретным результатам при получении высококачественных образовательных услуг в процессе профессионального становления;
- ♦ *совершенствование профессиональных знаний, умений и навыков* — прогноз показателей, их сравнение с реальными результатами, достигнутыми сотрудниками в процессе профессиональной подготовки, анализ динамики и коррекция деятельности;
- ♦ *контроль результатов* — оценка и самооценка уровня профессионального становления и его результативности посредством использования определенных критериев и показателей.

В рамках нашей научно-исследовательской работы мы апробировали авторскую технологию педагогического сопровождения профессионально-личностного становления сотрудников специаль-

ного полка полиции, на этапе получения первого квалификационного звания.

Этапы технологии моделирования профессионально поведения: моделирование реальной профессиональной ситуации в ходе инструктажа или профессиональной подготовки; погружение в правоохранительную ситуацию в рамках реализации различных стратегий профессионального саморазвития.

Метод «активного моделирования» был успешно использован в преподавании специальных дисциплин, что позволило определить сочетание комментариев инструкторов, наставников, руководителей подразделений с динамичными натурными представлениями прототипов, техник правоохранительных действий.

Технология наставничества основывалась на использовании всех индивидуальных и групповых форм работы. Технология позиционного обучения применялась при работе на полигонах или с тренажерами, а также в формате интеллектуальных состязаний («Полицейский турнир»).

По результатам апробации технологии наблюдается также положительная динамика по всем личностно-профессиональным характеристикам сотрудников специального полка полиции (рис. 1).

По результатам экспериментальной работы по апробации авторской технологии педагогического сопровождения мы определили, что механизмом педа-

гогического сопровождения профессионального становления сотрудника специального полка полиции являются технологии воздействия и содействие ценностно-ориентированному осмыслению им себя в конкретной проблемной ситуации профессионализации. Особенности реализации механизма учитывают специфику внутренней деятельности полицейского в ситуации преодоления затруднений, обусловленную его рефлексивными размышлениями о себе, актуализируемыми эмоциональным состоянием, связанным с ситуацией преодоления трудностей, вызывающей мотивацию к поиску и применению проектов развития на этапе получения первого квалификационного звания.

Список источников

1. Зайцев Р. Б. Психолого-педагогические технологии профессионального саморазвития сотрудников оперативных частей полиции // Инновации в образовании. 2019. № 8. С. 12–18.
2. Хорольский В. В., Хенцинский Е. А., Панова О. С. Пути совершенствования профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел в современных условиях // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-2. С. 288–291.

References

1. Zaitsev R. B. Psychological and pedagogical technologies of professional self-development of employees

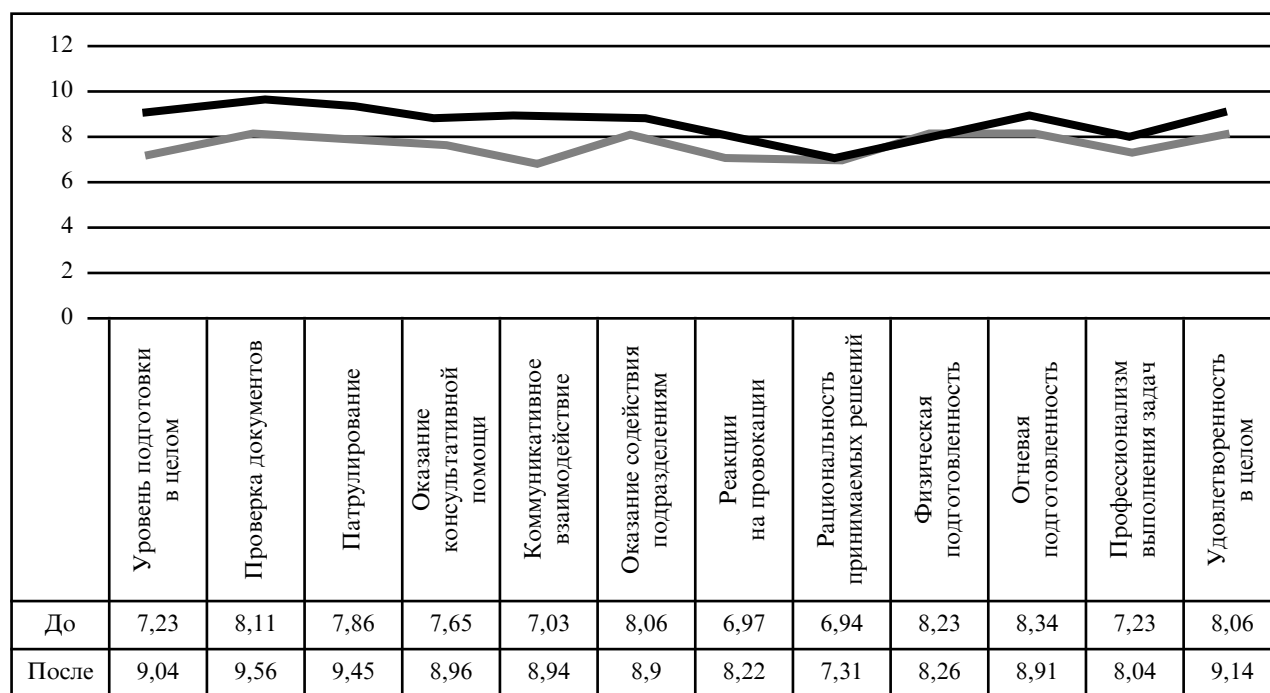

Рис. 1. Результаты апробации авторской технологии педагогического сопровождения профессионально-личностного становления сотрудников специального полка полиции

of operational police units // Innovations in education. 2019. No. 8. P. 12–18.

2. Khorolsky V. V., Khentsinsky E. A., Panova O. S. Ways to improve the professional training of employees of internal affairs bodies in modern conditions // Problems of modern pedagogical education. 2021. No. 70-2. P. 288–291.

Библиографический список

1. Кубышко В. Л., Крук В. М., Гайдамашко И. В. и др. Мотивация специалиста силовых структур как

основная компонента профессионально-личностной надежности в сложных ситуациях // Психология и право. 2022. Т. 12. № 4. С. 66–82.

Bibliographic list

1. Kubyshko V. L., Kruk V. M., Gaidamashko I. V. and others. Motivation of a specialist of law enforcement agencies as the main component of professional and personal reliability in difficult situations // Psychology and Law. 2022. Vol. 12. No. 4. P. 66–82.

Информация об авторах

Р. Б. Зайцев — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

С. Н. Тихомиров — профессор кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

R. B. Zaitsev — Adjunct of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

S. N. Tikhomirov — Professor of the Department of Pedagogy of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023. The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

	ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ И ПЕРЕГОВОРОВ
	Учебное пособие Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф НИИ образования и науки Караяни А. Г., Цветков В. Л. Раскрыты теоретические основы психологии общения и переговорного процесса, а также психологически обоснованные пути и способы овладения сотрудниками правоохранительных органов умениями и навыками эффективного взаимодействия. Кроме того, представлены технологии и конкретные психотехники вербального и невербального общения в различных обстоятельствах, в том числе и ведения переговоров с преступниками, захвативших заложников. Предложены способы эффективного ведения переговоров, построения контактов с партнерами-манипуляторами, продуктивного разрешения конфликтных ситуаций. Показаны возможности социально-психологического тренинга (СПТ) в развитии коммуникативной компетентности специалиста-переговорщика. Для курсантов, слушателей, студентов, преподавателей образовательных организаций, сотрудников органов внутренних дел, а также всех, кто интересуется данной проблематикой.

Научная статья

УДК 159.99:343.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-289-295>

EDN: <https://elibrary.ru/rbrdzo>

NIION: 2003-0059-7/23-935

MOSURED: 77/27-003-2023-07-134

Необходимость применения комплексного подхода в противодействии телефонному мошенничеству

Любовь Николаевна Костина¹, Владимир Владимирович Гончар²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kostin62@mail.ru

² vgonchar8@mvd.ru

Аннотация. Актуализируется проблема информационного деструктивного воздействия преступников на граждан в форме психологических операций и активных информационных мероприятий с помощью технических средств, специальных методов и приемов, способов и средств манипулирования общественным и индивидуальным сознанием. Отмечается распространенность в Российской Федерации телефонного мошенничества (вишинга), противодействие которому должно быть основано на комплексном подходе с помощью совокупности научных методов. Предлагается осуществление междисциплинарного анализа сведений о мошенниках: технологической оснащенности, манипулятивно-психологическом обеспечении, криминальном опыте и его изменчивости, индивидуально- и социально-психологических особенностях личности мошенников и их групп. Раскрываются результаты психологического анализа телефонных звонков мошенников, специализирующихся на хищениях с банковского счета и электронных денежных средств или конфиденциальной информации с помощью методов и приемов нейролингвистического программирования (НЛП), коммуникативных психологических приемов и речевых алгоритмов. Излагаются психологические рекомендации гражданам по вопросам цифровой самообороны от телефонных мошенников, основанные на результатах проведенного исследования.

Ключевые слова: информационное деструктивное воздействие, телефонное мошенничество, манипулятивное психологическое воздействие, противодействие преступлениям в сфере информационных технологий, социальная инженерия, хищение с банковского счета и электронных денежных средств

Для цитирования: Костина Л. Н., Гончар В. В. Необходимость применения комплексного подхода в противодействии телефонному мошенничеству // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 289–295. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-289-295>. EDN: RBRDZO.

Original article

The need for a comprehensive approach to countering telephone fraud

Lyubov N. Kostina¹, Vladimir V. Gonchar²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kostin62@mail.ru

² vgonchar8@mvd.ru

Abstract. The problem of information destructive impact of criminals on citizens in the form of psychological operations and active information activities with the help of technical means, special methods and techniques, ways and means of manipulating public and individual consciousness is actualized. The prevalence of telephone fraud (vishing) in the Russian Federation is noted, the counteraction of which should be based on an integrated approach using a set of scientific methods. It is proposed to carry out an interdisciplinary analysis of information about scammers: technological equipment, manipulative psychological support, criminal experience and its variability, individual and socio-psychological characteristics of the personality of scammers and their groups. The results of the psychological analysis of phone calls of fraudsters specializing in theft from a bank account and electronic money or confidential information using methods and techniques of neuro-linguistic programming (NLP), communicative psychological techniques and speech algorithms are disclosed. Psychological recommendations to citizens on issues of digital self-defense against telephone scammers, based on the results of the study, are presented.

Keywords: information destructive impact, telephone fraud, manipulative psychological impact, countering crimes in the field of information technology, social engineering, theft from a bank account and electronic money

For citation: Kostina L. N., Gonchar V. V. The need for a comprehensive approach to countering telephone fraud. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):289–295. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-289-295>. EDN: RBRDZO.

© Костина Л. Н., Гончар В. В., 2023

Ни одна война никогда не начиналась и не велась без информационного воздействия, изменялись только технологии, в том числе психологические. Один из таких методов отмечает китайский философ Сунь Цзы в трактате «Искусство войны»: «Подрывайте престиж руководства противника, разжигайте ссоры и столкновения среди граждан, обесценивайте традиции, ...». Актуальность темы статьи определяется тем, что в современном мире информационное преступное воздействие на граждан реализуется в форме психологических операций и активных информационных мероприятий с помощью специальных методов и приемов, способов и средств манипулирования общественным и индивидуальным сознанием. Каждый человек в определенной степени внушаем, и это свойство усиливается в условиях неопределенности, напряженной обстановки и непредсказуемости. Психологический расчет преступников очевиден для достижения корыстных и иных целей: изменить сознание человека/граждан и подтолкнуть их к желаемым действиям и решениям.

В связи с быстрыми изменениями в системе социальных отношений ввиду интеграции во все сферы человеческой жизнедеятельности информационных технологий, резко возрастает необходимость эффективного использования специальных технических средств и психологических знаний в целях выявления инцидентов и профилактики деструктивного информационного воздействия на людей. Именно знание и понимание этих инцидентов, в основе которых лежит психологическое манипулирование, позволяет предупреждать мошенничество. Поэтому цитата «И если часто повторять удары, хоть мал топор, но дуб могучий срубит» (Уильям Шекспир. Король Генрих IV) имеет двойной смысл. Во-первых, неоднократно деструктивных действий мошенников (в лице отдельного лица или организованной преступной группы) усиливает эффект достижения криминальных целей. Об этом свидетельствует криминальная деятельность организованных на государственном уровне компаний со стороны зарубежных спецслужб по духовной деморализации граждан, воздействуя на сознание пользователей в сегментах сети Интернет. Усилим сказанное утверждением Оноре де Бальзака: «Там, где все горбаты, стройность становится уродством». Во-вторых, противоборство с мошенничеством должна обеспечиваться комплексом научно выверенных и грамотных методов, разработанных

специалистами (юристами, психологами, педагогами, сотрудниками правоохранительных органов и др.) и рассчитанных на возрастано-половые и индивидуально-психологические особенности различных категорий граждан. Подчеркнем, что в условиях «цифровой революции» именно достижения науки и техники, и в последствии осуществление комплексного подхода, интеграции автоматизированных и интеллектуальных систем, выступающих в качестве поддержки при принятии оперативно-тактических и (или) оперативно-служебных решений, становятся ключевым фактором трансформации и оптимизации деятельности правоохранительных органов.

В современных условиях распространены следующие типовые информационные преступные акции: размещение в сети информации — в форме текста, фото- или видеоматериалов о потерях личного состава и военной техники; распространение ложных сведений с помощью телефонной связи; угроза распространения персональных данных; популяризация преступной деятельности; создание фейкового контента с целью дискредитации тех или иных лиц и т. д. Признаки, по которым следует распознавать активность субъекта-мошенника, зависят от среды распространения. В случае получения текстовых сообщений в сети (социальные сети/мессенджеры) следует обращать внимание на следующие признаки, указывающие на мошенничество: 1) наличие вложений (закрепленные файлы); 2) обезличенную форму обращения; 3) отсутствие либо недостоверность контактных сведений; 4) домен, не относящийся к организации; 5) отчетливо прослеживающийся мотивационный формат к совершению вменяемых действий (при тщательном семантическом анализе текстовой информации) и др. в зависимости от среды передачи данных. Сочетание двух-трех признаков в поведении лица (отправителя той или иной информации) является основанием для того, чтобы насторожиться и не предпринимать активных действий, т. е. не стать жертвой мошенничества.

На сегодняшний день наиболее распространенным является телефонное мошенничество (так называемый вишинг) с применением сотовой связи, электронной почты, социальных сетей как аккумулирующих площадок людей/пользователей путем мотивирования держателя (платежной карты, аккаунта, социальной сети и пр.) к совершению определенных действий с целью получения финансовых средств,

конфиденциальной информации этого держателя. Очевидно, что противодействие телефонному мошенничеству должно быть основано на комплексном подходе, осуществление которого включает применение совокупности научных методов. В первую очередь, необходимо осуществление комплексного анализа действий мошенников. Речь идет о междисциплинарном анализе сведений о преступниках (как отдельных лиц, так и преступных групп — полноценно развернутых колл-центров, других соучастников преступления) и их действиях:

1) *технологическая оснащенность* (абонентский номер/номера, IMEI, IP/MAC-адреса, адрес электронной почты, социальная сеть), особенности их применения и изменений в зависимости от времени суток, года, адресата воздействия (категории и психологии граждан) и пр.;

2) *манипулятивно-психологическое обеспечение* (психологическое воздействие на жертву с помощью методов, приемов и средств общения; их алгоритмичность, гибкость и изменчивость);

3) *криминальный опыт* (алгоритмичность в мошеннических действиях, навыках и умениях — информационных, коммуникативных, психологических, тактических и др.) и его изменчивость в зависимости от объективных и субъективных факторов: непредвиденных обстоятельств, в ситуации дополнительного риска, поведения жертвы и т. д.;

4) *индивидуально-психологические особенности личности мошенника* (возрастно-половые и национальность; язык, речь, мышление и их гибкость; манера поведения и ее изменчивость/шаблонность; характер, способности и др.) и/или *социально-психологические особенности группы мошенников* (численный состав, наличие групповых норм, продолжительность совместной преступной деятельности, теснота взаимодействия в группе, уровень сплочения и пр.). Указанные категории лиц, связанные с определенным человеком или группой лиц, будут «перекликаться» с определенным «уровнем интенсивности взаимодействия» между собой, отражая определенный признак или их совокупность, устанавливающие «вес» сведений, степень вины и как результат установление личностей и идентификацию событий, к которым исследуемые объекты причастны.

Подчеркнем необходимость и научно-прикладной характер таких сведений, которые могут быть получены для решения научно-исследовательских,

профилактических, оперативно-розыскных, следственных целей только за счет привлечения к комплексной исследовательской работе специалистов из различных областей знаний.

В рамках первой группы сведений (технологическая оснащенность) необходимо обратить внимание на то, что с одного сотового аппарата (имеющего уникальный номер IMEI), могло использоваться несколько SIM-карт с абонентскими номерами. Установление лица (правонарушителя, т. е. инициатора коммуникации, который выполняет роль сотрудника банка, сотрудника правоохранительного органа, покупателя и пр.) определяется технической природой данного типа передачи данных (в классическом виде, который представляет собой: источник — среду — приемник). Более того, существуют компоненты, посредством анализа которых возможна процедура установления личности, — например анализ голоса говорящего, посредством которого возможно установить конкретного фигуранта.

Решение задач в рамках выделенных других групп сведений требует проведения тщательной, комплексной, оперативной и аналитической работы с аудиозаписями телефонных звонков. Осознавая актуальность и важность получения такой информации, авторами был проведен психологический анализ тридцати телефонных звонков мошенников. Раскрытым результатам этого исследования в виде указания конкретных манипулятивных психологических приемов, используемых этими лицами (Вишерами) в общении с гражданами (Клиентами). Сведения о том, как психологически Вишер/Вишеры обеспечивают работу и добиваются получения финансовых средств или конфиденциальной информации, представлены в табл. 1 в обобщенном виде. Отметим, что весь процесс общения основан на применении телефонными мошенниками методов и приемов нейролингвистического программирования (НЛП), коммуникативных психологических приемов и речевых алгоритмов [1, с. 42–46]. Процесс телефонного общения Вишеров с Клиентами был условно разделен на несколько этапов в соответствии с целями, которые достигались на каждом из этапов.

Психологический анализ телефонных разговоров мошенников показал, что схемы манипулирования отличаются в зависимости от уровня грамотности клиентов. Так, часть разговоров рассчитаны на более продвинутых Клиентов как пользователей банков-

Таблица 1

Используемые манипулятивные методы и приемы	Психологический расчет
1. Этап завоевания доверия за счет создания образа «авторитетного человека», атмосферы уважения личности Клиента и «защиты» от возникшей опасности	
Представление Вишера «авторитетным лицом» (сотрудником банка, полиции, др. организации)	Психологический прием, рассчитанный на завоевание у Клиента доверия
Сообщение неожиданной или неизвестной, опасной информации (оперативное информирование о том, что две минуты назад от имени Клиента была подана заявка)	Создание эффекта неожиданности (ОПАСНОСТЬ лишения денежных накоплений, конфиденциальных данных и пр.), оказывающий влияние на эмоциональную сферу психики и тем самым снижение рациональности и внимательности Клиента
Прямое или косвенное указание на ограниченность временных рамок действий, которые обеспечит Вишер как «авторитетное лицо»	Психологическое оперативное прямое воздействие: Мы бдительны, охраняем Вас; мы — СКОРАЯ ПОМОЩЬ, МЫ сейчас ЕЕ ОКАЗЫВАЕМ! Расчет на сочетание созданного эффекта неожиданности с ЧУВСТВОМ БЕЗОПАСНОСТИ
Неоднократное обращение по имени к Клиенту; подстройка к клиенту, ритму и темпу речи, копирование манеры разговора Клиента)	Психологический прием, рассчитанный на проявление уважения к личности Клиента, дополнительное ПОЗИТИВНОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПОДКРЕПЛЕНИЕ с эффектом неожиданности и чувством безопасности
2. Этап подтверждения Клиентом его непричастности, квалификация действий как мошеннических и сообщение о том, что безопасность Клиента будет «обеспечена»	
Выяснение причастности клиента к подаче заявки: «Вы совершали действия?»	Заинтересовать Клиента в необходимости поддержания разговора и в том, чтобы получить положительный ответ — этого не делал Клиент (ПОЗИТИВНОЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПОДКРЕПЛЕНИЕ)
Переключение внимания Клиента, констатация факта и квалификация преступления: «Значит это мошенничество, мы будем разбираться и обеспечивать Вашу личную (!) безопасность»	Расчет на подкрепление чувства безопасности Клиента, вызов симпатии и доверия: МЫ АВТОРИТЕТНЫЕ ЛИЦА И ПРОФЕССИОНАЛЫ, у нас все под контролем, мы (ТОЛЬКО МЫ ПОМОЖЕМ ВАМ!); регуляция эмоционального состояния Клиента
Прямое или косвенное указание на ограниченность временных рамок действий	Расчет на то, чтобы Клиент в условиях ограниченности времени не смог разумно оценить реальность происходящего и самостоятельно предпринимать действия, акцент на том, что ОНИ КОНТРОЛИРУЮТ СИТУАЦИЮ
3. Этап управления вниманием Клиента, проверки эффективности воздействия на него и подготовка Клиента к выполнению нужных действий	
Последовательное информирование Клиента в спокойной манере и размеренном темпе о действиях, которые необходимо предпринять для того, чтобы оказать помощь Клиенту в сложившейся ситуации; предоставление информации с помощью официальных терминов, понятий, логических выводов и пр.	Психологический расчет на концентрирование внимания и интеллектуальные способности Клиента, ПОДГОТОВКА ЕГО К СОВЕРШЕНИЮ НУЖНОГО АЛГОРИТМА ДЕЙСТВИЙ. Расчет также состоит в том, что на слух информация воспринимается большинством людей не в полном объеме, что усиливает эффект воздействия
Использование обратной связи в виде последовательно задаваемых вопросов Клиенту	Убедиться в адекватности реагирования на вопросы, не критическом восприятии Клиентом информации и установке своеобразного диагноза: «КЛИЕНТ НАШ!»
«Да-техника» в виде вопросов, предполагающих получить утвердительный ответ «да»	Расчет на инертность психики и приведение Клиента в спокойное состояние, подготовка его к главному вопросу, связанному с непосредственным согласием на выполнение нужного алгоритма действий

Таблица 1 (окончание)

Используемые манипулятивные методы и приемы	Психологический расчет
4. Этап закрепления доверия и авторитета Вишера/-ов, которые «здесь и сейчас» будут «обеспечивать финансовую безопасность» Клиента реальными действиями	
Подчеркивание положительных качеств и заслуг Клиента: в банке он не был, не производил замену номера, не производил попытку перевода и пр.	Комплиментарный прием рассчитан на поддержание и сохранение лица Клиента и его самоуважения, чтобы вывести умозаключения — это вмешались злодеи, банки-конкуренты («недружественные» нам банки). Расчет на то, что ответа «Да» на ранее поставленный вопрос будет принят также (без критического осознания того, как это стало возможно и причем тут представители другого банка?)
Переключение клиента на необходимость выполнения действий, которые разъясняются официальным, юридическим языком, уже в более быстром темпе	Расширение воздействия на Клиента, объяснение НЕОБХОДИМЫХ ДЕЙСТВИЙ , обеспечивающих финансовую безопасность (тем самым продолжает закрепляться связь между АВТОРИТЕТОМ ВИШЕРА, ВНЕШНИМ КОНТРОЛЕМ СИТУАЦИИ, ОПЕРАТИВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ, БЕЗОПАСНОСТЬЮ
5. Этап переключения на обычные финансовые действия Клиента и перестройка его на правила игры, которые нужны Вишерам	
Уточнение последних операций, остатков	Проверка доверия со стороны Клиента (если говорит обо всех счетах, остатках на них и пр.), то очевидно цель достигнута («НАШ КЛИЕНТ»), бдительность которого снижена, ОПАСНОСТИ НЕТ, СИТУАЦИЯ ПОД КОНТРОЛЕМ
Сбор исчерпывающей информации о вкладах, зарплате, пенсии, взаимодействии с другими банками и пр. для следующей Подчеркивание уважения к Клиенту, который готов превратиться в Жертву	Расчет на дальнейшее воздействие на Клиента, у которого «УСЫПИЛИ» БДИТЕЛЬНОСТЬ ; предупреждение в уважительной форме о том, что дальнейшая работа будет проводиться со специалистом; ОЦЕНКА ГОТОВНОСТИ К ПРОДОЛЖЕНИЮ КОНТАКТА ПО ТЕЛЕФОНУ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

скими картами и программой Сбербанк-онлайн. Отличия коммуникативного диалога с такими Клиентами заключаются в следующем:

1) в употреблении слов-реагирований на ответы Клиента «зафиксировал», вопросов-подсказок «Возможно, Вы совершали...?»;

2) оформлении официальных документов — «протокола»;

3) подчеркивание преимуществ Сбербанка;

4) формулировкой вопроса: «имеется ли в настоящее время у Вас доступ к Интернету?»;

5) дополнительное использование различных манипулирования Клиента (по принципу: «Может, что-то сломается!») в виде конкретных команд, указаний («Включайте мобильное устройство»), пожеланий («Нужно обналить...»), указание негативных последствий («потеряете процентную ставку»), предложений по дополнительной помощи Клиенту (подключение сотрудников предварительного следствия и пр.).

Существуют также отличительные признаки в телефонных разговорах с Клиентами, с недостаточно высоким уровнем грамотности и осведомленности. Вишеры в таких ситуациях максимально удерживают время общения с Клиентом для достижения цели (превращения Клиента в Жертву) и перевод для общения по телефону с другим Специалистом. Следует также отметить некоторые отличия от проанализированной идеальной схемы:

1) меньшая грамотность с психологической точки зрения;

2) отсутствие поэтапности телефонного разговора (либо схема не отработана, либо это является проявлением индивидуального стиля мошенника);

3) однообразие фраз в виде реакций на ответы Клиента («понял», «понимаю...»);

4) неоднократное возвращение клиента к вопросу о длительности работы (что может вызвать подозрения у Клиента о том, что это звонит мошенник);

5) использование угроз как крайней меры (метода) психологического воздействия на Клиента — «самостоятельно разбирайтесь со своими проблемами», «будут заморожены счета» и пр.

Таким образом, действия телефонных мошенников заключается в изменении мотивации Клиента для выполнения им сиюминутной задачи «единственно верным алгоритмом действий» за счет эффекта неожиданности/новизны/неопределенности возникшей ситуации и вызванными негативными эмоциональными переживаниями. В таком состоянии Клиенту не понимает и не знает, что делать. Поэтому завоевание авторитета и доверия мошенники сочетают с внушением Клиенту идей о том, что безопасность может быть обеспечена с помощью определенных оперативных действий. Осуществляемый ими контроль и алгоритм действий выступает показателем того, что Клиент управляем, и он превращается в Жертву. Стоит также отметить, что для осуществления противодействия телефонному мошенничеству необходимы знания о жертвах этих преступлений. Такие знания в научной литературе указываются: люди возраста 50+, выраженными ценностями безопасности, образом мышления наивного оптимиста, высоким самоконтролем, ставящие интересы группы выше собственных, склонные к сотрудничеству [2]. Адресный характер профилактических мер в отношении этих лиц очевиден, как и очевидно и следующее: чтобы сломать отработанные мошеннические алгоритмы, которые способны запутать даже специалистов, при разговоре по телефону с незнакомцами или по незнакомому телефону, важно:

- ◆ помнить, что та должность, которой представился звонящий Вам человек — это всего лишь слова, ничем не подтвержденные. Определившийся номер телефона может быть подменным. Если вам поступил подозрительный звонок, прервите разговор, положив трубку, и перезвоните сами в организацию, от имени которой к Вам обратились;

- ◆ внимательно слушать, что Вам говорят, а также фоновые детали. Неуверенный голос, странные шумы за «кадром», путаница в названии организации и пр. указывают на то, что это звонят мошенники;

- ◆ осознавать и помнить, что обычно родственники звонят Вам лично. Поэтому, если звонят от имени Вашего родственника или знакомого и просят перевести деньги, положите трубку и перезвоните им лично. Даже если родственник/знакомый не подходит

к телефону — это не повод немедленно переводить деньги. Подождите, пока он перезвонит, или свяжитесь через других родственников/общих знакомых;

- ◆ подвергать критике и осознавать то, что Вам говорят. Необходимо задавать себе вопросы на понимание: «Почему он мне позвонил, так говорит?», «Откуда ему это известно?» и т. д.;

- ◆ осознавать и помнить, что конфиденциальные данные — о ваших банковских счетах и картах, пин-код или CVV/CVC/CVP-код, код из СМС — являются секретными (т. е. Вашими!!!) и не подлежат разглашению;

- ◆ осознавать и помнить, что правоохранительные органы, финансово-кредитные учреждения, другие организации не совершают юридически значимые действия по телефону, особенно в срочном порядке. Даже если вам угрожают уголовной ответственностью за отказ сотрудничать, сообщают, что за вами уже направлен наряд полиции — знайте, что телефонные угрозы не имеют юридической силы. При поступлении подобного звонка необходимо прервать разговор и перезвонить в соответствующее подразделение или организацию, чтобы узнать необходимую информацию;

- ◆ завершить телефонный разговор, если Вас настойчиво просят, требуют совершить определенные действия в режиме «здесь и сейчас», угрожают последствиями, если их не выполните;

- ◆ отрегулировать свое эмоциональное состояние, если переживаете после прекращенного Вами звонка: сделайте паузу, несколько глубоких вдохов-выдохов, позвоните близким людям и обсудите тревожную ситуацию, совместно и объективно оцените происходящее. Похвалите себя за то, что смогли противостоять мошеннику.

Подводя итоги, отметим, что комплексный подход в исследовании телефонного мошенничества вынужденная, необходимая и действенная мера, направленная на противодействие с этим распространенным видом преступности в Российской Федерации. Знание и постоянное научно-прикладное изучение сведений об алгоритмах, схемах, типичных признаках, информационно-техническом оснащении, психологических манипулятивных приемах телефонных мошенников, криминальном опыте и о психологических особенностях этих лиц направлено на эффективное обеспечение деятельности сотрудников правоохранительных органов, разъяснительную, право-

воспитательную и профилактическую работу с гражданами. Представленные психологические рекомендации граждан основаны на проведенном исследовании манипулятивных методов и приемов телефонных мошенников. В настоящее время возрастает роль индивидуальной правовой и психологической зрелости граждан [3, с. 58], призванной также противостоять мошенникам. Ловкой манипуляции сознанием, желанию нажиться на наших сбережениях, требованиям совершить «здесь и сейчас» определенные действия необходимо противопоставить неразглашение наших секретов (ПИН-кодов, паролей, CVV/CVC/CVP-кодов, кодов из СМС-сообщений), осознание того, что каждый из нас разумный и думающий человек, могущий прервать опасный звонок, объективно оценивающий происходящее и могущий самостоятельно получить необходимую или дополнительную информацию, помощь у своих родственников и близких людей, сотрудников правоохранительных органов, финансово-кредитных учреждений и иных организаций [4, с. 358].

Список источников

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М. : ЧеРо, 1997.

2. Мешкова Н. В., Кудрявцев В. Т., Ениколопов С. Н. К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 1. С. 138–157.

3. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. проф. А. М. Столяренко. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2003.

4. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере информационных технологий: учебник / под науч. ред. И. А. Калиниченко. М. : Инфра-М, 2023.

References

1. Dotsenko E. L. Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection. M. : Chero, 1997.

2. Meshkova N. V., Kudryavtsev V. T., Enikolopov S. N. On the psychological portrait of victims of telephone fraud // Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology. 2022. № 1. P. 138–157.

3. Encyclopedia of Legal Psychology / ed. by Prof. A. M. Stolyarenko. M. : UNITY-DANA ; Law and Legislation, 2003.

4. Countering crimes committed in the field of information technology: textbook / ed. by I. A. Kalinichenko. M. : Infra-M, 2023.

Информация об авторах

Л. Н. Костина — начальник кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

В. В. Гончар — начальник кафедры информационной безопасности учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

L. N. Kostina — Head of the Department of Psychology of the Educational and Scientific Complex of the Psychology of Performance of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor;

V. V. Gonchar — Head of the Department of Information Security of the Information Technology Training and Research Complex of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 18.12.2023.

The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 18.12.2023.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-296-302>

EDN: <https://elibrary.ru/phoeev>

ИПОН: 2003-0059-7/23-936

MOSURED: 77/27-003-2023-07-135

Ресурсы совладания со стрессом студентов — будущих менеджеров

Михаил Федорович Секач¹, Людмила Николаевна Кулешова²

^{1,2} Российский новый университет, Москва, Россия, kuleshova48@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются представления о ресурсах совладания со стрессом студентов — будущих менеджеров. Установлено преобладание ресурсов, связанных с эмоционально-ориентированными стратегиями совладания со стрессами, у большинства студентов. В их деятельности наиболее представлены ресурсы совладания со стрессами: установление отношений с людьми, ожидание социальной поддержки, ожидание практической и эмоциональной помощи коллег, идентификация себя с успешными профессионалами. Также их отличают: склонность к эмоциональным переживаниям, к самообвинению, к самоутрачению и убеждению себя в правоте. Эмоциональная саморегуляция данных студентов — будущих менеджеров связана с анализом и оценкой переживаемых эмоций и эмоционально-ценностных состояний.

Представления о ресурсах совладающего поведения, связанных с преобладанием проблемно-ориентированных стратегий, характерны для трети студентов данной группы. В исследовании выделены используемые ими ресурсы совладания со стрессами: распределение времени, продумывание последовательности и целесообразности действий, контроль ситуации, поиск необходимой информации, опора на собственный опыт решения аналогичных проблем. К ресурсам совладания со стрессом также могут быть отнесены проявления образного мышления, творческого воображения, особенности Я-концепции и представлений о себе как субъекте будущей деятельности.

Успешность деятельности часто переживается ими в виде практических и гностических эмоций. Выявлен высокий уровень интеллектуализации их эмоциональной сферы.

У некоторых студентов преобладают ресурсы, связанные со стратегиями, ориентированными на избегание. К их числу относятся стратегии: не вникать в ситуации, связанные с профессиональными стрессами, отдалиться от подобных ситуаций, не думать о коррекции своих профессиональных планов, избегать ситуаций, предполагающих проявления интеллектуальной активности. Как установлено, в их жизни особое значение имеют такие стратегии: забота о собственном благополучии и жизнестойкости, планирование досуга, общение с друзьями. В беседе они отстаивали идеи о целесообразности традиционных моделей управления и авторитарных принципов, отрицали необходимость выстраивания гармоничных отношений с клиентами. У них преобладают гедонистические эмоции. Я-концепция противоречива.

В связи с этим в вузе осуществляется психокоррекционная работа, в которой особое внимание уделяется системе тренингов, способствующих осознанию имеющихся проблем и развитию личности студента как субъекта будущей профессиональной деятельности, что связано с формированием ресурсов совладания со стрессом, необходимых для успешного выполнения деятельности менеджера.

Ключевые слова: стресс, совладание со стрессом, менеджер, профессиональная деятельность, психодиагностика, психокоррекция, гедонистические эмоции, практические эмоции, гностические эмоции, Я-концепция

Для цитирования: Секач М. Ф., Кулешова Л. Н. Ресурсы совладания со стрессом студентов — будущих менеджеров // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 296–302. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-296-302>. EDN: PHOE EV.

Original article

Resources of coping with stress of students — future managers

Michael F. Sekach¹, Ludmila N. Kuleshova²

^{1,2} Russian New University, Moscow, Russia, kuleshova48@mail.ru

Abstract. Perceptions of resources of coping with stress of students — future managers are considered. The predominance of resources associated with emotionally-oriented strategies for coping with stress has been established in the majority of students. In their activities, stress management resources are most represented: establishing relationships with people, expecting social support, expecting practical and emotional help from colleagues, identifying oneself with successful professionals. They are also distinguished by a tendency to emotional experiences, self-blame, self-complacency and self-belief. The emotional self-regulation of these students — future managers is associated with the analysis and assessment of the emotions and emotional-value states experienced.

Ideas about the resources of coping behavior associated with the predominance of problem-oriented strategies are typical for a third of students in this group. The study highlights the resources they use to cope with stress: time allocation, thinking through the sequence and expediency of actions, controlling the situation, searching for necessary information, relying on their own experience in solving similar problems. The resources of coping with stress can also include manifestations of imaginative thinking, creative imagination, features of the Self-concept and ideas about oneself as a subject of future activity.

© Секач М. Ф., Кулешова Л. Н., 2023

The success of their activities is often experienced by them in the form of praxic and gnostic emotions. A high level of intellectualization of their emotional sphere was revealed.

For some students, resources related to avoidance-oriented strategies predominate. These include strategies: not to delve into situations related to professional stress, to distance oneself from such situations, not to think about correcting one's professional plans, and to avoid situations involving manifestations of intellectual activity. As it is established, such strategies are of particular importance in their lives: taking care of their own well-being and resilience, planning leisure time, communicating with friends. In the conversation, they defended the ideas of the expediency of traditional management models and authoritarian principles, and denied the need to build harmonious relationships with customers. They are dominated by hedonistic emotions. The self-concept is contradictory.

In this regard, psychocorrective work is carried out at the university, in which special attention is paid to the training system that promotes awareness of existing problems and the development of the student's personality as a subject of future professional activity, which is associated with the formation of stress management resources necessary for the successful performance of the manager's activities.

Keywords: stress, coping with stress, manager, professional activity, psychodiagnostics, psychocorrection, hedonistic emotions, practical emotions, gnostic emotions, Self-concept

For citation: Sekach M. F., Kuleshova L. N. Resources of coping with stress of students — future managers. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):296–302. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-296-302>. EDN: PHOEEV.

Проблема совладания со стрессом, связанная с эффективностью профессиональной деятельности менеджера, активно изучается в современной психологии, о чем свидетельствуют многие монографии, статьи и другие научные труды [1; 8; 9]. Становление личности и деятельности менеджера является сложным и длительным процессом, одним из этапов профессионализации выступает период обучения в вузе, связанный с формированием личности студента, как субъекта профессиональной деятельности. Важную роль могут иметь программы обучения студентов — будущих менеджеров, ориентированные на формирование ресурсов совладания с профессиональным стрессом.

В связи с этим важное значение имеет изучение особенностей совладания со стрессом, которые могут рассматриваться студентами на лекциях и семинарах в образовательном процессе вуза и в дальнейшем способствовать успешному разрешению стрессовых ситуаций в профессиональной деятельности менеджера. Однако, несмотря на возрастание требований к творческому потенциалу и креативности личности особенности ресурсов совладания со стрессом у студентов — будущих менеджеров выявлены недостаточно полно, что определяет актуальность данного исследования.

Специфика деятельности современного менеджера обусловлена влиянием многих факторов [3; 4; 10]. В современный период важное значение придается способности менеджера разрабатывать модели управления, направленные на повышение конкурентоспособности и эффективности компаний. Новые модели управления, в отличие от традиционных, основанных на принципах авторитарного контроля и администрирования, более ориентированы на учет

потребностей и запросов клиентов, на управление взаимоотношениями с членами трудового коллектива и с потребителями услуг компании [10; 11; 13]. Поэтому важны не только умения и компетенции менеджера, проявляющиеся в поиске и анализе необходимой информации, но и умение общаться с коллегами и клиентами. Важную роль имеет ресурсный потенциал менеджера, связанный с умениями совладания со стрессом, с трудными ситуациями, которые могут возникать в профессиональной деятельности и общении [5; 6]. Обогащение ресурсов совладающего поведения может способствовать успешным действиям менеджера не только в привычных обстоятельствах, но и в изменяющихся ситуациях профессиональной деятельности, связанных со стрессами и способами совладания с ними.

Термин «стресс», введенный Г. Селье, вначале обозначал неспецифическую реакцию организма в ответ на требования среды и рассматривался как общий адаптационный синдром [1]. Как отмечает Т. Л. Крюкова, в настоящее время стресс понимается как явление, связанное со стрессовыми состояниями, возникающими под влиянием стрессоров [7]. Выделяются многие разновидности стресса: социогенный, техногенный, психологический, профессиональный, природнообусловленный, аутогенный и другие [11; 12; 13]. Психологический стресс рассматривается как «функциональное, психическое состояние организма и психики, которое характеризуется существенными нарушениями субъективного состояния, психического статуса и поведения человека, возникшими в результате воздействия экстремальных факторов психогенной природы [2, с. 26]. Как подчеркивает В. А. Бодров, стресс может рассматриваться в качестве «продукта когнитивных процессов, образа мыс-

лей и оценки ситуации, знания собственных возможностей (ресурсов), степени обученности способам управления и стратегиям поведения, их адекватного выбора», что помогает осознать индивидуальные особенности переживания стресса, определяемого не только силой стрессора, но и особенностями имеющихся у человека ресурсов [12, с. 26]. Установлено, что ресурсы совладающего поведения могут рассматриваться как копинг-реакции, копинг-действия, копинг-стратегии, копинг-стили, связанные с мыслями, чувствами, переживаниями человека [12, с. 125].

Ресурсы совладающего поведения также могут рассматриваться как индивидуальные и средовые средства, условия, возможности, которые имеются в наличии в потенциальном состоянии, и которые человек может актуализировать и осознанно использовать при необходимости в целях совладания с трудной жизненной ситуацией [12, с. 316]. В зависимости от уровня субъектной регуляции, преобладающего или одновременного действия диспозиционного, ситуационного, социокультурного и регулятивного факторов, структурные компоненты совладающего поведения могут проявляться в эмоциональной, когнитивной или поведенческой сферах [12, с. 316]. В связи с этим рассматриваются особенности развития ресурсов совладания со стрессом, обусловленные влиянием уровня их осознанности, системной организации, а также изменчивости иерархии и возможностей компенсированности [12].

Как подчеркивает В. А. Бодров, следует различать объективно наблюдаемые и регистрируемые ресурсоподобные свойства процесса преобразования информации и ресурсы как гипотетическую переменную. Для объяснения данной переменной в психологических исследованиях используются различные термины, в том числе «ресурсы». Вопрос о том, что скрывается за проблемой ресурсов совладания со стрессом, каков онтологический статус, по мнению В. А. Бодрова, является одним из центральных и недостаточно разработанных в изучении психологии стресса и возможностей совладания с ним [12].

В связи с этим **объектом исследования** выступают ресурсы совладающего поведения. **Предмет исследования:** особенности представлений о ресурсах совладания со стрессом студентов — будущих менеджеров. **Цель исследования** заключается в изучении особенностей представлений о ресурсах совладания со стрессом студентов — будущих менеджеров, вы-

явленных в период их обучения в вузе. **Обследованный контингент:** студенты — будущие менеджеры; 47 человек; 2-й курс; возраст от 19 до 23 лет.

Методы исследования: наблюдение, беседа, эксперимент, тесты. Используются: опросник «Копинг — поведение в стрессовых ситуациях (КПСС-Kiss), подготовленный Н. С. Эндлером и Дж. А. Паркером, адаптированный Т. Л. Крюковой [6]; тест — анкета «Эмоциональная направленность» (Б. И. Додонов) [5], тест «Измерение уровня самоактуализации личности» (модификация Л. Я. Гозмана и М. В. Кроза) [3]. Обработка полученных результатов производилась с помощью статистического пакета STADIA 8.0

Результаты исследования. Проблема совладания со стрессом рассматривалась нами в связи с осознанием студентами личных ресурсов, с их представлениями о самоэффективности в решении проблем, связанных с деятельностью современного менеджера. Значительное влияние на представления студентов о ресурсах совладающего поведения оказали особенности восприятия ими себя как субъекта профессиональной деятельности, характеризующегося определенными личностными качествами и индивидуальными особенностями. На лекциях и семинарах, рассматривая ситуации профессиональной деятельности и продумывая вопросы о возможностях их анализа, связанного с имеющимися ресурсами совладания со стрессом, студенты учились следовать принципу «минимум затрат и максимум выгоды», помогающему реалистично представить особенности деятельности менеджера.

На представления студентов о ресурсах совладающего поведения и возможностях их адекватного применения, как замечено нами, оказали влияние знания студентов о традиционных и новых моделях управления компаниями. В исследовании также замечено проявление индивидуально своеобразных подходов студентов к пониманию ситуаций и возможностей не только адаптивного, но и неадаптивного влияния ресурсов совладания со стрессом на деятельность менеджера. В связи с этим мы учитывали данные, представленные в исследованиях В. А. Бодрова, согласно которым: использование ресурсов совладающего поведения может привести к разным последствиям, в том числе и к непредсказуемым; стратегия «стремление к успеху» полезна, но может нанести вред в определенных ситуациях;

имеются незначительные стрессоры, игнорирование которых может являться лучшей стратегией [2]. Поэтому особенности имеющихся ресурсов совладания со стрессами рассматривались на занятиях с учетом того, что стратегия может быть целесообразна в определенных обстоятельствах, но возможны и неблагоприятные долгосрочные последствия. На семинарских занятиях особое внимание уделялось анализу практических ситуаций, разработке творческих проектов, направленных на повышение эффективности деятельности менеджера и конкурентоспособности компании.

На разных этапах обсуждения на семинарах рассматриваемых проблем студенты часто опирались на разные ресурсы совладания со стрессом, что было обусловлено особенностями преобладающих у них копингов. В связи с этим установлено, что у большинства студентов выявлено преобладание ресурсов, связанных с эмоционально-ориентированными стратегиями совладающего поведения (60 %). Представления о ресурсах совладающего поведения, связанных с преобладанием проблемно-ориентированных стратегий, характерны для части студентов (28 %). У некоторых студентов преобладают ресурсы, связанные со стратегиями, ориентированными на избегание (12 %).

Студенты, у которых выявлены ресурсы совладающего поведения, связанные с преобладанием эмоционально-ориентированных стратегий, чаще рассматривали собственные коммуникативные умения, способность устанавливать отношения с окружающими, использовать социальную поддержку, а также идентифицировать себя с успешными профессионалами. Преодоление стресса, по их мнению, связано с оказанием помощи окружающими, практической и эмоциональной поддержки коллегами в сложной ситуации профессиональной деятельности. Студенты данной группы отмечали, что, помогая другим, они испытывают чувство гордости и удовлетворения, воспринимаемые ими как доказательства самооценности или превосходства над другими. Исследование показало, что эмоциональная саморегуляция у многих студентов данной подгруппы связана с оценкой испытываемых ими эмоций, эмоционально-ценностных переживаний, которые также рассматриваются ими как ресурсы совладающего поведения. Также студентам подгруппы присуща склонность к переживаниям, связанным с необходи-

мостью анализа новых и неожиданных ситуаций, которые могут проявиться в деятельности менеджера. В подобных ситуациях они склонны использовать способы совладания со стрессом: самообвинения по поводу излишне эмоционального отношения к проблеме, чувство жалости, связанное с неумением изменить ситуацию или свое отношение к ней и др. Однако, у студентов данной группы, как показали беседы, беспокойство по поводу несформированности умений рационального подхода к стрессовым ситуациям, обычно сменяется самоуспокоением, убеждением себя в пользе приобретаемого на учебных занятиях опыта творческого использования ресурсов совладающего поведения в целях подготовки к выполнению деятельности.

Студенты, отметившие преобладание у себя ресурсов, связанных с проблемно-ориентированным копингом, больше внимания уделили описанию когнитивных способностей. Они подчеркивали, что стремление лучше распределять время, продумывать целесообразность и последовательность действий, а также опираться на свой опыт решения аналогичных проблем может рассматриваться как имеющийся у них ресурс совладающего поведения. Контроль ситуации, связанный со стремлением определить курс действий и придерживаться его, также многими рассматривался как ресурс совладающего поведения. Студенты выделяли и положительно оценивали имеющуюся у них интеллектуальную привычку сосредоточиться на проблеме, вникнуть в ее суть, а также обратиться к поиску необходимой информации в случае необходимости.

Студенты, у которых установлено преобладание ресурсов профессионально-ориентированного копинга, чаще испытывали практические и гностические эмоции. Практические эмоции проявлялись как радостное возбуждение, эмоциональный подъем, увлеченность и чувство гордости, вызванные ходом работы и успешными ее результатами. Гностическая эмоциональная направленность сопровождалась удовлетворением, вызванным осознанием сути явления, что воспринималось студентами — будущими менеджерами как подтверждение гипотез, высказанных ими при обсуждении проблем.

Нами отмечен высокий уровень интеллектуализации их эмоциональной сферы, проявляющийся во включении в структуру ресурсов совладающего поведения образного мышления, творческого вообра-

жения, позитивной Я-концепции как интегративной системы представлений о себе, а также системы ценностей и этических принципов. В исследовании также установлено развитие у многих студентов данной подгруппы чувства долга, ответственности и склонности испытывать радость от успехов в деятельности и общении, связанные со стремлением личности к самоутверждению. Так, многие студенты данной группы подчеркивали свои умения использовать сложную и непредвиденную ситуацию в качестве доказательства своей способности ее успешно разрешить. Для них важна способность выйти победителями из стрессовой ситуации, замеченной их сверстниками, что показывает их восприятие собственной интеллектуальной успешности в контексте самоутверждения в студенческой группе.

Студенты, у которых выявлено преобладание стратегий избегающего поведения, отмечали нередко появляющееся у них на занятиях желание не вникать в стрессы, связанные с профессиональными ситуациями. Они подчеркивали, что в подобных ситуациях у них появляется стремление отдалиться от ситуаций, связанных с поиском эффективных путей развития организаций, а также от коррекции собственных профессиональных планов. По мнению многих студентов данной группы такое поведение способствует избеганию нежелательных ситуаций и изменению своего отношения к проблеме. Как показали беседы, многие студенты данной группы отстаивают целесообразность традиционных моделей управления, связанных с преобладанием авторитарных подходов в организации деятельности компании. Также преобладали негативные суждения о необходимости гармоничных отношений с клиентами, являющимися потребителями услуг. К числу ресурсов совладающего поведения многие студенты данной группы, прежде всего, относили заботу о своем благополучии и жизнестойкости. В связи с этим они отмечали, что в сложных ситуациях, возникающих при обсуждении проблем, связанных с ресурсами совладающего поведения, а также при подготовке курсовых работ, они нередко стремятся переключиться на заботу о себе, стараются «быть на людях», смотреть фильмы, ходить в гости, звонить друзьям. Также, по их мнению, преодолению стрессовых ситуаций могут способствовать возникающие у них мысли о собственной исключительности. Общение с теми людьми, чей жизненный опыт им ин-

тересен, многими студентами данной подгруппы рассматривается как полезный ресурс совладающего поведения, важный в деятельности современного менеджера.

В ходе бесед отдельные студенты данной группы высказывали сомнения в правильности профессионального выбора. Нами установлено, что Я-концепция, основанная на личностных и профессионально важных качествах, у ряда студентов отличается противоречивостью. У многих выявлен низкий уровень развития способности к саморегуляции и контролю своих эмоций. В основе Я-концепции находятся качества, способствующие не только достижению успеха в будущей профессиональной деятельности, но и избеганию возможных неудач. Студенты данной подгруппы нередко отмечали наличие таких ресурсов совладающего поведения, которые предполагают избегание интеллектуальной активности и переоценку ими своих профессиональных выборов. Как установлено нами, избегающее поведение личности нередко связано с гедонистическими эмоциями, проявляющимися в беззаботности и веселье, представлениями о безопасности и безмятежности жизни, и с наслаждениями непринужденной обстановкой, отдыхом, вкусной едой и др. Как установлено В. А. Бодровым, использование стратегии «избегания» в определенных ситуациях может увеличивать психологические трудности в деятельности менеджера, но такая стратегия может быть иногда полезна в неконтролируемых обстоятельствах [2].

Психодиагностический этап исследования сопровождался психокоррекцией, связанной с представлениями студентов о собственных ресурсах совладающего поведения, которые могут актуализироваться и развиваться в образовательном процессе вуза. Для этого была разработана программа исследования, предполагающая обучение студентов — будущих менеджеров адаптивным стратегиям преодоления профессиональных стрессов, связанным с их представлениями об имеющихся ресурсах совладающего поведения. Нами учитывался тот факт, что психологический стресс может иметь не только отрицательные, но и положительные последствия, проявляющиеся в повышении выносливости, росте мастерства и чувства собственного достоинства, увеличении количества ресурсов совладания для использования в стрессогенных ситуациях. Ресурсы совладающего поведения способствуют преодолению

нию стресса адекватными способами, связанными с прогнозированием вероятной эффективности деятельности менеджера в условиях использования стратегий проблемно-ориентированного, эмоционально-ориентированного, или ориентированного на избегание копинга.

Выводы. Важную роль имеют представления студентов о себе как субъектах профессиональной деятельности, о собственных личностных качествах, которые рассматриваются ими как ресурсы совладающего поведения, связанного со способностью преодолевать влияние профессиональных стрессов.

На выбор ресурсов совладающего поведения студентов — будущих менеджеров, влияют многие особенности, прежде всего их личностные качества, связанные с восприятием себя как субъектов управленческой деятельности.

У большинства студентов выявлено преобладание ресурсов, связанных с эмоционально-ориентированными стратегиями совладающего поведения. Представления о ресурсах совладающего поведения, связанных с преобладанием проблемно-ориентированных стратегий, характерны для части студентов. У некоторых студентов преобладают ресурсы, связанные со стратегиями, ориентированными на избегание.

В процессе обучения в вузе реализована программа тренинговой работы со студентами, способствующая более глубокому осознанию возможностей и условий формирования ресурсов совладающего поведения со стрессовыми ситуациями, что является важным звеном в профессиональной подготовке студентов — будущих менеджеров.

Использование представлений о собственных ресурсах совладания со стрессом может способствовать разработке программ обучения студентов адаптивным стратегиям преодоления стресса в деятельности менеджера, что и определяет задачи дальнейшего научного исследования.

Список источников

1. Актуальный взгляд на природу и пути преодоления жизненных трудностей: моногр. / под общ. ред. А. С. Огнева. М. : Изд. «Спутник+», 2021.
2. Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М. : Изд. Пер Сэ, 2006.
3. Болотова А. К., Макарова И. В. Прикладная психология. М. : Изд. «Аспект-Пресс», 2001.
4. Брунер Р. Ф., Икер М. Р. и др. Мастер делового администрирования. М., 2011.
5. Додонов Б. И. Эмоции как ценность. М. : Изд. Педагогика, 1987.
6. Крюкова Т. Л. Методы совладающего поведения. Кострома : Изд. КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010.
7. Крюкова Т. Л. Психология совладающего поведения. Кострома : Изд. КГУ им. Н. А. Некрасова, 2004.
8. Лазарус Р. С. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / под ред. Л. Леви. Л. : Изд. «Медицина», 1970.
9. Проблемы и достижения современной стрессологии: моногр. / под. общ. ред. А. С. Огнева. М. : Изд. «Спутник+», 2020.
10. Пряжников Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение. Воронеж : Модэк, 1996.
11. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М. : Изд. «Школьная пресса», 2000.
12. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М. : Изд. «Институт психологии РАН», 2011.
13. Шадриков В. Д. Ментальное развитие человека. М. : Изд. «Аспект-Пресс», 2007.

References

1. An up-to-date view of nature and ways to overcome life's difficulties: monograph. / ed. by A. S. Ognev. M. : Publishing house «Sputnik +», 2021.
2. Bodrov V. A. Psychological stress: development and overcoming. M. : Ed. Per Se, 2006.
3. Bolotova A. K., Makarova I. V. Applied psychology. M. : Publishing house «Aspect-Press», 2001.
4. Bruner R. F., Iker M. R. et al. Master of Business Administration. M., 2011.
5. Dodonov B. I. Emotions as value. M. : Publishing house. Pedagogy, 1987.
6. Kryukova T. L. Methods of coping behavior. Kostroma : Ed. KSU named after N. A. Nekrasov, 2010.
7. Kryukova T. L. Psychology of coping behavior. Kostroma : Ed. N. A. Nekrasov KSU, 2004.
8. Lazarus R. S. Theory of stress and psychophysiological research // Emotional stress / Ed. by L. Levi. L. : Publishing house «Medicine», 1970.
9. Problems and achievements of modern stressology: monograph. / General ed. by A. S. Ogneva. M. : Publishing house «Sputnik+», 2020.

10. Pryazhnikov N.S. Professional and personal self-determination. Voronezh : Modek, 1996.
11. Slobodchikov V. I., Isaev E. I. Psychology of human development. The development of subjective reality in ontogenesis. M. : Publishing house «School press», 2000.
12. Stress, burnout, coping in a modern context / Ed. by A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko. M. : Publishing house «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 2011.
13. Shadrikov V. D. Mental development of a person. M. : Publishing house «Aspect-Press», 2007.

Информация об авторах

М. Ф. Секач — профессор кафедры общей психологии и психологии труда Российского нового университета, доктор психологических наук, профессор;

Л. Н. Кулешова — профессор кафедры общей психологии и психологии труда Российского нового университета, доктор психологических наук, профессор.

Information about the authors

M. F. Sekach — Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology of the Russian New University, Doctor of Psychological Sciences, Professor;

L. N. Kuleshova — Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology of the Russian New University, Doctor of Psychological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 13.12.2023.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 13.12.2023.

The image shows the front cover of a textbook. The cover is divided into several sections. At the top left, there is a dark grey rectangular area containing the coat of arms of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the text 'Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя'. Below this, on the left side, is a large white rectangular area with the title 'Психология служебной деятельности' in bold black font. To the right of this title, there is a dark grey rectangular area with the text 'Учебник Второе издание'. At the top right, there is a light grey rectangular area with the title 'ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ' in bold black font. Below this, there is a dark grey rectangular area with the text '2-е изд., перераб. и доп. Учебник. 351 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф НИИ образования и науки Цветков В. Л. и др.'. At the bottom right, there is a large white rectangular area with a paragraph of text describing the book's content and its relevance to the Federal State Educational Standard for higher professional education, specifically for the specialty 3705.02 'Psychology of Service Activity'. The text mentions that the book covers the basics of psychological work in internal affairs organs, the preparation of OVD employees, and the psychological rehabilitation of OVD employees.

Научная статья

УДК 159.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-303-308>

EDN: <https://elibrary.ru/nzdnhu>

ИПОН: 2003-0059-7/23-937

MOSURED: 77/27-003-2023-07-136

Применение служебного теста САТ в целях эффективного решения задач адаптации и стимуляции обследуемого лица в рамках СПФИ с применением полиграфа

Ирина Викторовна Усачева¹, Мария Сергеевна Сиворонова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ irina-u@yandex.ru

² sivoronovams@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования индивидуально-психологических особенностей обследуемых лиц в рамках проведения СПФИ с применением полиграфа, способствующие успешному решению задач их адаптации и стимуляции на этапе применения служебных тестов. Описаны задачи служебных тестов в рамках проведения СПФИ с применением полиграфа. Раскрыты индивидуально-психологические особенности обследуемых лиц, которые обеспечивают оптимальный подбор стимульно-адаптационного теста, вопросы которого в наименьшей степени способствуют возникновению ассоциированных следов в памяти, для стандартизации процедуры проведения психофизиологического исследования с применением полиграфа.

Ключевые слова: профессиональный психологический отбор на службу в органы внутренних дел РФ, специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа, служебные тесты, стимульно-адаптационный тест (САТ), полиграф, полиграфолог, адаптация и стимуляция обследуемого лица в рамках СПФИ с применением полиграфа

Для цитирования: Усачева И. В., Сиворонова М. С. Применение служебного теста САТ в целях эффективного решения задач адаптации и стимуляции обследуемого лица в рамках СПФИ с применением полиграфа // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 303–308. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-303-308>. EDN: NZDNHU.

Original article

Application of the SAT service test for the purpose of effectively solving problems of adaptation and stimulation of the person being examined within the framework of the SPFI using a polygraph

Irina V. Usacheva¹, Maria S. Sivoronova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ irina-u@yandex.ru

² sivoronovams@mail.ru

Abstract. The results are presented of a study of the individual psychological characteristics of the examined persons as part of the SPFI using a polygraph, which contribute to the successful solution of the problems of their adaptation and stimulation at the stage of applying service tests. The tasks of service tests within the framework of conducting SPFI using a polygraph are described. The individual psychological characteristics of the subjects being examined are revealed, which ensure the optimal selection of a stimulus-adaptation test, the questions of which least contribute to the emergence of associated traces in memory, to standardize the procedure for conducting a psychophysiological study using a polygraph.

Keywords: professional psychological selection for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation, special psychophysiological research using a polygraph, service tests, stimulus-adaptation test (SAT), polygraph, polygraph examiner, adaptation and stimulation of the person being examined within the framework of the SPFI using a polygraph

For citation: Usacheva I. V., Sivoronova M. S. Application of the SAT service test for the purpose of effectively solving problems of adaptation and stimulation of the person being examined within the framework of the SPFI using a polygraph. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):303–308. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-303-308>. EDN: NZDNHU.

Введение. Совершенствованию системы отбора, подготовки и дальнейшему «сопровождению» личного состава правоохранительных органов во всех развитых странах мира уделяется большое внимание. Общество всегда предъявляло высокие требования к профессиональным, интеллектуальным, морально-

© Усачева И. В., Сиворонова М. С., 2023

этическим и физическим качествам сотрудников органов охраны правопорядка.

В последнее десятилетие проблема собственной безопасности и укрепления законности в правоохранительных органах является приоритетным направлением. Одним из путей решения данного вопроса является применение полиграфных устройств при решении ряда кадровых задач, в том числе при отборе кандидатов на службу в органы внутренних дел [1].

Получение правдивой информации имеет решающее значение во всех видах деятельности сотрудников органов внутренних дел. Сотрудникам отдела по работе с личным составом зачастую непросто принять решение о назначении на должность того или иного кандидата, особенно если учесть наличие неизвестного прошлого. Для оперативных сотрудников также важно получение правдивой информации от лиц, совершивших какое-либо противоправное действие [2].

Многолетний опыт практического применения полиграфа в разных странах мира способствовал формированию нескольких теорий, обосновывающих принципиальную возможность его использования в целях проверки сообщаемой человеком информации. Сегодня можно констатировать, что закономерности психофизиологического реагирования человека при воздействии на него раздражителей различной значимости (стимулов) хорошо изучены. Поэтому целенаправленное создание в ходе психофизиологического исследования (далее — ПФИ) условий, способствующих актуализации следов памяти с учетом особенностей эмоционального реагирования обследуемого, является залогом его успешного проведения.

Однако следует помнить, что универсальной методики производства ПФИ, одинаково пригодной для эффективного применения в любых ситуациях, складывающихся на практике, не существует. Специалисты-полиграфологи при проведении каждого конкретного исследования должны творчески подходить к использованию приемов, предусмотренных различными методиками [6].

В целях эффективного решения задач адаптации и стимуляции обследуемого лица в рамках специальных психофизиологических исследований (далее — СПФИ) с применением полиграфа, необходимо использование стимульно-адаптационного

установочного теста (САУТ, чаще встречается стимульно-адаптационного теста (САТ)), с учетом индивидуально-психологических особенностей обследуемого [3; 4]. Проведение стимульно-адаптационного теста необходимо для:

- ♦ адаптации обследуемого к процедуре СПФИ;
- ♦ оценки общей реактивности обследуемого;
- ♦ стабилизации динамики физиологических показателей перед предъявлением проверочных тестов;
- ♦ укрепления веры обследуемого в эффективность СПФИ;
- ♦ нормализации психофизиологического состояния добросовестного обследуемого и исключения ненужного волнения;
- ♦ повышения уровня тревожности у обследуемых, которые не заинтересованы в объективном исходе проверки, способствуя усилению в последующем реакций, связанных с ложью;
- ♦ выявления приемов противодействия, которые может применять обследуемый;
- ♦ повышения качества настройки полиграфа в каждом конкретном случае.

Процедура полиграфных проверок, любые методики, тесты и предъявляемые вопросы направлены на выявление психофизиологических реакций, вызванных предъявленными стимулами (вопросами, фотографиями, рисунками, предметами и т. д.). Основным в структуре полиграфных проверок является принцип оценки реагирования организма на предъявляемую информацию с учетом ее личностной значимости для обследуемого [5].

Основная задача, стоящая перед полиграфологом в процессе тестирования — качественно и количественно оценить изменение регистрируемых психофизиологических показателей, вызванное реакцией на предъявляемый вопрос, и на этом основании составить объективное заключение.

При оценке информативных признаков необходимо учитывать состояние обследуемого, а также условия внешней среды, в которой проходит исследование. Также на результаты проверки оказывают влияние индивидуально-психологические особенности обследуемого. И в этой связи подбор стимульно-адаптационного теста, вопросы которого в наименьшей степени способствуют возникновению ассоциированных следов в памяти, является чрезвычайно важным условием для стандартизации процедуры проведения психофизиологического исследования с

применением полиграфа и играет большую роль в эффективной адаптации обследуемого к предстоящей процедуре.

Помимо этого, в процессе проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа специалисты должны учитывать индивидуально-психологические особенности обследуемых, способствующие успешному решению задач их адаптации и стимуляции на этапе применения служебных тестов. К индивидуально-психологическим особенностям различных категорий обследуемых можно отнести:

- ◆ особенности пола;
- ◆ особенности возраста;
- ◆ особенности национальности;
- ◆ особенности, связанные с профессиональной деятельностью;
- ◆ уровень интеллектуального развития;
- ◆ особенности познавательных процессов;
- ◆ уровень ситуативной и личностной тревожности;
- ◆ уровень коммуникативных навыков;
- ◆ актуальное психоэмоциональное состояние;
- ◆ ведущую репрезентативную систему;
- ◆ темперамент, характер, способности, интеллект и др.

Рассмотрим, почему важно учитывать некоторые из вышеперечисленных индивидуально-психологических особенностей обследуемых при проведении полиграфной проверки. Еще на этапе предтестовой беседы полиграфолог должен учитывать, каким темпераментом и характером обладает обследуемое лицо, пришедшее на обследование, какими способностями и склонностями он обладает, какие интересы у него преобладают. Данная информация способна помочь легко установить психологический контакт с обследуемым, учитывая его индивидуально-психологические особенности.

В зависимости от того, кем является человек по темпераменту: сангвиником, холериком, флегматиком или меланхоликом можно определить тактику проведения беседы, спрогнозировать как обследуемый себя поведет во время проведения обследования, какие возможные реакции от него ожидать, также можно подобрать соответствующие вопросы при составлении тестов проверки, подстроиться под его поведение. Важно определить эмоциональное состояние человека, если он находится в состоянии эмоционального возбуждения, либо негативно настроен на про-

цедуру проверки, или же, наоборот, тревожен и мнителен, необходимо предпринять меры по стабилизации состояния обследуемого, что позволит качественно провести обследование.

Полиграфологу важно понять насколько обследуемый открыт и готов к общению, узнать его отношение к окружающим людям и обстановке (экстраверт или интроверт). Психолог-полиграфолог должен иметь навыки установления доверительных отношений с любым обследуемым. Возникновение коммуникативных проблем может быть обусловлено индивидуальными особенностями восприятия (посылаемых и получаемых речевых сообщений) и представлениями людей друг о друге.

Эффективность коммуникации в предтестовой беседе может быть увеличена с помощью использования психологических технологий, связанных с понятием «репрезентативной системы личности», это системы поиска, приема и переработки информации из окружающего мира, которые позволяют полиграфологу правильно построить предтестовую беседу и получить максимальное количество признаний еще до одевания датчиков. Связь между особенностями репрезентативных систем участников процесса коммуникации и эффективностью этого процесса весьма очевидна. У каждого обследуемого есть ведущая репрезентативная система, которая относится к одной из сенсорных модальностей: визуальной, аудиальной, кинестетической. Как правило, у каждого человека чувствительность в какой-либо одной сенсорной модальности развита больше, чем в других.

В процессе предтестовой беседы полиграфолог может определить репрезентативную систему обследуемого, внимательно слушая, как обследуемый отвечает на вопросы, касающиеся описания своих общих биографических данных и жизненного опыта. Визуальную репрезентативную систему можно распознать по описанию, состоящему из картин и образов, аудиальную — по описанию, состоящему из выделения звукового и речевого сопровождения в качестве основных, кинестетическую — по описанию, состоящему из чувств и ощущений. Также методами определения ведущей репрезентативной системы человека являются: изучение глазодвигательных реакций, вербализация собеседника и самоотчеты (сообщения испытуемых о предпочитаемой ими сенсорной модальности). Правильная иденти-

фикация репрезентативной системы обследуемого и присоединение к этой системе в процессе взаимодействия с ним способствует установлению эффективного общения с испытуемым во время проведения СПФИ.

Важно отметить, что на этапе проведения служебных тестов, для повышения эффективности проводимых методик, полиграфологу необходимо подобрать такие вопросы, которые вызывают наименьшее количество ассоциаций. Другими словами, наличие ассоциированных следов в памяти обследуемого, возникающих в ответ на определенный вопрос в служебной тесте (САТ), должно быть минимальным. Также, при проведении именованного теста САТ необходимо учитывать особенности восприятия национальных имен, например, если испытуемый является татарин, в именованном тесте САТ в качестве нейтральных вопросов следует использовать знакомые ему татарские имена, если испытуемый является русским, то русские имена и т. д. Такое же правило применимо и к национальным фамилиям.

На основе рассмотренных в ходе теоретического анализа индивидуально-психологических особенностей различных категорий обследуемых мы провели эмпирическое исследование, направленное на изучение индивидуально-психологических особенностей обследуемых, способствующих успешному решению задач их адаптации и стимуляции на этапе применения служебных тестов.

Гипотеза исследования: для эффективного решения задач адаптации и стимуляции обследуемого лица в рамках СПФИ с применением полиграфа следует учитывать его индивидуально-психологические особенности, которые в меньшей степени способствуют возникновению ассоциированных следов в памяти.

Материалы и методы. Эмпирическое исследование роли индивидуально-психологических особенностей обследуемых при подборе вида стимульно-адаптационного теста во время проведения СПФИ проводилось на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, в нем приняли участие шесть сотрудников (три мужчины и три женщины). По половой принадлежности нами были сформированы две группы обследуемых. Были проведены специальные психофизиологические исследования, с использованием при тестировании каждого обследуемого трех видов стимульно-адапта-

ционного теста: 1) САТ на имя, 2) САТ «2х2», 3) САТ с неизвестным решением.

Результаты. Качественная оценка полиграмм показала, что психофизиологические реакции на проверочные вопросы стимульно-адаптационного теста на имя, в сравнении с реакциями на нейтральные вопросы, являются достаточно сильными. Значимость собственного имени для обследуемого безусловна и очевидна. Однако, как минус стимульно-адаптационного теста на имя можно выделить сложности в подборе гомогенных имен для составления нейтральных вопросов. Поскольку, как правило, многие имена для обследуемых имеют эмоциональную окраску и вызывают ассоциации. Психофизиологические реакции на проверочные вопросы стимульно-адаптационного теста «2х2», в сравнении с реакциями на нейтральные вопросы, не являются достаточно сильными, реакции на проверочные вопросы теряются среди реакций на нейтральные вопросы. При визуальной оценке полиграмм нельзя однозначно сказать, какой ответ является правильным. Мы считаем, что так происходит потому, что содержание данного стимульно-адаптационного теста является для обследуемых не значимым, намного менее значимым, чем собственное имя. В цифровом стимульно-адаптационном тесте неизвестного решения психофизиологические реакции на загаданное обследуемым число являются достаточно сильными. При визуальной оценке полиграмм среди всех реакций несложно выделить реакции на загаданное обследуемым число. В силу того, что при проведении данного теста были задействованы несколько каналов восприятия информации (аудиальный, кинестетический и визуальный), реакции на загаданное обследуемым лицом число ярко выражены.

Помимо качественной оценки зарегистрированные данные подвергались автоматической оценке с помощью специальной компьютерной программы, разработанной для полиграфов модели «Диана-07». После чего, между двумя группами обследуемых осуществлялось сравнение баллов проверочных и нейтральных вопросов каждого стимульно-адаптационного теста, полученных при автоматической обработке по итогам трех предъявлений (табл. 1).

Достоверных различий между баллами ПВ мужчин и женщин при использовании САТ «2х2» не выявлено. При сравнении баллов НВ мужчин и женщин при использовании САТ «2х2» различий также не выявлено. Иными словами, интенсивность физиологи-

Таблица 1

Сравнение среднего значения баллов ПВ и НВ мужчин и женщин по всем видам САТ

Среднее значение баллов по проверочным вопросам				
Виды САТ	Мужчины	Женщины	Общее значение	Разница между показателями
На имя	0,91	0,93	0,92	0,02
«2х2»	0,65	0,54	0,59	0,11
Цифровой	0,76	0,99	0,87	0,23
Среднее значение баллов по нейтральным вопросам				
Виды САТ	Мужчины	Женщины	Общее значение	Разница между показателями
На имя	0,34	0,32	0,32	0,02
«2х2»	0,39	0,39	0,39	0
Цифровой	0,41	0,30	0,35	0,11

ческих реакций на ПВ и НВ мужчин и женщин при использовании стимульно-адаптационного теста «2х2» одинакова. Анализируя суммарные средние значения баллов ПВ и НВ мужчин и женщин вместе, стоит отметить, что стимульно-адаптационный тест «2х2» является недостаточно эффективным при решении задач адаптации и стимуляции обследуемого лица. Поскольку разница между средними значениями баллов ПВ и НВ небольшая, заметно меньше, чем в САТ на имя. Психофизиологические реакции на проверочные вопросы стимульно-адаптационного теста «2х2», в сравнении с реакциями на нейтральные вопросы, не являются достаточно сильными.

Обсуждение результатов. Таким образом, анализируя данные, представленные в таблице, можно сказать, что достоверных различий между баллами ПВ мужчин и женщин при использовании САТ «2х2» не выявлено. При сравнении баллов НВ мужчин и женщин при использовании САТ «2х2» различий также не выявлено. Иными словами, интенсивность физиологических реакций на ПВ и НВ мужчин и женщин при использовании стимульно-адаптационного теста «2х2» одинакова. Анализируя суммарные средние значения баллов ПВ и НВ мужчин и женщин вместе, стоит отметить, что стимульно-адаптационный тест «2х2» является недостаточно эффективным при решении задач адаптации и стимуляции обследуемого лица. Поскольку разница между средними значениями баллов ПВ и НВ небольшая, заметно меньше, чем в САТ на имя. Психофизиологические реакции на проверочные вопросы стимульно-адаптацион-

ного теста «2х2», в сравнении с реакциями на нейтральные вопросы, не являются достаточно сильными. Реакции на проверочные вопросы теряются среди реакций на нейтральные вопросы.

Заключение. Таким образом, исходя из данных, указанных в таблице, можно сделать вывод о том, что влияние ассоциированных следов в памяти обследуемых на формирование физиологических реакций в служебном тесте САТ на имя ниже, чем в остальных использованных нами стимульно-адаптационных тестах. Также можно сделать вывод о значимости для обследуемых собственного имени и фамилии. Так, стимульно-адаптационный тест на имя является наиболее эффективными для адаптации и стимуляции обследуемого лица в рамках СПФИ с применением полиграфа, а стимульно-адаптационный тест «2х2» — наименее эффективным. Содержание стимульно-адаптационного теста «2х2» является для обследуемых не значимым. При сравнении между собой двух групп обследуемых, различия между мужчинами и женщинами выявлены только при использовании цифрового стимульно-адаптационного теста неизвестного решения. Мы предполагаем, что различия в интенсивности физиологических реакций на проверочные вопросы мужчин и женщин обусловлены большей эмоциональной подвижностью женщин, в сравнении с мужчинами. Отметим, что в целях повышения эффективности полиграфных проверок следует учитывать индивидуально-психологические особенности обследуемых при подборе вида стимульно-адаптационного теста во время проведения СПФИ.

Список источников

1. Приказ МВД России от 18 марта 2010 г. № 201 дсп «Об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Варламов В. А., Варламов Г. В. Компьютерная детекция лжи. М. : Печатный дом «Илигар», 2010.
3. Настольная книга полиграфолога: учебно-методическое пособие для полиграфологов / под ред. П. Б. Корочкина, Л. Г. Алексеева, Н. К. Данилевича, Я. В. Комиссаровой и др. М. : Центр интеллектуальных психофизиологических технологий «Эксперт», 2018.
4. Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю. Инструментальная детекция лжи: академический курс. Ярославль : Ньюанс, 2004.
5. Основы проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа в кадровой работе: учеб. пособие для организационных психологов / Д. В. Деулин, В. Е. Петров, И. Н. Носс; под общ. ред. В. Д. Серякова. М. : Издательство «Спутник+», 2021.
6. Сошников А. П., Комиссарова Я. В., Пеленицын А. Б. и др. Полиграф в практике расследования преступлений: метод. рекоменд. М. : Московский

государственный институт радиотехники, электроники и автоматики (ТУ), 2008.

References

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 18, 2010 No. 201 dsp «On the organization of psychophysiological studies using a polygraph in the internal affairs bodies of the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
2. Varlamov V. A., Varlamov G. V. Computer lie detection. M. : Printing house «Iligar», 2010.
3. Polygraph examiner's handbook: educational and methodological manual for polygraph examiners / ed. by P. B. Korochkina, L. G. Alekseeva, N. K. Danilevich, Ya. V. Komissarova et al. M. : Center for Intelligent Psychophysiological Technologies «Expert», 2018.
4. Ogloblin S. I., Molchanov A. Yu. Instrumental lie detection: academic course. Yaroslavl : Nuance, 2004.
5. Fundamentals of special psychophysiological research using a polygraph in personnel work: A textbook for organizational psychologists / D. V. Deulin, V. E. Petrov, I. N. Noss; under general Ed. V. D. Seryakov. M. : Sputnik+ Publishing House, 2021.
6. Soshnikov A. P., Komissarova Ya. V., Pelenitsyn A. B. and others. Polygraph in the practice of crime investigation: methodological recommendations. M. : Moscow State Institute of Radio Engineering, Electronics and Automation (TU), 2008.

Информация об авторах

И. В. Усачева — преподаватель кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук;

М. С. Сиворонова — Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат психологических наук.

Information about the authors

I. V. Usacheva — Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Candidate of Psychological Sciences.

M. S. Sivoronova — Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Candidate of Psychological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 13.12.2023.

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 13.12.2023.

Рецензия

УДК 303.4

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-309-312>

EDN: <https://elibrary.ru/oapnjz>

НИОН: 2003-0059-7/23-938
MOSURED: 77/27-003-2023-07-137

Наука «научения» исследовательской методологии и инструментам мышления (научный разбор двухтомного четвертого издания учебника «Методология научных исследований и прикладной аналитики»)

Николай Валентинович Артемьев¹, Юрий Ильич Попугаев²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ Московский университет имени С. Ю. Витте, Москва, Россия

¹ nikvalart@rambler.ru

² popugaev@list.ru

Аннотация. Представлена рецензия на учебник «Методология научных исследований и прикладной аналитики» доктора юридических наук, профессора И. В. Понкина и кандидата юридических наук А. И. Лаптевой в двух томах.

Ключевые слова: методология, наука, исследования, аналитика

Для цитирования: Артемьев Н. В., Попугаев Ю. И. Наука «научения» исследовательской методологии и инструментам мышления (научный разбор двухтомного четвертого издания учебника «Методология научных исследований и прикладной аналитики») // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 309–312. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-309-312>. EDN: OAPNJZ.

Review

The science of «teaching» research methodology and thinking tools (scientific analysis of the two-volume fourth edition of the textbook «Methodology of scientific research and applied analytics»)

Nikolay V. Artemyev¹, Yuri I. Popugaev²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ Moscow University named after S. Yu. Witte, Moscow, Russia

¹ nikvalart@rambler.ru

² popugaev@list.ru

Abstract. A review of the textbook «Methodology of scientific research and applied analytics» by Doctor of Legal Sciences, Professor I. V. Ponkin and Candidate of Legal Sciences A. I. Lapteva in two volumes is presented.

Keywords: methodology, science, research, analytics

For citation: Artemyev N. V., Popugaev Yu. I. The science of «teaching» research methodology and thinking tools (scientific analysis of the two-volume fourth edition of the textbook «Methodology of scientific research and applied analytics»). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(7):309–312. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-7-309-312>. EDN: OAPNJZ.

Развитие науки конца XX — начала XXI вв. характеризуется активной динамикой сектора поиска, значительным углублением и профессионализацией фундаментальных и прикладных исследований, предопределяющих необходимость применения всего спектра методологических подходов и разнообразных методов исследования. Наука об исследовании, ведомая актуальной потребностью собственного и обусловленного развития, предлагает нам все новые отправные точки, приемы и способы, позволяющие совершенствовать и повышать результативность проводимого научного поиска. Тенденция расширения

науки о мышлении приводит к появлению новых, в том числе фундаментальных, прикладных и образовательных методик, позволяющих достичь нового уровня решения сложнейшей задачи подготовки научных кадров, способных на высоком уровне реализовывать комплексные аналитические процедуры в целом спектре общественного знания, в том числе в праве, экономике и государственном управлении.

Очередным этапом в данном направлении можно обоснованно признать выход в свет в 2023 г. двухтомного учебника доктора юридических наук, профессора И. В. Понкина и кандидата юридических наук

© Артемьев Н. В., Попугаев Ю. И., 2023

А. И. Лаптевой [1; 2], соответствующего заявленному авторами тематическому горизонту «научения» исследовательской методологии и инструментам.

Данное издание решает множество важнейших задач ликвидации имеющихся провалов в передаче науковедческого и научно-инструктивного, а также аналитиковедческого, аналитико-инструктивного и аналитико-технологического знания последующим поколениям исследователей, мыслителей, задач возрождения отечественной системы формирования научного и аналитического мышления уже состоявшихся специалистов, задач создания устойчивых предпосылок для формирования сетей отечественных аналитических центров.

Учебник содержит новое методическое представление по организации формирования научного и практико-ориентированного аналитического мышления, с акцентами на сложные технологические подходы и решения, с акцентами на (по мнению авторов учебника) тщательно «просушенную» инструментальность. Такой прием реализован при сокращении общефилософских рассуждений (хотя и позволяющем, при необходимости аргументации авторских позиций, обращаться к инструментарию цитирования значительного числа конструктивных мнений широкого круга философов), а также при минимизации политически ангажированных заключений и использования политической публицистики.

Наряду с этим, обращает на себя внимание конструктивный подход к использованию ранее накопленного интеллектуального материала. Авторы не прибегают к необоснованной критике, проявляя тем самым рациональный подход к достижению целей издания. Иногда, полемизируя по частным дискуссионным моментам, они аргументировано обосновывают собственную точку зрения, уважительно относясь к оппозиционным мнениям. В результате реализации такого подхода И. В. Понкин и А. И. Лаптева представляют заинтересованному читателю четкие объяснения, точные рекомендации и алгоритмизации, предельно конкретные для определенных условий.

Опора на такой подход и полученные алгоритмы без сомнения позволяют повысить эффективность прикладного использования представленных в учебнике знаний и техник, значительно сокращая при этом возможный в ряде случаев разрыв между теорией и ее практическим применением. В этой части

настоящее издание позволяет существенно сократить объемы усилий и времени, необходимых для начала результативной карьеры ученого или карьеры практико-ориентированного аналитика.

Целесообразно отметить, что текст учебного издания достаточно легок как при прочтении, так и при соответствующем его освоении, прежде всего лицами, профессионально занимающимися научной деятельностью. Вместе с тем, молодые исследователи уровня бакалавриата, магистратуры и даже аспирантуры могут столкнуться с неоднозначным восприятием и осмыслением ряда дидактических единиц, вполне логично скрепленных в единый текст. Эта особенность является весьма специфической характеристикой учебного массива. Здесь прослеживается замысел авторов, направленный на достижение возможности получения и повышения необходимой квалификации определенными категориями преподавателей и ученых, нашедших свое призвание в обучении азам искусства проведения исследований всеми лицами, причастными к этому непростому процессу.

Рецензируемое издание является четвертым по хронологии, но каждое из предыдущих [3; 4; 5] вызывало у профессионалов неизменный интерес. Как показывает сравнение количественных параметров изданных авторами материалов (табл. 1), при подготовке очередного издания они не ограничивались только «работой над ошибками», но стремились доступным образом придать каждому новому учебнику более «продвинутый» характер, свежий смысловой посыл, реализовать при написании современный креативный подход при сохранении апробированного и хорошо зарекомендовавшего себя начала.

Несмотря на то, что данные, содержащиеся в таблице, убедительно подтверждают эволюцию и внешние признаки развития учебника, они не могут наглядно отразить значительные качественные изменения, сопровождающие выявленный процесс. Анализируемое четвертое издание имеет все характерные признаки науковедческого, аналитиковедческого и исследовательско-инструктивного материала, нашедшего объективное приращение в двухтомном варианте. Издание наполнено исключительно обширным перечнем методов исследования и способов оценивания исследовательского продукта. Сведенное воедино в оптимальном по объему и содержанию соотношении общенаучных и общeanалитических методов является очень ценным и чрезвычайно востребован-

Таблица 1

Формальные количественные характеристики учебного издания И. В. Понкина

Позиции сопоставления	Первое издание 2020 г. [5]	Второе издание 2021 г. [4]	Третье издание 2022 г. [3]	Четвертое издание 2023 г., двухтомное [1; 2]
Число страниц, объем в п. л.	365 с. 29,74 п. л.	567 с. 35,5 п. л.	754 с. 47,25 п. л.	1-й том — 500 с. 31,25 п. л.; 2-й том — 640 с. 40 п. л.
Число сносок	935	1514	1935	1-й том — 1015; 2-й том — 1688; суммарно — 2703 многие тысячи источников
Число глав	4 главы	8 глав	9 глав	1-й том — 7 глав; 2-й том — 8 глав
Число параграфов в общем объеме глав	35	76	102	1-й том — 90; 2-й том — 78
Число описанных и объясненных исследовательских общенаучных методов	19	21	23	2-й том — 24; а также 4 частно-научных (правоведческих), еще ряд в описаниях общенаучных методов
Число описанных и объясненных исследовательских общеправоведческих методов	3	14	29	1-й том — 32
Число описанных и объясненных оценочных средств	5	11	12	1-й том — 11; 2-й том — 13
Число иллюстраций	0	5	21	1-й том — 57; 2-й том — 17

ным учеными и научными руководителями, аналитиками разных сфер деятельности и главными аналитиками, иными творческими натурами и исследователями. Материал не ориентирован на легкое чтение и предполагает приложения значительных усилий, что в целом предопределяет высокую вероятность получения обоснованного, теоретически и практически значимого результата.

Авторы взяли на себя и с профессиональной готовностью на высоком уровне выполнили нелегкую задачу сложного образного иллюстрирования излагаемого материала. Эти иллюстрации в учебнике, сами по себе, очень выгодно отличают его от каких-либо конкурентов, делая его позиции более выигрышными. Издание можно признать замечательным подарком специалисту, ищущему точного исследовательско-методического знания. Учебник содержит и предлагает читателям широкий и детализированный по многим сотням позиций взгляд на понимание исследовательско-мыслительного процесса, на понимание инструментального обеспечения профессий ученого и практика-аналитика.

По нашему мнению, основным и краеугольным в рассматриваемом учебнике являются хорошо систематизированные описания исследовательских мето-

дов и соответствующих им оценочных средств. Следование этим методам позволяет обеспечить и реализовать прозрачную, повторяемую и результативно применимую методологию единоличного и коллективного исследовательского процесса.

В качестве недостатка, присущего данному учебнику, и при этом весьма серьезного, сквозным образом переходящего через все издания, не исключая и четвертого, приходится отметить отсутствие методического инструментария контрольных вопросов и упражнений, предназначенных для самопроверки усвоенного материала.

В целом, по совокупности признаков и характеристик считаем, что рецензируемый учебник представляет собой полезный набор методического инструментария, позволяющего повысить результативность педагогического и исследовательского процесса как начинающим, так и зрелым ученым в направлении поиска объективной истины. Можно сделать вывод, что данный учебник с полным основанием может быть номинирован в качестве «живого эволюционирующего издания», периодически претерпевающей капитальную и косметическую переработку, приводящую его к новому, более высокому уровню значимости.

Не менее значимым для читателя в настоящее время можно признать тот факт, что следуя идеологии бескорыстного служения отечеству авторы, отказавшись от монетизации, предложили данное издание в формате свободного доступа через известные электронные ресурсы.

Учебник «Методология научных исследований и прикладной аналитики» доктора юридических наук, профессора И. В. Понкина и кандидата юридических наук А. И. Лаптевой в двух томах будет полезным профессионалам любой сферы и любого уровня карьерной лестницы.

Список источников

1. Понкин И. В. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. 4-е изд., доп. и перераб. В 2 т. Т. 1. Прикладная аналитика (Правовая аналитика, государственно-управленческая аналитика, военная аналитика, развед-аналитика, инженерная аналитика, политическая аналитика, бизнес-аналитика) / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М. : Буки Веди, 2023.

2. Понкин И. В., Лаптева А. И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. 4-е изд., доп. и перераб. В 2 т. Т. 2. Научные исследования / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М. : Буки Веди, 2023.

3. Понкин И. В., Лаптева А. И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. 3-е изд., доп. и перераб. / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М. : Буки Веди, 2022.

4. Понкин И. В., Лаптева А. И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М. : Буки Веди, 2021.

5. Понкин И. В., Редькина А. И. Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. М. : Буки Веди, 2020.

References

1. Ponkin I. V. Methodology of scientific research and applied analytics: textbook. 4th ed., additional and revised. In 2 vols. 1. Applied analytics (Legal analytics, public administration analytics, military analytics, intelligence analytics, engineering analytics, political analytics, business analytics) / Consortium «Analytics. Right. Digit». M. : Buki Vedi, 2023.

2. Ponkin I. V., Lapteva A. I. Methodology of scientific research and applied analytics: textbook. 4th ed., additional and revised. In 2 vols. 2. Scientific research / Consortium «Analytics. Right. Digit». M. : Buki Vedi, 2023.

3. Ponkin I. V., Lapteva A. I. Methodology of scientific research and applied analytics: textbook. 3rd ed., additional and revised. / Consortium «Analytics. Right. Digit». M. : Buki Vedi, 2022.

4. Ponkin I. V., Lapteva A. I. Methodology of scientific research and applied analytics: textbook. 2nd ed., additional and revised. / Consortium «Analytics. Right. Digit». M. : Buki Vedi, 2021.

5. Ponkin I. V., Redkina A. I. Methodology of scientific research and applied analytics: textbook. M. : Buki Vedi, 2020.

Информация об авторах

Н. В. Артемьев — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры менеджмента Московского университета имени С. Ю. Витте, доктор экономических наук, доцент;

Ю. И. Попугаев — начальник кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. V. Artemyev — Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of Management of the Moscow University named after S. Yu. Witte, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor;

Yu. I. Popugaev — Head of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 14.12.2023. Submitted 13.11.2023; approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 14.12.2023.